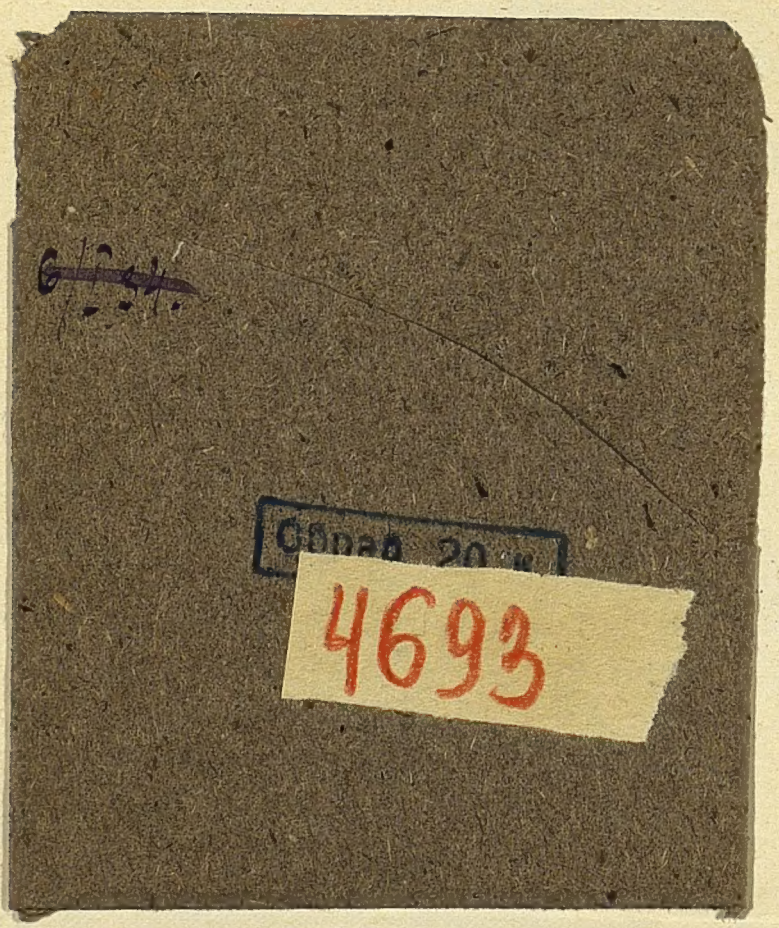
ЛЕ
М-43
V
М-43

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
ТОМ III


4693

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предыд. выдач

СССР

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА
ПОД ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВОМ М. Н. ПОКРОВСКОГО

ЛЕ
М43 0.9-/V

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ПРОВ. 1935

ДОКУМЕНТЫ
ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878—1917 гг.

СЕРИЯ III
1914—1917 гг.

08 (11)
ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
339933
92

1933
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА/ЛЕНИНГРАД

К
327
М34

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ 1878—1917 гг.

6
5
3.С.
4693
4

КОМИССИЯ ПРИ ЦИК СССР

по изданию документов эпохи империализма

М. Н. ПОКРОВСКИЙ, председатель комиссии и главный редактор,

Я. А. БЕРЗИН, зам. пред. и главн. ред., Н. М. ЛУКИН, В. В. МАКСАКОВ,

Е. Б. ПАШУКАНИС, Ф. А. РОТШТЕЙН

Т44485
Библиотека
КОММ. ИНСТИТУТ ЛЕНИНИЗМА
Государственная публичная
библиотека

1933

ТОМ ТРЕТИЙ

14 МАЯ—27 ИЮНЯ 1914 г.

Подготовил к печати А. С. ЕРУСАЛИМСКИЙ

при участии Б. Г. ВЕБЕРА

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Помимо общепринятых в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:

Генеральное консульство — ген. консульство.
Депеша — деп.
Доверительно — довер.
Докладная записка — докл. зап.
Константинополь — К-поль.
Литографская копия — лит. копия.
Военное министерство — воен. м-во.
Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.
Морское министерство — мор. м-во.
Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.
Министерство финансов — м-во фин.
Министр — м-р.
Посольство — пос во.
Правительство — прав-во.
Памятная записка — пам. записка.
Телеграмма — тел.

Материалы по истории франко-русских отношений, Москва 1922—М.

Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre, herausgegeben von B. von Siebert, Berlin und Leipzig 1921 — Siebert.

Graf Benckendorffs Diplomatischer Schriftwechsel, herausgegeben von B. von Siebert, Berlin und Leipzig 1928 — Siebert (I), (II), (III).

Un Livre Noir, Diplomatie d'avant guerre d'après les documents des archives russes. Novembre 1910 — Juillet 1914. Paris 1923 — L. N. (I), (II).

Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis 1911 — 1914, herausgegeben von Friedrich Stieve. — Stieve (IV.)

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

(14/I мая—27/14 июня 1914 г.)

№	Дата	Обозначение документа	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
1	14/1. V	Тел. № 878	Нератов — Петряеву	П. А. 221	3
2	14/1. V	Тел. № 120	Извольский — Сазонову	К. 209	3
3	14/1. V	Письмо	Извольский — Сазонову	П. А. 3093	3
4	14/1. V	Тел. № 211	Коростовец — Сазонову	П. ст. 609б	4
5	14/1. V	Депеша № 28	Коростовец — Сазонову	П. ст. 487б	5
6	14/1. V	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 266	7
7	15/2. V	Тел. № 210	Думерг — Палеологу	С. А. 215	9
8	15/2. V	Тел. № 85	Савинский — Сазонову	К. 209	10
9	15/2. V	Депеша № 18	Савинский — Сазонову	В. Б./Б. 74.	11
10	15/2. V	Тел. № 146	Гартвиг — Сазонову	К. 209	13
11	16/3. V	Письмо № 38/п	Сазонов — Бьюкенену	К. 45	14
12	16/3. V	Записка Шилллинга		С. А. 215	15
13	16/3. V	Тел. № 164	Палеолог — Думергу	С. А. 215	15
14	17/4. V	Тел. № 898	Клемм — Дабиже	П. ст. 395б	16
15	17/4. V	Тел. № 899	Сазонов — Поклевскому	К. 227	16
16	17/4. V	Тел. № 86	Савинский — Сазонову	К. 209	17
17	17/4. V	Тел. № 278	М. Гирс — Сазонову	К. 209	18
18	17/4. V	Тел. № 372	Орлов — Сазонову	К. 209	18
19	18/5. V	Тел. № 906	Сазонов — Бенкендорфу и Коростовцу	П. ст. лит.	19
20	18/5. V	Тел. № 908	Сазонов — Извольскому	К. 209	20
21	18/5. V	Тел. № 910	Сазонов — М. Гирсу	П. А. 221	21
22	18/5. V	Тел. № 122	Извольский — Сазонову	К. 178	21
23	18/5. V	Письмо	А. Крупенский—Сазонову	К. 105	22
24	18/5. V	Депеша № 29	Шебеко — Сазонову	К. 2	23
25	18/5. V	Тел. № 70	Поклевский — Сазонову	К. 227	24
26	18/5. V	Депеша № 57	М Гирс — Сазонову	К. 209	25
27	18/5. V	Письмо	М. Гирс — Сазонову	П. А. 214	26
28	19/6. V	Докл. зап.	Сазонов — Николаю II	С. А. 215	27
29	19/6. V	Тел. № 917	Сазонов — Савинскому	П. А. 221	28
30	19/6. V	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	П. А. 214	28
		Приложение I: Письмо Грея Камбону от 22/9 ноября 1912 г.			30
		Приложение II: Камбон—Грею от 23/10 ноября 1912 г.			30
31	19/6. V	Депеша № 29	А. Крупенский—Сазонову	С. А. 1788	33
32	19/6. V	Депеша № 32	А. Крупенский—Сазонову	К. 100	36
33	19/6. V	Письмо	А. Крупенский—Сазонову	П. А. 2153	37
34	19/6. V	Письмо	Шебеко — Сазонову	К. 10	39
35	19/6. V	Депеша № 26	Гартвиг — Сазонову	В. Б./С. 121	40
36	20/7. V	Тел. № 921	Сазонов — М. Гирсу	П. А. 221	43
37	20/7. V	Тел. № 922	Клемм — Чиркову	П. ст. лит.	43
38	20/7. V	Письмо № 344	Сазонов—М. Гирсу	П. А. 1667	44

№	Дата	Обозначение документа	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
39	20/7. V	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 266	44
40	20/7. V	Рапорт	Волков — Бенкендорфу	П. А. 1732	49
41	20/7. V	Письмо	Н. Рафалович — Трубецкому	П. А. 1346	50
42	20/7. V	Письмо	Н. Рафалович — Клемму	П. ст. 4376	53
43	20/7. V	Тел. № 87	Савинский — Сазонову	К. 209	55
44	20/7. V	Тел. № 88	Савинский — Сазонову	К. 209	57
45	20/7. V	Письмо	Демидов — Сазонову	В. Б./Г. 95	57
46	21/8. V	Пам. записка	М-во ин. дел — англ. послу в СПБ	К. ст. 657	58
47	21/8. V	Пам. записка	Англ. пос-во в СПБ. м-ру ин. дел	П. А. 2159	61
48	21/8. V	Нота	Англ. пос-во в СПБ. м-ру ин. дел	К. ст. 1481	62
49	21/8. V	Тел. № 926	Сазонов — Извольскому	П. А. 221	63
50	21/8. V	Тел. № 931	Сазонов — Коростовцу	К. 209	63
51	21/8. V	Тел. № 935	Сазонов — Извольскому	П. А. 221	64
52	21/8 V	Письмо	Извольский — Сазонову	С. А. 277	64
53	21/8. V	Тел. № 90	Савинский — Сазонову	К. 209	67
54	21/8. V	Тел. № 281	М. Гирс — Сазонову	К. 209	68
55	21/8. V	Тел. № 379	Орлов — Сазонову	П. ст. 3786	69
56	22/9. V	Тел. № 940	Сазонов — Извольскому	П. А. 221	71
57	22/9. V	Тел. № 123	Извольский — Сазонову	К. 178	71
58	22/9. V	Тел. № 124	Извольский — Сазонову	К. 178	71
59	22/9. V	Депеша № 32	Свербеев — Сазонову	К. 55	72
60	22/9. V	Депеша № 34	Свербеев — Сазонову	К. 59	75
61	22/9. V	Письмо	Свербеев — Сазонову	К. 58	75
62	22/9. V	Письмо	Шебеко — Сазонову	К. 18	78
63	22/9. V	Тел. № 91	Савинский — Сазонову	П. А. 221	80
64	22/9. V	Депеша № 28	Поклевский — Сазонову	В. Б./р 104	80
65	22/9. V	Тел. № 38	Обнорский — Сазонову	К. 183	81
66	22/9. V	Тел. № 39	Обнорский — Сазонову	К. 183	82
67	23/10. V	Пам. записка	Анг. пос-во в СПБ. м-ру ин. дел	К. ст. 1481	83
68	23/10. V	Тел. № 125	Извольский — Сазонову	К. 178	85
69	23/10. V	Тел. № 154	Гартвиг — Сазонову	К. 209	85
70	23/10. V	Тел. № 287	М. Гирс — Сазонову	К. 209	86
71	23/10. V	Депеша	Штейн — Сазонову	К. 244	87
72	24/11. V	Тел. № 952	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 221	87
73	24/11. V	Тел. № 953	Сазонов — Обнорскому	С. А. 1819	88
74	24/11. V	Тел. № 954	Сазонов — Бенкендорфу	К. 244	88
75	24/11. V	Тел. № 99	Петряев — Сазонову	К. 27	89
76	25/12. V	Тел. № 961	Сазонов — Коростовцу	П. ст. лит.	89
77	25/12. V	Тел. № 128	Бенкендорф — Сазонову	К. 209	90
78	25/12. V	Тел. № 132	Бенкендорф — Сазонову	К. 209	91
79	25/12. V	Тел. № 133	Бенкендорф — Сазонову	К. 209	92
80	25/12. V	Тел. № 126	Извольский — Сазонову	К. 178	92
81	25/12. V	Тел. № 100	Петряев — Сазонову	К. 27	93
82	25/12. V	Тел. № 93	Савинский — Сазонову	К. 209	93
83	25/12. V	Письмо	Демидов —Сазонову	В. Б./Г. 95	95
84	25/12. V	Тел. № 293	М. Гирс — Сазонову	К. 209	96
85	25/12. V	Депеша № 38	Малевский — Сазонову	К. 209	96
86	26/13. V	Журнал совещания		С. А. 215	98
87	26/13. V	Тел. № 964	Сазонов — Бенкендорфу	П. А. 221	100
88	26/13. V	Тел. № 134	Бенкендорф — Сазонову	К. 209	101

№	Дата	Обозначение документа	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
89	26/13. V	Письмо	Извольский — Сазонову	П. А. 3093	101
90	26/13. V	Тел. № 34	А. Крупенский—Сазонову	К. 209	104
91	26/13. V	Тел. № 156	Гартвиг — Сазонову	К. 209	105
92	26/13. V	Тел. № 295	М. Гирс — Сазонову	К. 209	106
93	27/14. V	Письмо № 357	Нератов — Барку	В. Б./Б. 178	106
94	27/14. V	Письмо № 365	Сазонов — Граве	К. varia	107
95	27/14. V	Тел. № 136	Бенкендорф — Сазонову	К. 209	109
96	27/14. V	Тел. № 128	Извольский — Сазонову	К. 178	110
97	27/14. V	Тел. № 129	Извольский — Сазонову	К. 178	111
98	27/14. V	Письмо	Севастопуло—Трубецкому	П. А. 1357	111
99	27/14. V	Записка Н. Рафаловича		К. 209	112
100	27/14. V	Тел. № 95	Савинский — Сазонову	К. 209	115
101	27/14. V	Письмо	Демидов — Сазонову	В. Б./Г. 95	115
102	27/14. V	Тел. № 167	Коростовец — Сазонову	П. ст. 301б	118
103	27/14. V	Тел. № 233	Коростовец — Сазонову	П. ст. 2846	118
104	27/14. V	Письмо	Граве — Сазонову	К. ст. 138	119
		Приложение: памятная записка		К. ст. 138	122
105	28/15. V	Тел. № 981	Нератов — Извольскому	П. А. 221	123
106	28/15. V	Тел. № 987	Нератов — Извольскому	П. А. 221	123
107	28/15. V	Письмо № 428	Нератов — Бенкендорфу	П. ст. 2846	124
108	28/15. V	Письмо № 362	Нератов — Извольскому	П. А. 1353	125
109	28/15. V	Письмо № 47/п	Нератов — Бенкендорфу	С. А. 215	125
110	28/15. V	Тел. № 131	Извольский — Сазонову	К. 178	126
111	28/15. V	Тел. № 131	Извольский — Сазонову	К. 178	127
112	28/15. V	Тел. № 106	Петряев — Сазонову	С. А. 1810	127
113	28/15. V	Тел. № 48	А. Гирс — Сазонову	К. 183	127
114	28/15. V	Тел. № 50	А. Гирс — Сазонову	С. А. 1796	128
115	29/16. V	Тел. № 75	Свербеев — Сазонову	К. 210	128
116	29/16. V	Тел. № 96	Савинский — Сазонову	К. 210	129
117	29/16. V	Тел. № 98	Савинский — Сазонову	К. 210	130
118	29/16. V	Депеша № 22	Савинский — Сазонову	К. 210	130
119	29/16. V	Письмо	Савинский — Сазонову	К. 210	132
120	29/16. V	Письмо	А. Гирс — Сазонову	В. Б./Ч. 94	138
121	29/16. V	Тел.	Коростовец — Сазонову	П. ст. 301б	140
122	30/17. V	Докл. зап.	Нератов — Николаю II	С. А. 215	141
123	30/17. V	Докл. зап.	Нератов — Николаю II	К. ст. 1481	142
124	30/17. V	Нота №19374—14	Кроу — Бенкендорфу	П. А. 2150	143
125	31/18. V	Тел. № 1004	Нератов — Извольскому и Бенкендорфу	К. 210	144
126	31/18. V	Тел. № 139	Бенкендорф — Сазонову	К. 210	144
127	31/18. V	Тел. № 133	Извольский — Сазонову	К. 178	145
128	31/18. V	Тел. № 99	Савинский — Сазонову	К. 210	145
129	31/18. V	Тел. № 93	Поклевский — Сазонову	К. 210	146
130	1. VI/19. V	Тел. № 1013	Нератов — Савинскому	П. А. 221	147
131	1. VI/19. V	Письмо № 372	Нератов — М. Гирсу	П. А. 1667	148
132	1. VI/19. V	Тел. № 139	Извольский — Сазонову	К. 178	149
133	1. VI/19. V	Рапорт № 172	Винекен — в отд. ген. квартирмейстера главн. упр. ген. штаба	К. 23	150
134	1. VI/19. V	Депеша № 62	М. Гирс — Сазонову	К. 210	151
135	1. VI/19. V	Депеша № 63	М. Гирс — Сазонову	К. 210	152
136	2. VI/20. V	Тел. № 1021	Нератов — Коростовцу	П. ст. 303/н	153
137	2. VI/20. V	Письмо	Клемм — Сазонову	П. ст. 303/н	154
138	2. VI/20. V	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 266	156
139	2. VI/20. V	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 53в	159

№	Дата	Обозначение документа	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
140	2. VI/20. V	Письмо	А. Крупенский—Сазонову	С. А. 1788	162
141	2. VI/20. V	Тел. № 101	Савинский — Сазонову	К. 210	168
142	2. VI/20. V	Письмо	Поклевский — Сазонову	В. Б./р 104	169
143	2. VI/20. V	Тел. № 160	Гартвиг — Сазонову	К. 210	172
144	2. VI/20. V	Депеша № 30	Гартвиг — Сазонову	В. Б./С 121	173
145	2. VI/20. V	Депеша № 31	Гартвиг — Сазонову	В. Б./С 121	174
146	2. VI/20. V	Депеша № 32	Гартвиг — Сазонову	В. Б./С 121	177
		Приложение: письмо Пашича		В. Б./С 121	178
147	2. VI/20. V	Тел. № 255	Граве — Сазонову	К. 106	179
148	2. VI/20. V	Тел. № 134	Миллер — Сазонову	К. 210	179
149	3. VI/21. V	Пам. записка	Англ. пос-во в СПБ. м-ру ин. дел	П. А. 2159	180
150	3. VI/21. V	Тел. № 1032	Нератов — Извольскому	П. А. 221	181
151	3. VI/21. V	Тел. № 1036	Нератов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 221	181
152	3. VI/21. V	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 167	182
153	3. VI/21. V	Тел. № 102	Савинский — Сазонову	К. 210	184
154	4. VI/22. V	Тел. № 1037	Нератов — Граве	К. ст. 657	185
155	4. VI/22. V	Тел. № 1042	Нератов — Савинскому	П. А. 221	186
156	4. VI/22. V	Тел. № 1048	Нератов — Савинскому	П. А. 221	187
157	4. VI/22. V	Тел. № 143	Бенкендорф — Сазонову	К. 210	187
158	4. VI/22. V	Тел. № 144	Эттер — Сазонову	П. ст. 2846	188
159	4. VI/22. V	Тел.	Грей — Бьюкенену	П. ст. 2876	189
160	4. VI/22. V	Депеша № 19	Извольский — Сазонову	К. 99	191
161	4. VI/22. V	Депеша № 20	Извольский — Сазонову	К. 57	192
162	4. VI/22. V	Тел. № 103	Савинский — Сазонову	К. 210	194
163	4. VI/22. V	Тел. № 307	М. Гирс — Сазонову	К. 210	195
164	4. VI/22. V	Тел. № 308	М. Гирс — Сазонову	К. 210	196
165	4 VI/22. V	Тел. № 311	М. Гирс — Сазонову	К. 210	196
166	5. VI/23. V	Тел. № 1060	Клемм — Коростовцу	П. ст. 4560	197
167	5. VI/23. V	Тел. № 1063	Нератов — А. Гирсу	К. 210	199
168	5. VI/23. V	Тел. № 144	Эттер — Сазонову	К. 210	199
169	5. VI/23. V	Тел. № 142	Извольский — Сазонову	К. 178	200
170	6. VI/24. V	Пам. записка	Австро-венг. м-во ин. дел росс. послу в Вене	К. 211	201
171	6. VI/24. V	Тел. № 143	Извольский — Сазонову	К. 178	204
172	6. VI/24. V	Тел. № 79	Свербеев — Сазонову	К. 210	205
173	6. VI/24. V	Тел. № 80	Свербеев — Сазонову	К. 210	205
174	6. VI/24 V	Тел. № 253	Коростовец — Сазонову	К. 141	206
175	6. VI/24. V	Рапорт № 182	Волков — Русину	С. А. 2	207
176	7. VI/25. V	Тел. № 145	Извольский — Сазонову	К. 178	208
177	7. VI/25. V	Тел. № 105	Савинский — Сазонову	К. 210	209
178	7. VI/25. V	Тел. № 424	Орлов — Сазонову	П. ст. 4560	209
179	8. VI/26. V	Письмо	Бьюкенен — Нератову	К. ст. 89/н	210
180	8. VI/26. V	Пам. записка	Франц. пос-во в СПБ.— м-ру ин. дел	П. А. 2150	213
181	8. VI/26. V	Тел. № 1088	Нератов — Малевскому	К. 210	215
182	8. VI/26. V	Письмо № 387	Нератов — Савинскому	В. Б./Б. 178	216
183	8. VI/26. V	Тел. № 147	Извольский — Сазонову	К. 210	220
184	8. VI/26. V	Тел. № 81	Свербеев — Сазонову	К. 210	221
185	9. VI/27. V	Докл. зап.	Сазонов — Николаю II	К. 148	221
		Приложение: 1) справка			223
		Приложение: 2) справка			224
186	9. VI/27. V	Тел. № 1097	Сазонов — Савинскому	К. 210	224
187	9. VI/27. V	Меморандум	Англ. мин-во ин. дел росс. послу в Лондоне	П. ст. 159/н	225

№	Дата	Обозначение документа	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
188	9. VI/27. V	Тел. № 146	Бенкендорф — Сазонову	П. ст. 2846	226
189	9. VI/27. V	Тел. № 148	Извольский — Сазонову	К. 210	228
190	9. VI/27. V	Тел. № 83	Свербеев — Сазонову	К. 210	229
191	9. VI/27. V	Тел. № 106	Савинский — Сазонову	К. 210	230
192	9. VI/27. V	Тел. № 433	Орлов — Сазонову	П. ст. 416	231
193	9. VI/27. V	Тел. № 95	Чирков — Сазонову	П. ст. 4560	232
194	10. VI/28. V	Письмо	Сазонов — Бьюкенену	К. ст. 89/н	233
195	10. VI/28. V	Тел. № 1108	Сазонов — Фредериксу	П. А. 221	235
196	10. VI/28. V	Тел. № 1112	Нератов — Граве	К. 210	235
197	10. VI/28. V	Меморандум	Англ. м-во ин. дел росс. послу в Лондоне	П. ст. 2876	236
198	10. VI/28. V	Тел. № 85	Свербеев — Сазонову	К. 210	242
199	10. VI/28. V	Тел. № 115	Урусов — Сазонову	К. 83	242
200	10. VI/28. V	Депеша № 67	М. Гирс — Сазонову	П. А. 214	243
201	10. VI/28. V	Депеша № 33	Коростовец — Сазонову	П. ст. 146	244
202	10. VI/28. V	Тел. № 150	Миллер — Сазонову	К. 210	247
203	10. VI/28. V	Письмо № 76	Воронцов-Дашков — Сазонову	П. ст. 5926	248
		Приложение: Докл. зап. Воронцова-Дашкова Николаю II		П. ст. 5926	248
204	11. VI/29. V	Тел. № 1117	Нератов — Савинскому	П. А. 221	250
205	11. VI/29. V	Тел. № 1118	Нератов — Извольскому	П. А. 221	250
206	11. VI/29. V	Письмо № 395	Нератов — Бенкендорфу	А. Г. лит. S	251
207	11. VI/29. V	Тел. № 147	Бенкендорф — Сазонову	К. 210	252
208	11. VI/29. V	Тел. № 148	Бенкендорф — Сазонову	К. 210	255
209	11. VI/29. V	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 40	256
210	11. VI/29. V	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 266	266
211	11. VI/29. V	Письмо	Игнатьев — Монкевицу	В. И. А. 176—035	267
212	11. VI/29. V	Рапорт № 156	Игнатьев — в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба	В. И. А. 176—035	268
213	11. VI/29. V	Тел. № 83	Свербеев — Сазонову	К. 8	271
214	11. VI/29. V	Тел. № 89	Свербеев — Сазонову	К. 8	271
215	11. VI/29. V	Тел. № 107	Савинский — Сазонову	В. Б./Б. 73	271
216	11. VI/29. V	Тел. № 162	Гартвиг — Сазонову	К. 210	273
217	11. VI/29. V	Тел. № 337	М. Гирс — Сазонову	К. 210	273
218	11. VI/29. V	Тел. № 339	М. Гирс — Сазонову	К. 210	274
219	11. VI/29. V	Тел. № 340	М. Гирс — Сазонову	К. 210	274
220	12. VI/30. V	Тел. № 1136	Аргиропуло — Миллеру	С. А. 1819	274
221	12. VI/30. V	Тел. № 1137	Аргиропуло — Бенкендорфу	С. А. 1819	275
222	12. VI/30. V	Тел. № 1145	Аргиропуло — Коростовцу	С. А. 1819	275
223	12. VI/30. V	Тел. № 1148	Аргиропуло — Поклевскому	П. А. 221	275
224	12. VI/30. V	Тел. № 149	Бенкендорф — Сазонову	К. 210	277
225	12. VI/30. V	Тел. № 154	Извольский — Сазонову	К. 178	277
226	12. VI/30. V	Тел. № 90	Свербеев — Сазонову	К. 61	277
227	12. VI/30. V	Тел. № 108	Савинский — Сазонову	К. 210	278
228	12. VI/30. V	Тел. № 344	М. Гирс — Сазонову	К. 210	278
229	13. VI/31. V	Тел. № 1158	Клемм — Коростовцу	П. ст. 139/н	279
230	13. VI/31. V	Тел. № 150	Бенкендорф — Сазонову	К. 244	280
231	13. VI/31. V	Тел. № 155	Извольский — Сазонову	К. 178	280
232	13. VI/31. V	Тел. № 156	Извольский — Сазонову	К. 178	281
233	13. VI/31. V	Тел. № 109	Савинский — Сазонову	К. 210	281
234	13. VI/31. V	Письмо	А. Гирс — Сазонову	В. Б./Ч. 94	282
235	13 VI/31. V	Тел. № 81	Малевский — Сазонову	К. 210	284

№	Дата	Обозначение документа	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
236	14/1. VI	Тел.	Сазонов — Нератову	К. 257	285
237	14/1. VI	Тел.	Вивиани — Сазонову	К. 169	285
238	14/1. VI	Письмо	Савинский — Сазонову	В. Б./Б. 74	286
239	14/1. VI	Тел. № 163	Гартвиг — Сазонову	С. А. 1793	290
240	14/1. VI	Тел. № 355	М. Гирс — Сазонову	П. А. 2088	291
241	14/1. VI	Депеша № 68	М. Гирс — Сазонову	П. А. 214	292
242	15/2. VI	Тел. № 1171	Аргиропуло — Савинскому	П. А. 222	292
243	15/2. VI	Тел. № 1174	Аргиропуло — Миллеру	К. ст. 15/н	293
244	15/2. VI	Тел. № 1179	Аргиропуло — М. Гирсу	П. А. 222	294
245	15/2. VI	Тел. № 1180	Аргиропуло — Урусову	П. А. 222	294
246	15/2. VI	Тел. № 1181	Аргиропуло — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 222	295
247	15/2. VI	Тел. № 1184	Аргиропуло — Сазонову	П. А. 222	295
248	15/2. VI	Тел. № 151	Бенкендорф — Сазонову	К. 211	296
249	15/2. VI	Тел. № 153	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 1512	296
250	15/2. VI	Тел. № 154	Бенкендорф — Сазонову	К. 211	297
251	15/2. VI	Тел. № 155	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 1777	298
252	15/2. VI	Тел. № 157	Бенкендорф — Сазонову	П. А. 222	298
253	15/2. VI	Пам. записка	Англ. мин-во ин. дел росс. послу в Лондоне	П. А. 1732	299
254	15/2. VI	Тел. № 158	Извольский — Сазонову	К. 167	301
255	15/2. VI	Тел. № 35	А. Крупенский—Сазонову	С. А. 1788	302
256	15/2. VI	Письмо	А. Крупенский—Сазонову	С. А. 1524	302
257	15/2. VI	Тел. № 94	Свербеев — Сазонову	К. 211	306
258	15/2. VI	Тел. № 95	Свербеев — Сазонову	С. А. 1558	307
259	15/2. VI	Тел. № 96	Свербеев — Сазонову	К. 79	307
260	15/2. VI	Депеша № 33	Шебеко — Сазонову	К. 12	308
261	15/2. VI	Тел. № 357	М. Гирс — Сазонову	С. А. 1807	309
262	15/2. VI	Тел. № 360	М. Гирс — Сазонову	С. А. 1807	310
263	15/2. VI	Тел. № 361	М. Гирс — Сазонову	С. А. 1807	311
264	15/2. VI	Тел. № 362	М. Гирс — Сазонову	С. А. 1807	311
265	15/2. VI	Тел. № 363	М. Гирс — Сазонову	С. А. 1807	312
266	15/2. VI	Депеша № 157	Миллер — Нератову	К. ст. 688	312
267	16/3. VI	Пам. записка	Турецк. пос-во в СПБ. м-ру ин. дел	В. Б./Г. 117	313
268	16/3. VI	Тел. № 1189	Аргиропуло — Бенкендорфу	П. А. 222	315
269	16/3. VI	Тел. № 666	Сазонов — Нератову	К. 211	316
270	16/3. VI	Тел.	Сазонов — Вивиани	К. 169	316
271	16/3. VI	Меморандум	Англ. м-во ин. дел росс. послу в Лондоне	П. ст. 487б	317
272	16/3. VI	Письмо	Георг V — Николаю II	С. А. 225	319
273	16/3. VI	Тел. № 159	Извольский — Сазонову	К. 211	321
274	16/3. VI	Тел. № 160	Извольский — Сазонову	К. 211	321
275	16/3. VI	Депеша № 39	А. Крупенский — Сазонову	К. 98	322
276	16/3. VI	Депеша № 34	Шебеко — Сазонову	К. 211	324
277	16/3. VI	Письмо	Шебеко — Сазонову	К. 18	325
278	16/3. VI	Тел. № 111	Савинский — Сазонову	К. 211	326
279	16/3. VI	Тел. № 164	Гартвиг — Сазонову	П. А. 222	327
280	16/3. VII	Депеша № 33	Гартвиг — Сазонову	В. Б./С. 121	327
281	16/3 VII	Депеша № 34	Гартвиг — Сазонову	В. Б./С. 1 1	329
282	16/3. VII	Депеша № 35	Гартвиг — Сазонову	В. Б./С. 121	330
283	16/3. VII	Депеша № 36	Гартвиг — Сазонову	В. Б./С. 121	333
284	16/3. VII	Рапорт № 97	Артамонов — в отд. ген.-квартирмейстера ген. штаба	ВИА 180 — 940	335

№	Дата	Обозначение документа	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
285	16/3. VII	Тел. № 365	М. Гирс — Сазонову	К. 211	336
286	16/3. VII	Тел. № 366	М. Гирс — Сазонову	К. 211	337
287	17/4. VI	Тел. № 1196	Аргиропуло — М. Гирсу	П. А. 222	337
288	17/4. VI	Тел. № 1197	Аргиропуло — Миллеру	К. ст. 657	337
289	17/4. VI	Тел. № 1201	Аргиропуло — Демидову	П. А. 222	339
290	17/4. VI	Тел. № 667	Сазонов — Нератову	К. 211	339
291	17/4. VI	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 40	340
292	17/4. VI	Тел. № 161	Извольский — Сазонову	К. 167	346
293	17/4. VI	Письмо	Шебеко — Сазонову	К. 2	346
294	17/4. VI	Тел. № 112	Савинский — Сазонову	К. 211	347
295	17/4. VII	Тел. № 165	Гартвиг — Сазонову	К. 211	348
296	18/5. VI	Тел. № 1209	Аргиропуло — Савинскому	С. А. 1820	349
297	18/5. VI	Тел. № 1210	Аргиропуло — М. Гирсу	П. А. 222	349
298	18/5. VI	Тел. № 1211	Аргиропуло — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 222	349
299	18/5. VI	Тел. № 158	Бенкендорф — Сазонову	К. 211	350
300	18/5. VI	Тел. № 162	Извольский — Сазонову	К. 211	351
301	18/5. VI	Письмо	Извольский — Сазонову	К. 167	351
302	18/5 VI	Письмо	Извольский — Сазонову	П. А. 1353	355
303	18/5. VI	Тел. № 113	Савинский — Сазонову	К. 211	356
304	18/5. VI	Тел. № 383	М. Гирс — Сазонову	С. А. 1807	356
305	18/5. VI	Депеша № 37	Коростовец — Сазонову	П. ст. 146	357
306	19/6. VI	Тел. № 1224	Сазонов — Бенкендорфу, Извольскому и Граве	К. 211	360
307	19/6. VI	Тел. № 159	Бенкендорф — Сазонову	П. ст. 2846	361
308	19/6. VI	Тел. № 160	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 1820	361
309	19/6. VI	Тел. № 163	Извольский — Сазонову	К. 211	362
310	19/6. VI	Письмо	Свербеев — Сазонову	К. 67	362
311	19/6. VI	Тел. № 392	М. Гирс—Сазонову	К. 211	364
312	19/6. VI	Тел. № 396	М. Гирс — Сазонову	П. А. 1943	364
313	20/7. VI	Письмо № 424	Сазонов — Янушкевичу	В. Б./С. 222	364
314	20/7. VI	Тел. № 115	Савинский — Сазонову	К. 211	366
315	20/7. VI	Тел. № 400	М. Гирс — Сазонову	К. 244	366
316	20/7. VI	Тел. № 402	М. Гирс — Сазонову	К. 211	367
317	20/7. VI	Депеша № 72	М. Гирс — Сазонову	П. А. 214	367
318	20/7. VI	Рапорт № 186	Леонтьев — ген.-квартирмейстеру ген. штаба	ВИА 128 — 789	368
319	21/8. VI	Депеша № 12	Воеводский — Сазонову	К. 263	369
320	21/8. VI	Тел. № 44	Свечин — Сазонову	С. А. 1787	369
321	21/8. VI	Тел. № 46	Малевский — Сазонову	Яп. ст. 922	370
322	22/9. VI	Письмо № 457	Сазонов — Бьюкенену	П. ст. 4376	372
323	22/9. VI	Тел. № 1234	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 222	373
324	22/9. VI	Тел № 1235	Сазонов — Урусову	С. А. 1819	374
325	22/9. VI	Письмо № 422	Сазонов — М. Гирсу	П. А. 222	374
326	22/9. VI	Тел. № 156	Извольский — Сазонову	К. 211	375
327	22/9. VI	Тел. № 172	Гартвиг — Сазонову	К 211	376
328	22/9. VI	Тел. № 173	Гартвиг — Сазонову	К. 211	376
329	22/9. VI	Тел. № 408	М. Гирс — Сазонову	С. А. 1807	376
330	22/9. VI	Тел. № 410	М. Гирс — Сазонову	С. А. 1807	377
331	22/9. VI	Тел. № 282	Коростовец — Сазонову	К. 294	377
332	22/9. VI	Депеша № 162	Миллер — Сазонову	К. ст. лит. монг.	377
333	22/9. VI	Письмо № 773	Монкевиц — Данилову	П. А. 1525	380
334	23/10. VI	Докл. зап.	Сазонов — Николаю II	К. 65	381
335	23/10. VI	Тел. № 1236	Сазонов — Бенкендорфу	С. А. 1819	382

№	Дата	Обозначение документа	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
336	23/10. VI	Тел. № 1238	Сазонов — Малевскому	Яп. ст. 1489	382
337	22/10. VI	Депеша № 84	Петряев — Сазонову	П. А. 2201	383
338	23/10. VI	Тел. № 413	М. Гирс — Сазонову	К. 56/н	384
339	24/11. VI	Докл. зап.	Сазонов — Николаю II	С. А. 291	384
340	24/11. VI	Тел. № 1247	Сазонов — Бенкендорфу	П. А. 222	392
341	24/11. VI	Тел. № 1249	Сазонов — Савинскому	П. А. 222	393
342	24/11. VI	Тел. № 1250	Сазонов — М. Гирсу	П. А. 222	393
343	24/11. VI	Письмо	Сазонов — Бенкендорфу	К. 40	394
344	24/11. VI	Письмо № 436	Сазонов — Нелидову	К. 211	398
345	24/11. VI	Тел. № 128	Чернин — Берхтольду	К. 194	400
346	24/11. VI	Тел. № 162	Бенкендорф — Сазонову	К. 211	401
347	24/11. VI	Тел. № 163	Бенкендорф — Сазонову	К. 211	401
348	24/11. VI	Тел. № 164	Бенкендорф — Сазонову	К. 211	402
349	24/11. VI	Тел. № 165	Бенкендорф — Сазонову	К. 211	403
350	24/11. VI	Тел. № 38	А. Крупенский—Сазонову	К. 211	404
351	24/11. VI	Тел.	Нелидов — Сазонову	К. 211	404
352	24/11 VI	Тел. № 127	Урусов — Сазонову	К. 83	404
353	24/11. VI	Письмо	Урусов — Сазонову	К. 211	405
354	24/11. VI	Тел. № 175	Гартвиг — Сазонову	К. 211	406
355	24/11. VI	Тел. № 415	М. Гирс — Сазонову	ВСП 1242	406
356	24/11. VI	Тел. № 418	М. Гирс — Сазонову	П. А. 222	406
357	24/11. VI	Тел. № 40	Бахметев — Сазонову	К. 244	406
358	25/12. VI	Докл. зап.	Сазонов — Николаю II	С. А. 215	407
359	25/12. VI	Тел. № 1251	Сазонов — М. Гирсу	П. А. 222	407
360	25/12. VI	Тел. № 1252	Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу	П. А. 222	408
361	25/12. VI	Письмо	Сазонов — Бенкендорфу	К. 40.	408
362	25/12. VI	Письмо № 385	Сазонов — Свербееву	Яп. ст. 1489	410
363	25/12. VI	Тел. № 168	Банкендорф — Сазонову	П. А. 222	410
364	25/12. VI	Тел. № 169	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 1512	411
365	25/12. VI	Тел. № 170	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 1512	412
366	25/12. VI	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	С. А. 266	413
367	25/12. VI	Тел. № 118	Савинский — Сазонову	К. 211	416
368	25/12. VI	Депеша № 24	Савинский — Сазонову	В. Б./Б. 74	416
369	25/12. VI	Депеша № 26	Савинский — Сазонову	В. Б./Б. 74	419
370	25/12. VI	Тел. № 426	М. Гирс — Сазонову	К. 56	420
371	25/12. VI	Депеша № 74	М. Гирс — Сазонову	С. А. 1542	421
372	25/12. VI	Депеша № 39	Коростовец — Сазонову	П. ст. 145	422
373	25/12. VI	Тел. № 41	Бахметев — Сазонову	С. А. 1572	424
374	25/12. VI	Письмо № 798	Сухомлинов — Сазонову	П. А. 1836	424
375	26/13. VI	Письмо № 451	Сазонов — Барку	В. Б./Б. 181	425
376	26/13 VI	Письмо № 452	Сазонов — Барку	П. А. 1357	426
377	26/13. VI	Тел. № 167	Бенкендорф — Сазонову	К. 211	427
378	26/13. VI	Тел. № 171	Бенкендорф — Сазонову	К. 211	427
379	26/13. VI	Тел. № 172	Бенкендорф — Сазонову	К. 211	428
380	26/13. VI	Тел. № 169	Извольский — Сазонову	К. 211	428
381	26/13. VI	Тел.	Извольский — Сазонову	С. А. 1780	429
382	26/13. VI	Письмо	Шебеко — Сазонову	К. 8	429
383	26/13. VI	Тел. № 119	Савинский — Сазонову	К. 211	431
384	26/13. VI	Письмо	Савинский — Сазонову	В. Б./Б. 74	431
385	26/13. VI	Письмо	Поклевский — Сазонову	В. Б./р 104	436
386	26/13. VI	Тел. № 422	М. Гирс — Сазонову	К. 211	439
387	26/13. VI	Тел. № 427	М. Гирс — Сазонову	К. 211	439
388	26/13 VI	Тел. № 429	М. Гирс — Сазонову	П. А. 222	440
389	26/13. VI	Тел. № 430	М. Гирс — Сазонову	К. 140	440
390	26/13. VI	Тел. № 431	М. Гирс — Сазонову	П. А. 222	441
391	27/14. VI	Тел. № 1271	Сазонов — Савинскому	П. А. 222	441

№	Дата	Обозначение документа	Отправитель и адресат	Шифр	Стр.
392	27/14. VI	Тел. № 1276	Сазонов — Бахметеву	К. 244	442
393	27/14. VI	Письмо	Бенкендорф — Сазонову	К. 40	442
394	27/14. VI	Тел. № 39	А. Крупенский—Сазонову	К. 211	447
395	27/14. VI	Депеша № 85	Петряев — Сазонову	П. А. 2201	447
396	27/14. VI	Депеша № 87	Петряев — Сазонову	П. А. 2201	448
397	27/14. VI	Письмо	А. Гирс — Сазонову	В. Б./ч 94	449
398	27/14. VI	Тел. № 129	Урусов — Сазонову	К. 93	452
399	27/14. VI	Тел. № 433	М. Гирс — Сазонову	К. 211	452
400	27/14. VI	Тел. № 291	Коростовец — Сазонову	П. ст. 156	453
401	27/14. VI	Тел. № 293	Коростовец — Сазонову	П. ст. 6096	453
402	27/14. VI	Письмо № 105	П. Барк — Сазонову	К. 210	454

Hartungsche Druckerei, Königsberg Pr., Münchenhof 4—5.

14 мая — 27 июня 1914 г.

№ 1. Товарищ министра иностранных дел комиссару в Албании Петряеву.

Телеграмма № 878. 14/1 мая 1914 г.

Сообщается в Афины.

По сербским сведениям из Афин, Австрия предъявила, будто бы, албанскому правительству требование концессий на железную дорогу от Каттаро через Дураццо—Валону—Янину до Калабака на соединение с греческой сетью и с ветвью на Флорину.

Благоволите под рукой проверить это известие.

Нератов.

№ 2. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 120 [1]. 14/1 мая 1914 г.

Копия в Белград.

Думерг сказал мне, что Австрия просит об отсрочке созыва финансовой комиссии, ввиду того, что вопрос о Восточных железных дорогах еще не разрешен. Итальянский делегат Вольпи недавно уверял Н. Рафаловича, что Италия в комиссии будет стоять за право выкупа Сербиею железных дорог. Австрия, повидимому, надеется добиться лучших результатов путем непосредственных переговоров с Сербией.

Извольский.

№ 3. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 14/1 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как только-что сообщил Н. Л. Рафалович, французская группа графа Витали получила от австрийских банков письмо с упреками в недостатке энергии, проявленной французами в Белграде в пользу интернационализации, от которой теперь в Вене официально отка-

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 107, № 1337.

зываются. Вместе с тем, приписывая французам неудачу этого проекта, австрийцы пытаются завлечь их в новые переговоры о финансовой кооперации на Балканах.

Вследствие этого Н. Л. Рафалович счел нужным заявить французской группе, что русская группа не может принять в этом участия и что сношения с австрийцами должны ограничиться вопросом Восточных дорог; он объяснил, что, если австрийцы предпочитают, отбросив интернационализацию, договариваться непосредственно с сербами, то роль французов, как посредников, должна исчезнуть.

Французская группа согласилась с этими доводами и решила занять выжидательную позицию, покуда не потребуется финансовая помощь для выкупа Восточных дорог; ныне же она предполагает заняться финансированием и сооружением, при участии русской группы, согласно программе сербского правительства, новой сербской железнодорожной сети, которую она думает осуществить в близком будущем путем параллельного выпуска сербских государственных и железнодорожных займов.

Примите и пр.

Извольский.

№ 4. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 211. 14/1 мая 1914 г.

По имеющимся сведениям, шахское правительство намерено в непродолжительном времени предложить нам следующую комбинацию замены Шоджа-эд-Доуле в Азербайджане:

По примеру прошлых лет в Тавриз будет послан в качестве генерал-губернатора велиагд, при котором будет состоять пишкар, фактический правитель провинции.

Кандидаты на должность последнего будут представлены на выбор императорскому правительству.

Пока к такому назначению правительством намечены:

Нынешний министр двора принц Мовассек-эд-Доуле, принц Ферман-Ферма, бывший одно время министром финансов, крупный сановник Эмиоэ-Низам и только-что вернувшийся из Западной Европы энергичный Низам-эс-Солтанэ.

Что касается самого Шоджа-эд-Доуле, то шахское правительство, повидимому, намерено будет настаивать на его отъезде из Персии, причем даст нам полную гарантию безопасности и неприкосновенности его имущественных интересов и его родственников.

Полагаю, что правительство в случае изъявления нами согласия на отставку Шоджа-эд-Доуле пойдет на уступки по некоторым нашим важным требованиям в Азербайджане, вроде концессии на Урмийское озеро, Муганскую степь.

Купленная ценою отставки Шоджа-эд-Доуле концессия даст возможность кабинету оправдаться в выдаче нам этой концессии перед будущим меджлисом в случае нападок последнего.

Копия в Тавриз.

Коростовец.

№ 5. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 28. 14/1 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В телеграмме от [30] 17 минувшего апреля [1], по поводу намерения Учетного банка Персии получить от шахского правительства концессию на устройство оросительной системы Карун—Зейенде-Руд, я позволил себе предложить войти в доверительные объяснения с лондонским кабинетом, дабы облегчить проведение этого проекта. На эту мысль меня навели намеки великобританского посланника, указывавшего в беседах со мною на усиление в Исфаганском округе русского влияния в ущерб английскому и, в частности, на передачу управления имениями Зилли-Султана русско-подданному. Сэр В. Тоунлей сознался, что сделка эта оставила неприятное впечатление, и дал понять, что испрашиваемая концессия в настоящей, исключительно русской форме лишь усугубит таковое. Поэтому хотя полученная сэром В. Тоунлеем инструкция предписывает ему держаться нейтрального образа действия в вопросе о концессии, можно с уверенностью сказать, что здешняя великобританская миссия будет ей противодействовать, убеждая персов, конечно негласно, не входить с нами в соглашение и предупреждая, что выдача концессии будет сочтена недружелюбным актом. Впрочем результат английского воздействия уже сказался: несмотря на переговоры Акбера-Мирзы с персидскими министрами, обещавшими, конечно, ввиду обещанной мзды, полную поддержку, дело не подвинулось ни на шаг. Что персы намерены прибегнуть к тактике проволочек,— видно из представленного ими частным образом принцу Акберу-Мирзе контрпроекта концессии. В числе невыгодных условий, выставленных персами, можно отметить обязательство начать работы в течение года и закончить их в трехлетний срок после получения

[1] См. т. II, № 333.

концессии, которая иначе теряет силу. Контрпроект устанавливает, кроме того, контроль персидского министерства торговли над отчуждением земель для орошения и канализации, над приобретением машин и материалов для работ и над личным составом и рабочими предприятия. Вместо выговариваемого проектом банка 15% вознаграждения в пользу персидской казны, вносимого через десять лет после окончания работ, персы требуют 35% чистой прибыли ежегодно. В контрпроекте есть и другие пункты, представляющиеся по-моему стеснительными и неприемлемыми.

Не берусь судить о практической осуществимости и выгодности выработанного банком проекта концессии, но полагаю, что настояния к получению концессии во что бы то ни стало неблагоприятно отразятся на отношениях двух миссий. Ввиду сего было бы, может быть, предпочтительнее, не настаивая на исключительно русском характере предприятия, привлечь к участию в нем английских капиталистов и, может быть, даже инженеров. Принц Акбер-Мирза и фон Кавер, с коими я поделился моими предположениями по этому вопросу, также выразили мнение, что содействие англичан, несомненно, облегчило бы получение концессии. Если бы мысль моя встретила сочувствие, я считал бы полезным, при переговорах с английским правительством, попутно выяснить его взгляд на развитие русского влияния в Исфаганском округе, а также определить границы последнего, что представляется желательным во избежание могущих произойти в будущем разногласий и недоразумений.

К сказанному считаю долгом присовокупить, что я счел уместным познакомить фон Кавера с сэром В. Тоунлеем, выразившим желание побеседовать с названным лицом.

На-днях фон Кавер вернулся в Исфагань, предоставив дальнейшие переговоры с персами сыну Зилли-Султана[1].

При сем имею честь препроводить к вашему высокопревосходительству персидский контрпроект концессии[2].

Примите и пр.

Коростовец.

---

[1] Имеется ввиду принц Акбер-Мирза.

[2] К депеше приложен „Contreprojet présenté par le ministère des travaux publics de Perse, Avril 1914", состоящий из 18 статей, содержание которых в основном изложено в публикуемой депеше.

№ 6. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 14/1 мая 1914 г.

Très secret.

Monsieur le ministre,

Pour faire suite à ma lettre en date du 26 avril/9 mai [2] a. c. et de mes télégrammes No. 120 [3] et 122 [4], j'ai l'honneur de porter à la connaissance de votre excellence que ce matin Monsieur Cambon est venu chez moi [5].

L'ambassadeur de France me dit que Sir Edward Grey l'avait informé hier soir qu'il avait soumis au Conseil du Cabinet la réponse personnelle qu'il avait donnée à Paris à Mr. Doumergue lorsque le ministre français lui avait représenté l'opportunité de mettre le Cabinet impérial au courant des lettres passées entre les gouvernements français et anglais, pour que sur la même base le Cabinet impérial fût à même d'entâmer des négociations pour des arrangements concernant la coopération éventuelle des flottes russe et anglaise.

Sir Edward ajouta que le Conseil du Cabinet avait approuvé cette réponse.

Sir Edward s'était réservé de m'en informer, mais la proposition lui étant venue par la voie de Mr. Doumergue, il croyait devoir l'informer tout d'abord de cette décision du Cabinet [6].

Selon Sir Edward Grey les choses pourraient se passer de la manière suivante:

Autorisé par son gouvernement, Mr. Cambon me communiquerait les lettres échangées en même temps que Sir Edward, de son coté, me les communiquerait pour que je les transmette au gouvernement impérial.

Comme les arrangements avec la France concernent, pour le cas d'une guerre, la coopération surtout des armées de terre, Sir Edward pense que la nature des choses exige que des arrangements éventuels avec la Russie concernent les flottes.

Les négociations auraient, par conséquent, à être menées entre les amirautés russe et anglaise.

---

[1] Опубл.: Siebert S. 810—812; L. N., II, p. 320—321; Stieve IV, S. 109, № 1340, причем у Siebert и у Stieve под 16/3 мая.

[2] См. т. II, № 389.

[3] Тел. от 15/2 мая за № 120 Бенкендорф сообщал: „Совет министров одобрил предложение Грея. Представлю отчет с ближайшим курьером".

[4] Вероятно, имеется ввиду тел., опубликованная в т. II, № 385.

[5] У Siebert и Stieve первый абзац пропущен.

[6] В L. N. этот абзац пропущен.

Lors des négociations avec la France, elles ont été conduites à Londres, les attachés militaire et naval français à Londres allant prendre à Paris les instructions qui devenaient au fur et à mesure nécessaires. Finalement, le prince Louis de Battenberg s'était rendu à Paris de façon toute privée pour parachever les arrangements.

Mr. Cambon me dit qu'après la remise des lettres, il y aurait éventuellement lieu d'examiner le procédé à suivre. Il me dit que dans l'idée de Sir E. Grey les choses pourraient se passer exactement comme avec la France, c'est-à-dire que notre attaché naval à Londres soit autorisé d'entrer en pourparlers avec l'amirauté anglaise après avoir été prendre ses instructions à St.-Pétersbourg. Les voyages de ce dernier, même s'ils se répétaient, ne pourraient en rien attirer l'attention publique tandis que l'arrivée à Londres d'officiers supérieurs de la marine impériale ne manquerait pas de s'ébruiter et de se commenter de façon fâcheuse.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр, Совершенно секретно.

Продолжая свое письмо от 9 мая/26 апреля с. г. и свои телеграммы №№ 120 и 122, я имею честь сообщить вашему превосходительству, что сегодня утром у меня был г. Камбон.

Французский посол сказал мне, что сэр Э. Грей известил его вчера вечером о том, что он сообщил кабинету ответ, данный им лично в Париже г. Думергу, когда французский министр ему указал на наступившую возможность ознакомить императорский совет министров с письмами, которыми обменялись французское и английское правительства для того, чтобы императорский совет министров мог начать на той же основе переговоры о соглашении, касательно возможного в будущем сотрудничества русского и английского флотов.

Сэр Эдуард добавил, что кабинет одобрил его ответ.

Сэр Эдуард оставил за собой право известить об этом меня, но так как предложение исходило от г. Думерга, то он считал нужным об этом решении кабинета раньше известить его.

По мнению сэра Э. Грея, дело могло бы происходить следующим образом:

Уполномоченный своим правительством, г. Камбон сообщит мне эти письма, в то же самое время как сэр Эдуард со своей стороны сообщит их мне для того, чтобы я передал их императорскому правительству.

Сэр Эдуард считает, что подобно тому как соглашение с Францией касается преимущественно сотрудничества, в случае войны, сухопутных войск, так точно это предстоящее соглашение с Россией должно естественно касаться флотов.

Вследствие этого переговоры должны вести адмиралтейства России и Англии.

Переговоры с Францией велись в Лондоне, причем французские военный и морской атташе в Лондоне ездили в Париж за инструкциями, по мере того как в них возникала надобность. По окончании переговоров принц Людвиг Баттенбергский отправился в Париж совершенно частным образом для оформления соглашения.

Г. Камбон сказал мне, что после передачи писем придется обсудить дальнейшую процедуру. Он мне сказал, что, по мысли сэра Э. Грея, дело следовало бы вести точно так же, как с Францией, т. е. что наш морской агент в Лондоне должен быть уполномочен приступить к переговорам с английским адмиралтейством после того, как он побывает в Петербурге для получения инструкций. Поездки агента, даже если бы они повторялись, не могли бы привлечь общественного внимания, в то время как прибытие в Лондон штаб-офицеров императорского флота получило бы огласку и подверглось бы неуместному обсуждению.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 7. Французский министр иностранных дел Думерг французскому послу в Петербурге Палеологу.

/. Телеграмма № 210[1]. 15/2 мая 1914 г.

Télégramme de Londres:

„Secret"

„Sir E. Grey a été autorisé par le Cabinet à communiquer à mon collègue de Russie la lettre qu'il m'a adressée le 20 novembre 1913[2] en prévision d'éventualités pouvant amener une mise à exécution des accords intervenus entre nos états-majors généraux. Je devrai donc communiquer au comte Benckendorff ma lettre en date du 23 novembre 1913[2]. Si le gouvernement russe juge utile une entente navale entre son amirauté et l'amirauté anglaise, le gouvernement français s'y associera. Un accord entre les états-majors de l'armée de terre pourrait suivre. Les conversations entre les deux amirautés devraient s'engager avec l'attaché naval russe à Londres et avec l'attaché naval de l'ambassade française.

Puis-je donner à mon collègue russe lecture de ma lettre du 23 novembre 1913[2] dès que Sir E. Grey lui communiquera la sienne?"

J'ai autorisé Mr. Paul Cambon à faire au comte Benckendorff la communication de sa lettre du 23 novembre 1913[2].

Перевод.

Телеграмма из Лондона:

„Секретно".

„Сэр Э. Грей уполномочен кабинетом сообщить моему русскому коллеге адресованное им мне 20 ноября 1913 г. письмо, в предвидении возможности вступления в действие соглашений, заключенных нашими генеральными шта-

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел. Опубл. М., стр. 507—508.

[2] У Stieve IV, S. 108, № 1338. „1912", что является правильным.

бами. Я должен буду вследствие этого сообщить графу Бенкендорфу свое письмо от 23 ноября 1913 г. Если российское правительство сочтет полезным заключение морского соглашения между русским адмиралтейством и адмиралтейством английским, то французское правительство присоединится к нему. За этим могло бы последовать соглашение между генеральными штабами сухопутных армий. Переговоры между обоими адмиралтействами должны бы вестись через русского морского агента в Лондоне и через морского атташе французского посольства.

Могу ли я дать моему русскому коллеге прочесть мое письмо от 23 ноября 1913 г. после того, как сэр Э. Грей сообщит ему свое письмо?"

Я уполномочил г. П. Камбона сообщить графу Бенкендорфу его письмо от 23 ноября 1913 г.

№ 8. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 85. 15/2 мая 1914 г.

Прошу срочных указаний. Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 83 и 84 [1].

По последним сведениям, правительство сговорилось с берлинскими банкирами по всем условиям займа [2], кроме табачной монополии. В Берлине требуют установления „regie" наподобие турец-

[1] См. т. II, №№ 409 и 418.

[2] В депеше от 15/2 мая за № 17 Савинский излагал условия проектируемого займа, предполагавшегося на сумму 500 миллионов фр. двумя равными частями, из которых первая выпускалась немедленно, а срок выпуска второй части являлся предметом спора: Берлин настаивал, чтобы эта часть займа была выпущена через два года, болг. же прав-во соглашалось лишь на десятимесячный срок.

Предметом спора являлось также выставленное Германией условие, „чтобы в Софии постоянно находился германский делегат для наблюдения за правильным поступлением следуемых по займу уплат", на что болг. прав-во не соглашалось. Это требование Германии вызвало „крайнее неудовольствие" со стороны Франции, так как французские банки давно имели в Болгарии такого представителя и усмотрели тут „посягательство со стороны Германии на создавшееся доныне преимущественное положение здесь французских капиталистов". „Болгарское правительство, — сообщает далее Савинский, — обязуется предоставить германским компаниям постройку железной дороги, соединяющей южную Болгарию с ее новыми владениями во Фракии — от Хасково до порта Лагоса, оборудование самого порта Лагоса, и, наконец, особым секретным обязательством, которое, конечно, не войдет в общий договор, болгарское правительство гарантирует германским заводам на 80 милл. франков заказов на военные поставки". Наконец, как сообщает Савинский, по настоянию немцев, болг. прав-во согласилось установить государственную монополию „на экспорт табака с тем, что половина всего поступающего в государственные склады сырого табака должна итти в распоряжение Германии". Считая, что Берлин условиями этого займа, „повидимому, предполагает надолго закрепить Болгарию в сфере своего исключительного влияния", Савинский в заключение депеши указывает на усилившееся в Болгарии влияние немцев, „которые путем экономического порабощения страны, несомненно, добьются и ее политического подчинения".

кой; болгарское правительство, конечно, противится. Если по этому вопросу будет достигнуто соглашение, то заем может быть подписан во всякую данную минуту. Ввиду этого шаг, предложенный мною в телеграмме № 84, если только в принципе он одобряется вашим высокопревосходительством, делается еще настоятельнее. Не знаю, высказал ли я в этой телеграмме с достаточной ясностью мысль, что предложенная мною комбинация не только не укрепит положение кабинета Радославова, но, наоборот, окончательно его подорвет, так как нужно будет постараться придать способу ссуды денег самую широкую гласность. В № 83 я передал мой разговор, имевший место [11 мая] 28 апреля с английским посланником, который только сегодня сообщил мне, что он не получил из Лондона разрешения поддержать мои шаги во дворце, а во исполнение инструкций своего (правительства) виделся вчера с Радославовым в целях доказать ему невыгодность займа для Болгарии и вместе с тем для Англии ввиду вышеизложенного требования о „regie". Эта инструкция Грея, не соответствующая ни предложенному мною плану действий, ни нашей деятельности вообще в целях добиться перемены правительства, вызвана, конечно, тем, что вопросом установления „regie" затрагиваются английские интересы в области табачной промышленности. В этих условиях шаг английского посланника не дал мне той поддержки, на которую я рассчитывал.

Савинский.

№ 9. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Депеша № 18. 15/2 мая 1914 г.

Весьма секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

По прибытии моем в Софию одной из первейших моих забот было установление связей с болгарской печатью и привлечение серьезных и распространенных органов прессы к работе в наших интересах.

За три истекшие месяца, благодаря благосклонному содействию вашего высокопревосходительства, мне удалось достичь в этом отношении некоторых результатов, о коих я почитаю ныне долгом довести до вашего сведения.

Находясь в частом общении с представителями почти всех политических партий в Болгарии или лично, или чрез посредство чинов вверенной мне миссии, я непрестанно сообщаю им, а чрез них и их партийным органам печати, как фактические сведения

касательно нашей политики на Балканах вообще и в Болгарии в частности, так равно и разъясняю им внутренний смысл и дух этой политики. Из партийных официозов, за исключением органов стамбуловистов и радославистов и так называемых тесных социалистов (или меньшевиков по нашей социально-политической терминологии), нет уже больше ни одного, который не стал бы более или менее открыто проводником идеи сближения с Россией и с Тройственным согласием, как политики, единственно соответствующей национальным интересам болгарского народа.

Из числа беспартийных органов всецело нашим интересам служат две газеты: одна вечерняя „Балканская трибуна", самая распространенная из вечерних газет, и другая утренняя—„Заря", недавно созданная нами в противовес единственной до нее утренней газете „Утро", австрофильской по направлению и имевшей очень большой тираж до появления другого утреннего органа. Обе газеты—и „Балканская трибуна" и „Заря"—требуют от нас денежной субсидии, в которой они нуждаются, тем более, что, будучи резко враждебными в отношении нынешнего правительства и его австрофильской политики, они подвергаются всяческим стеснениям как со стороны органов власти, так и артели продавцов газет, всецело находящейся в руках стамбуловистов.

Несмотря на все нелойяльные меры борьбы против них, обе названные газеты имеют большое распространение среди широкой массы.

Не могу не упомянуть про один еженедельный журнал „Свободное мнение", издаваемый депутатом Мишевым, известным писателем и политическим деятелем, другом и сотрудником покойного Каравелова, и бывшим министром народного просвещения профессором Шишмановым, при сотрудничестве лучших писателей и ученых в Болгарии. Журнал этот, между редакцией коего и миссией за последнее время установились самые живые связи, начал с того, что дал высказаться по внешней политике Болгарии представителям самых разнообразных политических течений, а затем, подведя итоги всем различным мнениям, решительно высказался за необходимость для Болгарии итти рука об руку с Россией. „Свободное мнение", появившееся впервые месяцев пять назад, читается всей болгарской интеллигенцией и пользуется большим авторитетом, особенно среди молодого поколения.

В ближайшем будущем я надеюсь, что нам удастся завязать систематические связи еще с несколькими внепартийными органами

печати и с помощью их поддержать и закрепить в стране благоприятное нам течение.

В этих последних целях необходимо, одновременно с привлечением органов печати, содействовать освобождению их от зависимости от существующей ныне единственной в Болгарии артели продавцов газет, всячески стесняющей распространение сочувствующих России органов печати. Освобождение это возможно путем создания новой сети продавцов газет, что и задумано редактором-издателем газеты „Заря", если только с нашей стороны последует денежная поддержка. Я намерен оказать ему эту последнюю, не выходя, конечно, из пределов суммы в 20 тысяч рублей, которую ваше высокопревосходительство признали возможным определить на этот предмет.

Из переведенной в мое распоряжение первой половины годового ассигнования мною на все вышеизложенное уже израсходовано до 7 000 руб. и, вероятно, скоро придется израсходовать и остаток в 3 000 руб., а потому я обращаюсь к вашему высокопревосходительству с покорнейшей просьбой не отказать в распоряжении к заблаговременной высылке в императорскую миссию еще 10 000 руб.

Оправдательные документы на израсходование этих ассигнований сохраняются в секретном архиве миссии и будут доставлены мною при отчете конца года.

Примите и пр.[1] А. Савинский.

№ 10. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 146. 15/2 мая 1914 г.

Копии в Париж и Лондон.

Ввиду предстоящего приезда северной разграничительной комиссии в Призрен для производства прерванных работ по сербо-

[1] Тел. от 27/14 мая за № 973 Сазонов сообщал о невозможности, ввиду отказа м-ра торг. и пром., предоставить испрашиваемые Савинским суммы. В ответ на это последовало секр. отношение от 29/16 мая за № 19, в котором Савинский сообщал, что с начала мая (ст. ст.) „Балканская трибуна" и „Заря" поместили еще несколько весьма дельных и беспристрастных статей по жгучему теперь вопросу о займе и „...что ...благодаря этим статьям в народном собрании будет целый ряд народных представителей, убеждение которых относительно условий займа будет поколеблено". „Бросать дело, давшее за короткое время своего существования столь осязательные результаты, — писал Савинский, — было бы прямо грешно перед нашими общегосударственными интересами и непростительно с точки зрения целесообразности затраты казенных денег". Савинский указывал на необходимость иметь специальный кредит, „который, — по его словам, — мог бы закрепить все то, что мною сделано для создания в здешней прессе благоприятных нам течений".

албанскому разграничению, сербское правительство обратилось в Лондон с ходатайством о том, чтобы английскому делегату, открыто поддерживающему недоброжелательные предложения коллег Тройственного союза, предписано было по возможности действовать за одно с русским и французским делегатами. Видимо, не желая пред сербским посланником признать факт некорректности поведения полковника Гренета, Грей однако дал понять, что если со стороны императорского и французского правительств будут сделаны шаги в вышеуказанном смысле, то английский делегат получит соответственные инструкции. Сообщая мне об этом, Пашич усердно просит о благожелательных представлениях в Лондоне со стороны императорского и французского правительств, тем более что притязания Сербии, как свидетельствуют генерал Потапов и полковник Фурнье, вовсе не расходятся с постановлениями Лондонской конференции, а имеют целью ограждение ее владений в районе Призрена и Дибры от непрестанного вторжения албанских чет.

Гартвиг.

№ 11. Министр иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

Письмо № 38/п. 16/3 мая 1914 г.

Urgent.

Monsieur l'ambassadeur,

Par une note en date du 7 mai 24 avril a. c.[1] votre excellence a bien voulu s'adresser à Mr. Nératow en vue de fixer le programme de la visite projetée de l'escadre anglaise dans les ports russes. Selon cette communication l'escadre anglaise pourrait visiter Riga du 17/4 juin jusqu'au 20/7 juin, puis séjourner à Cronstadt du 22/9 juin au 29/16 juin, enfin rester à Reval du 30/17 juin au 3 juillet/20 juin.

J'ai l'honneur d'informer votre excellence que le gouvernement impérial recevra avec grand plaisir l'escadre anglaise dans ces trois ports à partir du 17/4 juin jusqu'au 3 juillet/20 juin et propose seulement qu'elle se rende d'abord à Reval et termine son séjour dans les eaux russes par Riga. Cet arrangement conviendrait mieux au ministère impérial de la marine en ce sens qu'il ne modifierait pas le programme des exercices de la flotte.

Veuillez agréer, etc. [Sazonow.]

Перевод.

Г. посол, Срочно.

Ваше превосходительство обратились к г. Нератову с нотой от 7 мая/24 апреля с. г. в целях установления программы предполагаемого посещения

[1] Содержание ноты изложено в публ. письме.

английской эскадрой русских портов. Согласно этому сообщению, английская эскадра могла бы посетить Ригу с 17/4 июня до 20/7 июня, затем побывать в Кронштадте с 22/9 июня до 29/16 июня, и, наконец, оставаться в Ревеле с 30/17 июня до 3 июля/20 июня.

Я имею честь уведомить ваше превосходительство, что императорское правительство примет с большим удовольствием английскую эскадру в этих трех портах, начиная с 17/4 июня до 3 июля/20 июня, и лишь предлагает, чтобы она посетила раньше Ревель и окончила в Риге свое пребывание в русских водах. Это будет удобнее императорскому морскому министерству, так как позволит не изменять программы упражнений флота.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 12. Записка, составленная директором канцелярии министерства иностранных дел.

16/3 мая 1914 г.

Посетивший министра [16] 3 мая 1914 г. французский посол сообщил, что, согласно полученной им из Парижа телеграмме, великобританское правительство решило уполномочить английский морской генеральный штаб вступить в переговоры с французским и русским военно-морскими агентами в Лондоне с целью выработать технические условия возможного взаимодействия морских сил Англии, России и Франции.

Г. Палеолог прибавил, что, по уговору между английским и французским правительствами, нам должно быть сообщено содержание заключенных до сих пор между Англией и Францией соглашений на случай совместных военных действий на суше и на море.

Бар. Шиллинг.

№ 13. Французский посол в Петербурге Палеолог французскому министру иностранных дел Думергу.

*/. Телеграмма № 164[1]. 16/3 мая 1914 г.

Secret.

J'ai communiqué à Mr. Sazonow qui vient d'arriver de Livadia la teneur de votre télégramme No. 210/717[2].

Il ignorait encore la décision du gouvernement britannique; il savait seulement par Mr. Isvolsky et par le comte Benckendorff que le roi George et Sir E. Grey sont revenus de Paris „tout-à-fait favorables à l'idée d'attacher plus étroitement la Russie à l'Entente".

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел. Опубл. М., стр. 508;

[2] См. выше № 7.

Il m'a manifesté la plus vive satisfaction du renseignement que je lui ai confié et m'a prié d'exprimer à votre excellence sa profonde reconnaissance pour les services que le gouvernement français a rendus à son pays. Il a ajouté: „L'accord que nous allons conclure avec l'Angleterre assurera l'équilibre et la paix. La tranquillité de l'Europe ne dépendra plus d'un caprice de l'Allemagne" [1].

Перевод.

Секретно.

Я сообщил г. Сазонову, только-что прибывшему из Ливадии, содержание вашей телеграммы № 210/717.

Ему было еще неизвестно решение британского правительства; он знал лишь от г. Извольского и графа Бенкендорфа, что король Георг и сэр Э. Грей вернулись из Парижа, „весьма расположенные к идее более тесного сближения России и Согласия".

Он выразил мне живейшее удовлетворение тем сообщением, которое я ему сделал, и просил меня выразить вашему превосходительству свою глубокую признательность за услуги, оказанные французским правительством его стране. Он прибавил: „Соглашение, которое мы заключим с Англией, обеспечит равновесие и мир. Спокойствие Европы не будет более зависеть от каприза Германии".

№ 14. Заведующий отделом Среднего Востока генеральному консулу в Мешеде Дабиже.

Телеграмма № 898. 17/4 мая 1914 г.

Имеете ли вы подтверждение сведений, сообщенных банку мешедским отделением, касательно запрещения вывоза из Афганистана шерсти, вследствие монополизации этого предмета вывоза в руках английской компании, а равно о стремлении англичан вообще монополизировать афганскую внешнюю торговлю? Вы могли бы, если признаете это удобным, расспросить на этот счет вашего британского коллегу.

Клемм.

№ 15. Министр иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому-Козелл.

Телеграмма № 899. 17/4 мая 1914 г.

Государю императору благоугодно посетить короля румынского в Констанце 14/1 июня. Его императорское величество предполагает прибыть утром, вместе с государыней императрицей, наслед-

[1] На оригинале имеется помета: „Мои слова переданы превратно. Сазонов".

ником цесаревичем и августейшими дочерьми на яхте „Штандарт“ и провести в Констанце один день, после чего возвратиться в Россию. Благоволите сообщить о вышеизложенном правительству, при коем вы аккредитованы, и о последующем телеграфировать.

Сазонов.

№ 16. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 86 [1]. 17/4 мая 1914 г.

Прошу срочных указаний [2].

Есть серьезные указания [3], что в Берлине придают такое важное политическое значение займу, (что) готовы смягчить условия, лишь бы не выпустить его из немецких рук [4]. С другой стороны, личный секретарь короля, расположенный к нам француз, находящийся уже много лет во дворце, был вызван после известного вам моего разговора с Добровичем в пригородный дворец, где ныне находится король, и, вернувшись вчера, рассказывал совершенно частным образом во французской миссии, что король, очень озабоченный вопросом займа, долго беседовал с ним о трудности положения [5]. Признавая все тягостные условия займа, он говорит, что его положение безвыходное, так как [6] он не может указать своим министрам, предлагающим эти условия, другого источника. Ввиду этого считаю, что для плана, предложенного в моей телеграмме № 84 [7], наступил психологический момент, упустив который, мы очутимся перед совершившимся фактом. Французский посланник уехал на несколько дней в Париж. Заменяющий его поверенный в делах сказал мне, что у него есть известия из Парижа, что французское правительство также озабочено, что заем попадает в руки немцев, и готово дать аванс, как только мы снимем свое veto.

Савинский.

---

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 110, № 1340.

[2] У Stieve этого нет.

[3] У Stieve: „Nach gewissen Anzeichen...“

[4] У Stieve слова: „лишь бы... рук“ отсутствуют.

[5] У Stieve эта фраза передана так: „Der König hat mit seinem persönlichen Sekretär, einem gut russisch gesinnten Franzosen, lange über die Schwierigkeit der Lage gesprochen“.

[6] У Stieve это передано так: „Die Bedingungen seien schwer, aber er könne“.

[7] См. т. II, № 418.

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

№ 17. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 278. 17/4 мая 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 219 [1].

Великий визирь вновь подтвердил мне настоятельную просьбу Порты о продлении данного нами в 1907 году согласия на 3% надбавку, присовокупив, что он получил уже благоприятный отзыв от всех других великих держав. Полагал бы крайне желательным немедленно дать наше разрешение. Единственная оговорка, которая, быть может, была бы допустима, могла бы состоять в том, что разрешение дается нами на 1 год в надежде, что до истечения этого года состоится подписание экономического нашего соглашения [2].

Гирс.

№ 18. Генеральный консул в Тавризе министру иностранных дел.

Телеграмма № 372. 17/4 мая 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран, ссылаясь на телеграмму посланника в Тегеране за № 211 [3].

Осмеливаюсь доложить, что 3-месячная практика в Тавризе убедила меня, что более послушного генерал-губернатора, чем Шоджа-эд-Доуле, мы в Азербайджане не можем иметь. Поэтому при замене его кем бы то ни было задача упрочения здесь нашего влияния затруднится. Затруднения эти будут находиться в соответствии с размерами энергии и инициативы нового генерал-губернатора, каковые помешают ему руководствоваться исключительно нашими указаниями. Поэтому представлялось бы желательным выбрать из возможных кандидатов хотя и менее энергичного, но наиболее послушного. Таковым мне представляется Сердар-Решид, которого здесь и держали для возможной замены Шоджа-эд-Доуле в случае проявления последним своеволия. Положение его как администратора, неоднократно управлявшего Ардебильскою провинцией, к которой были приданы и Халхал и Карадаг, и как начальника вооруженных сил Азербайджана вполне допускает назначение его генерал-губернатором. Из других кандидатов лучшим был бы, вероятно, Ферман-Ферма, находящийся под нашим покровительством.

---

[1] Тел. № 219 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[2] Тел. от 18/5 мая за № 909 Сазонов ответил: „Можете дать согласие на продление 3% надбавки на год с предлагаемой вами поправкой".

[3] См. выше № 4.

Приезд сюда велиагда был бы крайне нежелателен, так как, не принеся никакой выгоды вследствие малолетства велиагда и невозможности для него лично влиять на дела, упрочение династических чувств в населении повлекло бы лишь усиление влияния Тегерана на азербайджанские дела, каковое всегда пагубно.

Если главным поводом к отставке Шоджа-эд-Доуле является опасение, что при нем не могут быть произведены выборы, как о том сообщает „Хабль-оль-Матин" в последнем пришедшем сюда номере, то опасение это неосновательно. Я уже доносил секретной телеграммой, что выборы будут произведены, если императорская миссия это прикажет.

Шоджа-эд-Доуле нашел уже для себя путь к отступлению в вопросе о противодействии выборам, напечатав в местной газете мое письмо и свой ответ на него, выпустив оттуда часть моего письма, в коей говорится о постоянной готовности его избежать в принимаемых им административных мерах противоречия нашим интересам в Азербайджане.

Так как он напечатал эти письма без моего согласия, то это же фактически создает для нас возможность выразить неудовольствие его образом действия и отказаться от поддержки его.

На всякий случай я заявил ему протест и намерен воздержаться от личных сношений с ним до получения инструкций императорской миссии. Считал бы необходимым (повременить) с отставкою Шоджа-эд-Доуле, если бы таковая настоятельно потребовалась, до сформирования им городского самоуправления, сдачи с торгов сборов за убой скота, акциза на спиртные напитки и налога на опиум и заключения контракта с подрядчиками на постройку казарм для отряда.

На это потребуется не менее 2 недель.

Орлов.

№ 19. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу и посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 906 [1]. 18/5 мая 1914 г.

Телеграмма № 202 получена [2].

Благоволите в дружественной форме обратить внимание Тоунлея на то, что такой принципиальный вопрос, как передача жандармерии в ведение военного министерства, следовало решить по взаим-

[1] Лит. копия.

[2] Тел. № 202 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

ному соглашению обоих правительств. Мы продолжаем стоять на той точке зрения, что жандармерия не должна иметь ничего общего с армиею, а должна служить исключительно полицейско-административной силой, а потому и оставаться в ведении министерства внутренних дел. С этим вполне согласен и Яльмарсен, с которым были здесь объяснения [1].

С своей стороны, идя навстречу пожеланиям шахского правительства, мы вырабатываем реорганизацию казачьей бригады, дальнейшее увеличение коей не должно бы после этого встречать препятствий. Вместе с тем увеличится значительно бюджет министерства военного, коему бригада уже подчинена, и которое ведает, кроме того, и существующими еще в довольно большом количестве полками сербазов.

(Прибавка для Лондона).

Конец телеграммы Коростовцу. Благоволите с своей стороны привлечь внимание Грея на нежелательность отдельных несогласованных выступлений обеих миссий по имеющим общий интерес вопросам и просить его снабдить Тоунлея соответствующими указаниями. Передача жандармерии в военное министерство произвела бы самое неблагоприятное впечатление на наше общественное мнение, в особенности если б стало известно, что это сделано было с согласия английской миссии.

(Прибавка для Коростовца).

Сношусь с Бенкендорфом.

Копия в Лондон. Сазонов.

№ 20. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 908 [2]. 18/5 мая 1914 г.

Сообщается в Софию.

Ссылаюсь на телеграмму № 84 [3].

Было ли извещено французское правительство своим посланником в Софии о возникшей после совместного обсуждения с Са-

[1] Начальник персидской жандармерии Яльмарсен 28/15 апр. выехал из Тегерана в отпуск и в СПБ. представлялся в м-ве ин. дел. „При прощании, — сообщал Коростовец, — он заявил мне, что вполне сознает зависимость жандармерии от двух миссий и во всем готов следовать их указаниям. Я предупредил его, что расширение кадров жандармерии должно естественно повлечь за собой и пересмотр соглашения 1911 года относительно круга обязанностей жандармерии, ее численности и количества иностранных инструкторов в соответствии с предполагаемой реформой бригады“ (тел. от 29/16 апр. за № 163).

[2] Лит. копия.

[3] См. т. II, № 418.

винским и представителями французских банков комбинации и как оценивает возможность ее осуществления?

Сазонов.

№ 21. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Телеграмма № 910. 18/5 мая 1914 г.

Греческий поверенный в делах сообщает о растущем произвол[е] турецких властей не только во Фракии, но и повсеместно в империи по (отношению к грекам; с капитуля)циями не считаются, фанатиз(м разжигается, греков подверг)ают всевозможным притеснениям.

Недоумеваю, как согласовать это сообщение (с известными вам заявлениями Та)лаата.

[Сазонов.]

№ 22. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 122[1]. 18/5 мая 1914 г.

Получил телеграмму Нератова за № 883[2].

Подробно переговорил по ее содержанию с министром иностранных дел Маржери и только-что прибывшим сюда Панафье. Французское правительство считает, что как Россия, так и Франция в высокой степени заинтересована в том, чтобы не допустить финансового, а следовательно, и политического закабаления Болгарии Германией и Австрией[3]; поэтому оно готово присоединиться к намеченному Савинским и Панафье плану действий. По объяснению Панафье, компромисс мог бы состояться в образовании коалиционного кабинета Малинова—Геннадиева. Немедленная выдача здесь аванса исключает возможность заключить в другом месте заем, каковой в свою очередь может быть обусловлен переменою политического курса. Если Россия согласится с вышеизложенным и снимает свое veto, французское правительство думает, что ему удастся убедить французские банки ныне же выдать Болгарии аванс в 80 или 90 миллионов франков и не требовать немедлен-

---

[1] Опубл. L. N., II, p. 266.

[2] Тел. от 14/1 мая за № 883 был передан текст тел. Савинского от 13 мая/30 апр. за № 84 (т. II, № 418) со следующими заключительными словами: „Благоволите телеграфировать ваше мнение". (Подл. на франц. яз.).

[3] В L. N.: „...de ne pas permettre que la Bulgarie se soumette à l'influence financière et par suite à l'influence politique de l'Allemagne et de l'Autriche".

ной уплаты 75 миллионов бонов. Заем может состояться в конце года. Доводя, по просьбе Думерга, о вышеизложенном до вашего сведения, прошу спешного ответа.

Копия в Софию.

Извольский.

№ 23. Посол в Риме министру иностранных дел.

Письмо [1]. 18/5 мая 1914 г.

Вернувшийся из С.-Петербурга советник посольства д. с. с. Поггенполь мне сказал, что императорское министерство особенно желало бы быть осведомленным о деятельности итальянской дипломатии в Румынии и об отношении римского кабинета к видам, приписываемым Австрии, завладеть Ловченской горой.

При свидании с маркизом ди Сан-Джулиано, в котором я ему сообщил о сказанных мною г. Саландра словах, что Италия не считается с нашими интересами даже тогда, когда ее интересы не затронуты, привел следующий пример:

„По моим частным сведениям, за основательность которых однако не ручаюсь,—сказал я министру,—итальянская дипломатия в Бухаресте поддерживает де австрийскую дипломатию и советует, будто бы, бухарестскому кабинету вернуться в лоно Тройственного союза".

Маркиз ди Сан-Джулиано мне сначала ответил уклончиво. „Это напрасный труд и не может удаться",—сказал он мне.

„Такой ответ,—возразил я ему,—не может не быть истолкован мною иначе, как подтверждение моего подозрения, и только прямое отрицание с вашей стороны его справедливости могло бы меня разубедить".

После этого министр иностранных дел стал более откровенен. „Правда,—сказал он,—мы советовали в Бухаресте не пенять на Австрию и не придавать значения агитации против нее. Этим мы только исполнили союзнический долг. Но я вас могу уверить, что ни настойчивости, ни теплоты в наших советах не было. Прошу вас заверить об этом ваше правительство, которое тем равнодушнее может относиться не только к нашим вынужденным советам, но и к деятельности австрийской дипломатии, что советы и настояния окажутся вполне безрезультатными, так как Австро-Венгрия сама свой главный враг; как будто нарочно она делает все, чтобы оттолкнуть от себя Румынию, и на-днях еще переговоры между пештским

[1] Лит. копия.

правительством и трансильванскими румынами окончились полным разрывом".

Я ответил министру, что, хотя и я надеюсь, что Австрии не удастся, даже при помощи итальянского содействия, завлечь Румынию в свою орбиту, но тем не менее эти советы римского кабинета не могут считаться дружелюбным по отношению к России актом, и я не сомневаюсь, что они произведут в С.-Петербурге мало приятное впечатление. Донести же об этом я, разумеется, считаю своим непременным долгом, тем более, что мне совершенно неизвестно, дошли ли те же сведения до Петербурга.

Румынский посланник князь Гика, с которым я также коснулся этого вопроса, мне сказал, что итальянский посланник в Бухаресте действительно обратился к румынскому министру иностранных дел с непрошенными советами, но что маркиз ди Сан-Джулиано ему, князю Гика, не обмолвился ни единым словом об этом.

Маркиз ди Сан-Джулиано повторил мне еще раз, насколько советы Италии в Бухаресте были исключительно формальными, и просил меня не упустить заявить и об этом вашему высокопревосходительству.

Я воспользовался этой же самой беседой, чтобы по поводу проявленной Италией уступчивости относительно Австрии спросить министра, не готов ли он будет также согласиться на уступку Австрии, за должную компенсацию, и Ловченской горы.

„В этом отношении,—ответил мне маркиз ди Сан-Джулиано,—наша точка зрения не изменилась, и теперь, как и прежде, мы считаем необходимым, ввиду насущных итальянских интересов, чтобы Ловченская гора продолжала принадлежать Черногории".

Примите и пр.

Крупенский.

№ 24. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Депеша № 29. 18/5 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

С первых чисел мая нового стиля в австрийских водах так называемого „Küstenland'a" гостит английская средиземноморская эскадра, суда коей заходят в разное время в числе от 3 до 4 в порты Фиуме, Триеста, Полы и Порторозы.

Посещение это дало повод к многочисленным официальным празднествам, так как здесь особенно стараются подчеркнуть хорошие отношения Двуединой монархии к могущественному члену Тройственного согласия.

Как морские, так и гражданские власти портовых городов наперерыв старались чествовать английских гостей.

Приветствовать командующего английскою средиземноморскою эскадрою адмирала сэра Беркелей Мильн выезжал в Триест великобританский посол в Вене сэр Морис де Бунзен.

11 мая нового стиля в городе Бриони был дан в честь английских моряков бал, который почтила своим присутствием эрцгерцогиня Мария-Иозефа с сыновьями: эрцгерцогом Карлом-Францем-Иосифом с супругою эрцгерцогиней Цитою и эрцгерцогом Максимилианом, а также внучка императора светлейшая княгиня Елизавета Виндишгрец.

О том, какое серьезное значение придают означенному визиту английской эскадры в австрийских водах, свидетельствуют, с одной стороны, высокопарные газетные статьи, одну из коих имею честь приложить при сем на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, а с другой—тот факт, что австро-венгерский министр иностранных дел в своих выступлениях в делегациях воспользовался манифестациями по поводу визита английской эскадры, как лишним доказательством устанавливающихся и даже установившихся дружеских отношений Австро-Венгрии с владычицей морей.

В связи с этим посещением предполагается в непродолжительном времени ответный визит австрийской эскадры на остров Мальту.

Нет сомнения, что со стороны австро-венгерского правительства прилагаются за последнее время все старания для того, чтобы сблизиться с лондонским кабинетом и вместе с тем ослабить узы, связывающие Великобританию с державами Тройственного согласия. С своей стороны лондонский кабинет и представитель Англии в Вене, повидимому, до некоторой степени идут навстречу пожеланиям Австро-Венгрии.

Примите и пр. [1] Шебеко.

№ 25. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 70. 18/5 мая 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 899 [2].

Братиану был несказанно счастлив узнать содержание вышеупомянутой телеграммы вашего высокопревосходительства и не на-

---

[1] К депеше приложена в газетной вырезке статья, посвященная визиту англ. эскадры. Название газеты не обозначено.

[2] См. выше № 15.

ходил слов, чтобы выразить, сколь глубоко и радостно будет тронут румынский народ известием о предстоящем посещении Румынии их императорскими величествами и их августейшим семейством. Король возвращается в Бухарест завтра вечером, и Братиану выезжает ему навстречу, чтобы лично доложить его величеству эту желанную весть. Вслед за сим он немедленно сообщит мне подробности своего доклада королю. В самых теплых словах Братиану высказал мне также, насколько его радует мысль о возможности вскоре с вами познакомиться.

Поклевский.

№ 26. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 57[1]. 18/5 мая 1914 г.

Благосклонный прием, оказанный в Ливадии его императорским величеством чрезвычайному оттоманскому посольству, и сочувственные сближению с Россиею статьи, появившиеся в местной прессе, не могли не обратить на себя внимания как политических, так и общественных кругов Европы.

Как мне сообщают из секретного источника, оттоманский посол в Вене доносит своему правительству, что первоначально там не придавали особого значения посылке посольства в Ливадию, считая это, согласно бывшим примерам, простым знаком вежливости со стороны султана.

Когда же стало известно, что во главе посольства будет находиться столь видный государственный деятель, как Талаат-бей, в политических кругах Вены обнаружилось известное беспокойство, и к Хильми-паше стали обращаться с вопросами о том, намерена ли Турция дать новое направление своей политике.

Не имея никаких инструкций по этому поводу, посол отвечал отрицательно, указывая на отсутствие у посольства политического характера. Тем не менее, под влиянием турецкой прессы, вышеуказанное беспокойство продолжает обнаруживаться. Поэтому Хильми-паша высказывает мнение о желательности прекращения, в интересах самого турецкого правительства, поднятого в турецких газетах в связи с посольством в Ливадию шума. В противном случае Турция рискует потерять симпатии Тройственного союза и тем самым ослабить значение успеха посольства, если таковой имел место.

М. Гирс.

[1] Лит. копия.

№ 27. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Письмо. 18/5 мая 1914 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В день моего возвращения из Ялты в Константинополь меня посетил министр внутренних дел Талаат-бей. Хотя он и не застал меня дома, его посещение дало мне тем не менее повод не откладывать свидания моего с ним, и вчера я был у него в Порте, предварительно сговорившись с ним о часе моего приезда.

Я желал его видеть с целью ознакомиться с впечатлениями, вынесенными им из поездки в Ливадию.

В самых прочувствованных словах Талаат-бей высказал мне, насколько он проникнут почтительнейшей и беспредельной благодарностью к высочайшей особе государя императора за ласковый прием, оказанный ему всемилостивейшим нашим монархом.

„Я ехал в Ливадию не без страха,—сказал он мне,—я не знал, как державный вождь могущественной империи отнесется ко мне, младотурку. Между тем его императорское величество так милостиво соизволил удостоить меня продолжительной беседой и выразил столько благосклонности к Турции, что я вышел из кабинета вашего монарха до глубины души растроганный и благодарный".

В течение нашего разговора мой собеседник неоднократно высказывал мне, что он глубоко убежден, что союз между Россией и Оттоманской империей был бы настоящим благодеянием для последней. Он вполне сознает однако, что никому не нужен союзник слабый и зависимый от какой-либо другой державы. При этих условиях ни Тройственное согласие, ни Тройственный союз не допустят Турцию в свое лоно. Поэтому Талаат намерен сперва приложить все свое старание к тому, чтобы Турция стала государством сильным и вполне независимым от чужеземных влияний.

Я воспользовался случаем, чтобы спросить оттоманского министра, в каком смысле говорил он вашему высокопревосходительству о греко-турецких отношениях в вопросе об островах.

По его словам, он объяснял вам, что месяца через три Турция будет сильна на море и что, несмотря на сравнительную свою силу, она все же будет благоразумна в своих предложениях. С другой стороны, эллинское правительство, руководимое Венизелосом, известным политическим своим тактом, отдаст себе отчет в превосходстве морского могущества Порты и не преминет приложить должное благоразумие в оценке обстоятельств.

На ваше возражение, что положение Венизелоса не столь уже прочно в Греции, и на ваш вопрос, действительно ли Талаат допускает возможность возвращения островов Турции мирным путем, турецкий министр внутренних дел ответил, будто бы, вам, что такая возможность имеется уже и в настоящее время на почве заключения оборонительного союза между Турцией и Грецией, возвращения островов под суверенитет Оттоманской империи, предоставления весьма широкой автономии Хиосу, Митилене и Лемносу и сохранения на Самосе положения, существовавшего до войны.

Я просил моего собеседника доверительно сообщить мне более определенные данные относительно подобного примирения турецких домогательств с эллинскими интересами.

Взяв с меня слово, что я не упомяну о нашем разговоре в моих объяснениях с великим визирем, Талаат поведал мне, что дней 10 тому назад вышеизложенное предложение было передано Порте через посредство немцев, что Порта ответила согласием, но что с того времени она не получила еще о нем никаких дальнейших сведений.

Рассказ Талаата сходится до некоторой степени с тем, что мне было сказано в тот же день великим визирем во время нашей беседы, состоявшейся за несколько часов до моего свидания с министром внутренних дел.

На мой доверительный вопрос, в каком положении спор об островах, принц Саид-Халим ответил мне, что за последние 10 дней что-то носится в воздухе, но что он не отдает себе еще достаточно ясно отчета, откуда это исходит и насколько серьезно.

Полагаю, что последняя оценка положения довольно верна и что Порта находится еще в сомнении, исходит ли предложение от самой Греции, или от Германии, стремящейся примирить обе стороны не без задней, конечно, мысли извлечь из своего посредничества наибольшую пользу.

Примите и пр. М. Гирс.

№ 28. Докладная записка Николаю II министра иностранных дел [1].

19/6 мая 1914 г.

Французский посол сообщил мне, что, согласно полученной им из Парижа секретной телеграмме, великобританское правительство решило уполномочить английский морской генеральный штаб всту-

[1] Опубл. М., стр. 509.

пить в переговоры с французским и русским военно-морскими агентами в Лондоне с целью выработать технические условия возможного взаимодействия морских сил Англии, России и Франции.

Г. Палеолог прибавил, что, по уговору между английским и французским правительствами, нам должно быть сообщено содержание заключенных до сих пор между Англией и Францией соглашений на случай совместных военных действий на суше и на море.

О сем приемлю смелость всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству, ввиду особой важности изложенного сообщения.

Сазонов.

Очень важное известие.

Ливадия, [23] 10 мая 1914 года.

№ 29. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Телеграмма № 917. 19/6 мая 1914 г.

Сообщается в Париж.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 122[1].

Предварительно принятия окончательного решения о предложении аванса при условии образования компромиссного кабинета, мы полагали бы крайне желательным, чтобы вы осведомились у Малинова и Тодорова весьма доверительно о их мнении на этот счет. Иначе мы рисковали бы получить кабинет, не представляющий для нас прочных гарантий, и в то же время могли бы оттолкнуть от себя более искренних наших сторонников. Помимо сего, выдвигая мысль о коалиционном кабинете, мы должны быть уверены, что в него согласятся войти намечаемые лица.

Сазонов.

№ 30. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Письмо [2]. 19/6 мая 1914 г.

Monsieur le ministre,

Sir Edward Grey réunit aujourd'hui Mr. Cambon et moi. Comme m'en avait prévenu mon collègue de France, le secrétaire d'Etat me confirma que le Conseil du Cabinet avait approuvé la réponse, qu'à titre personnel il avait donnée à Paris à Mr. Doumergue, lorsque le ministre français lui avait parlé des relations entre la Russie et l'Angle-

[1] См. выше № 22.

[2] Опубл. L. N., II, p. 321—323; Sibert. S. 814, где документ датирован 23/10 мая и напечатан без приложений.

terre et de l'utilité pour le cas où la nécessité s'en présenterait de quelque accord militaire préalable entre les gouvernements. Il s'agissait d'abord de communiquer de part et d'autre au gouvernement impérial les deux lettres confidentielles et secrètes échangées en 1912 entre les gouvernements français et anglais.

Sir E. Grey fit ressortir que le texte de ces lettres indiquait que ce n'est pas une alliance qui avait été conclue entre les deux Puissances, que ces lettres ont surtout le but de mettre en lumière l'esprit des arrangements militaires, qui avaient au préalable été étudiés conjointement entre les autorités militaires et navales, pour le cas où une coopération active des forces militaires et navales anglo-françaises devenait nécessaire. Sir Edward fit ressortir qu'à défaut de pareils arrangements faits d'avance, une coopération immédiate soit le désir et l'entente politique des deux gouvernements, rencontrerait des obstacles techniques de nature dangereuse [1].

Sir Edward ajouta que du côté du gouvernement britannique rien ne s'opposait à un arrangement dans le même esprit,—tel qu'il avait été indiqué dans les lettres échangées entre Mr. Cambon et lui-même,— fût négocié et conclu entre les amirautés russe et britannique. Il dit qu'il y voyait les mêmes avantages pratiques que ceux qu'il avait vu aux arrangements avec la France. Il nous dit que s'il pensait à des arrangements de marine, c'est que cela était indiqué par la nature des choses et que d'ailleurs il croyait savoir que tel avait été le désir exprimé par le gouvernement impérial.

A ce moment Sir Edward Grey me remit copie de la lettre qu'il avait adressée le 22 novembre 1912 à l'ambassadeur de France; de son côté Mr. Cambon, autorisé par son gouvernement, me transmit copie de celle, qu'en date du lendemain, il avait adressée au secrétaire d'Etat [2].

J'ai l'honneur d'en joindre ci-après les copies [3].

En réponse à ma question Sir Edward Grey me dit que le mieux serait que notre attaché naval soit autorisé à entrer en communication avec l'amirauté anglaise, — le Premier Lord de l'amirauté étant, comme ses collègues du gouvernement, au fait du projet, et l'amirauté anglaise ayant à sa disposition les arrangements pour la marine étudiés entre la France et l'Angleterre. Il me dit, que quant au reste des arrangements, il appartenait à la France—notre alliée — d'en user comme elle l'entendrait.

En remerciant Sir Edward Grey des dispositions amicales qu'il dé-

[1] У Siebert'a „ernsten technischen Schwierigkeiten begegnen würde".

[2] У Siebert'a „an Sir Edward Grey".

[3] У Siebert'a эта фраза отсутствует.

montrait, je me bornais à répondre que je transmettrai immédiatement à votre excellence les copies des deux lettres et vous rendrai un compte exact de ce qu'il m'avait dit en me remettant la sienne. Veuillez agréer, monsieur le ministre, l'assurance de ma haute considération etc.

Benckendorff.

Приложение I.

Письмо статс-секретаря по иностранным делам Э. Грея французскому послу в Лондоне П. Камбону от 22/9 ноября 1912 г.[1]

Private.

My dear Ambassador,

From time to time in recent years the French and British naval and military experts have consulted together. It has always been understood that such consultation does not restrict the freedom of either Government to decide at any future time whether or not to assist the other by armed force. We have agreed that consultation between experts is not and ought not to be regarded as an engagement that commits either Government to action in a contingency that has not arisen and may never arise. The disposition, for instance, of the French and British fleets respectively at the present moment is not based upon an engagement to cooperate in war.

You have, however, pointed out that, if either Government had grave reason to expect an unprovoked attack by a third Power, it might become essential to know whether it could in that event depend upon the armed assistance of the other.

I agree that, if either Government had grave reason to expect an unprovoked attack by a third Power, or something that threatened the general peace, it should immediately discuss with the other whether both Governments should act together to prevent aggression and to preserve peace, and, if so, what measures they would be prepared to take in common. If these mesures involved action, the plans of the general staffs would at once be taken into consideration, and the Government would then decide what effect should be given to them.

Yours & E. Grey.

Приложение II.

Письмо французского посла в Лондоне П. Камбона статс-секретарю по иностранным делам Э. Грею от 23/10 ноября 1912 г.[2]

Cher Sir Edward,

Par votre lettre en date d'hier, 22 novembre, vous m'avez rappelé que dans ces dernières années les autorités militaires et navales de la

[1] Лит. копия.

[2] Лит. копия.

France et de la Grande Bretagne s'étaient consultées de temps en temps; qu'il avait toujours été entendu que ces consultations ne restreignaient pas la liberté, pour chaque gouvernement, de décider dans l'avenir s'ils se prêteraient l'un l'autre le concours de leurs forces armées; que, de part et d'autre, ces consultations entre spécialistes n'étaient et ne devaient pas être considérées comme des engagements obligeant nos gouvernements à agir dans certains cas; que cependant je vous avais fait observer que, si l'un ou l'autre des deux gouvernements avait de graves raisons d'appréhender une attaque non provoquée de la part d'une tierce Puissance, il deviendrait essentiel de savoir s'il pourrait compter sur l'assistance armée de l'autre.

Votre lettre répond à cette observation et je suis autorisé à vous déclarer que, dans le cas où l'un de nos deux gouvernements aurait un motif grave d'appréhender soit l'agression d'une tierce Puissance, soit quelque événement menaçant pour la paix générale, ce gouvernement examinerait immédiatement avec l'autre si les deux gouvernements doivent agir de concert en vue de prévenir l'agression ou de sauvegarder la paix. Dans ce cas, les deux gouvernements délibéreraient sur les mesures qu'ils seraient disposés à prendre en commun; si ces mesures comportaient une action les deux gouvernements prendraient aussitôt en considération les plans de leurs états-majors et décideraient alors de la suite qui devrait être donnée à ces plans.

P. Cambon.

Перевод.

Г. министр,

Сэр Эдуард Грей сегодня пригласил г. Камбона и меня. Как меня предупреждал мой французский коллега, статс-секретарь подтвердил, что кабинет одобрил ответ, который он дал в Париже от своего собственного имени г. Думергу, когда французский министр ему говорил об отношениях между Россией и Англией и о пользе какого-либо предварительного военного соглашения между правительствами на случай, если в нем (позже) представится надобность. Вначале дело шло о сообщении императорскому правительству обеими сторонами двух конфиденциальных и секретных писем, которыми французское и английское правительства обменялись в 1912 г.

Сэр Э. Грей указал, что текст этих писем показывает, что оба правительства не заключили союза, что цель этих писем заключается, главным образом, в правильном освещении духа тех военных соглашений, которые были предварительно разработаны совместно с военными и морскими властями на случай, если станет необходимым активное сотрудничество военных и морских англо-французских сил. Сэр Эдуард указал, что при отсутствии подобных соглашений, заключенных заранее, немедленное сотрудничество двух правительств, даже при желании с их стороны и наличии политического согласия, встретится с опасными техническими препятствиями.

Сэр Эдуард добавил, что со стороны британского правительства не встре-

тится никаких препятствий к переговорам между русским и британским адмиралтействами и к заключению соглашения в духе, указанном в письмах, которыми обменялись г. Кабон и он. Он сказал, что видит в этом те же практические выгоды, что и в соглашении с Францией. Он сказал нам, что если он думает о морском соглашении, то потому, что это определяется сущностью вещей и что, кроме того, как ему известно, этого желает императорское правительство. В эту минуту сэр Эдуард Грей передал мне копию письма, которое он отправил 22 ноября 1912 г. французскому послу; с своей стороны г. Камбон, уполномоченный своим правительством, передал мне копию того письма, которое он на следующий день направил статс-секретарю.

Я имею честь приложить к сему эти копии.

Отвечая на мой вопрос, сэр Эдуард Грей сказал мне, что всего лучше, если бы наш морской агент был уполномочен вступить в переговоры с английским адмиралтейством, так как первый лорд адмиралтейства, как и его коллеги по правительству, осведомлен о проекте, и английское адмиралтейство имеет в своем распоряжении морские соглашения, разработанные для Франции и Англии. Относительно остальных соглашений он мне сказал, что это дело нашей союзницы Франции использовать их, как она сочтет нужным.

Выразив благодарность сэру Эдуарду Грею за проявленное им дружеское расположение, я ограничился ответом, что передам немедленно вашему превосходительству копии обоих писем и дам вам точный отчет о том, что он мне сказал во время передачи своей копии.

Примите и пр.

Бенкендорф.

Приложение I.

Письмо статс-секретаря по иностранным делам Э. Грея французскому послу в Лондоне П. Камбону от 22/9 ноября 1912 г.

Частное.

Дорогой посол,

За последние годы французские и британские морские и военные эксперты время от времени совещались. Всегда предполагалось, что совещания не ограничивают свободу каждого правительства решить в любую минуту в будущем, должно ли оно или нет помочь другому военной силой. Мы согласились, что совещания экспертов не рассматриваются и не должны рассматриваться как обязательство, которое может побудить какое-либо из правительств к выступлению при обстоятельствах, которые еще не наступили и могут никогда не наступить. Так, например, расположение французского и английского флотов в настоящее время не основывается на обязательстве сотрудничать в войне.

Вы однако заметили, что в случае, если одно из правительств будет иметь серьезные основания ожидать не вызванного им нападения со стороны третьей державы, то будет важно знать, может ли оно в этом случае рассчитывать на вооруженную помощь другого.

Я согласен, что в случае если одно из правительств будет иметь серьезные основания ожидать не вызванного им нападения со стороны третьей державы или какого-либо события, угрожающего общему миру, то оно должно обсудить немедленно с другим, будут ли оба правительства действовать вместе для предупреждения нападения и для сохранения мира и, если так, то какие меры готовы они совме-

стно принять. Если эти меры включают военное выступление, то должны быть немедленно приняты во внимание планы генеральных штабов, и правительство тогда решит, в какой мере они будут приведены в действие.

Ваш и т. д.

Э. Грей.

Приложение II.

Дорогой сэр Эдуард,

В вашем вчерашнем письме от 22 ноября вы мне напомнили, что в течение последних лет военные и морские власти Франции и Великобритании время от времени совещались; что всегда считалось, что эти совещания не ограничивают свободу каждого правительства решать в будущем, окажут ли они друг другу содействие своими вооруженными силами; что обеими сторонами эти совещания специалистов не должны были рассматриваться и не рассматривались как обязательства, понуждающие наши правительства в известных случаях выступить; что, тем не менее, я заметил вам, что в случае если одно из двух правительств будет иметь серьезные основания опасаться не вызванного им нападения со стороны третьей державы, то ему было бы очень важно знать, может ли оно рассчитывать на вооруженную помощь другого правительства.

Ваше письмо дает ответ на это замечание, и я уполномочен вам заявить, что в случае, если одно из наших правительств будет иметь серьезные основания опасаться как нападения со стороны третьей державы, так и каких-либо событий, угрожающих общему миру, то это правительство немедленно рассмотрит с другим, должны ли оба правительства действовать совместно в целях предупреждения нападения или сохранения мира. В этом случае оба правительства обсудят меры, которые они желали бы совместно принять; если эти меры предполагают активное выступление, то оба правительства примут тотчас во внимание планы своих генеральных штабов и решат, в какой мере они будут приведены в исполнение.

П. Камбон

№ 31. Посол в Риме министру иностранных дел.

/. Депеша № 29. 19/6 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

„Giornale d'Italia"—орган председателя совета министров г. Саландра—посвящает обширную инспирированную статью нынешнему положению Италии на малоазиатском побережьи.

Несмотря на несомненную предвзятость точек зрения на роль Италии и других держав в их экономическом соревновании в Малой Азии, статья эта настолько интересна в ее конечных выводах, что я счел необходимым обратить на нее внимание вашего высокопревосходительства.

Автор статьи пожелал, во-первых, успокоить турецкие правящие круги и с этой целью доказывает, что ни одна великая держава, и в том числе и Италия, не имеют и никогда не имели намерения установить в Малой Азии „сфер влияния", а силою вещей стремились лишь группировать свои экономические интересы в из-

вестных пунктах побережья этой страны, при строгом однако соблюдении независимости и суверенитета Турции.

Таким образом получились три группы интересов: английская, французская и германская, к каковым в последнее время присоединилась четвертая группа—итальянская.

Затем автор статьи развивает основной тезис, что Италия предъявила Турции исключительно требования экономического характера в качестве компенсаций за длительное занятие Двенадцатиострова. Право же предъявления подобных требований объясняется не только затратами, вызванными оккупацией островов, но и услугой, будто бы оказанною Порте фактом итальянской оккупации, спасшей острова от занятия их греческими войсками.

В целях получения экономических преимуществ великие державы часто пользовались известными мерами воздействия на Турцию, к которым Италия не считает возможным прибегать, но зато она имеет полное право обставить возвращение островов Турции известными условиями, не нарушающими однако суверенитета Турции в этой части Эгейского моря.

Конечно,—прибавляет автор статьи,—мы понимаем в известной степени подозрительность турок, которые опасаются образования второй Ливии на берегах Малой Азии, но опасения их не имеют основания, так как в Ливии Италия преследовала жизненные интересы, связанные с ее положением на Средиземном море, а в Малой Азии интересы Италии—экономического характера.

Королевское правительство находило, что итальянские интересы будут лучше защищены на наименьшей сравнительно площади, и потому решилось, во-первых, ограничить их географическое распространение теми местами, где не было еще интересов других держав, а, во-вторых, заключить с державами, имеющими сопредельные сферы интересов, соглашения ввидах их полюбовного размежевания.

С этой целью стало необходимым заключение соглашений с Англией и Германией.

К северу от Адалии, где ныне сосредоточены интересы Италии, находится железнодорожная линия Смирна—Айдин, принадлежащая английской компании, которая, на основании соглашения ее с Портою, имела право воспрепятствовать проведению иностранной железнодорожной линии в сорокакилометровой полосе по обеим сторонам собственной линии. Это обстоятельство вызвало необходимость переговоров с английским правительством и английскими капиталистами, подающих надежду на благополучное их за-

вершение, но осложнившихся вмешательством в них Порты, крайне подозрительно относящейся к Италии [1].

Одновременно с сим выяснилась необходимость соглашения с Германией, сфера интересов которой в Мерсине и вдоль Анатолийской и Багдадской железных дорог соприкасается с итальянской. Дружеские отношения между двумя союзными державами облегчили обмен мнений, в котором принимали участие не только оба кабинета, но и оба монарха.

В то время как Италия вела таким образом переговоры с Англиею и Германиею, появился новый фактор австрийских вожделений. Нет сомнения, что благодаря запросам в делегациях австрийское правительство стало разыскивать на малоазиатском берегу место, свободное от экономического влияния других держав, и нашло таковое к востоку от сферы итальянских интересов. Но так как Германия имела преимущественные права на подчинение этой области своему экономическому влиянию, то Австрии пришлось предварительно согласиться с Германиею относительно допущения ее к эксплоатации этой части побережья, и, таким образом, замечает автор статьи, „Италия, вместо того, чтобы стать сопредельной с Германией, сделалась соседкою Австрии. Будем надеяться, что это обстоятельство поможет нам избежать столкновений наших интересов в Адриатике и Албании и что итальянское правительство сумеет поддержать во всем их объеме первенство итальянских интересов и создавшееся для них положение на берегах Малой Азии".

Таково вкратце содержание этой статьи, из которой можно вывести два весьма важных заключения: 1) что соглашение с Англиею только налаживается, но, повидимому, еще не заключено, и 2) что давно смутно ходившие слухи о желании третьего члена Тройственного союза появиться в деятельной роли на политико-экономической арене Малой Азии—ныне совершившийся факт, ко-

[1] В речи, произнесенной в парламенте 26/13 мая, Сан-Джулиано, подтверждая „все то, что уже было известно касательно достигнутого с Англией 19/6 сего мая соглашения", заявил, „что итальянское и английское правительства обязались поддержать перед Портою обоюдные требования относительно оборудования порта Мокри и постройки новых железнодорожных линий: англичане — к северу от магистрали Смирна—Айдин, а итальянцы—к югу от нее. Кроме того, министр сообщил, что итальянское правительство намерено поддержать итальянские начинания, имеющие целью разработку естественных богатств в хинтерланде Адалии и на двенадцати островах. Это последнее обстоятельство, — пишет Крупенский, — ясно указывает, как трудно ожидать в ближайшем будущем передачи Эгейских островов Турции" (депеша Крупенского от 2 июня/20 мая за № 34).

торый сам по себе и по тем конечным целям, кои присущи всякому австрийскому начинанию, повидимому, весьма неприятен Италии.

Примите и пр.[1] Крупенский.

№ 32. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Депеша № 32. 19/6 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

С итальянским председателем совета министров я впервые виделся только на прошлой неделе. Хотя он до этого был у меня и я у него, но мы друг друга не застали. Желая однако с ним познакомиться, я запросил, когда он может меня принять, и, получив немедленно любезный ответ, я его посетил, и в продолжительной беседе мы коснулись главным образом отношений России и Италии, которые, как я не скрыл от моего собеседника, меня не могут удовлетворить.

„Итальянская политика,—сказал я г. Саландра,—все более и более подчиняется австрийским велениям, и даже там, где итальянские интересы не замешаны, она пренебрегает считаться с нашими. Нам оказывают, правда, постоянные любезности при всяком удобном случае, но эти любезности—чисто платонические, которые напоминают мне упрек Калхаса в оффенбаховской „Прекрасной Елене“ жертвователям, принесшим античному жрецу в дар много цветов: „trop de fleurs, trop de fleurs“[2].

Мой собеседник улыбнулся и мне ответил, что Россия не может иметь более убежденного друга, чем он; что он будет всегда работать в смысле большего сближения Италии с Россией; что он при всяком случае будет готов доказать нам это на деле и что, если иногда итальянская политика, кажется,—но только кажется,—не вполне отвечает этим желаниям, то этому следует искать объяснения в гнете политических союзов, а не в недостаточности дружеских чувств к России.

Г. Саландра произвел в общем на меня весьма хорошее впечатление. Он—человек широкого ума и мне показался искренно расположенным к нам, и, во всяком случае, в этом отношении на него можно будет рассчитывать более, чем на бывшего председателя совета министров г. Джиолитти.

---

[1] К депеше приложена в газетной вырезке из „Giornale d'Italia“ от 15 мая статья „Le concessioni economiche in Asia Minore. L'Italia, la Turchia e le altre Potenze“.

[2] „Слишком много цветов, слишком много цветов“.

Содержание моей беседы с г. Саландра я, разумеется, не скрыл от маркиза ди Сан-Джулиано, повторив ему, что платонических любезностей мы не можем считать достаточными. Министр мне ответил: „On commence par des demonstrations platoniques et croyez-moi, qu'on finira par une entente plus matérielle“ [1]. „Это,—ответил я министру, — мы слышим уже давно“.

Примите и пр. Крупенский.

№ 33. Посол в Риме министру иностранных дел.

Письмо [2]. 19/6 мая 1914 г.

Маркиз ди Сан-Джулиано, которого я как по обыкновению, навестил в день отправления курьера мне только-что сказал, что переговоры в Корфу между членами контрольной комиссии и эпиротами благополучно окончились и что делегаты пришли к соглашению, которое члены контрольной комиссии приняли однако „ad referendum“.

Вашему высокопревосходительству, без сомнения, уже известно из непосредственных донесений нашего комиссара, что члены контрольной комиссии приняли главные требования эпиротов относительно гарантии державами достигнутого соглашения.

Италия, со своей стороны, против этого возражать не будет.

При этом свидании с министром иностранных дел я затронул совершенно частным образом некоторые другие вопросы.

Я его спросил, как он относится вообще к Сербии и Черногории, в особенности касательно желания этих государств выговорить себе более удобные границы.

Маркиз ди Сан-Джулиано мне ответил, что как к Черногории, так и к Сербии он относится чрезвычайно благожелательно и будет стараться удовлетворить все их законные вожделения. Он не откажет Черногории в своей поддержке в исправлении ее албанской границы в выгодном для нее смысле, но что исправление может удаться только на почве взаимных уступок, которые, в особенности в трех пунктах: Дибра, Гора и Тарабош, составят относительно немалое увеличение черногорской территории.

Что же касается Сербии, то он также хотел бы помочь ей исправить ее границы, но, несмотря на пример Черногории, последняя не соглашается ни на какую уступку и делает таким

---

[1] „Начинают с платонических демонстраций и, поверьте мне, закончат более реальным соглашением“.

[2] Лит. копия.

образом, обмен земель невозможным, хотя и тут он произошел бы исключительно в интересах Сербии.

Касательно переговоров с Турхан-пашой мне министр иностранных дел повторил только то, что мне уже говорил албанский министр и о чем я вам доношу в моей депеше за № 30 [1]. Маркиз ди Сан-Джулиано мне сказал также, что главная цель путешествия Турхана-паши—убедить державы в необходимости оказать поддержку Албании и не посягать на ее государственный престиж.

Я воспользовался этим случаем, чтобы спросить министра, не опасается ли он, что постоянные австро-итальянские a parte с Албанией не вызвали подозрений, что Австрия и Италия как будто желают не сообразоваться с лондонскими постановлениями и вести свою собственную, независимую от них политику.

Министр мне ответил, что римский кабинет твердо стоит на почве лондонских соглашений и не помышляет от них отступиться, так как он считает их лучшей гарантией умиротворения на Балканах.

Мое замечание министру было вызвано секретной телеграммой г. управляющего министерством иностранных дел послам в Париже и Лондоне от [5 мая] 22 апреля за № 818 [2], в ответ на предложение французского посла заявить совместно правительствам австрийскому и итальянскому, что последние события указывают на вышеупомянутое стремление держав обособиться и не сообразоваться с лондонскими постановлениями.

Для меня, впрочем, было совершенно ясно и до моей беседы с маркизом ди Сан-Джулиано, что Италия на всякий запрос по этому поводу ответила бы самым положительно-успокоительным образом и что поэтому всякий запрос был бы, смею думать, беспредметным.

В моем донесении о беседе с албанским министром иностранных дел я упустил упомянуть, что Турхан-паша мне сказал, что все окружающие албанского князя уже теперь титулуют его „величе-

---

[1] Деп. от 19/6 мая за № 30 Крупенский сообщал о своей беседе с Сан-Джулиано. Последний заверял Крупенского, что он советует албан. прав-ву согласиться на уступки эпиротам, считая однако, что эти „уступки не должны быть чрезмерными". С мнением росс. прав-ва, что этот вопрос следовало бы рассматривать как международный, изъяв его из ведения албан. прав-ва, Сан-Джулиано не согласился. В той же депеше Крупенский сообщал о беседе с проезжавшим через Рим Турхан-пашой, который, коснувшись албано-сербских отношений, указал, что их улучшение „возможно будет только в том случае, если сербское правительство предоставит своим мусульманским подданным большее равноправие", и просил, чтобы росс. прав-во дало соответствующий совет Сербии.

[2] См. т. II, № 350.

ством". Маркиз же ди Сан-Джулиано мне, кроме того, сообщил, что герцог Абруццкий, посетивший на-днях Дураццо, также величал князя и княгиню албанских королевским титулом „величества" к нескрываемому удовольствию особенно княгини.

Примите и пр.

Крупенский.

№ 34. Посол в Вене министру иностранных дел.

*/. Письмо. 19/6 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я счел долгом своим в двух пространных донесениях[1] сообщить вашему высокопревосходительству сущность происшедших на-днях в Будапеште в комиссиях делегаций прений касательно внешней политики. Прения эти тем представляют для нас интерес, что как члены делегаций, так и министр иностранных дел высказались при этом по всем главнейшим текущим политическим вопросам.

Главное внимание как говоривших ораторов, так и отвечавшего им графа Берхтольда сосредоточилось на отношениях монархии к России и Румынии, а также на созданном соединенными усилиями Австро-Венгрии и Италии Албанском княжестве.

Что касается отношений к России, то заслуживает внимания то обстоятельство, что наиболее резкие против нее выступления исходили от лиц, близко стоящих к наследнику престола, какими являются граф Сильва Тарука и граф Клам-Мартинич, и из украинского лагеря.

Ответные заявления графа Берхтольда носили крайне сдержанный характер, и он, повидимому, против своей воли, уступая наседавшим на него делегатам, несколько раз коснулся болезненного вопроса нашей агитации в пределах Австро-Венгрии.

Вышеозначенные выступления приверженцев эрцгерцога Франца-Фердинанда вместе с целым рядом статей, направленных против России и ее агрессивных, будто бы, мероприятий, появившихся в последнее время на страницах „Reichspost", которая считается органом наследника престола, может[2] служить некоторым показателем того настроения, которое господствует в Бельведере и окружающих его военных и клерикальных кругах.

При той замкнутости и несообщительности, которые характеризуют австрийских государственных деятелей и приближенных ко

[1] См. т. II, № 365, прим. 4.

[2] Так в подлиннике.

двору лиц, составить себе вполне определенное понятие об образе мыслей того или другого лица весьма трудно,—приходится довольствоваться догадками и выводами из собственных наблюдений, которые могут иногда быть не вполне точными.

Нет сомнения, что при настоящей натянутости отношений между нами и Австрией и весьма шатком здоровьи престарелого императора Франца-Иосифа, большой интерес для нас представляет вопрос, как смотрит на русско-австрийские отношения наследник Габсбургской монархии, а именно, являются ли все вышеупомянутые выходки проявлением агрессивного настроения, стремящегося вызвать конфликт в более или менее близком будущем, или же желанием выяснить положение и вызвать нас на объяснение, на каких основаниях можно было бы установить если не соглашение, то, по крайней мере, добрососедские отношения в будущем.

Те заверения дружественных чувств к России, которые эрцгерцог Франц-Фердинанд делал недавно некоторым членам нашей императорской семьи и другим лицам, а также постоянная оговорка о желании поддерживать с Россией дружественные отношения, заключавшаяся во всех выпадах против России сторонников наследника, может побудить склониться в сторону последнего предположения.

Вместе с тем несомненно, что в Австрии в настоящую минуту ведется весьма планомерная работа, направленная на то, чтобы известными уступками национальностям в Чехии, Боснии, Трансильвании, а также южным славянам, обеспечить себе их лояльность на случай конфликта с Россией.

Инициатором этого нового направления внутренней политики монархии является наследник престола или лица, его вдохновляющие. Они же являются главными руководителями украинского движения как в Галиции, так и в наших пределах.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 35. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 26[1]. 19/6 мая 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

После того как черногорский и сербский короли обменялись трогательными собственноручными письмами, дело предположенного

[1] Опубл. Siebert, S. 629—631.

союза между обоими родственными государствами на некоторое время совсем заглохло. Не получая никаких дальнейших известий из Цетинье, здешний представитель Черной Горы серьезно волновался, опасаясь, что в настроении господаря, как то с ним часто бывало, снова произошел неблагоприятный поворот по отношению к Сербии [1]. Вероятность такового поворота он приписывал либо известным посторонним влияниям, сильно дающим о себе знать при цетинском дворе, либо враждебным наговорам новых советников короля, не так давно призванных к власти [2].

Однако вопреки всяким ожиданиям недели две тому назад Миушкович получил от своего правительства спешное предписание: вновь и окончательно переговорить с Пашичем о возможных условиях сербо-черногорского соглашения и немедля прибыть в Цетинье с готовой программой.

Конечно, Пашич благоразумно отказался от составления программы, но охотно на словах подтвердил черногорскому посланнику все те desiderata, о которых уже сообщалось в моей депеше от [7 апреля] 25 марта № 17 [3] и которые, по мнению сербского председателя совета министров, в обоюдных интересах должны лечь в основу „братского соглашения", а именно [4]: сохранение династий и независимости обоих государств; объединение армий, с сохранением верховного командования в руках обоих монархов над частями, расположенными в пределах каждого королевства; учреждение одного общего для объединенных армий генерального штаба, который озаботить выработкой всех военных законоположений [5]; согласованное направление внешней политики с установлением общих для обоих государств заграничных представительств; наконец, установление общего типа судебных и административных учреждений, объединение финансовое, таможенное, почтовое и телеграфное.

Миушкович отметил эти пожелания и отправился в Цетинье с докладом. О результатах его доклада официальных данных пока не имеется; но из секретных источников здесь получены сведения, будто король Николай весьма холодно принял своего посланника

---

[1] У Siebert'a: „ ...und befürchtete, dass König Nikolaus seine Haltung Serbien gegenüber wieder geändert habe".

[2] У Siebert'a эта фраза отсутствует.

[3] См. т. II, № 169.

[4] У Siebert'a: „ ...dass er mit den von mir schon früher erwähnten Grundlagen eines Uebereinkommens einverstanden sei, nämlich".

[5] У Siebert'a: „ ...welcher gemeinsam die militärischen Pläne ausarbeiten wird".

и почти не входил с ним в объяснения по поводу возложенного на него поручения. Министры с своей стороны столь же недружелюбно отнеслись к Миушковичу, обращаясь с ним свысока и не придавая вовсе или очень мало значения его сообщениям[1]. При таких условиях трудно рассчитывать на благоприятный исход сербо-черногорских переговоров[2] о секретном соглашении, в возбуждении коих взял на себя почин сам черногорский господарь.

Впрочем, не сегодня-завтра Миушкович должен вернуться в Белград и, вероятно, обо всем без утайки сообщит Пашичу[3].

Тем временем я имел честь получить секретное письмо гофмейстера Нератова от [30] 17 апреля № 289[4], в коем мне предписывалось доверительно объясниться с сербским председателем совета министров по поводу военного дела в Черногории в связи с нынешним внутренним и финансовым положением страны.

Осведомившись из сообщения моего о принципиальном взгляде нашем на инструкторский вопрос, которому мы могли бы дать постановку, сообразную с сербскими начинаниями в Черногории, Пашич прежде всего просил меня выразить искреннюю признательность императорскому правительству за его постоянные заботы об интересах Сербии и уверить ваше высокопревосходительство, что он приложит все старания к тому, чтобы в проектированном сербо-черногорском соглашении проведены были оговорки в желательном для России смысле[5].

К сему Пашич добавил, что до возвращения в Белград Миушковича он, к сожалению, лишен возможности определенно высказаться по существу всех затронутых в вышеупомянутом письме г. товарища министра вопросов, на которые он не преминет однако дать ответ, как только выяснятся результаты настоящей миссии черногорского посланника[6].

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

---

[1] У Siebert'a: „Ebenso ablehnend ist der Empfang von seiten der Minister gewesen".

[2] У Siebert'a дальнейшая часть этой фразы отсутствует.

[3] У Siebert'a эта фраза отсутствует.

[4] См. т. II, № 329.

[5] У Siebert'a: „ ...dass in dem in Ansicht genommenen serbisch-montenegrinischen Uebereinkommen die russischen Wünsche hinsichtlich der militärischen Fragen berücksichtigt werden sollen".

[6] У Siebert'a этот абзац отсутствует.

№ 36. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Телеграмма № 921. 20/7 мая 1914 г.

Reçu 267[1].

Вполне одобряем ответ Гулькевича Джавиду. Вы могли бы указать ему, что в случае допущения нашего представителя в Совет оттоманского долга мы могли бы согласиться на уменьшение срока вступления соглашения с шести месяцев до двух по подписании его, причем эта уступка явилась бы весьма существенной, ибо отразилась бы на реализации нашего урожая.

Представлялось бы весьма желательным разрешение вопроса путем турецко-германского соглашения, ибо французы, повидимому, весьма неохотно относятся к уступке своих интересов [2].

Сазонов.

№ 37. Заведующий отделом Среднего Востока вице-консулу в Хое Чиркову.

Телеграмма № 922. 20/7 мая 1914 г.

Турецкий поверенный в делах сообщил, что Абдуррезак будто бы сговорился с Саид-беком, с которым бывал у вас, относительно сформирования банд для вторжения в Турцию, причем они откуда-то добыли оружие. Фахреддин-бей убедительно просил удалить Абдуррезака с границы.

Я ответил, что считаю Абдуррезака слишком умным человеком, чтоб предпринять подобные бесцельные вещи, и что к тому же он в Хое был, повидимому, только проездом.

Если Абдуррезак еще не выехал, посоветуйте ему скорее перебраться в Тавриз и подтвердить [3] ему необходимость ничего пока не предпринимать.

Копии в Тегеран и Тавриз.

Клемм.

---

[1] См. т. II, № 413.

[2] Подтверждая получение публикуемой тел., Гирс просил „ввиду предстоящего возобновления переговоров с Джавидом" дать ему указания „касательно обложения колониальных товаров и заключения торговых договоров на началах публичного международного права, уступки по каким вопросам он добился от Франции и будет требовать от нас" (тел. от 26/13 мая за № 290).

[3] Так в подлиннике.

№ 38. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Письмо № 344. 20/7 мая 1914 г.

Совершенно доверительно.

М. г. Михаил Николаевич,

Из весьма секретного источника я осведомился, что австро-венгерский посол в Константинополе сообщил по телеграфу графу Берхтольду, будто в разговоре с одним из ваших коллег по возвращении из Ливадии вы высказались в том смысле, что „Россия, конечно, будет соблюдать решения держав касательно островов Эгейского моря; однако, по вашему мнению, у нас отнеслись бы скорее благосклонно к оставлению этих островов во власти турок".

Полагая, что слова ваши были превратно истолкованы, я в то же время имею честь пок[орнейше] просить ваше пр-во не отказать ускорить отзывом по поводу известных вам заявлений Талаата о состоявшемся будто бы греко-турецком соглашении об островах на почве оборонительного союза между обоими государствами. Заявления эти стоят в несомненном противоречии с греческими сведениями, сообщенными вам секретною телеграммою моею от [18] 5 сего мая за № 910[1].

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 39. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо[2]. 20/7 мая 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Je regrette infiniment d'avoir dû vous faire languir sans nouvelles de Londres si longtemps. Je n'ai pas trouvé une occasion. La lettre d'Iswolsky[3] vous a informé des débuts à Paris des négociations avec l'Angleterre. Vous n'aurez que par ce courrier le point où elles en sont arrivées hier. Il marque un pas en avant que je crois considérable. Je pense que vous en jugerez comme moi. Malgré l'élasticité des formules et le peu de précision des termes il s'agit de coopération active. L'esprit de la Triple Entente contenait ce principe à l'état latent. L'état de l'opinion publique tendait plutôt à continuer dans cette voie. L'occasion d'en sortir s'est trouvée à Paris. Les impressions recueillies par le gouvernement anglais lors de cette visite ont en réalité été fortes et puissantes. Guidé par ces fortes convictions au sujet de la valeur de l'entente Sir Edw. Grey n'a pas hésité un instant. Je m'attendais par-

[1] См. выше № 21.

[2] Опубл. (частично) в L. N., II, p. 323—324.

[3] См. т. II, № 320.

faitement à l'adhésion de Mr. Asquith, je redoutais un peu qu'au Conseil du Cabinet la chose fût traînée. Je ne sais ce qui s'est passé. Je sais pourtant qu'il a suffi d'une séance et qu'il n'y a eu aucune opposition. Il est vrai que c'est parce qu'on n'a pas demandé plus. Plus n'a pas été possible. Que les rapports de l'Angleterre avec les Puissances de la Triple Alliance se soient détendus, voire améliorés, c'est ce qui ne fait pas de doute. La décision actuelle du gouvernement anglais prouve que décision est prise de ne cultiver cette amélioration que dans les limites que permet le principe de la Triple Entente. De fait elle n'est devenue réellement triple que par là.—Aussi suis-je d'avis qu'il faut battre le fer tant qu'il est chaud et mettre les amirautés en contact le plus tôt possible, sans retard. — Le rôle de l'amirauté anglaise au cas de guerre sera si puissant à cause de lui-même et du contact déjà établi avec l'amirauté française que le choix de Londres comme siège des négociations me parait aussi légitime qu'indiqué. Je ne puis juger du capitaine Wolkoff au point de vue marin. Pour tout le reste, je le crois très apte à inaugurer l'affaire. Je le connais assez maintenant pour le juger comme intelligent, calme, sans préjugés et armé d'un grand fond de jugement sain et juste. La situation qu'il a su se créer ici est d'ailleurs excellente. Débuter par l'envoi de quelqu'amiral en vue ne ferait pas du tout l'affaire et pourrait la compromettre. La presse s'en emparerait de suite. Si j'avais à suggérer un plan, j'aurais sans retard appelé le cap. Wolkoff à Pétersbourg pour le munir d'instructions suffisantes pour débuter [1]. Puis-je vous demande de faire parvenir à Paris quelques mots d'appréciation du rôle joué en tout ceci par Mr. Paul Cambon. Il m'a aidé des pieds et des mains en y mettant autant d'ardeur que d'habileté et de savoir-faire. A tout prendre, au point de vue politique général, cette affaire est certainement la plus importante que le moment actuel présente pour nous. Il y a à noter que Sir E. Grey n'y a pas mis l'ombre d'une condition concernant d'autres affaires, sérieuses assurément, qui nous occupent. Ceci relève plus que ne diminue l'importance des négociations entamées par Buchanan concernant le Thibet [2]. Nicolson m'a lu les deux premiers télégrammes de l'ambassadeur sur vos deux premiers entretiens. Entretiens ardus, dont Nicolson m'a dit: „Votre chef et Buchanan ont affronté tout d'abord les plus grosses difficultés, sans ambages, c'est ce qu'il faut entre gens qui savent se comprendre". — Pour mon compte, vous le savez, je ferais bon marché du Thibet. Mais il faut la

[1] В L. N., начиная со слов „Je ne puis juger du capitaine Wolkoff..." до „débuter", опущено, что отмечено многоточием.

[2] В L. N. окончание письма не приведено, но кратко изложено в примечании.

compensation, — la difficulté est de la trouver. Nous obtiendrons bien quelque chose en Afghanistan, mais pas assez pour contenter l'opinion publique chez nous. Le public anglais pensera au Nord de la Perse et se dira: „c'est le sort évident du Sud de l'Afghanistan". Il n'y aura guère moyen de vaincre cette objection, par trop stratégique. C'est du Transpersan renforcé. L'Afghanistan n'est pas, de beaucoup, aux mains de l'Angleterre autant que le Sud de la Perse. — Un remodelage de toute la convention serait le vrai, mais c'est bien long et déchirer celles qui existent avant d'y avoir substitué autre chose au fur et à mesure me paraît bondé d'inconvénients. Je comprends parfaitement les principes d'ordre général qui vous font exclure la Mongolie. L'exclusion complète, n'est-ce pas aller un peu loin. A tout prendre la reconnaissance par l'Angleterre de l'état de choses que nous y avons établi, a bien quelque valeur. En principe nous n'en avons pas besoin, mais en pratique elle simplifie l'avenir incertain, le décharge et semble étendre l'entente à la Chine. Si nos amirautés, comme je n'en ai pas de doute, aboutissent, la situation change de beaucoup, et je ne verrais plus aucun inconvénient à cette extension de l'entente, elle la solidifierait encore, la chose n'aurait même pas besoin d'être dite. Au point de vue de l'opinion tant russe qu'anglaise, elle peut en être frappée. Mongolie, Thibet offrent des équivalents qui frappent. Dans l'intérêt de l'entente, il faut déraciner ici la conviction acquise qu'au fond, par les conventions, l'Angleterre a conclu un marché, qui s'est trouvé être un marché de dupes. Demander de l'Afghanistan pour prix du Thibet, serait renforcer cette conviction. Ceci n'exclut pourtant aucunément certaines modifications nécessaires en Afghanistan, mais dans la limite réellement nécessaire, c'est-à-dire, sans semblant d'ingérence politique. Que fera notre résident à Hérat, sans forte escorte et sans droit d'appeler des troupes. Il sera en danger; d'un autre côté obtenir pour lui une situation plus privilégiée que la situation anglaise à Cabul n'est pas possible. Quoiqu'il en soit, vos deux premiers entretiens ont eu un bon effet.

J'ai reçu lundi votre lettre sur la marine turque [1]. J'apporterai tous mes soins à cette importante question. D'après les informations de Cambon, les Turcs penseraient sérieusement à se mieux mettre avec nous. Je ne connais pas exactement le degré d'influence de Tewfik Pacha. Mais je sais qu'il est de cet avis. Son argument, et il le répète, en choisissant les interlocuteurs, est que la Turquie n'a plus qu'un seul voisin, l'Europe turque ne comptant plus.

Pour clore — laissez moi attirer votre attention sur le prix qu'on

[1] См. т. II, № 384.

met ici au secret. C'est surtout affaire militaire, c'est pourquoi le minimum du monde nécessaire est au courant ici. On tiendrait infiniment qu'il en soit de même chez nous. Des déplacements de gros personnages donnent l'alarme, on ne les aimerait pas, tandis que des voyages même répétés du capitaine Wolkoff n'ont rien que de naturel.

Quant à la Perse, l'évacuation effectuée a fait excellent effet, seulement je dois vous prévenir qu'une extension ou augmentation trop considérable de la brigade de cosaques rencontrera une très forte opposition. Elle se marque déjà à la Chambre. Même les conservateurs n'aiment pas cela. A part cela, avec quelque tirage les choses marcheront. — Je sais que Grey a dit à Paris, que les difficultés en Perse s'arrangeraient finalement toujours. En tout cas i f n'y voit aucune question insoluble.

Je ne vois pour l'heure rien d'essentiel à ajouter et clos avec toutes mes plus sincères amitiés.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Я бесконечно сожалею, что заставил вас так долго томиться без известий из Лондона. У меня не было оказии. Письмо Извольского известило вас о начале переговоров с Англией в Париже. Вы узнаете лишь с этим курьером о том, насколько далеко продвинулись вчера переговоры. Это означает шаг вперед, который я считаю значительным. Я думаю, что вы согласитесь со мной. Несмотря на эластичность формул и малую точность терминов, дело идет об активном сотрудничестве. Дух Тройственного согласия содержал этот принцип в непроявленном виде. Общественное мнение склонялось к тому, чтобы продолжать итти прежним путем. Случай сойти с него представился в Париже. Впечатления, полученные английским правительством во время этого посещения, были на самом деле сильными и яркими. Руководимый сильным убеждением в значении Согласия, сэр Э. Грэй не размышлял ни одной минуты. Я вполне ожидал согласия г. Асквита, но я несколько опасался, что в заседании кабинета дело затянется. Мне неизвестно, что произошло. Я знаю, тем не менее, что достаточно было одного заседания и что не было никаких возражений. Правда, это объясняется тем, что не просили большего. Большее оказалось бы невозможным. Нет сомнения в том, что напряженность отношений Англии с державами Тройственного союза разрядилась, и они улучшились. Настоящее решение английского правительства доказывает, что Англия готова способствовать этому улучшению лишь в меру, соответствующую принципу Тройственного согласия. Только вследствие этого оно стало на самом деле Тройственным. Я придерживаюсь того мнения, что железо следует ковать, пока оно горячо, и адмиралтейства должны вступить в контакт как можно скорее, без промедления.

Роль английского адмиралтейства в случае войны настолько значительна сама по себе и вследствие уже установленной им связи с французским адмиралтейством, что выбор Лондона как места переговоров представляется столь же естественным, сколь и предопределенным. Я не могу судить о капитане Волкове как о моряке. Во всех остальных отношениях я считаю его очень подхо-

дящим для того, чтобы приступить к делу. Я знаю его теперь достаточно для того, чтобы судить о нем как о человеке разумном, спокойном, без предрассудков и вооруженном большой долей здравых и правильных суждений. Положение, которое он сумел себе здесь создать, превосходно. Если бы мы начали с посылки какого-либо видного адмирала, то это нисколько не способствовало бы делу, но могло бы его скомпрометировать. Вопрос попал бы в прессу. Если бы я должен был указать план, то я высказался бы за немедленный вызов капитана Волкова в Петербург для снабжения его инструкциями, достаточными для того, чтобы начать переговоры. Затем я попросил бы вас сообщить в Париж несколько слов одобрения той роли, которую сыграл во всем этом г. Поль Камбон. Он помогал мне всеми способами и проявил столько же усердия, сколько ловкости и уменья. В целом, с общеполитической точки зрения, это дело в настоящий момент для нас наиболее важно. Надо заметить, что сэр Э. Грей не сделал даже намека на какое-либо условие, касающееся других, несомненно серьезных вопросов, которые нас занимают. Это скорее подчеркивает, чем уменьшает значение переговоров, начатых Бьюкененом о Тибете. Никольсон прочел мне две первые телеграммы посла о ваших двух первых беседах. В беседе были затронуты сложные вопросы, и Никольсон мне сказал: ваш руководитель и Бьюкенен коснулись прежде всего без обиняков самых больших трудностей, что и должны были сделать люди, умеющие друг друга понимать. Что касается меня, то, как вы знаете, я не стал бы дорожить Тибетом. Но для этого нужна компенсация, и трудность заключается в том, чтобы ее найти. Мы, конечно, получим кое-что в Афганистане, но недостаточно для того, чтобы удовлетворить наше общественное мнение. Английская публика вспомнит о Северной Персии и подумает: такова же будет несомненно судьба южного Афганистана. Нельзя устранить это возражение, носящее чрезмерно стратегический характер. Эта проблема подобна вопросу о Трансперсидской дороге, но еще более сложна. Афганистан далеко не в такой степени в руках Англии, как Южная Персия. Следовало бы переделать всю конвенцию, но это потребует слишком много времени, и мне кажется, что уничтожение того, что существует, без постепенной замены чем-либо другим, чревато неудобствами. Я вполне понимаю те принципы общего порядка, которые побуждают вас исключить Монголию, но не является ли полное исключение несколько чрезмерным. В целом, признание Англией того положения вещей, которое мы там создали, имеет некоторое значение. В принципе мы в нем не нуждаемся, но на практике оно уяснит неопределенное будущее, облегчит его и может распространить Согласие на Китай. Если наши адмиралтейства придут к цели, в чем я не сомневаюсь, то положение сильно изменится, и я не видел бы никакого неудобства в таком расширении Согласия, ведь это его еще укрепит, что ясно само по себе. Общественное мнение как в России, так и в Англии будет поражено. Монголия и Тибет представляют такие эквиваленты, которые должны поразить. В интересах Согласия необходимо искоренить усвоенное здесь убеждение, что посредством конвенций Англия заключила сделку, в которой оказалась одураченной. Требовать Афганистан в виде оплаты за Тибет означало бы укреплять это убеждение. Впрочем это нисколько не исключает внесения некоторых необходимых изменений в вопрос об Афганистане, но в пределах действительно необходимого, т. е. без подобия политического вмешательства. Что будет делать наш резидент в Герате без сильного конвоя и права призывать войска? Он будет находиться в опасности. С другой стороны, невозможно добиться для него более привилегированного положения, чем имеют англичане

в Кабуле. Как бы то ни было, ваши две первые беседы дали хорошие результаты.

В понедельник я получил ваше письмо о турецком флоте. В этом важном вопросе я применю все свои старания. По сведениям Камбона, турки серьезно думают улучшить свои отношения с нами. Я не знаю в точности степень влияния Тевфик-паши. Но я знаю, что он придерживается этого мнения. Его довод, который он повторяет, правда, лишь некоторым своим собеседникам, заключается в том, что Турция имеет лишь одного соседа, так как европейская Турция больше в счет не идет.

В заключение позвольте мне обратить ваше внимание на значение, которое здесь придают секретности. Вопрос преимущественно военный, вследствие чего здесь осведомлено о нем минимально необходимое количество людей. Здесь придают громадное значение тому, чтобы у нас дело обстояло так же. Переезды видных особ вызывают тревогу, и их считали бы лишними, в то время как даже повторные путешествия капитана Волкова вполне естественны.

Что касается Персии, то эвакуация произвела прекрасное впечатление, но я должен вас предупредить, что слишком значительное расширение или увеличение казачьей бригады встретит очень сильные возражения. Они уже замечаются в палате. Даже консерваторы против такого расширения. За этим исключением дело при некотором усилии двинется. Мне известно, что Грей сказал в Париже, что затруднения в Персии, в конечном итоге, должны разрешиться. Он во всяком случае не видит никаких неразрешимых вопросов.

Сейчас у меня нет ничего существенного для добавления, и я кончаю выражением моих самых дружеских чувств.

Бенкендорф.

№ 40. Военно-морской агент в Лондоне послу в Лондоне Бенкендорфу.

Рапорт[1]. 20/7 мая 1914 г.

Доношу вашему сиятельству, что, по имеемым у меня достоверным сведениям, Турция заказала фирме Armstrong, Whitworth and C° редноут типа „Reshad V", строящегося на заводе Vickers'a. Вооружение его состоит из 10-ти 13,5-дюймовых и 16-ти 6-дюймовых пушек. Скорость хода на один узел больше проектируемой скорости „Решада V", т. е. 22 узла.

Кроме того, Армстронг сооружает для Турции плавучий док в 33 000 тонн, который предназначается для нового военного порта в бухте Измид Мраморного моря.

Греция заказала фирме Cammel Laird крейсера[2] „Чатам" в 5 500 тонн и 2 эскадренных миноносца, а фирме Джон Браун — 2 эскадренных миноносца.

Флигель-адъютант Волков.

---

[1] Копия. Публикуемый документ переслан Бенкендорфом Сазонову при сопроводительной записке от 20/7 мая.

[2] Так в подлиннике.

№ 41. Представитель Русско-Азиатского банка в Париже начальнику Ближне-восточного отдела Трубецкому.

Письмо. 20/7 мая 1914 г.

Частное.

Глубокоуважаемый князь Григорий Николаевич,

Из бесед здесь как с чинами министерства иностранных дел, так и с финансовыми деятелями я выношу впечатление, что вопрос о включении нашего делегата в Совет оттоманского долга мог бы быть разрешен в близком будущем. Французы пришли к убеждению, что мы настоятельным образом добиваемся этой меры, и что рано или поздно наша цель будет достигнута. Теперь они в частных беседах говорят уже прямо о возможности, в случае крайней необходимости, согласиться на одно из требований Германии или на формулу Джавид-бея о замене турецкого комиссара делегатом. Однако они уверены, что немцы согласятся и без принесения французами таких „жертв", ибо немцы более всего опасаются нашего несогласия ввести таможенную надбавку. С другой стороны, как французы, так и немцы не менее опасаются того, что в случае неудовлетворения нашего требования наше отношение к турецкому долгу может измениться. Когда в 189[illegible] году нам было предложено вступить в Совет долга и мы отказались от этого согласно настояниям покойного А. И. Нелидова, последним была вручена 23 декабря 1896 года турецкому правительству нота с обещанием поддерживать права Совета долга и интересы держателей турецких государственных бумаг. Само собой разумеется, что мы теперь находимся в положении прямо обратном, ибо мы просим о включении делегата, и нам чинят препятствия. При таких условиях государства, заинтересованные в турецких финансах, вправе опасаться, что Россия откажется от этой ноты, существование которой является, как я имел случай убедиться, своего рода пугалом.

Что касается до финансовой комиссии, то против ее созыва на 15 июня нов. ст. высказались до сих пор, и притом лишь устно и в весьма мягкой форме, Германия, Австрия и Болгария. Первая при этом заявила, что она все же надеется закончить переговоры с турками к этому сроку. Вторая, повидимому, опасается того, что если она предстанет пред финансовой комиссией до достижения соглашения с Сербиею по поводу Восточных дорог, то комиссия, и в том числе ее собственные союзники, признает принцип выкупа, который в таком случае уже не будет связан с какими бы то ни было компенсациями Сербии в ее пользу. Французы, повидимому, решились торопить Австрию, дабы побудить ее к скорейшему согла-

шению с Сербией. Болгария заявляет, что она „неготова", но Станчов сознался мне, что эта готовность явится немедленно, если только заем будет заключен во Франции, а не в Германии. Так как в круг ведения комиссии входит вопрос о французских акционерах и облигационерах проходящей ныне по болгарской территории линии Салоники—Константинополь, то болгары этим способом думают произвести известное давление в Париже.

В заключение не могу не обратить внимание ваше на образование в Париже группой второстепенных строителей общества под хитроумным наименованием „Общество сербских портов и связанных с ними железных дорог". Нет сомнения, что учредители этого общества имеют в виду Дунайско-Адриатическую железную дорогу и думают лестным для сербского самолюбия названием привлечь на свою сторону сербское правительство. Прежде всего они хотят получить постройку линии Приштина—Призрен, а засим каким-нибудь образом пристроиться и к Албании. Предварительный контакт на другой участок Дунайско-Адриатической дороги, от Мердаре до Приштины, уже заключен сербским правительством с Франко-сербским банком, причем последний совершенно игнорировал известный ему факт, что с 1908 года существует в Париже образованный по почину русского правительства синдикат Дунайско-Адриатической дороги с русским участием, что этот синдикат заключил предварительное соглашение с турецким правительством, что он произвел за свой счет изыскания, и что ему принадлежит во всяком случае моральное право. Нам, конечно, и не следовало выступать с официальным протестом по этому поводу, в особенности перед международной финансовой комиссией, потому что такой протест мог бы быть истолкован как признание нами принципа обязательности для нового владельца территории подчиниться всем частно договорным сделкам прежнего суверена и был бы использован австрийцами относительно Восточных дорог. Но из этого не следует, что наши союзники—французы могут устранять нас из предприятия, которое мы сами выдвинули и которое приобретает ныне для нас важное экономическое значение ввиду железнодорожного соглашения Сербии с Румынией и улучшения наших сообщений с этой последнею страною. Само собой разумеется, что всякие попытки каких-либо предпринимателей отстранить нас от участия в албанском участке дороги являются покушениями с негодными средствами. Но нам не следует относиться равнодушно к нашему отстранению в Сербии. В настоящее время Франко-сербский банк, повидимому, пришел к убеждению, что поступил не совсем корректно по отношению

к России, и выражает готовность пойти на сделку, „буде этого пожелает сербское правительство". Я думаю, что как для урегулирования этого вопроса, так и для препятствования вожделениям упомянутого выше нового общества, придется переговорить непосредственно с сербами, для чего я, вероятно, съезжу в Белград. К этому присоединяется то обстоятельство, что крупнейшие французские банки, через посредство коих размещаются на парижском рынке сербские ценности, чрезвычайно заинтересовались новой железнодорожной программой сербского правительства. Однако нужно иметь ввиду, что ликвидация войны, новые вооружения и другие потребности Сербии вызовут необходимость в ряде сербских государственных займов, помимо железных дорог. Поэтому французские банки думают выпускать наряду с сербскими государственными фондами особые железнодорожные займы, обеспеченные теми или иными поступлениями по соглашению с сербским правительством. На этой почве здесь возник острый конфликт между крупными банками и Франко-сербским банком, который считает, что ему принадлежит своего рода монополия сербских дел. К этому присоединяется то обстоятельство, что у каждого банка имеются и свои строители железных дорог. Я думаю, что почва для соглашения имеется, и что в наших интересах все то, что может ускорить осуществление сербских государственных задач. К несчастью, на службе Société Générale имеется австриец, г. фон Адлер, вмешательство коего в переговоры дает возможность Франко-сербскому банку утверждать, что все указанные выше начинания находятся под подозрением. Но ничто не мешает сербскому правительству оговорить свое согласие непременным условием, чтобы в деле не приняли никакого участия австрийские группы, если только сама Сербия не станет на путь такой уступки при разрешении вопроса о Восточных дорогах. Я должен добавить к этому, что на этот раз крупные банки Парижа готовы пойти широко навстречу России и предоставить русским элементам весьма значительное участие как в управлении делом, так и в строительстве. Я с своей стороны уже обусловил наше участие отсутствием австрийцев, на что французы немедленно согласились. Вообще австрийские интриги в отношении парижского рынка всегда возможны, повторяются часто и постоянно приводят к неудаче, ибо французскому правительству нет никакого основания давать на это свое согласие, подвергаясь и нашему неудовольствию и нападкам печати.

Примите и пр.

Н. Рафалович.

№ 42. Представитель Русско-Азиатского банка в Париже заведующему отделом Среднего Востока Клемму.

/. Письмо. 20/7 мая 1914 г.

Глубокоуважаемый Василий Оскарович,

Как я вам телеграфировал, предположение о предоставлении группе Гринвея линии Керман—Бендер-Аббас вызывает целый ряд существенных сомнений, выразить которые по телеграфу в кратком виде я не смог [1].

Прежде всего, возникает вопрос, не вызовет ли указанное предположение распадения Socéité, которого мы хотели, во всяком случае, избежать, как с точки зрения наших отношений к Англии, так и ради облегчения получения концессии в Персии. Между тем, если вышеуказанная линия будет предоставлена Гринвею, в пределах русской зоны линия будет строиться филиальным обществом Société, в коем у англичан ничтожное участие, а между Иездом и Керманом покуда ничего не будет строиться, то что же останется английской группе Société, во главе которой стоит глава дома Берингов и в состав коей входит целый ряд видных банков? Можно предсказать с большой долей вероятия, что при таких условиях группа эта откажется от всякого дальнейшего касательства к делу, от которого она будет отстранена принятием указанного предположения. Не говоря о том, что Беринг—первый банкир русского правительства в Лондоне и что министерство финансов, вероятно, не пожелает причинять ему по русскому почину обиду, совершенно ясно также, что группу Гринвея в состав Société вводить невозможно, ибо она состоит из элементов, принадлежащих к наиболее радикальным и враждебным России кругам Англии, весьма близким в своих воззрениях по персидской политике к взглядам профессора Броуна и весьма склонных к соглашению с немцами вообще и с Багдадской железной дорогой в частности. Кроме того, эта группа, с точки зрения ее финансовой силы, не может быть поставлена рядом ни с французской, ни с русской группой Société. Рассчитывать на замену группы Беринга какой-нибудь третьей серьезной группой также совершенно невозможно, ибо, как я указал выше, роль английской группы будет сведена нанет, и трудно было бы даже предложить кому-нибудь столь неблагодарную роль. Другое дело, если бы мы или британское прави-

[1] Имеется в виду тел. Рафаловича от 19/6 мая, последовавшая в ответ на тел. Клемма от 15/2 мая за № 893, в которой сообщалось о том, что „русская группа Société считает предоставление этой линии Гринвею желательным".

тельство не поладили с Берингом, тогда у меня есть в запасе не менее солидный банк барона Шредера, но это уже совершенно иной вопрос.

Другая сторона дела, вызывающая у меня неменьшую тревогу, это картина, которая легко может получиться в будущем при осуществлении обсуждаемого предположения. А именно в случае, если вопрос о линии на Чахбар затянется, то легко может оказаться, что, передав линию Керман—Бендер-Абасс группе Гринвея, мы тем самым сами себя отрезали [бы] от выхода к Персидскому заливу и от всякого влияния и всякого участия в этом деле, в котором явятся хозяевами враждебные нам и близкие немцам элементы. Что группа Гринвея не представляет собой силы в финансовом отношении,—несомненно верно, но я всегда отношусь с большою опаскою к передаче концессий в руки несостоятельных групп, ибо последние склонны засим на всякие неожиданные и неприятные компромиссы для осуществления своего дела. При несомненном и значительном влиянии, которым Гринвей и его друзья пользуются в английском министерстве иностранных дел, можно опасаться как опасных для нас комбинаций с другими группами, хотя бы немецкими, так и того, что Гринвей добьется в конце концов финансовой помощи со стороны своего правительства, и надежда наша на то, что линия останется неосуществленной, легко может рухнуть. С Гринвеем следует столковаться не только с точки зрения Трансперсидской дороги, но и ради наших интересов вообще не следует давать ему играть первую скрипку [1].

Я не запросил французскую группу о ее мнении насчет переданного вами предположения, ибо я опасался вызвать в ее среде смущение. До сих пор мы могли вполне на нее рассчитывать, как то можно усмотреть, например, из сообщенного вам заключения правления Société об английском меморандуме [2]. Я не сомнева-

[1] В своем письме Клемму от 5 июня/23 мая, также посвященном Трансперсидской ж. д. и, в частности, вопросу о скорейшем получении опциона (см. т. II, № 174, прим. 15), Рафалович говорит о „положении, которое всегда разделялось мною [Рафаловичем], что в конце концов придется сговориться с Гринвеем, не давая ему однако руководящей роли на юге, ибо это значило бы играть в руку английским руссофобам, персидскому комитету и Багдадской дороге. Если только опцион будет получен, то разговор с Гринвеем сразу сделается более легким, ибо, с одной стороны, будет налицо известное право, удовлетворяющее к тому же болезненное самолюбие английской группы Société, а, с другой стороны, это позволит нам сыграть роль честного маклера с затаенной мыслью оттянуть все то, что может быть нам неприятно".

[2] См. т. II, № 174.

юсь, что она посмотрела бы на дело как на разрушение Трансперсидского проекта и предпочла бы в таком случае прямо и открыто перейти к осуществлению русских железнодорожных проектов на севере, не сохраняя клички и флага Трансперсидской железной дороги.

Если нам нежелательно давать наше прямое согласие на направление Керман—Бендер-Аббас, то ничто не мешает нам в течение того года, который предоставляется английским меморандумом для завершения переговоров о южной части линии, выдвинуть предложение, в силу коего линия Керман—Бендер-Аббас явится ответвлением магистрали, причем „мы не теряем надежду, что современем великобританское правительство признает важное экономическое значение кратчайшего пути и присоединится к мысли о желательности его осуществления для общей пользы".

Что же касается до смычки Керман—Иезд, то ее при всяком решении вопроса можно будет оттянуть хотя бы с точки зрения финансов[illegible] ибо, если мы сами не будем на ней настаивать, то очередь до нее дойдет еще нескоро. Сначала будет строиться дорога до Тегерана, затем ветки Керман—Бендер-Аббас и, может-быть, одновременно линия Тегеран—Иезд, а потом лишь дойдет до смычки, которая, повторяю, дело отдаленного будущего.

Я, конечно, не располагаю здесь всеми теми доводами и соображениями, которые продиктовали вам и русской группе сообщенную мне мысль, но я счел долгом изложить вам, как я понимаю этот вопрос с точки зрения преследуемых нами задач.

Примите и пр.

Н. Рафалович.

№ 43. Посланник в Софии министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 87. 20/7 мая 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 917[1]. Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 122[2]. Копия в Париж. Прошу срочных указаний.

Говоря в Париже о возможности коалиционного кабинета Малинова—Геннадиева, Панафье учитывал только беззастенчивость последнего, но не принял в соображение, что Малинову трудно будет объяснить перед общественным мнением свое сотрудничество с человеком, преданным им самим суду. Пока суд длится, лично Геннадиев, конечно, не может войти в состав правительства; я думал, что, быть может, Малинов мог бы воспользоваться этим об-

[1] См. выше № 29.
[2] См. выше № 22.

стоятельством, чтобы дать в будущем кабинете один или два портфеля стамбуловистам, открывая этим Геннадиеву перспективы в будущем. Но Малинов не признает для себя возможным и эту комбинацию и высказал мне, что по соображениям общеполитического и партийного свойства предпочитает не вступать в сношения с нынешним правительством и партиями, а в случае призвания к власти произвести новые выборы, для обеспечения полного успеха которых войдет в предварительное общение с другими партиями оппозиции. Малинов предпочел бы дать народному собранию провести сначала бюджет, odium которого за предположенные новые налоги в 65—70 миллионов пал бы таким образом на нынешнее правительство. После утверждения бюджета дней через 20 Малинов указал бы Радославову, что политическая ориентировка известного письма [6 июля] 23 июня[1] ни к чему до сих пор не привела, равно как обещание не отягчать населения новыми налогами не соблюдено, и что поэтому нынешнее правительство должно уступить место другому. Взгляд Тодорова—иной. В новых налогах он не усматривает обстоятельства, особенно неприятного, и считает возможным реконструкцию нынешнего кабинета Малиновым при известном содействии короля для удовлетворения честолюбивых претензий отдельных членов нынешнего кабинета. План Малинова, будучи более рациональным и государственным, был бы предпочтительным, если бы нам не грозило, что Берлин, проведав наше желание расстроить заем, поспешит подписать его, смягчив условия. Ввиду наличности этой опасности и считая, что нам теперь нельзя ни отступать, ни терять времени, я спросил совершен-

[1] Имеется в виду письмо Радославова, Геннадиева и Тончева на имя короля Фердинанда от 6 июля/23 июня, напечатанное в газете „Мир“ и в переводе сообщенное Саблером в м-во ин. дел в приложении к депеше от 19/6 октября 1913 г. за № 30. Текст письма следующий:

„Ваше величество. Когда мы были вызваны на совещание во дворце, мы вам заявили, что для удачного разрешения нашего спора с Грецией и Сербией посредством войны нам необходимо обеспечиться со стороны Турции и Румынии и добиться поддержки Австро-Венгрии. Все условия успеха такой политики были налицо, но наши советы не были приняты во внимание. Было предложено полное подчинение русской политике, вопреки вопиющему и каждый день возрастающему от этого злу, и таким образом Болгария была доведена до настоящих критических минут. Мы считаем, что теперь нет места новым ошибкам. Мы думаем сегодня, как и вчера, что спасительный для царства путь — это политика тесного приятельства с Австро-Венгрией. Эта политика должна быть начата без замедления, потому что каждый час — роковой. Просим ваше величество войти еще сегодня в соответствующие сношения для спасения Болгарии от новых несчастий и династии от новой ответственности“.

но конфиденциально моих собеседников, каждого, конечно, отдельно, как бы они отнеслись к следующему шагу, и примиряющему оба мнения, и дающему надежду на успех, так как и они оба и я глубоко убеждены, что ключ всегда в руках короля: сказать королю, что во имя соображений, изложенных в моей телеграмме № 84 [1], Россия и Франция дают ему аванс под непременным условием, что он сменит нынешнее правительство, лишь только это можно будет сделать без излишних потрясений для страны, и что только тогда Болгария получит заем. Выдача ныне же аванса и это последнее условие окончательно свяжут короля. Малинов и Тодоров оба отнеслись весьма сочувственно к этому плану. Признавая его единственно достигающим цели, прошу срочных указаний, должен ли я в случае одобрения говорить лично с королем, или чрез Добровича. Последнее предпочтительнее на случай неуспеха и во избежание излишней огласки, но менее действительно.

Савинский.

№ 44. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 88. 20/7 мая 1914 г.

Вчера директор Народного банка привез из Вены 10 миллионов франков, данных венскими банкирами под залог частных ценных бумаг. Этот нелегальный способ получения денег свидетельствует, с одной стороны, о крайней нужде в них, и прежде всего на поддержание курса, а с другой—что пока переговоры с Берлином еще не так близки к окончанию. Как говорят, отъезд министра финансов в Берлин назначен на субботу.

Савинский.

№ 45. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

№. Письмо. 20/7 мая 1914 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Накануне дня для подписания в Афинах сербско-греческого соглашения о сербской торговле в Солуни, здешний итальянский посланник вручил греческому правительству ноту, согласно коей итальянское правительство требует предоставления льгот подобно сербским в пользу итальянской торговли.

Заявление это произвело здесь удручающее впечатление, вы-

[1] См. т. II, № 418.

разившееся в отказе со стороны Греции подписать соглашение, по крайней мере, в той форме его, о которой стороны уже договорились. По мнению г. Балугджича, выступление сделано по наущению Австрии, всячески пытающейся создавать препятствия Сербии и отделить последнюю от Греции. В Белграде, повидимому, отнеслись весьма чувствительно к этой новой неожиданной оттяжке, а сербский министр финансов даже говорил, будто бы, об отказе от соглашения. Такой образ действий, очевидно, повлек бы за собой значительное охлаждение греко-сербских отношений и сыграл бы в руку Австрии.

Отдавая себе отчет в затруднительном положении и в опасностях всякого опрометчивого шага, мой сербский товарищ обратился по сему вопросу непосредственно к г. Пашичу, на благоразумие коего он возлагает все свои надежды. Тем временем он здесь прилагает усилия к изысканию формулы, имеющей согласовать сербские торговые интересы с греческими опасениями чрезмерных чужих притязаний. С своей стороны я посильно поддерживаю его в этом направлении.

Дело в сущности сводится к вопросу чисто внешнему, формальному, мало затрагивающему действительные сербские интересы. Наилучшим, повидимому, исходом представляется переименование „сербской зоны“ в „зону прямого транзита“ для избежания отдельных зон иностранных государств, которых греческое правительство допустить не желает. Такая зона „прямого транзита“, хотя и предоставленная торговле всех наций, все же оказалась бы почти исключительно в сербских руках, так как прямым транзитом в Солуни будет пользоваться преимущественно Сербия.

В названном смысле, вероятно, будет разрешен настоящий вопрос, лишний раз свидетельствующий о постоянных попытках Австрии, а через нее и Италии, чинить затруднения Сербии и всячески вредить отношениям двух балканских союзниц.

Примите и пр.

Демидов.

№ 46. Памятная записка министра иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену [1].

21/8 мая 1914 г.

Dans son aide-mémoire du [3 mars] 18 février [2] a. c. l'ambassadeur de la Grande Bretagne a bien voulu prévenir le ministère impérial des

[1] Лит. копия.

[2] См. т. I, № 363.

affaires étrangères de l'intention de son gouvernement d'entrer en négociations avec le gouvernement mongol en vue d'obtenir l'engagement de ce dernier de ne frapper les marchandises de provenance anglaise importées en Mongolie d'aucun droit d'importation, de transit ou autres. L'ambassadeur de la Grande Bretagne a bien voulu citer une des clauses du protocole russo-mongol du [3 novembre] 21 octobre 1912 aux termes duquel les sujets russes ont le droit d'importer en Mongolie des marchandises, sans distinction de provenance, en franchise de droits, et il a émis l'avis que le même droit devait être accordé aux marchandises anglaises en conformité du principe de la nation la plus favorisée.

Or, les sujets russes jouissent du droit susmentionné depuis le commencement des relations commerciales russes avec la Mongolie par voie de terre. Des stipulations à cet effet ont été introduites dans les traités russo-chinois de 1862 et de 1881, et le protocole conclu à Ourga avec le gouvernement mongol n'avait pour but que de confirmer l'état de choses déjà existant. Les autres Puissances limitrophes de la Chine et de ses possessions ont de même obtenu des facilités spéciales pour leur commerce avec ce pays par voie de terre, et notamment l'Angleterre pour le commerce sur la frontière de la Birmanie. Ces différents régimes établis pour le commerce des pays qui ont avec la Chine des frontières communes n'ont jamais été considérés contraires au principe de la nation la plus favorisée qui régit le commerce avec la Chine par voie de mer. Ce dernier a toujours été frappé de droits de douane tant d'importation que de transit. A moins d'avoir rempli des formalités spéciales, les marchandises importées en Chine par mer doivent payer les taxes locales (likin) établies en Chine. Des bureaux pour la perception de ces taxes n'existaient d'abord que dans les 18 provinces de la Chine Intérieure. Plus tard le gouvernement chinois en a établi dans ses possessions en dehors de la Grande Muraille. En 1911, c'est-à-dire avant la proclamation par la Mongolie de son autonomie, un pareil bureau a été créé à Ourga. Aucune Puissance n'a protesté à cette époque contre cet acte qui était reconnu de la compétence exclusive de l'administration chinoise. Le gouvernement mongol n'a donc fait qu'adopter pour le commerce le régime pratiqué en Chine et introduit en Mongolie par le gouvernement chinois.

Dans ces conditions le régime auquel le commerce russe en Mongolie est soumis en ce moment se résume à une franchise de droits exclusivement pour les marchandises importées par la frontière de terre russo-mongole; quant au commerce russe se dirigeant dans ce pays par mer et ensuite par la frontière sino-mongole, il est soumis au régime général, c'est-à-dire il paie les droits d'entrée dans les ports ouverts

chinois et les taxes locales perçues par les bureaux chinois et mongols. C'est donc le même régime qui était en vigueur avant que la Mongolie devînt un pays autonome. Le commerce russe est soumis en Mongolie aux mêmes conditions que celui des autres Puissances, à l'exception de l'importation par voie de terre qui se fait en effet dans des conditions spéciales tout comme le commerce sur les autres frontières de terre de la Chine, ce qui s'explique par la situation géographique de la Russie limitrophe de la Chine.

Par contre le gouvernement anglais semblerait prétendre à une situation sans précédent pour le commerce avec la Mongolie. Il réclame notamment une franchise de droits d'entrée, de transit et autres non pas pour les marchandises importées par ses sujets, mais pour toutes les marchandises de provenance anglaise, ce qui est absolument contraire aux principes qui ont fait jusqu'ici la base des traités de commerce de la Chine. Il réclame pour son commerce par voie de mer un régime de faveur dont aucune autre Puissance, sans excepter la Russie, ne jouit ni dans la Chine propre, ni dans les régions soumises à la suzeraineté chinoise.

Le ministère impérial aime à espérer que le gouvernement anglais voudra bien se contenter de la situation que ses traités avec le gouvernement chinois créent pour son commerce et qu'il renoncera à l'idée de réclamer en Mongolie un traitement plus favorable que celui dont y jouit la Russie.

Перевод.

В своей памятной записке от [3 марта] 18 февраля тек. года посол Великобритании предупредил императорское министерство иностранных дел о намерении его правительства вступить в переговоры с правительством Монголии с целью получить от последнего обязательства не облагать товары английского происхождения, ввозимые в Монголию, никакими ввозными, транзитными или иными пошлинами. Посол Великобритании привел одно из положений русско-монгольского протокола от [3 ноября] 21 октября 1912 г., согласно которому русские подданные имеют право ввозить в Монголию беспошлинно товары, независимо от их происхождения, и высказал взгляд, что то же право должно быть предоставлено английским товарам в соответствии с принципом наиболее благоприятствуемой нации.

Однако русские подданные пользуются названным правом с возникновения русских сухопутных торговых отношений с Монголией. Соответствующие условия были внесены в русско-китайские договоры 1862 и 1881 гг., и протокол, заключенный в Урге с правительством Монголии, имел целью лишь подтверждение уже установившегося положения. Другие державы, пограничные с Китаем и его владениями, также получили специальные льготы для своей сухопутной торговли с данной страной, например, Англия, для торговли через границу Бирмы. Различные правила регулирования торговли, установленные для стран, имеющих с Китаем общие границы, никогда не рассматривались как противоречащие тому

принципу наиболее благоприятствуемой нации, который регулирует морскую торговлю с Китаем. Последняя всегда облагалась как ввозной, так и транзитной пошлины. За исключением некоторых случаев, связанных с специальными формальностями, товары, ввозимые в Китай морем, должны облагаться местными налогами (ликин), установленными в Китае. Вначале учреждения, взимающие этот налог, существовали лишь в 18 провинциях Внутреннего Китая. Впоследствии китайское правительство учредило их в своих владениях за пределами Великой стены. В 1911 г., т. е. до провозглашения Монголией своей автономии, подобное учреждение было создано в Урге. В то время ни одна держава не протестовала против этого действия, которое было признано принадлежащим исключительно к компетенции китайских властей. Таким образом монгольское правительство лишь приняло в отношении торговли порядок, установившийся в Китае и введенный в Монголии китайским правительством.

В этих условиях порядок, которому подлежит в настоящий момент русская торговля в Монголии, сводится к освобождению от пошлин исключительно товаров, ввозимых через сухопутную русско-монгольскую границу; что касается русской торговли, направляющейся в эту страну морем и затем через китайско-монгольскую границу, то она подлежит общему порядку, т. е. она оплачивает ввозные пошлины в открытых китайских портах и местные налоги, взимаемые китайскими и монгольскими учреждениями. Таким образом сейчас существует тот же порядок, который действовал до того, как Монголия стала автономной страной. Русская торговля в Монголии подчиняется тем же условиям, что и торговля других держав, за исключением ввоза сухим путем, который действительно происходит в особых условиях, как и вся торговля на остальных сухопутных границах Китая, что объясняется географическим положением России, смежной с Китаем.

Вместо этого английское правительство претендует на положение, не имеющее прецедентов в торговле с Монголией. Оно требует, чтобы от ввозной, транзитной и от других пошлин освобождались не товары, ввозимые его подданными, но все товары английского происхождения, что безусловно противоречит принципам, составлявшим до сих пор основу торговых договоров Китая. Оно требует для своей морской торговли такого благоприятствования, которым не пользуется ни одна другая держава, в том числе и Россия, как в самом Китае, так и в областях, находящихся под китайским сюзеренитетом.

Императорское министерство хочет надеяться, что английское правительство удовлетворится положением, которое его же договоры и создали английской торговле с китайским правительством, и что оно откажется от мысли требовать в Монголии более благоприятного отношения, чем то, которым пользуется Россия.

№ 47. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

21/8 мая 1914 г.

Sir E. Grey a reçu des télégrammes du représentant britannique à Vallona l'informant de l'arrestation d'Essad Pacha due, parait-il, aux conseils autrichiens. Sir E. Grey a appris de la même source que le palais du prince ainsi que les légations sont gardés par un détachement austro-italien.

Il parait à Sir E. Grey que le prince n'aurait pas dû faire une démarche d'un caractère tellement surprenant sans information préalable ou du moins simultanée à la Commission Internationale quant aux raisons qui ont motivé cette mesure de la part de son altesse.

Sir E. Grey ne saurait accepter la responsabilité pour les suites que pourrait avoir cette démarche. Elle peut même nécessiter le retirement de la Commission Internationale, celle-ci ne pouvant non plus être responsable pour les conséquences d'une action dont toutes les Puissances n'ont pas été avisées. Dans ce cas-là la responsabilité pour cette démarche retomberait de droit sur ceux qui l'ont motivée.

Перевод.

Сэр Э. Грей получил телеграммы британского представителя в Валоне, извещающие его об аресте Эсад-паши, вызванном, повидимому, австрийскими советами. Из того же источника сэр Э. Грей узнал, что дворец князя, как и миссии, охраняются австро-итальянским отрядом.

Сэру Э. Грею представляется, что князь не должен был бы предпринимать такого неожиданного шага без предварительного или, по крайней мере, одновременного уведомления международной комиссии о причинах, вызвавших эту меру со стороны его высочества.

Сэр Э. Грей не принимает ответственности за последствия, которые эта мера может иметь. Она может даже вызвать необходимость в удалении международной комиссии, так как последняя также не в состоянии принять ответственности за последствия такого действия, о котором не были извещены все державы. В этом случае ответственность за это действие справедливо падет на тех, кто его вызвал.

№ 48. Нота английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

%. 21/8 мая 1914 г.

His Majesty's Government have the honour to communicate to the Imperial Russian Government a copy of a Convention which has been signed between Great Britain, China, and Tibet [1]. His Majesty's Government recognise that Articles 6 and 8 of this Convention confer certain powers on Great Britain the exercise of which in a measure conflicts with the stipulations of the Anglo-Russian Convention regarding Tibet of 1907 [2]. His Majesty's Government therefore engage that they will not exercise the powers confered by the above mentioned Artic-

[1] См. т. II, № 381, приложение.
См. ниже №№ 67 и 123.

les untill they have come to an understanding with the Imperial Russian Government on the subject[1].

Перевод.

Правительство его величества имеет честь сообщить императорскому российскому правительству копию конвенции, подписанной Великобританией, Китаем и Тибетом. Правительство его величества признает, что статьи 6 и 8 этой конвенции предоставляют Великобритании некоторые права, осуществление которых противоречит до известной степени условиям англо-русской конвенции 1907 г. относительно Тибета. Вследствие этого правительство его величества обязуется не осуществлять прав, предоставленных ему вышеупомянутыми статьями, до тех пор пока оно не придет по этому поводу к соглашению с императорским российским правительством.

№ 49. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 926. 21/8 мая 1914 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 120[2].

Сербский посланник передал ходатайство своего правительства о возможной отсрочке финансовой комиссии до августа, дабы выиграть время для урегулирования вопросов с Австрией.

По его словам, отсрочка отвечала бы также интересам Болгарии и Греции.

Помимо сего, Сербия желала бы, чтобы программа комиссии осталась та же, что и в прошлом году.

Прошу вас доверительно переговорить по сему предмету с министром иностранных дел.

Сазонов.

№ 50. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 931[3]. 21/8 мая 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Введенского за № 277[4].

---

[1] При письме от 27/14 мая Бьюкенен препроводил Нератову проект тройного соглашения, измененный в желательном для России смысле, и проект ноты. В письме сообщалось, что после подписания соглашения будет подписана также и нота (см. ниже № 67), а до того предлагалось продолжать переговоры относительно Афганистана.

[2] См. выше № 2.

[3] Лит. копия.

[4] Тел. от 18/5 мая за № 277 Введенский сообщал „о принятии германским правительством под свое покровительство всех протестантов-сирийцев персидскоподданных, проживающих по преимуществу в селениях Везирабад и Гавлан возле Урмии".

Принятие Литтеном под покровительство сирийцев-протестантов находится несомненно в противоречии с нашим соглашением с Германией, заявившей, что она преследует в Северной Персии исключительно экономические цели.

Благоволите поэтому дружественно объясниться с вашим германским коллегой и, если сведения Введенского подтвердятся, указать ему на несогласный с конвенцией политический характер принятой Литтеном меры.

О последующем телеграфируйте.

Сазонов.

№ 51. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 935. 21/8 мая 1914 г.

Сообщается в Софию.

Ссылаюсь на телеграмму Савинского № 87 [1].

Мы готовы были бы принять рекомендуемый Савинским образ действий при условии согласия с ним французского правительства.

Благоволите выяснить окончательно, можно ли рассчитывать на выдачу Францией аванса до 90 миллионов франков, а также считали ли бы французы достаточным вести переговоры с королем через Добровича.

Сазонов.

№ 52. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [2] 21/8 мая 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

До сих пор все еще весьма трудно высказать вполне определенное мнение о последствиях только-что окончившихся французских выборов. С одной стороны, результатом этих выборов является крупная победа крайних левых партий, главным образом революционеров-социалистов; с другой—выборная кампания показала, что большинство французской нации решительно высказывается за программу умеренных республиканцев по трем наиболее важным вопросам: о трехлетнем сроке военной службы, с фискальном контроле над подоходным налогом и о пропорциональном

---

[1] См. выше № 43.

[2] Опубл. М., стр. 509—511.

представительстве[1]. Следует представить, что с первого дня открытия новой палаты, которая должна собраться 1 июня, правительство будет поставлено меж двух огней: требованиями социалистов и радикалов-социалистов, с одной стороны, и собственными декларациями по вышесказанным трем вопросам—с другой. Сегодня ходит упорный слух, что г. Думерг предпочитает уклониться от этого положения и уже заявил президенту республики о намерении кабинета подать в отставку до открытия парламента. Если слух этот оправдается, перед г. Пуанкаре опять откроется возможность, путем смелого проявления своих конституционных прав, направить внутреннюю политику Франции в более умеренное русло. Вы изволили вспомнить, что по каким-то не вполне понятным причинам, после отставки г. Барту, он не решился этого сделать и, призвав к власти гг. Думерга и Кайо, тем самым, против собственных желаний и интересов, способствовал выборному успеху крайних партий. Умеренные партии ставят это в крупную вину г. Пуанкаре, популярность которого в этой среде сильно пострадала. Многие из его сторонников совершенно в нем разочаровались; мне пришлось даже слышать весьма странные объяснения проявленного им малодушия; а именно,—рассказывают, что г. Клемансо пригрозил ему, в случае если он не согласится на кабинет Думерга—Кайо, начать против него и против его жены панию на почве частной их жизни и романического прошлого г-жи Пуанкаре. Как бы то ни было, ближайшие дни могут подать случай г. Пуанкаре до некоторой степени исправить сделанную им ошибку и вручить власть более умеренным и надежным лицам; с конституционной точки зрения, это возможно, ибо во всех трех вышеупомянутых мною вопросах за умеренной программой обеспечено если и не крупное, то вполне устойчивое большинство. Весь вопрос в том, хватит ли у него на это смелости.

От души желая Франции более умеренных правителей, я не

---

[1] В депеше от 14/1 мая за № 16 Извольский писал: „С точки зрения трех главных вопросов, явившихся платформою выборов, новая палата, судя по предвыборным заявлениям избранных кандидатов, представляется в следующем виде:

В пользу безусловного сохранения трехлетнего срока службы под знаменами имеется абсолютное большинство в 315 голосов. В пользу введения подоходного налога в довольно строгой форме, но без предоставления государству инквизиционных прав проверки декларации о размерах дохода плательщика, повидимому, также найдется большинство...

Наконец, избирательная реформа, заглохшая было за последние месяцы, имеет в новой палате весьма многочисленных сторонников: 352 депутата стоят за введение пропорциональной системы, и лишь 202 против нее".

могу, по справедливости, не сказать, что, с точки зрения наших непосредственных интересов и интересов русско-французского союза, нам не будет никакого основания радоваться уходу г. Думерга, который выказал и выказывает по отношению к нам не менее лояльности и предупредительности, нежели его предшественники. В столь важном и деликатном вопросе об упрочении наших соглашений с Англией он действовал во время пребывания в Париже короля Георга и сэра Э. Грея с большой решительностью и несомненным тактом. На вчерашнем дипломатическом приеме он с видимым удовольствием сказал мне, что, по сведениям от П. Камбона, вопрос этот налаживается в Лондоне согласно нашим пожеланиям и что вы уже извещены об этом через посредство как графа Бенкендорфа, так и г. Палеолога. Мне известно, что г. Думергу страстно хочется сопровождать президента республики в Петербург, и потому лично я довольно скептически отношусь к слуху о его близкой отставке. Если под давлением обстоятельств отставка эта состоится[1], весьма трудно предвидеть, на ком именно остановится выбор президента республики; если г. Пуанкаре не решится призвать своих личных друзей и единомышленников, вроде гг. Барту, Бриана, Мильерана и т. п., возможно образование переходного кабинета, под председательством нынешнего министра народного просвещения г. Вивиани, в котором здесь видят „the tising man“[2]. Впрочем, опыт указывает, что предсказания в этой области редко сбываются.

Не откажите сообщить мне личные ваши планы в течение ближайших месяцев: думаете ли вы поехать в заграничный отпуск до прибытия в Петербург Пуанкаре и в таком случае имели ли вы в виду быть во Франции? В разговоре с моей женой государю императору благоугодно было высказать желание, чтобы я прибыл в Петербург за несколько дней до приезда туда президента; поэтому я полагал бы выехать отсюда в самый день или тотчас после французского национального праздника, т. е. 14/1 или 15/2 июля. До сих пор, т. е. в течение июня месяца, я хотел бы немного полечиться где-нибудь недалеко от Парижа, куда я мог бы приез-

---

[1] „Недавняя победа французского оружия [имеется в виду занятие французскими войсками 10 мая/27 апреля г. Таза в юго-восточной части Марокко], — писал Извольский, — является особенно отрадною для здешней армии и имеет большое моральное значение для части населения, сочувствующей сохранению военной мощи страны. Косвенным образом она представляет собою успех и для кабинета г. Думерга“ (депеша от 21/8 мая за № 17).

[2] „Восходящая величина“.

жать для исполнения дел и курьерских отправлений. Сейчас здесь—общественный сезон, т. е. самое утомительное и невыносимое время, и я сильно нуждаюсь в отдыхе.

Сердечно преданный вам

Извольский.

№ 53. Посланник в Софии министру иностранных дел.

/.Телеграмма № 90[1]. 21/8 мая 1914 г.

Je télégraphie Londres: me réfère à mon No 83 [2] et au télégramme de Benckendorff No 119 [3].

Les pourparlers du gouvernement bulgare avec Berlin au sujet de l'emprunt avancent et ont chance à aboutir, les Allemands craignant lâcher prise et étant en train de faire concessions. Il me revient du palais que ma conversation avec Dobrovitch a produit impression sur le roi qui médite la situation, mais ne se décide pas d'agir. Sachant positivement que sa majesté prête la plus grande attention aux appréciations de Londres j'attacherais une très grande importance à ce que mon langage consistant à faire tomber gouvernement actuel soit soutenu par mon collègue anglais. Malgré ce que me dit ce dernier sur son désir de me venir en aide, j'ai lieu de mettre en doute sa sincérité, c'est pourquoi je serais infiniment reconnaissant à votre excellence, si vous jugiez possible de provoquer des instructions à Bax-Ironside dans le sens désiré, celles qu'il a reçues du ministre des affaires étrangères de parler à Radoslavoff au sujet des monopoles des tabacs n'étant pas

[1] Тел. от 21/8 мая за № 89 Савинский сообщал, что по сведениям, полученным „из секретного, но совершенно верного источника", болг. совет министров отказался принять поставленные Германией условия займа и что в результате последовавшей телеграфной переписки между Софией и Берлином последний предложил новые условия. Отказываясь от выдачи второго выпуска займа, т. е. ограничиваясь 250 млн., Берлин соглашался изменить свои требования в вопросе, который считался „особенно тяжелым условием — относительно установления табачной монополии". Оставляя остальные условия займа (см. стр. 10, прим. 2) без изменений, немцы вместо табачной монополии потребовали „установления 20% сбора со всего табака... с тем, чтобы половина шла им, а половина — болгарской казне". Продажа табака должна была, по условию, производиться из специальных складов, постройка которых отдавалась немцам в концессию. Указывая на то, что эти новые условия будут приняты болг. прав-вом, „дорожащим из-за своих личных выгод заключить заем во что бы то ни стало", и ссылаясь на подтверждающийся слух о предстоящем отъезде в Берлин болг. м-ра финансов, Савинский заключает: „В этих условиях нам нужно действовать, не теряя времени, и для большего обеспечения успеха желательно было бы содействие и Англии, о чем я телеграфирую в № 90".

[2] См. т. II, № 409.

[3] См. т. II, № 373.

du tout ce qu'il faut et ne visant que les intérêts vulgaires des commerçants anglais. La manière dont ministre a accueilli ma démarche et les instructions qu'il a donné en conséquence à notre ambassadeur à Paris m'autorisent à m'adresser à vous pour gagner du temps, les conditions de l'emprunt pouvant être signées du jour au lendemain. La considération émise par Nicolson à la fin de janvier, télégramme No 119, tombe, la France étant toute prête à fournir à des conditions infiniment plus douces que l'Allemagne l'argent nécessaire dès que nous auront levé notre veto. Il est bien entendu que mon collègue anglais ne doit pas se douter de la démarche que je fais auprès de vous.

Savinsky.

Перевод.

Я телеграфирую в Лондон: ссылаюсь на мой № 83 и на телеграмму Бенкендорфа № 119.

Переговоры болгарского правительства с Берлином по поводу займа продвигаются и имеют виды на успех, так как немцы боятся упустить то, что ими уже захвачено, и готовы делать уступки. Мне сообщено из дворца, что мой разговор с Добровичем произвел впечатление на короля, который обдумывает положение, но не решается действовать. Зная положительно, что его величество оказывает очень большое внимание суждениям Лондона, я придаю очень большое значение тому, чтобы мои слова, которые ставят себе целью падение теперешнего правительства, были поддержаны моим английским коллегой. Несмотря на то, что последний мне говорит о своем желании притти мне на помощь, я имею основание сомневаться в его искренности, вследствие чего я буду бесконечно благодарен вашему превосходительству, если вы сочтете возможным содействовать тому, чтобы инструкции Бакс-Айронсайду были составлены в желательном смысле, так как те, которые он получил от министра иностранных дел относительно разговора с Радославовым о табачной монополии, были совершенно не таковы, как нужно было, и преследовали всего лишь обычные интересы английских коммерсантов. Прием, который министр оказал моему выступлению, и указания, которые он в результате дал нашему послу в Париже, дают мне основание обратиться к вам для того, чтобы выиграть время, так как условия займа могут быть со дня на день подписаны. Соображения, высказанные Никольсоном в конце января—телеграмма № 119,—отпадают, так как Франция готова предоставить нужные деньги на условиях значительно более мягких, чем Германия, как только мы снимем наше veto. Понятно, что мой английский коллега не должен подозревать о моем выступлении перед вами.

Савинский.

№ 54. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 281. 21/8 мая 1914 г.

Копия в Лондон.

Из английского частного источника, заслуживающего доверия,

мне сообщают, что фирма „P. S. White“ в Coxes предлагает Турции два быстроходных контрминоносца в 1500 тонн за цену двести тысяч фунтов каждый. Англичане требуют, будто бы, немедленной уплаты за суда. Турки предлагают чеки сроком четыре месяца.

Гирс.

№ 55. Генеральный консул в Тавризе министру иностранных дел.

Телеграмма № 379. 21/8 мая 1914 г.

Ответ на телеграмму департамента за № 891 [1]. Ссылаюсь на свою телеграмму посланнику за № 372 [2].

Ввиду того, что прекращение личных сношений произошло по моей инициативе и было замечено персами вследствие отсутствия моего на обеде, данном генерал-губернатором уезжающему директору банка, полагаю, что отставка Шоджа-эд-Доуле может быть объяснена нашим недовольством его действиями и на престиже нашем не отразится. Таковой совсем не пострадает, если бы мы выбрали пишкаром не одного из предлагаемых нам тегеранских кандидатов, а местного, не менее чем Шоджа-эд-Доуле нам преданного, Сердара-Решида, весьма популярного как в Тавризе, так и в Карадаге и Соуджбулаге. Как я докладывал [2], Сердар-Решид служил нам для удержания в повиновении Шоджа-эд-Доуле, как всегда готовый кандидат в пишкары. Я, конечно, изучал его с этой точки зрения, подверг продолжительному испытанию, не дав до сих пор должности, [и] пришел к заключению, что на готовность его служить нашим интересам мы вполне можем полагаться. Миллер буквально вытащил Сердара из петли, когда федаи хотели его повесить, за что он, видимо, нам признателен.

Сердару необходимо дать образование в России на казенный счет старшему сыну, о чем он ныне ходатайствует.

Я уверен, что, как исключительно наша креатура на столь высоком посту, он будет нам предан и послушен нашим приказаниям до производства выборов включительно.

Об административных и воинских талантах его императорское министерство может осведомиться у Гирса, проведшего с ним тяжелые дни в Ардебиле.

---

[1] В делах б. м-ва ин. дел. тел. Клемма Орлову от 16/3 мая за № 891 с указанием „личная“ не обнаружена. В имеющейся в деле лит. копии, а также в исходящем журнале передача ее содержания ограничивается словами: „О Шоджа-эд-Доуле“.

[2] См. выше № 18.

Шоджа-эд-Доуле подаст в отставку сам и, получив следующий орден, поедет в Россию лечиться и путешествовать; а вернувшись сюда, будет жить в Мараге и играть ту же роль всегда готового кандидата в пишкары, которую до сих пор играет Сердар-Решид.

Осмеливаюсь настаивать на том, что влияние наше здесь вступило в ту фазу, когда в глазах населения имеет значение факт поддержки нами известного лица, а не само лицо. Если же администратор пользуется и лично популярностью, тем лучше: мы пойдем навстречу желанию населения.

Опасаться таким образом беспорядков при замене Шоджа-эд-Доуле Сердаром-Решидом нет оснований.

Относительно приезда велиагда осмеливаюсь доложить, что ему прежде всего негде здесь жить: оба дворца полуразрушены и заняты нашими войсками. В свите его окажутся лица, присутствие коих в Тавризе будет нетерпимо. Их придется упразднить или предъявлением требования толпы о выезде или более радикальным способом, что было бы неприятно. Создать для велиагда обстановку, которая сделает пребывание его здесь невозможным, будет трудно, так как сам он останется в стороне, а окружающие его вряд ли будут особенно чувствительными.

Осмеливаюсь доложить еще раз, что противодействие Шоджа-эд-Доуле выборам есть самый обыкновенный выход, из коего он желает извлечь наибольшие выгоды.

За уступку его от тегеранского правительства можно было бы потребовать усиления казачьей бригады в Азербайджане до 3 000 человек, с соответственным числом офицеров, исключительной сдачи в аренду русско-подданным и покровительствуемым казенных земель и угодий, принятия на службу в таможни в Джульфе и Тавризе русских, ремонта старинной крепости Арк, куда будут переведены наши войска из Али-Капу, который будет устроен под помещение велиагда, концессию на пароходство по Урмийскому озеру, концессию на постройку шоссейных дорог в Азербайджане, концессию на снабжение Тавриза водой, расширения концессии Джульфа-Тавризской дороги, в смысле предоставления преимущественного права разработки металлов в 60-верстной полосе.

Копия в Тегеран.

Орлов.

№ 56. Министр иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 940. 22/9 мая 1914 г.

Палеолог подтвердил готовность французского правительства содействовать устройству аванса Болгарии французскими банками. По его мнению, основанному на знакомстве с болгарскими кругами, лучшим посредником для переговоров с королем Фердинандом является Станчов, который, передавая королю о политическом значении таковой сделки, мог бы подкрепить свои доводы данными, почерпнутыми из французских финансовых сфер. Благоволите переговорить с Думергом и телеграфировать о последующем.

Сазонов.

№ 57. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 123[1]. 22/9 мая 1914 г.

Копия в Софию, получил нашу телеграмму № 953[2].

Тотчас объяснился с Маржери, который сказал мне, что французское правительство вполне готово согласиться с рекомендуемым Савинским образом действий. Относительно остальных двух вопросов—возможной выдачи аванса в 90 миллионов франков и способа ведения переговоров—Маржери не мог еще окончательно высказаться, но обещал тотчас переговорить с банками и Панафье и дать мне скорый ответ.

Извольский.

№ 58. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 124[3]. 22/9 мая 1914 г.

Копия в Лондон.

Маржери сказал мне, что, по получении известий о просьбе князя Вида, обращенной к начальнику скутарийского отряда прислать ему вооруженный отряд, французское правительство разрешило своему командиру исполнить эту просьбу, в случае такого же решения английского правительства. Между тем, по сведениям из Лондона, сэр Э. Грей не только не соглашается на подобную посылку, но, крайне недовольный образом действий Австрии и

---

[1] Опубл. Stieve, IV, № 1345, S. 116.

[2] См. выше № 51.

[3] Опубл. Stieve, IV, № 1347, S. 116.

Италии, высказывается даже в пользу отозвания английского представителя из контрольной комиссии. Маржери считает такое отношение к делу ошибочным, ибо оно может лишь облегчить двойственное вмешательство Австрии и Италии и дать им впоследствии, напр[имер], в вопросе о банке, повод ссылаться на понесенные ими затраты.

Извольский.

№ 59. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Депеша № 32. 22/9 мая 1914 г

М. г. Сергей Дмитриевич,

В Германии обыкновенно второе чтение бюджета начинается рассмотрением сметы министерства иностранных дел, причем рейхсканцлер дает пространную характеристику положения иностранной политики и отношения Германии к разным государствам. В текущем году пришлось отменить этот порядок по просьбе рейхсканцлера ввиду сначала болезни, а впоследствии—кончины его жены. Что рейхсканцлер хотел лично дать объяснения рейхстагу,—видно из того, что он, на предложение председателя бюджетной комиссии рейхстага прибыть в эту комиссию, ответил отказом, но прибавил при этом, что объяснения относительно иностранной политики даст в пленарном заседании рейхстага; а что он придавал в настоящем году особое значение своим объяснениям,—можно заключить из того, что Ягов, говоривший в рейхстаге вместо рейхсканцлера, прочитал с манускрипта заранее приготовленную речь, и, как мне достоверно известно, манускрипт был просмотрен заранее рейхсканцлером, и им было обращено особое внимание на место, касающееся русской печати и русско-германских отношений. Депутатам, впрочем, было заранее известно содержание речи Ягова, а рейхсканцлер потому пожелал особенно обстоятельно и откровенно коснуться русской печати, что здешние официальные сферы уже давно косятся на русскую прессу (неудовольствие касается преимущественно „Нового времени“), а истолкование „Новым временем“ слов Ягова в бюджетной комиссии рейхстага о шовинистической печати в пользу русской вызвало на Wilhelmstrasse прямо-таки негодование.

Г. Ягов начал свою речь, как я уже сообщил в своей телеграмме [1], указанием на продолжающееся успокоение положения дел

[1] В тел. от 14/1 мая Свербеев (в лит. копии № отсутствует) передает речь Ягова, более подробно изложенную в публикуемой депеше.

в Европе, но слова статс-секретаря отличались лишь умеренным оптимизмом, и он довольно осторожно намекнул на трения, которые еще возможны на Балканах и которые необходимо устранить для окончательного успокоения Европы. Подчеркнув затем в ставшей уже традиционною фразе значение Тройственного союза, статс-секретарь уделил несколько весьма сердечных слов Румынии, отметив мудрость короля и правительства Румынии и высказав уверенность, что она продолжит эту мудрую политику на дело мира, и тут же, как бы мимоходом, сказал, что она это сделает, опираясь на своих прежних друзей. Характерны затем были слова Ягова касательно дальнейшей политики Германии, вызвавшие полное одобрение рейхстага. Ягов тут указал, что Германия будет решительно отстаивать свои собственные права и интересы и интересы своих союзников, где и когда бы этому ни представился случай. Упоминание о германских интересах в отдельности объясняется будто бы тем, что в Берлине намерены, вследствие требования торговых сфер, выступить в вопросах экономической политики на Балканах более самостоятельно и согласно чисто немецким выгодам.

Ягов затем перешел к русско-германским отношениям и в очень определенной форме обвинил русскую печать в игре с огнем, так как одна ее часть будто бы начала кампанию против Германии и что германская печать лишь ответила на выпады русских газет. „Как аукнулось, так, будто бы, и откликнулось", заявил Ягов. Статс-секретать, правда, тут же коснулся речей и манифестаций немецких отставных генералов и национальных союзов, бряцающих оружием, но он об этом высказался весьма осторожно и охарактеризовал все движение немецких пангерманистов продиктованным чувством национального воодушевления.

Г. Ягов воспользовался настоящим случаем, чтобы всему миру сказать, что Германия в заграничной печати вообще мерится другим аршином, чем другие государства. В противоположность к отношению русской печати к Германии, статс-секретарь отметил затем желание обоих правительств, России и Германии, сохранить добрососедские отношения, отвечающие интересам обеих держав, тем более, что нет никаких реальных разногласий, которые препятствовали бы мирному соседству России и Германии.

Перед тем как Ягов приступил к характеристике русско-германских отношений, он высказал сожаление рейхсканцлера, что последний не может дать лично этих объяснений, и не подлежит никакому сомнению, что вся речь Ягова—как было отмечено и

здешней печатью—главным образом произнесена из-за желания здешнего правительства urbi et orbi громогласно заявить свое недовольство русской прессой, и в этом кроется все ее значение. Все остальное, сказанное Яговым, ничего нового не представляет и не выходило из рамок осторожных фраз, за исключением разве еще слов по адресу Франции, в которых Ягов отметил политическое значение немецко-французских переговоров относительно Малой Азии, хотя, как он сам выразился, эти переговоры носят более технический и финансовый характер.

Прения в рейхстаге вращались вокруг объяснений Ягова, и у всех присутствовавших на прениях получилось впечатление, что вопрос о русско-германских отношениях является ныне злобой дня в Германии и одним из важнейших вопросов германской иностранной политики. Характерно, что тон этих прений был очень предупредительный по адресу России, и даже аграрий Эртель просил правительство не предпринимать каких-либо контрмер против России за введение хлебных пошлин на германское зерно при ввозе в Россию и через финляндские границы. Как и Ягов, депутаты обвиняют русскую печать в ее враждебной Германии агитации и лишь представители социалистов и прогрессистов откровенно заявили, что и германская печать не без греха. Прогрессист Готейн выразил неудовольствие Яговым, что он не дал достаточного отпора пангерманистским стремлениям. Это заявление Готейна вызвало протест Ягова против обвинения в поддержке или защите германских шовинистских манифестаций. „Я хотел только констатировать,—заявил в своем ответе Ягов,—что в споре русской и немецкой печати начало кампании исходило из России".

Речь Ягова и прения в рейхстаге вызвали некоторый отпор в печати Тройственного согласия, и так как она была права в указании, что Германией начата враждебная России агитация, то официозная „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" сочла себя вынужденной в своем еженедельном воскресном обзоре (в № от 17/4 сего месяца) разъяснить несколько то место речи Ягова, которое касалось печати, и заявить при этом, что статс-секретарь высказался против шовинистических статей немецкой прессы и что никто не отрицает того, что и в Германии нет недостатка в таких печатных выпадах, но,—присовокупила „Северогерманская газета",—как известно всему миру, германское правительство всегда отклоняло от себя причастность к подобным выходкам.

Впрочем, следует указать, что и в некоторых органах немецкой либеральной печати указывалось, что на этот раз русско-

германскую газетную кампанию начала немецкая пресса статьей „Кельнской газеты".

Примите и пр.

С. Свербеев.

№ 60. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Депеша № 341 22/9 мая 1914 г.

По дошедшим до меня доверительным путем сведениям, слух о готовящихся якобы у нас ограничительных мерах против евреев относительно участия их в акционерных компаниях не произвел, будто бы, ни малейшего впечатления на здешний денежный рынок.

Весь кризис приписывается исключительно крайнему стеснению денежного рынка во Франции, которая, вследствие чрезмерного принятия на себя обязательств как в Южной Америке, так и на Балканах, принуждена была, повидимому, приступить к продаже огромного количества русских ценностей, скупаемых ныне отчасти в Германии, а также и в Англии.

По отзывам берлинских финансовых сфер, Германия располагает теперь весьма значительными свободными капиталами, позволившими банкам понизить размер % до небывалого минимума.

Наличность эта свободных капиталов объясняется, будто бы, отчасти застоем промышленности, освободившим инвестированные в ней суммы. Ожидается еще и дальнейшее облегчение здешнего денежного рынка от поступления вотированного рейхстагом миллиарда на военные нужды, который полностью останется в стране и при расходовании распределится между самыми разнообразными слоями населения, начиная с рабочих вплоть до крупных фабричных и сельскохозяйственных предприятий.

Примите и пр.

С. Свербеев.

№ 61. Посол в Берлине министру иностранных дел.

/. Письмо. 22/9 мая 1914 г.
Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Последняя речь статс-секретаря по иностранным делам, которая не была произнесена имперским канцлером только потому, что по-

[1] Лит. копия.

следний принужден был сопровождать тело своей жены в имение, где оно предано было земле, отличается на сей раз, как вы сами изволили убедиться, в части своей, касающейся России, как полным отсутствием беспристрастности, так и умолчанием о дружеских отношениях, связывающих Германию с Россией.

Отметив в конце речи, что у нас не имеется никаких реальных разногласий, которые препятствовали бы мирному соседскому нашему существованию, а также и то, что все возможные в будущем торгово-политические затруднения можно будет уладить при наличности с обеих сторон доброй воли, Ягов выразил надежду, что стараниями обоих правительств удастся положить предел опасным течениям печати, и прибавил, что, „как он имеет основание предполагать, императорское правительство также намерено, несмотря на вышеупомянутую агитацию газет, придерживаться (festhalten) прежних дружеско-соседских с Германиею отношений". И только!

Но зато статс-секретарь не поскупился на упреки „известной части нашей печати" за усилившееся в последнее время и принявшее притом характер систематической кампании враждебное ее настроение к Германии, а искусственное возбуждение народных страстей путем газетной агитации он назвал „преступным", так как в настоящую, крайне нервную эпоху подобное воздействие печати на народные массы равносильно „игре с огнем".

Вполне разделяя последнюю мысль Ягова, я не могу однако не отметить, что статс-секретарь не хочет признаться в том, что поводом к „враждебной кампании", о которой он говорит, послужила знаменитая корреспонденция „Кельнской газеты" и что мы с своей стороны имеем еще бо́льшие основания упрекать германские печатные органы в враждебной и систематической их травле против России.

В беседе нашей я не преминул обратить на это внимание Ягова, сказав ему, между прочим, что напрасно он возложил на нашу печать всю ответственность за сказанную кампанию, упомянув лишь вскользь о неприязненности по отношению к России немецкой прессы и что речь его ввиду этого произведет у нас, может статься, далеко неблагоприятное впечатление. На это он ответил мне, что шовинизм некоторых органов сказанной прессы был им отмечен, что к некорректным выпадам этих органов правительство никоим образом непричастно, а что, упомянув о воинственных выступлениях „заслуженных отставных немецких генералов", он будто бы „поднял последних на смех" и таким образом их дискредитировал, с чем я однако же согласиться не могу. Впрочем статс-секретарь

прибавил, что наша печать приняла его речь довольно спокойно, а так как в случае каких-либо новых обвинений с ее стороны немецкая пресса отвечать не будет, то можно надеяться, что все мало-по-малу уляжется.

Как я уже имел честь вас уведомить, речь руководителя германской политики встречена была всеми партиями шумными знаками одобрения, как в той ее части, где Ягов выступил с обвинением против нашей печати, так и в конце ее, где статс-секретарем указано было на отсутствие реальных между Германией и Россией разногласий и на возможность ввиду этого преодолеть все могущие возникнуть в будущем торгово-политические затруднения, а также и сохранить прежние добрососедские отношения с Россией. В последующих же своих речах депутаты всех направлений настаивали сами на желательности и необходимости дружеских этих отношений.

С своей стороны и пресса отнеслась также с нескрываемым удовлетворением к заявлениям Ягова, что и вполне понятно как ввиду мягкости, с которою он упомянул „об единичных ее выступлениях против России, явившихся последствием враждебной кампании русской печати", так и ввиду высказанного статс-секретарем мнения, что к Германии применяется совершенно иной аршин, нежели ко всем другим государствам. Но и все немецкие газеты тем не менее признали за редкими исключениями, что Германии и России необходимо жить между собою в дружбе, мире и согласии.

Что же касается до „Vossische Zeitung", то она отметила даже, что на сей раз, как всем известно, газетная кампания начата была появлением статьи „Kölnische Zeitung"; то же самое заявлено было, между прочим, и некоторыми депутатами левых партий. А официозная „Norddeutsche Allgemeine Zeitung" сочла неоспоримым факт, что в Германии нет недостатка в шовинистических статьях, ответственность за которые, прибавила она однако же, как это сделал и Ягов, германское правительство всегда от себя отклоняло.

Но не обошлось, конечно, и без недружелюбных против России инсинуаций, и, как на пример таковых, могу указать на статью консервативной и в общем хорошо к нам расположенной „Kreuzzeitung". В статье этой сказано, между прочим, что часть речи статс-секретаря, посвященная России, отличается такою энергиею, что за словами, направленными исключительно против газетной кампании, несомненно кроется еще несравненно более серьезная цель. Резкие слова эти продиктованы, очевидно, не одним лишь желанием успокоить и предостеречь русскую печать; в них звучит также весьма

ясно предупреждение („Mahnung“) русскому правительству, чтобы оно прекратило, наконец, безучастное свое отношение к „опасной этой травле“ („Treiberei“).

На запрос мой об этой статье Ягов ответил, что она ему неизвестна, но при этом высказал предположение, что она была написана или, по крайней мере, инспирирована известным врагом России Шиманом, состоящим сотрудником названной газеты и помещающим в ней еженедельные политические свои обозрения.

В заключение я должен сознаться, что по тону своему по отношению к России последняя речь статс-секретаря значительно разнится от заявлений, сделанных им месяц тому назад в бюджетной комиссии рейхстага. После подробного перечня всех тех русско-германских недоразумений и трений, которыми ознаменовалась истекшая зима, Ягов заключил тогдашние свои заявления указанием на то, что Россия и Германия связаны, как и прежде, узами традиционной дружбы, и выразил при этом надежду, что дружеские эти отношения будут существовать и впредь.

Не сомневаюсь однако же, что и теперь берлинский кабинет твердо на это рассчитывает и приложит поэтому все свои старания, дабы избежать в будущем всего того, что могло бы способствовать не только нарушению, но и ослаблению добрососедских наших отношений.

Примите и пр.

С. Свербеев.

№ 62. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 22/9 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Третьего дня прибыл из Будапешта, где он имел продолжительное совещание с графом Берхтольдом, Турхан-паша. В Вене так же, как и в Будапеште, албанскому министру были оказаны большие знаки внимания. Император Франц-Иосиф прислал ему, тотчас по приезде его, свой портрет в драгоценной рамке, и некоторые представители высшего общества устроили в его честь ряд приемов.

Заслуживает внимания тот факт, что в отношении к вопросу создания Албанского княжества замечается полное противоречие между представителями высшего общества,—как австрийского, так и венгерского, относящихся [1] к нему очень сочувственно,—и мас-

[1] Так в подлиннике.

сою населения, которая относится к этой креатуре графа Берхтольда крайне враждебно, видя в ней новый источник осложнений и расходов для монархии без всякой видимой пользы. Во время продолжительной беседы, которую я имел сегодня с Турхан-пашой,—сущность которой я имел честь донести вашему высокопревосходительству по телеграфу,—он высказался довольно оптимистически по поводу последних событий в Дураццо и насильственного удаления своего коллеги Эсада-паши из Албании. Он уверил меня, что последний очень непопулярен в стране вследствие своего властолюбивого характера и буйного нрава, что сторонники его весьма малочисленны, и что с удалением его из страны исчезнет главное препятствие для умиротворения края и спокойной созидательной работы князя и правительства.

Вслед за сим Турхан-паша просил меня передать вам глубокое сожаление о невозможности теперь же приехать в Петербург, так как он получил от князя предписание прибыть немедленно в Дураццо и сегодня же выезжает в Триест, а оттуда—в Дураццо.

Он тем не менее надеется иметь возможность через некоторое время привести первоначальный свой план в исполнение и приехать в Петербург. Вместе с тем он просил меня передать вам сущность того, о чем он собирался просить императорское правительство, а именно о назначении нашим представителем в Албании посланника, о несопротивлении России провозглашению князя Вида себя королем Албании, о поддержании этих двух ходатайств перед лондонским кабинетом и, наконец, о воздействии в Белграде в пользу лучшего обхождения с албанским населением Сербии.

Прося очень настойчиво о назначении в Албанию посланника и о признании за князем королевского титула, Турхан-паша, повидимому, исполнил личные предписания князя Вида, хотя объяснял эти просьбы тем, что нет основания обижать Албанию, отказывая ей в том, чем пользуется давно Черногория. В случае назначения посланников Петряева, Турхан-паша просил назначить другого представителя в контрольную комиссию, так как считает эти две должности несовместимыми.

Прося о заступничестве в Белграде в пользу албанского населения, Турхан-паша заверил меня, что деятельность его главным образом направлена на поддержание хороших отношений с соседними государствами—Сербией, Грецией и Черногорией, но что усилия его в этом направлении парализуются теми притеснениями, которым подвергаются албанцы в Сербии, и которые заставляют

их массами переходить албанскую границу, создавая этим весьма опасный для сохранения мира элемент.

В заключение Турхан-паша просил меня передать вашему высокопревосходительству самые горячие его заверения в глубокой преданности его особе государя императора и России.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 63. Посланник в Софии министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 91. 22/9 мая 1914 г.
Срочно.

Телеграмму № 935 [1] получил.

Копия в Париж.

Только-что сюда прибыл представитель Disconto-Gesellschaft с подписанными в Берлине условиями займа, что свидетельствует о спешности, с которой немцы решились действовать. Эти условия будут обсуждаться сегодня вечером в министерском совете. После их подписания болгарским министром финансов наше положение станет труднее. Ввиду этого прошу срочных указаний, могу ли сделать предположенный шаг, лишь только узнаю чрез Извольского или чрез здешнего французского представителя, что французское правительство ответило на ваш запрос о [тел. №] 935 [2] утвердительно. Король только что вернулся в город после десятидневного пребывания в пригородном замке.

Савинский.

№ 64. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Депеша № 28. 22/9 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Под влиянием событий последнего времени все глубже и глубже захватывающее здешние культурные классы враждебное отношение к Венгрии на этих днях сказалось особенно ярко по поводу прибытия в Бухарест православного викария трансильванской епархии Орадя-Маре епископа Мангра,—закарпатского румына по происхождению, когда-то бывшего одним из столпов румынского ирредентизма в Австро-Венгрии, а затем изменившего интересам

[1] См. выше № 51.

[2] Подтверждая получение этой тел. и тел. от 20/7 мая за № 87 (см. выше № 43), Сазонов ответил: „Можете сделать предположенный шаг, уверившись в ответе Франции“ (срочная тел. от 23/10 мая за № 943).

родной нации, открыто перешедшего на сторону венгерских политиков и сделавшегося членом венгерского парламента в качестве избранника приверженцев графа Тиссы.

Будучи членом румынской академии, епископ Мангра приехал в Бухарест, дабы участвовать в ее заседаниях. Однако при первом же его появлении в сем ученом учреждении студенты и другие присутствовавшие патриотически настроенные лица встретили его такими криками злобы и негодования, что он вынужден был поспешно удалиться из здания академии.

На другой день, подчиняясь требованиям раздраженной учащейся молодежи, румынская академия постановила исключить из своей среды епископа Мангра „ввиду того, что присутствие его нарушает добрые отношения коллег", после чего названный архиерей поспешил покинуть Румынию.

Этот незначительный на первый взгляд эпизод произвел здесь большое впечатление. Газеты националистической окраски, какими являются почти все здешние печатные органы, независимо от того или другого их специального направления, приветствуют изгнание из стен академии ренегата-епископа, видя в сем факте новое доказательство глубины и силы национального чувства культурных слоев страны, проникнутых идеей панруманизма и относящихся к ее изменникам без пощады.

Румынское правительство старалось по возможности затушевать этот инцидент.

Немногочисленные здешние австрофилы, конечно, отнеслись к означенному случаю с нескрываемым неудовольствием. Но особенно тягостное впечатление инцидент этот произвел в Австро-Венгрии и в здешней австро-венгерской миссии, глава коей, посланник граф Чернин, был назначен сюда нарочито для восстановления старых дружеских австро-румынских уз, но в задаче сей пока не преуспел и с горечью наблюдает ныне за постепенным крушением лучших своих надежд.

Примите и пр.

С. Поклевский-Козелл.

№ 65. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

Телеграмма № 38. 22/9 мая 1914 г.

Как вашему высокопревосходительству известно, черногорское правительство, уже около двух лет лишенное нашей военной суб-

сидии, содержало свою армию во время недавно минувших двух войн сначала на суммы—три с половиною миллиона—австрийского займа, первоначально отнюдь не предназначавшегося на этот предмет, а затем на субсидии от союзников, после войны прекращенные. В настоящее время финансовое положение здешнего военного министерства стало не только критическим, но прямо безвыходным. Уже несколько месяцев офицеры, которым правительство задолжало около полмиллиона крон, совсем не получают жалования, и за последние дни среди них стало обнаруживаться опасное брожение, причем правительству ставится ими в упрек его неумение сохранить добрые отношения с Россией. В разных пунктах страны уже было арестовано несколько офицеров, которые однако были затем освобождены, чтобы замять дело и по возможности скрыть от населения опасный характер брожения. Поставленное в совершенно безвыходное положение, вследствие выяснившейся невозможности обратить на возмещение долга офицерам какую-либо часть 40-миллионного займа или же поступления бюджета на 1914 год, имеющие другое назначение и притом же еще нереализованные, черногорское правительство просит меня передать императорскому правительству его усердное ходатайство о даровании Черногории ныне же единовременной субсидии в размере около 200 000 рублей на вышеуказанные нужды военного министерства, хотя бы вне связи с вопросом о возобновлении нашей постоянной субсидии, разрешения которого здесь готовы ждать, сообразуясь с указаниями императорского правительства. Со своей стороны считаю долгом высказать мнение, что оказание нами хотя бы минимальной и единовременной помощи на нужды черногорского военного ведомства явилось бы едва ли не единственным нормальным выходом из переживаемого ныне страною политического брожения, опасного не только для черногорской династии, но, может быть, и для порядка на Балканах вообще.

Обнорский.

№ 66. Поверенный в делах в Цетинье министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 39. 22/9 мая 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 38[1].

Дарование нами единовременной денежной помощи на возмещение долга черногорским офицерам явилось бы давно с нетерпением ожидаемым симптомом возвращения России к милости-

[1] См. выше № 65

вому попечению о Черногории, перерыв в котором, нарушив всю политическую ориентировку в стране, стал источником всякого рода затруднений для правительства и для народа.

Обнорский.

№ 67. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел[1].

23/10 мая 1914 г.

The various points raised by M. Sazonow in his recent conversation with Sir George Buchanan respecting the proposed Tripartite Convention between Great Britain, China, and Tibet[2] have been submitted to a careful consideration by Sir Edward Grey and the Secretary of State for India. Sir Edward Grey desires that an expression of his best thanks should be conveyed to M. Sazonow for the friendly and conciliatory spirit in which he has met the question. It will, however, be impossible to furnish the Imperial Government with an immediate reply owing to the necessity of referring the question to the Government of India; and on the other hand, to defer signing the Tripartite Convention for several weeks would be to run the risk that trouble might again break out between China and Tibet, a consideration so serious as to make almost impossible to postpone signature.

Sir Edward Grey accordingly proposes that the following procedure should be adopted.

Article 10 to be deleted and replaced by an Article declaring the English text to be authoritative.

With regard to Article 6 and 8, His Majesty's Government would be prepared to address an official communication to the Imperial Government to the effect that untill they have arrived at an understanding with the Imperial Government they will not act on the provisions of the above mentioned Articles. In the event of the Tripartite Convention being published His Majesty's Government would be prepared to publish this official communication at the same time.

Untill an understanding was arrived at with the Imperial Government on the above mentioned points, His Majesty's Government would not require any secret engagements such as those proposed by M. Sazonow. His Majesty's Government would in fact on the above conditions, treat the 1907 Convention as having full and binding force.

In view therefore of the fact that the rights of the Russian Govern-

---

[1] Лит копия.

[2] См. т. II, № 381.

ment will be fully maintained and that, pending the arrival at a complete understanding between the two Governments, no portion of the Tripartite Convention will be put into operation which conflicts in any way with the Convention of 1907, Sir Edward Grey trusts that M. Sazonow will not raise any objections to His Majesty's Government proceeding to the signature of the instrument in question.

Thus, to sum up the position, His Majesty's Government would, by the Tripartite Convention, obtain the consent of China and Tibet to seek concessions in the latter country and to despatch the British Trade Agent from Gyantse to Lhassa. They recognise, however, that, by the 1907 Agreement the consent of Russia is also necessary and, until that consent has been obtained, His Majesty's Government undertake not to avail themeselves of these advantages [1].

Перевод.

Различные вопросы, поднятые г. Сазоновым в его недавнем разговоре с сэром Джорджем Бьюкененом относительно Трехсторонней конвенции между Великобританией, Китаем и Тибетом, были подвергнуты тщательному рассмотрению со стороны сэра Эдуарда Грея и статс-секретаря по делам Индии. Сэр Эдуард Грей просит передать г. Сазонову свою большую благодарность за дружеский и примирительный дух, в котором он обсуждал вопрос. Однако ответ не может быть немедленно сообщен императорскому правительству, вследствие необходимости снестись по этому вопросу с правительством Индии; с другой стороны, отсрочка на несколько недель подписания Трехсторонней конвенции сопровождалась бы риском нового возникновения затруднений между Китаем и Тибетом, что представляет такое серьезное соображение, которое делает почти невозможным отсрочку подписания.

Вследствие этого сэр Эдуард Грей предлагает принять следующий порядок.

Статья 10 вычеркивается и заменяется статьей, объявляющей, что английский текст является обязательным.

Что касается статьи 6 и 8, то правительство его величества готово обратиться к императорскому правительству с официальным сообщением о том, что до достижения соглашения с императорским правительством оно не воспользуется

[1] В неотправленном ответе на эту памятную записку (с рукописной пометой на полях: „Non avenu. Ответ в этом смысле был дан на словах") говорится: „Выражая свою признательность за тот дух примирения и дружбы, доказательство которому английское правительство дало в своем выступлении перед российским правительством по настоящему вопросу, императорское министерство иностранных дел имеет честь сообщить, что при упомянутых условиях, изложенных в памятной записке посольства Великобритании от [23] 10 мая тек. г. императорское правительство не возражает против подписания конвенции, парафированной уполномоченными Англии, Китая и Тибета. Российское правительство считает условленным, что, опубликовывая эту конвенцию, английское правительство одновременно опубликует вышеприведенное сообщение относительно неприменения статей 6 и 8". (Подлинник на франц. яз.)

зуется положениями, заключающимися в вышеупомянутых статьях. В случае если Трехсторонняя конвенция будет опубликована, то правительство его величества готово одновременно опубликовать и это официальное сообщение.

До достижения соглашения с императорским правительством относительно вышеупомянутых пунктов, правительство его величества не будет требовать никаких секретных обязательств, вроде предложенных г. Сазоновым. Правительство его величества будет в соответствии с вышеизложенными условиями толковать конвенцию 1907 г. как обладающую полной и связывающей силой.

Вследствие этого, принимая во внимание то обстоятельство, что права российского правительства будут полностью соблюдены и что впредь до достижения полного соглашения между двумя правительствами ни одна часть Трехсторонней конвенции, которая каким-либо образом противоречит конвенции 1907 г., не будет введена в действие, сэр Эдуард Грей рассчитывает, что г. Сазонов не будет возражать против подписания правительством его величества указанного документа.

В итоге правительство его величества получает благодаря Трехсторонней конвенции согласие Китая и Тибета на соискание концессий в Тибете и на отправку британского торгового агента из Джиантси в Лхассу. Оно однако признает, что по соглашению 1907 г. необходимо также согласие России, и до получения этого согласия правительство его величества обязуется не пользоваться этими преимуществами.

№ 68. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 125[1]. 23/10 мая 1914 г.

Копия в Софию.

Маржери только что сказал мне, что кредитные учреждения, финансировавшие до сих пор болгарские займы, а именно: Banques de Paris et des Pays Bas, Crédit Lyonnais, Société Générale, Comptoir National d'Escompte и другие, обнаруживают упорное нежелание выдать Болгарии аванс, ссылаясь на неудовлетворительное состояние денежного рынка. Маржери намерен сегодня же обратиться к другим группам, близким к „Крезо" и „Régie Générale", особенно заинтересованным в болгарских заказах и железнодорожных делах, и надеется дать мне завтра ответ.

Извольский.

№ 69. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Телеграмма № 154. 23/10 мая 1914 г.

За последнее время отношения между правительством и оппозиционными группами сильно обострились на почве внутренних дел. Действительно, утомленный борьбою, особливо после пережи-

[1] Опубл. L. N., II, p, 269.

тых тяжелых событий, Пашич склонен был уйти, но воздержался от такого решения исключительно под влиянием дружеских напоминаний моих о неблагоприятном впечатлении, которое произвел бы на императорское правительство его уход до завершения важных политических вопросов. Между тем положение вещей ухудшилось: резкие взаимные обвинения в скупщине создали оппозиционный блок, решивший бороться обструк(циями): второй день блок этот отсутствует на заседаниях. Хотя у правительства имеется кворум, но настолько незначительный, что работа представляется невозможной. Исчерпав все средства примирения, Пашич намерен не сегодня—завтра предложить роспуск скупщины. От короля будет зависеть, кому поручить производство выборов—нынешнему правительству или блоку, если последний в состоянии составить коалиционный кабинет. Во всяком случае как для тех, так и для других новые выборы представляют большие затруднения ввиду наступления сезона полевых работ.

Гартвиг.

№ 70. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 287. 23/10 мая 1914 г.

Вангенгейм строго доверительно сообщил мне, что им получено известие об обсуждении эллинскими министрами вопроса о немедленном агрессивном выступлении против Турции, примерно блокадою Смирны, чтобы не дать Турции времени получить ожидаемые ею суда. Не сомневаюсь, что посол то же самое поведал и туркам, чем и могли бы объясниться до известной степени лихорадочно принимаемые последними меры по обороне малоазиатского побережья Архипелага. Касаясь вопроса об островах, мой товарищ высказал убеждение, что турки никогда не откажутся от требования сохранения турецкого суверенитета над двумя островами, на что пока греки не соглашаются. Посол лично предполагает однако, что греки, быть может, и изменят свое мнение. Ввиду строго доверительного характера нашего разговора, прошу ваше высокопревосходительство не ссылаться на него.

Гирс.

№ 71. Поверенный в делах в Буэнос-Айресе министру иностранных дел.

*/. Депеша. 23/10 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В секретном донесении от [19] 6 минувшего апреля за № 5[1] я имел честь сообщить вашему высокопревосходительству о положении вопроса о продаже чилийским правительством строящихся за его счет в Англии двух броненосцев и о разговоре, который я по этому поводу имел с моим здешним чилийским коллегой.

Встретив меня на последнем приеме дипломатического корпуса у министра иностранных дел, г. Фигерроа Ларрэн сообщил мне, что о сущности моего разговора с ним он не преминул довести до сведения своего правительства и ныне получил от него ответ, вполне подтверждающий высказанное мне им заверение, что Чили не собирается пока продавать своих судов и во всяком случае никогда не сделает этого без предварительного соглашения с Аргентиной и Бразилией. Одновременно моему коллеге было поручено сообщить мне, что чилийское правительство вполне оценило мотивы, побуждающие нас интересоваться вопросом о назначении, какое может быть дано строящимся за границей для южно-американских республик судам, и интерес этот будет иметь в виду, в случае если бы оно приняло решение уступить свои суда в другие руки.

Примите и пр.

Е. Штейн.

№ 72. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 952. 24/11 мая 1914 г.

Сообщается в Цетинье.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 913[2] и на телеграмму Обнорского № 36[3].

---

[1] См. т. II, № 241.

[2] Ссылаясь на тел. Обнорского за № 36 (см. ниже прим. 3), Сазонов в тел. от 19/6 мая за № 913 послам в Париже и Лондоне сообщал: „Считал бы просьбу черногорского правительства заслуживающей внимания. Благоволите осведомиться, считает ли правительство, при коем вы аккредитованы, осуществимой предлагаемую им программу".

[3] Тел. от 14/1 мая за № 36 Обнорский передавал пожелания черногорского прав-ва относительно условий предполагаемого займа, именно: 1) уплата Черногорией 2% по займу, 2) приглашение двух иностранных контролеров для организации управления таможен и монополий, а также приглашение директора для будущего ипотечного банка.

Признаем весьма желательным ускорить решением вопрос о займе ввиду крайней денежной нужды, испытываемой черногорским правительством. Офицеры уже несколько месяцев не получают жалованья, что вызывает опасное брожение. Наиболее соответственным считали бы уполномочить немедленно представителей в Цетинье ответить принципиальным согласием на ноту министра иностранных дел, оставляя открытым вопрос о проценте займа до окончательного согласия всех держав. С своей стороны согласились бы и на 2%, если последует согласие прочих держав, ибо полагаем, что в этом вопросе державы в свое время связали себя принципиальным обещанием.

Сазонов.

№ 73. Министр иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

/. Телеграмма № 953[1]. 24/11 мая 1914 г.

Ваша телеграмма № 39[2] получена.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 952[3].

Стараясь подвинуть дело займа, мы не считаем возможным, кроме того, давать деньги на покрытие долгов офицерам черногорской армии. Вопрос о военной помощи может быть окончательно разрешен лишь в июне, по возвращении военного министра.

Сазонов.

Да, но тем не менее вопрос о выдаче 200 тыс. руб. срочный.

Ливадия, [30] 17 мая 1914 г.

№ 74. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 954. 24/11 мая 1914 г.

Urgent.

Reçu 127[4].

Телеграмма морского министра послу:

„Прошу ваше сиятельство принять от меня уполномочие подтвердить покупку нами второго броненосца за общую сумму три миллиона двести пятьдесят тысяч (3 250 000) фунтов и на требуемый аванс в один миллион семьсот пятьдесят тысяч (1 750 000) фунтов. Григорович".

Сазонов.

---

[1] Царск экз.

[2] См. выше № 66.

[3] См. выше № 72.

[4] Тел. от 23/10 мая за № 127 Бенкендорф просил передать морск. м-ру, что „необходимо ответить Армстронгу срочно по вопросу второго броненосца", и запрашивал полномочия „подтвердить Армстронгу не только согласие на общую сумму, но и на требуемый аванс".

№ 75. Комиссар в Албании министру иностранных дел.

Телеграмма № 99. 24/11 мая 1914 г.

Положение в Дураццо очень тревожно. Город фактически в руках повстанцев. По последним известиям, князь с семьей и иностранцами укрылись на военных судах. В Валоне были также противоитальянские демонстрации. Сюда вызваны австрийские и итальянские военные суда. Телеграфное сообщение с Дураццо прервано. Сегодня выезжаем туда и будем пребывать, вероятно, тоже на одном из военных судов.

Петряев.

№ 76. Министр иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 961 [1]. 25/12 мая 1914 г.

Телеграмма № 211 [2] получена.

Ссылаюсь на телеграммы Орлова №№ 372 [3] и 379 [4].

Судя по донесениям Смирнова [5], велиагда причислить к нашим сторонникам нельзя. Соответственно этому и окружающие его лица едва ли будут нам благоприятны, а между тем они своим вмешательством в дела могут вызвать крупные осложнения. Поэтому назначение велиагда азербайджанским генерал-губернатором представляется для нас нежелательным.

Дав понять изложенное шахскому правительству, вы могли бы указать на непрактичность азиатского обычая назначать фиктивно на ответственные посты юношей, вокруг которых тотчас возникают интриги.

Затем вы могли бы предложить тегеранскому кабинету намечаемую Орловым замену Шоджа-эд-Доуле Сердаром-Решидом, который был бы для нас единственным приемлемым кандидатом. Если бы министры признали возможным назначить Сердара-Решида только пишкаром при велиагде, то можно было бы в крайнем случае согласиться на это, но с условием, чтобы велиагд оставался в Тегеране.

Само собой разумеется, что взамен нашего согласия на увольнение Шоджа-эд-Доуле мы вправе были бы рассчитывать на не-

---

[1] Лит. копия.

[2] См. выше № 4.

[3] См. выше № 18.

[4] См. выше № 55.

[5] Имеется в виду штабс-капитан Смирнов, состоявший при особе шаха.

медленное исполнение шахским правительством некоторых наших пожеланий, в частности относительно концессий на Урмийское озеро и Муганскую степь, а также увеличение казачьей бригады.

Сазонов.

№ 77. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 128. 25/12 мая 1914 г.

Срочно.

Прошу сообщить морскому министру текст письма моего на имя Армстронга от сегодняшнего числа: „With reference to the recent negociations between you and captain Volkoff, naval attaché to the Russian Embassy, I beg to inform you that the Russian Government is prepared to purchase from you the battleship „Almirante Cochrane" now building at your works at Newcastle-on-Tyne for the Chilean Government. The Russian Governement will pay you for said vessel, complete with ammunition and torpedoes, the sum of 3 250 000 pounds sterling. I understand that the ship will be completed in August 1916. This offer will remain open for a period of one month, and I shall be much obliged if you will at once take the necessary steps to obtain possession of the vessel from the Chilean Government. As soon as you obtain an agreement from the Chilean Government that they will sell the vessel to you, the Russian Government is prepared to pay you the sum of 1 750 000 pounds st. as a first installment. The future installments and complete contract will be signed as soon as the details can be prepared thereafter".

Бенкендорф.

Перевод.

Прошу сообщить морскому министру текст письма моего на имя Армстронга от сегодняшнего числа:

„Ссылаясь на последние переговоры между вами и капитаном Волковым, морским агентом при российском посольстве, я извещаю вас, что российское правительство готово купить у вас военное судно „Almirante Cochrane", строящееся на ваших верфях в Ньюкестле-на-Тайне для правительства Чили. Российское правительство готово заплатить за законченное судно, вместе с вооружением и торпедами, сумму в 3 250 000 ф. ст. Я считаю, что судно будет закончено в августе 1916 г. Это предложение остается открытым в течение одного месяца, и я буду очень обязан, если вы немедленно предпримете необходимые шаги для приобретения этого судна у правительства Чили. Как только вы получите согласие правительства Чили на продажу вам судна, то российское правительство внесет вам сумму в 1 750 000 ф. ст. в качестве первого взноса. Дальнейшие платежи и подписание контракта последуют тотчас же по выработке подробностей".

Бенкендорф.

№ 78. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 132. 25/12 мая 1914 г.

Copie Sofia.

Ai eu entretien emprunt bulgare avec Nicolson. Il dit que ministre bulgare, en réponse à objections formulées par Bax-Ironside, lui a demandé si marché anglais entreprendrait affaire. Bax-Ironside a dû répondre négativement. Nicolson pense que confirmation emprunt allemand par Chambre pas entièrement certaine et position Cabinet chancelante. Personnellement il me paraît qu'unique moyen d'écarter cet emprunt et ses conséquences onéreuses pour la Bulgarie et contraires à nos intérêts, serait lever veto contre emprunt à Paris, même au risque consolider temporairement Cabinet actuel, emprunt en Allemagne devant établir influence Allemagne pour période bien plus longue. Le gouvernement anglais très sceptique relativement efficacité boycottage financier et d'un autre côté par principe très peu disposé pression constituant ingérence directe en matière crise ministérielle. D'après informations de sources financières anglaises veto russe à Paris déconcerterait marché français et pourrait éventuellement entraîner conditions trop dures pour que Bulgarie préfère emprunt à (Paris).

Benckendorff.

Перевод.

Копия в Софию.

Имел беседу с Никольсоном относительно займа Болгарии. Он сказал, что болгарский министр, в ответ на возражения, высказанные Бакс-Айронсайдом, спросил его, примется ли за это дело английский рынок. Бакс-Айронсайд должен был ответить отрицательно. Никольсон думает, что утверждение [болг.] парламентом займа в Германии не вполне обеспечено и что положение министерства колеблется. Мне лично кажется, что единственный способ избежать этого займа и его последствий, обременительных для Болгарии и находящихся в противоречии с нашими интересами, заключается в снятии запрещения на этот заем в Париже, даже рискуя временно укрепить теперешнее министерство, так как заем в Германии установит влияние Германии на значительно более длительный период. Английское правительство настроено очень скептически относительно действительности финансового бойкота и, с другой стороны, по принципу, очень мало расположено к оказанию давления, составляющего прямое вмешательство [могущее вызвать] министерский кризис. Согласно известиям из английских финансовых источников, русское veto в Париже приведет в замешательство французский рынок и может повлечь слишком тяжелые условия, которые не позволят Болгарии предпочесть заем в Париже.

Бенкендорф.

№ 79. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 133. 25/12 мая 1914 г.

Reçu télégramme No 952 [1].

Nicolson me dit que le Cabinet de Londres a consulté tous les Cabinets au sujet du projet de l'emprunt monténégrin. Cabinet de Vienne n'a pas encore répondu. Cabinet de Rome trouve les conditions acceptables. Cabinets de Paris et de Berlin soumettent à l'étude des départements des finances. Jagow ajoute pourtant que gouvernement allemand ne pourrait pas soumettre à Reichstag proposition de prendre à son compte pourcents supplémentaires nécessaires. En ces conditions Nicolson pense qu'une réponse à note monténégrine approuvant principe seulement ne serait d'aucun secours réel à gouvernement monténégrin quelque soit urgence.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграмму № 952.

Никольсон мне сказал, что лондонский кабинет запросил все правительства относительно займа Черногории. Венское правительство еще не ответило. Римское правительство считает условия приемлемыми. Парижское и берлинское правительства передали [вопрос] на изучение министерства финансов. Ягов однако прибавляет, что германское правительство не могло бы внести в рейхстаг предложения, взять на себя необходимые дополнительные проценты. При этих условиях Никольсон считает, что ответ на черногорскую ноту, одобряющий лишь принцип, не представит никакой реальной поддержки черногорскому правительству, какова бы ни была его спешность.

Бенкендорф.

№ 80. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 126 [2]. 25/12 мая 1914 г.

Копия в Софию.

Переговоры французского министра иностранных дел с банками об авансе Болгарии [3] продолжают все еще встречать большие затруднения; Маржери сказал мне, что успеху их могло бы содействовать участие в некоторой доле аванса русских банков. Прошу срочно уведомить меня, возможно ли подобное участие и в каком размере [3].

Извольский.

---

[1] См. выше № 72.

[2] Опубл. L. N., II, p. 269.

[3] В L. N. слова „об авансе Болгарии" пропущены.

№ 81. Комиссар в Албании министру иностранных дел.

Телеграмма № 100. 25/12 мая 1914 г.

Прибыл в Дураццо. Телеграмму посылаю через Бриндизи при помощи итальянского миноносца. Князь и княгиня вернулись во дворец. Город занят и охраняется десантом приблизительно в 200 итальянских и австрийских матросов с пулеметами. В настоящую минуту здесь находятся семь итальянских и восемь австрийских военных судов. Повстанцы числом до четырех тысяч расположились в десяти верстах от Дураццо, имея главную квартиру в Шаяке. Третьего дня они пытались проникнуть в город, но были отбиты орудийным огнем. В стычках сих около города обе стороны потеряли убитыми и ранеными до ста человек. Вчера члены комиссии ездили в Шаяк для переговоров с восставшими, заявившими, что они передадут свои требования представителям Европы. Сущность этих требований передаю особой телеграммой. Движение носит ярко выраженный турецкий характер и, повидимому, организовано турецким комитетом, обосновавшимся внутри страны.

Петряев.

№ 82. Посланник в София министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 93. 25/12 мая 1914 г.

Получил № 943[1]. Ссылаюсь на № 125 Извольского[2]. Копия в Париж.

После заверений французского правительства, переданных в телеграмме Извольского № 122[3], его вчерашняя телеграмма № 125 явилась полной неожиданностью как для меня, так и для французского поверенного в делах. Ссылка на неудовлетворительность финансового рынка при такой незначительности требуемой суммы и является результатом щепетильности французских банкиров, обиженных обращением болгарского правительства к Берлину без предварительного обращения к своему обычному кредитору. Если действительно, как говорит Извольский, „французское правительство в высокой степени заинтересовано не допустить финансового и политического закабаления Болгарии Германией“,—как же оно может не найти средств убедить банки, хотя бы и с принесением некоторых жертв в порядке государственной необходимости? На случай,

---

[1] См. выше стр. 80, прим. 2.

[2] См. выше № 68.

[3] См. выше № 22.

ежели я ошибался и на французском рынке действительно ощущалось бы стеснение, то позволяю себе предложить следующий план, могущий облегчить задачу французского правительства. В последнем разговоре со мной Тодоров, которого я зондировал насчет желательного размера аванса, положительно утверждал, что правительству было бы вполне (достаточно) на первое время миллионов шестьдесят. То же мне подтверждают и другие. С другой стороны, проезжавший на-днях через Софию в Константинополь главный администратор Banque de Paris г. Бенак, говоря со мной на вокзале во время получасовой остановки поезда о возможности болгарского займа во Франции и о некоторых затруднениях французского рынка, утверждал, что аванс был бы дан с легкостью, ежели часть его—процентов сорок—взяли[1] на себя русские банки с тем, что сумма эта впоследствии, в случае ненадобности, будет им возмещена. Это участие русских капиталов, выразившееся бы всего таким образом в двадцати миллионах франков, облегчив операцию французских банков, вместе с тем подчеркнуло бы еще более оказываемую нами Болгарии услугу. Таким образом, мой новый план сводится к уменьшению размера аванса и к нашему в нем участию. Получив телеграмму Извольского № 125, я тотчас же поделился с[1] своим планом с здешним представителем французских финансовых интересов и с французским поверенным в делах, который вчера же телеграфировал о нем своему правительству. Ввиду особо важного политическо-экономического значения займа, как начального этапа мирного проникновения Германии в столь важную для нас зону у преддверья проливов, считал бы наше участие в предлагаемой операции весьма желательным, даже независимо от просьбы французов. Недостаток у нас свободных капиталов не может служить оправданием нашего воздержания: австрийцы при всей скудности своих финансов не раз снабжали Болгарию деньгами и тратили их вообще там, где государственные интересы это подсказывали. Насколько важное политическое значение придают Австрия и Германия займу,—явствует между прочим и из того, что, как я узнал, все переговоры ведутся дипломатическим путем через здешнего германского посланника. Если бы ваше высокопревосходительство нашли возможным вести переговоры на базе участия русских капиталов в авансе, размер которого мог бы быть уменьшен, думаю, дело могло бы двинуться. Только для успеха нужна исключительная быстрота действия. Прошу срочного ответа. Савинский.

---

[1] Так в подлиннике.

№ 83. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

Письмо. 25/12 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

После долгих, а подчас и тяжелых переговоров [1] в прошлую субботу все-таки, наконец, установлен текст австро-греческого договора о торговле и мореплавании.

За последнее время с обеих сторон прилагались усилия, дабы не разойтись без всяких результатов, что, конечно, произвело бы как в Греции, так и в Австрии крайне неблагоприятное впечатление.

Несмотря на уверения моего австрийского коллеги, что переговоры эти протекали вполне нормально, ныне достоверно известно, что между австрийскими и венгерскими делегатами комиссии не раз возникали крупные недоразумения на почве несогласуемости интересов. Г. Силаши пытался однако меня убеждать, что, если и существовали разногласия, то таковые во всяком случае улажены были в Вене перед отъездом делегатов в Грецию.

Главной чертой достигнутого таким образом с грехом пополам соглашения является понижение в Австро-Венгрии таможенных ставок на греческую коринку и винные ягоды, взамен понижения пошлины в Греции на австрийский строевой лес и ткацкие изделия.

Весьма еще сомнительно, чтобы венгерский парламент, где, как известно, преобладает аграрный элемент, ратификовал соглашение, облегчающее ввоз в Двуединую монархию продуктов земледелия.

Помимо сего, договор предоставляет некоторые выгоды Греции по покупкам австрийской табачной монополиею греческого табака. Положены также первые основы для конвенции по железным дорогам.

Что же касается каботажа, то вопрос этот не мог быть разрешен, несмотря на усилия австрийских делегатов, в особенности в пользу общества Ллойда: греческие требования о взаимности в австрийских водах встретили упорное сопротивление со стороны венгерских членов комиссии, вследствие чего вопрос о каботаже пока оставлен в стороне на разрешение впоследствии дипломатическим путем.

Примите и пр. Демидов.

---

[1] „Главных причин неуспеха австро-греч. переговоров,—сообщал Демидов в письме от 9 мая/26 апр.,—следует искать... во-первых, в чрезвычайном недоверии греков к австрийским претензиям, а во-вторых, в разногласии и конфликте интересов австрийских и венгерских". Одновременно сообщалось о прибытии в Афины б. серб. м-ра торговли Стояновича, который „договорился со Стрейтом по вопросу о начатии предстоящей осенью переговоров о сербско-греческом торговом договоре".

№ 84. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 293. 25/12 мая 1914 г.

Калмыков телеграфирует:
Доставлены мины, выгружаются в форте.

Гирс.

№ 85. Посол в Токио министру иностранных дел.

Депеша № 38 [1]. 25/12 мая 1914 г.
Доверительно.

Говоря с корреспондентом лондонского „Times'a" о необходимости экономического сближения между Англией и Японией в Китае, японский премьер-министр выдвинул новую формулу англо-японского союза—„English money — Japanese brains" [2]. Идея графа Окума сводится к тому, что в совместных экономических предприятиях в Китае Англия должна дать своей союзнице материальные средства, а Япония даст оборудования и эксплоатации [2] таких предприятий своих людей, обладающих знанием Китая и опытностью [3].

Как ни курьезна такая постановка вопроса, однако за ней несомненно скрывается определенный план, выдвигаемый японскими правящими сферами, пока еще в форме попыток.

Здесь уже давно сознают, что англо-японский союз все более теряет свое политическое значение. Чтобы влить в жизненно важное для Японии соглашение новые силы, чтобы использовать его всесторонне в своих выгодах, японцы ищут подходящих путей. Наиболее благоприятной почвой была бы совместная эксплоатация с англичанами естественных богатств соседней республики в тех ее областях, где интересы Англии и Японии соприкасаются и сталкиваются. Экономическое сближение обеих сторон на китайской почве было бы особенно желательно японцам не только потому, что оно укрепило бы пошатнувшийся англо-японский союз, но и потому, что могло бы явиться средством улучшения отношений Японии к самому Китаю. Японцы, наконец, поняли, что их политика в Китае за последние годы пошла по ложной дороге. Они надеялись негласной поддержкой революционных элементов и преувеличенными придирчивыми требованиями к пекинскому правительству

---

[1] Лит. копия.
[2] „Английские деньги—японский ум".
[3] Так в подлиннике.

создать Юань Ши-каю непреодолимые трудности и вызвать его падение, что, без сомнения, повело бы к новой смуте. План этот однако не удался, и теперь японцы видят, что их двойная игра только испортила их недавно еще столь твердое положение в Пекине. Чтобы наверстать потерянное, они ныне предлагают китайцам свою дружбу. Вестником перемены фронта японской политики в Китае едет туда известный здешний деятель банкир Сибугава. Одновременно посланник Ямза вызывается в Токио для получения новых инструкций от нового, расположенного к Китаю кабинета графа Окума.

Задача японской дипломатии ясна: втянув английские капиталы в китайские предприятия, которыми будут заведывать японцы, устранить возникшие между Англией и Японией в последнее время трения в Китае и одновременно облагодетельствовать последний на чужой счет, чтобы вернуть себе благорасположение пекинского правительства.

Пойдет ли Англия на такую комбинацию и захочет ли она таскать каштаны из огня[1] японцев,—покажет ближайшее будущее.

Подобная попытка была уже сделана раз в 1910 году, когда некий английский подданный Mosely, называвший себя сотрудником Cecil Rhodes'a в Южной Африке, пропагандировал англо-японский экономический союз, главнейшей целью которого являлась борьба с германской торговлей в Китае. В то время однако, как сообщил мне великобританский посол Sir Conyngham Greene, пропаганда г. Mosely не имела успеха в торговых и финансовых кругах Англии. Посол считает и ныне возможность подобной комбинации маловероятной, ввиду несходства коммерческих приемов англичан и японцев, недостаточно еще сознающих необходимость вести торговые дела с полной лояльностью и известной широтой.

Впрочем Sir Conyngham не усматривает политических причин, которые могли бы воспрепятствовать подобному развитию англо-японского союзного договора, но утверждает, что здесь, в Токио, он по этому вопросу никаких предложений со стороны японцев не получил.

Для нас все это дело имеет несомненно немалый интерес, поскольку предполагаемое англо-японское экономическое сближение отразится на железнодорожном строительстве в Манчжурии и на дальнейшей деятельности пятерного консорциума в Пекине.

Примите и пр. Малевский-Малевич.

---

[1] Очевидно пропущено слово „для".

№ 86. Журнал совещания у начальника морского генерального штаба [1].

/. 26/13 мая 1914 г.

[26] 13-го мая у начальника морского генерального штаба состоялось совещание для обмена мыслей касательно предстоящих переговоров о заключении соглашения между Россией и Англией о согласованных операциях их морских сил в случае совместных военных действий России и Англии при участии Франции. На этом совещании присутствовали: начальник морского генерального штаба вице-адмирал Русин, товарищ министра иностранных дел гофмейстер Нератов, помощник начальника морского генерального штаба капитан I ранга Ненюков, директор канцелярии министерства иностранных дел в долж. гофмейстера д. с. с. барон Шиллинг, военно-морской агент в Англии флигель-адъютант капитан I ранга Волков и вице-директор канцелярии министерства иностранных дел в звании камергера коллежский советник Базили.

Отметив прежде всего всю желательность заключения такого соглашения как со специально военно-морской точки зрения, так и в особенности с общеполитической, совещание, по всестороннем обсуждении вопроса, пришло к нижеследующим заключениям:

Прежде всего признано было, что морское соглашение наше с Англией должно, подобно франко-русской морской конвенции, иметь в виду согласованные, но раздельные действия наших и английских морских сил.

В отношении стратегических целей, выдвигаемых с нашей точки зрения в случае войны держав Тройственного согласия с державами Тройственного союза, надлежит различать, с одной стороны, морские операции в районе Балтийского и Немецкого морей, с другой — борьбу морских сил в Средиземном море. В том и другом из этих районов мы должны стремиться получить от Англии компенсацию за отвлечение на нас части германских морских сил. На северном театре войны наши интересы требуют, чтобы Англия удержала возможно бо́льшую часть германского флота в Немецком море. Это компенсировало бы подавляющее превосходство германского флота над нашим и, быть может, позволило бы, в благоприятном случае, предпринять десантную операцию в Померании. Если бы оказалось возможным приступить к этой операции, осуществление ее представило бы значительные трудности вследствие слабого

[1] Опубл. в предисловии М. Н. Покровского к книге К. Каутского „Как возникла мировая война", Москва 1924 г.

развития наших транспортных средств в Балтийском море. Английское правительство могло бы оказать нам в этом деле существенную услугу, согласившись до открытия военных действий перевести на наши балтийские порты такое количество торговых судов, которое восполнило бы недостаток наших транспортных средств.

Морское положение в Средиземном море также весьма существенно затрагивает наши интересы, так как, в случае господства в этом море австро-итальянских сил, возможны наступательные операции австрийского флота в Черном море, что явилось бы для нас опасным ударом. Поэтому с нашей точки зрения представляется весьма важным установление прочного перевеса сил Тройственного согласия над австро-итальянским флотом в Средиземном море. Ввиду существующего превосходства австро-итальянских морских сил над французскими, желательно, чтобы оставлением необходимого количества судов в Средиземном море Англия обеспечила господство в этом море сил Тройственного согласия, по крайней мере, пока развитие нашего собственного флота не позволит нам взять эту задачу на себя. Было бы также желательно получить согласие Англии на то, чтобы наши суда могли пользоваться в качестве базы английскими портами в восточной части Средиземного моря, подобно тому, как Франция, в силу морской конвенции, предоставила нам право базироваться на ее порты в западной части этого моря. Если бы в связи с положением в Средиземном море зашла речь о проливах, то надлежало бы, не касаясь политического вопроса о Босфоре и Дарданеллах, предусмотреть лишь временные военные меры в проливах, как одну из возможных стратегических операций наших в случае войны.

Помимо вышеизложенного, совещание признало желательным, чтобы предположенным морским соглашением нашим с Англией установлен был во всех подробностях порядок сношений между нашими и английскими морскими силами. Для этой цели необходимо будет согласиться о выработке системы общих сигналов и специальных шифров, об организации обмена радиотелеграммами и о способах сношений между морскими генеральными штабами России и Англии.

Необходимо, кроме того, договориться о том, чтобы наше и английское морские ведомства обменивались сведениями как о флотах третьих держав, так и о собственных флотах и в частности техническими данными о применяемых в морском деле приборах и изобретениях.

По мнению совещания, надлежало бы также установить, по

образцу франко-русской морской конвенции, периодический обмен мнений между начальниками нашего и английского морских генеральных штабов для обсуждения вопросов, интересующих морские ведомства обоих государств, и проверки совместно намеченных мероприятий.

Переходя от содержания предположенного соглашения к порядку его заключения, совещание признало вполне соответственным предложение английского правительства, чтобы оно выработано было нашим военно-морским агентом в Англии и английским морским ведомством при участии французского военно-морского агента в Лондоне и затем представлено было на одобрение правительств. Ввиду тесной связи, существующей между выработанным английским и французским генеральными штабами планом совместных действий и возможной нашей кооперации с английским флотом, необходимо, чтобы, как, повидимому, и предполагается, нам был сообщен текст англо-французского морского соглашения.

В заключение совещание высказало убеждение в необходимости, чтобы наш морской агент в Лондоне держал в курсе всего хода переговоров императорского посла в Лондоне, который, в свою очередь, окажет зависящее содействие.

Нератов.

Вице-адмирал Русин. Бар. Шиллинг.

Флигель-адъютант Волков. Базили.

№ 87. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 964 [1]. 26/13 мая 1914 г.

Сообщается в Париж и Валону.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 124 [2].

Полагаем, что принятыми мерами князь не превысил своих прав и потому нет основания отзывать представителей из контрольной комиссии.

Считаем однако ненормальным пребывание этой комиссии не в месте пребывания центрального албанского правительства, что дает повод князю обращаться к комиссии только в случаях, когда он не знает, как выйти из создаваемого им самим положения. Прошу вас обсудить втроем этот вопрос. Равным образом не возражали бы против посылки Англией и Францией отрядов из Скутари в Дураццо, согласно просьбе Вида. Итальянский посол усиленно отстаи-

[1] Царский экземпляр.

[2] См. выше № 58.

вает желательность сохранить международный характер за всеми мероприятиями в Албании[1].

Сазонов.

Россия никакого отряда посылать в Албанию не будет.

Ливадия, [3 июня] 21 мая 1914 г.

№ 88. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 134. 26/13 мая 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 128[2].

В ответ на мое вчерашнее письмо Армстронгу, последний уведомил сегодня, что он телеграфировал в этом смысле своему агенту в Чили и что он сообщит мне своевременно окончательный ответ чилийского правительства.

Бенкендорф.

№ 89. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо. 26/13 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

На-днях меня посетил пребывающий здесь сербский посланник и сказал, что совместная деятельность Русско-Азиатского и некоторых здешних банков в сербских делах кажется ему весьма нежелательной, ввиду, главным образом, австрийского влияния в Société Générale, от которого зависит Русско-Азиатский банк.

Вполне уверенный, что г. Веснич глубоко ошибается и что во всех означенных делах Русско-Азиатский банк никогда не терял из виду политических интересов России и тесно связанных с ними интересов Сербии, я тем не менее счел весьма важным не дать укорениться этому заблуждению.

Запрошенный мною по сему поводу Н. Л. Рафалович объяснил мне, что слухи об австрийском влиянии в Société Générale умышлен-

---

[1] Тел. от 26/13 мая за № 82 Поклевский сообщил, что румын. прав-во „очень сочувствует" итал. предложению о посылке державами вооруженных отрядов в Албанию. Тел. от 28/15 мая за № 130 Извольский сообщил, что „Думерг... весьма мало склонен к активному вмешательству в Албании... готов согласиться на просьбу Вида о присылке ему отрядов из Скутари и Дураццо, если на эту меру согласится и Англия". Далее Извольский отмечает, что „здешний итальянский посол также очень настаивает на этой посылке" и что „австрийский посол видимо избегает высказываться в этом смысле, и Думерг подозревает венский кабинет в особенных планах".

[2] См. выше № 77.

но распространяются Франко-Сербским банком, пользующимся доверием сербского посланника. Хотя, конечно, г. Адлер, по национальности австриец, пользуется действительно значительным влиянием в Société Générale, но на деятельности Русско-Азиатского банка это ничуть не отражается.

Я поэтому поручил советнику посольства вызвать в своем присутствии объяснение между нашим соотечественником и г. Весничем.

Сей последний был сперва несколько озадачен столь прямой постановкой вопроса, но разговор носил очень откровенный характер и, повидимому, способствовал рассеянию недоразумений.

Д. с. с. Севастопуло объяснил, что между сербскими делами следует различать:

1. Вопрос о Восточной железной дороге, в котором Россия не имеет никаких интересов и в коем единственною целью императорского правительства и русских финансистов было по возможности выгородить права Сербии и предупредить конфликт ее с Австрией; дело, повидимому, клонится ныне к выкупу, и, хотя таким образом русское участие в деле устраняется, столь выгодная для Сербии развязка принята в России с чувством великого удовлетворения. Г. Веснич признал по этому поводу, что, хотя он лично всегда был противником интернационализации, но проект этот сослужил Сербии громадную услугу, ибо позволил выиграть время и подготовить почву для ныне почти обеспеченного удачного исхода.

2. Дунайско-Адриатическая железная дорога, в осуществлении коей безусловно заинтересована Россия, так же как и Румыния.

3. Прочие сербские дела, в коих Россия ничуть не заинтересована; если участие в них наших финансистов нам кажется желательным, то исключительно ввиду нашего неизменного доброжелательства к Сербии, именно дабы не оставлять ее лицом к лицу с французскими финансистами, столь подверженными, по заявлению самого г. Веснича, космополитическому и, в частности, австрийскому влиянию; г. Севастопуло намекнул при этом на неоценимые услуги, которые в этом отношении может оказать Сербии влияние дружественного нам Quai d'Orsay на местных финансистов; он прибавил, что впрочем мы этих услуг навязывать не намерены и что мы свое участие в этих делах могли бы и сократить; в случае же желания сербского посланника, г. Рафалович, конечно, мог бы, во избежание недоразумений, подробно держать его в курсе всего происходящего.

Центром тяжести разговора был вопрос о Дунайско-Адриатической железной дороге.

Дело в том, что, как известно императорскому министерству, в 1909 г. был образован в Париже русско-французско-итальянский синдикат с Оттоманским банком во главе для постройки той части этой дороги, которая должна была пролегать по турецкой территории; хотя, конечно, мы не проводили мысли, что концессии, выданные Турцией, обязательны для завоевателей, тем не менее Н. Л. Рафалович объяснил, что было бы актом недружелюбным по отношению к означенному синдикату, если бы Сербия сдала, как о том идет речь, другому предпринимателю постройку дороги по новым сербским владениям; он напомнил, что синдикат был образован с целью притти на помощь Сербии в трудную для нее минуту, и что русские его участники имеют некоторое нравственное обязательство по отношению к своим французским коллегам, между прочим к гр. Витали, с которым у них есть ряд деловых связей (малоазиатские железные дороги, Трансперсидская железная дорога, Южно-Сибирская железная дорога и пр.) и который даже в угоду им отстранил себя от участия в деле Багдадской железной дороги.

Г. Веснич признал вес этих аргументов и обещался написать об этом в Белград.

Г. Рафалович подробно остановился на интригах Франко-Сербского банка и заверил г. Веснича, что все распространяемые слухи о русском участии в каком-то синдикате, заявляющем претензии на монополию железных дорог в Сербии, лишены основания.

В заключение сербский посланник высказал, что он считал бы весьма целесообразной поездку Н. Л. Рафаловича в Белград.

В тот же день, когда имел место вышесказанный разговор, директор Франко-Сербского банка г. О. Гомберг обратился к г. Рафаловичу с предложением, если того пожелает сербское правительство, либо переуступить прежнему синдикату Дунайско-Адриатической железной дороги постройку этой линии, либо сохранить это дело за собой, с предоставлением участия в размере 15% русской группе; он сознался, что он это делает согласно совету Quai d'Orsay, однако, г. Гомберг предвидит, что сербское правительство не допустит передачи постройки старому консорциуму ввиду того, что у последнего состоит строителем гр. Витали, к которому сербы относятся, мол, отрицательно.

Г. Рафалович ответил, что, предварительно какого-либо решения, необходимо с русской стороны выяснить отношение сербского правительства к этому вопросу.

В этой беседе выяснилось весьма важное обстоятельство, что сербское правительство, повидимому, ведет переговоры с Франко-Сербским банком не только о постройке, но и об эксплоатации Дунайско-Адриатической линии на сербской территории. Г. Гомберг заявил, что участие русских элементов должно распространиться в таком случае и на эксплоатацию.

При таких обстоятельствах Н. Л. Рафалович решил выехать в Белград в четверг, дабы выяснить с сербским правительством следующий вопрос:

Предпочитают ли сербы, чтобы Дунайско-Адриатическая линия была предоставлена прежнему консорциуму, в коем участвуют гр. Витали и итальянцы, или ему более подходит оставить дело группе г. Гомберга, при участии русских.

Следует отметить, что, по мнению Н. Л. Рафаловича, русская группа могла бы отделиться от прежнего консорциума, только если сербское правительство станет определенным образом на второй путь.

Копию с сего письма высылаю с г. Рафаловичем гофмейстеру Гартвигу.

Примите и пр.

Извольский.

№ 90. Посол в Риме министру иностранных дел.

Телеграмма № 34. 26/13 мая 1914 г.

Отвечая сегодня на запросы в парламенте по албанским делам, министр иностранных дел произнес длинную речь, в которой, изложив хронологически ход событий в Албании за последние 10 дней, он указал, что по поводу этих тревожных событий происходил постоянный обмен мнений с гр. Берхтольдом, основанный на полном взаимном доверии. Результаты этого обмена мнений,—сказал он,—могут быть формулированы в следующих пяти пунктах: „1) Италия и Австрия продолжают желать укрепления в Албании авторитета принца Вильгельма; происшедшие события не могут изменить даже состоявшегося решения по эпиротскому вопросу. 2) Оба правительства приложат все усилия, чтобы избегнуть вооруженного вмешательства в Албании и намерены отозвать как можно скорее свои десанты, посланные для защиты князя, его семьи и миссий. 3) Итальянское и австрийское правительства уже согласились, коль скоро к этому присоединятся все державы, послать в Дураццо международный отряд из Скутари, и римский кабинет продолжает делать

шаги в этом смысле перед другими державами. 4) Оба правительства желают, ввиду нынешних осложнений, чтобы международная контрольная комиссия, уже проявившая свою полезную деятельность, (помогла) албанскому правительству в настоящее критическое время. 5) На сделанное итальянским послом гр. Берхтольду в Вене замечание, что без ведома австрийского правительства особы, слывущие за австрофилов, могли быть причастны к албанским происшествиям, австрийский министр иностранных дел ответил, что, если некоторые албанцы и принимали участие в восстании, то влияния австрийского правительства на них оказано не было. Последнее продолжает иметь намерение не вмешиваться во внутренние дела Албании и придерживаться точного соблюдения соглашения с Италией".—Этот пятый пункт речи министра иностранных дел объясняется его желанием успокоить общественное мнение Италии, которое приписывает все последние происшествия в Албании австрийским интригам. Это подозрение вызвало полемику в печати обеих стран и еще более возбудило Италию против Австрии. В конце своей речи министр выразил непоколебимое намерение римского кабинета поддержать Албанию и не допускать никакого изменения равновесия в Адриатическом море, будь то в пользу великих или малых держав.

Крупенский.

№ 91. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Телеграмма № 156. 26/13 мая 1914 г.

Копия в Константинополь.

Некоторые из посетивших Белград в марте минувшего года албанских главарей и в том числе Мехмед-Шани вновь приезжали сюда. Последний доверительно поведал Пашичу, что образовавшийся в Вене тайный болгаро-албанский комитет настойчиво приглашает их принять участие в организуемом восстании против Сербии. Подтвердив свое заявление документальными данными, Шани-бей однако заверил Пашича, что ни он, ни его единомышленники не поддадутся науськиваниям Австрии, желая искренно жить в мире с сербами. Отсюда Шани через Румынию отправился в Константинополь, а затем проедет в Албанию, обещав сообщать сербскому правительству все сведения о подготовляемом нападении на сербов. Эти сведения, в связи с происходящими в Албании событиями, крайне встревожили Пашича, который сильно опасается возникновения серьезных осложнений, если европейские державы не

примут сообща мер к ограждению спокойствия в пределах созданной автономной провинции.

Гартвиг.

№ 92. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 295. 26/13 мая 1914 г.

Копия в Тегеран.

На сегодняшнем приеме великий визирь вновь горько жаловался мне на положение дел на персидской границе. По его словам, в Хое и Салмасе курды под руководством Симко и Абдуррезака сговариваются для перехода границы и возбуждения турецких курдов против оттоманского правительства. На-днях произошло, будто бы, столкновение близ местечка Чесера, причем курдами предводительствовал брат Абдуррезака Сулейман-бей, убитый во время боя. Великий визирь усиленно ходатайствует об обуздании Симко и Абдуррезака. Я ответил, что донесу вашему высокопревосходительству о столкновении, о коем мне ничего пока неизвестно, но что во всяком случае Порте следует строго предписать местным властям ни при каком условии не входить в пределы Персии, а ввиду крайней подозрительности Порты и ее возбуждения против курдских выходцев, я признал бы необходимым удалить Абдуррезака от границы.

Гирс.

№ 93. Товарищ министра иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 357. 27/14 мая 1914 г.

Весьма секретно.

Срочно.

М. г. Петр Львович,

Болгарское прав[ительст]во, находясь в крайне стесненном финансовом положении, ведет в последнее время в Берлине переговоры о заключении займа.

Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия, выдвигаемые германскими капиталистами, кабинету Радославова до сих пор не удалось привести к концу это дело, от благоприятного исхода коего зависит самое его существование.

Имп. посланник в Софии, имея в виду, с одной стороны, избавить Болгарию от кабалы, несомненно грозящей ей в случае осуществления займа в Берлине, а с другой—вызвать падение нынешнего враждебного нам австрофильского кабинета, расстроив эту

финансовую сделку, возбудил вопрос о выдаче Болгарии Францией ныне же некоторого аванса в счет займа, который имеет быть сделан в Париже, при непременном, конечно, условии удаления кабинета Радославова.

Французское прав[ительст]во, со своей стороны, горячо поддержало вполне разделяемую мин-вом ин. дел мысль д. с. с. Савинского и вошло по сему предмету в переговоры с парижскими банками; последние однако делают некоторые затруднения, ссылаясь на неудовлетворительное состояние денежного рынка.

Ныне как имп. посол в Париже, так и посланник в Софии уведомили по телеграфу, что успеху дела могло бы значительно содействовать участие в некоторой доле аванса русских банков, которое выразилось бы всего от 20 до 30 милл. франков.

Ввиду особо важного политическо-экономического значения вопроса о болгарском займе, считаю долгом обратиться к в-му прев-ву с пок[орнейшей] просьбой не отказать уведомить меня, в кратчайший по возможности срок, не сочтете ли вы возможным побудить наши банки принять участие в предположенном авансе[1].

Нератов.

№ 94. Министр иностранных дел поверенному в делах в Пекине Граве.

Письмо № 365[2]. 27/14 мая 1914 г.

Вследствие письма вашего от [24] 11 сего апреля за № 14[3], при котором вы препроводили перевод сообщения вай-цзяо-бу по поводу требований, выставленных нами в связи с пересмотром специфических ставок китайского морского тарифа, имею честь вас уведомить, что изложенные в этом письме соображения ваши относительно ответа китайскому правительству по настоящему вопросу одобряются министерством иностранных дел. Считаю долгом лишь дополнить их нижеследующим соображением, которым вы могли бы воспользоваться в ваших объяснениях с китайскими министрами.

Как вы вполне справедливо отмечаете, на императорском прави-

---

[1] В ответ на помещенное в тексте письмо Нератова м-р фин. Барк доверит, письмом от 30—31/17—18 мая за № 150 сообщил, что, не имея „препятствий к участию русских банков в выдаче аванса болгарскому правительству", он „вошел по этому вопросу в сношение с заинтересованными крупными учреждениями". Окончательные условия ссуды Барк обещал сообщить дополнительно.

[2] Лит. копия.

[3] См. т. II, № 289; следует читать „№ 74", а не „№ 14".

тельстве не лежит договорного обязательства пересматривать ставки китайского морского тарифа. Постановление о таковом пересмотре по истечении десятилетнего срока содержится лишь в трактатах, заключенных с Китаем Англиею в 1902 году и Северо-Американскими Соединенными Штатами—в 1903 году, которые, очевидно, и выговорили себе в то время те ответные за согласие на пересмотр тарифа уступки со стороны китайского правительства, в которых названные державы нуждались. Будучи свободны согласиться на желание китайцев пересмотреть специфические ставки тарифа или отказаться его исполнить и тем не менее соглашаясь итти в этом отношении навстречу пожеланиям китайского правительства, мы, как само собою разумеется, имеем право на известные ответные уступки со стороны последнего. Требования, которые мы при этом ставим, умеренны, ибо они не затрагивают принципов торговых отношений держав к Китаю; они также пользуются льготными тарифами для своей сухопутной с ним торговли и льготами по транзиту через их территорию товаров, следующих из одного пункта Китая в другой. В частности сохранение в силе ныне действующего тарифа при ввозе через сухопутные таможни Манчжурии тем более справедливо, что сухопутная торговля этой области создалась и развилась лишь благодаря сооружению Китайской Восточной ж. д., на что истрачены русские капиталы. Извлекая столь значительную пользу из этого русского предприятия, китайское правительство по справедливости должно облегчать и русской торговле пользование им.

Что касается вопроса об обложении китайско-монгольской торговли, то мы не имеем в виду настаивать на немедленном разрешении во всей полноте этого вопроса, подлежащего обсуждению при тройных русско-китайско-монгольских переговорах. Если китайское правительство не желает ныне же обязаться не возражать против существования в автономной Монголии внутреннего обложения торговли с Китаем, то мы, со своей стороны, можем лишь заявить ему, что, пока этот вопрос не будет удовлетворительно разрешен в тройном русско-китайско-монгольском договоре, мы не приступим к пересмотру специфических ставок китайского морского таможенного тарифа.

Считаю долгом добавить для личного вашего сведения, что мы не предполагаем при этих переговорах отстаивать права автономной Монголии ввести таможенный режим на ее границе с китайскими владениями. Необходимость обеспечить монгольскому правительству некоторые источники доходов, в которых оно так нуж-

дается, побуждает нас однако помочь ему сохранить за собою право иметь внутреннее обложение торговли по примеру существующего в собственном Китае. Почин в этом деле был, кстати сказать, положен еще до провозглашения Монголиею независимости китайским амбанем, учредившим ликинную заставу в Урге.

Примите и пр.

[Сазонов.]

№ 95. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 136 [1]. 27/14 мая 1914 г.

Reçu télégramme No 904 [2]. Copie Paris.

Personnel et confidentiel. — Je n'ai pas télégraphié par ce que gouvernement anglais avant de se prononcer attend informations directes ultérieures, pas reçues hier, deux télégrammes annoncés n'étant pas parvenus. Menace de se retirer de la Commission de Contrôle n'a jamais visé action du prince. Dès les premières nouvelles Grey les a trouvées „très surprenantes" et laissé très confidentiellement percer quelque doute sur action isolée des deux Puissances. Jl a parlé en effet, mais sans insister, de rappel possible du représentant anglais à la Commission de Contrôle, ne désirant pas le voir compromis par action isolée de l'une ou de l'autre Puissance. Quant à emploi des troupes anglaises dans luttes intestines albanaises Grey y est en effet en principe très opposé. D'abord il croit les forces européennes nécessaires et utiles à Scutari, mais il trouve intérêts anglais en Albanie trop peu affectés pour emploi direct de soldats anglais dans lutte active, Grey n'a pas encore formé une opinion et jugement définitifs. D'après ambassadeur d'Italie, gouvernement italien aurait été aussi surpris et pris au dépourvu que les autres gouvernements. Il ne fait aucunement cause commune avec Autriche.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграмму № 904. Копию в Париж.

Лично и конфиденциально.—Я не телеграфировал, потому что английское правительство, прежде чем высказаться, ждет непосредственных дальнейших сообщений, вчера не полученных, так как две ожидавшиеся телеграммы не пришли. Угроза удалиться из контрольной комиссии не была направлена против действий князя. Как только были получены первые известия, Грей нашел их

---

[1] Опубл. Stieve, IV, № 1351.

[2] Повидимому, в лит. копии опечатка; следует читать „№ 964"(см.выше № 87).

„очень неожиданными“ и дал в весьма конфиденциальной форме почувствовать некоторое сомнение относительно изолированного выступления двух держав. Он действительно говорил, но не настаивая, о возможном отозвании английского представителя из контрольной комиссии, чтобы не скомпрометировать его изолированным выступлением той или другой державы. Что касается применения английских войск во внутренней борьбе в Албании, то Грей действительно в принципе очень возражает против этого. Прежде всего он думает, что европейские войска нужны и полезны в Скутари, но он считает, что английские интересы в Албании слишком мало затронуты, чтобы требовалось прямое применение английских солдат в активной борьбе. Окончательного осуждения и мнения Грэй еще не составил. По словам итальянского посла, итальянское правительство было так же удивлено и захвачено врасплох, как и другие правительства. Оно ни в коей степени не действует заодно с Австрией.

Бенкендорф.

№ 96. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 128. 27/14 мая 1914 г.

Reçu votre télégramme No 913[1] et celui d'Obnorsky No 36[2].

J'en ai communiqué teneur à Mr. Doumergue, qui me fait parvenir note suivante: „La complexité des questions que soulève la note remise par le gouvernement monténégrin aux représentants des Puissances à Cettigné le 27 avril au sujet de l'emprunt international exige une étude approfondie de la part du ministre des finances, en raison de la garantie que devrait pour sa part fournir l'Etat français. Ce n'est que lorsque l'étude financière du ministre des finances aura été terminée que le gouvernement de la République pourra arrêter ses vues. Mr. Doumergue ne manquera pas à ce moment de les faire connaître à l'ambassade de Russie“[3].

Iswolsky.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 913 и телеграмму Обнорского № 36.

Я сообщил их содержание г. Думергу, который передал мне следующую

---

[1] См. выше стр. 87, прим. 2.

[2] См. выше стр. 87, прим. 3.

[3] В письме от 28/15 мая за № 361 послам в Париже и Лондоне Нератов указывал: „Принимая во внимание, что денежная помощь Черногории была обещана в критическую минуту в прошлом году, когда ценою этого обещания король Николай согласился уступить Скутари, мы со своей стороны полагаем, что державы связали себя известным нравственным обязательством в этом вопросе, которым им трудно поступиться, не роняя авторитета“. Ссылаясь на это письмо, Бенкендорф тел. от 4 июня/22 мая сообщил, что в виду невозможности реализовать 2% черног. заем где бы то ни было, как только на франц. рынке, Грей запросил франц. кабинет. На тел. помета: „Из Парижа ответа не поступало в пол[итический] архив“.

ноту: „Сложность вопросов, которые подняты нотой, переданной 27 апреля черногорским правительством представителям держав в Цетинье, по вопросу о международном займе, требует тщательного изучения этих вопросов министром финансов, вследствие той гарантии, которую должно будет со своей стороны представить французское государство. Лишь по изучении министром финансов вопроса с финансовой стороны, правительство республики может установить свою точку зрения. Г. Думерг не замедлит тогда сообщить ее российскому посольству".

Извольский.

№ 97. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 129. 27/14 мая 1914 г.

Думерг только-что сказал мне, что ему удалось преодолеть сопротивление Парижско-Нидерландского банка, и что сегодня должно состояться совещание банкиров, которое, он надеется, окончательно решит выдать Болгарии аванс в 60—65 миллионов франков. Он продолжает настаивать на участии русских банков, считая, что таковое не только облегчит эту операцию, но также весьма желательно с политической точки зрения. Думерг присовокупил, что, как только окончательно выяснится возможность аванса, о чем он надеется уведомить меня завтра, необходимо быстрое действие Савинского и французского представителя в Софии с целью либо помешать подписанию германского займа, либо, если заем этот уже болгарским правительством подписан, вызвать противодействие ему в парламенте. Прошу срочного ответа касательно участия российских банков.

Копия в Софию.

Извольский.

№ 98. Советник посольства в Париже начальнику Ближневосточного отдела Трубецкому.

Письмо. 27/14 мая 1914 г.

Милейший князь Григорий Николаевич,

Вам, вероятно, известны наши хлопоты в Петербурге во время вашего отсутствия по поводу Салоникского банка.

Тогда же выяснилось, что дело зависит от нашего ведомства и от банка: м-ство же фин-сов интересовалось им только с точки зрения принимаемого Р[усско]-Аз[иатским] банком риска, причем всецело полагалось в этом отношении на оценку самого этого банка.

Дело, казалось, было почти налаженным, как вдруг я сегодня узнал от Н. Рафаловича, что оно опять тормозится из-за сомнений, возникших у вас, как утверждает Верстрат, по поводу доставленного

им на ваше одобрение текста предварительного соглашения Р.-Аз. банка с французами и в частности ст. 5-й.

Нас здесь берет сомнение, не чинит ли в данном случае затруднения Верстрат, с самого начала мало симпатизировавший этому делу, и не старается ли он свалить ответственность за провал на наше мин-ство.

Насколько я понимал, ст. 5-я вызвана желанием предупредить конкуренцию в деле турецких госуд[арственны]х займов, и так как мы сами таковых в виду не имеем, то означенная статья и должна остаться платонической; впрочем Салоникский банк и ныне уже связан в этом отношении. К тому же, если бы нам, паче чаяния, нам [1] понадобилось бы затеять какое-нибудь дело, в коем, по ст. 5-й, наш новый банк не мог бы принять участия, то ничто не мешало бы Р.-Аз. банку выступить в данном деле под собственным флагом.

Пишу вам по этому поводу, ибо опасаюсь, как бы это дело, стоившее уже стольких усилий, не затянулось бы бесконечно или даже не потерпело бы крушения из-за, может быть, какого-нибудь недоразумения. Не откажите, с своей стороны, сообщить нам, правильно ли вас понял Верстрат.

Примите и пр.

М. Севастопуло.

№ 99. Записка, составленная представителем Русско-Азиатского банка в Париже [2].

27/14 мая 1914 г.

В связи с железнодорожным строительством в Сербии возник вопрос об австрийском влиянии в парижских кредитных учреждениях. Настоящая записка имеет целью выяснить в общих чертах этот вопрос в отношении главнейших парижских банков.

Следует прежде всего иметь в виду, что размещение на французском рынке иностранных ценностей находится в руках преимущественно трех учреждений: Лионского кредита, Société Générale [3].

Кроме того, в группу этих главнейших банков Франции входит Парижско-Нидерландский банк, и все они вместе являются, между прочим, тем синдикатом, к которому прибегает русское правитель-

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Подлинник в лит. копии озаглавлен: „Записка Н. Л. Рафаловича об австрийском влиянии в парижских банках". Опубл. М., стр. 719—729. „Записка" препровождена при письме Севастопуло от 26/13 мая на имя Трубецкого.

[3] Пропуск в подлиннике.

ство при помещении во Франции государственных займов и железнодорожных облигаций с гарантией казны.

В числе прочих крупных банков следует упомянуть об Union Parisienne, который основан группою частных банкирских домов Готтингер, Малле, Верн и т. д., которые также стоят в деловой связи с русским правительством и которые являются в то же время основателями Оттоманского и Сербского банков.

Если обратиться к изучению связей, существующих между главнейшими парижскими банками и австрийским финансовым миром, то прежде всего бросаются в глаза два обстоятельства: во-первых, общий для всех характер этих связей и, во-вторых, постепенное их ослабление.

За последние годы Австрия в силу политических условий не имела доступа на парижский рынок, и в этом отношении ей не могли помочь усилия как ее представителей, так и близких ей французских финансовых элементов. Парижско-Нидерландский банк имеет своих представителей в правлении австрийского банка Boden-Kredit, во главе коего стоит известный австрийский политико-финансовый деятель г. Зигхарт. В австрийском Länderbank'e имеются также французике члены правления, в том числе бывший французский посол в Вене г. Крозье, состоящий также членом правления Société Générale, в коем играет видную роль австриец г. Адлер, являющийся фактически заведующим одним из отделов этого учреждения, хотя он и не имеет этого звания. В ...[1] руководящее место занимает бывший немецкий подданный г. Ульман, который если и не стоит в непосредственной связи с австрийскими учреждениями, то зато очень близок к берлинскому Disconto-Cesellschaft, имеющему большие связи и большое влияние в Вене. „Лионский кредит" не раз уже размещал на парижском рынке австрийские и венгерские ценности и помещал в своей клиентеле боны казначейства этих государств. О банке Ротшильда нет надобности упоминать, ибо хотя он чрезвычайно заинтересован в австрийских делах, однако роль его на парижском рынке делается все менее и менее деятельной. Наконец, Union Parisienne имеет на Балканах банк, так называемый Балканский банк, который стоит в прямой зависимости от венских и будапештских финансовых учреждений и управляется на месте австрийцев г. Доннером.

Вообще нужно заметить, что до самого последнего времени вся деятельность французских банков на Балканах протекала рука об

[1] Пропуск в лит. копии.

руку с австрийцами, которые сумели в этом отношении пользоваться французскими капиталами. Происшедшие ныне коренные перемены в политической структуре Балканского полуострова несомненно должны отразиться неблагоприятным образом на сложившихся до сих пор франко-австрийских финансовых сношениях в этой области.

Для достижения этой цели необходима планомерная работа с нашей стороны. При этом нужно различать попытки австрийцев размещать свои ценности на парижском рынке и финансовое сотрудничество австро-венгерских и французских банков на Ближнем Востоке.

Первые не могут внушать нам серьезных опасений, ибо они являются покушениями с негодными средствами. Французские банки слишком опасаются как вмешательства своего правительства, так и протеста со стороны общественного мнения для того, чтобы пуститься с легким сердцем на подобную операцию, которая может быть расстроена одной газетной статьей или одним шагом со стороны России. Примером этого может служить неудавшаяся попытка добыть для австрийского казначейства довольно значительную сумму под видом соответствующего интересам французских держателей улажения стародавнего спорного вопроса об австрийских Южных дорогах. Эта попытка была расстроена в минувшем году, если только ей вообще было суждено осуществиться, путем статьи в газете „Echo de Paris“.

Что касается до сотрудничества французских и австрийских банков, то и тут мы можем сыграть весьма полезную роль. Так, когда недавно австрийские банки обратились к французской группе, занимавшейся вопросом об интернационализации Восточных дорог в Сербии, с предложением изучить условия кооперации французских и австрийских элементов на Балканах, то достаточно было одного заявления представителя русской группы, что последняя ни в чем подобном, помимо самого вопроса об интернационализации принять участия не сможет, чтобы французы ответили австрийцам отрицательно.

Когда одна французская группа обвиняет другую в близости к австрийцам, то чаще всего это является лишь приемом борьбы, свидетельствующим, что в настоящее время обнаружение такой близости лишь препятствует осуществлению дел. С нашей же точки зрения, рассуждая беспристрастно, можно лишь сказать, что все главнейшие французские группы стоят в очень близкой связи с австрийскими и что в этом отношении весьма трудно решить, кто

из них является наиболее подверженной австрийскому влиянию. Вообще же, как общее правило, было бы желательно признать, что не следует оставлять французов в вопросах и в странах, нас интересующих, лицом к лицу с австрийцами. Там, где у них будет определенное сотрудничество с русскими элементами, там для австрийцев уже не окажется места.

Кроме того, это является единственной возможностью быть своевременно осведомленным о всем том, что желательно предупредить.

[Н. Рафалович.]

№ 100. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 95. 27/14 мая 1914 г.

Копия в Париж.

Только что узнаю, что министр финансов выезжает завтра в Берлин, хотя окончательные условия займа еще не выработаны. Это обстоятельство вызывает крайнюю необходимость особенной поспешности с нашей стороны.

Савинский.

№ 101. Посланник в Афинах министру иностранных дел.

*/.Письмо. 27/14 мая 1914 г.

Confidentielle.

Cher Сергей Дмитриевич,

Parmi les fréquentes déclarations que prodigue ici à tout venant le ministre de Turquie, il en est dernièrement qui touchent plus spécialement à des questions de politique générale, à certains courants qui se manifesteraient, selon lui, dans les sphères dirigeantes de son pays.

Au dire de Chalib Bey, ces sphères sont partagées en ce moment enrre deux alternatives, — l'une, appuyée par l'Allemagne, d'un rapprochement, sous les auspices germaniques, avec la Roumanie et la Grèce; l'autre, — plus conforme, à son avis, aux intérêts turcs, — d'une entente avec la Russie, la Bulgarie et la Serbie, autrement dit, avec le bloc slave.

Chalib Bey a parlé de ces combinaisons à plusieurs de mes collègues, tout en préconisant ouvertement la seconde. Je ne sais, en mon ignorant éloignement, si pareilles tendences existent réellement en Turquie, ni moins encore, si la Porte est sur le point d'opter entre deux voies politiques. Toujours est-il que j'ai cru devoir vous signaler ces confidences, auxquelles mon collègue de France, Mr. Deville, semble attacher certaine valeur. Talaat Bey vous aura, d'ailleurs, certainement éclairé sur l'état d'esprit politique du gouvernement ottoman et les orientations qu'il recherche.

Pour ma part, j'ose exprimer l'humble avis que pour hautement désirables que soient les rapports d'amitié entre nous et la Turquie, on ne saurait perdre de vue le bloc balkanique actuel, qui constitue cet élément de stabilité, — cet équilibre, qui laisse, tant bien que mal, entrevoir l'apaisement prochain, que nous appelons de tous nos voeux.

La Roumanie, aussi bien, n'est guère portée, autant que je sache, à modifier en quoi que ce soit l'état de choses établi. Sa position est trop ferme par rapport aux Balkans pour souhaiter un changement quelconque, pour se compromettre dans une combinaison nouvelle, dont la pointe serait dirigée contre n'importe qui. Elle ne mettrait son poids dans la balance que le jour où elle sentirait un danger de conflit, et ce en faveur des plus intéressés au maintien intégral du traité de Bucarest, car il va sans dire que seules les parties lésées par cet acte peuvent espérer tirer profit au moyen d'un bouleversement nouveau. Tous les efforts de Mr. Vénizélos pour lier partie plus étroite avec la Roumanie se sont heurtés, on le sait, à une détermination inébranlable de rester en dehors de toute obligation contractuelle. Il est par conséquent probable que les suggestions allemandes tombent dans le vide, et que la Roumanie se borne à conseiller aux Turcs une attitude de conciliation à l'égard de la Grèce. C'est, du moins, l'avis de mon collègue roumain qui vient de temps en temps échanger ses vues avec les miennes.

Quant à la seconde alternative, je suis fermement persuadé que l'heure n'est pas venue, que le fruit est loin d'avoir mûri pour un rapprochement serbo-bulgare, qui ne pourrait s'effectuer qu'au moyen de sacrifices consentis par la Serbie. Or, je doute que celle-ci soit disposée à lâcher la proie pour l'ombre; elle est trop méfiante, — et à juste titre, — de sa rapace et malavisée voisine, pour pouvoir tabler, — en ce moment du moins, — sur quelque ferme garantie en retour. Toute initiative en ce sens nous aliènerait une féale amie sans nous assurer de la gratitude effective de la Bulgarie; la Grèce, au surplus, en prendrait certainement ombrage et la Roumanie s'en retournerait très probablement dans le giron de nos adversaires.

Que nous nous entendions avec la Turquie sur certaines questions spéciales afin d'en obtenir des avantages tangibles, — et il n'en manque pas qu'elle puisse nous offrir, — rien de mieux. Mais je ne puis m'empêcher de croire que toute tentative de modification, à l'heure présente, au statu quo de la Peninsule, présente de serieux risques que nos intérêts primordiaux commandent, à mon très-humble avis, d'écarter.

Veuillez agréer, etc.

Démidow.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Среди многочисленных заявлений, которые каждому встречному расточает здесь турецкий посланник, недавно он сделал одно, относящееся специально к общеполитическим вопросам, к некоторым направлениям, которые проявляются, по его мнению, в руководящих сферах его страны.

По словам Халиб-бея, эти сферы стоят в настоящее время перед альтернативой: либо, опираясь на Германию, сблизиться под германским покровительством с Румынией и с Грецией, либо, что, по его мнению, более соответствует турецким интересам, притти к соглашению с Россией, Болгарией и Сербией, иначе говоря, со славянским блоком.

Халиб-бей говорил об этих комбинациях с несколькими из моих коллег, открыто восхваляя вторую из них. По своей отдаленности, способствующей неведению, я не знаю, существуют ли действительно в Турции подобные стремления, и мне еще менее известно, переживает ли Порта момент выбора между двумя политическими направлениями. Во всяком случае я счел нужным сообщить вам эти признания, которым мой французский коллега, г. Девиль, как будто придает некоторое значение. Талаат-бей, впрочем, вас, конечно, познакомил с политическими идеями оттоманского правительства и с теми направлениями, которые оно изыскивает.

Со своей стороны я осмеливаюсь высказать свое скромное мнение, что, как бы ни были желательны дружеские отношения между нами и Турцией, не следует упускать из виду существующий балканский блок. Он составляет тот элемент прочности, то равновесие, позволяющее предвидеть будущее успокоение, которое, каково бы оно ни было, мы так сильно желаем.

Румыния также отнюдь не склонна, поскольку мне это известно, изменять в чем бы то ни было установленный порядок вещей. Ее положение на Балканах слишком прочно, чтобы она могла желать какого-нибудь изменения или связать себя новой комбинацией, острие которой было бы направлено против кого бы то ни было. Лишь в тот день, когда она почувствует опасность конфликта, она положит свою гирю на весы, и притом на стороне, наиболее заинтересованной в полном сохранении Бухарестского договора, так как понятно без лишних слов, что только лишь потерпевшие от него ущерб могут надеяться извлечь пользу из нового потрясения. Все усилия г. Венизелоса вступить в более тесные отношения с Румынией натолкнулись, как известно, на несокрушимое решение [последней] не вступать ни в какие договорные обязательства. Вследствие этого возможно, что немецкие указания останутся тщетными и что Румыния ограничится тем, что посоветует туркам занять более примирительную позицию в отношении Греции. Таково, по крайней мере, мнение моего румынского коллеги, который время от времени приходит обменяться со мной мыслями.

Что касается второй альтернативной возможности, то я твердо убежден, что ее час не наступил, что плод еще далеко не созрел для сербо-болгарского сближения, которое могло бы осуществиться лишь ценой жертв со стороны Сербии. Однако я сомневаюсь, чтобы последняя была расположена упустить добычу ради тени; она слишком не доверяет—и справедливо—своей жадной и неблагоразумной соседке, чтобы полагаться, во всяком случае в настоящий момент, на какую-либо прочную гарантию. Всякая инициатива в этом направлении оттолкнула бы от нас верного друга, не обеспечив нам действительной

благодарности Болгарии; сверх того, Греция несомненно прониклась бы недоверием, а Румыния, вероятно, вступила бы в число наших противников.

Что касается достижения соглашения с Турцией по некоторым специальным вопросам с целью получения осязаемых выгод,—а ведь существует достаточно таких, которые она может нам предложить,—то ничего не может быть лучше. Но я волей-неволей думаю, что в настоящее время всякая попытка изменения status quo на полуострове представляет большой риск, которого, по моему весьма скромному мнению, наши первостепенные интересы понуждают нас избегать.

Примите и пр.

Демидов.

№ 102. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 167. 27/14 мая 1914 г.

Шахское правительство сделало мне устное заявление о намерении командировать трех шведских офицеров для организации полиции в Ширазе, Исфагани и Казвине. Не могу не поставить в связь с этим намерением обнаруживаемой англичанами тревоги, судя по признанию Тоунлея по поводу господствующего положения, занятого нами в последнее время в Исфагани, благодаря главным образом... управлению многочисленными имениями принца Зилли-ЭС-Султана Кавером. Пидчинение крестьян арендуемых имений нашей юрисдикции вызывает сильное недовольство шахского правительства, которое встречает поддержку английской миссии, уже приносившей жалобы на действия нашего консульства в Исфагани. Созданием шведской полиции в Исфагании персы, повидимому, намерены лишить нас предлога вмешаться в дело крестьян Зилли-Султана, ищущих русского покровительства против притеснений персидской администрации.

Коростовец.

№ 103. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 233. 27/14 мая 1914 г.

Ссылаюсь на Орлова № 379[1].

Непременно следует предвидеть, что персидское правительство воспротивится назначению пишкаром Сердар-Решида, как нашей кандидатурой[2] и лица, преданного Шодже, и будет настаивать на одном из перечисленных кандидатов. Так как сам Орлов признает, что ныне играет роль не личность правителя, а факт нашей поддержки, то не вижу оснований против действительного назначения

---

[1] См. выше № 55.

[2] Так в подлиннике.

тегеранского кандидата. Что касается компенсаций, то ввиду важности делаемой персами[1] уступки вознаграждение должно быть действительно серьезным. Позволяю себе указать на желательность изменений концессий Учетно-Ссудного банка в смысле предоставления ему прав Шахиншахского в Северной Персии, исключая Тегерана, и на железнодорожную концессию Аса-ге. Притязания эти не чрезмерны и никого не удивят, но, конечно, потребуют предварительного обмена мыслей с Лондоном. Перечисленные Орловым компенсации недостаточны[2]... могут быть добыты путем фактического осуществления либо бонификацией. Вопросы о крепости и водопроводе могут быть разрешены на месте, не привлекая Тегерана. По вопросу о русском землевладении мною представлено персам письменное изложение нашей точки зрения, о чем подробно донес министерству, и нам остается предоставить консулам утверждение сделки, опираясь на шариатские акты и не вдаваясь в теоретические рассуждения. Возбуждение же официальных переговоров, могущее повлечь пересмотр договора, считаю бесполезным и рискованным, ибо оно может вызвать вмешательство иностранцев и применение наибольшего благоприятствования. Вопрос о бригаде и ее отделах, связанных с развитием жандармерии, не может рассматриваться как компенсации. О шоссейных дорогах не знаю, но также считаю, что этот вопрос лучше разрешать на месте[3].

Коростовец.

№ 104. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

*/. Письмо. 27/14 мая 1914 г.

Доверительно

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как я имел честь телеграфировать вашему высокопревосходительству [21] 8 мая сего года за № 238[4], в этот день я был принят министром иностранных дел и передал ему предложение императорского правительства касательно сооружения железных дорог в Северной Манчжурии. Сделав ему на словах предписанное в теле-

[1] Очевидно „персам".

[2] Пропуск в подлиннике.

[3] В ответ на эту тел. Нератов тел. от 31/18 мая за № 1005 предписывал посланнику: „В случае обращения к вам шахского правительства относительно замены Шоджа-эд-Доуле вам следует указать на Сердар-Решида, как на единственного приемлемого для нас кандидата в пишкары. Самому же вам, конечно, отнюдь не надо возбуждать вопроса об отставке Шоджа-эд-Доуле".

[4] Содержание тел. Граве от 21/8 мая за № 238 воспроизведено в публикуемом документе.

грамме от [13 мая] 30 апреля № 874 [1] заявление, я счел полезным оставить ему памятную записку [2], в которой я вкратце изложил сущность наших требований и указал на порядок, которого нам, по моему мнению, следует придерживаться при заключении соглашения по этому вопросу. Кроме того, я на словах разъяснил, что настоящее мое заявление является лишь дополнением сделанного перед тем д. с. с. Крупенским и что таким образом требования, изложенные в записке последнего от [15] 2 марта сего года [3], в том числе и касательно предоставления нам права разработки естественных богатств в районе намеченных линий, остаются в силе. Мне казалось необходимым настаивать на этом требовании лишь для того, чтобы, в случае каких-либо затруднений во время переговоров, иметь возможность сделать уступку китайцам, отказавшись от наших настояний в этом вопросе, и тем самым заставить их быть более сговорчивыми.

Копию памятной записки моей по сему предмету считаю долгом представить при сем вашему высокопревосходительству.

Министр, внимательно выслушав меня и ознакомившись с текстом моей записки, старался сначала убедить меня в преждевременности предъявления нами конкретного предложения о сооружении линии Благовещенск—Харбин с веткой на Цицикар, ссылаясь на то, что китайское правительство занято именно теперь разработкой различных вариантов железнодорожного строительства в Китае и не пришло еще к какому-либо решению по сему поводу. Я ответил г. Сунь Бао-ци, что при таких условиях мое выступление является, напротив, вполне кстати, ибо, как то свидетельствуют и газетные известия и донесения императорских консулов, в настоящее время китайскими инженерами производятся изыскания именно проектируемой нами линии, а к местным китайским властям поступают многочисленные петиции населения о скорейшей постройке таковой. „Таким образом,—прибавил я,—сделанное императорским правительством предложение идет навстречу действительным нуждам Китая, и китайскому правительству остается лишь согласиться на него". Министр пытался тогда отстаивать свою точку зрения ссылкой на то, что проектируемая нами линия составляет часть Цзиньчжоу-Айгунской железной дороги, вопрос о постройке которой остается до сих пор открытым. По мнению министра, его следовало разрешить в первую очередь, а затем уже обсуждать наше

[1] См. т. II, № 416.
[2] См. ниже, стр. 122.
[3] Ср. т. II, № 28.

предложение. Я возразил на это, говоря, что проект Цзиньчжоу-Айгунской железной дороги должен быть совершенно отставлен, будучи своевременно опротестован нами и Японией, и настаивал на рассмотрении нашего предложения и на сообщении мне затем письменного ответа китайского правительства. Г. Сунь Бао-ци в конце концов обещал исполнить мою просьбу.

Из телеграммы мой от [25] 12 сего месяца за № 243 [1] вашему высокопревосходительству известно о дальнейшем направлении этого дела, разрешение коего китайцы будут, несомненно, всеми силами затягивать. Имея это в виду, я счел необходимым, независимо от официальных переговоров, которые я веду по сему предмету с министром иностранных дел, довести до сведения самого президента о нашем предложении через посредство генерала Мунте и через него же воздействовать в желательном для нас смысле на пользующегося большим влиянием у Юань Ши-кая г. Лян Ши-и, тем более, что от последнего, поставленного ныне во главе финансовой комиссии при государственной канцелярии и в то же время Банка сообщений, фактически зависит разрешение настоящего дела.

Генерал Мунте, который, как известно, рекомендован президентом императорской миссии для такого рода поручений, согласился исполнить мою просьбу в вышеуказанном смысле, но вместе с тем сразу же предупредил меня, что, помимо словесных воздействий на Лян Ши-и, к которым он не замедлит приступить в ближайшем будущем, расположение его к нашему проекту иначе не может быть обеспечено, как путем соответствующего денежного вознаграждения, размеры коего мне трудно определить, но которое, несомненно, должно быть довольно велико. По прецедентам, установившимся в этом отношении при получении за последнее время иностранными обществами железнодорожных концессий в Китае, эта сторона дела разрешалась переговорами доверенного г. Лян Ши-и с посредником-китайцем заинтересованного общества. Как мне известно, представителю Banque Industrielle de Chine, хотя и ведшему переговоры не с Лян Ши-и, а с другими китайскими сановниками, касательно финансирования промышленных предприятий в Китае, все же пришлось раздать два миллиона франков в

[1] В тел. Граве от 25/12 мая за № 243 говорилось о том, что, согласно сообщению кит. м-ра ин. дел, „обещанный письменный ответ китайского правительства касательно постройки железной дороги в Северной Манчжурии приходится отложить до вступления в должность министра путей сообщения Лян Дун-яна". Граве отказался передать росс. м-ву „помянутое решение китайского правительства", усматривая в этом „лишь обычное желание китайцев затянуть дело".

виде денежных подарков различным сановникам, так или иначе причастным к разрешению интересовавшего французский банк предприятия.

При таких условиях я не вижу возможности обойтись и нам без вышеуказанного приема для успешности предпринятых нами шагов и считаю долгом довести о сем до сведения вашего высокопревосходительства на случай, если бы вы признали возможным предупредить об этом образуемое ныне общество для финансирования сказанных железных дорог в Северной Манчжурии[1].

Примите и пр.

В. Граве.

Приложение.

Памятная записка[2].

Ввиду выраженного китайским правительством принципиального согласия на обращение за содействием к русским капиталистам при сооружении железных дорог в Северной Манчжурии, ныне в С.-Петербурге образуется для этой цели общество, представительство которого в Пекине поручено г. фон Гойеру.

Китайское правительство обещает выдать этому обществу: 1) концессию на постройку железнодорожной линии Благовещенск—Харбин с веткой на Цицикар на условиях, аналогичных с концессиями, выданными за последнее время другим иностранным компаниям, и 2) преимущественное право на постройку других линий, перечисленных в памятной записке, переданной [16] 3 марта сего года камергером Крупенским министру иностранных дел[3].

Обещание это имеет быть оформлено дипломатическим актом, подписанным министром иностранных дел и императорским поверенным в делах.

Выработка условий договора между обществом и китайским правительством должна быть поручена г. фон Гойеру и представителю китайского правительства, имя коего должно быть официально сообщено императорской миссии.

---

[1] Тел. от 11 июня/29 мая за № 267 Граве на основании заявления кит. м-ра ин. дел сообщал о принципиальном согласии кит. прав-ва „финансировать общество железных дорог в Манчжурии", представляемое Гойером. Тел. от 27/14 июня за № 1274 Сазонов сообщил, что „министр финансов не встречает препятствий к тому, чтобы посреднику в переговорах с китайским правительством о железных дорогах в Северной Манчжурии было обещано известное комиссионное вознаграждение"...

[2] Копия.

[3] Ср. т. II № 28.

№ 105. Товарищ министра иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 981. 28/15 мая 1914 г

Сообщается в Софию.

Ссылаюсь на телеграмму Савинского № 93[1].

Министр финансов отнесся сочувственно к мысли о привлечении русских банков к выдаче Болгарии аванса примерно в размере 40%, оговорившись, что для этого нужно еще сговориться с здешними банками. Полагаю, что при этих условиях французские банки могли бы с своей стороны подготовить уже теперь формальное предложение.

Нератов.

№ 106. Товарищ министра иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 987. 28/15 мая 1914 г

Ознакомившись с предложениями, сделанными Путиловым от имени Русско-Азиатского банка Société Générale от [27] 14 мая, мы высказали Верстрату следующее:

Мы предоставляем самому банку оценку финансовой стороны сделки, хотя для нас не вполне понятно, почему за уступку Национальному банку отделений в Сирии и Смирне Салоникский банк уплачивает 500 000 франков вместо того, чтобы самому получить компенсации.

С точки зрения политической серьезные сомнения вызывает в нас параграф 5[2], который может создать полную зависимость Салоникского банка от нынешних и будущих сделок Национального банка с Оттоманским. Преследуя цель создания в Турции самостоятельного кредитного учреждения, мы не можем признать указанную постановку вопроса удовлетворительной и желали бы получить соответствующие разъяснения помянутого параграфа.

Равным образом нас смущает совмещение в лице Салема должностей директора Национального и Салоникского банков, без соответствующего представительства Салоникского банка в Национальном.

---

[1] См. выше, № 82.

[2] Тел. от 5 июня/23 мая за № 141 Извольский в ответ на публ. тел. сообщал, что § 5 „вытекает из ныне действующего соглашения Оттоманского и Салоникского банков и его видоизменение, вероятно, вызовет затруднения со стороны французского правительства... К изменению этого § 5 будут приложены все усилия".

Верстрат сообщил эти предварительные соображения Николаю Рафаловичу, добавив, что мы рассчитываем, что окончательная сделка состоится лишь после одобрения ее министерством иностранных дел.

Нератов.

№ 107. Товарищ министра иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 428 [1]. 28/15 мая 1914 г.
Секретно.

М. г. граф Александр Константинович,

В дополнение к секретному письму моему от [30] 17 мин. апреля за № 343[2], имею честь препроводить при сем копию с депеши посланника в Тегеране от [14] 1 сего мая № 28 [3] и его же телеграммы от [27] 14 мая № 167 [4], в коих д. с. с. Коростовец вновь указывает на ревнивое отношение великобританской миссии в Тегеране к распространению нашего влияния в Исфаганской провинции и стремление ее противодействовать нашим начинаниям в этой области, входящей однако в отмежеванную нам соглашением 1907 года зону.

Такое положение вещей представляется безусловно неправильным, и было бы крайне желательно путем совершенно дружественных объяснений с лондонским кабинетом добиться признания наших господствующего положения и свободы действий в сказанном районе.

Что касается в частности предлагаемого д. с. с. Коростовцом способа разрешения вопроса о концессии на устройство оросительной системы Карун—Зейенде-Руд путем привлечения к этому предприятию английских капиталов и инженеров, то, ввиду частного характера этого дела, министерство ограничилось пока передачею предположений посланника Учетно-Ссудному банку Персии. Со своей стороны я полагал бы, что против кооперации в этом деле с англичанами можно было бы не возражать, но лишь при условии, что это не повлечет за собою вмешательства великобританской дипломатии в предприятие, носящее русский характер и осуществляемое в пределах нашей зоны.

Передавая об изложенном и в ожидании сообщения вашего сият-ва о последующем, пользуюсь случаем и т. д.

[Нератов.]

---

[1] Черновой отпуск рукою Клемма.

[2] См. т. II, № 330.

[3] См. выше № 5.

[4] См. выше № 102.

№ 108. Товарищ министра иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 362. 28/15 мая 1914 г.
Доверительно.

Копия в Константинополь.

М. г. А[лександр] П[етрович],

На этих днях турецкий поверенный в делах передал мне просьбу своего правительства о нашем содействии к тому, чтобы заседания финансовой комиссии в Париже не были отсрочены.

Ввиду того, что наши отношения с оттоманским прав-вом за последнее время приняли дружественный характер, не счел возможным прямо отклонить просьбу Фахреддин-бея и ограничился ответом, что если не встретится серьезных соображений, которые побудили бы французское прав-во к помянутой отсрочке, то мы с своей стороны не встретим препятствий к удовлетворению просьбы Порты [1].

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 109. Товарищ министра иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 47/п [2]. 28/15 мая 1914 г
Весьма секретно.

Готовность великобританского правительства безотлагательно приступить к переговорам о заключении соглашения между Россией и Англией о согласованных операциях их морских сил в случае совместных военных действий встречена была с нашей стороны с большим чувством удовлетворения. Независимо от желательности такого соглашения со специально военно-морской точки зрения, мы придаем ему особо важное значение в общеполитическом отношении. В заключении означенного соглашения мы усматриваем крупный шаг по пути более тесного привлечения Англии к франко-русскому союзу и действительное средство укрепить сознание существующих у России и Англии общих интересов, что в свою очередь, по нашему убеждению, должно будет благоприятно отразиться на всех вопросах, затрагивающих наши и английские интересы.

На политическое значение исхода предстоящих переговоров я счел долгом обратить особенное внимание как нашего морского

---

[1] Отвечая на публикуемое письмо Нератова, Извольский в письме от 4 июня/22 мая сообщил, что франц. прав-во не считает возможным созыв финансовой комиссии в июне и в июле по условиям чисто технического порядка.

[2] Машинописная копия. Опубл. Siebert, S. 817—818, как письмо м-ра ин. дел.

ведомства, так и в частности военно-морского агента в Англии, имеющего совместно с английским морским генеральным штабом выработать проект соглашения.

Предложенный английским правительством порядок заключения предложенного соглашения признан с нашей стороны вполне соответственным, и капитану I ранга Волкову поручено войти в переговоры с английским адмиралтейством. О ходе дела он не преминет держать ваше сиятельство в известности и будет обращаться к вашему содействию во всех случаях, когда это окажется необходимым.

Основные начала, имеющие быть принятыми во внимание при предстоящих переговорах, послужили предметом обсуждения состоявшегося [26] 13 сего мая совещания у начальника морского генерального штаба.

Считаю долгом для личного сведения вашего сиятельства препроводить при сем экземпляр заключений этого совещания[1].

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 110. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 131. 28/15 мая 1914 г.

Reçu lettre [13 mai] 30 avril No 329[2].

Le ministre des affaires étrangères m'informe en réponse à ma communication qu'il avait soumis dès le [5 mai] 22 avril la question de (la) Vermosch à l'examen collectif de Sir Edward Grey et des représentants russe et français à Londres. Un accord étant intervenu entre eux pour soutenir les vues du gouvernement monténégrin dans cette question, des instructions dans ce sens ont été adressées au délégué français à la Commission de délimitation.

Iswolsky.

Перевод.

Получил письмо от [13 мая] 30 апреля № 329.

Министр иностранных дел известил меня в ответ на мое сообщение, что [5 мая] 22 апреля он передал вопрос о Вермоше на совместное рассмотрение сэра Эдуарда Грея и представителей России и Франции в Лондоне. Так как они пришли к соглашению о поддержке интересов черногорского прави-

[1] См. выше № 86.

[2] При сопроводительном письме от 13 мая/30 апр. за № 329—330 была послана Извольскому и Бенкендорфу копия памятной записки от 4 мая/21 апр., отправленной австро-венгерск. посольству (см. т. II, № 345).

тельства, то французскому делегату в разграничительной комиссии посланы соответствующие инструкции.

Извольский.

№ 111. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 131 [1]. 28/15 мая 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 129 [2].

Переговоры об авансе Болгарии не привели еще ни к какому результату. Французское правительство убеждено, что если бы мы согласились принять в авансе указанное мною участие, то дело наверно удалось бы устроить. Рынок все в более и более угнетенном состоянии.

Извольский.

№ 112. Комиссар в Албании министру иностранных дел.

/.Телеграмма № 106 [3]. 28/15 мая 1914 г.

Дураццо.—Панмусульманское движение растет. Вся средняя Албания между реками Шкумби и Масти охвачена восстанием. Вчера комиссия посетила Тирану, где тоже поднят турецкий флаг. Имела переговоры с представителями около 100 восставших сел. Они требуют мусульманского князя, возвращения Турции и назначения турецкого делегата в контрольную комиссию. Огромная фанатизированная вооруженная толпа все время кричала виват в честь султана. Никакие увещания не действуют. Вне движения и даже высказываются против него Юг Албании и католические племена Севера.. Петряев.

Милая страна.

Ливадия, [3 июня] 21 мая 1914 г.

№ 113. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 48. 28/15 мая 1914 г.

Копии в Париж и Лондон..

Черногорское правительство уведомило меня, что представитель консорциума французских и итальянских банков выдаст новый аванс в 3 миллиона франков в счет займа на уплату по реквизициям.

Гирс.

---

[1] В лит. копии, хранящейся в делах б. м-ва ин. дел, данная тел. имеет тот же номер, что и предыдущая. Вероятно следует № 133.

[2] См. выше № 97.

[3] Царск. экз.

№ 114. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 50 [1]. 28/15 мая 1914 г

Ссылаюсь на свою телеграмму № 48 [2].

Только-что посетивший меня Вольпи передал мне текст строго точной концессии и [3] данной сегодня ему, как уполномоченному „società Commerciale d'Oriente", „Régie générale des chemins de fer de Paris" и Русско-Азиатского банка на изыскание постройки железнодорожных линий Подгорица—Ипек и Антивари—Скутари. Текст высылаю курьером [4]. Оказывается, что выдача нового трехмиллионного аванса была обусловлена получением этих концессий. Предполагая представить свое соображение по этому предмету с точки зрения местных условий, испрашиваю указаний, как императорское правительство отнесется принципиально к данной концессии.

Гирс.

По-моему, следует приветствовать всякое солидное предприятие экономического свойства в Черногории.

Ливадия, [6 июня] 24 мая 1914 г.

№ 115. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 75. 29/16 мая 1914 г.

Дополнение к депеше № 27 [5].

Завтра ожидается здесь Тончев, приезжающий для переговоров с Disconto. Gesellschaft о заключении болгарского займа в размере 300 миллионов франков. В Вене Тончев, повидимому, сговаривался с австрийской группой, которая приняла бы участие в займе 50 миллионами.

Свербеев.

---

[1] Царский экз.

[2] См. выше, № 113.

[3] Так в подлиннике.

[4] Текст конвенции, „сохраняемый договаривающимися сторонами в строгом секрете впредь до реализации черногорского займа и окончания работ комиссии по разграничению Северной Албании", препровожден при весьма доверит. депеше от 29/16 мая за № 24.

[5] См. т. II, № 386.

№ 116. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 96. 29/16 мая 1914 г.

Срочная.

Получил ваш № 981 [1]. Ссылаюсь на телеграммы Извольского 129 и 133 [2]. Прошу срочных указаний. Копия в Париж.

Министр финансов вчера, в четверг, выехал в Берлин. Ввиду выраженного Барком сочувственного отношения сомневаться в участии наших банкиров трудно, и таким образом налицо условие, которое для успеха дела поставило французское правительство. Ввиду того, что помощь может уже состояться в Берлине при подписании займа, после чего наше положение станет неизмеримо труднее, мне было бы настоятельно необходимо получить до тех пор выработанную в Париже совершенно определенную и окончательную формулу, на основании которой я мог бы тотчас же предложить королю аванс, руководясь министерской телеграммой № 943 [3]. В переговорах банкиров парижских и петербургских спешна принципиальная сторона вопроса; технические подробности могут быть установлены впоследствии [4]. Мне необходимо также знать, как наш министр финансов понимает сорок процентов участия, т. е. до какой общей суммы может быть доведен аванс. Савинский.

---

[1] См. выше № 105.

[2] См. выше №№ 97 и 111.

[3] См. выше стр. 80, прим. 2.

[4] Ссылаясь на эту тел. Савинского, Извольский (тел. от 30/17 мая за № 134) сообщал о том, что переговоры между франц. прав-вом и банками еще продолжаются и что Маржери, ожидающий окончания переговоров не ранее чем через два дня, „надеется на благоприятный исход". Приводя предлагаемый франц. праввом полный текст сообщения болг. королю об условиях предоставления 60 милл. франков как аванса по займу, на случай, если последует на это окончательное согласие франц. банков (тел. от 31/18 мая), Извольский сообщает, что в Париже считают неудобным „ныне же, и покуда германский заем окончательно не устранен, требовать от короля определенного обязательства заменить кабинет Радославова". Далее (тел. от 30/17 мая, в лит. копии № отсутствует; повидимому, следует № 135) Извольский следующим образом излагает точку зрения франц. прав-ва: „Покуда дело ограничивается авансом и самый заем не заключен, Россия и Франция будут таким образом влиять на направление болгарской политики; требование положительного обязательства со стороны короля переменить кабинет должно быть предъявлено лишь впоследствии, когда Болгария, получившая уже значительные авансы, уже не будет в состоянии освободиться в экономическом отношении и в том случае, если король не найдет до конца года, т. е. до вероятного момента заключения займа, удобного повода вручить власть другим лицам. Маржери прибавил, что более резкое выступление в настоящую минуту могло бы оскорбить короля и произвести на него обратное действие".

№ 117. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 98. 29/16 мая 1914 г.

Проект бюджета текущего года, только-что внесенный в народное собрание, предусматривает повышение акциза на керосин с 5 франков до 10 франков на 100 килограммов, что, по расчетам проекта, даст болгарской казне излишек дохода в 1 миллион франков в год. В силу секретного приложения к нашему торговому договору с Болгарией последняя обязалась не повышать акциза на керосин. Прошу инструкций вашего высокопревосходительства, надлежит ли мне протестовать против намеченной меры до вотирования бюджета, или же после, не допуская применения этого обложения специально к нашему керосину, а не к керосину вообще, который в довольно значительном количестве ввозится также из Румынии и Америки[1].

Савинский.

№ 118. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Депеша № 22[2]. 29/16 мая 1914 г.

В секретном письме от сего числа[3] я указал в числе мер, направленных к борьбе против финансово-экономического и культурного засилия германизма на Балканах вообще, и в Болгарии и во Фракии в частности, на желательность иметь в этих областях русское кредитное установление, которое обслуживало бы не только нашу торговлю, пока, к сожалению, столь еще незначительную, но являлось бы важным фактором в финансовом, промышленном и вообще экономическом развитии страны.

Такое учреждение держало бы нас в непосредственном соприкосновении с самыми жизненными нервами страны, облегчило бы участие в займах государственных, городских и общинных, в промышленных предприятиях, концессиях и т. п., а равно и тесно связанных с займами военных поставках, являющихся наиболее действительным средством воздействия на внешнюю политику Болгарии.

Ставя вопрос о русском банке в Болгарии, я не скрываю от себя трудностей и возражений двоякого порядка, которые, быть

---

[1] Ответ Савинскому со ссылкой на эту тел. гласил: „Вы могли бы теперь доверительно обратить внимание кого следует на необходимость соблюдения принятых Болгарией обязательств“ (тел. за № 1011 от 31/18 мая).

[2] Лит. копия.

[3] См. ниже № 119.

может, будут выставлены нашим центральным финансовым ведомством, а именно отсутствие у нас излишка свободных капиталов и недостаток культурных интеллигентных лиц для экспорта.

Позволю себе однако высказать, что если мы признаем обязательность для нас противодействия германскому экономическому империализму в Болгарии и Фракии, то в таком случае мы должны найти и средства для этой борьбы, а если нужно, принести и жертвы. Но в сущности то, что потребуется для этого, едва ли явится какой-либо жертвой: для открытия банка нужен будет капитал, совершенно ничтожный по нашему масштабу. Займы для Болгарии, если бы мы сочли нужным принимать в них участие в течение одного десятилетия, в среднем не потребовали бы от нас и 50 миллионов франков в год. Капитал, помещенный нами в Болгарии, был бы вполне обеспечен как в отношении погашения, так и оплаты процентов, так как Болгария, всегда исправная плательщица в прошлом, будет таковой и впредь, ввиду [в] высшей мере свойственных болгарам качеств трудолюбия и бережливости.

Если бы отлив даже такой сравнительно ничтожной суммы был бы признан у нас нежелательным сокращением финансовых ресурсов внутри страны, то мы, думается мне, без труда нашли бы их во Франции, где идея финансово-экономического сотрудничества с нами будет встречена с особым сочувствием, как мера двойного страхования для французских интересов.

Найдутся у нас, я полагаю, и культурные силы для деятельности в Болгарии, если дело сразу будет поставлено на широких основаниях.

Переходя к практическому осуществлению вопроса о русском банке в Болгарии, я находил бы всего более целесообразным купить соответствующую долю одного из действующих в Болгарии банков и взять таким образом готовое, верное дело. Таковым мог бы быть болгарский Торговый банк, самое крупное в Болгарии кредитное учреждение после Государственного (Народна банка), имевшее до сего года основной капитал в 5 миллионов франков, а с текущего года увеличившее его выпуском новых акций до 7½ милл., располагающее обширнейшим в стране кругом клиентов, раздававшее за последние 5 лет дивиденду по 8%.

Собственниками этого банка являются Гешов, Тодоров, Буров, Губидельников и другие народняки, располагающие самыми значительными капиталами в стране, стоящие во главе всех крупнейших промышленно-кредитных предприятий,—страховых обществ „Бал-

кан" и „Болгария", синдиката табачных промышленников и многих провинциальных анонимных кредитных обществ.

Кооперация нашего капитала с этим банком имела бы следующие преимущества: помещенный капитал сразу в первый же год приносил бы достаточную лихву и, так сказать, оправдывал бы себя с точки зрения узко-финансовой; в сотрудничестве с нынешними собственниками банка, крупнейшими финансовыми деятелями королевства, мы сразу развили бы деятельность в большом масштабе, с увеличением же капитала могли бы открыть при банке ипотечный отдел и тем значительно расширить его операции.

Первейшим условием участия наших капиталов во всяком банке надо, конечно, поставить соответствующее участие русских представителей в администрации банка, а со временем и преобладание в ней нашего положения.

Сообразно с изложенными выше мыслями я зондировал руководителей Торгового банка и имею основание думать, что они охотно пошли бы на сотрудничество с нами, и если бы наше министерство финансов и, по его предложению, наши банки отнеслись сочувственно к выраженной мною мысли о совместной работе с названным банком, путем ли приобретения части акций его, или, что было бы предпочтительно, путем привнесения дополнительной доли для увеличения основного капитала его, то г. Губидельников, главный директор Торгового банка, был бы готов выехать в Петербург для переговоров с соответствующими лицами и учреждениями.

Представляя вышеизложенное на благосклонное суждение вашего высокопревосходительства и в надежде, что, признав всю важность затронутого вопроса, вам угодно будет всей силою вашего авторитета поддержать его перед компетентными ведомствами, обращаюсь с покорнейшей просьбой о последующем почтить меня уведомлением в непродолжительном по возможности времени.

Савинский.

№ 119. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/.Письмо. 29/16 мая 1914 г.

Весьма доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Постоянный обмен телеграмм, происходивший за последнее время между вашим высокопревосходительством и мною, с достаточной ясностью освещает вопрос о предстоящем болгарском займе, его огромное политическое значение, фазис, в котором находятся в данную минуту переговоры болгарского правительства с Берли-

ном, и, наконец, те политические и экономические последствия, которые неизбежно произойдут в случае заключения займа в Берлине.

Тем не менее я считаю своим долгом пополнить вышеупомянутые сведения некоторыми техническими подробностями, о которых трудно было говорить в телеграммах, выходивших, сознаюсь, и без того очень длинными, а также соображениями, назначение которых—отметить более подробно все те, быть может, неисчислимые последствия, которыми будет сопровождаться заключение займа в Германии; одновременно с этим я хотел бы указать на ту сложную и трудную деятельность, которая будет предстоять нам впредь в целях борьбы с немецким влиянием в Болгарии,—в обоих случаях: удастся ли нам расстроить берлинский заем или нет; в последнем случае эта деятельность будет, понятно, еще труднее и еще сложнее.

Прежде всего отмечу, что, обращаясь в своей телеграмме № 90[1] к нашему послу в Лондоне, я надеялся получить от английского правительства ту поддержку и содействие, на которые, казалось, давали мне право как наши отношения с Англией вообще, так и щедро расточаемые слова здешнего английского посланника. По соображениям чисто эгоистического характера, изложенным в телеграмме графа Бенкендорфа № 132[2], английское правительство отказало нам в своей поддержке, и в аргументах сэра А. Никольсона я и мой французский коллега узнали мысли и даже выражения г. Бакс Айронсайда.

В дальнейшем ходе этого вопроса на помощь и сочувствие англичан, и во всяком случае здешнего английского посланника, нам, конечно, рассчитывать нельзя.

Видя, с другой стороны, что во Франции для реализации предположенного аванса встречаются затруднения, я позволил себе предложить тот способ действия, который изложен в моей телеграмме № 93[3] и который сводился к уменьшению цифры аванса и к нашему в нем участию.

Помимо желания найти во что бы то ни стало выход из положения, которое начинает становиться затруднительным, предлагая свой план, я руководствовался также и тем соображением, что, согласно вполне достоверным моим сведениям, в затруднениях, создаваемых французскому правительству парижскими банкирами, играло роль личное самолюбие последних, задетое не только обращением болгарского правительства в Берлин без предварительного

[1] См. выше № 53.
[2] См. выше № 78.
[3] См. выше № 82.

обращения в Париж, но и тем, что действующее с нами в единомыслии французское правительство обращалось к парижским банкирам то с просьбой препятствовать займу, то ему покровительствовать. Этого последнего обстоятельства от меня не скрыл здешний французский поверенный в делах, совершенно так же, как и я, не понимающий, как его правительство не может раз навсегда разъяснить финансовой аристократии, что отмеченные выше кажущиеся колебания происходят отнюдь не из желания правительства показать банкам свою силу и превосходство, а во имя высших политических соображений.

Обстоятельства сменяются с такой скоростью, и новые известия приходят так быстро, что, быть может, в момент получения этого письма, та его часть, в которой я хочу изложить новый план действия на случай неудачи предлагаемого в телеграмме № 93, окажется уже устарелою и излишней; тем не менее, во избежание новых длинных телеграмм, я позволю себе сегодня же высказать предположение, что если ни обращение французского правительства к новым финансовым и промышленным группам, о котором идет речь в телеграмме гофмейстера Извольского № 125[1], ни наше обращение к нашим финансистам, если таковое будет вами решено, не приведут к желательному результату, то у нас остается следующее последнее средство.

Из двух зол нужно выбирать меньшее, и, по моему мнению, нам лучше разрешить во Франции заем теперешнему болгарскому правительству, чем допустить его заключение в Германии. Это мнение, которое, в несколько иной, конечно, форме, я высказал еще в секретном письме от [17] 4 минувшего февраля, когда предусматривал возможность более продолжительного пребывания у власти правительства Радославова, разделяется, как я вижу, и послом нашим в Лондоне, который в телеграмме № 132 говорит: „il me parait que unique moyen empêcher cet emprunt serait lever veto contre emprunt à Paris, même au risque de consolider temporairement le Cabinet actuel, emprunt en Allemagne devant établir une influence allemande pour une période beaucoup plus longue“ [2].

В конце этой телеграммы граф Бенкендорф подтверждает и то

---

[1] См. выше № 68.

[2] „Мне кажется, что единственный способ избежать этого займа заключается в снятии запрещения на этот заем в Париже, даже рискуя временно укрепить теперешнее министерство, так как заем в Германии установит немецкое влияние на значительно более длительный период“.

вышеизложенное утверждение, что наше veto раздражает (déconcerte) французский рынок.

Действительно, я нахожу, что облегчение займа теперешнему болгарскому правительству будет по своим последствиям все-таки лучше, чем допущение немецкой кабалы. Более ½ года мы выдержали характер и не давали денег правительству г. Радославова, и это имело свой эффект: теперь по всей стране чувствуется в них самая острая нужда, торговые люди не могут делать никаких дел, так как за каждые посылаемые за границу 100 франков им нужно платить 110 левов; все ищут нашего расположения и готовы принести покаяние. В этих условиях мне кажется, что, если не удастся привлечь наши капиталы к участию в авансе, то следует серьезно подумать о возможности этого нового решения.

Что же касается формы, в которую можно будет облечь этот акт, то при беззастенчивости отдельных лиц, входящих в состав теперешнего кабинета, всегда можно будет их заставить сделать нам какие-либо уступки. Достигнуть этого трудности не представится,—у меня есть указания и даже прямые намеки и заявления, что теперешние правители с легкостью отрекутся от того австрийского курса, который они провозгласили в своем известном письме от [6 июля] 23 июня[1], а этим самым они подпишут себе приговор в общественном мнении, и дни их будут сочтены. Этот способ действия я предлагаю, конечно, in extremis и говорю о нем сегодня только в виде отдаленного предположения, могущего притти нам на выручку, если все остальные шаги не удадутся.

Покончив, так сказать, с технической частью вопроса, я хочу сказать несколько слов о его политической стороне.

Систематическое подчинение Ближнего Востока вообще, а Болгарии в частности, входит в строго определенный немцами план. Настойчивость их, педантичность и последовательность в исполнении своих раз намеченных целей слишком известны, чтобы о них следовало распространяться. Что их жадный взор брошен теперь именно в эту сторону,—не подлежит никакому сомнению и, исключая все то, что выходит из сферы, порученной моему непосредственному наблюдению, я постараюсь сгруппировать здесь факты, касающиеся лишь Болгарии и являющиеся неопровержимым подтверждением моей мысли.

Видя, прежде всего, что Болгария, недовольная Бухарестским договором и чувствующая себя одинокой, готова войти во всякую

[1] См. выше стр. 56, прим. 3.

политическую комбинацию, которая позволила бы ей, с одной стороны, выйти из этого одиночества, а с другой—возместить хоть отчасти потери последней войны, немцы деятельно наталкивают ее на сближение с Турцией, с которой они сохраняют, или думают, что сохраняют, хорошие отношения.

Затем та настойчивость, с которой немцы решили теперь во что бы то ни стало навязать Болгарии деньги, которых в сущности у них самих нет, условия этого займа и поручение ведения переговоров германскому посланнику в Софии тоже свидетельствуют с неоспоримой очевидностью о том значении, которое придается этому займу. В самом деле, вся тяжесть условий займа обрушивается на табак и места его производства, а места эти не более не менее как вся Фракия с такими богатейшими табачными центрами как Ксанти, Гюмюльджина и др. и с выходом к Эгейскому морю. Вся эта местность, производящая табака до 25 миллионов килограммов в год, и при этом первоклассного качества, должна впредь платить им слишком тяжелую дань из всего производства и потребления; кроме того, в силу условий займа вся эта местность покроется сетью табачных складов, постройка коих и управление будет в руках немцев; если весь этот немецкий персонал присоединить к тому, который будет занят сооружением новых железнодорожных линий и порта в Лагосе, постройка коих по условиям займа также дается немцам, то можно себе легко представить, какими быстрыми шагами пойдет онемечение Фракии, этого преддверья к проливам и Константинополю; „если не мытьем, так катаньем“,—решили немцы и беззастенчиво протягивают свою руку и со стороны Малой Азии, и со стороны Фракии к Константинополю, где уже сидит Сандерс-паша. Рои разных комиссионеров, коммивояжеров, банкиров и других лиц, чающих наживы, будут еще больше ютиться возле всех этих немецких предприятий, чем до сих пор.

Тяжесть немецкой руки хорошо известна, равно как и та развязность, с которой они уже теперь, нисколько не скрывая и совершенно открыто, говорят: „нам нужна немецкая Фракия для нашей промышленности, торговли и предприимчивости“.

Несмотря на свою грубость, немцы нашли и слабую сторону в сущности здоровой и практической болгарской натуры, они поняли, что мегаломания—уязвимое место болгар, и не упускают случая, чтобы играть на этой слабой струне: от наблюдения вашего высокопревосходительства не ускользнуло, очевидно, то совершенно исключительное и ничем не оправдываемое внимание, которое было оказано на прошлой неделе болгарскому посланнику в Кон-

стантинополе командиром и офицерами немецкого крейсера „Goeben". Весь прием был с мельчайшими подробностями передан немецкими телеграфными агентствами, а затем новые любезности были расточаемы теми же офицерами болгарам в Дедеагаче.

В числе заявлений, свидетельствующих о намерениях Германии по отношению к Болгарии, является и то внимание, с которым в Германии стали заниматься в последнее время изучением ближневосточных промышленных и торговых рынков вообще и болгарских в частности. На-днях появился даже первый номер издающегося в Берлине специального ежемесячного журнала „Balkan Revue", назначением которого является всестороннее, чрез посредство местных и германских ученых, обследование экономических и финансовых нужд балканских государств и обслуживание, сообразно с этими нуждами, интересов германской промышленности, германского капитала и германской предприимчивости.

На-днях прибыл сюда в гости к королю герцог мекленбург-шверинский, бывший регент брауншвейгский. Весьма возможно, что это — чисто родственный визит, с которым не связано никаких политических поручений, но приезд лица, на которое уже раз пал выбор императора германского в деликатном гвельфском вопросе, именно в ту минуту, когда болгарские правители находятся в нерешительности, связать ли еще больше судьбу Болгарии с непопулярным в народе Тройственным союзом, или же остаться верными традиционной и родственной России [1], — приобретает известное значение и наводит на размышления.

Всего вышеизложенного, мне кажется, более чем достаточно, чтобы притти к заключению, что Болгария стоит на краю пропасти и что нам необходимо и во имя нашей традиционной политики и, главное, во имя собственных интересов не дать осуществиться плану австро-немцев.

Если бы вашему высокопревосходительству угодно было согласиться с этой точкой зрения, то, конечно, нужно будет в свое время принять все меры, чтобы авторы письма [6 июля] 23 июня принесли в нем возможно большее раскаяние; если бы этого удалось достигнуть, то этим и наше самолюбие было бы ограждено, и стране был бы дан воспитательный урок, и были бы расчищены пути к новой ориентировке.

Но даже, достигнув этого результата, нам нельзя было бы почить на лаврах. Немцы не такой народ, чтобы они с легкостью

---

[1] Так в подлиннике.

отступили от плана, который они облюбовали; с их настойчивостью, упорством и предприимчивостью нам придется долго и упорно бороться шаг за шагом, а для этого нам нужен целый арсенал средств, к числу коих нужно отнести:

1) развитие деятельности наших консульских агентов;

2) скорейшее создание новых консульств во вновь приобретенных территориях;

3) скорейшее назначение и приезд на место нового энергичного и предприимчивого агента министерства торговли и промышленности, который посвятил бы все свои силы исключительно Болгарии и особенно новым землям, не разбрасывая своей деятельности по другим балканским государствам, и оживил бы во что бы то ни стало наши замирающие торговые сношения с Болгарией;

4) создание по всей стране русских финансовых и кредитных учреждений;

5) оживление культурных и всяких других сношений между Россией и Болгарией в форме научных и инструктивных поездок, ученых и всяких других съездов, выставок, лекций, театров и т. д.

Вопросам о нашем консульском представительстве и о создании кредитных учреждений я посвящаю сегодня два специальных донесения.

Только при условии, что мы будем работать здесь не покладая рук, мы можем надеяться сломить немецкую конкуренцию и избавить не только Болгарию, но и весь Ближний Восток от немецкого засилья.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 120. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

Письмо. 29/16 мая 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вчерашнее свидание мое с королем Николаем, о котором я имел честь донести вашему высокопревосходительству телеграммою за № 47[1], далеко не походило на предшествующее, имевшее место около полугода тому назад, вскоре по окончании второй балканской войны и перед отъездом моим в продолжительный отпуск.

Его величество, считавший меня,—а может быть, считающий и поныне,—главным виновником неуспеха своих домогательств во время первой балканской войны, не остановился тогда перед упреком по адресу императорского правительства, неправильно будто

[1] Тел. от 28/15 мая за № 47 Гирс сообщает о беседе с черног. королем.

бы осведомленного о его образе действий и намерениях во время скутарийского кризиса. Вчера не было и намека на пережитое им в ту пору; господарь обратился ко мне с просьбой осветить ему общее политическое положение, создавшееся после пронесшейся на Балканах бури, и ознакомить его с настроением по отношению к Черногории великих держав, как и с видами России.

Я исполнил просьбу его величества в доступных мне пределах, но счел долгом красною нитью провести в моих объяснениях непреклонное намерение императорского правительства, как и стремление всех остальных держав, мирными путями завершить ликвидацию всех поднятых на Балканах после двух войн вопросов. При этом я остановился подробнее на необходимости для Черногории соблюдать величайшую сдержанность и осторожность ввиду возникших в Албании смут.

Король Николай в свою очередь ознакомил меня со своей оценкой положения дел в Черногории и пожелал осведомиться о том, когда получат окончательное разрешение наиболее интересующие его вопросы о займе и о военной субсидии. Я ответил его величеству, не входя ни в какие подробности—в особенности относительно нашей военной помощи,—что ничего более нового, чем то, что ему было сообщено нашим поверенным в делах, я сообщить не могу и что сам ожидаю указаний императорского правительства.

Король коснулся отклонения его ходатайства перед государем императором о прибытии в Петербург и проявил некоторую склонность приискать со мною какое-либо толкование последовавшего по этому делу решения нашего августейшего повелителя, от чего я тщательно уклонился.

На вопрос короля, правда ли, что меня назначают посланником в Албанию, я ответил то, что мне известно от вашего высокопревосходительства, причем добавил, что не имею еще указаний ваших, когда состоится и осуществится ли вообще намечаемое аккредитование меня при албанском правителе.

По вопросу об отношениях к Сербии король Николай сообщил мне по собственному почину, что они не оставляют желать ничего лучшего, и что он посвятит меня в подробности установления таких дружеских отношений, не упомянув однако о том, что в Белграде ведутся какие-либо переговоры.

„J'espère que vous serez content de moi“ [1], — сказал король в заключение нашей беседы, носившей весьма дружеский характер.—„Je

[1] „Я надеюсь, что вы будете довольны мною“.

suis tout à la paix et désire être dans les meilleurs termes avec la Serbie "[1].

В другом письме[2] я представляю вашему высокопревосходительству некоторые дополнительные данные по вопросу об отношениях с Сербиею. Заканчивая же настоящее, не считаю себя в праве не высказать вам с полной откровенностью моих сомнений в искренности тех уверений, которые мне пришлось выслушать от его величества. Мне достоверно известно, что король Николай в весьма определенной форме высказал в кругу близких ему лиц свое неудовольствие моим возвращением как раз перед приездом депутации от нашего 15 стрелкового полка; о мотивах такого неудовольствия можно лишь догадываться.

Как бы то ни было, мой приезд в Цетинье и вступление в отправление моих обязанностей положили предел ненормальным отношениям, установившимся, благодаря всей совокупности предшествовавших событий, между русским посланником и черногорским господарем.

Примите и пр.

А. Гирс.

№ 121. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма. 29/16 мая 1914 г.

Дополнение № 233[3].

Восуг вторично просил доложить об организации шведской

---

[1] „Я всецело стою за мир и желаю быть в наилучших отношениях с Сербией".

[2] В весьма доверительном письме от 30/17 мая Гирс сообщает ему, что „представилась возможность проверить те сведения о черногорско-сербском сближении, о которых, со слов Лазаря Миушковича", он сообщил в письме из Триеста от 12/29 апреля (см. т. II, № 412). Гирс указывал, что „король Николай, как известно, решился на обмен письмами с королем Петром после весьма долгих колебаний и уговоров", причем влияние на это решение оказало требование некоторых членов скупщины о деловом сближении с Сербией, встретившее отклик во всей стране. „Королю Николаю пришлось убедиться, что оставление без внимания выраженных в скупщине в весьма определенной форме пожеланий было бы сопряжено с некоторым риском. Его величество пошел на сближение с сербским правительством, но поставил все дело на особую почву, устранив от участия в нем своих официальных сотрудников, т. е. министров... Обстоятельство это произвело особое впечатление на всех посвященных в дело лиц и министров; среди тех и других господствует единодушное убеждение, что король Николай все сделает, чтобы намечаемое формальное соглашение не состоялось... Не могу не опасаться,—заключает Гирс,—что господарь склонен будет в таком случае искать опоры в... заинтересованных третьих лицах, кем бы они ни оказались".

[3] См. выше, № 103.

полиции в Исфагани, Ширазе и Казвине. Я напомнил ему о бригаде, развитие коей тормозится, и потребовал разрешения вопроса о принятии соответственного числа наших офицеров, на что он возразил, что совет министров, ведению коего подлежит вопрос о бригаде, постановил сохранить нынешний ее status до созыва меджлиса. Я обещал доложить просьбу вашему высокопревосходительству, указав на недопустимость делаемой разницы, по которой увеличение и развитие жандармерии происходит почему-то путем простого соглашения министров иностранных и внутренних дел с казначеем,—для бригады же требуется решение совета министров и созыв меджлиса, что равносильно отказу. Считаю, что представление персам проекта реорганизации бригады представляется необходимым, если мы не склонны впоследствии итти на полные уступки, либо на ультимативные требования. Одновременно должен быть поставлен вопрос о нормировке жандармерии путем соглашения с англичанами, дабы пользоваться нашим veto как средством давления при переговорах о бригаде.

Коростовец.

№ 122. Докладная записка товарища министра иностранных дел Николаю II.

*/. 30/17 мая 1914 г.

Ввиду выраженной великобританским правительством готовности безотлагательно приступить к переговорам о заключении соглашения между Россией и Англией о согласованных операциях их морских сил в случае совместных военных действий, морское ведомство возбудило вопрос об установлении при участии министерства иностранных дел общих начал, имеющих быть положенными в основание этих переговоров. Вследствие сего [26] 13 текущего месяца у начальника морского генерального штаба состоялось совещание, в котором я принял участие по поручению министра иностранных дел.

Заключения означенного совещания, по соглашению с морским министром, приемлю смелость представить у сего на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение[1].

Нератов.

Одобряю.

Ливадия, [3 июня] 21 мая 1914 г.

---

[1] См. выше, № 86.

№ 123. Докладная записка Николаю II товарища министра иностранных дел.

/. 30/17 мая 1914 г.

Великобританский посол представил гофмейстеру Сазонову проект договора[1] между Англией, Китаем и Тибетом, выработанный и уже скрепленный уполномоченными на заседающей в Дели конференции с тем, чтобы окончательное его подписание последовало по его одобрении английским и китайским правительствами.

При рассмотрении этого проекта гофмейстер Сазонов обратил внимание великобританского посла на его 10 статью, которая создает английскому правительству право решающего голоса в возникающих между тибетским правительством и его сюзереном Китаем вопросах и ставит таким образом Тибет под особое покровительство Англии. Гофмейстер Сазонов указал также сэру Дж. Бьюкенену на то обстоятельство, что 6 и 8 статьи проектированного договора, противоречащие русско-английской конвенции 1907 года, вызывают необходимость пересмотра сказанного соглашения. Действительно, в 1907 году между нами и Англиею было условлено, что ни английское, ни императорское правительство не будут иметь представителей в Лхассе и не будут добиваться концессий в Тибете. Между тем 6 и 8 статьи проектированного договора предоставляют английскому правительству право посылать от времени до времени в Лхассу своего торгового агента и получать концессии в Тибете. Гофмейстер Сазонов заметил, что если английское правительство желает пересмотра соглашения 1907 года в части, касающейся Тибета, то тем открывается возможность одновременного пересмотра и других частей этого соглашения, например, относящейся до Афганистана.

Вследствие этих объяснений великобританский посол представил повергаемую при сем на высочайшее благоусмотрение вашего императорского величества ноту[2], в которой заявляет о готовности своего правительства исключить из проектированного англо-китайско-тибетского договора 10 статью, заменив ее обычным постановлением о руководящем значении английского текста, а равно не пользоваться выговариваемыми по 6 и 8 статьям названного договора правами до соглашения по сему поводу с правительством вашего императорского величества.

Я ответил послу, что нахожу предлагаемый им текст ноты по этому последнему вопросу удовлетворительным. Нератов.

[1] См. т. II, № 381.

[2] См. выше, № 48.

№ 124. Помощник статс-секретаря по иностранным делам российскому послу в Лондоне Бенкендорфу.

Нота № 19374-14 [1].

30/17 мая 1914 г.

Your Excellency,

With reference to Your Excellency's memorandum[2] of the 4th instant respecting the inclusion in the organic statute of Albania of provision for the right of Servia to access by railway to the Adriatic, I have the honour to state that His Majesty's Government have only recently received the draft from the British delegate on the Commission of Control.

The French Government have expressed certain criticism on the draft, with which His Majesty's Government are disposed to concur, and as I understand the views ot the Russian Government have alsobeen placed before the French Government. I have instructed His Majesty's Ambassador at Paris to suggest that the French Government should put forward amendments for giving practical effect to theis criticism and, in so doing, to take into account also the proposals made by the Russian Government.

I have the honour to be

For Sir Edward Grey,

Eyre A. Crowe.

Перевод.

Ваше превосходительство,

Ссылаясь на меморандум вашего превосходительства от 4-го текущего месяца о включении в органический статут Албании пункта о праве Сербии на доступ к Адриатическому морю посредством железной дороги, я имею честь сообщить, что правительство его величества лишь недавно получило проект от британского делегата в контрольной комиссии.

Французское правительство высказало несколько возражений против проекта, с которым правительство его величества готово согласиться. Я думаю, что мнение российского правительства было также представлено французскому правительству. Я предложил послу его величества в Париже указать французскому правительству, чтобы оно представило изменения, которые придали бы практический характер его возражениям и чтобы при этом оно также учло предложения российского правительства.

Имею честь быть

За сэра Эдуарда Грея

Э. Кроу.

---

[1] Переслано в копии Бенкендорфом в Петербург при препроводительном письме от 3 июня/21 мая.

[2] См. т. II, № 328.

№ 125. Товарищ министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1004 [1]. 31/18 мая 1914 г.

Сообщается в Вену, Рим, Берлин и Валону.

Ссылаюсь на телеграмму Петряева № 107 [2].

Считаем заслуживающим внимания мнение Петряева о желательности иметь некоторый международный контингент, на который могла бы опереться комиссия. Воздержавшись в свое время от посылки отряда в Скутари, мы крайне затруднились бы теперь изменить нашу точку зрения. Англия и Франция в ином положении. Полагаем, что даже в случае воздержания Германии, последнее нашло бы достаточный противовес в воздержании России. Вышеизложенные соображения могут служить ответом на сделанное нам французским послом сообщение, что Франция расположена на активные действия si omnes.

[Нератов].

№ 126. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 139. 31/18 мая 1914 г.

En réponse à mémoire sur inclusion dans constitution albanaise d'article sur accès serbe à Adriatique, Grey absent m'écrit que gouvernement français a critiqué quelques points du projet de constitution, critique à laquelle l'Angleterre adhère. Grey, croyant savoir que gouvernement impérial a exposé son opinion au gouvernement français, a chargé l'ambassadeur d'Angleterre à Paris d'inviter le gouvernement français à rediger amendement au projet en tenant compte de proposition du gouvernement impérial sur accès serbe à l'Adriatique.

Copie Paris.

Benckendorff.

Перевод.

В ответ на памятную записку о включении в албанскую конституцию статьи о доступе Сербии к Адриатическому морю, отсутствовавший Грей написал мне, что французское правительство возражает против некоторых пунктов проекта конституции, причем к этим возражениям присоединяется Англия. Считая, что

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 29/16 мая за № 107 Петряев сообщил, что „князь обратился в комиссию с просьбой передать державам его ходатайство о присылке международных войск... Положение князя действительно критическое... Население не питает никакого доверия к правительству, образованному из местных элементов, и настаивает на международном управлении. На мой взгляд это единственный выход из создавшегося положения".

императорское правительство сообщило свое мнение французскому правительству, Грей уполномочил английского посла в Париже предложить французскому правительству, чтобы оно составило поправки к проекту, учитывая при этом предложение императорского правительства о доступе Сербии к Адриатическому морю.

Копия в Париж.

Бенкендорф.

№ 127. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 133 [1]. 31/18 мая 1914 г.

Копия в Софию.

Затруднения в вопросе о болгарском авансе объясняются, во-первых, беспримерным кризисом, царствующим на здешнем денежном рынке и, во-вторых, обстоятельствами внутренней французской политики. За последние дни настойчиво говорят о министерском кризисе; министр иностранных дел всецело поглощен переговорами с различными партиями палаты, которая открывается завтра; завтра же будет окончательно решено, остается ли Думерг у власти. Неизвестность относительно времени и цифры предстоящего французского займа в более чем миллиард франков угнетает банки, которые боятся связать себя обещаниями вслед за авансом реализовать болгарский заем в 500 миллионов франков. Все это создает крайне неблагоприятные условия; Маржери действует весьма энергично и не теряет надежды на конечный успех.

Извольский.

№ 128. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 99. 31/18 мая 1914 г.
Срочно.

Копия в Париж.

Не получая ответа на свою спешную телеграмму № 96 [2], боюсь, как бы ответ этот не был намеренно задержан правительством, чтобы дать Тончеву время подвинуть переговоры. Прошу известий. Для большей верности телеграфирую то же самое чрез Константинополь.

Савинский.

---

[1] Очевидно, в лит. копии ошибка. Ср. выше № 115—116.
[2] См. выше № 116.

№ 129. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

·/.Телеграмма № 93. 31/18 мая 1914 г.

Копии в Константинополь, Афины, Софию и Белград.

Согласно имеющимся у меня как от членов румынского правительства, так и от Талаата сведениям, последний в своих (разговорах) с здешними государственными людьми указывал на изолированность Турции и на необходимость для нее вступить в более тесные сношения с теми или другими балканскими государствами, причем было довольно ясно, что главная цель его поездки в Румынию—нащупать почву, чтобы потом более определенно направлять турецкую иностранную политику. Талаат сделал также вполне определенное предложение о заключении союза между Турцией и Румынией, к коему могла бы примкнуть и Болгария, находящаяся в хороших отношениях с Оттоманской империей. Согласно весьма конфиденциальному сообщению здешнего турецкого посланника, эта комбинация особенно поддерживается Австрией. Талаат давал одновременно заверение в искреннем миролюбии Турции, упорно настаивал на сохранении за последней сюзеренных прав над островами Хиосом и Митиленой, взамен широких уступок Греции вроде тех, о которых он упоминал вашему высопревосходительству при личном свидании в Ливадии. Он уверен, что Греция уступит, так как Турция войдет с нею в переговоры об островах лишь по получении купленных за границей дредноутов и когда превосходство турецких морских сил над греческими станет вполне очевидным. Что же касается России, то Талаат восторженно отзывался об оказанном ему в Ливадии приеме и высказывал уверенность в установлении самых дружеских отношений между Россией и Турцией, каковые заявления произвели в здешних правительственных кругах большое впечатление. Румынское правительство отказалось от заключения союза или какого-либо письменного соглашения с Турцией и разъяснило Талаату, что, стремясь к поддержанию мира на Балканах на основах Бухарестского трактата, оно желает сохранить свободу и[1], дабы в случае надобности принимать решения, согласные исключительно с собственными интересами. Затем как король, так и Братиану воспользовались беседами с Талаатом, дабы преподать Турции советы благоразумия и отклонить ее от мысли о реванше и о расширении ее европейских владений. Не желая совершенно отталкивать от себя Турцию и бросать ее в объятия Болгарии румынское правительство дало Талаату заверения в искрен-

[1] Так в подлиннике.

ней дружбе к Турции, в желании видеть ее сильной и способной обеспечить свободу плавания через проливы и в полной возможности для обоих государств, даже без письменного о том соглашения, действовать в будущем солидарно в целях поддержания мира на Балканском полуострове. Желая установления хороших отношений между Турцией и Грецией, Румыния приветствовала бы соглашение между этими двумя государствами по вопросу об островах, но Талаату дано было понять, что Турции следует добиваться подобного соглашения лишь мирными путями, не подвергая себя риску новой войны и осложнений, которые, несомненно, возникнут вслед за вызванным подобной войной закрытием проливов. В момент отъезда из Бухареста Талаат посетил меня вторично и сообщил, что румынское правительство согласилось заключить с Турцией словесное соглашение об обеспечении мира на Балканах и что текст такового будет выработан в Константинополе. Я не премину, конечно, донести по этому вопросу все, что мне удастся узнать впоследствии от румынского правительства. Подробности почтой.

Поклевский.

№ 130. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Телеграмма № 1013. 1 июня/19 мая 1914 г.

Сообщается в Париж.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 134 [1].

Опасаемся, что предлагаемая французским правительством формула не создает достаточных гарантий относительно перемены в ближайшем будущем кабинета, не внушающего нам доверия. Мы не настаиваем на той или другой формуле сообщения, целесообразность коей может быть лучше оценена на месте, причем, конечно, желательно считаться с самолюбием короля; однако мы считали бы неосторожным согласиться на заключение займа, не уверившись, что деятели, с коими мы входили уже по этому вопросу в доверительный обмен мнений, находят требуемые нами условия достаточными. Нельзя упускать из виду, что наша исключительная политическая оценка условий займа может разниться от французской, которая, очевидно, придает существенное значение перебить заказы у Германии.

Прошу вас сообщить нам и в Париж ваше заключение, вновь переговорив, если нужно, с болгарскими деятелями.

Нератов.

[1] См. выше стр. 129, прим. 4.

№ 131. Товарищ министра иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Письмо № 372 [1]. 1 июня/19 мая 1914 г.
Весьма доверительно.

Копия министру, в Афины.

М. г. М[ихаил] Н[иколаевич],

Как видно из письма вашего превосходительства от [18] 5 мая сего года [2], заявление, сделанное Талаат-беем г. министру иностранных дел в Ялте о состоявшемся будто бы между Турцией и Грецией соглашении по вопросу об островах на почве оборонительного союза между обеими этими державами не соответствует действительности, что само по себе не может не оставить впечатления недоумения по поводу столь странного приема, допущенного главою оттоманской миссии, занимающим притом выдающееся положение в нынешнем кабинете.

Между тем с греческой стороны до нас доходят сетования на то, будто после посещения Ливадии турецкие государственные люди стали выказывать гораздо бо́льшую несговорчивость в переговорах с афинским кабинетом, непримиримость по отношению к греческому населению Оттоманской империи, распространяя впечатление, будто Россия предоставила в вопросе об островах полную свободу действий Турции.

Ввиду того, что подобное заключение совершенно расходится с содержанием бесед г. министра с Талаат-беем, во время коих была подтверждена наша точка зрения на обязательность для Турции состоявшегося постановления держав, я считаю долгом сообщить вам о сем для вашего сведения, дабы вы могли при случае затронуть этот вопрос в беседах с турецкими министрами.

В последнее свидание со мной греческий поверенный в делах сообщил мне, что в настоящее время турецким правительством возбуждены переговоры об урегулировании вопроса эмиграции как мусульман из вновь приобретенных Грецией областей в Малую Азию, так и о выселении греков из Малой Азии.

С греческой стороны на это изъявлено согласие, причем предложено включить в переговоры вопрос о переселении греков из Фракии и затем учредить смешанную греко-турецкую комиссию, задача коей состояла бы в определении имущественного положения и соответствующего удовлетворения притязаний переселен-

---

[1] Черновой отпуск рукою Трубецкого.

[2] См. выше № 27.

цев, а также упорядочении самого вопроса об эмиграции и выселении.

Полагая, что с своей стороны мы должны всячески содействовать мирному улажению греко-турецких отношений, я обращаюсь к вам с покорнейшей просьбой, не найдете ли возможным при случае оказать соответствующее воздействие на Порту и на греческого посланника, в то же время не упуская случая предостерегать турок от опасности несговорчивого образа действий, а также осложнений из-за вопроса об островах, ибо при многочисленности греческого населения в Малой Азии, едва ли можно рассчитывать, чтобы военные действия ограничились морским столкновением и не отразились опаснейшими внутренними волнениями в стране. Раз последние возникнут, локализация военных действий едва ли была бы осуществима. Помимо сего, всякое, хотя бы временное, закрытие проливов для наших торговых судов может подвергнуть серьезному риску только начинающие налаживаться дружественные отношения наши с Оттоманской империей.

Нератов.

№ 132. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 139. 1 июня/19 мая 1914 г.

Получил № 1007[1]. Копия в Лондон.

Маржери сказал мне, что Палеологу дано поручение сообщить вам, что французское правительство считает весьма желательным скорейшее утверждение сперва албанским правительством, а затем и (державами) соглашения по эпирскому вопросу. По полученным здесь секретным сведениям, итальянский посланник в Дураццо советует, наоборот, албанскому правительству не утверждать вышесказанного соглашения. Французскому представителю предписано противодействовать этой интриге.

Извольский.

[1] Тел. от 31/18 мая за № 1007 (послам в Париж и Лондон, сообщается в Валону, Вену, Берлин и Рим) Нератов сообщал, что „считает заслуживающей внимания" просьбу греч. прав-ва „о скорейшем утверждении державами и албанским правительством соглашения по эпиротскому вопросу". Ссылаясь на эту тел., Бенкендорф ответил: „В отсутствие Грея, Кроу высказал мне то мнение, что решение об утверждении соглашения, заключенного между контрольной комиссией и албанским правительством, может быть принято лишь после зрелых размышлений. Он считает, что „утверждение" окажется на практике равнозначным „гарантии" и вызовет риск постоянного и периодического вмешательства держав в будущем. Здесь ждут по этому поводу подробного донесения Ламба, который, судя по его телеграфным сообщениям, как будто бы разделяет эту точку зрения" (тел. от 4 июня/22 мая за № 141. Подлинник на франц. яз.).

№ 133. Военный агент в Вене в отдел генерал-квартирмейстера главного управления генерального штаба.

Рапорт № 172 [1]. 1 июня/19 мая 1914 г.
Секретно.

О впечатлении, произведенном в Австро-Венгрии призывом запасных в России.

Насколько военная игра в Киеве и увеличение нашего контингента новобранцев прошли здесь почти незамеченными, настолько высочайшее повеление от [21] 8 апреля сего года о призыве осенью запасных двух сроков службы в учебные сборы произвело здесь весьма сильное впечатление.

Как органы общей печати, так и специально военной посвятили означенному повелению длинные статьи, приписывая России агрессивные замыслы и намерение напасть на „миролюбивый" Тройственный союз.

В особенности „Militärische Rundschau" проявила необычайный интерес к „сенсационным вооружениям России".

В ряде статей означенная газета, сгущая весьма сильно краски, проводит мысль, что призыв миллиона запасных никак нельзя рассматривать как меру исключительно военную, но что подобное „доведение армии до штатов военного времени" является актом политического характера. „Если Россия и не замышляет немедленно начать наступательную войну, то во всяком случае она пытается нас застращать и принудить нас к принятию разорительных противомер". В той же статье Россия выставляется как заклятый враг Австро-Венгерской империи.

В другой статье говорится о том, что Россия усиливает свою боевую готовность главным образом под давлением французского генерального штаба; обсуждая совокупность принимаемых нами мер: увеличение контингента новобранцев, формирование новых крупных единиц, усиленное ведение шпионажа и т. п., автор статьи приходит к убеждению, что Россия усиленно готовится к великому вооруженному выступлению и „что вторжение русских в пограничные районы Германии и Австрии представляет большую долю вероятия".

Наконец, третья статья под заглавием „Вооружения России" предупреждает Германию и Австрию быть настороже перед внезап-

---

[1] Копия. Публ. документ переслан помощником 1-го обер-квартирмейстера главного управления ген. штаба при сопроводит. секр. письме на имя Базили от 16/3 июня за № 2568.

ным нападением со стороны России и ее союзницы, убеждая своих читателей, что путем „опытных мобилизаций" Россия старается опередить своих противников в быстроте мобилизации. Большая угроза усматривается также в намеченном у нас железнодорожном строительстве.

Останавливаясь на вопросе о взаимном отношении сил обеих политических группировок, статья приходит к выводу, что мирный состав войск держав Тройственного союза с 1917 г. будет равняться 1 600 000 человек (Германия 800 000, Австрия 500 000, Италия 300 000) против 3 400 000 человек держав Тройственного согласия (Россия 2 300 000, Франция 900 000, английский экспедиционный корпус 200 000 человек).

„Militärische Rundschau" являлась до 1 апреля нового стиля сего года официозным органом австро-венгерского военного министерства, и статьи, помещаемые в названной газете, были часто инспирированы свыше. В настоящее же время связь с военным министерством прервана, и „Militärische Rundschau" является органом совершенно частным, так что статьи, помещаемые на ее столбцах, не могут служить отзвуком мнений высших военных кругов Австро-Венгрии. Тем не менее появление подобных статей на страницах хотя частного, но серьезного специального органа заслуживает быть отмеченным и свидетельствует, по моему крайнему убеждению, о той нервности, с которой относятся здесь ко всему, что происходит у нас в области государственной обороны.

Винекен.

№ 134. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 62 [1]. 1 июня/19 мая 1914 г.

В депеше моей от [18] 5 сего мая за № 57 [2] я имел уже честь сообщить вашему высокопревосходительству, насколько сильное впечатление вызвал в Вене прием, оказанный в Ливадии оттоманскому посольству.

Ныне, как мне сообщают из секретного источника, оттоманский посол в Вене доносит своему правительству, что все политические деятели, с которыми ему приходится встречаться, неизменно спрашивают у него объяснения по поводу этого приема.

По словам Хильми-паши, граф Берхтольд также обратился к нему за разъяснениями по поводу поездки посольства в Ливадию.

---

[1] Лит. копия.
[2] См. выше № 26.

Граф указал послу на поведение держав Тройственного союза, особенно благоприятное Турции, и, в частности, на поведение Австрии, которая в течение последней войны не только допустила продажу Турции оружия и военных припасов, но и пропуск таковых из других стран через свои пределы. Граф добавил, что Турция должна была бы принять это во внимание. Между тем ныне она, повидимому, ищет сближения с Россией и державами Тройственного согласия, когда известно, что России принадлежит инициатива балканской войны.

Хильми-паша будто бы ответил на это, что сведения и предположения графа Берхтольда не вполне отвечают действительности. Нынешняя политика оттоманского правительства основана на поддержании дружеских отношений со всеми великими державами. Что касается поездки чрезвычайного оттоманского посольства в Ливадию, то таковое имело место уже не раз и является актом уважения к русскому императору.

Гирс.

№ 135. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Депеша № 63 [1]. 1 июня/19 мая 1914 г.

Как мне сообщают из секретного источника, оттоманский посланник в Софии доносит Порте, что болгарское правительство сильно озабочено результатами поездки Талаат-бея в Ливадию.

По мнению г. Радославова, высказанному ему [2] Фетхи-бею, поездка эта не может иметь иного конечного результата, как то, что Турция отныне будет действовать в согласии с державами Тройственного согласия. Г. Радославов отметил, что Болгария была единственным балканским государством, заключившим с Турцией союз без всякой задней мысли, не принимая в расчет пожеланий и предложений других балканских государств. С тех пор болгарское правительство всеми мерами старалось поддерживать с Турцией самые дружеские отношения. Тем более оно удивлено ныне эгоистичной политикой Турции и Румынии, особенно в то время, когда поведение Греции может лишь придать особое значение для Турции дружбе с Болгарией.

По словам Фетхи-бея, он постарался успокоить своего собеседника уверениями, что поездка Талаат-бея в Ливадию является лишь повторением издавна установившегося обычая; что же ка-

[1] Лит. копия.
[2] Так в подлиннике.

сается поездки его в Румынию, то это лишь акт внимательности по отношению к различным посетившим Константинополь румынским государственным деятелям.

Нет сомнения, что болгарское правительство ныне крайне ревниво относится ко всем попыткам Турции сблизиться с другими державами, надеясь заручиться ее содействием или хотя бы сочувствием, на случай, если бы обстоятельства оказались благоприятными для нового выступления Болгарии против прежних союзников.

Нельзя отрицать, что такое поведение Болгарии, не принесшее пока осязательных результатов, все же представляет некоторый соблазн для Турции, особенно в вопросе об островах, с предоставлением коих Греции Турция еще не может примириться.

Гирс.

№ 136. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1021 [1]. 2 июня/20 мая 1914 г.

Телеграммы №№ 235 [2] и 240 [3] получены.

Благоволите сделать регенту следующее заявление: Исаак-хан действительно раньше возбуждал вопрос о своем перемещении по семейным и климатическим соображениям, но, уступая нашим настояниям, он обещал остаться здесь еще на некоторое время. Сейчас он лечится за границей и вернется сюда в июле, ко времени коронации шаха, о которой он имеет затем возвестить императорскому правительству. Ввиду этого намерение шахского правительства отозвать ныне Исаак-хана нас крайне удивило, и мы можем объяснить его только каким-нибудь недоразумением, если не ин-

---

[1] Машинописная копия.

[2] Тел. от 29/16 мая за № 235 Коростовец сообщил по просьбе тегеранского прав-ва, „что персидский посланник Исаак-хан, вследствие усиленных его настояний, переведен в Рим и на его место намечен нынешний министр юстиции, бывший уже посланником в Петербурге, Арфа-эд-Доуле, выразивший надежду, что выбор этот будет угоден императорскому министерству".

[3] Тел. от 1 июня/19 мая за № 240 Коростовец сообщил о сделанном им предупреждении, что перемещение Исаак-хана произведет весьма неблагоприятное впечатление на росс. прав-во и наверное будет опротестовано. Восуг-эд-Доуле ответил на это, „что решение принято советом министров именно в видах поддержания взаимных дружественных отношений". Исаак-хан „не пользуется прежним доверием... и, понимая свое положение, будто бы неоднократно просил о переводе в Рим. Арфа-эд-Доуле намечен потому, что был persona grata в Петербурге". „На-днях, — говорит в заключение Коростовец, — постараюсь увидеть регента и сделаю ему энергичное представление по настоящему делу".

тригами, направленными против посланника. Этот дипломат, проникнутый патриотизмом, оказал существенные услуги своей стране, способствовав с присущим ему тактом восстановлению между нами и шахским правительством добрых отношений, одно время сильно поколебленных. Он пользуется нашим полным доверием и уважением, и заслуги его, как известно, отмечены были всемилостивейшим пожалованием ему высокого ордена Белого Орла.

В уверенности, что присутствие его здесь необходимо для дальнейшего поддержания взаимных дружественных отношений, мы настаиваем на дальнейшем пребывании Исаак-хана на настоящем его посту, доколе здоровье его ему дозволит, и твердо рассчитываем на соответствующее дружественное распоряжение регента.

Что касается Арфа-эд-Доуле, то благоволите доверительно сказать, что ввиду имеющихся у нас о нем неблагоприятных сведений, мы во всяком случае на его назначение сюда согласиться не можем[1].

О последующем благоволите телеграфировать.

Нератов.

№ 137. Заведующий отделом Среднего Востока министру иностранных дел.

Письмо. 2 июня/20 мая 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Сегодня получен был прилагаемый при сем запрос Штакельберга относительно приема государем Мохамед-Али-шаха в Одессе. Обсудив дело, мы пришли с А. А. Нератовым к заключению, что отказ в принятии экс-шаха показался бы обидным не только последнему, но и его сыну, а нам было бы важно не только не огорчать султана Ахмеда, но и влиять на него через отца. Поэтому мы стоим за то, чтобы Мохамеду-Али была дана аудиенция, но конечно, совершенно частного характера и без особых чествований. Можно, конечно, опасаться, что экс-шах много чего наговорит государю, а потому придется обоих несколько подготовить к предстоящей беседе. А. А. Нератов не знает в точности, поедете ли вы в Ливадию или встретите государя в Констанце. Он думает, что в последнем случае вы едва ли успеете переговорить с государем о свидании с шахом, и что тогда лучше будет послать отсюда докладную

[1] Публ. документ является редакционной обработкой представленного Исаак-ханом проекта тел., которую он просил отправить росс. посланнику в Тегеран (см. ниже, стр. 156, прим. 1).

записку в Ливадию [1]. Прежде всего однако надо знать, согласится ли вообще государь принять шаха, и при каких условиях свидание состоится. В этом смысле мы составили проект телеграммы, при сем прилагаемой, от вас барону Фредериксу. Если вы изволите его одобрить, то не откажите протелеграфировать мне одно слово „согласен", тогда мы тотчас нашифруем и отправим телеграмму в Ливадию [2].

У нас опять крупная неприятность: персидское правительство, не говоря худого слова, убрало отсюда Исаак-хана и просит нашего согласия на назначение сюда Арфа-эд-Доуле (Мирза-Ризахана). Это результат того, что первого заподозрили в интригах в пользу Саад-эд-Доуле и что Коростовец, не желая навлекать на себя подозрений, его не выгородил. Но вместе с тем это и новый выпад против нас, так как в Тегеране хорошо известно, что Исаак у нас persona grata. Вообще, как я уже раньше докладывал, в Тегеране создается для нас опять тяжелая атмосфера. В частности в деле Исаак-хана главную роль играет Арфа-эд-Доуле, которому очень хочется попасть сюда. Однако допускать сюда этого господина отнюдь нельзя, так как он ставленник Anglo-Persian Commity и, кроме того, грабитель первостатейный, о котором еще до сих пор гремит слава на Кавказе, где он был генеральным консулом [3]. Прилагаю при сем копии с телеграмм, которыми мы обменялись с Коростовцем по этому делу [4], а равно письмо Исаака к вам [5] и

---

[1] Записка по этому вопросу датирована 8 июня/26 мая. „По всей вероятности, — говорится в записке, — бывший шах попытается искать для себя опоры на будущее время. Было бы весьма желательно, чтобы Мохамед-Али из беседы с вашим императорским величеством вынес впечатление, что ввиду сложившихся обстоятельств ему надлежит безусловно воздерживаться от выступлений"... Прием экс-шаха состоялся в Одессе 15/2 июня. — В тел. Коростовцу от 20/7 июня за № 1223 Клемм сообщает, что „беседа шаха с государем императором носила совершенно частный характер, шах благодарил за оказанное ему внимание, о политике не было сказано ни слова".

[2] В деле имеется проект соответствующей телеграммы.

[3] В тел. от 1 июня/19 мая за № 1020 Клемм отмечал, что „назначение Арфа-эд-Доуле особенно нежелательно, так как его прежние связи в Петербурге дадут ему возможность действовать в обход нашего министерства".

[4] При документе копий телеграмм, упоминаемых Клеммом, не обнаружено. Тел. от 29/16 мая за № 995 Нератов просил Коростовца дать понять регенту и кабинету, что „мы считаем дальнейшее пребывание здесь Исаак-хана существенным для поддержания взаимных дружеских отношений".

[5] Письмом от 30/17 мая на имя Сазонова Исаак-хан сообщал об усилении направленных против него интриг и просил о поддержке.

ко мне[1]. Надеюсь, что наша защита Исаака будет вами одобрена, лучшего посланника, чем он, нам трудно было бы найти[2]. Весьма возможно, что нежелание с нашей стороны дать регенту Андрея Первозванного также сыграло известную роль в этом деле.

В дальнейшем, если персы упрутся, нам надо будет решительно отказать в agrément всякому другому кандидату и вернуться к порядку, существовавшему до прибытия Исаака, т. е. вести переговоры с шахским правительством исключительно в Тегеране, игнорируя совершенно здешнего поверенного в делах.

Я очень сожалею, что пришлось нарушить ваш покой деревенский, но оба затронутые в письме этом вопроса представляются нам довольно важными. Желаю от души, чтобы, хотя и краткое, пребывание в Юровцах вас подкрепило.

Примит[е] и пр. В. Клемм.

№ 138. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/.Письмо[3]. 2 июня/20 мая 1914 г.

Monsieur le ministre,

J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre ministérielle secrète en date du [28] 15 mai No 47/n[4].

---

[1] Письмо Исаак-хана Клемму от 30/17 мая снабжено указанием: „Прошу хранить его в качестве личного и доверительного". Персидский посланник, лечившийся в то время в Мариенбаде, сообщает, что его переводят в Рим без права возвратиться в СПБ. По словам Исаак-хана, мера эта (le procédé inqualifiable), инициатором которой является Арфа-эд-Доуле, давно стремящийся занять пост посланника в СПБ., лишь по видимости направлена против него (Исаак-хана), по существу же — против политики росс. прав-ва. Посланник пишет, что он не может в данное время подчиниться этому унизительному распоряжению и высказывает надежду, что ему будет оказана, по меньшей мере, такая же поддержка, как Шоджа-эд-Доуле. Сообщая о том, что Арфа-эд-Доуле является креатурой Англо-Персидского комитета, а в бытность свою консулом в Тифлисе был, между прочим, поставщиком паспортов для всех бежавших из Сибири, Исаак-хан взывает к дружбе Клемма и к расположению министра, указывая, что он заслужил поддержку росс. прав-ва и ту услугу, о которой просит. К письму приложен проект тел., которую Исаак-хан просил отправить в Тегеран, высказывая уверенность, что она произведет желательное действие [см. выше, стр. 154, прим. 1].

[2] В тел. Клемма Коростовцу от 1 июня/19 мая за № 1020 между прочим сказано: „Я не теряю надежды, что вам удастся отстоять Исаак-хана, который нам так полезен. Вы могли бы дать понять регенту и кабинету, что никакой другой посланник не будет пользоваться здесь таким положением, какое имеет Исаак-хан благодаря связывающей меня с ним старинной дружбе. К другому отношение будет чисто формальное".

[3] Опубл. L. N., II, p. 324—326.

[4] См. выше, № 109.

La veille de l'arrivée du courrier, le capitaine Wolkoff était venu m'informer de ce à quoi il avait assisté à St.-Pétersbourg.

Nous avions dès ce jour combiné comment agir. Nous étions tombés d'accord que j'informerai Sir E. Grey que le capitaine Wolkoff, appelé à Pétersbourg au sujet des pourparlers qui devaient s'entamer entre les deux amirautés, en était revenu, muni d'instructions suffisantes pour le début et autorisé à des rapports directs à ce sujet avec l'amirauté anglaise; et que je prierai Sir E. Grey de vouloir bien en informer le Premier Lord de l'amirauté Mr. Winston Churchill.

Je me serais acquitté sans retard de ce devoir, n'était l'absence de Londres de Sir E. Grey et de Sir A. Nicolson. Ne désirant m'adresser à aucun intermédiaire en cette matière, force m'a été d'ajourner cette démarche de quelques jours.

Je n'y vois d'ailleurs aucun mal, ce court délai fournissant au capitaine Wolkoff la possibilité de s'aboucher plus complètement avec le comte de Saint-Seine, attaché naval de France, ce qui me parait fort utile. D'ailleurs Mr. Winston Churchill, tout comme le prince Louis de Battenberg, sont absents aussi à cause de la Pentecôte.

La lettre ministérielle du [28] 15 mai exprime si exactement la valeur et l'esprit des pourparlers qui vont être entamés que je n'ai, au fiond, rien à ajouter de substantiel à ce sujet.

L'empressement du Cabinet de Londres à entrer dans les vues qui lui avaient été exposées à Paris montre que ce Cabinet, tout comme le Cabinet impérial, a compris, non seulement l'utilité pratique de la chose, mais la nécessité de donner quelque expression à des dispositions qui, pour avoir en réalité toujours existé, n'en étaient pas moins restées par trop latentes. Ainsi, sans modifier en substance les relations existantes manifestement entre les deux Puissances, ces relations se trouveront secrètement précises dans la mesure nécessaire et possible.

Peut-être y a-t-il de ma part surcroît de prudence à relever une expression contenue tant dans la lettre ministérielle que dans l'instruction dont le capitaine Wolkoff a été muni.

J'y vois figurer plusieurs fois le mot „соглашение". Je crois que dans nos rapports diplomatiques avec les Cabinets de Londres et de Paris, ce terme devrait être évité. Le mot se traduit difficilement, tant en français, qu'en anglais; je ne saurais trouver d'autres équivalents que „entente", „arrangement", „understanding". Aucun de ces termes ne s'applique exactement au cas actuel; ils pourraient créer des malentendus, tout au moins provoquer des définitions qui me paraissent inutiles. En réalité, il s'agit de pourparlers destinés à préparer un arrange-

ment à conclure sur l'heure, le cas échéant. Du moins c'est ainsi que le Cabinet de Londres comprend la chose qui par cette forme échappe au contrôle parlementaire et permet au gouvernement de la maintenir secrète.

Je me garde de tout commentaire sur le texte des instructions. Je voudrais pourtant exprimer dès aujourd'hui l'opinion que d'obtenir l'envoi en temps de paix dans la Baltique de vaisseaux-transports anglais mis à la disposition de nos troupes ne sera pas possible. J'ai conseillé au capitaine Wolkoff de ne parler de ce projet qu'en tout dernier lieu, de manière à ne pas nuire au reste et d'attendre à ce sujet de nouvelles instructions.

J'ai des raisons pour croire que le Cabinet de Londres, tout comme le Cabinet impérial, pense, pour la coopération des flottes, non seulement aux mers du nord, mais aussi à la Méditerranée. A ce point de vue, la manière dont nous proposons de traiter en ce cas le statut des détroits, facilitera, j'en suis sûr, les choses.

Veuillez agréer etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

Я имел честь получить секретное министерское письмо от [28] 15 мая, № 47/п.

Накануне приезда курьера капитан Волков пришел известить меня о том, что он узнал в С.-Петербурге.

С этого дня мы составили план действий. Мы пришли к соглашению, что я извещу сэра Э. Грея о том, что капитан Волков, вызванный в Петербург по вопросу о переговорах, которые должны быть начаты между обоими адмиралтействами, вернулся с достаточными для начала инструкциями, уполномоченный на непосредственные сношения по этому вопросу с английским адмиралтейством, и что я попрошу сэра Э. Грея не отказаться известить об этом первого лорда адмиралтейства г. Винстона Черчилля.

Я выполнил бы эту обязанность без промедления, если бы сэр Э. Грей и сэр А. Никольсон не отсутствовали из Лондона. Не желая в этом деле обращаться к какому бы то ни было посреднику, я вынужден был отложить это представление на несколько дней.

Впрочем я не вижу в этом ничего дурного, так как эта краткая отсрочка дает возможность капитану Волкову более подробно переговорить с графом Сен-Сен, морским атташе Франции, что мне кажется очень полезным. Кроме того г. Винстон Черчилль, как и принц Людвиг Баттенбергский, отсутствуют ввиду троицы.

Министерское письмо от [28] 15 мая так точно определяет значение и характер переговоров, которые должны быть начаты, что в основе у меня нет ничего существенного для добавления.

Поспешность, с которой лондонский кабинет вступает на путь, указанный ему в Париже, показывает, что как он, так и императорский кабинет поняли не только практическую пользу этого дела, но и необходимость проявить в чем-то настроения, которые хотя и всегда существовали, но тем не менее оставались чрезмерно скрытыми. Таким образом, отношения, открыто существовавшие между обеими державами, не будут в основе изменены, но будут секретным образом уяснены в пределах, в каких это нужно и возможно.

Может быть, я проявлю излишнюю осторожность, если отмечу одно выражение, содержащееся как в министерском письме, так и в инструкции, которой снабжен капитан Волков.

Я обнаружил в них несколько раз слово „соглашение". Я считаю, что в наших дипломатических сношениях с лондонским и парижским кабинетами следовало бы избегать этого термина. Это слово с трудом переводится как на французский, так и на английский язык; я не могу подыскать для него других равнозначных слов, кроме „entente", „arrangement", „understanding". Ни один из этих терминов не применим в точности к настоящему случаю; они могут создать недоразумения, и по меньшей мере обусловить такие определения, которые мне представляются бесполезными. В действительности дело идет о переговорах, предназначенных для подготовки соглашения, которое должно быть заключено немедленно, если представится случай. По крайней мере, лондонский кабинет понимает именно таким образом это дело, которое благодаря его форме избегнет парламентского контроля и позволит правительству соблюсти секрет.

Я воздерживаюсь от комментирования текста инструкций. Но я хотел бы уже сейчас высказать мнение, что добиться отправки в мирное время английских транспортных судов в Балтийское море в распоряжение наших войск не окажется возможным. Я посоветовал капитану Волкову заговорить об этом проекте лишь на самый конец для того, чтобы не повредить остальному, и ждать по этому вопросу новых инструкций.

У меня есть основания думать, что лондонский, как и императорский кабинет, думает о сотрудничестве флотов не только в северных морях, но и в Средиземном море. С этой точки зрения способ, каким мы предлагаем трактовать положение в проливах, облегчит, я уверен, дело.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 139. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 2 июня/20 мая 1914 г.

J'ai eu l'honneur de recevoir copie du rapport de Mr. Pétriaieff sur la crise en Albanie et les instructions ministérielles à ce sujet. Je ne manquerai pas de faire parvenir à Sir E. Grey malgré son absence, le contenu de ces pièces. Dès son retour, j'informerai v. excellence du résultat de mon entretien.

[1] Лит. копия.

J'ai de même eu l'honneur de rendre compte par mon télégramme No 137[1] de la nouvelle démarche faite ici par l'ambassadeur de France concernant l'emploi de contingents internationaux. Vous aurez remarqué qu'il ne s'agit plus que de la garde personnelle du prince à Durazzo. La substance de cette démarche a été transmise à Sir E. Grey, mais Mr. Cambon est parti pour Paris sans avoir eu le temps d'obtenir de réponse. Dans cette mesure il me parait possible qu'elle soit favorable, mais à moins de développements ultérieurs qui rendent la crise encore plus aiguë, je doute que le gouvernement anglais se laisse décider à un emploi de troupes anglaises pour un service effectif plus général.

Sans opposer à ce projet, dès qu'il a surgi, un refus tout-à-fait absolu, je sais que, autant Mr. Asquith, que Sir E. Grey, n'y sympathisent aucunement. Leur opinion entraînera celle du Cabinet.

Jusqu'à quel degré l'opinion de Mr. Pétriaieff pourra se concilier avec le nouveau projet français, c'est ce que je ne sais pas encore. En général, il m'a été très difficile de tenir le ministère impérial au courant de l'impression produite sur Sir E. Grey par les derniers événements de Durazzo. Il est dans sa nature d'être fort réticent quand il s'agit d'hypothèses, encore plus quand il éprouve de la méfiance.

Dès l'abord, il a qualifié assez ouvertement ces événements de „very surprising". C'est ce qu'il a dit aux ambassadeurs d'Autriche et d'Italie.

Longtemps sans nouvelles complémentaires suffisantes, il hésitait à charger de responsabilité l'une ou l'autre Puissance. Je ne l'ai pas revu depuis.

Autant que j'en puis juger, je crois que dans l'opinion anglaise, l'Autriche, ou tout au moins son représentant à Durazzo, est responsable d'une partie des fautes commises par le prince. On croit que c'est le ministre d'Autriche qui a conseillé le bombardement de la maison d'Essad Pacha, que c'est lui qui a donné l'idée, considérée comme très dangereux, d'appeler au secours du gouvernement les tribus catholiques du nord pour les opposer aux rebelles mahométans. De même, c'est lui qui aurait provoqué la retraite momentanée du prince à bord d'un vaisseau de guerre. On observe en tout ceci les débuts d'un antagonisme entre le point de vue autrichien et celui de l'Italie. Cet antagonisme se serait révélé au sujet d'Essad, en réalité protégé par l'Italie et contrecarré violemment par l'Autriche.

[1] Указанной тел. от 30/17 мая Бенкендорф сообщил, что Камбон передал Никольсону согласие франц. прав-ва на отправку отряда в Дураццо, предназначенного, однако, исключительно для охраны особы князя, но не для подавления беспорядков.

Je ne prétends pas formuler par ce qui précède le point de vue exact de Sir E. Grey parce qu'il ne m'en a pas parlé; je crois pourtant que c'est là ce qui le préoccupe.

En un mot, il parait certain que le tout a pour origine une intrigue autrichienne ou italienne; plutôt autrichienne, pourtant—ayant peut-être pour but de jouer l'Italie.

Ce que Sir E. Grey avant tout ne veut pas, est de devenir l'instrument soit de l'une, soit de l'autre. L'argument qui consiste à dire que d'exposer les soldats anglais là où aucun intérêt direct anglais n'est engagé conserve certainement de la force, mais c'est, je crois, surtout un sentiment de prudence qui inspire l'attitude expectante de Sir E. Grey en cette occasion.

Je ne pourrai vous en dire plus qu'après l'avoir revu à son retour.

Veuillez agréer etc.

Benckendorff.

Перевод.

Я имел честь получить копию донесения г. Петряева о кризисе в Албании и министерские инструкции по этому вопросу. Я не замедлю сообщить сэру Э. Грею, несмотря на его отсутствие, содержание этих документов. По его возвращении я извещу ваше превосходительство о результатах нашей беседы.

Я также имел честь сообщить в моей телеграмме № 137 о новом выступлении здесь французского посла по вопросу о применении международных отрядов. Вы, вероятно, заметили, что теперь дело идет лишь о личной охране князя в Дураццо. Сущность этого выступления была передана сэру Э. Грею, но г. Камбон уехал в Париж до получения ответа. Мне кажется, что в указанных пределах он может быть благоприятен, но если только дальнейшие события не обострят еще сильнее кризиса, то я сомневаюсь, чтобы английское правительство решилось на применение английских отрядов для службы более общего характера.

Мне известно, что как г. Асквит, так и сэр Э. Грей, не противодействуя этому проекту с момента его возникновения своим безусловным отказом, никоим образом ему не сочувствуют. Их мнение будет разделено кабинетом.

Я еще не знаю, до каких пределов мнение г. Петряева сможет быть согласовано с новым французским проектом. Вообще же мне было очень трудно извещать императорское министерство о впечатлении, производимом на сэра Э. Грея последними событиями в Дураццо. Он по своей натуре очень сдержан, когда дело касается гипотез, и еще более сдержан, когда он испытывает недоверие.

Сначала он довольно открыто определил эти события как „очень неожиданные". Он это сказал послам Австрии и Италии.

Оставаясь долго без достаточных дополнительных известий, он колебался возложить ответственность на ту или другую державу. С тех пор я его больше не видел.

Поскольку я могу судить, я думаю, что английское общественное мнение считает Австрию или, по крайней мере, ее представителя в Дураццо ответственным за часть ошибок, совершенных князем. Думают, что представитель

Австрии посоветовал ему бомбардировать дом Эсада-паши, что он подал мысль, которая считается очень опасной, призвать на помощь правительству католические племена Севера для противодействия магометанским повстанцам. Будто бы также он вызвал внезапное удаление князя на военное судно. Во всем этом обнаруживают возникновение антагонизма между австрийской и итальянской точками зрения. Этот антагонизм проявился, будто бы, по вопросу об Эсаде, которому в действительности покровительствует Италия и энергично противодействует Австрия.

Я не претендую на то, что предшествующее точно формулирует точку зрения сэра Э. Грея, потому что он мне ее не изложил; но тем не менее я думаю, что сказанное его беспокоит.

Одним словом, кажется несомненным, что источником всего является австрийская или итальянская интрига, скорее — австрийская, которая однако, может быть, ставит себе целью обмануть Италию.

Сэр Э. Грей больше всего не желает превратиться в орудие одной из этих [стран]. Аргумент, который сводится к тому, что нельзя подвергать опасности английских солдат там, где не затронуты никакие прямые интересы Англии, конечно, сохраняет свою силу, но я считаю, что выжидательная позиция сэра Э. Грея вызывается в данном случае, главным образом, чувством осторожности.

Я не могу сказать вам ничего больше до того, как я увижу его по его возвращении.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 140. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Письмо. 2 июня/20 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Едва я отправил вашему высокопревосходительству две недели тому назад мои последние донесения, как началась албанская смута, на которой сосредоточилось все внимание европейских кабинетов. Ход событий, повергший едва родившееся государство в полную анархию, известен вам, хотя, вероятно, императорский кабинет не может еще, ввиду противоречивости известий, отдать себе ясного отчета в роли, сыгранной в албанских событиях Эсад-пашой.

Для римского кабинета восстание в Албании произошло как нельзя более некстати. Из моих донесений вам известно, насколько подозрительно в Италии относятся к Австрии вообще и к австрийским вожделениям в Албании в особенности. Вспыхнувшее восстание еще более усилило это чувство, и газеты как в Австрии, так и в Италии, которые, подчиняясь австро-итальянскому союзу, воздерживались до сих пор от выражения взаимно недружелюбных чувств, после изгнания Эсад-паши разразились нареканиями и упреками на союзницу.

В своей речи в парламенте, отчет о которой ваше высокопревосходительство найдете в сегодняшнем моем донесении за № 34[1], редактированном советником посольства, маркиз ди Сан-Джулиано, хотя и уверял самым положительным образом, что австро-венгерское правительство невиновно в албанском восстании, однако допустил возможность, что отдельные австрийские агенты, в противность желанию их правительства, и вообще австрофильские элементы в Албании способствовали возбуждению албанского князя против Эсад-паши и содействовали местной анархии. Такая оговорка, разумеется, не могла успокоить общественного мнения, которое—не нам на это пенять—продолжает видеть во всех неприятных для Италии событиях австрийские интриги.

Эсад-паша, приезжавший два раза в Рим из Неаполя, где он пока поселился, был принят маркизом ди Сан-Джулиано. Последний мне сообщил, что изгнанный албанский военный министр утверждает, что он никогда не восставал против князи, что он был его верным слугой и что неизвестные ему влияния убедили князя ему не доверять. Князь же, как продолжал утверждать Эсад, или недостаточно прозорлив, чтобы отнестись критически к этим наветам, или же отдает себе отчет в их несправедливости и удалил его в угоду Австрии, считавшей его итальянским ставленником.

Сообщая мне об этой своей беседе, маркиз ди Сан-Джулиано мне сказал, что, не имея окончательного мнения о роли, сыгранной названным албанским вождем, он однако склонен думать, что его вина, если таковая существует, не столь велика, как утверждают австрийцы, так как нельзя применять к албанцам того же мерила честности, что и к европейцам: на Востоке нельзя проводить столь же строгой грани между добром и злом, как в цивилизованных странах.

Как мне также сказал маркиз ди Сан-Джулиано, Эсад-паша видит единственное спасение албанского государства в международной оккупации, так как, по его мнению, только при этом условии мог бы быть восстановлен порядок в стране. Не разделяя пока мнения в необходимости столь энергических мер, министр продолжает однако считать желательным посылку из Скутари в Дураццо для защиты князя и для подтверждения согласованности действий

[1] В указанной депеше Крупенский сообщал о речи Сан-Джулиано, произнесенной 26/13 мая в парламенте в ответ на запросы депутатов оппозиции относительно внешней политики Италии.

держав хотя бы маленького международного отряда, который имел бы сильное нравственное воздействие в Албании, и, если Россия не захочет послать туда своих моряков, то он надеется, что, по крайней мере, Франция и Англия, примут в конце концов участие в таковой демонстрации. В этом смысле римский кабинет продолжает телеграфировать своим послам в С.-Петербурге, Лондоне, Париже и Берлине. О десанте настоятельно просит не только албанский князь, но и его дядя, король румынский, который, — что, впрочем, неудивительно, — опасается за судьбу своего племянника.

Я ответил маркизу ди Сан-Джулиано, что мне не были сообщены намерения императорского кабинета, но что я лично весьма сомневаюсь, чтобы мы пожелали послать русских моряков защищать государственность, к учреждению которой мы дали согласие в Лондоне лишь из миролюбия и несмотря на то, что мы всегда полагали, что создание Албании—вынужденная ошибка и что, если допустить возможность преуспеяния этого искусственного государства, то это только под условием сохранения за ним автономного мусульманского характера под суверенитетом Порты. События оправдывают ныне эту нашу точку зрения.

Не в угоду, конечно, князю Виду и королю румынскому желает маркиз ди Сан-Джулиано посылки в Дураццо европейских десантов. Более чем когда-либо он всемерно стремится избегнуть отдельного австро-итальянского вмешательства, которое грозило бы выдвинуть еще ярче противоположность интересов Италии и Австрии и создать повод к серьезным недоразумениям между римским и венским кабинетом. А какое нам дело до этого? Не лучше ли для нас не препятствовать союзникам ссориться между собою?

Стараясь меня убедить в целесообразности посылки иностранных десантов, маркиз ди Сан-Джулиано прибег к несколько наивному аргументу, а именно, что присутствие международных флагов оказало бы услугу римскому кабинету и облегчило бы ему воздействие на Австрию в смысле полной постепенной интернационализации албанского вопроса во всех его проявлениях. В таком направлении министр продолжает еще с большим, чем доселе, усердием работать, указывая при этом, что согласие венского кабинета на интернационализацию банка было достигнуто, по его словам, благодаря непрестанным его усилиям. Его дальнейшие труды в этом направлении могли бы, как он опасается, легко оказаться бесплодными, если бы умиротворение Албании было достигнуто только австро-итальянским воздействием.

Желание интернационализации Албании находит также выра-

жение, и по тем же самым причинам, во всех органах итальянской печати, как правительственной, так и оппозиционной, и в защиту этой идеи официозная пресса приводит тот же подставной аргумент. Так, например, „Popolo Romano", следуя указаниям Консульты, пишет: „Если все державы должны в равной мере способствовать укреплению албанского государства, то вполне ясно, что они должны в столь же равной мере принять участие в эксплоатации страны. Нельзя же интернационализировать военные меры, которые требуются в Дураццо, не признавая в то же время необходимости интернационализации и экономических задач и специально Албанского банка". Совершенно верно. Из этого однако не должно следовать, чтобы принцип интернационализации Албании был нарушен в ущерб той или другой державы, которая не пожелала бы принять участия в оккупации страны. Эту точку зрения следовало бы, думается мне, особенно отметить.

Таким образом, из всего, что я вижу, слышу и читаю, следует заключить, что происшествия последних двух недель в Албании имели в Италии два последствия, находящиеся в тесной взаимной связи:

1. Заметное влияние в неблагоприятном смысле на австро-итальянские отношения, и

2. Ярко выражающееся желание как римского кабинета, так и общественного мнения Италии вообще интернационализации Албании во всех политических и экономических вопросах этой злосчастной страны.

Кроме албанских дел, заключение между Францией и Италией соглашения о подсудности в Тунисе и Триполитании подданных стран заслуживает также внимания императорского правительства. Оно имеет немалое политическое значение, и таковое придается ему как маркизом ди Сан-Джулиано, так и французским послом в Риме, чрезвычайно довольным, что ему, наконец, удалось после полуторагодовых стараний убедить Италию уступить в главном требовании, то есть согласиться на то, чтобы туземцы Триполитании, проживающие в Тунисе, наравне с тунисцами продолжали быть подсудными, несмотря на их нынешнее итальянское подданство, местным судам бея, а не французскому суду, которым судятся более цивилизованные европейцы. Соглашение это составляет бесспорный успех французской политики и будет в известной мере способствовать устранению недоразумений между Францией и Италией, влияние которых постоянно ощущалось в последние годы в международной политике.

Подробности этого вопроса были сообщены императорскому министерству в моем донесении от [27] 14 января с. г. за № 5[1]. О состоявшемся же теперь соглашении, на неминуемость которого я вам указывал в письме от 21/8 апреля[2], я доношу вашему высокопревосходительству в сегодняшней депеше за № 35[3], которую я также поручил составить советнику посольства д. с. с. Поггенполю.

Я только-что получил из Валоны под открытой печатью донесения нашего комиссара в Албании ст. сов. Петряева[4], которые поспешаю препроводить к вашему высокопревосходительству. Донесения эти мне показались чрезвычайно дельными и интересными. Они ярко освещают австро-итальянские отношения и дополняют все то, что я вам об этом писал. Отношения эти чрезвычайно озабочивают римский и венский кабинеты, которые стремятся, по крайней мере внешним образом, сохранить подобие доброго согласия. С этой целью были даны командирам итальянских и австрийских судов и дипломатическим представителям строгие инструкции в целях установления добрых отношений между ними и экипажами судов. Кроме того, как итальянский, так и австрий-

---

[1] В депеше от 27/14 января за № 5 Крупенский сообщает о франко-итальянском осложнении в связи с вопросом о подсудности в Тунисе мусульман — итальянских подданных. „Италия на осоовании трактатов о правах наибольшего благоприятствования требует. чтобы ее подданные триполитанцы-масульмане судились французским судом. Франция этого допустить не может, так как от этого сильно пошатнулася бы ее престиж в Тунисе..."

[2] См. т. II, № 253.

[3] В депеше от 2 июня/20 мая за № 35 Крупенский, излагая основные пункты франко-итальянского договора о юридическом положении в Тунисе выходцев из Ливии, пишет: „Заключение конвенции 28 мая 1914 года, являющееся логическим последствием и развитием отношений, установленных итало-французским соглашением 1902 года, служит указателем улучшения взаимных отношений между двумя средиземноморскими латинскими государствами на почве их культурного взаимодействия в Африке, где они намерены быть союзниками, а не конкурентами".

[4] Имеются в виду деп. от 29/16 мая за №№ 70, 71 и деп. от 30/17 мая за № 72. В последней Петряев писал, что „низвержение Эсада-паши и энергичное вмешательство Австрии в албанск. дела являются попытками этой державы ослабить успехи итальянской пропаганды в Албании... Последние месяцы Италия проявляет особенно лихорадочную деятельность в своем наступательном движении в Албании. Под этим политическим и экономическим натиском своей союзницы Австрия старается только лишь удержать свои прежние позиции и не допустить Италию проникнуть в сферы своего влияния. Борьба ведется упорная и тем более оригинальная, что официально она именуется австро-итальянским соглашением по албанским делам. Итальянцы несомненно, побивают своих соперников и удачно пользуются выгодами положения, которое создалось для них вследствие интернационализации Албании, ослабившей здесь влияние Австрии..."

ский секретари князя были отозваны. Насколько правительственное воздействие в данном случае необходимо, видно, между прочим, из прилагаемой при сем корреспонденции из Дураццо [1], появившейся в „Трибуне", в которой австрийцы обвиняются в разных происках, а спасителем Албании выставляется исключительно итальянский посланник в Дураццо барон Алиотти.

Если такие статьи печатаются в официозной газете, то ваше высокопревосходительство легко себе представите, что пишется против Австрии в оппозиционной прессе.

Австрийские же газеты, с своей стороны, не стесняются обвинять итальянского посланника в Албании во всевозможных кознях, что еще более возмущает здешнее общественное мнение.

Примите и пр. Крупенский.

Того же числа, вечером.

P. S. Я только-что видел министра иностранных дел, который еще раз просил меня не оставить вас, и с моей стороны, в неизвестности об его убеждении, что было бы чрезвычайно желательным, если бы, даже не высаживая десанта, Россия была представлена в Дураццо хотя бы маленьким судном.

Упомянув в разговоре с маркизом ди Сан-Джулиано о его речи в парламенте, я заметил, что, насколько можно судить, кажется, Турция более всего ею недовольна. „Кстати о Турции,— возразил мне министр,—не ей жаловаться, а мы ею недовольны, так как она опять посылает офицеров в Киренаику, что ею делается с целью затянуть нашу оккупацию Додеканеза".

Я, разумеется, отнесся к этому с полным недоверием и был тем более удивлен, когда, встретив в приемной министра турецкого посла и спросив его, допускает ли он возможность приписываемого Турции намерения, услышал от Наби-бея, что хотя Турция и желает скорейшего возвращения островов, но однако, ввиду того, что возможность войны между нею и Грециею не исключена, и он думает, что Порте несомненно выгоднее, чтобы столь ценный залог, как Двенадцатиостровие, продолжал до окончательного расчета с Грецией оставаться в руках Италии.

Позволяю себе при этом препроводить также к вашему высокопревосходительству вырезку из итальянской военной газеты „La Preparazione" от 31 мая [1]. В интереснейшей передовой статье ее излагается как нельзя яснее отношение Италии к албанскому во-

[1] Приложена в газетной вырезке.

просу и к совместному действию ее с Австро-Венгрией в Албании.

Ut in litteris.

Крупенский.

№ 141. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 101 [1]. 2 июня/20 мая 1914 г.

Срочная. Прошу срочных указаний.

Телеграфирую Извольскому, которому переслал ваш № 1013 [2].

Если я не телеграфировал тотчас же по получении телеграмм Извольского №№ 134 [3], 135 [3] и 133 [4], то лишь из боязни вызвать излишней перепиской задержку, могущую скомпрометировать дело, особенно ввиду слухов об отставке французского кабинета и спешно ведущихся в Берлине переговоров. С сегодняшнего утра появилось новое осложнение, которого я все время боялся; говоря о ходе берлинских переговоров, правительственные газеты разоблачают уже значительную часть нашего плана; это следовало ожидать, так как переговоры, в которые посвящено столько лиц, тянутся слишком долго. С другой стороны, из французских источников, близких ко двору, узнаю, что король будто бы неверно ждет (моего шага). Говоря в № 96 [5] о „формуле", я, конечно, думал только о ее финансовой стороне, а не политической, ибо эту последнюю мы можем учесть гораздо полнее, чем французское правительство. Тем менее допустимо стеснять заранее определенным „текстом" мой разговор с королем, которому, конечно, я никак не могу желать придать другого характера, как самого дружественного и отнюдь необидного для самолюбия, но тон и оборот которого я ставил (бы) в зависимость от обстоятельств минуты, которые могли бы быть оценены лишь на месте. Вполне ценя дружеское отношение и поддержку французского правительства считаю, что Маржери неправильно... [6] наше желание, „предлагая" нам „текст" сообщения, и что весьма щекотливо и бесцельно заставлять французского поверенного в делах делать правительству сообщение, конечная цель которого—удаление этого же правительства. Может быть, французский кабинет мог бы удовлетвориться,

---

[1] Опубл. Stieve, IV, № S. 126, 1355.

[2] См. выше № 130.

[3] См. выше стр. 129, прим. 4.

[4] См. выше № 111, прим. № 127.

[5] См. выше № 116.

[6] Пропуск в подлиннике.

если бы моему шагу был придан характер полной солидарности с Парижем. Считаю также, что предложенные мною в № 87 [1] безболезненные условия... [2] нынешнего правительства гарантируют эту перемену гораздо действительнее, чем предлагаемая французским правительством формула. Мысль французского правительства о возможности путем выдачи аванса влиять на направление болгарской политики, переданная в телеграмме Извольского № 135 [3], была выражена мною еще [20] 7 мая в № 87 [1]. Боюсь, что постоянное откладывание Маржери ответа в связи со всем вышеизложенным рискует скомпрометировать весь план. Меня также беспокоит отсутствие упоминания в вашей телеграмме об окончательном согласии наших банкиров. Считаю, что единственное, что может теперь спасти дело, это мое немедленное выступление, которому должно предшествовать согласие французских и наших банков и точное выяснение максимального аванса. Жду срочных и категорических инструкций.

Савинский.

№ 142. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

*/. Письмо. 2 июня/20 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Сперва законодательная сессия, а затем выборы в „учредительное собрание" всецело поглотили внимание румынского правительства и здешнего общественного мнения, заслоняя собою обыкновенно интересующие румын вопросы иностранной политики. Однако приезд в Бухарест Талаат-бея заставил румынский кабинет глубже вникнуть в несколько стоящих на очереди злободневных вопросов и вновь определенно формулировать свою балканскую политику, как я о том имел честь донести вашему высокопревосходительству секретной телеграммой от [29] 16 сего мая [2].

Еще задолго до поездки Талаата в Румынию, в части иностранной прессы и даже в некоторых здешних политических кругах ее связывали [3] с стремлением турецкого правительства воспользоваться некоторым существовавшим здесь против Греции неудовольствием из-за эпирского вопроса и не только обеспечить нейтралитет Румынии на случай вооруженного столкновения Турции с Грецией,

[1] См. выше, № 43.

[2] Так в подлиннике.

[3] См. выше, стр. 129, прим. 4.

[4] В документе, очевидно, ошибка: имеется в виду тел. от 31/18 мая № 93 (см. выше, № 129).

но и вообще привлечь здешнее королевство к союзу с Оттоманской империей и Болгарией. При этом было совершенно ясно, что последняя комбинация более всего содействовала бы видам австрийской политики, и мой турецкий коллега не скрыл от меня, что она поддерживается Австрией.

Я счел своим долгом своевременно предостеречь румынское правительство против подобных происков и получил от Братиану категорические заверения в том, что Румыния будет твердо отстаивать созданное Бухарестским трактатом положение на Балканах.

Талаат-бей говорил здесь со всеми довольно много и охотно. Он развивал главным образом мысль, что, пользуясь поддержкой Германии и убедившись в возможности установления самых дружеских отношений с Россией, Турция может считать себя в безопасности от великих держав. Однако на Балканском полуострове она остается изолированною, и ей необходимо вступить в более тесные отношения с теми или другими балканскими государствами, дабы обеспечить дальнейшее мирное развитие Оттоманской империи. Симпатии Турции склоняются прежде всего в сторону Румынии, а потому турецкое правительство желало бы заключить с ней союз, к коему могла бы потом примкнуть и Болгария. Талаат уверял при этом, что Турция не состоит в союзе с Болгарией, и из его слов можно было заключить, что турецкое правительство, желая поддерживать самые хорошие отношения со своей единственной соседкой в Европе—Болгарией, не захотело однако пока связать себя союзным с ней договором. Из объяснений турецкого министра становилось тоже довольно ясным, что те болгарские круги, которые подстрекают Турцию к войне с Грецией, предусматривают в случае успехов таковой приобретение Турцией Дедеагача и Лагоса, а Болгарией—Кавaллы и даже Салоник.

В беседах с румынскими государственными людьми Талаат-бей давал также заверения в миролюбии Турции и в ее искреннем желании консолидировать и развить свои владения путем мирного производительного труда. Однако эти заявления плохо вяжутся с тем упорством, с коим Талаат настаивал на сохранении за Турцией сюзеренных прав над островами Хиосом и Митиленой, взамен предоставления жителям последних довольно широкой автономии и уступки Греции некоторых островов Додеканеза. Так, в разговоре со мною и на мое замечание о том, что положение греческого правительства едва ли достаточно прочное, дабы позволить ему уступить в вопросе об островах,—Талаат ответил, что покупкой дредноутов Турция именно и желает дать кабинету г. Венизе-

лоса подавляющий аргумент, который побудит Грецию пойти навстречу турецким желаниям. Он не допускает даже мысли о войне между Турцией и Грецией из-за этого вопроса, так как Турция не начнет дипломатических переговоров об островах до тех пор, пока превосходство турецких морских сил над греческими не станет вполне очевидным, и мысль о сопротивлении со стороны Греции станет совершенно тщетной.

Как вашему высокопревосходительству уже известно, румынское правительство осталось в своих ответных заявлениях Талаат-бею верным выработанной Румынией в прошлом году программе ее балканской политики. Оно отказалось от союза или какого-либо письменного соглашения с Турцией и разъяснило турецкому министру, что, стремясь к поддержанию мира на Балканах на основах Бухарестского трактата, оно желает сохранить за собой полную свободу действий. Вместе с тем как король, так и г. Братиану в своих беседах с Талаатом преподали Турции советы благоразумия и старались отклонить ее от мыслей о реванше, о расширении ее европейских владений, о насильственном изменении решения держав в вопросе об островах и о какой бы то ни было агитации в Албании.

Понятно однако, что одновременно с этим румынское правительство не желало совершенно оттолкнуть от себя Турцию и этим бросить ее в объятия Болгарии. Оно также постаралось сделать возможное, чтобы содействовать сближению между Турцией и Грецией. Ввиду этого Талаату даны были заверения в искренней дружбе к Турции, в желании видеть ее сильной и способной обеспечить свободу плавания через проливы и в полной возможности для обоих государств, при условии следования Турции вышеупомянутым советам, действовать в будущем солидарно в целях поддержания мира на Балканском полуострове, даже без письменного о том соглашения. Талаату дано было также понять, что румынское правительство приветствовало бы соглашение между Турцией и Грецией по вопросу об островах, и обещано было возможное со стороны румынского правительства содействие к достижению этой цели.

В телеграмме моей от [29] 16 сего мая[1] я позволил себе упомянуть, что почти в момент отъезда своего из Бухареста Талаат-бей посетил меня вторично и сообщил, что румынское правительство согласилось заключить с Турцией „словесное“ соглашение об обес-

---

[1] См. предыд. прим.

печении мира на Балканах. Спустя несколько дней Братиану поведал мне, что румынское правительство действительно договорилось с Талаатом относительно следующих четырех пунктов: 1) ни Турция, ни Румыния не будут поощрять к войне другие балканские государства; 2) Румыния не допустит никаких военных действий на суше на Балканском полуострове или, выражаясь дипломатично, она сочтет таковые за нарушение Бухарестского трактата; 3) Турция будет стремиться мирным путем уладить с Грецией вопрос об островах, и румынское правительство окажет этому возможное содействие; 4) Турция воздержится от всякой агитации в Албании и будет по возможности содействовать установлению в этой стране прочного порядка. Братиану пояснил при этом, что Талаат-бей выразил полное согласие на первый пункт, второй является односторонним заявлением румынского правительства, а третий и четвертый пункты турецкий министр обещал обсудить с другими членами турецкого правительства в Константинополе.

Братиану не скрыл от меня, что вопрос об островах сильно озабочивает здешнее правительство, тем более, что до него доходят сведения о том, что греческое правительство уже спрашивает себя, не выгоднее ли ему, не дожидаясь прихода турецких дредноутов, вызвать теперь же вооруженное столкновение с Турцией. Первый министр находит, что Румыния должна поневоле остаться безучастной зрительницей возможной морской войны между Турцией и Грецией и что защитить последнюю могут только великие державы. В случае же отсутствия такой защиты Греции следовало бы отказаться от сюзеренитета над островами Хиосом и Митиленой взамен возможно широких со стороны Турции уступок. Этим путем за Грецией будет обеспечена возможность дальнейшего мирного ее развития и улучшения ее отношений к Турции в ущерб ныне замечаемой турецко-болгарской дружбы.

Насколько мне известно со слов здешнего сербского посланника, сербское правительство, будто бы, тоже склоняется к только-что упомянутой точке зрения г. Братиану.

Примите и пр. С. Поклевский-Козелл.

№ 143. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 160 [1]. 2 июня/20 мая 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 154 [2].

---

[1] См. выше стр. 85, прим. 2.

[2] См. выше № 69.

Продолжавшаяся все это время оппозиционная обструкция, мешавшая работам скупщины, побудила Пашича подать сейчас королю прошение об отставке кабинета. Прежде чем принять окончательное решение, король, вероятно, пригласит лидеров оппозиционных партий для совещаний. Составление кем-либо из них нового министерства представляется затруднительным, а посему наиболее вероятным исходом будет роспуск скупщины с предоставлением нынешнему кабинету производства новых выборов.

Гартвиг.

№ 144. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

/. Депеша № 30. 2 июня/20 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Здешний болгарский посланник, предпринявший, как сообщалось в моей депеше [21] 8 апреля № 23[1], поездку в Софию для выяснения вопроса о сербо-болгарских отношениях, вернулся в Белград с большим запасом добрых намерений, но, повидимому, без каких бы то ни было указаний практического свойства. Чапрашиков уверяет, что все политические деятели, не исключая и правительственных, с которыми он вел беседу по этому жгучему вопросу, признавали в интересах обоих государств необходимым положить конец взаимообвинениям и бесплодным препирательствам по поводу горестных событий минувшего года и приложить с обеих сторон все старания к восстановлению добрососедских отношений. Посланник добавил, что и сам король Фердинанд придерживается таких же взглядов, одобрив вполне его примирительную деятельность в Белграде.

К сожалению, все это пока лишь словесные излияния, которые дела не подвинут. Конечно, в искренности чувств и намерений лично Чапрашикова нет оснований сомневаться; но он один в поле не воин, и софийские правители, ведущие ныне у себя дома отчаянную борьбу с руссофильскими партиями, едва ли поддержат его добрые начинания. За последнее время было несколько случаев, когда в здешних общественных кругах возникала инициатива на практике осуществить сближение; так известны: во-1-х, приглашение белградской молодежи (Омладины) организовать встречу с софийскими студентами; во-2-х, попытка здешних выдающихся негоциантов возобновить переговоры об устройстве сербо-болгарской торговой палаты, проект которой был уже одобрен

[1] См. т. II, № 255.

с обеих сторон в начале 1912 года; и, наконец, в-3-х, возбужденное на недавнем заседании президиума славянских сокольских организаций предложение болгарам принять участие во всесокольском союзе,—предложение, горячо поддержанное сербскими делегатами, указывавшими на необходимость забыть прошлое и вновь объединиться.

Предложения эти однако не встретили никакого сочувствия в Болгарии; причем сербская Омладина получила в ответ грубый вызов на поединок со стороны некоторых членов софийской студенческой корпорации.

Продолжая все же беседы с Чапрашиковым на тему о сербо-болгарских отношениях, я не мог не обратить особого внимания моего коллеги на пагубное влияние, оказываемое в данном деле софийской печатью. Вовсе не выгораживая сербов, я однако без труда убедил его, что никогда белградские, даже так называемые подпольные листки не доходили до распространения о болгарах столь дерзкой клеветы, какую на-днях пустили о сербской армии выдающиеся софийские органы, сообщив о будто бы происходивших в Ристоваце расстрелах новобранцев из вновь присоединенных краев.

Признав справедливость моих доводов, Чапрашиков пришел к заключению о желательности воздействия на обоюдную прессу путем полюбовного соглашения между болгарскими и сербскими начальниками управления по делам печати. В этих видах он решил обратиться с ходатайством к своему правительству о разрешении названному болгарскому чиновнику прибыть в Белград для дружеских совещаний с здешним представителем управления в уверенности, что они сумеют изыскать средства умерить разнузданность повседневной печати, несомненно в большой степени препятствующей восстановлению нормальных отношений между обоими государствами.

Примите и пр. Ник. Гартвиг.

№ 145. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 31. 2 июня/20 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Доставленная мне директором Русско-Азиатского банка копия с письма[1] нашего посла в Париже на имя вашего высокопревосходительства от 26/13 мая сего года по вопросу об Адриатической

[1] См. выше № 89.

дороге оказалась для меня весьма ценной; я мог, предварительно переговоров г. Рафаловича с здешними министрами, выяснить в дружеской беседе с Пашичем ряд недоразумений, возникших по указанному вопросу вследствие не совсем точных заявлений, сделанных сербским представителем при французском правительстве.

Прежде всего Пашич мне откровенно сказал, что Веснич вообще не был в полном курсе переговоров по железнодорожным делам, а потому легко мог впасть в ошибку при толковании планов и намерений королевского правительства в вышеозначенной области. Так совершенно неверно,—что, впрочем, справедливо подметил сейчас же и гофмейстер Извольский,—будто совместная деятельность Русско-Азиатского и некоторых французских банков в сербских делах является нежелательной. Наоборот, участие русских кредитных учреждений в различных сербских предприятиях всегда считается здесь надежною гарантией против пагубных корыстных влияний Австро-Венгрии. И, как ваше высокопревосходительство изволите припомнить, королевское правительство, между прочим, согласилось на интернационализацию Восточной дороги только потому, что в этой комбинации предполагалось участие Русско-Азиатского банка.

Правда, что касается Франко-сербского банка, в свое время созданного исключительно в виде противовеса хищническому захвату Австрией всех финансовых операций в Сербии, то деятельность его часто идет тайно и явно вразрез с начинаниями парижских финансистов; однако влияние названного учреждения на здешние правительственные круги вовсе не так велико, как думает г. Веснич. И если зайдет речь о каких-либо предприятиях, в коих совместно заинтересованы русские и французские капиталисты, то сербское правительство в случае надобности всегда сумеет дать отпор интригам Франко-сербского банка.

Во всяком случае я сейчас же могу, со слов Пашича, опровергнуть полученное в Париже известие, будто сербское правительство ведет с Франко-сербским банком переговоры не только о постройке, но и об эксплоатации Дунайско-Адриатической дороги на сербской территории. В совете министров решено предоставить названному банку лишь сооружение линии Прахово—Пожаревац—Красна—Белград, пролегающий вне района вышеупомянутой дороги. О передаче тому же банку участка Приштина—Штимлья—Призрен—Дураццо не было и речи.

При этом председатель совета министров заявил мне категорически, что сербское правительство вовсе не помышляло о каких-

либо коренных переменах в проектированном в 1908 году общем плане сооружения Адриатической дороги, и что оно попрежнему считает желательным сохранение этого предприятия в руках образованного тогда русско-франко-итало-сербского синдиката с предоставлением однако участия в нем Румынии.

Вслед за объяснением со мною Пашич имел несколько свиданий с директором Русско-Азиатского банка, который, повидимому, остался вполне удовлетворенным полученными им сведениями. На основании бесед как с председателем совета министров, так и с министром финансов Пачу, г. Рафалович составил прилагаемую у сего в копии записку[1], которая, встретив одобрение Пашича, может послужить основой для дальнейших переговоров в Париже по вопросам железнодорожного строительства в Сербии.

В последнюю минуту, перед самым возвращением в Париж Г. Рафалович был несколько встревожен доверительным сообщением одного из деятелей Франко-Сербского банка, г. Новиля, поведавшего, будто г. Пачу предложил ему постройку участка Приштина—Призрен. Полагаю, что в этом кроется новая инсинуация со стороны названного банка, ибо не могу допустить, чтобы подобное разногласие существовало между председателем совета министров и министром финансов, особливо после вышеприведенных категорических заявлений, сделанных мне Пашичем.

Мне представляется весьма полезным, с чем согласен и Пашич, упоминание в записке г. Рафаловича о возможности реализации французскими финансистами займа для расчета с Восточным обществом за выкуп Сербиею принадлежащей последнему железной дороги. Это кажется тем более осуществимым, что и Дютаста и Витали уже ранее обещали сербскому правительству таковую помощь.

В заключение почитаю долгом сообщить, что переговоры г. Миллера с сербским правительством по вопросу о выкупе Восточной дороги благополучно завершились, и не сегодня—завтра должна быть окончательно определена и причитающаяся обществу выкупная сумма, которая не превысит 40—42 миллиона франков.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

---

[1] В записке представителя Русско-Азиатского банка в Париже Н. Рафаловича от 1 июня/19 мая излагались „желательные основы реализации жел.-дор. программы, проектируемые сербским правительством", именно указывались финансовые группы, которым предполагалось передать строительство.

№ 146. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Депеша № 32 [1]. 2 июня/20 мая 1914 г.

Я имел честь своевременно телеграфировать вашему высокопревосходительству, что сербское правительство с живейшей признательностью осведомилось о готовности императорского правительства притти на помощь Сербии отпуском из наших казенных запасов необходимых для нее вооружений.

Подсчет военных надобностей служил предметом всестороннего обсуждения как в генеральном штабе, так и в совете министров, вследствие чего дело это несколько затянулось. Лишь сегодня в последнюю минуту, перед самым отправлением курьера, Пашич доставил мне прилагаемое у сего в подлиннике письмо [2], из которого ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, насколько умеренны пожелания сербов.

Вместо первоначально исчисленного количества ружей—400 000—ныне здешнее военное министерство удовольствуется отпуском 120 000. Подобное сокращение вызвано было, конечно, тем обстоятельством, что, согласно полученному здесь известию, наши заводы поглощены в настоящее время изготовлением запасов для русской армии. Количество полевых и горных орудий, на отпуск коих уже заранее последовало принципиальное согласие нашего военного ведомства, показано без изменений.

Что касается упоминания в письме об обязательстве Сербии уплатить стоимость материалов по первой возможности, то, согласно объяснениям Пашича, возможность эта наступит тотчас же по заключении правительством нового займа, который и предназначается главным образом на военные надобности.

Я не стану утруждать внимания вашего высокопревосходительства изложением обстоятельств, которые побуждают сербское правительство спешить приведением своей армии в боевую готовность. Тревожное положение дел в Албании уже само по себе в достаточной мере оправдывает стремление сербов не быть застигнутыми врасплох. Посему я и позволю себе горячо поддержать ходатайство Пашича о возможно скорейшем отпуске военных припасов, перечисленных в его письме.

Более подробные данные о состоянии сербской армии и ее нуждах изложены в отправленном с сегодняшним курьером [3] состоя-

[1] Лит. копия.

[2] См. ниже приложение к публ. документу.

[3] Очевидно, пропущено слово: „рапорте".

щего при вверенной мне миссии военного агента полковника Артамонова на имя генерал-квартирмейстера.

Гартвиг.

Приложение [1].

Письмо председателя совета министров Сербии российскому посланнику в Белграде Гартвигу.

Monsieur le ministre,

En me référant à la note que j'ai eue l'honneur de remettre le [8 février] 26 janvier[2] de l'année courante à son excellence Mr. Sazonow, ministre des affaires étrangères de Russie, je prie votre excellence de vouloir bien informer le gouvernement impérial de Russie que selon l'avis pris de l'état-major général il est de toute urgence pour la Serbie d'avoir le plus tôt possible:

120 000 fusils avec 1500 cartouches par pièce;

24 longues pièces de campagne calibre $10^1/_2$ cm avec 500 obus par pièce;

48 canons de montagne dernier système avec 2 000 obus par pièce.

Le gouvernement royal de Serbie prie instamment le gouvernement impérial de Russie de lui céder le plus tôt possible les dites armes et munitions au pris de revient et le gouvernement royal de Serbie s'oblige d'effectuer le payement de la somme dûe aussitôt qu'il sera possible.

Dans la note susmentionnée, remise à son excellence Mr. Sazonow, jai eu l'honneur d'expliquer l'urgence extrême de cette demande, aujourd'hui d'autant plus pressante, que les pays voisins sont déjà sur le point d'achever leurs armements. Le gouvernement royal de Serbie sera infiniment reconnaissant au gouvernement impérial de Russie s'il répond favorablement à sa prière en l'aidant ainsi, dans ces moments difficiles, de compléter le plus tôt possible ses armements.

Pachitch.

Перевод.

Г. посланник,

Ссылаясь на ноту, которую я имел честь передать [8 февраля] 26 января тек. года его превосходительству г. Сазонову, министру иностранных дел России, я прошу ваше превосходительство известить императорское российское правительство, что, по мнению генерального штаба, Сербии крайне необходимо иметь как можно скорее:

120 000 ружей с 1 500 патронами на ружье,

24 больших полевых орудия калибра $10^1/_2$ *см* с 500 снарядами на орудие,

48 горных орудий последней системы с 2 000 снарядов на орудие.

Королевское сербское правительство настоятельно просит императорское рос-

---

[1] Лит. копия.

[2] В лит. копии, очевидно, ошибка: следует читать — [2 февраля] 20 января. См. т. I. № 161.

сийское правительство уступить ему как можно скорее указанное оружие и боевые припасы по себестоимости, причем королевское сербское правительство обязуется произвести уплату соответствующей суммы тотчас же, как это будет для него возможно.

В упомянутой ноте, переданной его превосходительству г. Сазонову, я имел честь указать на крайнюю спешность этой просьбы, сейчас тем более срочной, что соседние страны заканчивают свое вооружение. Королевское сербское правительство будет бесконечно благодарно императорскому российскому правительству если оно ответит на его просьбу в положительном смысле, способствуя таким образом, в настоящее трудное время, скорейшему завершению его вооружений.

Пашич.

№ 147. Поверенный в делах в Пекине министру иностранных дел.

Телеграмма № 255. 2 июня/20 мая 1914 г.

Французский посланник получил сегодня два идентичных письма от монгольского министерства иностранных дел с сообщением об объявлении Монголией своей независимости и о заключении с Россией торгового договора [1]. В письмах выражается также желание войти в непосредственные сношения с Францией, и для этого монгольское правительство просит назначить консула в Ургу и командировать туда представителя для заключения торгового договора, так как на основании русско-монгольского трактата оно имеет право предоставить иностранным державам те же права, что и России. В заключение министерство осведомляется, получены ли были французским правительством адресованные ему раньше два письма, на которые ответа до сих пор не получено. Г. Конти просит меня сообщить ему ваши пожелания относительно дальнейших шагов его правительства по сему поводу. До получения от меня ответа он задержит свою телеграмму в Париж. Прошу возможно срочных указаний. Сообщаю в Ургу.

Граве.

№ 148. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 134. 2 июня/20 мая 1914 г.

Монгольское правительство нотою запросило меня, когда предполагается открытие в Урге Монгольского национального банка согласно концессии Юферова[2], купленной Русско-Азиатским бан-

[1] Согласно тел. Граве от 4 июня/22 мая за № 259, „английский, германский и американский посланники получили от монгольского правительства письма аналогичного содержания, как и письмо г. Конти".

[2] Эта концессия была дана Юферову монгольским прав-вом 16/3 октября 1912 г.

ком, Международным Коммерческим банком и швейцарским гражданином Ремесиром. В ноте сказано, что статья восьмая этой концессии была во время пребывания Сайн-Ноин-хана в С.-Петербурге изменена согласно желанию покупщиков, о чем было доведено до сведения министерства иностранных дел[1]. Спешный характер запроса монгольского правительства указывает на какое-то новое поступившее к ним предложение о банке[2].

Прошу указаний.

Миллер.

№ 149. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

3 июня/21 мая 1914 г.

Le prince d'Albanie a, paraît-il, fait demander aux divers gouvernements représentés sur la Commission Internationale s'ils ne se verraient pas à même d'envoyer des détachements des troupes internationales dans l'Albanie centrale pour y être employés dans l'oeuvre de pacification. Son altesse estime que cette tâche exigera une torce de 3000 hommes.

Le gouvernement de sa majesté britannique ne se sent pas disposé à permettre l'emploi de troupes anglaises, mais il ne verrait pas d'objections à ce qu'une force internationale fût envoyée par les autres Puissances.

---

[1] Первоначально текст ст. 8 концессии гласил: „Банку не разрешается кредитовать, кроме монгольской казны, духовные казначейства, ханов, ванов и вообще никого из монголов". Сайн-Ноин-ханом во время пребывания его в СПБ, в декабре 1913 г., была передана в м-во ин. дел нота, в которой выражалось согласие изменить ст. 8 концессии таким образом: „Ст. 8. Банку вовсе не разрешается, кроме государственной монгольской казны, кредитовать: духовные казначейства, ханов, ванов и вообще никого из монголов на основании одних лишь печатей и знаков на документах. Как монгольская казна, так и хошуны и шабинское ведомство, не отвечает за какие-либо долги, произведенные без надлежащего согласия монгольского правительства. Тем не менее оно будет оказывать самое энергичное содействие к уплате долгов, если банк со своей стороны укажет точное имя должника, чьего он управления, где находится и кто его родственники".

[2] Тел. от 5 июня/23 мая за № 140 Миллер дополнительно сообщал, что, „по некоторым сведениям можно предположить возможность открытия в Урге в ближайшем времени японского банка". На посланный по этому поводу запрос послу в Токио (тел. тов. м-ра ин. дел от 7 июня/25 мая за № 1079) было получено сообщение (тел. Малевского-Малевича от 11 июня/29 мая за № 79), что, по предположению яп. м-ра ин. дел, „слухи об образовании японского банка в Урге являются вымыслом". В письме от 6 июня/24 мая за № 1361 Миллер сообщает, что, по имеющимся у него сведениям, „монгольские власти намерены признать выданную ими Юферову концессию, ввиду неиспользования таковой, недействительной и открыть свой банк в компании с кем-либо из русских или иностранных предпринимателей".

Перевод.

Князь Албании как будто запросил правительства, представленные в международной комиссии, не считают ли они возможным отправить международный отряд в центральную Албанию для ее умиротворения. Его высочество предполагает, что эта задача потребует 3 000 человек.

Правительство его британского величества не расположено дать разрешение на применение английских войск, но оно не видело бы препятствий к тому, чтобы другие державы послали международный отряд.

№ 150. Товарищ министра иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1032. 3 июня/21 мая 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 987 [1] и на телеграмму Гирса № 234 [2].

Ввиду того, что главное возражение наше вызывает редакция пятого параграфа соглашения, оговаривающего фактическую монополию государственных займов для Оттоманского банка, не представляется ли возможным получить оговорку о праве Салоникского банка заключать областные займы, гарантированные государственными доходами данной провинции или вилаета? Такая оговорка признавалась бы нами достаточной. Полагаем, что вопрос о совместительстве должностей может быть легче улажен соответственной комбинацией.

Нератов.

№ 151. Товарищ министра иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1036. 3 июня/21 мая 1914 г.

Сообщается в Валону, Вену и Берлин.

Передавая о твердом решении своего правительства укреплять международный характер управления Албанией, итальянский посол просил нашего содействия для проведения соответствующих мер, которые выразились бы:

1) в укреплении положения контрольной комиссии и

2) в придании ей в целях авторитета и безопасности международной военной силы или хотя бы судов.

Я ответил, что общая точка зрения, к которой ныне пришел римский кабинет, об интернационализации Албании всегда разде-

[1] См. выше № 106.

[2] См. т. II, № 258.

лялась нами. Что касается военной силы, то посылка нашего сухопутного отряда исключается, хотя мы не возражаем против выделения другими державами из скутарийских отрядов потребного контингента, если они это признают целесообразным.

Что касается возможной посылки в Албанию военных судов, которые могли бы служить прибежищем для европейских представителей, вопрос этот может быть подвергнут обсуждению в случае, если бы общее положение требовало бы подобного обеспечения для представителей. Если бы с нашей стороны было бы при известных условиях признано возможным прибегнуть к этой мере, то мы могли бы послать лишь наш пирейский стационер, с коего не может быть произведено сухопутного десанта. Помимо сего, посылка судна в Дураццо могла бы иметь место лишь в случае нахождения там контрольной комиссии, что вполне отвечало бы ее задаче быть в местопребывании центрального правительства.

Ввиду подобного же обращения Италии к парижскому и лондонскому кабинетам, желали бы знать их мнение.

Нератов.

№ 152. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/.Письмо [1]. 3 июня/21 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Со вчерашнего дня мы опять переживаем острые дни министерского кризиса. Г. Думерг, оказавший на выборах деятельную поддержку крайним левым партиям, одержавшим, благодаря ему, блестящую победу, очутился вследствие этой победы в крайне затруднительном положении: социалисты и радикалы-социалисты требуют от него точного применения их программы по трем главным вопросам: о трехлетней военной службе, об избирательной реформе и о фискальных мерах; с другой стороны, за свое пятимесячное пребывание у власти г. Думерг и большинство его коллег могли убедиться в абсолютной необходимости сохранить трехлетний срок службы под знаменами и дать удовлетворение ясно выраженной воле французской нации по двум остальным вопросам вопреки требованиям собственных их сторонников. Г. Думерг не нашел другого исхода из этой дилеммы, как подать в отставку. Кризис открывается при особенно трудных и запутанных обстоятельствах: палата еще не дала никаких указаний о своем истинном настроении, и никто не знает, какого рода в ней будет большинство. Со стороны уходящих министров и вожаков крайних левых партий делаются усиленные попытки

[1] Опубл. М., стр. 511—512.

доказать необходимость „концентрации влево" и составления кабинета из чисто радикальных элементов, с исключением умеренных— вроде Бриана, Мильерана, Барту и др. Как вам хорошо известно, симпатии президента республики всецело на стороне последних; во время последней своей поездки во внутрь Франции г. Пуанкаре весьма энергически и определенно высказался за сохранение трехлетнего срока и дал понять, что он отнюдь не отказывается от своего права выступать в качестве арбитра между партиями. Но вопрос, хватит ли у него мужества открыто порвать с грозным блоком крайних партий и составить кабинет, которому пришлось бы опираться на умеренные и даже, в некоторых вопросах, на правые партии. После проявленного им пять месяцев тому назад малодушия это более чем сомнительно. Сегодня настойчиво говорят о кабинете под председательством г. Вивиани, занимавшего в кабинете г. Думерга министерство народного просвещения, о котором я писал вам в моем последнем письме[1]. Г. Вивиани формально принадлежит к радикальному блоку и во время министерства Барту подал голос против трехлетнего срока; но, вступив в министерство Думерга, он признал необходимость лояльного применения этого закона. На мой взгляд, это—радикал типа Бриана, Мильерана и других бывших доктринеров, вразумленных опытом власти и ныне являющихся умеренными и практическими государственными деятелями. Если г. Пуанкаре решится поручить ему составление нового кабинета, то он, конечно, прежде всего потребует от него гарантии неприкосновенности закона о трехлетней службе. Говорят, впрочем, что левый блок не намерен требовать немедленной отмены этого закона и возвращения к двухлетнему сроку; дело, вероятно, окончится предложением с их стороны какой-нибудь формулы, приглашающей правительство стремиться в будущем к этой мере и подготавливать ее осуществление. По слухам, в кабинет Вивиани, вероятно, войдет г. Буржуа в качестве министра иностранных дел. Покуда же на Quai d'Orsay опять наступило полное безначалие. Со времени начала выборов г. Думерг был всецело поглощен избирательной борьбою, а затем переговорами с партиями. Все дела вел г. де Маржери, человек умный и знающий, но, естественно, лишенный авторитета. Все это, между прочим, в полной мере сказалось в вопросе о болгарском авансе. Несмотря на все приложенные усилия, г. де Маржери все еще не удалось преодолеть сопротивления банков, угнетаемых царствующим на здешнем денежном рынке беспримерным кризисом и неизвестностью относительно дальнейшей финан

[1] См. выше № 52

совой политики правительства. Все вышеизложенное,—вы, конечно, поймете,—создает здесь сейчас весьма неблагоприятные условия для быстрого обсуждения и разрешения вопросов внешней политики.

Примите и пр.

Извольский.

P. S. Только-что узнаю, что президент республики поручил составление кабинета г. Вивиани, у которого почти уже готов список новых министров. Поэтому можно ожидать, что министерский кризис быстро разрешится и что новый кабинет предстанет перед палатами уже в начале будущей недели.

Ut in litteris.

Извольский.

№ 153. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 102. 3 июня/21 мая 1914 г.

Копия в Париж.

Король отбыл вчера совершенно неожиданно в Эбенталь под предлогом, как мне сказал Добрович, годового дня рождения принцессы Клементины. Добрович настаивал на чисто семейном характере путешествия, которое должно продлиться дней 10. Что цель отъезда—избежать разговоров со мной и тем временем дать возможность подписать заем,—ясно по всему и, главное, по тону Добровича, который, очевидно, по приказанию короля, говорил мне только-что, что не только Радославов и министр финансов, но и Станчов утверждают перед королем, что французское правительство отказало Болгарии в займе, который ей однако крайне нужен, что условия, предлагаемые в Берлине, не такие уже тяжелые, как говорят, что переговоры Тончева зашли уже слишком далеко, что у него есть с собой полномочие и что заем будет, должно быть, подписан. Кроме того, он прибавил, что, когда передавал королю мой разговор [12 мая] 29 апреля то король заметил, что ему трудно переменить нынешнее правительство и что Радославов внушает ему полное доверие. Перед такими внушенными Добровичу словами мне ничего не оставалось, как сказать ему, что приведенные им факты и аргументы не отвечают действительности и что я боюсь, что Болгарии придется пожалеть о том, что предпринимает нынешнее правительство. Ничего другого от безответного Добровича, конечно, я добиться не мог. При наличности этого настроения, свидетельствующего о явном раздражении короля, что за истекший

месяц мы с Францией не сумели предложить ничего конкретного, и об открытом намерении следовать враждебному курсу, следует признать, что положение теперь почти безнадежное. Но, может быть, единственным средством остановить подписание займа было бы, если ваше высокопревосходительство нашли бы возможным исходатайствовать для меня высочайшее повеление немедленно испросить у короля аудиенцию, оговорив, что государь император выразил пожелание, чтобы аудиенция эта была мне дана до подписания займа. Еще действительнее была бы личная телеграмма его императорского величества к королю, но я не смею брать на себя предлагать это крайнее средство. Очевидно, что аудиенция имела бы смысл лишь в том случае, если бы я мог предложить что-либо вполне конкретное.

Савинский.

№ 154. Товарищ министра иностранных дел поверенному в делах в Пекине Граве.

Телеграмма № 1037. 4 июня/22 мая 1914 г.

Телеграмма № 255 [1] получена.

Благоволите разъяснить французскому посланнику, что шаг монгольского правительства является повторной попыткой добиться признания со стороны иностранной державы независимости Монголии вопреки решению России и Китая, наиболее заинтересованных в судьбе этой страны.

Малейшее поощрение этих притязаний монголов послужит прежде всего во вред им самим, так как затруднит предусмотренное последним Русско-Китайским договором соглашение их с Китаем при нашем посредничестве.

Продолжение же нынешнего неопределенного положения, очевидно, задержит нормальное развитие и обогащение страны и связанное с этим усиление ее значения как рынка для иностранной торговли.

Что касается заключения торгового договора, то для государства, не имеющего сухопутной границы с Монголией, таковой без предварительного урегулирования на предстоящих тройных переговорах ряда существенных вопросов остался бы практически бесплодным.

Мы рассчитываем поэтому, что французское правительство, приняв во внимание, что непосредственные сношения с ургинским пра-

[1] См. выше № 147.

вительством без всяких реальных выгод для Франции осложнили бы лишь задачи, преследуемые Россией в монгольском вопросе, воздержится и на этот раз, как это имело место при аналогичных обращениях монгол через французского консула в Харбине и посла в Петербурге, от всякого ответа монгольскому правительству [1].

Япония неизменно придерживается такого же образа действий.

[Нератов.]

№ 155. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Телеграмма № 1042. 4 июня/22 мая 1914 г.

Сообщается в Париж.

Согласно уведомления министерства финансов [2], участие наших

---

[1] Согласно тел. Граве от 5 июня/23 мая за № 261, франц. посланник обещал сообщить эти соображения своему прав-ву и высказал предположение, что „к этому выступлению монголов отнесутся в Париже, как и к предыдущим". Английский посланник решил послать „полученное им письмо в Лондон без всяких комментариев". В депеше от 9 июня/27 мая за № 40 Граве сообщал, что намерения посланников Германии и США ему пока неизвестны, так как он их не спрашивал, „не желая давать им повода заключить, что мы придаем существенное значение подобному шагу монгольского правительства". Свою осторожность Граве объясняет тем, что кит. прав-во усматривает в обращении монголов к иностранным державам новые интриги России, пытающейся „оттянуть начало переговоров в Кяхте и обеспечить себе в Халхе новые преимущества".

[2] В дополнение к письму своему от 30/31—17/18 мая за № 150 (см. выше, стр. 107, прим. 1) м-р фин. Барк письмом от 4 июня/22 мая за № 154 на имя Нератова сообщил, что представители С-Петербургского Учетного и Ссудного, Русско-Азиатского и Азовско-Донского банков согласились „участвовать суммой от 25—30 миллионов франков в выдаче совместно с французскими банками нового аванса Болгарии" на условиях, изложенных в публикуемой тел. Нератова. Барк сообщал также, что означенные банки, известившие о своем согласии Парижско-Нидерландский банк, получили от последнего телеграфный ответ от 30/17 мая, что „во Франции дело еще не сделано". В дополнение к этому при письме от 11 июня/29 мая за № 156 на имя Нератова м-р фин. препроводил копию конфиденц. письма Парижско-Нидерландск.банка С.-Петербургскому Учетному и Ссудному банку от 3 июня/21 мая: „Вы нас извещаете,— сообщалось в этом письме, — что в результате переговоров вашего председателя с его превосходительством г. министром финансов России и, следуя желанию его превосходительства г. министра иностранных дел России, вы согласны авансировать болгарскому правительству вместе с Русско-Азиатским банком и Азовско-Донским коммерческим банком сумму от 25 до 30 миллионов франков в обмен на обязательства казначейства. Переговоры были действительно начаты с целью предоставления болгарскому правительству аванса, в котором, по нашему заявлению, вы склонны участвовать в указанной выше сумме, но в настоящий момент эти переговоры не представляются близкими к завершению; это-то и вызвало нашу сегодняшнюю телеграмму, текст которой при сем воспроизводится". (Подлинник на франц. яз.).

банков в совместной с Францией выдаче аванса Болгарии могло бы выразиться в цифре от 25 до 30 миллионов франков, причем уплата могла бы произойти лишь под выдачу бонов казначейства на тех же условиях, что и в прошлый раз[1]. Можете формулировать соответствующее предложение по получении согласия Франции.

Нератов.

№ 156. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Телеграмма № 1048. 4 июня/22 мая 1914 г.

Сообщается в Париж.

Ваша телеграмма № 102[2] получена. Ссылаюсь на мою телеграмму № 1042[3].

Полагаю нежелательным испрошение вами аудиенции. Равным образом не считаю возможным испрашивать высочайшего соизволения на обращение, так или иначе исходящее от лица государя императора в данном вопросе.

Если окажется возможной формулировка наших предложений на известных уже вам основаниях через Добровича, устно или с передачей ему письменного личного вашего сообщения королю, не возражал бы против этого. В случае отклонения этого предложения, полагаю, что нам можно было бы отнестись к этому вполне спокойно, ибо в конце концов мы гораздо более нужны Болгарии, чем она нам. Рано или поздно она это поймет, и тогда обращение ее к нам будет более искренно и плодотворно.

Нератов.

№ 157. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 143. 4 июня/22 мая 1914 г.

Reçu lettre No 428[4].

En ai parlé à Crowe, qui ne peut pas se prononcer avant retour de Grey. Il ne me cacha cependant pas grosses difficultés qu'il prévoyait au sujet concession pour travaux irrigation. Le gouvernement persan déploie ici activité énergique en attirant attention sur nos soi-disant tendances soumettre nord de Perse à administration incontrôlée de Russie. Crowe me dit que, d'après rapport de Buchanan, vous ne vous

[1] Т. е. в 1912 г.

[2] См. выше № 153.

[3] См. выше № 155.

[4] См. выше № 107.

opposeriez plus entièrement à présence officiers suédois dans région Ispahan; mais il croit que obtenir concession irrigation ou augmentation d'effectif de brigade cosaque serait extrêmement difficile, à moins certaines concessions de notre part par rapport à la réorganisation de cette brigade en ce qui concerne surtout le commandement et corps d'officiers. Ministre de Perse se plaint aussi du mode de perception incontrôlée des taxes dans nord, et journaux reproduisent ces derniers jours correspondances défavorables pour nous à ce sujet émanant sûrement de source officielle persane.

Benckendorff.

Перевод.

Получил письмо № 428.

Говорил о нем Кроу, который не может высказаться до возвращения Грея. Тем не менее он не скрыл от меня тех больших затруднений, которые он предвидит по вопросу о концессии на ирригационные работы. Персидское правительство проявляет здесь энергичную деятельность в целях привлечения внимания к нашему мнимому стремлению подвергнуть Север Персии бесконтрольному управлению России. Кроу мне сказал, что, по донесению Бьюкенена, вы больше не будете безговорочно возражать против пребывания шведских офицеров в районе Исфагани; но он считает, что будет чрезвычайно трудно добиться концессии на ирригацию или увеличения состава казачьей бригады, по крайней мере, без некоторых уступок с нашей стороны в отношении реорганизации этой бригады, в особенности ее командования и офицерского корпуса. Персидский посланник также жалуется на способ бесконтрольного взимания налогов на Севере, и в последние дни газеты печатают по этому вопросу неблагоприятные для нас корреспонденции, несомненно исходящие из официального персидского источника.

Бенкендорф.

№ 158. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 144 [1]. 4 июня/22 мая 1914 г.

Продолжение № 143 [2].

Посол отбыл из Лондона на 3 дня. Грей, только-что вернувшийся, пригласил меня к себе специально, чтобы подтвердить от своего имени все, что высказал Кроу. Упомянув лишь о продолжающемся занятии Северной Персии нашими войсками, он обнаружил особенное беспокойство полученными сведениями о полном, по его словам, сосредоточении финансового хозяйства в руках наших консулов, всецело отстранивших бельгийскую финансовую ад-

[1] Опубл. Siebert, III, S. 280, № 1057.

[2] См. выше № 157.

министрацию. Генерал-губернатор Азербайджана,—прибавил министр,—повидимому, находится в полном подчинении у русских консулов, ныне единолично заведующих делом взимания податей и их расходованием. Министр откровенно заметил мне, что подобное положение вещей затрагивает интегритет Персии и едва ли соответствует букве нашего соглашения 1907 года. Грей предвидит запрос по этому вопросу в парламенте и пока предполагает уклониться от прямого ответа заявлением, что обменивается взглядами с императорским правительством. Он занят приготовлением записки, которую вручит послу через несколько дней, но просил меня довести о вышеизложенном до сведения вашего высокопревосходительства. У меня получилось впечатление, что он предусматривает необходимость пересмотра соглашения.

Эттер.

№ 159. Статс-секретарь по иностранным делам Грей английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

Телеграмма [1]. 4 июня/22 мая 1914 г.

I have pointed out to Monsieur de Etter that the Anglo-Russian Agreement of 1907 was not an agreement for the partition of Persia but was based on the independence and integrity of that country. The object of the spheres of interest was to indicate where commercial concession could be sought by the two Powers respectively.

I observed that I had always explained the occupation of Northern Persia by Russian troops by saying that Russia was entitled to take measures essential for the protection of her trade and interests in times of disorder, though it was, if considered technically, a breach of the Anglo-Russian Agreement.

It was, however, impossible, to explain in the same way the collection of taxes by Russian officials without any accounts being rendered, the displacement of the Belgian financial administration, and the fact that the Governor General of Azerbaidjan refused to acknowledge the orders of the Persian Government but took his orders from Russian officials.

I asked Monsieur de Etter how Monsieur Sazonow himself could possibly explain how the interference with finance in particular and the above proceedings in general could be reconciled with the basis of the 1907 Agreement.

[1] Тел. была получена в Лондоне Бенкендорфом и переслана 15/2 июня в СПБ., в дополнение к телеграмме № 147 (см. ниже № 207).

The same proceedings had begun at Ispahan and were spreading into the neutral zone, which made the matter still more serious. Anglo-Russian friendship was being sacrificed to the collection of taxes in Persia, but I was sure that the Russian Government did not intend that this should happen.

The majority of both political parties in this country had hither to supported the policy of Anglo-Russian friendship, but, if the proceedings described above continued, it would not be possible for me to maintain this situation.

I told Monsieur de Etter that I was having a memorandum drawn up and that when the Russian Ambassador returned next week I should discuss the matter with His Excellency. Unless the matter is mentioned to you, you need not open the question at St.-Petersburg till you see Monsieur Sazonow in the ordinary course.

A full report is being sent you by mail of a conversation between Monsieur de Etter and Sir E. Crowe while I was away. I told Monsieur de Etter that I entirely approved what Sir E. Crowe said on his own initiative on that occasion.

Перевод.

Я указал г. Эттеру, что англо-русское соглашение 1907 г. не является соглашением о разделе Персии, но что оно основывается на независимости и неприкосновенности этой страны. Сферы влияния были установлены с тем, чтобы определить, где каждая из обеих держав может искать концессий.

Я заметил, что оккупация Северной Персии русскими войсками объяснялась мною всегда тем, что Россия в праве принимать нужные меры для защиты своей торговли и своих интересов во время беспорядков, хотя, если рассматривать эту оккупацию с технической точки зрения, то она представляет нарушение англо-русского соглашения.

Однако невозможно объяснить таким же образом взимание налогов русскими чиновниками, без представления какого-либо отчета, смещение бельгийской финансовой администрации и то обстоятельство, что генерал-губернатор Азербайджана отказывается признавать распоряжения персидского правительства и получает приказания от русских должностных лиц.

Я спросил г. Эттера, как может сам г. Сазонов согласовать, например, вмешательство в финансы, а также указанные выше действия в целом с основами соглашения 1907 г.

Те же действия начались в Исфагани и распространяются в нейтральную зону, что делает вопрос еще более серьезным.

Англо-русская дружба приносится в жертву взиманию налогов в Персии, но я уверен, что российское правительство не имело таких намерений.

До сих пор большинство обеих политических партий в Англии поддерживало политику англо-русской дружбы, но если вышеописанные действия будут продолжаться, то для меня окажется невозможным поддержать это положение.

Я сказал г. Эттеру, что у меня приготовлен меморандум и что когда российский посол на следующей неделе вернется, то я буду обсуждать этот вопрос с его превосходительством.

Если вам не будет дано по этому поводу указаний, то вы не должны подымать этого вопроса в С.-Петербурге, пока у вас не будет обычной встречи с г. Сазоновым. Вам послан по почте подробный отчет о разговоре, происшедшем между г. Эттером и сэром Э. Кроу во время моего отсутствия. Я сказал г. Эттеру, что я целиком одобряю то, что сэр Э. Кроу сказал тогда по своей собственной инициативе.

№ 160. Посол в Париже министру иностранных дел.

Депеша № 191. 4 июня/22 мая 1914 г.

29/16 сего мая между французским и итальянским правительствами заключено в Риме соглашение о юридическом положении новых ливийских подданных Италии во время пребывания их в Тунисе, а равно тунисских уроженцев—[в] Ливии. Необходимость выработать по сему вопросу определенные правила вызывалась, после установления в Ливии итальянского владычества, тем обстоятельством, что французское законодательство не предоставляет полной гражданской равноправности местным уроженцам своих собственных северо-африканских владений и протекторатов и что посему правительство республики, конечно не могло согласиться признать такую равноправность за уроженцами Ливии, или приравнять их к коренным итальянским подданным, которым в Тунисе обеспечено привилегированное положение на основании трактата 1896 года.

Упомянутое новое соглашение обеспечивает за местными уроженцами Туниса в Ливии и ливийскими уроженцами в Тунисе права, предоставленные мусульманам, подданным наиболее благоприятствуемой иностранной державы. При этом ливийские выходцы признаются, во время пребывания их в Тунисе, подсудными той же юрисдикции, что и местные уроженцы, причем копии обращаемых к ним судебных повесток будут лишь для сведения сообщаться итальянским консульским властям.

Засим ряд статей соглашения посвящен организации пограничного полицейского надзора, что представляет особое значение в этих пустынных краях, с кочевым народонаселением, которое беспрестанно переходит границу и, затем, в зависимости от своих личных выгод, настаивает на принадлежности своей то к тому, то к другому подданству. По этому последнему вопросу, о выяснении подданства, соглашением признаются компетентными в Ливии итальянские суды, а в Тунисе—французские.

---

[1] Лит. копия.

Заключение упомянутого соглашения признается здесь весьма благоприятным фактом, несомненно имеющим отразиться на устранении между французским и итальянским правительствами тех постоянных, хотя и мелких, недоразумений, которые возникали на указанной почве со времени завоевания Италиею Триполи.

С другой стороны, упомянутое соглашение имеет значение и с более общей политической точки зрения. Как известно, итальянское правительство, до последнего времени, упорно уклонялось от переговоров с французским относительно выяснения юридического положения обоюдных туземных подданных в Тунисе и Ливии. Обстоятельство это свидетельствовало об отсутствии у римского кабинета желания быть приятным французскому правительству, а с другой стороны, внушало здесь опасения каких-то затаенных замыслов, питаемых Италией по отношению к сопредельному с ее новыми владениями французскому протекторату.

Обнаруженная ныне готовность Италии пойти навстречу желанию парижского кабинета о заключении соглашения объясняется, между прочим, как сказал мне недавно г. Думерг, тем обстоятельством, что на почве возникшего между Италией и Австро-Венгрией соревнования в Албании и проистекающих от сего трений римский кабинет, повидимому, стремится найти опору своей политике у держав Тройственного согласия и старается поэтому улучшить свои отношения с последними.

Примите и пр.

Извольский.

№ 161. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Депеша № 20. 4 июня/22 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как ваше высокопревосходительство изволите припомнить, в прошлом году, по почину главным образом здешних крайних социалистических депутатов окраски г. Жореса, к которым примкнули некоторые неисправимые идеалисты-пацифисты, вроде известного г. д'Эстурнель де Констан, была созвана в Берне франко-германская междупарламентская конференция, на которую с немецкой стороны явились преимущественно члены социалистической группы рейхстага и лишь немногие представители более умеренных партий.

В этом году, на основании постановлений Бернской конференции, был созван особый „Постоянный междупарламентский франко-германский комитет" в городе Базеле, куда прибыли из Германии

двадцать депутатов, получивших на то, как сообщают газеты, уполномочие от 207 членов рейхстага, принадлежащих ко всем партиям, кроме консерваторов. Со стороны Франции подобное уполномочие было дано от имени 315 членов палаты депутатов, принадлежащих к партиям социалистов, радикалов-социалистов и радикалов, с полным, впрочем, устранением всех умеренных элементов. Из членов сената прибыли левые республиканцы гг. д'Эстурнель де Констан, де Ла Батю и Гастон Менье.

Съехавшиеся депутаты имели лишь одно заседание, к тому же продолжавшееся не более часа. На нем была принята резолюция, которую считаю долгом препроводить у сего к вашему высокопревосходительству в газетной вырезке. В ней упоминается об опасности взаимного недоверия, наблюдаемого между Германией и Францией, о вреде обоюдной агитации шовинистской прессы, об угрожающем делу цивилизации и благосостояния народов все растущем бремени вооружений и пр.

Комитет постановил, ввиду всех этих тревожных симптомов, удвоить свои усилия в целях обнаружить стремление к сохранению мира, которое одушевляет подавляющее число как немецкой, так и французской наций.

В этих видах он будет настойчиво рекомендовать обоим правительствам прибегать для улажения могущих возникнуть между ними несогласий к арбитражу Гаагского трибунала.

В качестве практической меры, имеющей содействовать дальнейшему франко-германскому сближению, комитет решил созвать в течение текущего года, в один и тот же день, в Германии и во Франции междупарламентские конференции, в которых должны принять участие все парламентские деятели обеих стран, примкнувшие к программе прошлогодней Бернской конференции.

Характерно, что наиболее жгучие политические вопросы, разъединяющие оба правительства, и, в частности, главнейший из них—об Эльзас-Лотарингии, были обойдены на означенном собрании полным молчанием. Очевидно, что на этой почве невозможен разговор даже между самыми ярыми сторонниками франко-германской дружбы.

Большинство здешней прессы относится ко всему этому делу весьма скептически. Она лишь с осуждением отмечает согласие французских делегатов расписаться под резолюцией, в равной мере осуждающей агрессивные, будто бы, стремления обеих стран, тогда как исторический опыт, особенно последних 9 лет, достаточно свидетельствует, что опасные обострения между Францией

и Германией всегда возникали по почину последней, а никак не первой, обнаружившей, наоборот, хотя бы после Агадирского инцидента, величайшее миролюбие и уступчивость.

Газеты отмечают также опасность Базельской конференции в том отношении, что если французские депутаты, на ней участвовавшие, действительно могут, убаюканные красивыми фразами о грядущем сближении с Германией, добиться ослабления военной готовности своей родины на восточной границе, то государственный строй Германии абсолютно лишает той же возможности их немецких коллег, торжественные резолюции которых останутся попрежнему чисто платоническим и даже, быть может, не вполне искренним изъявлением их личных взглядов.

Примите и пр.[1].

Извольский.

№ 162. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 103[2]. 4 июня/22 мая 1914 г

Копия в Париж.

Нужно думать, что остановить теперь подписание займа нам вряд ли удастся, и поэтому наши усилия в настоящее время должны (быть) направлены на воспрепятствование его вотированию в народном собрании. Я говорил вчера в этом смысле с Малиновым. По его словам и по другим сведениям, среди правительственных депутатов все более и более укрепляется мнение о невыгодности условий займа для страны. Это мнение разделяется, но уже по личным соображениям, как турецкими депутатами, так и другими табачными производителями и американскими и английскими табачными компаниями[3]. Депутаты боятся, что, согласившись на берлинские предложения, они заставят страну терять в будущем ежегодно до 6 и более миллионов франков; навлекут неудовольствие своих избирателей за пренебрежение их личными интересами; промышленники же и компании протестуют исключительно с точки зрения нарушения их материальных выгод. Оппозиция уже занята группировкой всего материала, который может послужить ей для дебатов в собрании; я стараюсь

[1] К депеше приложена газетная вырезка, передающая резолюцию Постоянного междупарламентского франко-германского комитета.

[2] Опубл. Stieve, IV, S. 129, № 1358.

[3] У Stieve: „...sowie die Englisch-Amerikanische Tabak-Compagnie".

помогать ей всеми имеющимися в моем распоряжении средствами: разговорами, разъяснениями на словах и в печати и т. д. Весьма ценным средством для этой цели было бы категорическое и компетентное разрушение созданной и аккредитованной здесь дворцом и правительством легенды о том, будто болгарское правительство в свое время обратилось с просьбой о займе к Франции, которая ответила отказом, после чего болгарскому правительству только и оставалось, что обратиться в Берлин. У нас и в Париже есть неоспоримые доказательства лживости этих утверждений, и я считаю, что, если французское правительство [1], в данном случае единственно компетентное [2], выступит с официальным опровержением, это имело бы громадное значение для исхода голосования в собрании. Здешний французский поверенный в делах разделяет мое мнение и телеграфировал в этом смысле своему правительству. Не сочли ли бы ваше высокопревосходительство нужным вызвать возможно скорее подобное заявление французского правительства и с своей стороны поддержать? Это заявление французы могли бы сделать в Софии путем передачи Радославову и Добровичу соответствующей памятной записки, которая могла бы [быть] потом предана самой широкой огласке, а в Париже посредством сообщения в официальной печати. Мы же могли бы поддержать это заявление путем, какой ваше высокопревосходительство признаете наиболее целесообразным.

Савинский.

№ 163. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 307. 4 июня/22 мая 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 267 [3].

Повидимому, Джавид имеет некоторые опасения, что немцы не удовлетворятся одновременным введением турецкого делегата в Совет оттоманского долга для допущения туда нашего представителя, так как, по его же словам, он стремится рядом с этим убедить французов согласиться и на очередное председательство немцев.

Гирс.

[1] У Stieve: „Frankreich".

[2] У Stieve эти 5 слов отсутствуют.

[3] См. т. II, № 413.

№ 164. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 308. 4 июня/22 мая 1914 г.

Копия в Бухарест.

Ссылаюсь на телеграмму Поклевского № 93[1].

От лиц, окружающих Талаата, мне сообщают, будто бы что он не скрыл от них впечатления, о безрезультатности своей поездки, несмотря на расточавшиеся ему румынами любезности. Румыны твердили ему о ненарушимости постановлений Бухарестского мира, убеждали его в невозможности не только обратного получения Солуни для Турции, или создания автономной Македонии, но и каких бы то ни было территориальных исправлений. Ему выражали, будто бы, готовность взять на себя посредничество в вопросе об островах на приемлемых для Греции условиях, причем высказывали уверенность, что „сюзеренитет" султана встретил бы со стороны Греции меньше сопротивления, нежели „суверенитет". Предложение его о заключении румыно-болгаро-турецкого блока осторожно отклонили, выдвигая вместо такового коммерческое соглашение между названными державами, к которому была бы привлечена и Сербия. Лично мне Талаат говорил, что на выражения румынской дружбы он ответил, что его коллеги по министерству отнесутся к нему с некоторым недоверием, если он привезет из Бухареста лишь те же общие уверения, которые были высказаны в Румынии Хакки-паше в бытность его великим визирем, уверения, не принесшие пользы,—поэтому он просил снабдить его более конкретным предложением. Ему было, будто бы, тогда высказано, что, может быть, окажется возможным установить между Турцией и Румынией отношения, подобные существующим между Францией и Англией. Дальнейшая формулировка этих отношений должна была быть выработана в Константинополе, о чем он и предупреждал Поклевского, но до сих пор к выработке ее еще не приступали.

Гирс.

№ 165. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 311. 4 июня/22 мая 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 991 от [22] 9 ноября 1913 г. [2].

---

[1] См. выше № 129.

[2] Тел. от 22/9 ноября 1913 за № 991 Гирс сообщал: „По словам итальянского поверенного в делах, ему удалось добиться от турок отказа австрийцам в их домогательстве получить концессию в Айяле".

Великий визирь поведал мне, что австрийский поверенный в делах настойчиво ходатайствует о предоставлении Австрии концессии на железнодорожную ветку от Гемлека в Бруссу и далее в глубь страны, не требуя никакой километрической гарантии. Великий визирь добавил, что ходатайство это находится еще на рассмотрении министерства общественных работ и в совет министров еще не поступало. Слова великого визиря расходятся с утверждением Джавида, что совет министров уже отклонил домогательство Австрии и что правительство никоим образом не желает допустить образования новой чужестранной сферы влияния. По проверке положения вопроса донесу.

Копия в Вену.

Гирс.

№ 166. Заведующий отделом Среднего Востока посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1060 [1]. 5 июня/23 мая 1914 г.

Персидская миссия неоднократно передавала жалобы тегеранского кабинета на ваше распоряжение относительно инкассирования малиата с русско-подданных и покровительствуемых нашими консульствами. Мы отвечали, что мера эта, принятая по соглашению с главным казначеем, полезна для шахского правительства, обеспечивая правильное поступление податей и устраняя постоянные жалобы на уклонение означенных плательщиков от уплаты. На заявление, что установленный вами порядок фактически упраздняет малиатное управление, нарушая тем суверенные права шаха, мы возражали, что это не так, ибо определение размера податей и наблюдение за правильным их получением попрежнему остается за сказанным управлением, которое будет лишь действовать по соглашению с консульствами. Засим, если вследствие установленного порядка сократится работа малиатных управлений [2], то можно будет лишь с большою выгодою для персидской

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 2 июня/20 мая за № 403 Орлов сообщал, что „дела малиатного управления, вследствие отказа русско-подданных и покровительствуемых платить, очень печальны, и что вряд ли окажется в состоянии оплачивать гражданскую администрацию и казаков". „Если, — пишет Орлов, — бельгийцы перестанут платить жалованье бригаде и администрации, они докажут свою бесполезность и даже вред для финансов края. Полагал бы в таком случае необходимым изъять из их ведения финансы и поручить надзор за сбором малиата главным образом с (на) турок, чего мы не можем пока взять на себя, одному специалисту-армянину".

казны уменьшить штат служащих в этих управлениях. Мы впрочем добавляем, что считаем не исключенной возможность некоторого компромисса между вами и шахским правительством, которому следует обращаться по этому делу к вам.

На-днях английский посол передал, что турки добиваются в Тегеране таких же льгот для своих подданных и протеже [1]. Принимая во внимание нежелательность распространения принятого нами порядка на других иностранцев, временно управляющий министерством полагает, что было бы желательно:

1) Не выдвигать на первый план наших консулов, а поставить дело так, чтобы в сборе малиата действовал банк лишь под наблюдением консульств, которые принимали бы, в случае надобности, понудительные меры; тогда можно было бы указать туркам, что консулы ни при чем, а действует банк, какового у них нет.

2) Попытаться найти компромисс, который несколько щадил бы самолюбие персов. Например, консулам не следовало бы заходить слишком далеко в распространении своей компетенции на персидско-подданных [2], можно было бы предоставить бельгийцам известное участие в определении размера податей и проверке их поступления и т. п. Морнару можно было бы дать понять, что заключение им с банком соглашения относительно поступления в последний всех сборов Северной Персии на основаниях 1912 г.

---

[1] В секр. донесении от 7 мая/24 апр. за № 237 Введенский сообщал, что турецкий консул в Урмии секретным донесением в Константинополь, „указывая... на агрессивность русской политики в Азербайджане", приводил данные, „характеризующие наступление резкого поворота в нашей [т. е. русской] политике на Севере Персии", и, между прочим, обращал внимание своего прав-ва на „вопрос о малиате, с которым, по его мнению, начинается полнейшая потеря Персией в Азербайджане своих суверенных прав".

[2] В сообщенной правлением Учетно-Ссудного банка в м-во выписке из бюллетеня урмийского агентства за май месяц, после перечисления отдельных мероприятий вице-консульства (строгое запрещение русско-подданным и покровительствуемым „передавать свой малиат в персидские учреждения", посылка писем „самым крупным персидским помещикам" „с предложением вносить малиат в вице-консульство", делается вывод: „Надо предполагать, что при таком отношении к делу консулов малиат всецело перейдет в руки русских"... В аналогичной выписке мешедского отделения указывается, что „без поступлений в наши кассы сборов малиата мы будем постоянно испытывать денежный голод и выпускать из рук экспортные сделки", и что в Мешеде „решено пользоваться всякими случаями и придирками, дабы увеличить число персов, состоящих под русским покровительством". Но все это, говорится в бюллетене, „полумеры, исполнение которых может принять затяжной характер, в результате мы получим все-таки незначительные средства, а главная масса податных поступлений будет в руках английского банка".

дало бы нам возможность значительно смягчить принятую нами меру.

Не откажите телеграфировать ваше заключение и что вы признаете возможным сделать в этом направлении [1].

Клемм.

№ 167. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Цетинье Гирсу.

Телеграмма № 1063. 5 июня/23 мая 1914 г.

Благоволите передать генералу Потапову:

Ссылаюсь на мою телеграмму № 828 [2].

Сербское правительство снова обратилось к нам с просьбой оказать содействие в разграничительной комиссии расширению новой сербской границы к северу от Дибры и юго-западу от Призрена с включением в Сербию деревень Бела Лоима и Порышник. Подробности почтой.

Вместе с тем сербское правительство просит нас поддержать его ходатайство державам о включении в Сербию горы Паштрик к западу от Призрена, составляющей необходимую для защиты этого города стратегическую позицию. Местность эта присуждена в Лондоне Албании, но сербы, ссылаясь на пример исправления греко-албанской границы около Аргирокастро, надеются, что державы согласятся на вышеупомянутое исправление их границы.

Желали бы узнать ваше заключение по сему предмету.

Нератов.

№ 168. Поверенный в делах в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 144. 5 июня/23 мая 1914 г.

Получил вашу телеграмму № 1036 [3].

Грей высказался пред итальянским послом против посылки английского контингента в Албанию, будучи, между прочим, уверен не получить [4] на это согласия ни совета министров, ни парламента.

---

[1] Тел. от 8 июня/26 мая за № 257 Коростовец ответил, что в случае, если турки будут настаивать на своих притязаниях, то ему представляется правильным сосредоточение малиатных операций в банке. В тел. от 15/2 июня за № 270 Коростовец указывал, что „колебания... будут истолкованы, как отказ от прав. Уступка может быть сделана лишь по принятии сторонами основного соглашения касательно... податей".

[2] См. т. II, № 369.

[3] См. выше № 151.

[4] Так в подлиннике.

Сознавая однако необходимость оказать покровительство принцу, он согласен, если это окажется нужным, на отправление военного судна в Дураццо при соблюдении вышесказанных вами условий. Не возражая также против посылки другими державами сухопутных контингентов, Грей несколько опасается вмешательства Сербии в том случае, если бы Австрия и Италия занялись вдвоем делами восстановления порядка в Албании. По его мнению, Сербия должна остаться безучастной до тех пор, во всяком случае, пока не будет совершено какого-либо покушения на ее территорию. Обязанность же сохранения в настоящем виде албано-сербской границы лежит на державах, а не на Сербии. Грей не касался этого вопроса в разговорах с другими представителями, но просил обратить на него ваше внимание.

Эттер.

№ 169. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 142. 5 июня/23 мая 1914 г.

Получил телеграмму № 1010 [1]. Копия в Цетинье.

По объяснению Н. Рафаловича, Русско-Азиатский банк ни в каком авансе черногорскому правительству не участвовал. Речь идет не о концессиях в Черногории, а лишь о не связанном с какими-либо обязательствами праве производства предварительных изысканий на линии, стоящие в связи с проектом Дунайско-Адриатической железной дороги, в осуществлении коей заинтересованы упомянутые в телеграмме Гирса итальянское, французское и русское учреждения, как члены образованного в 1908 году синдиката Дунайско-Адриатической железной дороги. Участники воспользовались вопросом итальянско-французского аванса, дабы обеспечить на всякий случай упомянутой группе известные права в Черногории, которые будут использованы в зависимости от дальнейшей участи вопроса о Дунайско-Адриатической железной дороге.

Извольский.

---

[1] Ссылаясь на тел. А. Гирса от 28/15 мая за № 50 (см. выше, № 114), Нератов тел. от 31/18 мая за № 1010 запрашивал у Извольского разъяснений „об условиях аванса и участии в нем Русско-Азиатского банка, не запросившего нас предварительно по сему поводу".

№ 170. Памятная записка австро-венгерского министерства иностранных дел послу в Вене Шебеко [1].

6 июня/24 мая 1914 г.

D'après une communication que l'ambassade d'Angleterre a fait au ministère i. et r. des affaires étrangères, dans la séance du 19 mars dernier de la Commission Internationale de Contrôle pour l'Albanie, le délégué français à l'occasion de l'arrivée à Durazzo des représentants du groupe financier austro-italien, lequel avait obtenu d'Ismail Kemal Bey la concession pour l'établissement d'une banque d'Etat Albanaise, aurait fait d'accord avec ses collègues anglais et russe, la proposition d'adresser au gouvernement albanais la demande de vouloir bien tenir la Commission au courant de toutes négociations ayant un caractère financier qu'il pourrait entamer. Les commissaires austro-hongrois, allemand et italien auraient voté contre cette proposition.

Le gouvernement britannique, considérant que cette attitude était contraire à la résolution adoptée par la Conférence des ambassadeurs de Londres le 29 juillet 1913, en vertu de laquelle la Commission Internationale instituée pour l'Albanie est investie des fonctions de contrôle sur l'administration civile et les finances de cet Etat, a exprimé le désir que le gouvernement i. et r. en se raillant à cette manière de voir donnât des instructions au délégué austro-hongrois l'engageant à tenir compte des décisions de la Conférence de Londres.

L'ambassade de la République Française, dans une notice remise au ministère i. et r. des affaires étrangères le 21 avril dr., a exprimé le même voeu.

Le commissaire i. et r. à la Commission Internationale de Contrôle dans le rapport détaillé qu'il a été invité de présenter à ce sujet, constate que les informations contenues dans la note susmentionnée de l'ambassade de Grande Bretagne sur l'incident en question qui s'est produit à la séance de la Commission du 19 mars dernier, ne sont pas tout à fait exactes. Il donne le récit suivant des faits:

Dans la séance du 19 mars dr. la question générale n'a pas été discutée du tout, à savoir quelle étaient les attributions qui en vertu des décisions de la réunion des ambassadeurs de Londres revenaient à la Commission quant au contrôle à exercer sur les finances de l'Albanie.

Aussi la proposition faite par les délégués de France et de Russie en cette occasion ne tendait-elle pas à obtenir du gouvernement alba-

[1] Лит. копия.

nais l'engagement général d'informer la Commission de toutes négociations ayant un caractère financier.

En réalité la discussion avait pour l'objet la présence à Durazzo des représentants du groupe financier austro-hongrois-italien mentionné plus haut. Le délégué français secondé par ses collègues russe et anglais ayant exprimé l'avis que l'arrivée à Durazzo desdits financiers avait probablement pour but d'entamer des négociations avec le gouvernement d'Albanie sur la question de la fondation d'une banque d'Etat, proposa d'attirer l'attention dudit gouvernement sur le fait qu'il ne saurait contracter aucun engagement à ce sujet sans avoir préalablement saisi la Commission de l'affaire et sans avoir obtenu le consentement des Puissances.

C'est contre cette proposition que se sont prononcé des commissaires d'Autriche-Hongrie, de l'Allemagne et d'Italie, en donnant pour motif que selon leur opinion il n'y avait pas de raison suffisante pour faire auprès du gouvernement albanais une pareille démarche formelle, comme il s'agissait de simples bruits et de suppositions.

Là dessus les délégués austro-hongrois et italien furent prier de fournir des renseignements sur le but de la présence à Durazzo des représentants financiers en question, et en effet dans la prochaine séance qui eut lieu le 24 mars dr., le commissaire d'Autriche-Hongrie Mr. Kral déclara que d'après les informations qu'il avait prises, les financiers austro-hongrois et italiens étaient venus à Durazzo pour conclure définitivement le contrat sur l'avance de dix millions consentie au gouvernement d'Albanie par des banques autrichiennes ou hongroises et italiennes. Le délégué d'Autriche-Hongrie constata en outre que les rapports que ses collègues allemand et italien ont adressé à leurs gouvernements sur l'incident en question, étaient en parfait accord avec son récit.

Sur la base des faits ci-dessus exposés le gouvernement i. et r. est d'avis que l'attitude observée par son commissaire en cette occasion ne saurait être considéréé comme étant contraire à la résolution de la Conférence de Londres du 29 juillet 1913, concernant les attributions de la Commission Internationale relativement au contrôle à exercer sur l'administration et les finances de l'Albanie.

Le gouvernement i. et r. ne voit, par conséquent, aucune raison pour donner au commissaire i. et r. des instructions spéciales à ce sujet. Il ne méconnait pas, cependant, la nécessité de déterminer d'une manière précise les attributions susvisées de la Commission Internationale de Contrôle. Cette dernière ayant entre temps déjà élaboré — sous la reserve de l'approbation des gouvernements respectifs — un projet

de règlement pour son organisation et l'exercice de ses fonctions, par lequel cette question recevrait une solution, le gouvernement i. et r. espère qu'une entente ne tardera pas à s'établir entre les Cabinets des Puissances sur le règlement en question.

Перевод.

По сообщению, сделанному британским посольством императорскому и королевскому министерству иностранных дел, в заседании албанской международной контрольной комиссии 19 истек. марта, французский делегат сделал по случаю приезда в Дураццо представителей австро-итальянской финансовой группы, получившей от Измаил-Кемаль-бея концессию на учреждение Албанского государственного банка, предложение, согласованное с его английским и русским коллегами, обратиться к албанскому правительству с просьбой о том, чтобы оно держало комиссию в курсе всех переговоров, которые оно будет вести по финансовым вопросам. Австро-венгерский, германский и итальянский комиссары голосовали против этого предложения.

Британское правительство, считая, что эта позиция находится в противоречии с решением, принятым на совещании послов в Лондоне 29 июля 1913 г., согласно которому на международную комиссию, учрежденную для Албании, возложены функции контроля гражданского управления и финансов этого государства, выразило пожелание, чтобы императорское и королевское правительство, присоединившись к этой точке зрения, дало австро-венгерскому делегату инструкции, обязывающие его считаться с решениями лондонского совещания.

Посольство Французской республики высказало такое же пожелание в записке, переданной императорскому и королевскому министерству иностранных дел 21 истекшего апреля.

Императорский и королевский комиссар в международной контрольной комиссии констатирует в подробном донесении, которое его попросили представить по этому вопросу, что сведения, содержащиеся в вышеназванной ноте великобританского посольства относительно случая, происшедшего в заседании комиссии 19 истек. марта, не вполне точны. Он сообщает о происшедшем следующее:

В заседании 19 истек. марта совершенно не обсуждался общий вопрос, т. е. вопрос, какова компетенция, предоставленная комиссии решением лондонского совещания в области контроля над финансами Албании.

Точно так же предложение, сделанное в этом случае делегатами Франции и России, не преследовало цели получения от албанского правительства общего обязательства извещать комиссию о всех переговорах, носящих финансовый характер.

В действительности предметом обсуждения являлось пребывание в Дураццо представителей австро-венгро-итальянской финансовой группы, упомянутой выше. Французский делегат, которого поддержали его русский и английский коллеги, высказал мнение, что целью прибытия в Дураццо названных финансистов являются, вероятно, переговоры с правительством Албании по вопросу об основании государственного банка, и предложил обратить внимание указанного правительства на то обстоятельство, что оно не может принять на себя в этом

отношении никакого обязательства, не представив вопроса предварительно на рассмотрение комиссии и не получив согласия держав.

Против этого-то предложения и высказались комиссары Австро-Венгрии, Германии и Италии, приведя в качестве довода то, что, по их мнению, нет достаточных оснований для подобного формального представления албанскому правительству, так как дело идет о простых слухах и предположениях.

Затем попросили австро-венгерского и итальянского делегатов сообщить сведения о причинах пребывания в Дураццо указанных представителей финансового мира и, действительно, на следующем заседании ,которое имело место 24 ист. марта, комиссар Австро-Венгрии, г. Крал, заявил, что, согласно полученных им сведений, австро-венгерское и итальянские финансисты прибыли в Дураццо для окончательного заключения договора о выдаче правительству Албании аванса в десять миллионов, на который согласились австрийские или венгерские и итальянские банки. Делегат Австро-Венгрии сверх того констатировал, что донесения, которые сделали его германский и итальянский коллеги по этому поводу своим правительствам, вполне согласуются с его заявлением.

Исходя из изложенных обстоятельств, императорское и королевское правительство считает, что позиция, занимаемая в этом случае его комиссаром, не может рассматриваться как противоречащая решениям лондонского совещания от 29 июля 1913 г., которые касаются компетенции международной комиссии при осуществлении ею контроля над администрацией и финансами Албании.

Императорское и королевское правительство не видит вследствие этого никаких оснований для того, чтобы давать по этому поводу императорскому и королевскому комиссару специальные инструкции. Тем не менее оно не отрицает необходимости точно определить намеченную компетенцию международной контрольной комиссии. Так как эта последняя разработала, между прочим, проект устава, который призван регулировать ее организацию и выполнение ею своих функций, а также разрешить и настоящий вопрос, под условием одобрения этого устава соответствующими правительствами, то императорское и королевское правительство надеется, что между министерствами держав установится согласие по вопросу об этом уставе.

№ 171. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 143 [1]. 6 июня/24 мая 1914 г.

Получил ваши телеграммы №№ 1042 и 1048 [2], ссылаюсь на телеграмму Савинского № 103 [3]. Копия в Софию.

Переговоры с банками еще не окончены, но Маржери надеется получить завтра вечером окончательный и благоприятный ответ. Здесь также думают, что остановить подписание займа в Берлине не удастся, что предложение короля [4] покуда было бы бесцельно и что все усилия должны быть направлены на воспрепят-

[1] Опубл. L. N., II, p. 273.
[2] См. выше №№ 155 и 156.
[3] См. выше № 162.
[4] Очевидно, „королю".

ствование вотирования в народном собрании. Маржери вполне согласен с мнением Савинского, высказанным также в телеграмме французского поверенного в делах, что необходимо категорическое опровержение об отказе Франции ссудить Болгарию деньгами [1].

Извольский.

№ 172. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 79. 6 июня/24 мая 1914 г.

В разговоре с английским послом император Вильгельм выразился на-днях очень сочувственно [2] об албанском князе, который не обладает, по мнению его императорского величества, качествами характера, которые необходимы для управления страною, как Албания. Ввиду этого его императорское величество и был всегда против кандидатуры князя Вида, что в свое время откровенно ему самому и высказал. На посылку в Дураццо военной силы со стороны Германии император смотрит отрицательно и даже не согласился на перевод отряда из Скутари в Дураццо [3]. Здесь вообще очень недовольны событиями в Албании и считают, что князь сказался совершенно не на высоте положения. Что касается посылки германского судна в Дураццо, то берлинский кабинет не встречает к этому препятствий, если другие державы согласны послать туда свои суда.

Свербеев.

№ 173. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 80. 6 июня/24 мая 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 259 [4]. Копия в Константинополь.

Наш морской агент считает совершенно невозможным, чтобы

---

[1] Тел. от 6 июня/24 мая Нератов ответил Извольскому: „Полагаем", что возражение должно исходить от французского правительства ввиду того, что против него непосредственно возводится неосновательное обвинение".

[2] Так в подлиннике. Следует, вероятно, читать „несочувственно".

[3] Аналогичное заявление сделано было 2 июня/20 мая Боткину помощником статс-секретаря по иностранным делам Циммерманом. Передавая, „что германское правительство не предполагает посылать своего отряда из Скутари в Дураццо", Свербеев заключал: „повидимому, это решение исходит от самого императора, который вообще несочувственно относится к вмешательству Германии в данном деле" (тел. от 2 июня/20 мая за № 78).

[4] См. т. II.

фирма „Блум и Фосс“ предлагала Турции какой-либо крейсер, строящийся для германского флота. Это его убеждение подтверждается наведенными им справками. Возможно, что этот слух вызван тем обстоятельством, что означенная фирма с окончанием постройки океанского парохода „Фатерланд“ имеет ныне пустой эллинг и, повидимому, желала бы иметь новый заказ. Не предлагала ли она вследствие сего свои услуги турецкому правительству через своих агентов, что подало повод к сообщаемому Гирсом слуху?

Свербеев.

№ 174. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 253. 6 июня/24 мая 1914 г.

Шахское правительство, под влиянием агитации бельгийской миссии и Морнара, желает, повидимому, вызвать в английской печати кампанию против нашей деятельности в Азербайджане. Предлогом для нападок послужит наше покровительство Шодже, самостоятельный сбор налогов и внесение их в русский банк, устройство муниципалитета и почты в Тавризе, вмешательство в дела казенных имений и прочие факты, свидетельствующие о якобы нарушении суверенитета Персии и договора 1907 года. Настоящей причиной поднятой агитации служит опасение бельгийцев за судьбу своих служащих и стремление вытеснить нас из Азербайджана. Из разговора с Тоунлеем я усматриваю, что он не придает нашим действиям принципиального значения, лишь настаивая на удалении Шоджи, как главного виновника зла, но, вероятно, сочувствует начатой агитации, направленной на умаление нашего положения в Северной Персии. Дабы рассеять создавшееся впечатление о наших якобы агрессивных действиях и вообще реагировать против нападок, я дал посетившему меня корреспонденту „Times'a“ Кеппелю объяснения в смысле моей телеграммы за № 243 [1], объяснив, что новый способ взимания налогов с русских вызван желанием помочь персидскому правительству и бельгийской администрации и введен в виде опыта по предложению самого Морнара, который однако теперь отказывается от соглашения, вероятно, под влиянием общественного мнения или боясь обвинений в солидарности с русскими. Я опроверг приписываемое нам намерение захватить малиат и

[1] Содержание тел. от 3 июня/21 мая за № 243 в соответствующей части воспроизведено в публ. тел.

налоги, которые будут поступать хотя и в наш банк, но под строгую отчетность. По поводу почты я заметил, что сведения об открытии русской конторы в Тавризе неверны. Прибывший туда почтовый чиновник назначен для усиления штата консульства. Одним словом, что все принятые меры, вызванные практическими соображениями, не затрагивают персидского суверенитета и, тем более, англо-русского соглашения. На случай вероятных выступлений англичан нам не следует забывать о существовании в Персии учреждений и служащих, присутствие коих также могло бы быть истолковано как нарушение принципа суверенитета. Как известно, санитарное наблюдение в Персидском заливе находится всецело в руках англичан, в их же заведывании находится почта в некоторых пунктах на юге Персии, под предлогом отсутствия организованной персидской почты. Англичанин Нию состоит главным контролером всех персидских телеграфов с пребыванием в столице. Англичанин Шиндлер служит секретарем персидского казначейства также в столице. Английский подданный Лекорф состоит агентом казначейства в Кермане. Полагаю, что здесь агитация скоро уляжется, и тогда постараюсь установить компромисс с Морнаром на приемлемых для нас условиях в деле малиата и связанном с ним вопросе банка. Одновременно рекомендую Орлову не сходить по возможности с легальной почвы и убедить Шоджу попытаться наладить отношение с тегеранским правительством.

Коростовец.

№ 175. Морской агент в Лондоне начальнику морского генерального штаба Русину.

Рапорт № 182[1]. 6 июня/24 мая 1914 г.

Пользуюсь отъездом из Лондона генерал-лейтенанта Шокальского, чтобы довести до сведения в. п. о положении, в котором находятся как переговоры о покупке чилийского броненосца, так и о предстоящем с Англией условном соглашении.

Перед моим отъездом в С.-Петербург казалось, что продажа нам броненосца была окончательно одобрена чилийским правительством, и что эта сделка должна была состояться в самом ближайшем времени.

По возвращении же к месту служения и после свидания с Армстронгом выяснилось следующее: несмотря на то, что морской совет в Чили одобрил продажу даже обоих кораблей, правитель-

[1] Маш. копия. Опубл. Siebert, S. 820—821.

ство не решилось санкционировать таковую, хотя окончательно отказа с его стороны до сих пор не последовало. Этот поворот объясняется исключительно влиянием чилийского посланника в Лондоне.

Последний высказался однажды, еще до начала наших переговоров, что единственная страна, которой он считал бы возможным продать суда, является Англия. Зная это его мнение, Армстронг полагает, что в данное время имеется лишь одно последнее средство для получения нами хоть одного корабля, а именно: надлежит нашему послу обратиться к Sir Edward Grey с просьбой повлиять на чилийского посланника, объяснив ему, что Англии была бы приятна эта продажа. Согласится ли на такой шаг Sir Edward Grey—тоже еще вопрос. Если допустить, что он на это пойдет и что ему удастся склонить посланника, то тогда можно рассчитывать на приобретение нами если не двух кораблей, то во всяком случае одного. По возвращении в Лондон Sir Edward Grey я представлю эти соображения нашему послу и буду просить его о содействии.

Что же касается второго вопроса, а именно условного нашего соглашения с Англией, подобного существующему между ею и Францией, то я выяснил после свидания с принцем Баттенбергским нижеследующее: английское правительство с этим вопросом не торопится, и спешность исходит со стороны Франции. Принц Баттенбергский вместе со своею супругою едет в Россию в августе месяце сего года, и ему поручено войти в сношение по этому вопросу с морским министерством и в. п. Перед своим отъездом он намерен меня вызвать для обмена мнений с целью подготовить себя для дальнейших переговоров, которые будут происходить в С.-Петербурге. Его высочество вполне сочувствует этим переговорам.

[Волков.]

№ 176. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 145. 7 июня/25 мая 1914 г.

Получил № 1007[1]. Копии в Лондон и Валону.

Думерг только-что сообщил мне, что, разделяя мнение императорского правительства о желательности дать удовлетворение просьбе Греции об утверждении соглашения по эпирскому вопросу, он поручил французскому делегату в албанской комиссии из-

[1] См. выше, стр. 149, прим. 1.

вестить князя Вида, что парижский кабинет одобряет это соглашение. Извольский.

№ 177. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 105 [1]. 7 июня/25 мая 1914 г.

Получил телеграммы №№ 1042 и 1048 [2].

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 143 [3].

По поступающим из Берлина сведениям, переговоры о займе затягиваются. При этом условии считал бы...[4] и полезным иметь известный вам разговор с королем, а если он не вернется, то передать ему через Добровича письменную формулировку наших предложений. Даже в случае их неудачи, это имело бы значение при обсуждении займа в совещании. Только в согласии с мнением французского правительства, выраженным в телеграмме Извольского № 135 [5], полагаю, что (в) сообщении [6] не следует открыто упоминать о перемене правительства, которая после нашего аванса сделалась бы сама собою, и во всяком случае на короля будет легче влиять в этом отношении впоследствии. Председатель совета министров и Геннадиев открыто заявляют, что отступают от письма [6 июля] 23 июня. Если вышеизложенные соображения одобряются, предполагал бы тотчас по получен(ии) согласия французского правительства передать Добрович(у) для вручения королю наше предложение, составленное в виде записки в третьем лице [7], воспользовавшись для него частью выработанного в Париже текста. Прошу срочных указаний [8]. Савинский.

№ 178. Генеральный консул в Тавризе министру иностранных дел.

Телеграмма № 424. 7 июня/25 мая 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран, ссылаясь на телеграмму посланника за № 243 [9].

Вашему превосходительству известно, что бельгийская администрация (финансовая) возомнила себя совершенно дома в Пер-

---

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 131, № 1360.

[2] См. выше №№ 155 и 156.

[3] См. выше № 171.

[4] Пропуск в подлиннике.

[5] См. выше стр. 129, прим 4.

[6] У Stieve это слово отсутствует.

[7] У Stieve эти три слова отсутствуют.

[8] У Stieve фраза эта отсутствует.

[9] В тел. Коростовца от 4 июня/22 мая за № 243 излагалась персидская нота от 31/18 мая и ответная русская нота от 4 июня/22 мая. Ср. ниже стр. 245, прим. [1].

сии и перестала считаться с кем бы то ни было, вмешиваясь решительно во все отрасли государственной жизни и экономических отношений населения. Находит ли центральное правительство такое распространительное толкование бельгийцами их деятельности нормальным,—мне неизвестно. На местах давно уже шел ропот против подобного засилья бельгийцев, и я опасаюсь всего худшего для самих же бельгийцев и не могу отнестись иначе как с одобрением к мерам, принятым Шоджа-эд-Доуле,—мерам для введения бельгийцев в рамки контрактов с персидским правительством. Относительно восстановления в крае городских самоуправлений, доходы коих были узурпированы бельгийцами с молчаливого согласия центрального правительства, Шоджа-эд-Доуле представил мне те же основания, кои он сегодня передал по телеграфу министерству внутренних дел и со справедливостью коих ваше превосходительство, если пожелает ознакомиться, не замедлите согласиться. Арестов персов, находившихся на службе у малиата, не было, а был лишь случай временного задержания на несколько часов для выяснения личности безобразников, пытавшихся препятствовать служащим городского самоуправления взимать законные сборы с боен и питейных заведений. Если бы я позволил казакам бригады, находящейся под командой наших офицеров, вступить в вооруженное столкновение с людьми генерал-губернатора, действия которого в вопросах, навлекших на него нарекания центрального правительства, мы одобряем, я был бы достоин порицания.

Относительно почты я уже представил объяснения.

Не вина генерального консульства, а центрального правительства, что в Азербайджане установился такой порядок, что цельного дома, отведенного теперь под канцелярию, недостаточно, чтобы вместить всех просителей персидско-подданных. Зимой я мог бы еще стеснить консульские помещения...[1] ваше превосходительство осведомлены посторонним беспристрастным свидетелем, но теперь и в казармах производится необходимый ремонт.

Орлов.

№ 179. Английский посол в Петербурге товарищу министра иностранных дел Нератову.

Письмо. 8 июня/26 мая 1914 г.

Cher monsieur Nératow,

En me référant aux conversations que j'ai eues avec monsieur Sazonow au sujet de la Convention Tripartite, dont je vous ai commu-

[1] Пропуск в подлиннике.

niqué le texte dans ma lettre du 27/14 mai[1], je suis maintenant autorisé à vous informer que mon gouvernement accepte l'arrangement suivant[2]:

Article 10 a été modifié et est maintenant rédigé dans le sens désiré par le gouvernement impérial.

Article 6. Le gouvernement de sa majesté et le gouvernement impérial s'engagent, par un échange de notes qui seront publiées en même temps que la Convention, de ne pas rechercher, en faveur de leurs nationaux respectifs de concessions au Tibet sans être préalablement entendus à ce sujet.

Le gouvernement impérial s'engage par une note secrète à ne pas rechercher de telles concessions en faveur de sujets russes et à ne pas s'opposer aux concessions que le gouvernement de sa majesté pourrait rechercher en faveur de sujets britanniques.

Article 8. Le gouvernement de sa majesté s'engage, par un échange de notes, qui seront publiées en même temps que la Convention, à ne pas exercer le droit dont il est muni en vertu de cet article, sans un accord préalable avec le gouvernement impérial.

De son coté le gouvernement impérial s'engage, par une note secrète, à ne pas s'opposer à ce que l'agent commercial britannique à Gyantse soit envoyé à Lhassa quand le gouvernement de sa majesté le jugera nécessaire.

Quant à l'Afganistan du nord, le gouvernement de sa majesté est prêt à faire, conjointement avec le gouvernement impérial, une déclaration ainsi conçue, dont le texte sera publié en même temps que la Convention et les autres notes:

Le gouvernement impérial russe affirme de nouveau son adhésion au principe que l'Afganistan se trouve en dehors de la sphère de l'influence politique russe.

De son côté le gouvernement de sa majesté s'engage à ne pas appuyer en faveur de sujets britanniques de demandes de concessions pour des travaux d'irrigation ou chemins de fer ni de revendications de droits préférentiels en ce qui concerne des entreprises commerciales ou industrielles dans l'Afganistan du nord, à la condition pourtant qu'il soit expressément reconnu par un échange de notes secrètes que pour des fins de cette déclaration le terme „Afganistan du nord" ne s'applique qu'à la partie de l'Afganistan qui se trouve au nord de la ligne suivante:

---

[1] См. выше стр. 63, прим. 1.

[2] См. т. II, № 381, приложение.

Ishkashan sur l'Ab-i-panja à Zebak; de là au défilé de Munjan; de là au défilé de Nawak; de là au défilé de Murgh; de là à Doshi; de là par les défilés de Sinjitak et de Badkak à Doab-i-Shah Pasand; de là à Tarkuch sur le Bandiamir; de là à Daolat Yar. De ce point la ligne suivrait les crêtes des chaines suivantes: Band-i-Baba, Siah Bubak jusqu'au point où le Hari Rud entre dans le territoire russe à Zulficar.

A l'exception du premier alinéa de la déclaration à faire au sujet de l'Afganistan du nord — qui n'a été ajouté que pour rendre cette déclaration moins suspecte à l'émir — et des notes secrètes qui précisent la portée du terme «l'Afganistan du nord», l'arrangement projeté est sous tous les rapports conforme aux conditions déjà consenties par Mr. Sazonow.

J'aime donc à espérer que son excellence consente à ce que les notes nécessaires soient échangées sans délai.

Votre sincèrement dévoué

George W. Buchanan.

Перевод.

Дорогой г. Нератов,

Ссылаясь на разговоры, которые я имел с г. Сазоновым по поводу Трехсторонней конвенции, текст которой я вам сообщил в своем письме от 27/14 мая, я теперь уполномочен вас известить, что мое правительство соглашается на следующие условия:

Статья 10 изменена и изложена теперь в желательном для императорского правительства смысле.

Статья 6. Правительство его величества и императорское правительство обязуются путем обмена нотами, которые будут опубликованы одновременно с конвенцией, не домогаться в пользу своих подданных концессий в Тибете, без предварительного соглашения по этому вопросу.

Императорское правительство обязуется в секретной ноте не домогаться подобных концессий в пользу русских подданных и не возражать против концессий, которых правительство его величества может добиваться в интересах британских подданных.

Статья 8. Правительство его величества обязуется путем обмена нот, которые будут опубликованы одновременно с конвенцией, не пользоваться правом, предоставляемым ему этой статьей, без предварительного соглашения с императорским правительством.

Со своей стороны императорское правительство обязуется в секретной ноте не возражать против того, чтобы британский торговый агент в Джиантси отправлялся в Лхассу, когда правительство его величества сочтет это нужным.

Что касается Северного Афганистана, то правительство его величества готово совместно с императорским правительством сделать заявление следующего содержания, текст которого будет опубликован одновременно с конвенцией и с другими нотами:

Императорское российское правительство снова подтверждает свое согласие с тем принципом, что Афганистан находится вне сферы политического влияния России.

Со своей стороны правительство его величества обязуется не поддерживать в пользу британских подданных как просьб о концессиях на ирригационные работы или на железные дороги, так и притязаний на преимущественные права в отношении торговых и промышленных предприятий в Северном Афганистане, однако с тем условием, формально признанным посредством обмена секретных нот, что в данном заявлении термин „Северный Афганистан" применяется лишь к той части Афганистана, которая находится севернее следующей линии:

От Ишкашима на Аб-и-Пяндж к Зебаку; откуда к ущелью Мунджан; оттуда к ущелью Навак; оттуда к ущелью Мург; оттуда на Доши; оттуда через ущелья Синджитак и Бадкак на Доад-и-Шах Пасанд; оттуда на Таркуш на Бандиамире; оттуда на Даулет Яр. С этого пункта линия должна итти по гребню следующих хребтов: Банд-и-Баба, Сиах—бубук до места, где Гери-Руд в Зульфикаре вступает на русскую территорию.

За исключением первого абзаца заявления, которое должно быть сделано о Северном Афганистане, абзаца, прибавляемого лишь для того, чтобы это заявление показалось менее подозрительным эмиру, а также за исключением секретных нот, которые точно устанавливают значение термина „Северный Афганистан", проектируемое соглашение соответствует во всех смыслах условиям, на которые уже согласился г. Сазонов.

Поэтому я хотел бы надеяться, что его превосходительство согласится на то, чтобы обмен необходимыми нотами был произведен без промедления.

Ваш искренно преданный

Дж. В. Бьюкенен.

№ 180. Памятная записка французского посольства в Петербурге министру иностранных дел.

8 июня/26 мая 1914 г.

L'étude du texte du règlement de la Commission Internationale de Contrôle d'Albanie a suggéré les observations suivantes.

L'installation habituelle de la Commission de Contrôle au siège du gouvernement central est certainement désirable. Au point de vue de la surveillance des intérêts généraux qui leur sont confiés, il est utile et nécessaire que les commissaires puissent se maintenir en contact permanent et personnel aussi bien avec le prince et le Cabinet albanais qu'avec les missions étrangères.

Le principe de l'acceptation et de la vérification des crédits à une majorité nécessaire de 5 voix sur 7 constitue une garantie indispensable à la Triple Entente.

Par contre, la signature des lettres prévues à l'article 13 par le président et un membre n'offre peut-être pas une garantie suffisante à la Triple Entente. Ne pourrait-on pas arguer de la gravité du sujet pour réclamer la signature par tous les délégués?

Le ministre des affaires étrangères de France fait toutes réserves en ce qui concerne le budget de la Commission en dehors du traitement des délégués. Cette question a déjà été posée, mais n'a pu être résolue, celle de l'emprunt n'ayant pas été réglée. Encore s'agissait-il d'une somme fixe. Il ne paraît pas possible de présenter tous les ans au parlement français une demande de crédits variables pour la Commission de Contrôle de l'Albanie. Le gouvernement français n'entend pas s'engager, sans connaissance de cause, au sujet de l'Albanie. Le gouvernement albanais devrait assumer comme les gouvernements hellénique, ottoman et égyptien, une partie tout au moins des frais de la Commission. Ces frais pourraient précisément être ceux de l'administration intérieure de la Commission.

Les clauses relatives à l'exercice du contrôle (paragraphes 10, 11 et 12) ne seront pas sans soulever, dans l'application, de graves difficultés. Quelle sera la portée des observations qu'elle présentera au gouvernement albanais et quels seront les moyens de coércition en cas de résistance?

La procédure par enquêtes sera nécessaire dans plus d'un cas et est inspirée d'un bon principe, mais à supposer que l'entente se fasse entre les membres de la Commission, quelles seront les sanctions et par qui seront-elles prises? La procédure elle-même ne soulèvera-t-elle pas des conflits de compétence?

L'ambassadeur de la République Française à Londres a été chargé d'examiner ces différentes observations de concert avec le secretaire d'Etat britannique pour les affaires étrangères et l'ambassadeur de Russie à Londres.

Перевод.

Изучение текста устава международной контрольной комиссии по албанским делам вызвало следующие замечания.

Без сомнения желательно, чтобы комиссия находилась там же, где центральное правительство. С точки зрения наблюдения за общими вопросами, которые ей поручены, полезно и необходимо, чтобы комиссары могли сохранять постоянный и личный контакт как с князем и албанским министерством, так и с иностранными миссиями. Принцип, требующий утверждения и проверки кредитов большинством в 5 голосов из 7, представляет гарантию, необходимую для Тройственного согласия.

Напротив, предусмотренная статьей 13 подпись документов председателем и одним членом не дает Тройственному согласию достаточной гарантии. Нельзя ли было бы, ссылаясь на важность вопроса, требовать подписи всех делегатов?

Французский министр иностранных дел делает целый ряд оговорок в отношении бюджета комиссии в части, не касающейся оклада делегатов. Этот вопрос уже поставлен, но не мог быть разрешен, так как не урегулирован

вопрос о займе. При этом дело шло о твердой сумме. Невозможно ежегодно представлять французскому парламенту новые требования на кредиты для контрольной комиссии по албанским делам. Французское правительство не может взять на себя по албанскому вопросу неопределенного обязательства. Албанское правительство должно было бы подобно греческому, оттоманскому и египетскому правительствам нести по крайней мере часть расходов комиссии. Именно, оно могло бы взять на себя внутренние расходы комиссии.

Статьи, касающиеся осуществления контроля (параграфы 10, 11 и 12) должны будут, при их применении, вызвать большие затруднения. Каково будет значение тех замечаний, которые комиссия будет представлять албанскому правительству, и каковы будут меры принуждения в случае противодействия правительства?

К методу обследований придется неоднократно прибегать и в основе его лежит хороший принцип, но даже если предположить, что среди членов комиссии будет достигнуто согласие, то каковы будут санкции и кто их будет осуществлять? Не может ли сам этот метод вызвать конфликты по вопросу о компетенции?

Посол Французской республики в Лондоне уполномочен рассмотреть эти замечания совместно с британским статс-секретарем по иностранным делам и с российским послом в Лондоне.

№ 181. Товарищ министра иностранных дел послу в Токио Малевскому-Малевичу.

Телеграмма № 1088 [1]. 8 июня/26 мая 1914 г.

Сообщается в Пекин и Париж.

По сведениям из Пекина, китайское правительство, повидимому, желало бы уменьшения суммы второго выпуска реорганизационного займа до 7½ милл. фунтов, с назначением ее исключительно на выкуп краткосрочных обязательств. Осуществление проекта было бы связано с отсрочкой проведения монетной реформы, на которое предназначалась часть второго выпуска, первоначально намечавшегося в большей сумме.

По нашему мнению, Россия и Япония одинаково заинтересованы в том, чтобы достигнутое их совместными усилиями право участия в денежной реформе, принадлежавшее ранее одному тройному консорциуму, не было ими утрачено.

Казалось бы, что отсрочка этой реформы не меняет существа дела и обязывает Китай, когда потребность в ней будет им признана, обратиться за денежными средствами к пятерному консорциуму.

Однако, так как контракт с тройным консорциумом остается в силе до первого октября и, очевидно, может быть продлен и сверх этого срока, а между тем общего обязательства, связывающего

[1] Лит. копия.

Китай с пятью группами, по отношению к монетной реформе не существует, то при исключении из соглашения о втором выпуске сумм на последнюю для китайцев, повидимому, откроется формальная возможность утверждать, что им возвращена свобода действий в этом вопросе, поскольку дело идет о пятерном консорциуме.

Считая полезным заблаговременно установить общность взглядов с японским правительством на случай официального возбуждения Китаем вопроса об исключении из целей займа монетной реформы, мы желали бы знать мнение японцев по затронутым в телеграмме вопросам.

Нератов.

№ 182. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Письмо № 387 [1]. 8 июня/26 мая 1914 г.

Доверительно.

Как вам известно из предшествующей телеграфной переписки, в вопросе о заключении Болгарией займа и нашей помощи в этом деле императорское министерство неизменно придерживалось взгляда, что наше содействие в этом деле может состояться лишь по получении соответствующей уверенности в том, что нынешнее правительство, не внушающее нам никакого доверия, будет заменено другим, разумеется, при условии соблюдения вопросов самолюбия и авторитета короля, на кои мы отнюдь не намеревались посягать. В технических переговорах по поводу условий аванса Франция, правда, проявила некоторую медлительность, однако едва ли можно этому именно обстоятельству приписать окончательное решение болгарского правительства обратиться за помощью к Германии. На самом деле в предшествующих ваших переговорах наша точка зрения была с достаточной ясностью установлена. Возможность получения займа на льготных условиях при помощи России и Франции ясно сознавалась правящими кругами, которые со своей стороны воспользовались этим для того, чтобы по возможности выговорить себе более выгодные условия в Берлине. На обстоятельство это, между прочим, указано в статье „Lokal-Anzeiger'a" от 30 мая [2], где прямо говорится об исходящих от нас предложениях.

---

[1] Лит. копия.

[2] Имеется в виду статья „Die bulgarischer Anleiherverhandlungen", помещенная в отделе „Handelsblatt" вечернего номера газеты „Lokal-Anzeiger" от 30/17 мая 1914 г. На эту статью обратил внимание м-ва ин. дел Свербеев тел. от 31/18 мая за № 76.

Таким образом нам не приходится упрекать себя в том, чтобы в этом деле была допущена какая-либо неясность и чтобы болгары не понимали, на что они могут рассчитывать с нашей стороны и при каких условиях. В письме от [29] 16 сего мая[1] вы возбуждаете, между прочим, вопрос о том, не следует ли нам изменить эти условия. По вашему мнению, „из двух зол нужно выбирать меньшее“ и „нам лучше разрешить во Франции заем теперешнему болгарскому правительству, чем допустить его заключение в Германии“.

Со своей стороны министерство придерживается несколько иного взгляда в этом вопросе. Заключение Болгарией займа в Берлине и получение немцами соответствующих заказов по оборудованию железных дорог и порта в Лагосе представляет несомненные преимущества и выгоды немцам, в особенности, если в обеспечение займа они получат фактический контроль над табачным делом в Болгарии. Как ни жаль, что нынешнее болгарское правительство из чувства личного самосохранения и по своекорыстным мотивам пошло на столь тяжелые для страны условия, однако это самое обстоятельство лишний раз показывает, насколько невозможно с подобным правительством установление отношений, основанных на взаимной искренности и доверии. Если бы мы сошли с занятой нами позиции и согласились на заключение займа при условии сохранения в силе нынешнего кабинета, то есть непринятия во внимание всех предшествовавших наших настояний, то в дальнейшем будущем мы еще менее были бы обеспечены в том, что голос наш будет услышан и что с нами будут считаться. При таких условиях, не желая вмешиваться во внутренние дела Болгарии, мы в то же время считали нужным телеграммой от [19] 6 сего мая за № 917[2] предостеречь от возможности создания положения, при коем мы получили бы кабинет, не представляющий для нас прочных гарантий, и в то же время оттолкнули бы от себя искренних наших сторонников. Мы полагали действовать не иначе, как в единомыслии с этими последними. В настоящее время, когда в вопросе о займе король Фердинанд принял решение всецело положиться на нынешний кабинет Радославова, нам ни в чем не приходится изменить позиции, занятой нами как в этом вопросе, так и в общих отношениях наших к Болгарии в соответствии с взглядами, выраженными мною в доверительном письме к вам от [2 марта] 17 фев-

---

[1] См. выше № 119.

[2] См. выше № 29.

раля сего года за № 129 [1]. Мы попрежнему думаем, что нам следует спокойно выжидать минуты, когда в самой Болгарии глубже укоренится сознание необходимости тесного единения с Россией. Что рано или поздно эта минута настанет,—в этом для нас не может быть никакого сомнения. Желать ускорить события было бы бесполезно, как ни желательно с точки зрения интересов самой Болгарии избегнуть экономических испытаний, коим она подвергается при нынешнем займе.

Если верны цифры, приведенные в упомянутой статье „Lokal-Anzeiger'a", из общей номинальной цифры в 500 миллионов франков Болгария должна уплатить Франции 75 миллионов, России—27 миллионов, Австрии—30 миллионов, Болгарскому национальному банку—140 миллионов и за реквизиции—150 миллионов франков. Таким образом, ликвидируя старые долги, новый заем почти не предоставляет новых средств болгарскому правительству. Из этого следует, что в непродолжительном времени кабинету Радославова придется вновь изыскивать средства для дальнейшего ведения дела. Едва ли к этому времени положение кабинета станет более благоприятным в общественном мнении страны. Что касается политической стороны займа, о которой вы пишете, а именно, что он будет способствовать упрочению германского влияния в Болгарии, то едва ли обстоятельство это должно внушать вам серьезные беспокойства. Мы не видим, какими политическими обязательствами могло бы быть обусловлено заключение займа в Берлине и в случае если бы таковые и были даны болгарским правительством, то нам отнюдь не следует забывать всю цену обязательств, принимаемых на себя маленькими балканскими государствами. На политике оппортунизма было бы чрезвычайно ошибочно строить какие-либо расчеты и, если таковые имеются у германского правительства по отношению к нынешним правителям Болгарии, то это обстоятельство сравнительно мало нас беспокоит. Со своей стороны мы полагаем тем более желательным и своевременным сближение наше с Румынией на почве многих общих интересов. Сближение это, впрочем, не будет, конечно, направлено против интересов Болгарии, и как скоро в последней произойдет поворот в лучшую сторону, мы попрежнему готовы будем оказать ей поддержку, которую она едва ли сумеет найти у новых своих друзей.

Подводя итог изложенным выше соображениям, я полагаю, что к факту заключения Болгарией займа нам нужно относиться совер-

[1] См. т. I, № 358.

шенно спокойно, ни в чем не меняя нашего положения по отношению к нынешнему правительству и к самому королю. Не следует даже показывать, что мы чем-либо задеты в этом вопросе. Болгария вольна искать поддержки, где она считает это нужным, только в этом случае она должна понимать, что на нашу поддержку она не в праве рассчитывать. Что касается затрагиваемого вами в телеграмме от [4 июня] 22 мая за № 103 [1] вопроса о необходимости энергичного разрушения „созданной и аккредитованной здесь дворцом и правительством легенды о том, будто болгарское правительство в свое время обратилось с просьбой о займе к Франции, которая ответила отказом, после чего болгарскому правительству только и оставалось, что обратиться в Берлин", то само собою следует разрушать это, как и другие подобные же измышления, кои мы привыкли за последнее время встречать со стороны болгарских правящих кругов. Однако мы не можем придавать этому измышлению чрезмерного значения и полагаем, что и в этом вопросе нам следует сохранять необходимое спокойствие. В полном соответствии с высказанными взглядами, я полагал бы со своей стороны излишним в настоящее время затрачивать какие-либо средства на приобретение расположения болгарской печати [2]. В ваших беседах с журналистами и общественными деятелями вам, конечно, следует принимать меры к правильному освещению политики России, но поворот общественного мнения Болгарии в нашу пользу будет только тогда плодотворен, когда произойдет из внутренних побуждений, придавать же какое-либо значение денежным поощрениям в этом отношении едва ли представляется с нашей точки зрения целесообразным [3].

К вышеизложенному считаю долгом прибавить, что, как явствует из секретных тел-м, вашей от [4 июня] 22 мая с. г. за № 103 [4] и посла в Париже от [6 июня] 24 мая за №143[5], подписание условий болгарского займа в Берлине не исключает еще возможности неутверждения его народным собранием, вследствие чего французское мин-во ин. д. разделяет с своей стороны высказанное вами предположение о возможности содействовать такому исходу дела. Само собою разумеется, что такого рода поражение кабинета Радо-

---

[1] См. выше № 162.

[2] См. выше стр. 13, прим. 1.

[3] Дальнейшее на отдельном листе рукою Трубецкого.

[4] См. выше № 162.

[5] См. выше № 171.

славова в этом вопросе вполне отвечало бы нашим взглядам, и в этом случае вопрос мог бы получить желательное направление.

Примите и пр.

Нератов.

№ 183. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 147. 8 июня/26 мая 1914 г.

Телеграфирую в Белград:

Николай Рафалович просит сообщить: Франко-Сербский банк утверждает, что сербское правительство не желает передачи Дунайско-Адриатической дороги на сербской территории старому синдикату 1908 года с возвращением последнему линии Мердаре—Приштина и с предоставлением ему также линии Приштина—Призрен. Наоборот, сербы обещают якобы Франко-Сербскому банку выдать концессию на эту линию немедленно по открытии новой скупщины и просят названный банк образовать международный синдикат как для сербского, так и для албанского участка. Я ответил банку, что если бы сербское правительство выразило мне категорически такое пожелание, то русская группа пошла бы, несомненно, ему навстречу и вошла в соглашение с Франко-Сербским банком. Однако мне было высказано в Белграде именно обратное. Я изложил также известные вашему высокопревосходительству соображения относительно сильной позиции, занятой старым синдикатом при участии Италии по отношению к албанскому участку, которую признал и сербский посланник в Париже, представляющий в заседаниях синдиката сербскую группу. Главный деятель Франко-Сербского банка г. Гомберг ответил мне, что он так же, как и я, готов подчиниться выраженным определенным пожеланиям сербского правительства. Поэтому для успеха дальнейших переговоров представляется необходимым, чтобы сербское правительство определенным образом подтвердило Франко-Сербскому банку данные мне указания и уведомило Веснича, о чем и решаюсь просить ваше высокопревосходительство. Что касается суммы, потребной для выкупа Восточных дорог, то французские финансисты не отрицают в принципе возможности получить ее во Франции чрез некоторое время и лишь указывают на необходимость разместить сначала те 75 000 000 франков сербских фондов, которые при выпуске последнего займа были взяты банками в обмен на прежние боны казначейства и которые должны вскоре появиться на рынке ввиду истечения срока запрета их продажи.

Извольский.

№ 184. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 81. 8 июня/26 мая 1914 г.

Германскому представителю в Дураццо дано вчера предписание выразить одобрение германского правительства албано-эпирскому соглашению в том виде, в коем оно выработано было на Корфу. Вместе с тем ему поручено в случае надобности дать совет албанскому правительству подписать означенное соглашение.

Свербеев.

№ 185. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

9 июня/27 мая 1914 г.

Ввиду предстоящего в Констанце свидания вашего императорского величества с его величеством королем румынским приемлю смелость всеподданнейше доложить соображения по некоторым вопросам, которые могут быть подняты королем Карлом в беседе с вашим величеством.

Самым серьезным из этих вопросов нельзя не признать предусматривающуюся возможность столкновения между Турцией и Грецией из-за Эгейских островов. Как явствует из повергаемого при сем на благовоззрение вашего императорского величества секретного письма посланника в Бухаресте от [2 июня] 20 сего мая [1] во время недавнего пребывания в Румынии Талаат-бея турецкому министру было заявлено, что румынское правительство в случае греко-турецкой войны не допустит сухопутных военных действий. Со своей стороны мы не можем не высказать удовлетворения по поводу означенного заявления. Тем не менее, по имеющимся сведениям, Турция в настоящее время ждет прихода заказанных в Англии броненосцев, с прибытием коих в греко-турецких отношениях наступит решительная минута. Несомненно, что в этом вопросе наши интересы совпадают с интересами Румынии в том, чтобы повлиять в Константинополе в смысле сохранения мира. Вместе с тем ввиду одинаковых экономических условий России и Румынии на Черном море, ныне же в Бухаресте возможно было бы предусмотреть, в случае неудачи усилий, направленных к сохранению мира, принятие Россией и Румынией мер к воспрепятствованию хотя бы временного закрытия проливов или же во всяком случае возмещения потерь [2], какие неминуемо последовали бы от сего для торговли России и Румынии. Таковой мерой могло бы служить со-

[1] См. выше № 142.

[2] Так в подлиннике.

вместное заявление обеих держав Турции, что на нее будет возложена ответственность за могущие последовать от закрытия проливов для нашей и румынской торговли убытки.

В связи с вопросом о сохранении мира королем Карлом может быть возбужден вопрос о желательности Румынии получить обеспечение незыблемости Бухарестского мира. Постановления последнего касаются с одной стороны специально румынских интересов, с другой же стороны устанавливают общее положение на Балканах. В отношении первого рода постановлений следует отметить, что Болгария в своем стремлении добиться пересмотра Бухарестского трактата не имеет, повидимому, в виду ставить вопрос о возвращении ей румынских приобретений. С тем большей силой можем мы подтвердить нашу готовность способствовать сохранению установленного в этом отношении status quo. Что касается других постановлений Бухарестского договора, будучи отнюдь не расположены поощрять поползновения на их пересмотр, нам представляется затруднительным, ввиду возможности наступления новых обстоятельств, заранее налагать запрещение на какие-либо изменения настоящего положения, вроде, например, возвращения Болгарии Каваллы. Посему Россия не может не уклониться от гарантирования всех частностей Бухарестского договора.

Румынский король озабочен участью своего родственника князя Вида. В свое время наше согласие на кандидатуру последнего было обусловлено как знак личного внимания королю Карлу. Последующее наше отношение к албанскому правителю имело в своей основе убеждение, что только международный характер управления может создать в Албании прочный порядок. Россия не может и в настоящих событиях не оставаться на этой почве. Исходя из этого, когда во время осады Скутари возникла необходимость военной силой защищать Лондонские постановления, мы не возражали против морской демонстрации держав и высадки отрядов, заявив однако, что сами не примем участия в этих действиях. В настоящее время, подобным же образом отказываясь от посылки собственного отряда, мы не встречаем препятствий к охране князя Вида скутарийскими отрядами держав. Что касается отправления в албанские воды военных судов, в случае если бы такая мера была признана необходимой, мы можем отправить лишь наш пирейский стационер для охраны нашего представителя.

Приемлю смелость повергнуть при сем на благовоззрение вашего императорского величества подробные справки как по затронутым в настоящей всеподданнейшей записке вопросам, так и по

другим вопросам неполитического характера, кои могут быть подняты в беседе вашего величества с королем Карлом [1].

Приложение I.

Справка. 9 июня/27 мая 1914 г.

Помимо вопросов, составивших предмет особой записки, повергаемой на всемилостивейшее вашего императорского величества благовоззрение, я не могу не коснуться самого существенного вопроса, который может быть затронут королем Карлом или его министрами, а именно о возможности установления более близких, быть может, даже договорных отношений с Россией.

Приемлю смелость доложить по этому поводу нижеследующее. В случае, если бы этот вопрос был поднят с румынской стороны или если б министры короля заговорили о занимающем их вопросе улучшения нынешнего железнодорожного сообщения между Россией и Румынией, я полагаю, что, выслушивая с полным благожелательством пожелания, кои могли бы быть ими высказаны, нам с своей стороны следовало бы поставить вопрос о том, насколько свободна в настоящее время Румыния по отношению к Австрии, ибо в зависимости от этого вопроса, несомненно, стоит и дело соединения железных дорог русских и румынских. Если нам будет отвечено, что Румыния может считать себя свободной, я полагаю, что представлялось бы весьма желательным получить от румынского правительства в той или иной форме обязательство сохранять нейтралитет в случае какой-либо войны России с другой державой, оговариваясь в то же время, что при наступлении подобного случая обе державы могли бы договориться и о совместных действиях.

Итти далее этого предположения и ставить своей целью заключение наступательного или оборонительного союза едва ли представлялось бы соответственным, ибо в конце концов никакое предварительное обязательство не может послужить для нас достаточным обеспечением решения, которое в последнюю минуту будет принято Румынией исключительно в соответствии с своими выгодами. Нельзя также упускать из виду, что заключение подобного союза может быть использовано в данную минуту румынами в своекорыстных видах и что тайна его не представилась бы достаточно обеспеченной. Между тем акт, устанавливающий нейтралитет Румынии, не представляя указанных неудобств, все же содействовал бы более определенному тяготению Румынии в сторону России, обеспечивая нас против австро-румынского союза.

---

[1] К докладу приложены лишь две справки, печатаемые ниже.

Приложение II.

Справка.

Свобода плавания через проливы.

Свобода плавания через проливы имеет для России первостепенное значение. Достаточно указать, что в 1910 году через порты Черного и Азовского морей было вывезено из России:

пшеницы	277 110 000	пуд.
ржи	33 877 000	„
ячменя	215 456 000	„
овса	6 491 000	„
Итого	532 934 000	пуд.

что составляет на общую сумму вывоза этих хлебов в том же году 743 777 000 пуд., более 70%.

Рядом с этим нельзя не отметить, что согласно объяснительной записке министра финансов к проекту государственной росписи доходов и расходов на 1914 г., торговый баланс России в 1912 году был на 100 миллионов менее в сравнении с средним активным сальдо за предыдущие годы.

Такое уменьшение произошло, по объяснению министра финансов, вследствие недостаточно удовлетворительной реализации урожая, обусловленной, между прочим, временным закрытием Дарданелл для судов всех наций во время итало-турецкой войны.

№ 186. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Телеграмма № 1097 [1]. 9 июня/27 мая 1914 г.

Ваша телеграмма № 105 [2] получена.

Затрудняемся судить о том, насколько своевременно ныне обращение к королю. Однако если бы вы считали его целесообразным, то не возражали бы против передачи вами или устно королю в случае его возвращения, или записи Добровичем дословно того сообщения, которое желали бы через него сделать королю.

Мы не считаем возможным при этом отказаться от условий, выработанных после обмена вами взглядов с известными вам деятелями.

Сазонов.

---

[1] Лит. копия.

[2] См. выше № 177.

№ 187. Меморандум английского министерства иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу [1].

9 июня/27 мая 1914 г.

With reference to the proposal recently made in Teheran that the gendarmerie under Swedish officers should be placed under the ordres of the Persian War Office it appears that information of a somewhat misleading character has reached the Russian Minister for Foreign Affairs.

The actual facts of the case may be set forth as follows: Enquiry was made of Sir W. Townley whether the change appeared to him open to objection. He replied that he saw no reason to take exception to the proposed action, and in accordance with a request that he would find out the views of his Russian colleague he visited M. Korostovetz and explained to him the situation. Sir W. Townley expressed his belief that the object of the transfer was to supply the Minister of War with some force under his orders: at present His Excellency had only the Cossack brigade under Russian officers, who refused to recognise any Persian authority, and the remainder of the old Persian infantry, a negligible element of force. The office of Minister of War had accordingly become a sinecure and was proving insufficiently attractive for any candidate of proper standing.

M. Korostovetz at once informed Sir W. Townley in reply, that the idea was quite welcome to him as he had always viewed it favourably: he added moreover that the Persian Government alone were interested in the question which was merely an administrative detail. Sir W. Townley gathered at the same time that M. Korostovetz did not intend to refer the matter to the Russian Government, and in consequence Sir W. Townley did not report the subject to London, — as he considered it a matter of slight importance — to which moreover he had already made allusion in a despatch earlier in the year.

When Vossugh ed Dowleh learnt from Sir W. Townley the reply of M. Korostovetz, His Excellency reported the matter by telegraph to the Persian Minister at St. Petersburg. On the latter replying that the scheme was unwelcome to the Russian Government, no further action was taken, and the late Minister of War has not rejoined the Cabinet.

Sir E. Grey cordially reciprocated the view held by Monsieur Sazonow that it is most desirable that the two Ministers at Teheran should consult each other on matters of common interest, and it is clear from this account that the treatment of this incident at Teheran was dealt with by the Ministers there in that spirit.

---

[1] Маш. копия была препровождена Бенкендорфом в СПБ. при отношении от 15/2 июня, в дополнение к его тел. за № 148 (см. ниже № 208).

Перевод.

Ссылаясь на недавно сделанное в Тегеране предложение о том, чтобы жандармерия, состоящая под начальством шведских офицеров, была поставлена в зависимость от персидского военного министерства, можно думать, что российский министр иностранных дел получил несколько неправильную информацию.

То, что произошло в действительности, может быть изложено следующим образом:

Сэр В. Тоунлей был запрошен о том, представляется ли ему, что это изменение может вызвать возражения. Он ответил, что не видит основания к тому, чтобы делать изъятия из предположенной меры, и, согласно просьбы о выяснении взглядов его русского коллеги, он посетил г. Коростовца и объяснил ему положение. Сэр В. Тоунлей высказал мнение, что передача [жандармерии] имеет целью поставить в зависимость от военного министра некоторое количество военной силы: в настоящее время его превосходительство имеет лишь казачью бригаду, состоящую под начальством русских офицеров, которая отказывается признавать какие-либо персидские власти, и остатки старой персидской пехоты, значение которой в качестве военной силы ничтожно. Вследствие этого должность военного министра превратилась в синекуру и стала недостаточно привлекательной для кандидатов, имеющих хорошее положение.

Г. Коростовец, в ответ на это тотчас же сообщил сэру В. Тоунлею, что он приветствует эту мысль, так как он всегда был ее сторонником, однако он добавил, что только одно персидское правительство заинтересовано в этом вопросе, относящемся к подробностям управления. В то же время сэр В. Тоунлей заключил, что г. Коростовец не намерен доносить об этом деле российскому правительству, и вследствие этого сэр В. Тоунлей также не сделал донесения в Лондон, считая, что этот вопрос имеет небольшое значение, однако ранее, в начале года, он уже упомянул о нем в депеше.

Когда Восуг-эд-Доуле узнал от сэра В. Тоунлея об ответе г. Коростовца, то его превосходительство сообщил об этом по телеграфу персидскому посланнику в С.-Петербурге. Так как последний ответил, что российское правительство относится к этому плану неблагосклонно, то не было сделано никаких дальнейших шагов, и бывший военный министр не вошел в министерство.

Сэр Э. Грей искренно разделяет взгляд г. Сазонова, что было бы в высшей степени желательно, чтобы оба посланника в Тегеране совещались друг с другом по вопросам, представляющим для них общий интерес, и из изложенного ясно, что посланники трактовали этот эпизод в Тегеране в указанном духе.

№ 188. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 146 [1]. 9 июня/27 мая 1914 г.

Me référe à mon télégramme № 143 [2].

Nouvelles de Perse mentionnées dans télégramme sont télégraphiées de Téhéran dans „Times“ du 3, 4, 5 juin. Le contenu très étudié de ces télégrammes qui touchent à tous les points en litige, leu origine, l'influence qu'ils doivent exercer en Anglettere, rendent insou-

[1] Опубл. Siebert, III, S. 282, № 1059.

[2] См. выше № 157.

tenable argument qu'ils se font simplement écho de sentiments hostiles à Russie. „Times" dont attitude en faveur resserrement d'entente est devenue de plus en plus énergique n'aurait pas consenti leur publication s'il n'avait jugé nécessaire jeter lumière sur état des esprits en Perse où se prépare crise aiguë dont causes plus récentes sont: 1) rôle assumé par consuls collecter impôts et administrer indépendemment partie de leur produit en opposition avec trésor persan; 2) position faite à gouverneur général à Tabriz au détriment direct prestige et réalité (?)[1] du gouvernement persan. Cessation de rapports de confiance et amicaux entre les deux légations intervenue depuis quelques mois pour conséquence dangereuse, transport direct d'étude et pourparlers pour questions pendantes à St.-Pétersbourg et Londres, ce qui rend situation beaucoup plus grave. Il me revient de source sûre, mais très confidentielle que Townley a cru devoir demander changement de poste pour ces raisons. Etat de choses en Perse paralysant dispositions du gouvernement anglais, ne peut qu'apporter obstacles les plus sérieux à toutes les questions politiques générale en cours, nottament à commission dont est chargé capitaine Wolkoff. — Veuillez me permettre refléxion toute personnelle que politique suivie par légation en Perse est difficile à concilier avec assurances que d'après vos instructions j'ai à plusieurs reprises données ici, que si nous exigeons dans le nord de la Perse plus grande liberté d'action, nous n'en userons en aucun cas au détriment d'indépendance du gouvernement persan, que nous nous maintiendrons sur base de la convention et que nous mettrons nos soins à éviter en Perse toutes complications, par conséquent toute tentative qui pourrait paraître aventurée.—Prie vouloir bien considérer que difficultés actuelles sont les plus sérieuses intervenues jusqu'ici entre nous et l'Angleterre au sujet de la Perse, qui reste la base de tout l'édifice de l'entente. Ces dificultés ne sauraient être surmontées que par de promptes et énergiques mesures.

Benckendorff.

Перевод.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 143.

Персидские новости, упоминаемые в [этой] телеграмме, опубликованы в „Times" от 3, 4 и 5 июня в виде телеграфных сообщений из Тегерана. Содержание этих сообщений, которые привлекли к себе большое внимание и которые касаются всех спорных вопросов, а также происхождение этих телеграмм и влияние, которое они должны оказать в Англии, все это делает неправоподобным мнение, что они представляют простой отзвук чувств, враждебных России. „Times", который все более энергично высказывается

[1] Вопросительный знак в лит. копии.

в пользу скрепления Согласия, не решилась бы на их опубликование, если бы она не считала нужным осветить образ мыслей, существующий в Персии, где подготовляется острый кризис, новейшими причинами которого являются: 1) роль, принятая на себя консулами в деле взимания налогов и независимого управления частью собранной суммы, в противоречии с персидским казначейством; 2) положение, которое создано для генерал-губернатора в Тавризе в прямой ущерб престижу и власти персидского правительства. Прекращение доверчивых и дружественных отношений между обеими миссиями, происшедшее несколько месяцев тому назад, [может иметь] опасное последствие в виде прямой передачи в С.-Петербург и Лондон незаконченных вопросов для их изучения и для переговоров. Мне сообщено из верного, но очень конфиденциального источника, что Тоунлей счел по этим причинам необходимым просить о том, чтобы ему дали другое назначение. Положение дел в Персии, которое парализует намерения английского правительства, может лишь создать самые серьезные препятствия к разрешению текущих общеполитических вопросов, именно поручения, которое дано капитану Волкову. Благоволите разрешить мне [высказать] совершенно личные соображения о том, что политика, которой следует [наша] миссия в Персии, трудно совместима с теми заверениями, которые я, согласно вашим инструкциям, несколько раз давал здесь в том, что если мы требуем в Северной Персии большей свободы действия, то мы ни в коем случае не воспользуемся ею в ущерб независимости персидского правительства, а также в том, что мы будем придерживаться конвенции и будем стремиться избегать в Персии всех осложнений, а следовательно, и всех действий, которые могли бы показаться рискованными. Прошу принять во внимание, что теперешние затруднения являются самыми серьезными из всех, возникавших до сих пор между нами и Англией по вопросу о Персии, [соглашение] о которой остается основой всего Согласия. Эти затруднения могут быть преодолены лишь быстрыми и энергичными мерами.

Бенкендорф.

№ 189. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 148 [1]. 9 июня/27 мая 1914 г.

Ссылаюсь на телеграммы №№ 104 [2] и 105 [3]. Копия в Софию.

Несмотря на все усилия Маржери, переговоры с банками все еще не привели к окончательному результату, которого однако можно ожидать на-днях. Маржери сказал мне, что, по мнению французского поверенного в делах в Софии, вполне разделяемому как им самим, так и находящимся здесь Панафье, при нынешних обстоятельствах было бы нецелесообразно и даже опасно сделать королю Фердинанду предположенное сообщение хотя бы в той мягкой редакции, которая была выработана в Париже, ибо это могло бы окончательно оттолкнуть короля от России и Франции и в корне

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 131, № 1361.

[2] В делах б. м-ва ин. дел документ не обнаружен.

[3] См. выше № 177.

подорвать положение русского и французского представителей в Софии. Маржери думает, что, как только получится окончательное согласие французских и русских банков, следует предложить Болгарии аванс, не став(я) (новейших) условий, в расчете на зависимость, в которую этот аванс и необходимость реализовать вслед за сим на здешнем рынке заем поставит Болгарию от России и Франции. Что касается возможности наложить veto на излишние доходы от табачной бандероли, то, по словам Маржери, это зависит от условий (кон)тракта, которые он не преминет подвергнуть тщательному изучению.

Извольский.

№ 190. Посол в Берлине министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 83. 9 июня/27 мая 1914 г.

Циммерман, являющийся за последнее время фактическим управляющим министерством иностранных дел вследствие постоянных отлучек министра иностранных дел, отчасти опровергает появившееся вчера в римской „Трибуне" известие, будто Ягов заявил здешнему итальянскому послу, что германское правительство согласно на более широкую интернационализацию албанской задачи. По словам Циммермана, берлинский кабинет выразил лишь согласие на посылку в албанские воды судна, к отправке же отряда он относится попрежнему совершенно отрицательно. Циммерман высказывается также против распространения компетенции контрольной комиссии, так как этим в сущности было бы установлено международное управление Албанией, что могло бы привести к нежелательному разногласию в лоне самой комиссии. При этом Циммерман указал на обнаружившиеся нелады на местах даже между представителями союзных держав, несмотря на единение между правительствами. В общем Циммерман смотрит на положение в Албании более спокойно, чем несколько дней назад, и предполагает, что кризис теряет свою остроту. По его мнению, первою задачею князя должна быть организация милиции под руководством офицеров одной из второстепенных держав, но для этого, очевидно, нужны деньги. На замечание, что заем был задержан несговорчивостью Австрии и Италии в вопросе банка, Циммерман заявил, что он всегда был против особых прерогатив в Албании для некоторых держав, и он надеется, что эти затруднения ныне сгладятся. Удаление Эсада в том виде, в каком оно было сделано, он не одобряет: следовало бы или устранить его..[1] из Албании или же постараться ладить с ним.

[1] Пропуск в подлиннике.

Теперь же, находясь в изгнании, Эсад имеет полную возможность продолжать свои интриги, располагая деньгами и опираясь на многочисленных приверженцев в стране. Вообще Циммерман откровенно не одобряет поведения князя и добавил, что если бы он не ограничивался сидением в Дураццо и во-время стал во главе верных ему албанцев, он не оказался бы теперь в столь трудном положении. Приехавшему на-днях сюда гофмаршалу князя, который просил, повидимому, советов, Циммерман однако, будто бы, воздержался преподать таковые. Французский посол предполагает, что под расширением интернационализации Ягов имел в виду австро-итальянский банк, к которому здесь всегда относились не вполне сочувственно. Прежде однако не находили нужным оказывать в этом вопросе достаточное воздействие, что теперь, вероятно, будет сделано.

Свербеев.

№ 191. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 106 [1]. 9 июня/27 мая 1914 г.

Копия в Париж.

В полученных утром всеми здешними банками телеграммах (из Берлина) видно, что переговоры Тончева прерваны [2]. Дальнейших подробностей пока нет, и неизвестно, окончательный ли это разрыв, или Тончев уезжает из Берлина с обещанием возобновления переговоров. В обоих случаях и ранее чем будет решен при новой обстановке принципиальный вопрос, нужно ли мне все-таки делать известное предложение или лучше ждать падения Радославова и образования (нового кабинета), считал бы весьма важным получить окончательный ответ французских банков, (на) которые французское правительство должно было бы повлиять, чтобы они вследствие неудачи в Берлине не делали затруднений и не слишком повышали своих требований. В моем обращении к королю теперь можно было бы, упомянув об очевидной невозможности правительству оставаться у власти, выразить, что мы нисколько не считаемся с поведением правительства Радославова, но надеемся, что теперь, испытав новую неудачу со стороны Австрии, Болгария станет на путь окончательного сближения с Россией и докажет это на де-

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 132, № 1362.

[2] Тел. от 9 июня/27 мая за № 83 Свербеев также сообщил, что „переговоры с Disconto-Gesellschaft вчера были прерваны, так как не могло быть достигнуто соглашение по вопросу табачной монополии, которая, как здесь заявляют, с самого начала переговоров обеими сторонами была поставлена базою для заключения этого займа".

ле. Другой способ действия был бы недостойным России; мы должны показать свое великодушие, какое расстояние отделяет нас от Болгарии, с которой Россия не может считаться как равная с равной.

Савинский.

№ 192. Генеральный консул в Тавризе министру иностранных дел.

Телеграмма № 433. 9 июня/27 мая 1914 г.

Телеграмма за № 1091 [1] получена.

Сообщено почтой в Тегеран, Маку, Хой, Урмию, Ардебиль и Соуджбулаг.

Немецкая ковровая фабрика является крупным немецким предприятием в Азербайджане, и вокруг нее создалась, во мнении персов и иностранцев, атмосфера борьбы за общее влияние в крае между русскими и немцами. Придание спорам о ней политического характера принадлежит не мне. Мне пришлось однако, по предписанию миссии, оказать мои добрые услуги снабжению фабрики углем, т. е., во мнении населения, капитулировать перед немцами. Необходимо было найти более почетный выход из этого положения. Я находил, что если уже давать уголь, так, по крайней мере, русскому по внешности промышленному предприятию, а не немецкому. Поэтому, и по причине желательности вообще содействовать насаждению здесь промышленных предприятий, чтобы дать заработок местному населению, я не уклонился от обсуждения предложений Шюнемана и Якоби и разработал их до изложенных в письме Якоби [2] размеров, уничтожающих, может быть, лишь вре-

---

[1] Тел. от 8 июня/26 мая за № 1091 Клемм запрашивал Орлова о целях, которые преследуются осуществлением на германской ковровой фабрике в Тавризе мер, перечисляемых в тел. Орлова от 28/15 мая за № 392 после его переговоров с директором фабрики Якоби. Эти меры сводились, по предложению последнего, к следующему:

„1. Фабрика будет иметь здесь директора русской национальности, новая дирекция будет пользоваться нашим покровительством.

2. Все недоразумения и тяжбы фабрики будут рассматриваться генеральным консульством.

3. Агенты для закупки шерсти в Курдистане будут выбираться по соглашению с генеральным консульством.

4. Раздача материалов для производства ковроз в деревнях будет производиться под нашим контролем.

5. Над такими деревнями может быть выставлен русский флаг.

6. Окончательное разрешение вопроса о земле Шюнемана в крепости Решидие предоставляется генеральному консульству".

[2] См. выше прим. 1.

менно всякую политическую роль немцев и сводящих Шюнемана с престола крупного политического деятеля в этой части Персии.

Какой эффект произведет водружение русского флага на бывшей немецкой фабрике,—можно судить по тому, что одни лишь смутные слухи о переходе фабрики в русские руки и о спуске немецкого флага сделали то, что в вопросе о городском самоуправлении, организуемом под моей опекой, что предоставит нашим войскам возможность провести здесь зиму, ни одно иностранное консульство не стало на сторону враждебных нам бельгийцев, категорически отказывающихся привести места расположения наших войск в обитаемый вид.

Орлов.

№ 193. Вице-консул в Хое министру иностранных дел.

Телеграмма № 95. 9 июня/27 мая 1914 г.

Телеграфирую в Тегеран:

Вопреки данным бывшим представителем главного казначея в Хое Девердтом заверениям о решении бельгийской администрации сохранить за собой управление государственными имениями, тавризское управление означенными имениями сдало все селения „Халисе" Хойского района в аренду, сроком на 6 лет, германскому агенту тавризской ковровой фабрики Мир-Мехди.

Пребывающий в Хое представитель главного казначея Пире заявил мне, что эта сделка была заключена без его ведома в Тавризе.

Находя недопустимым для наших интересов появление в Хойском районе, хотя бы косвенного, германского землевладения и считая справедливым предоставить право аренды местным капиталистам, находящимся под нашим покровительством, чего они не могли соискивать ввиду скрытого совершения сделки, предполагаю всемерно стеснить Мир-Мехди в осуществлении арендного договора, чем принудить его отказаться от аренды в пользу другого лица, не имеющего связи с германским делом, если переговоры с бельгийской администрацией в Тавризе и Хое не дадут благоприятного результата [1].

Чирков.

---

[1] В тел. от 11 июня/29 мая за № 103 Чирков сообщал, что „германский агент Мехди был вынужден отказаться от аренды правительственных имений в Хойском районе, уведомив об этом по телеграфу тавризское финансовое управление".

№ 194. Министр иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

Письмо [1]. 10 июня/28 мая 1914 г.

En me référant à votre lettre du 8 juin/26 mai [2] et adressée à Mr. Nératow, je crois devoir attirer votre attention sur le fait que la ligne de démarcation y citée déterminant la zone de l'Afganistan du nord suit dans sa partie occidentale la chaîne de montagnes de Siah Boubak située au nord du Heri-roud excluant en conséquence de la zone en question toute la vallée de ce fleuve en territoire afgan.

Or le Heri-roud étant une des artères des plus importantes au point de vue de l'irrigation des terres cultivées de la province Transcaspienne le gouvernement impérial attache la plus grande importance au partage équitable des eaux de cette rivière entre les deux pays et voudrait avoir la certitude de ce qu'aucuns travaux d'irrigation sur le territoire afgan n'entraîneraient la diminution de la quantité d'eau dans la partie inférieure de ce fleuve.

Il est indispensable en conséquence que ladite vallée fasse partie de la zone mentionnée. Dans ce but la ligne démarcation devrait suivre la chaîne de montagnes au sud du Heri-roud nommé Séfid-Kouh et aboutir au point où le Heri-roud commence à former la frontière entre l'Afganistan et la Perse [4].

---

[1] Лит. копия.

[2] В подлиннике документ помечен 28/29 мая.

[3] См. выше № 179.

[4] В деле имеется документ, озаглавленный: „Компенсации, которые желательно было бы получить от англичан взамен уступок в Тибете. Апрель — май 1914". Текст документа следующий:

„1) Великобританское правительство должно принять все зависящие меры к тому, чтобы эмир афганский подчинился англо-русскому соглашению 1907 года.

2) Ввиду явной опасности, которая грозила бы русским владениям в Средней Азии в случае каких-либо ирригационных предприятий в Северном Афганистане, с расширением там культурной площади, и так как подобные предприятия могли бы возникнуть только при участии иностранных капиталов и под руководством иностранных подданных, то великобританское правительство должно обязаться не допускать никаких предприятий или концессий такого рода в сказанной части ханства, т. е. приблизительно на север от линии, составляемой водоразделом к югу от р. Гери-Руда и Гиндукушем.

3) Великобританское правительство должно всячески содействовать осуществлению необходимых для нас ирригационных работ в ближайшем к границе нашей и бухарской районе Афганистана.

4) В дополнение к ст. IV соглашения 1907 г. великобританское правительство должно обязаться не допускать никаких монопольных прав торгово-промышленного свойства в пользу английских компаний или подданных в упомянутой в п. 2 зоне.

5) Ввиду важного значения, которое имело бы для наших экономических и

Les autres articles cités dans votre lettre me parraissant en général acceptables, j'aimerais bien y voir ajouter une clause stipulant le droit des pélerins bouddhistes russes de se rendre à Lhassa par la voie des Indes au même titre que les bouddhistes sujets britanniques ainsi que cela s'est fait à maintes occasions. Les voies du nord étant d'un accès très difficile.

Je crois devoir ajouter que nos pourparlers actuels visant une modification essentielle de notre Convention de 1907 je ne saurais me prononcer définitivement à ce sujet qu'après avoir obtenu l'approbation de sa majesté l'empereur.

Veuillez etc.

Sazonow.

Перевод.

Ссылаясь на ваше письмо г. Нератову от 8 июня/26 мая, я считаю нужным обратить ваше внимание на то обстоятельство, что указанная в нем демаркационная линия, которая определяет зону Северного Афганистана, следует в своей западной части по горному хребту Сиах Бубак, расположенному на север от Гери-Руда, вследствие чего вся долина реки на афганистанской территории оказывается вне указанной зоны.

Так как Гери-Руд является важнейшей артерией для ирригации обрабатываемых земель в Закаспийской области, то императорское правительство придает чрезвычайно большое значение справедливому распределению вод этой реки между обеими странами и хотело бы иметь уверенность в том, что никакие ирригационные работы на афганской территории не вызовут уменьшения количества воды в нижних частях этой реки.

Вследствие этого необходимо, чтобы названная долина входила в указанную зону. С этой целью демаркационная линия должна следовать по горному хребту, который находится на юге от Гери-Руда и называется Сефид-Ку, и достигать пункта, в котором Гери-Руд образует границу между Афганистаном и Персией.

Остальные статьи, которые приводятся в вашем письме, представляются мне в общем приемлемыми; я хотел бы, чтобы к ним было сделано добавление о праве русских паломников-буддистов отправляться в Лхассу через Индию, подобно тому, как это делают буддисты британские подданные и как это во многих случаях делается и теперь. Северные пути очень трудно доступны.

Я считаю нужным прибавить, что так как наши теперешние переговоры предполагают существенное изменение нашей конвенции 1907 г., то я не могу дать по этому вопросу своего окончательного решения до получения одобрения его императорского величества.

Примите и пр.

Сазонов.

стратегических интересов железнодорожное строительство в Северном Афганистане, великобританское правительство не должно допускать такового без предварительного с нами соглашения".

№ 195. Министр иностранных дел министру двора Фредериксу в Ливадию.

/. Телеграмма № 1108 [1]. 10 июня/28 мая 1914 г.

Франция и Англия просят нашего участия в посылке военных судов в Дураццо. Считал бы возможным согласиться на посылку стационера, находящегося в Пирее, исключительно в распоряжение нашего представителя, оговорив, что мы не будем участвовать ни в каких десантных операциях.

Испрашиваю высочайших указаний.

[Сазонов.]

Согласен на изложенные условия.

Ливадия, 11 июня/29 мая 1914 г.

№ 196. Товарищ министра иностранных дел поверенному в делах в Пекине Граве.

Телеграмма № 1112 [2]. 10 июня/28 мая 1914 г.

Сообщается послам в Токио и в Париже.

Телеграмма № 266 [3] получена.

Предлагаемая банкирами комбинация—понижение цифры займа при обеспечении нашего участия в монетной реформе соответствует нашим интересам, и вы могли бы дать на нее согласие, если ваш японский сотоварищ будет снабжен подобными же инструкциями от своего правительства.

(Для Пекина.)

Мы желали бы однако предварительно знать, как понимаете вы предлагаемое вами предъявление в связи с займом политических требований [4]. До сих пор, насколько известно, группы свое согласие обусловливали общими для всех гарантиями уплаты в виде контроля, назначения советников и т. п. На отказ Китая принять наши отдельные условия мы можем ответить только устранением себя от займа, что, по основному соглашению консорциума, поведет к распределению нашей доли между другими участниками. Вы могли бы рассчитывать на успех наших требований лишь при поддержке других держав, но для этого надо, чтобы и они поставили

---

[1] Царск. экз.

[2] Лит. копия.

[3] Тел. от 9 июня/27 мая за № 266 Граве сообщал о сделанном кит. м-ром фин. предложении понизить сумму займа до 8 милл. ф. ст. и о требовании банков к кит. прав-ву представить проект денежной реформы до подписания договора о займе.

[4] См. т. II, № 288.

Китаю свои сепаратные условия, чего однако, судя по вашей телеграмме, не имеется.

Благоволите телеграфировать ваши соображения по этому поводу [1].

Нератов.

№ 197. Меморандум английского министерства иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу [2].

10 июня/28 мая 1914 г.

Confidential.

In a recent conversation with Sir G. Buchanan, M. Sazonow alluded to the intention of the Russian Government to ask His Majesty's Government to recognise more fully Russia's predominant interests in Northern Persia. Although such predominance of interests was fully recognised in the Anglo-Russian Agreement of 1907, His Excellency thought the Russian Government had reason to complain that British consular officers in Persia did not always act in a manner conformable to such recognition in practice. He referred on this occasion more especially to the opposition which the British Legation at Teheran was alleged to have made to a Russian irrigation scheme at Ispahan. A separate memorandum will deal with this particular question. M. Sazonow's complaint of the attitude of British agents in Persia was, however, of wider application and he gave expression, not for the first time to his dissatisfaction with the spirit in which these agents are said to criticise the proceedings of the Russian consular authorities in the northern zone. His Excellency foreshadoved the presentation on his part of a note explaining in greater detail the view which the Russian

---

[1] Тел. от 13 июня/31 мая за № 272 Граве ответил, что „французский посланник будет обусловливать свое согласие на утверждение контракта о займе: 1) исполнением требований банкиров; 2) продолжением сроков контрактов советников; 3) расширением концессий в Ханькоу; что японский представитель запросил инструкций, а англ. и герман. будут возражать против предъявления требований, так как они являются противниками усиления иностр. контроля над финансами Китая". Граве советовал поддержать требования французов, рекомендуя им в случае надобности пожертвовать третьим их пунктом, так как подобная поддержка освобождает Россию от всякого риска, ибо успех займа зависит от разрешения его котировки на французской бирже.

[2] Печатный оттиск. Меморандум был получен от англ. прав-ва Бенкендорфом и препровожден в СПБ при отношении от 15/2 июня, в дополнение к его тел. № 147 (см. ниже № 207).

Government took of the situation, and their proposals for meeting it. The promised note will, it need hardly be said, be duly examined with the greatest interest and in the most friendly spirit. The British Government on there part are seriously concerned at the present position in Persia and the direction in which it is developing. Without, therefore, waiting for the receipt of M. Sazonow's note, they think it right to place before the Russian Government certain observations, inspired by their desire that the respective interests of the two countries in Persia should continue as hitherto to be frankly and amically discussed between them.

In view of M. Sazonow's recent remarks, it appears desirable to recall that the Anglo-Russian Agreement of 1907 was based upon the assumption of the independence and integrity of Persia. The division into three zones flowed from strategic rather than from political or commercial considerations, and in no sense did the agreement contemplate, or aim at, a political or administrative partition of Persia. Important events however, which were not, and could not be, foreseen in 1907, have since occured, bringing in their train, among other things, a military occupation of Northern Persia by a Russian military force varying in numbers from 12 000 to 17 000 men, and the establishment of what amounts in practice to a Russian political protectorate over these regions.

It would be difficult to describe in any other way the de facto administrative status of the northern provinces of Persia. The Persian governor-general at Tabriz is now to all intents and purposes an autonomous ruler. He pays no heed to the authority of the Central Government, and even at times issues orders in a sense contrary to their express instructions. The governor-general is, at the same time, entirely under the control of the Russian consulate-general, whose behests he implicitly obeys, and whose support alone prevents their protégé frome being called to account by his own Government. Again, Persian governors, as at Resht and Kazvin and at Julfa (Ispahan), are practically chosen or, at any rate, maintained in their office by the Russian consuls, and the condition of their remaining in office is that they must act as the Russian agents desire. The Central Government dare not dismiss them except with Russian consent, however rebellious, dishonest, or otherwise unsatisfactory their conduct. It will be remembered that the Russian Minister at Tehran recently brought about, on grounds closely connected with an instance of this nature, the resignation of the late Minister of the Interior, probably one the least incapable and least inefficient officers of State in the country,

and originally selected for his post on the strong recommendation of the Russian Government themselves.

By the grant of Russian protection to individuals, with all that implies, in Azerbaijan, Meshed, and even as far south as Ispahan, the Russian administrative control is extended in great measure into the financial administration, which is at times seriously crippled thereby. In Azerbaijan instances have occured where the major part of the taxes due from very numerous Russian-protected persons have been collected, to the total exclusion of the Persian finance administration by the Russian consuls, and by them lodged in the Russian bank, without even an account being rendered of the moneys thus diverted from the Persian Treasury, so that the finance of the province has been completely disorganised.

It is true that the Russian Government have not in set terms annexed the north of Persia but, on the contrary, have repeatedly disclaimed any intention of doing so. Nevertheless, they have, in fact acquired supreme political power and are the predominant influence through their agents in all the administration, which has in fact become Russian in all but name.

His Majesty's Government have never failed to recognise Russia's claim to exclude any other foreign influence from the north of Persia and adequately to safeguard Russian interest there. At moments of crisis and disorder, as, for instance, at the time of the Shuster incident and of the troubles at Tabriz, they have raised no objection to the measures taken by Russia to secure these objects. Even now, though the steadily increasing influence and activity of Russia's agents seems somewhat in excess of what is essential to secure the objects in question, the purpose of laying the present considerations before M. Sazonow is to record the actual facts of the existing situation rather than to make complaint regarding past actions.

It is, however, necessary for His Majesty's Government to consider of what has occured in their bearing on important British interests which it is their duty to safeguard for the future. One result of Russian activity in north of Persia, combined with the disturbed condition of the south, has been to create almost a monopoly in the north and north-vest for Russian trade: and the inevitable tendency must be for Russian trade, under the impulse imparted to its flow by the substitution of Russian for Persian authority in the north, to penetrate to the south, replacing in both regions British and other foreign trade, which cannot enter Persia except by the southern trade routes, and cannot enter at all when these roads are closed.

There is, moreover, a general tendency for Russian political influence to extend into the neutral sphere, as is apparent from the activity of the Russian consul at Ispahan and his interference with the duties of the governor-general of that province, and from the projected irrigation concession at the headwaters of the Karkunan. His Majesty's Government cannot remain unconcerned if Russian influence and activity in the neutral zone threatens to assume the political and predominent character that it has done in the north.

It will doubtless be readily admitted that His Majesty's Government have always hitherto done their best, in the British Parliament, to explain, and even to justify the general action of Russia in Northern Persia on the ground that it was necessary for her to protect the interests and maintain the position, commercial and other, that she held there prior to the conclusion of the Anglo-Russian convention of 1907. His Majesty's Government have taken the line that it would be unfair to interpret or use the agreement of that year as an instrument for altering the status quo of 1907 to the disadvantage of Russia. But it follows that British interests in the south of Persia should also be not allowed to suffer by the changes that have taken place since 1907, and that His Majesty's Government should be free to adopt such measures as may be necessary to secure their strategic and political interests in the British sphere and the Persian Gulf and their important interests in the neutral sphere.

Whether this will require a revision of the agreement of 1907 is a matter for consideration, His Majesty's Government would have remained quite satisfied with that Agreement had Russian action in the Russian sphere been kept within the limits of British action in the British sphere but they cannot close their eyes to the fact that the situation has altered to the disadvantage of British influence, trade, and interests. Some special steps and some revision of the Agreement of 1907 may therefore appear necessary to restore the relative interests of Russia and Great Britain to the position which they occupied respectively in 1907.

Перевод.

Конфиденциально.

В недавнем разговоре с сэром Дж. Бьюкененом г. Сазонов упомянул о намерении российского правительства просить правительство его величества о более полном признании преобладания интересов России в Северной Персии. Хотя преобладание этих интересов было полностью признано в англо-русском соглашении 1907 г., но его превосходительство считает, что у него есть основания жаловаться на то, что британские консульские чины в Персии не всегда действуют в духе, который был бы совместим с таким признанием на прак-

тике. При этом он сослался специально на противодействие, которое британская миссия в Тегеране, по его убеждению, оказала русскому проекту ирригации в Исфагани. Этот частный вопрос послужит темой особого меморандума. Жалоба г. Сазонова на отношение британских представителей в Персии носила однако более широкий характер, и он, уже не в первый раз, выразил свою неудовлетворенность духом, в каком эти представители, будто бы, критикуют деятельность российских консульских властей в северной зоне. Его превосходительство дал понять, что он представит ноту, которая подробно пояснит точку зрения российского правительства на существующее положение, а также предложения для его исправления. Едва ли нужно говорить, что обещанная нота будет рассмотрена с величайшим интересом и в самом дружеском духе. Британское правительство, со своей стороны, серьезно интересуется положением, существующим сейчас в Персии, и направлением, в котором оно развивается. Не ожидая поэтому получения ноты г. Сазонова, оно считает правильным представить российскому правительству некоторые замечания, продиктованные желанием, чтобы интересы обеих стран в Персии попрежнему откровенно и дружески ими совместно обсуждались.

Ввиду недавно сделанных г. Сазоновым указаний, желательно напомнить, что англо-русское соглашение 1907 г. основывалось на предпосылке о независимости и неприкосновенности Персии. Разделение на три зоны исходило скорее из стратегических, чем из политических или торговых соображений, и соглашение ни в коем случае не предполагало политического или административного раздела Персии и не стремилось к нему. Однако с тех пор произошли серьезные события, которые не были и не могли быть предусмотрены в 1907 г. и которые повлекли за собой, вместе с другими обстоятельствами, военную оккупацию Северной Персии русским военным отрядом, численность которого колеблется от 12 000 до 17 000 человек, что практически означает установление политического протектората России над этими областями.

Административное положение, установившееся de facto в Северной Персии, трудно описать как-нибудь иначе. Персидский генерал-губернатор в Тавризе является сейчас в полном смысле автономным правителем. Он не обращает никакого внимания на власть центрального правительства и по временам даже издает распоряжения, идущие вразрез с прямыми указаниями последнего. В то же время генерал-губернатор находится полностью под контролем российского генерального консульства, приказаниям которого он беспрекословно подчиняется и лишь поддержка которого избавляет этого протеже консульства от необходимости дать ответ своему правительству. Затем, персидские губернаторы, например в Реште, Казвине и Джульфе (Исфагань), фактически назначаются или во всяком случае сохраняют свои должности благодаря русским консулам, причем условие сохранения ими должности сводится к тому, что они должны поступать так, как желают представители России. Центральное правительство не решается их сменять, если русские на это несогласны, каким бы непокорным, бесчестным или вообще неудовлетворительным ни было их поведение. Надо помнить, что российский посланник в Тегеране недавно добивался, по причинам, тесно связанным с изложенными обстоятельствами, отставки прежнего министра внутренних дел, являющегося, вероятно, одним из наименее неспособных и из наименее бездейственных государственных деятелей Персии и который первоначально был назначен на эту должность вследствие решительного указания самого российского правительства.

Благодаря оказанию покровительства, со всеми его последствиями, разным

лицам в Азербайджане, Мешеде и даже так далеко на юг, как в Исфагани, русский административный контроль широко распространяется на управление финансами, которые подчас вследствие этого серьезно страдают. В Азербайджане были случаи, когда большая часть налогов, подлежащих уплате со стороны очень многочисленных лиц, находящихся под русским покровительством, взималась русскими консулами, без всякого участия персидской финансовой администрации, и помещалась ими в русский банк; при этом не давалось даже отчета в деньгах, которых персидское казначейство таким образом лишалось, вследствие чего финансы провинции совершенно расстроились.

Российское правительство, правда, не аннексировало формальным образом Северную Персию, но, напротив, неоднократно опровергало всякое намерение сделать это. Тем не менее оно фактически приобрело высшую политическую власть и оказывает через своих представителей преобладающее влияние во всех отраслях управления, которое фактически, за исключением названия, стало русским.

Правительство его величества никогда не отказывалось признавать притязание России на устранение из Северной Персии всякого другого иностранного влияния, а также и должным образом охранять там русские интересы. В моменты кризиса и беспорядка, как, например, во время инцидента с Шустером и во время беспорядков, оно не возражало против мер, принятых Россией для охраны этих интересов. Даже теперь, когда постоянно возрастающее влияние и активность русских представителей кажутся несколько чрезмерными по сравнению с тем, что требуется для защиты указанных интересов, настоящие соображения, представленные г. Сазонову, ставят себе целью перечисление действительных условий существующего положения, а не высказывание жалоб по поводу действий, имевших место в прошлом.

Правительству его величества необходимо однако рассмотреть, что произошло в деле защиты им существенных британских интересов, которые оно обязано охранять для будущего. В результате активности России в Северной Персии, наряду с нарушением порядка на юге, создалось почти монопольное положение для русской торговли на севере и северо-западе; под влиянием замены на севере персидских властей русскими, должно возникнуть неизбежное стремление в русской торговле к проникновению на юг и к вытеснению в обоих областях британской и другой иностранной торговли, которая не может проникнуть в Персию иначе, как по южным торговым путям, и не может проникнуть вообще, когда эти пути закрыты.

Сверх того, русское политическое влияние имеет общую тенденцию к распространению на нейтральную зону, как это видно из деятельности российского консула в Исфагани и из его вмешательства в обязанности генерал-губернатора этой провинции, а также из проектируемой концессии на ирригацию у верховьев Каркунана. Правительство его величества не может оставаться безразличным, когда влияние и деятельность России в нейтральной зоне грозит приобрести политический и преобладающий характер, как это случилось на севере. Следует признать, что правительство его величества делало до сего времени все для него возможное в английском парламенте, чтобы объяснить и даже оправдать поведение России в Северной Персии, так как оно считает, что Россия должна была охранять интересы и сохранять положение, торговое и иное, которое она занимала там до заключения англо-русской конвенции 1907 г. Правительство его величества считало бы недобросовестным толковать или

применять соглашение этого рода как средство для изменения, в ущерб России, status quo 1907 г. Но из этого следует, что британские интересы в Южной Персии также не должны испытывать ущерба от перемены, происшедшей с 1907 г., и что правительство его величества свободно принимать такие меры, которые будут необходимы для обеспечения его стратегических и политических интересов в британской сфере и у Персидского залива, а также его существенных интересов в нейтральной зоне.

Следует рассмотреть, вызывает ли это необходимость в пересмотре соглашения 1907 г. Правительство его величества было бы вполне удовлетворено этим соглашением, если бы деятельность России в русской сфере оставалась в пределах, соответствующих британской деятельности в британской сфере, но оно не может закрывать глаза на то обстоятельство, что положение изменилось в ущерб влиянию, торговле и интересам Великобритании. Вследствие этого могут оказаться нужными некоторые специальные меры и некоторый пересмотр соглашения 1907 г. для возвращения интересов России и Великобритании к тому положению, которое они соответственно занимали в 1907 г.

№ 198. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Телеграмма № 85. 10 июня/28 мая 1914 г.

Продолжение моей телеграммы № 76 [1].

Частным образом узнаю от лиц, причастных к Disconto-Gesellschaft, что известие о неудавшихся переговорах о болгарском займе пущено самим банком с целью оказать давление на болгарское правительство в вопросе о табачной монополии. В здешних финансовых сферах, повидимому, убеждены, что Болгарии нигде не удастся в настоящее время получить полностью суммы, ей необходимые, и в конце концов ей придется все же прибегнуть к берлинскому денежному рынку, который, по мнению банков, ныне располагает более чем какой-либо другой свободными наличными средствами.

Свербеев.

№ 199. Поверенный в делах в Афинах министру иностранных дел.

Телеграмма № 115. 10 июня/28 мая 1914 г.

Копия в Константинополь.

Все усиливающийся наплыв беглецов и в особенности критическое положение населения Айвали вызвали взрыв всеобщего негодования и требование энергичного воздействия на Турцию. Печать крайне воинственна. Министр иностранных дел, действуя через Па-

[1] См. выше стр. 216, прим. 2.

наса, все еще надеется на экстренные распоряжения Порты о прекращении гонений. В противном случае разрыв неминуем[1].

Урусов.

№ 200. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Депеша № 67. 10 июня/28 мая 1914 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Желая ознакомиться с положением на малоазиатском побережьи, военный агент в Константинополе, с моего разрешения, отправился на канонерской лодке „Донец" в Смирну.

По возвращении своем генерал-майор Леонтьев представил мне

---

[1] Ссылаясь на публ. тел. Урусова, Гирс подтвердил факт сделанного в К-поле Панасом по поручению афинского кабинета заявления великому визирю, „что если гонение на греков в Турции не прекратится, то все мусульмане будут тоже изгнаны из Македонии и их имущество безвозмездно [будет] передано греческим эмигрантам из Турции". Сомневаясь, „чтобы такая угроза... произвела сильное впечатление на Порту", Гирс указывает, что последняя начинает тем не менее „опасаться последствия.. возбуждения", охватившего „общественное мнение в Европе, а в особенности в России". В депеше от 10 июня/28 мая за № 18 Урусов, указывая на усилия „греческого правительства восстановить мирные сношения с Турцией", сообщает, что, в ответ на протесты Галиб-бея против греческих гонений на мусульман, Венизелос предложил турецкому посланнику „поехать в Македонию, дабы лично убедиться, насколько упреки по отношению к местной греческой администрации несправедливы". „Можно заранее предвидеть, — пишет Урусов, — что турецкий посланник, следуя предначертаниям Порты, вернется убежденным свидетелем греческого террора в Македонии". Указывая далее, что „за последние дни тон большей части прессы стал сразу крайне вызывающим по отношению к Турции„ и что „в палате готовятся запросы о степени готовности войск к борьбе с Турцией", Урусов делает замечание: „Трудно сказать, следует ли приписать воинственную вспышку усиленному притеснению греков в Малой Азии или факту покупки американских броненосцев, — вряд ли это простое совпадение". В дополнение к публикуемой тел. Демидов доверит. письмом от 11 июня/29 мая со слов Стрейта сообщал Сазонову, что, „соблюдая умеренность в требованиях своих к Порте, греческое правительство однако, ввиду безуспешности их, поневоле принуждено было сделать последние заявления в самых категорических выражениях". В заключение, излагая свою беседу со Стрейтом, Демидов пишет: „Относительно покупки американских броненосцев министр выразил надежду, что эти суда будут скоро приобретены. На высказанное мною предположение, что с приобретением этих кораблей политика Греции по отношению к Турции станет более энергичной, министр ответил, что восстановление равновесия на море даст, наоборот, Греции возможность скорее проявить некоторую уступчивость. Таковая в настоящее время рассматривалась бы Турцией как признак страха и слабости: после же усиления греческого флота та же уступчивость будет признана за действительное желание притти к соглашению".

копию донесения, отправленного им своему начальству, каковую имею честь ныне представить вашему высокопревосходительству [1].

Считаю долгом отметить, что я вполне разделяю взгляд нашего военного агента на значение островов, расположенных перед Дарданеллами,—взгляд, получивший подтверждение и из иных источников, в том же числе со стороны нашего морского агента.

Примите и пр. [1].

Гирс.

№ 201. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 33. 10 июня/28 мая 1914 г.

В телеграмме от [4 июня] 22 мая № 243 я уже имел честь доложить вашему высокопревосходительству краткое содержание пере-

---

[1] К депеше приложена „копия с секретного донесения военного агента в Константинополе генерал-квартирмейстеру генерального штаба от 5 июня/23 мая 1914 г. за № 157". „При выходе из Дарданелл в Эгейское море, — говорится, между прочим, в этом донесении,—с полной рельефностью обрисовалось громадное значение, которое могут получить острова Тенедос, Имброс и Лемнос для обороны проливов. Уступка этих островов или хотя бы одного из них грекам поставит турок, или их возможных будущих наследников, в крайне трудное положение, заставив постоянно опасаться тех или иных выступлений против Дарданелл с минимального расстояния". Обращаясь специально к вопросу об острове Лемносе, военн. „агент соглашается с мнением лейт. Щеглова („англичане отлично сознают, что владеющий Лемносом владеет Дарданеллами") и заключает: „Не в наших интересах передавать означенный остров грекам, если мы только не отказались окончательно от надежды рано или поздно стать твердой ногой в районе проливов. Но казалось бы, что даже и в таком случае нам было бы естественно желать, чтобы остров Лемнос оставался во владении Турции, так как едва ли можно представить себе такую комбинацию, чтобы облегчение прорыва в Дарданеллы со стороны Эгейского моря могло соответствовать нашим интересам. Но этот вопрос слишком острый и важный и находится в тесной связи с отношениями Англии к нам в этой части Средиземного моря..." Далее в донесении говорится о притеснениях греков, о „безвыходном положении последних" в связи с действием бойкота, „о различных насилиях, выселениях и бегстве жителей и даже о сожжении православной церкви в Сардах". В донесении особо отмечается предупредительность, оказанная турецкими властями, в разговоре с которыми „не раз заходила речь о повороте в русско-турецких отношениях в лучшую сторону, якобы определившуюся особенно заметно с момента посещения Ливадии Талаат-беем". В заключение отмечается, что поездку в Смирну военн. агент использовал для осмотра „окрестностей и побережья к югу от Смирны, представляющих тот или иной интерес с военной точки зрения, а также под предлогом осмотра эфесских древностей, выезжал к побережью севернее Скала-Новы, где высадка греков представляется наиболее возможной и вероятной". В Родосто военн. агент „имел случай наставить нашего нештатного вице-консула, грека, в деле собирания военных сведений".

данной мне шахским правительством памятной записки [1]. Из частных источников я осведомился, что в редактировании этой записки приняли участие здешний бельгийский посланник и главный казначей Персии, которых я считаю подстрекателями поднятой персами агитации против деятельности нашей в Азербайджане. Само собой разумеется, что суверенитет и независимость Персии, в защиту коих столь ретиво выступили названные лица, являются лишь громким лозунгом для привлечения на свою сторону общественного мнения. Действительной же причиной поднятого шума служит опасение за дальнейшую судьбу бельгийских администраторов. Можно думать, что без бельгийского вмешательства, и даже давления, персидское правительство не решилось бы поднимать вопроса о нарушении суверенных прав, и дело ограничилось бы простым протестом против введенного по желанию самого Морнара порядка взимания налогов с русско-подданных и персов-протеже. Вообще бельгийцы постарались припутать к делу возможно больше поводов, якобы, нарушения нами прав Персии, напр., присылку русских почтовых чиновников в Тавриз, причем для большей действительности своего выступления при-

---

[1] В этом документе Шоджа-эд-Доуле обвиняется в том, что во всем Азербайджане им „ведется агитация и всякого рода противодействие в целях уничтожения малиатных управлений", при наличии чего „дальнейшее существование малиатных чинов является невозможным", а „положение правительства по отношению к бельгийцам и исполнение взятых на себя обязательств делается весьма затруднительным". Далее подчеркивается, что Шоджа-эд-Доуле „не осмелился бы никогда сделать подобных неразрешенных выступлений, если бы не был уверен в помощи со стороны чинов императорского прав-ва". А потому, возобновляя свое прежнее представление о немедленной замене Шоджа-эд-Доуле, „шахское правительство особенно ожидает, что также и чинам русского правительства в Азербайджане будут даны по телеграфу инструкции и будет объявлено Шодже, чтобы он прекратил свои самовольные действия". Переходя к вопросу „об отказе казачьей бригады в Тавризе в помощи малиатным чинам" (это сопровождалось признанием ею своей подчиненности только приказаниям русского ген. консульства), записка указывает, что „одним из условий образования этой бригады было повиновение приказаниям шахского правительства" и обращается к посланнику „с особенной просьбой дать в Тавриз телеграфное предписание, чтобы русское ген. консульство не вмешивалось в дела бригады, а также, чтобы было объявлено начальнику бригады, что эти его заявления являются противными порядку его службы у шахского правительства".

В ответной русской ноте от 4 июня/22 мая указывалось, что в вопросе о малиате „миссия имела лишь в виду оказать шахскому правительству содействие". Для объяснения инцидента с отказом казачьей бригады в Тавризе в помощи малиатным чиновникам нота ссылалась на „отсутствие определенных инструкций у казаков и невыяснение роли этой части".

влекли к спору великобританскую миссию и корреспондента газеты „Times“ г. Кешля, известного своим руссофобством.

Дабы рассеять возникшие против нас благодаря агитации бельгийцев нарекания, я счел полезным повидаться с регентом и объяснить ему положение этого вопроса. Наср-оль-Мольк начал с перечисления упомянутых в персидском меморандуме пунктов обвинений, а затем с несвойственной ему резкостью стал нападать на тавризского генерал-губернатора, обвиняя его в превышении власти, противодействии тегеранскому правительству и конституционному режиму и вообще в противозаконiях и измене. Дальнейшее оставление Шоджи в Тавризе вносит, по мнению регента, смуту в умы не только в Азербайджане, но и во всей Персии, обнаруживая слабость и бессилие центрального правительства и подрывая его авторитет в глазах народа. Пока Шоджа останется во главе Азербайджана, до тех пор немыслимы искренние отношения между двумя правительствами, и все наши предложения и мероприятия будут встречать со стороны персов естественное недоверие и даже неприязнь. Ввиду сего Шоджу, по мнению регента, следовало бы отозвать и заменить другим лицом, причем наилучшей комбинацией было бы назначение, согласно историческим прецедентам, его высочества велиагда, а в качестве пишкара при нем лица, хотя бы по нашему выбору; императорское правительство могло бы явить свое расположение к Персии и к молодому шаху, приурочив этот шаг ко времени коронации. На все мои доводы о необходимости оставления Шоджи-эд-Доуле, который сумел восстановить и сохранить спокойствие и порядок во вверенной ему провинции, регент стал возражать, что вся Персия знает, что Шоджа—русский ставленник и удерживается на месте единственно благодаря присутствию наших войск и что с уходом таковых все его значение мгновенно исчезнет.

Во время дальнейшей беседы Наср-оль-Мольк опять повторил, что намерен покинуть Персию тотчас же после коронации, и предупредил, что не может оставаться в Персии, даже если бы его о том просили державы-покровительницы, ибо уже теперь враги его интригуют против него, стараясь внушить шаху, что он, Наср-оль-Мольк, хочет остаться правителем. „А если бы Россия и Англия,—заметил регент,—настояли на моем пребывании в Персии, то оказали бы мне плохую услугу, ибо, конечно, все отнесутся с недоверием и предубеждением к лицу, поставленному иностранными правительствами“. Хотя имя Саад-эд-Доуле не было произнесено во время нашей беседы, но под интригующими врагами регент, конечно, подразумевал названного сановника и его приверженцев,

к коим, как мне известно, здесь причисляются персидский посланник в Петербурге Исаак-хан и его брат, посланник в Брюсселе. Действительно мне передавали, что Саад-эд-Доуле часто видится с шахом и работает с целью образования партии, которая провела бы его в первые министры. Шах будто бы относится сочувственно к подобной кандидатуре, но не ручаюсь за достоверность этого слуха. Из разговора с некоторыми министрами, напр., Ала-эс-Солтане и Восуг-эд-Доуле я заметил, что все они весьма смущены перспективой возвращения к власти сурового и энергичного Саад-эд-Доуле, главным образом из-за личных и служебных расчетов, так как опасаются, что названный сановник не постеснится удалить всех неугодных ему лиц и заменить их своими креатурами. Неудивительно, что нынешние правители Персии тщательно следят за всеми действиями и сношениями Саад-эд-Доуле, особенно стараясь помешать его сближению с шахом.

Регент опять подчеркнул необходимость поспешить с выборами в меджлис, намекнув при этом на оппозицию Шоджи и наше обещание оказать этому делу поддержку. Наср-оль-Мольк, повидимому, не придает значения созыву меджлиса до коронации, ибо если бы не удалось собрать нужного для кворума большинства—68 депутатов, то недостающее число можно, по мнению его высочества, пополнить членами прежнего меджлиса. Повидимому, оправдывается догадка, высказанная в одном из предыдущих моих донесений, что регент будет нарочно оттягивать созыв меджлиса до последней минуты из опасения, что депутаты захотят отложить время объяснения[1] совершеннолетия шаха, чем вызовут новые осложнения. Между тем Наср-оль-Мольк, повидимому, сознает, что популярность его сильно сократилась и что управлять при отсутствии финансов и обостряющейся борьбе партий станет делом довольно рискованным.

При сем имею честь препроводить к вашему высокопревосходительству переводы памятной записки шахского министра иностранных дел [31] 18 мая и моей ответной ноты[2].

Примите и пр.

Коростовец.

№ 202. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Телеграмма № 150. 10 июня/28 мая 1914 г.

Ссылаясь на неподписание нового соглашения о наших инструк-

[1] Так в подлиннике.

[2] См. выше стр. 245, прим. 1.

торах[1], монголы откладывают прием оставшихся запасов фуража, дров, продуктов и вообще хозяйственной части, а равно и (от)....[2] доставление новобранцев к первому июня—сроку начала действия нового соглашения. Создающееся неопределенное положение может вызвать неблагоприятные для нас толки. Какие-либо изменения нового соглашения, по моему мнению, в настоящую минуту невозможны.

Миллер.

№ 203. Наместник на Кавказе министру иностранных дел.

Письмо № 76. Алупка, 10 июня/28 мая 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Имею честь препроводить при сем вашему высокопревосходительству копию всеподданнейшего моего доклада по вопросу об образовании при вверенном вам министерстве особого совещания с участием моих представителей для обсуждения некоторых вопросов, касающихся политического нашего положения в Персии и Турции с последовавшей на нем [7 июня] 25 сего мая в Ливадии высочайшей государя императора резолюцией.

О последующем не откажите меня уведомить.

Примите и пр.

Гр. Воронцов-Дашков.

Приложение.

Докладная записка Воронцова-Дашкова Николаю II[3].

7 июня/25 мая 1914 г.

Доверительно.

Пограничное положение Кавказа по отношению к Персии и Турции обязывает меня всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству о необходимости рассмотреть нижеследующие вопросы, касающиеся нашего политического положения в этих государствах.

1. Настоятельно необходимо более точно и устойчиво определить

---

[1] Тел. от 28/15 мая за № 130 Миллер сообщал, что „монгольское правительство приняло выработанное генералом Аверьяновым" и вполне одобренное Миллером „соглашение о приглашении на год нашихъ офицеров и 16 урядников для обучения монгольской бригады в 400 человек, (причислив) сюда батарею и пулеметную команду". Указывая, что деньги на содержание бригады „будут вноситься... в генеральное консульство", Миллер просил разрешения „подписать соглашение, возобновляемое через год на новый срок".

[2] Пропуск в подлиннике.

[3] Маш. копия.

наши политические задачи в Северной Персии. Недостаточная определенность взглядов в этом отношении и вытекающее из этого стремление Англии и Германии парализовать наши усилия имеет последствием замечаемое в последнее время даже некоторое ослабление русского престижа в Азербайджане и в Урмийской провинции. Рядом с этим активная деятельность, особенно Германии, разрушает усилия наши последних лет и не дает твердой уверенности, что Северная Персия составляет исключительную сферу нашего политического влияния.

2. Крайне желательно объединить деятельность наших консулов одной общею программою и соответственною организациею. В настоящее время каждый консул действует вполне самостоятельно и независимо от других консулов. Было бы полезно объединить деятельность консулов Северной Персии подчинением их генеральному консулу в Тавризе, а этого последнего—нашему посланнику в Тегеране. Подчиненность эта, дополненная общею для всех консулов инструкциею министерства иностранных дел, нет сомнения, привела бы к необходимому единству наших дипломатических усилий, ныне отсутствующему.

3. Особой заботы и попечения заслуживает развитие наших промышленных предприятий в Персии и торговых с нею оборотов. Настойчивые усилия в этом отношении особенно желательны в настоящее время ввиду ясно выраженного Германией желания насадить в Урмийской провинции и в Тавризе ряд торговых и промышленных учреждений, как этапов для расширения своего экономического и политического влияния на ту часть Персии, которая, казалось бы, должна подлежать исключительному нашему экономическому и дипломатическому воздействию.

4. Деятельность макинского хана подлежит пристальному наблюдению. Внушения, которые он получил как в Петербурге, так и в Тифлисе, видимо, не произвели на него должного воздействия. По некоторым сведениям, сношения его с Турциею продолжаются, и есть основание допускать предположение, что сношения эти, быть может, противоречат нашим интересам.

5. Замечаемое ныне среди приграничных с Персиею и в частности с Урмийскою провинциею движение курдов, имеющее целью культурный и политический подъем этой народности, заслуживает большого к себе внимания и энергичной поддержки с нашей стороны. Этим путем в пределах Турции можно было бы объединить курдов, как силу, которая могла бы составить весьма серьезный противовес дальнейшему накоплению военной и политической мощи Турции.

6. Некоторого внимания заслуживает также замечаемое ныне стремление армян найти поддержку своим объединительным тенденциям в германской политике. Насколько можно установить, руководители армян, оценивая положение, пока склоняются предпочесть преобладание нашего влияния на их дела в армянских провинциях Турции, но нельзя быть уверенным, что при германской настойчивости и энергичных обещаниях и гарантиях настроение армянских руководителей не изменится в ущерб нам.

Представляя об изложенном на благовоззрение вашего императорского величества, приемлю долг испрашивать высочайшего вашего соизволения на образование при министерстве иностранных дел особого совещания, с участием моих представителей, для обсуждения вышеперечисленных вопросов.

Генерал-адъютант гр. Воронцов-Дашков.

Согласен.

В Ливадии, [7 июня] 25 мая 1914 г.

№ 204. Товарищ министра иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

Телеграмма № 1117. 11 июня/29 мая 1914 г

Сообщается в Париж.

Получил 106[1]. Ссылаюсь 1097[2].

Полагаем, что наш взгляд, коего мы неизменно придерживаемся, вам известен.

Мы согласны на участие в авансе вместе с Францией, при условии, которое считаем необходимым оговорить, что ко времени получения остальной части займа у власти будут люди, внушающие нам доверие. На сущности такой постановки вопроса мы настаиваем, выбор же формы того или иного заявления считаем целесообразным предоставить вам совместно с французским представителем, с коим, конечно, необходимо установить полную согласованность действий.

[Нератов.]

№ 205. Товарищ министра иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1118. 11 июня/29 мая 1914 г.

Сообщается в Софию.

Получил 148[3], ссылаюсь 1117[4].

Сообщив содержание нашей телеграммы французскому прави-

---

[1] См. выше № 191.
[2] См. выше № 186.
[3] См. выше № 189.
[4] См. выше № 204.

тельству, не откажите выразить надежду, что оно найдет возможным оказать нужное воздействие на банки.

[Нератов.]

№ 206. Товарищ министра иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 395 [1]. 11 июня/29 мая 1914 г.

Делегаты держав в контрольной комиссии в Албании выработали проект регламента об устройстве и деятельности комиссии.

Признавая означенный проект в общем вполне целесообразным, мы полагали бы желательным, чтобы державы его утвердили и чтобы вместе с тем, как я имел честь сообщить вашему сиятельству в письме от сегодняшнего числа за № 393 [2], они считались с ним и при установлении албанского статута.

Обращаясь к ближайшему содержанию проекта регламента, я не могу не признать основательности многих замечаний на этот проект, сделанных французским правительством в памятной записке, которая была нам вчера передана французским поверенным в делах и копия которой здесь прилагается [3]. Нет сомнения,— и в этом заключается основное замечание французского правительства,—что правила надзора за албанским управлением лишены достаточной определенности. Спрашивается однако, можно ли при современном положении всего албанского вопроса выйти из рамок некоторой недоговоренности. Само собой разумеется, мы должны были бы отнестись с полным сочувствием к более точному выяснению контрольных функций комиссии и обеспечению надлежащей санкции за ее мероприятиями, но вместе с тем мы готовы были бы помириться и с необходимостью до поры до времени оставить открытыми многие частности организации контроля.

В связи с этим вопросом мы не можем не отметить со своей стороны, в дополнение к французским замечаниям, неясности всей редакции ст. 13 проекта регламента, относящейся к финансовому

---

[1] Лит. копия.

[2] „Не желая принимать какой-либо инициативы и оставаясь попрежнему строго на почве солидарных действий с Францией и Англией, мы, — пишет Нератов в этом письме,— с своей стороны находим заслуживающими полного внимания соображения нашего комиссара о крайней постепенности, с коей может быть вводимо в Албании применение европейских порядков. Нам представлялась бы равным образом вполне справедливой мысль о кантональной системе, повидимому, нашедшей сочувственное отношение в Берлине. Укрепление власти и авторитета контрольной комиссии явится неизбежным в случае сохранения в силе принципа интернационализации Албании".

[3] При лит. копии отсутствует.

контролю. Трудно точно установить смысл этого правила, а между тем именно в финансовых делах контроль комиссии может и должен быть поставлен с возможной определительностью.

Вместе с французским правительством мы полагаем, что материальное обеспечение комиссии, которая составляет часть албанского управления, хотя бы в известной доле должно было бы падать на бюджет княжества. Равным образом мы не имеем возражений и против других замечаний французского правительства.

Сообщая об изложенном, имею честь покорнейше просить вас не отказать по настоящему делу обменяться взглядами с английским правительством и французским послом.

Нератов.

№ 207. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 147[1]. 11 июня/29 мая 1914 г.

Grey, en me recevant, me lut certains passages télégramme de Buchanan. D'abord que vous vous étiez plaint télégramme du „Times", comme pouvant être inspiré. Grey me dit que, si du temps de Braham communications avec „Times" existaient, elles avaient cessé aujourd'hui, que journal avait pris attitude indépendante. Grey ajouta qu'il savait télégramme inspiré par gouvernement persan. En réponse à passage concernant influence sur lui de comité persan, Grey me dit qu'il croyait que son attitude constante au parlement lui paraissait suffisante pour prouver contraire, mais qu'il ne pouvait empêcher influence de ce comité sur presse anglaise et sur une partie du parlement, surtout si des incidents venaient donner des armes à ce comité. Il dit qu'il en était de même d'Allemagne; qu'il ne connaissait pas par quel moyen Allemagne travaillait presse, mais que tout manque d'harmonie des deux gouvernements en Perse lui donnait des moyens. Grey me remit alors mémoire promis à Etter [2]. Il me dit que le point de vue qu'il a constamment en vue est le maintien et la consolidation d'entente anglo-russe, dont partant convention est la base. Il me dit qu'il avait toujours maintenu au parlement que les termes de convention ne pouvaient jamais être exploités pour diminuer dans sphère russe part d'influence directe, que Russie y possédait avant convention, ni mettre des entraves aux mesures extraordinaires de sécurité qu'elle jugeait nécessaires à ses intérêts. Telle la présence de nos troupes; quoique la retraite de ces troupes ait été considérée dans les déclarations russes, il avait contribué de toute son influence pour y habituer opinion du parlement, et depuis retrait de Kaswin croyait y avoir jus-

[1] Опуб. Siebert, III, S. 284—286, № 1060, где документ помечен 10 июня/28 мая.
[2] См. выше № 187.

qu'à un certain point réussi. Mais Grey me dit que sa tâche devenait impossible, si nos autorités se substituant à autorité persane, comme dans le cas de perception directe et administration des impôts, assumaient des fonctions gouvernementales qui empiétaient manifestement sur droits de souveraineté. Il me cita extension progressive de nos protégés et me présentant un tableau d'ensemble, il me dit que celui qui représentait un consul, disposant de troupes russes, de cosaques persans sous son influence, de la collection des impôts, et appuyant de sa puissance un gouverneur en lutte avec son gouvernement, lui paraissait impossible à concilier avec une souveraineté persane, même, conditionnée dans une certaine mesure, telle qu'il admettait qu'elle devait être en l'état actuel de la Perse. Reprenant question à un autre point de vue, Grey me dit que depuis 1907, en partie grâce aux circonstances, une certaine progressivité s'était manifestée dans l'ascendant de la Russie en Perse, tandis que celui de l'Angleterre avait procédé en sens inverse, de façon à affecter intérêts anglais réels [1]. Il me dit que cette progressivité donne au gouvernement anglais les plus grandes et les plus sérieuses difficultés et se trouve constamment explicitée par adversaires de l'entente anglo-russe en Angleterre et ses ennemis en Allemagne. C'est ce point de vue qu'il m'a développé le plus longuement pour que j'y attire votre attention. Il me dit que, sauf certaines fractions qu'il ne craint pas, il est sûr de la généralité de l'opinion anglaise au sujet de l'entente, comme de la majorité des deux grandes partis de la Chambre, mais qu'à aller trop loin les choses pouvaient changer et, en se résumant, il me dit qu'il considérait impossible qu'entente puisse être mise en question, pour une affaire de collection locale d'impôts. Il me dit que en réalité toute question spéciale devrait être étudiée sur place par les deux ministres dans esprit dont il parle et avec intention d'aboutir. Grey ne m'a rien dit d'une révision de la convention. Pour ma part, j'ai insisté surtout sur nécessité de notre liberté d'action dans nord de Perse dans mesure requise. Je lui ai dit que je confirmerai dans mon télégramme ce qu'il m'avait dit au sujet du „Times", du comité persan et, pour autant que j'en pouvais juger, sur Allemagne. Je lui ai promis de vous rapporter ses paroles aussi exactement que possible. Tout cet entretien a eu caractère tout-à-fait confident et amical [2]. Avant que je me retire, Grey m'a remis un autre mémoire en prévision d'un mémoire que v. exc. aurait anoncé à Buchanan, en le motivant. Je le transmettrai par courrier [3]

Benckendorff.

[1] У Siebert'a III, это слово пропущено.
[2] У Siebert'a III, на этом публикуемая тел. обрывается.
[3] См. выше № 197.

Перевод.

Принимая меня, Грей прочел мне некоторые места из телеграммы Бьюкенена. Прежде всего [он прочел мне о том], что вы выражали недовольство телеграммой „Times", предполагая, что она могла быть инспирирована. Грей сказал мне, что если во времена Брагама и существовали [у министерства] сношения с „Times", то теперь они прекратились, и газета занимает независимое положение. Грей прибавил, что, как ему известно, эта телеграмма инспирирована персидским правительством. В виде ответа на то место телеграммы Бьюкенена, которое касается влияния на Грея персидского комитета, Грей сказал мне, что, по его мнению, его неизменная позиция в парламенте хорошо доказывает обратное, но что он не может воспрепятствовать этому комитету оказывать влияние на английскую прессу и на часть [членов] парламента, особенно, если какие-нибудь события дадут этому комитету [новое] оружие. Он сказал, что с Германией дело обстоит точно таким же образом; ему неизвестно, каким путем Германия воздействует на прессу, но всякое проявление несогласия между обоими правительствами в Персии дает Германии [новые] средства [воздействия]. Затем Грей передал мне памятную записку, которую он обещал Эттеру. Он сказал мне, что его целью, которую он никогда не упускает из виду, является сохранение и укрепление англо-русского согласия, в основе которого лежит конвенция. Он сказал мне, что он всегда поддерживал в парламенте [тот взгляд], что термины, употребленные в конвенции, никогда не могут быть использованы с целью уменьшения в русской сфере той части непосредственного влияния, которой Россия обладала до [заключения] конвенции, или с целью создания помех тем чрезвычайным мерам, которые она сочтет необходимыми для защиты своих интересов. К ним принадлежит пребывание [в Персии] наших войск; хотя в русских заявлениях предусматривалось, что эти войска будут выведены, он тем не менее применил все свое влияние для того, чтобы приучить парламент к мысли об [этом пребывании], и ему кажется, что после их ухода из Казвина он в этом несколько успел. Но Грей сказал мне, что его задача станет неразрешимой, если наши власти, заменяя собой персидскую администрацию, как, например, при непосредственном взимании налогов и при управлении ими, будут осуществлять функции правительства, явно покушаясь на суверенные права [Персии]. Он указал мне на постоянно возрастающее число наших протеже и, обрисовав картину в целом, сказал, что то, что представляет собой консул, располагающий русскими войсками и персидскими казаками, которые находятся под его влиянием, собирающий налоги и поддерживающий своим влиянием губернатора, который борется со своим правительством,—кажется ему несовместимым с персидским суверенитетом, даже если последний в известных пределах ограничен какими-то условиями, как он это допускает для Персии в ее теперешнем состоянии. Рассматривая снова этот вопрос с другой точки зрения, Грей сказал мне, что с 1907 г. замечается, отчасти вследствие некоторых обстоятельств, известное возрастание русского влияния в Персии, в то время как влияние там Англии меняется в обратном направлении, что наносит ущерб ее реальным интересам. Он сказал мне, что этот рост [русского влияния] создает для английского правительства очень большие и очень серьезные затруднения, и на него постоянно указывается противниками англо-русского согласия в Англии и его врагами в Германии. Он мне долго развивал эту точку

зрения для того, чтобы я обратил на нее ваше внимание. Он сказал мне по вопросу о согласии, что он в целом уверен как в общественном мнении, за исключением некоторой его части, которой он не боится, так и в большинстве двух главных партий в палате, но если дело зайдет слишком далеко, то положение может измениться; подводя итог, он сказал мне, что считает невозможным, чтобы согласие могло быть поставлено под вопрос из-за взимания местных налогов. Он сказал мне, что на самом деле каждый специальный вопрос должен был бы на месте рассматриваться обоими посланниками в том духе, о котором он говорит, и с намерением достигнуть соглашения. Грей ничего не сказал мне о пересмотре конвенции. Я со своей стороны особенно настаивал на необходимости пользоваться, в надлежащей для нас мере, свободой действия в Северной Персии. Я сказал ему, что в своей телеграмме я дам подтверждение тому, что он сказал мне относительно „Times", персидского комитета и, поскольку я могу судить, относительно Германии. Я обещал ему передать вам его слова как можно точнее. Весь разговор носил совершенно откровенный и дружеский характер. Перед моим уходом Грей, предусматривая памятную записку, которую ваше превосходительство обещали Бьюкенену, передал мне с соответствующими доводами другую памятную записку. Я перешлю ее с курьером.

Бенкендорф.

№ 208. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 148. 11 июня/29 мая 1914 г.

Reçu votre télégramme № 1016 [1].

Grey me remit mémoire à ce sujet [2]. Les faits sont expliqués comme suit: quand surgit projet, Townley fut consulté. Il répondit qu'il ne voyait pas d'objections et se chargea consulter son collègue russe, auquel il exposa son point de vue dans termes que connaissez. Mr. Korostowetz aurait exprimé son consentement et dit qu'il considérait la question comme détail administratif de la compétence du gouvernement persan. Townley avait cru comprendre que le ministre de Russie comptait ne pas en référer à son gouvernement et s'est abstenu de le faire. Voussoug-ed-Douleh, apprenant par Townley la réponse de notre répresentant, se mit en communication télégraphique avec le ministre de Perse à Pétersbourg. En apprenant par celui-ci que le gouvernement impérial objectait, projet n'a pas été repris et ministre de la guerre n'a pas repris ses fonctions.

Benckendorff.

---

[1] Тел. Клемма от 1 июня/19 мая за № 1016: „Коростовец телеграфирует за № 202 о передаче жандармерии в ведение военного министерства" (тел. № 202 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена).

[2] См. выше № 187.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 1016.

Грей передал мне памятную записку по этому вопросу. В ней дело излагается следующим образом: когда возник этот проект, то было запрошено мнение Тоунлея. Он ответил, что не имеет возражений, и взял на себя поручение запросить мнение своего русского коллеги, которому он изложил свою точку зрения в уже известных вам выражениях. Г. Коростовец выразил свое согласие и сказал, что рассматривает вопрос в качестве подробности административного порядка, входящей в компетенцию персидского правительства. Тоунлей понял это так, что российский посланник не считает нужным донести об этом своему правительству, и потому воздержался сам от составления донесения. Восуг-эд-Доуле, узнав от Тоунлея ответ нашего представителя, вступил в телеграфную связь с персидским посланником в Петербурге. Когда он узнал от последнего, что императорское правительство имеет возражения, то проект был оставлен, и военный министр не вступил в исполнение своих обязанностей.

Бенкендорф.

№ 209. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 11 июня/29 мая 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Le télégramme que je vous ai expédié hier sur mon entrevue avec Sir E. Grey[1] ne peut rendre qu'imparfaitement compte du caractère de cet entretien.

D'un autre côté, j'ai hâte d'expédier Etter et force m'est de condenser dans une seule lettre quelques réflexions à ce sujet que je crois importantes. Vous voudrez bien excuser quelque décousu dans une rédaction beaucoup trop hâtive.

Vous aurez remarqué que Sir Edward avait en mains le télégramme qu'il venait de recevoir de Sir G. Buchanan. Dès le début Sir Edward releva non sans quelque force trois points qui selon vous exercent de l'influence sur l'attitude anglaise: le télégramme du „Times", le comité persan, les agissements allemands.

Je voudrais vous persuader que vous leur attribuez une importance qu'ils sont très loin d'avoir. S'il n'y avait que ça, Sir Edward n'est pas l'homme à se laisser intimider par si peu.

J'ai peut-être des reproches à me faire qu'en vous rendant compte de l'opinion publique anglaise, je n'ai pas été assez complet, de sorte que des soupçons de ce genre ont pu surgir dans votre esprit par ma faute.

Croyez-moi que c'est le contraire qui est vrai. L'influence du comité persan, les agissements des agitateurs allemands n'auraient d'effets que parfaitement secondaires, si l'opinion publique anglaise, dans sa

[1] См. выше № 207.

grande majorité, n'était contraire à la création à notre profit dans la Perse du nord d'une sorte d'Egypte. C'est de l'opinion anglaise ainsi constituée, que Sir E. Grey tient et ne peut pas ne pas tenir compte. A ne pas le faire, il serait brisé et avec lui seraient brisées et la convention et l'Entente.

L'Angleterre, tout comme je crois notre gouvernement, ont voulu créer en Perse dans l'intérêt de l'une et de l'autre un véritable „buffer-state". C'est pourquoi a été formulé le principe de l'intégrité et de l'indépendance persanes, principe qui nécessitait des efforts en commun pour la solidification d'un gouvernement persan. Que l'ingérence dans la mesure du nécessaire, ingérence dont la Russie aurait naturellement la plus grosse part, s'imposerait, — a certainement été prévu et considéré légitime.

C'est là pourtant que s'est arrêté le point de vue anglais en de hors de toute influence externe et je voudrais vous prevenir ici que dans son ensemble, ce point de vue ne pourra pas être changé.

Je ne sais pas s'il est dans notre intérêt directe d'implanter dans le nord de la Perse le régime de l'Egypte, — ceci n'est pas de ma compétence; bien des difficultés, des dangers, des responsabilités et des frais enormes compensés par des avantages incertains me paraissent à prévoir; mais je sais que l'Angleterre n'est en aucune façon disposée à implanter ce régime dans les parages persans où se concentrent ses intérêts. La convention a précisément eu pour but de prévenir ce résultat qui serait un partage, et pourtant l'Angleterre se verrait forcée de faire comme nous. C'est pourquoi nous ne parviendrons pas à lui faire accepter la progressivité de notre système d'ingérence. Tout-à-fait contre son gré et contrairement aux principes qui à l'origine ont dicté la convention, le caractère de cette convention s'est modifié et son but renversé en sens contraire. Il n'y a pas à se faire d'illusions, si tant est que cette transformation est dans l'intérêt de la Russie, elle est trop contraire aux intérêts manifestes de l'Angleterre pour qu'elle puisse y consentir.

D'un autre côté, la convention était oeuvre de pacification et de conciliation. Si en Perse nous étions liés avec l'Angleterre par une convention seulement, il serait concevable que chacun des deux Etats tire de la lettre de cette convention l'extrême limite des avantages possibles. Mais il y a eu plus: sur ces conventions est venue se greffer une entente pour les affaires de Perse d'abord, entente qui depuis s'est étendue et constitue une des bases de fond de la politique russe. J'ai hâte de la dire de suite: jamais cette entente politique n'a été plus solide qu'aujourd'hui. Sir E. Grey vient de nous en donner une

preuve plus forte que toutes les autres, mais ceci n'empêche pas que si la convention pour la Perse dégénérait et devenait ineffective, les liens moraux de l'entente seraient rompus et elle n'y survivrait pas.

Vous avez, à plusieurs reprises, manifesté le désir d'une plus grande liberté d'action dans le nord de la Perse. J'en ai fait autant, d'après vos instructions. Je crois que ce résultat, d'ailleurs déjà obtenu en large mesure, pourrait facilement être confirmé, à une condition pourtant — celle d'un accord clair et précis sur le caractère et le but final de la convention. Ceci seulement peut marquer les limites à nos ingérences respectives. Comme il me l'a encore clairement expliqué hier, — c'est la progressivité de cette ingérence qui effraie surtout, non seulement l'opinion publique anglaise, mais aussi le gouvernement et Sir E. Grey. Ce dernier reconnait et admet que certaines circonstances l'ont rendue inévitable. Je ne puis cacher mon opinion que dans le cas actuel nous avons été bien loin. Il me semble impossible de soutenir qu'un consul qui en pays étranger, malgré les protestations du gouvernement de ce pays, prend en mains la collection des impôts d'une province, n'empiète pas sur les droits souverains de ce pays. Je ne cite que ce cas comme le plus clair, — il y en a d'autres que j'omets pour abréger.

J'ai reçu le télégramme de notre ministre en Perse № 243 [1]. Je doute que, si j'en faisais lecture à Sir E. Grey, ce document soit de nature à le rassurer. Je ne toucherai qu'à la seconde partie de ce télégramme: le rôle des autorités et des employés anglais.

Je n'ai pas le moindre doute que l'influence, même l'autorité, d'un consul anglais à Bushir est aussi grande et complète que celle de notre consul à Tabriz. Mais cette influence et cette autorité ne s'appuient pas sur des troupes d'occupation, ni même une brigade de cosaques. En outre, il n'y a entre ce consul anglais et les agents du gouvernement persan d'autres collisions que celles dûes au cours journalier des affaires; que je sache, il n'y en a pas de principe ou de tendances: directement il n'administre rien; quant à ses rapports avec les agents du pouvoir central, tels que la trésorerie belge et la gendarmerie suédoise, — j'ai tout lieu de les croire bons. Que le gouvernement persan prenne à son service dans les départements tel ou tel sujet anglais ne constitue en somme pas une illégalité. Le parallélisme entre le système anglais et le nôtre me parait, pour ces raisons, difficile à établir. Si le résultat est le même, les moyens me paraissent par trop différents. En tout cas je ne vois pas trace d'empiètement sur la souveraineté persane.

[1] Очевидно, в подлиннике ошибка, следует читать: № 253. См. выше № 174.

Pour revenir aux difficultés qui viennent de surgir et pour les serrer de plus près, il me semble que l'affaire de la collection des taxes et leur dépôt à la Banque d'Escompte en conditions que le télégramme de Mr. Korostovetz n'établi pas très clairement, a pour base la question débattue diplomatiquement des compétences réciproques de la banque russe et de la banque anglaise. Je crois que cette question, quoique difficile, aurait certainement pu être résolue sans trop de retard après une étude approfondie dont, tout d'abord, les deux légations à Téhéran se seraient occupées. En procédent ainsi, il me semble que nombre de difficultés eussent été évitées sans recourir, avant toute solution à l'amiable, au fait accompli lequel, comme d'ordinaire, en entraine d'autres.

Tant au point de vue pratique, qu'à celui infiniment plus important de la situation politique générale, il me semble que souvent, récemment surtout, les affaires spéciales sont référées trop tôt et avant qu'elles ne soient mûres à la voie diplomatique entre les deux gouvernements directement. Je crois que la plupart entre elles ont plus de chances d'être résolues à l'amiable et de façon satisfaisante sur place où toutes les données sont sous la main. Ceci évidemment n'est possible qu'à la condition qu'entre nos deux représentants se maintiennent des rapports amicaux et de confiance et une collaboration constante, exigée d'ailleurs par une entente politique générale qui tend à s'étendre sur l'Europe et l'Asie et il est à remarquer qu'en pratique, à la base de cette entente sont les rapports entre nos deux ministres. Ces rapports, difficiles à établir au début, aux temps de Mr. de Hartwig, habilement esquissés par Mr. Sabline, ont été développés par Mr. Poklewsky au point que Sir G. Barclay a bientôt été considéré à Londres comme si completement sous l'influence du ministre de Russie que les inrérêts anglais, un temps en très mauvais état, commençaient à en pâtir. L'arrivée de Sir W. Townley, de personnalité plus marquée, n'a guère changé la nature des rapports de confiance et de collaboration qu'encore une fois Mr. Poklewsky et plus tard Mr. Sabline ont continués. Ces rapports, en ouvrant les yeux des diplomates anglais sur certaines illusions anglaises et les circonstances locales, ont contribué, je l'ai constaté maintes fois, à habituer le gouvernement anglais à certains moyens employés par nous, habitude à laquelle Sir E. Grey m'a fait hier une directe allusion.

Il est vrai que la confiance que vous avez témoignée si largement aux ambassadeurs d'Angleterre, confiance parfois même plus grande que celle que vous accordiez aux ambassadeurs de France, a été de la plus grande importance. Je crois pourtant qu'elle n'aurait pas

suffi sans la collaboration amicale des ministres de Russie et d'Angleterre à Téhéran.

J'ai eu l'honneur de faire la connaissance de Mr. Korostovetz à St.-Pétersbourg; je suis convaincu qu'il a fait de son mieux, mais me serait-il permis dans cette lettre personnelle de redouter que son attention n'ait été surtout attirée par le soin d'extraire le plus possible de la convention sans peut-être s'imprégner de la nécessité absolue, en vue des intérêts majeurs de l'Entente, d'un contact constant, c'est-à-dire qu'il ne se borne pas à des entretiens espacés avec son collègue anglais [1].

Pas un mot à ce sujet ne m'a été dit à Londres, mais, comme je vous l'ai mandé par télégraphe, je sais pour sûr de source indirecte que Sir W. Townley a pensé se retirer.

Je vous dois à ce sujet une confidence qu'à titre strictement confidentiel m'a faite il y a quelques semaines à ce sujet Mr. Cambon. Il m'a dit que d'après ses informations personnelles, qui ne peuvent venir que de Téhéran, les rapports entre les deux légations étaient subitement devenus très malheureux et il m'a exprimé à ce sujet ses vives appréhensions.

Vous trouverez dans l'expédition un mémorandum [2] que m'a remis hier Sir E. Grey. Il a été rédigé, d'après ce qu'il m'a dit, en prévision d'un mémorandum plus général que vous auriez annoncé à Sir G. Buchanan.

Comme je vous l'ai télégraphié, Sir Edward ne m'a rien dit hier sur la possibilité d'une révision de la convention. Dans le mémorandum il mentionne ce procédé, mais seulement pour le cas où cela devienne absolument nécessaire. Je crois que cette révision serait extrêmement difficile et qu'il serait infiniment préférable d'ajuster les choses plus simplement. Maintenir Choudja à Tabriz, étant donné ses rapports avec ce gouvernement central, me parait difficile. Je pense que vous jugerez comme moi que la question de la collection des impôts est à revoir et celle des deux banques à regler. Sur ce dernier point permettez-moi l'observation que le caractère de ces deux banques n'est pas tout-à-fait identique. La banque anglaise est une vraie banque par actions pouvant agir indépendemment et rendre à la trèsorerie persane des services à ses risques et périls. La nôtre dépend directement du ministère des finances qui décide de tout après des pourparlers souvent prolongés. Cette situation n'est pas à notre avantage. Je ne

---

[1] Так в подлиннике.

[2] См. выше № 197.

cite la chose que pour mémoire parce que la question de la trésorerie, comme celle de la solidification des finances de la Perse, l'une des plus épineuses jusqu'ici, devient, je crois, urgente.

Dans le mémorandum que m'a remis Sir E. Grey, vous verrez qu'il est question de nos protégés et de l'extension de la protection à Ispahan et au delà.

Quoique le nom de Zilli-Sultan n'ait pas été prononcé, je crois pourtant que l'extension de notre protection, si tel est le cas, à un personnage aussi mal famé de notoriété publique n'a pas dû faire bonne impression ici. On n'en comprend guère le motif. Si cette protection devait s'étendre aux propriétés territoriales fort étendues de ce prince, les intèrêts du trésor persan se trouveraient probablement lésés.

Si Mr. Mornard s'en plaignait, une opinion commune sur ce sujet serait je crois presqu'impossible à établir.

Je n'ai que des renseignements très incomplets sur l'état de la question de la propriété des sujets russes en Perse, mais s'il s'agissait de modifier en ce point le traité de Turkmanchai, il faudrait s'attendre à des objections anglaises. Il me semble évident qu'une modification de ce genre expose au danger d'une immigration de propriétaires allemands, tant dans nos parages que dans ceux où les intérêts anglais priment.

Laissez-moi vous renouveler toutes mes excuses pour la longueur et le décousu de cette lettre.

Laissez-moi répéter que l'entente avec l'Angleterre est aussi solide qu'elle ne l'a jamais été, mais que pour le reste, il nous faut absolument arranger à l'amiable nos affaires en Perse. L'influence allemande qui dans le pays a fait de certains progrès n'exerce sur le gouvernement anglais d'action aucune [1]. Que nos dissensions au sujet de la Perse soient autant d'armes livrées aux agitateurs allemands qui fourmillent en Angleterre, — c'est ce dont Sir E. Grey se rend parfaitement compte et ce que j'ai à peine besoin de vous signaler. J'ai trouvé hier le secrétaire d'Etat aussi cordial que jamais, très calme en apparence, mais extrêmement préoccupé au fond. Veuillez bien croire, sur ma responsabilité, qu'il a en vue, avant tout et surtout, le maintien de l'entente avec la Russie; qu'il fera dans ce but le maximum de sacrifices possible, mais qu'il est un point en Perse qu'il lui sera impossible de dépasser.

Mille amitiés bien sincères.

Benckendorff.

[1] Так в подлиннике.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Телеграмма, которую я вам вчера отправил о моем свидании с сэром Э. Греем, не может дать вам удовлетворительного представления о характере этой беседы.

С другой стороны, я тороплюсь отпустить Эттера и потому принужден сосредоточить в одном письме те несколько замечаний, которые я считаю существенными. Вы извините некоторую несвязность, вызванную слишком спешным редактированием [письма].

Вы, вероятно, заметили, что сэр Эдуард имел в руках телеграмму, полученную им от сэра Дж. Бьюкенена. С самого начала сэр Эдуард затронул не без энергии три вопроса, которые, по вашему мнению, оказывают влияние на позиции Англии, именно: телеграмму в „Times", персидский комитет и германские происки.

Я хотел бы вас убедить в том, что вы придаете им такое значение, которым они далеко не обладают. Если бы дело шло только об этом, то ведь сэр Эдуард не из тех, которых можно запугать такой малостью.

Может быть, я должен упрекнуть себя в том, что, представляя вам отчет о состоянии английского общественного мнения, сделал это недостаточно полно, так что по моей вине у вас могли возникнуть подобные подозрения.

Поверьте мне, что правильно обратное. Влияние персидского комитета и происки германских агитаторов имели бы совершенно второстепенное значение, если бы большая часть английского общественного мнения не высказывалась против создания в наших выгодах в Северной Персии чего-то вроде Египта. Сэр Э. Грей считается и не может не считаться с сложившимся общественным мнением Англии. Если бы он с ним не считался, то его бы свалили, а вместе с ним потерпели бы крушение конвенция и согласие.

Англия,—а я считаю, что и наше правительство,—хотела создать в Персии в своих общих интересах настоящее буферное государство. Поэтому был провозглашен принцип персидской неприкосновенности и независимости, который требовал общих усилий для укрепления персидского правительства. Нет сомнения в том, что была предусмотрена и сочтена законной необходимая степень вмешательства, в котором России естественно принадлежало бы первое место.

Но, независимо от всякого внешнего влияния, английская точка зрения не допускает ничего сверх этого, и я хочу вас сейчас предупредить, что в целом эта точка зрения не может быть изменена.

Я не знаю, соответствует ли нашим прямым интересам внедрение в Северной Персии египетского режима; это не входит в мою компетенцию; мне кажется, что надо предвидеть много трудностей, опасности, ответственность и огромные расходы, компенсируемые сомнительными выгодами; но мне известно, что Англия никоим образом не расположена внедрять этот режим в тех частях Персии, где сосредоточены ее интересы. Конвенция ставила себе целью именно предотвращение такого исхода, который означал бы раздел, и тем не менее Англия была бы вынуждена поступать так же, как мы. Поэтому нам не удастся заставить ее признать нашу систему постепенного проникновения. Наперекор воле Англии и в противоречии с принципами, которые первоначально создали конвенцию, ее характер изменился и ее цель заменена другой, прямо обратной. Не надо создавать себе иллюзий: если это изменение и соответствует

интересам России, то оно так сильно противоречит очевидным интересам Англии, что она не может на него согласиться.

С другой стороны, конвенция означала умиротворение и примирение. Если бы в Персии мы были связаны с Англией только конвенцией, то было бы понятно, что оба государства извлекают из формального текста этой конвенции возможную максимальную выгоду. На самом же деле имеется кое-что большее: из этой конвенции выросло согласие, [заключенное] сначала для [урегулирования] персидских дел,—согласие, которое затем расширилось и составляет теперь одну из существеннейших основ русской политики. Я спешу тотчас же сказать: никогда это политическое согласие не было так прочно, как теперь. Сэр Э. Грей только-что дал этому доказательство более сильное, чем все остальные, но это не помешает тому, что в случае, если конвенция по персидским делам выродится в нечто иное и утратит свою действенность, моральная связь согласия порвется, и оно прекратит свое существование.

Вы несколько раз выражали желание [располагать] большей свободой действия в Северной Персии. Согласно вашим инструкциям, я действовал таким же образом. Я думаю, что этот результат, впрочем в значительной степени уже достигнутый, мог бы быть утвержден за нами, однако под одним условием, именно ясного и точного соглашения о характере и конечной цели конвенции. Только таким путем можно установить пределы принадлежащего каждому из нас права вмешательства. Как сэр Э. Грей мне вчера ясно объяснил, постоянное расширение этого вмешательства сильно пугает не только английское общественное мнение, но также правительство и его самого. Он признает и допускает, что некоторые обстоятельства сделали это вмешательство неизбежным. Я не могу скрыть своего мнения, что в данном случае мы зашли слишком далеко. Мне кажется невозможным утверждать, что консул, который берет на себя в чужой стране, несмотря на протесты ее правительства, взимание налогов в какой-либо провинции, не нарушает суверенных прав этой страны. Я привожу этот случай в качестве самого простого; имеются другие, которые я не перечисляю для краткости.

Я получил телеграмму нашего посланника в Персии № 243. Я сомневаюсь, чтобы сэр Э. Грей успокоился после прочтения ему этого документа. Я коснусь лишь второй части этой телеграммы, именно роли английских властей и чиновников.

Я нисколько не сомневаюсь в том, что влияние и даже власть английского консула в Бушире так же велика и полна, как нашего консула в Тавризе. Но это влияние и эта власть не опираются ни на оккупационные войска, ни на казачью бригаду. Сверх того, у этого английского консула не возникает с представителями персидского правительства никаких других столкновений, кроме тех, которые вызываются повседневным ходом дел; поскольку мне известно, у них не бывает столкновений, вызываемых различием принципов или направлений: консул непосредственно ничем не управляет; что касается его отношений с представителями центральной власти, как, например, с бельгийским казначейством и со шведской жандармерией, то я имею все основания считать их хорошими. То обстоятельство, что персидское правительство принимает того или иного английского подданного на службу в свои ведомства, не составляет ничего незаконного. Поэтому мне кажется, что трудно проводить параллель между английской системой и нашей. Если результаты оказываются одинаковыми, то средства кажутся мне совершенно различными. Во всяком случае я не вижу даже следа нарушения персидского суверенитета.

Возвращаясь к возникшим трудностям и пытаясь уяснить их как можно лучше, мне представляется, что в основе дела о взимании налогов и о депонировании их в Учетный банк на условиях, которые в телеграмме г. Коростовца не очень ясно установлены, лежит вопрос, который обсуждался дипломатическим путем, именно о компетенции русского и английского банков. Я думаю, что этот вопрос, хотя и труден, но мог бы быть разрешен без особой задержки после его углубленного изучения прежде всего обеими миссиями в Тегеране. Действуя таким образом, можно было бы, по-моему, избежать множества трудностей, не прибегая еще до разрешения вопроса дружеским путем к методу „совершившегося факта", который обычно влечет за собой новые [затруднения].

Как с практической, так и с гораздо более существенной общеполитической точки зрения мне кажется, что специальные вопросы, особенно в последнее время, слишком рано, притом еще до их созревания, передаются на непосредственное разрешение обоих правительств путем дипломатических переговоров. Я думаю, что имеется больше шансов на удовлетворительное разрешение большинства из них дружеским путем на месте, где все данные находятся под рукой. Очевидно, что это возможно лишь при том условии, если между нашими представителями будут поддерживаться дружеские отношения, полные доверия, а также постоянное сотрудничество, которого требует также общеполитическое согласие, стремящееся распространиться на Европу и на Азию. Надо отметить, что практически это согласие создается из отношений обоих наших посланников. Эти отношения, которые обычно вначале, как например при г. Гартвиге, устанавливаются лишь с трудом, были успешно направлены г. Саблиным, а затем энергично развиты г. Поклевским. В Лондоне вскоре сочли, что сэр Д. Барклей находится настолько под влиянием российского посланника, что от этого страдают английские интересы, положение которых одно время было очень плохо. Прибытие сэра В. Тоунлея, обладающего более ярко выраженной индивидуальностью, нисколько не изменило характера отношений, полных доверия и сотрудничества, которые снова продолжались при г. Поклевском, а затем при г. Саблине. Эти отношения, благодаря которым английские дипломаты поняли как ошибочность некоторых английских иллюзий, так и местные условия, содействовали тому, как я уже многократно констатировал, что английское правительство, привыкло к некоторым методам, которые мы применяем. Вчера сэр Э. Грей мне прямо намекнул на эту привычку.

Несомненно, что доверие, которое вы так щедро оказывали английским послам и которое подчас превосходило доверие, проявляемое в отношении французских послов, имело очень большое значение. Тем не менее я думаю, что одного этого доверия было бы недостаточно без дружеского сотрудничества посланников России и Англии в Тегеране.

Я имел честь познакомиться с г. Коростовцем в С.-Петербурге; я убежден, что он сделал все, что мог, но да будет мне позволено в этом личном письме [высказать] опасение, что его внимание было прежде всего обращено на то, чтобы извлечь как можно больше из конвенции, причем он, может быть, не проникся [сознанием] безусловной необходимости в существеннейших интересах согласия постоянно [поддерживать] контакт с английским посланником, т. е. он, может быть, не ограничивается происходящими изредка беседами со своим английским коллегой.

Относительно этого мне в Лондоне не было сказано ни одного слова, но,

как я вам сообщил по телеграфу, мне хорошо известно из косвенных источников, что сэр В. Тоунлей предполагал удалиться.

В связи с этим я должен передать вам секретное сообщение, которое несколько недель тому назад сделал мне Камбон под условием строгой конфиденциальности. Он сказал мне, что, по его личным сведениям, которые он мог получить только из Тегерана, отношения между обеими миссиями сделались неожиданно очень плохими, и он выразил мне по этому поводу свои серьезные опасения.

Среди отправляемых вам документов вы найдете меморандум, который мне вчера передал сэр Э. Грей. По его словам, он был составлен в ожидании вашего меморандума, который должен носить более общий характер и который вы обещали сэру Дж. Бьюкенену.

Как я вам телеграфировал, сэр Эдуард мне вчера ничего не сказал о возможности пересмотра конвенции. В меморандуме он упоминает об этом, но лишь на тот случай, если это станет безусловно необходимым. Я думаю, что этот пересмотр будет крайне труден и что было бы гораздо предпочтительнее урегулировать дело более простым способом. Мне кажется трудным сохранить Шоджу в Тавризе, принимая во внимание его отношения с центральным правительством. Я думаю, что вы решите, как и я, что вопрос о взимании налогов должен быть пересмотрен, а вопрос об обоих банках урегулирован. Относительно этого последнего вопроса позвольте мне заметить, что характер этих двух банков не совсем тождествен. Английский банк представляет собой настоящий акционерный банк, который может действовать самостоятельно и оказывать услуги персидскому правительству на собственный риск и страх. Наш банк зависит непосредственно от министерства финансов, которое решает все само, нередко после длительных переговоров. Такое положение для нас невыгодно. Я упоминаю об этом лишь для того, чтобы вы это вспомнили, потому что вопрос о казначействе, как и вопрос об укреплении финансов Персии, который представляется одним из самых щекотливых до сего времени, становится, как мне кажется, неотложным.

Вы увидите, что в меморандуме, который мне вручил сэр Э. Грей, поднят вопрос о наших протеже и о расширении покровительства на Исфагань и далее.

Хотя имя Зилли-Султана не было произнесено, но я все же думаю, что наше покровительство, если оно действительно имело место, лицу, пользующемуся такой дурной славой, не должно было произвести здесь хорошего впечатления. Причины этого покровительства тут совершенно непонятны. Если оно будет распространено на весьма обширные земельные владения этого принца, то от этого, вероятно, пострадают интересы персидского казначейства.

Если на это будет жаловаться г. Морнар, то я думаю, что окажется почти невозможным создать по этому вопросу единое мнение.

Я имею лишь очень неполные сведения относительно состояния вопроса о собственности русских подданных в Персии. Но если дело идет об изменении в этом пункте Туркманчайского договора, то надо ожидать, что англичане будут возражать. Мне кажется очевидным, что такое изменение создает опасность иммиграции германских собственников как в наши районы, так и в те, где преобладают английские интересы.

Позвольте мне еще раз принести свои извинения за то, что это письмо так длинно и несвязно.

Разрешите мне повторить, что согласие с Англией прочно, как никогда, но что касается остального, то нам безусловно необходимо дружески наладить [с ней] наши дела в Персии. Германское влияние, которое сделало в стране известные успехи, не оказывает никакого воздействия на английское правительство. Мне едва ли нужно вам указывать, что сэр Э. Грей вполне отдает себе отчет в том, что наши разногласия по поводу Персии представляют оружие в руках германских агитаторов, которыми кишит Англия. Я нашел вчера статс-секретаря более сердечным, чем когда бы то ни было, внешне очень спокойным, но по существу крайне озабоченным. Поверьте под мою ответственность, что прежде всего и больше всего он стремится к сохранению согласия с Россией, что для этого он принесет максимальное количество возможных для него жертв, но что в персидском вопросе имеется предел, который ему будет невозможно переступить.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 210. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Письмо [1]. 11 июня/29 мая 1914 г.

Très secret.

Monsieur le ministre,

J'ai informé hier Sir E. Grey que le capitaine Wolkoff était revenu de St.-Pétersbourg, muni de ce qu'il fallait pour entamer des conversations avec l'amirauté et autorisé à les entamer.

Sir Edward me répondit qu'il en informerait incontinent le premier lord de l'amirauté.

A cette occasion Sir Edward me dit que fort inopportunément des ndiscrétions avaient été faites au sujet de cette affaire et que la presse allemande d'abord, puis les autres s'en étaient mêlées. Il me dit qu'il le regrettait vivement attendu qu'il allait être obligé de répondre à une question à ce sujet qui lui serait posée à la Chambre des Communes.

Je lui répondis que, tout comme lui, je regrettais infiniment des indiscrétions qui paraissaient devenir beaucoup trop fréquentes. Je dis que j'étais persuadé que votre excellence partageait ce point de vue et je l'informais que le „Novoe Vremia" avait publié à ce sujet un démenti.

Sir Edward, qui ne le savait pas, s'en montra très satisfait et me pria de lui communiquer le texte. Il me fit ensuite l'esquisse de la réponse qu'il comptait donner, qui couvrirait nos pourparlers comme dans le cas de ceux qui avaient eu lieu avec la France. Je lui répondis que cette façon de considérer la chose me paraissait satisfaisante.

J'ai eu l'honneur de transmettre cette réponse du ministre par poste le 12 juin/30 mai ct [2].

Veuillez agréer etc. Benckendorff.

---

[1] Опубл. L. N., II, p. 326—327.

[2] 12 июня/30 мая Бенкендорф препроводил в м-во ин. дел газетную вырезку, содержащую ответ Э. Грея на запрос, сделанный ему в палате общин по поводу англо-русского морского соглашения.

Перевод.

Весьма секретно.

Г. министр,

Я сообщил вчера вечером сэру Э. Грею, что капитан Волков вернулся из С.-Петербурга, снабженный всем необходимым для того, чтобы приступить к переговорам с адмиралтейством, и уполномоченный на то, чтобы их начать.

Сэр Эдуард ответил мне, что он немедленно известит об этом первого лорда адмиралтейства.

По этому случаю, сэр Эдуард сказал мне, что в этом деле была очень некстати проявлена нескромность и что в него вмешалась сначала германская пресса, а затем и другие. Он сказал мне, что он об этом очень сожалеет, так как он будет вынужден ответить на вопрос, который по этому поводу будет ему поставлен в палате общин.

Я ему ответил, что, как и он, я очень сожалею о нескромностях, которые совершаются слишком часто. Я высказал свою уверенность в том, что ваше превосходительство разделяете эту точку зрения, и сообщил сэру Э. Грею, что „Новое время" поместило по этому поводу опровержение.

Сэр Эдуард, который этого не знал, был этим вполне удовлетворен и просил сообщить ему текст [опровержения]. Он изложил мне затем набросок ответа, который он предполагает дать и который скроет наши переговоры, как были скрыты переговоры с Францией. Я ему ответил, что такое разрешение вопроса мне кажется удовлетворительным.

Имею честь препроводить этот ответ министра по почте 12 июня/30 мая.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 211. Военный агент во Франции помощнику 1-го обер-квартирмейстера генерального штаба ген. Монкевицу.

Письмо № 160. 11 июня/29 мая 1914 г.

Секретно.

Дорогой и глубокоуважаемый Николай Августович,

Позволяю себе беспокоить вас чтением нескольких строк, кои я считаю долгом прибавить для уяснения сегодняшнего рапорта моего за № 156 [1].

Дело в том, что вопрос о внутреннем политическом положении Франции преставляется настолько сложным и спорным, что было бы весьма неосторожным предрешать теперь его разрешение. В частности наш посол смотрит на положение весьма оптимистически, основывая свои взгляды почти исключительно на безграничном доверии к мудрости и твердости характера президента республики. Его личные дружеские отношения с г. Poincaré, конечно, этому способствуют. На мой взгляд однако было бы не вполне

[1] См. ниже № 212.

осторожно рассматривать все вопросы через подобную призму, и пример настоящего кризиса служит для меня доказательством правильности моих суждений. Ведь и для меня вопрос о 3-летней службе казался окончательно разрешенным и не подлежащим обсуждению, однако новый состав палаты депутатов выдвинул его снова на очередь. Если придерживаться взгляда А. П. Извольского, то тревожиться не следует, а, по моему мнению, парламентская оппозиция представляет плохую гарантию для твердого и спокойного течения жизни армии. Вы поймете сами, что, посылая рапорт, я не мог откровенно обменяться своим мнением с послом, что особенно для меня тяжело, так как выходит из принятых мною правил службы. Отмечая опасность положения, я, конечно, далек от мысли предвещать падение военного могущества нашей союзницы; наконец, существует еще ходячий парадокс, что во Франции всегда все улаживается (tout s'arrange).

Я надеюсь, что строки эти дадут вам достаточный материал для правильной оценки моего донесения и представления его в надлежащем свете высшим нашим властям, будь это признано нужным.

Примите и пр.

Гр. А. Игнатьев.

№ 212. Военный агент во Франции в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 156. 11 июня/29 мая 1914 г.

Секретно.

О министерском кризисе в связи с законом о 3-летней службе.

Как из прилагаемых при сем газетных вырезок, так и из повседневной русской прессы известно, сколь тревожные дни переживает ныне Франция вследствие длительного министерского кризиса.

С своей стороны, я счел долгом коснуться вопроса внутренней политики с той минуты, когда борьба партий сосредоточилась вокруг закона о 3-летней службе, представляющей ныне основу военного могущества нашей союзницы. Сохранение в полной силе этого закона настолько для нас существенно, что я позволяю себе в этом рапорте высказать свои предположения о причинах настоящего политического положения с тем, чтобы заранее подготовиться к возможным неблагоприятным для нас случайностям.

Первоначальную причину внутренней политической неурядицы я усматриваю в ноябрьском кризисе (см. рапорт мой за № 421, 1913 г.) и в той двойственной роли, которую вынужден был играть кабинет г. Doumergue'a в вопросе о применении в полном объеме закона о 3-летней службе.

В рапорте моем за № 438, 1913 г., я указывал уже на щекотливое положение нового тогда кабинета [1], улаженного в свое время министерской декларацией.

Министерство г. Doumergue'a, включив в свою программу применение 3-летнего закона (la loi de 3 ans), несомненно, было вынуждено действовать против политических убеждений большинства своей партии, выражавшей неоднократно свой протест против этого закона; точнее говоря, министры в отношении военных вопросов делали то, о чем они не могли говорить перед своими выборщиками и политическими единомышленниками. Эта игра не могла не обнаружиться при минувших парламентских выборах, на кои, как известно, правительство имеет всегда большое влияние. Оставление министерства г. Doumergue'a у власти и работа правительственных партий на выборах увеличило число левых депутатов в ущерб центра (крайние левые партии Jaures'a—102 депутата вместо 67, а весь левый блок 266 депутатов, то есть почти половина палаты).

Противники 3-летнего закона подняли голову и заговорили в своих печатных органах о возможности отмены или изменения утвержденного и примененного уже закона; как ни нелепы казались на первый взгляд подобные выступления, однако правительство убедилось благодаря им в невозможности предстать перед палатой депутатов с прежней своей программой, результатом чего явилась добровольная отставка г. Doumergue'a неделю тому назад.

Член бывшего кабинета, г. Viviani, попытавшийся было создать кабинет и принимавший в программу сохранение закона о 3-летней службе, хотя и с оговоркой о возможности его пересмотра, лишился этим самым сотрудничества двух кандидатов на министерские посты из своей политической партии и вследствие этого потерпел неудачу.

Трудность создавшегося положения заключается в группировке политических партий в новой палате, примерное распределение коих видно из нижеследующей диаграммы [2].

В ней однако число сторонников закона о 3-летней службе указано неточно, так как, по полученным мною третьего дня сведениям,

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Далее в подлинике вклеена диаграмма, которая здесь не воспроизводится.

число это достигло только 310 депутатов (из 602), что составляет хотя и незначительное, но все же большинство, без опоры коего кабинет существовать не может. С другой стороны, левые группы настолько сильны, что кабинету трудно удержаться, не имея в своем составе представителей левого политического блока.

Вчера, наконец, был составлен новый кабинет г. Ribot, старого и выдающегося политического деятеля, открытого сторонника закона 3-летней службы, залог успеха коего усматривается в его блестящих финансовых способностях; он намеревается отвлечь внимание от вопроса 3-летней службы, как не подлежащего уже обсуждению, и составить парламентское большинство посредством удачного и быстрого разрешения финансового вопроса. Портфель военного министра принял г. Delcassé, о политических взглядах коего было бы излишне говорить. Невзирая на блестящий состав нового кабинета, я из разговоров с близко осведомленными парламентскими деятелями вынес впечатление, что вследствие вышеописанной парламентской группировки положение его крайне трудно, что задача создания прочного кабинета остается неразрешенной и что радикальной мерой для направления внутренней политики в желательном смысле представился бы, быть может, только роспуск палаты и производство новых выборов при соответствующем правительственном давлении.

Этот шаг зависит однако всецело от президента республики, которого многие благомыслящие политические деятели уже теперь упрекают [1] в попустительстве и создавшемся для страны прискорбном положении.

Ослепленный верой в самого себя и патриотический подъем, выдвинувший его на пост президента и послуживший к усилению военного могущества, г. Poincaré ничего не предпринял для направления минувшей выборной кампании в желательном смысле и обеспечения положения сторонников новых военных законов.

Для меня лично, как и для французских военных кругов, весьма прискорбным является уже самый факт вмешивания военного вопроса во внутреннюю политическую борьбу, так как выборная агитация успела вселить в население некоторых департаментов враждебное отношение к увеличению срока службы под знаменами.

Однако как военные круги, так и все благомыслящее парламентское большинство (в том числе и г. Noulens и г. Maginot) твердо уверены в сохранении в полном объеме существующей военной

[1] Первоначально стояло „обвиняют“.

системы, так как нарушение ее вызвало бы не только беспорядки в самой армии, но грозило бы внешнему политическому положению Франции и, главным образом, нашему союзу.

В конечном выводе, следовало бы, казалось, рассматривать настоящий кризис, как нежелательный результат слабости центральной власти и надеяться на скорейшее его разрешение; что касается самого закона о 3-летней службе, то следует сохранить твердую надежду на оставление его в полной силе, во всяком случае, на протяжении ближайшего времени.

Полковник гр. Игнатьев.

№ 213. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Телеграмма № 88. 11 июня/29 мая 1914 г.

Сегодня вечером германский император уезжает в Конопишт на охоту к эрцгерцогу Францу-Фердинанду. Кроме обычной свиты, его императорское величество будет сопровождать морской министр адмирал фон Тирпиц.

Свербеев.

№ 214. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Телеграмма № 89. 11 июня/29 мая 1914 г.

Факт(у) сопровождения императора в Конопишт адмиралом Тирпицем придается еще большее значение, которое отрицается только официозной печатью, старающейся объяснить первый визит в Австрию создателя германского флота случайной причиной, а именно желанием эрцгерцога ближе познакомиться с адмиралом. Личность Тирпица и авторитет, которым он пользуется, придает присутствию его в Конопиште несомненное политическое значение, и результатом переговоров там может, мне кажется, явиться какое-либо новое соглашение о совместном использовании морских сил и об усилении боевой готовности Австро-Венгрии на море.

Свербеев.

№ 215. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 107 [1]. 11 июня/29 мая 1914 г.

Прошу срочного ответа. Получил телеграмму от [9 июня] 27 мая [2]. Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 148 [3]. Копия в Париж.

---

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 133—134, № 1364.

[2] См. выше № 186.

[3] См. выше № 189

Узнаю, что по настояниям Тарновского и Берхтольда переговоры в Берлине возобновлены при давлении германского правительства на банки. Радославов, которого видел сегодня по делу антигреческих беспорядков, подтвердил мне это известие. В разговоре он мне сказал, что если бы он только узнал, что Россия готова дать Болгарии деньги, то он тотчас же послал бы телеграмму Тончеву покинуть Берлин. На мое замечание, что между нами и болгарским правительством лежит письмо [6 июля] 23 июня [1], это трудно исполнимо [2], Радославов уверил меня, что письмо было написано им и друзьями в минуту отчаяния, что писавшие его не были в то время у власти, что оно отнюдь не имеет значения политической программы и что он, председатель совета министров, категорически отказывается от него передо мною, российским посланником. На мое возражение, что отречение должно быть сделано в той же форме и столь же публично, как самое письмо, а не с глазу на глаз, он спросил, зачем я так настаиваю на форме, когда он делами докажет, что другой политики, кроме российской, у Болгарии быть не может. При крайне затруднительных условиях, в которых находится теперь правительство, не было ли бы с нашей стороны актом политической мудрости предложить ему помощь. Я вполне разделяю мнение французского правительства, выраженное в телеграмме Извольского № 148 [3], что теперь следует предложить Болгарии аванс без всяких условий во имя традиционной заботливости России в затруднительные минуты [4]. Но для этого, конечно, нужно иметь окончательное согласие французских банков, так досадно заставляющее себя ждать. Ввиду спешности дела и если отсутствие короля продлится, полагал бы, что наше предложение могло бы быть сделано прямо правительству. Выраженное вами в № 1013 [5] соображение, что французская оценка условий займа не может разниться от нашей при теперешней постановке вопроса, мне кажется отпадает. Боюсь упрека, что я предлагаю меру, не согласную со взглядами упоминаемых вами деятелей, я только-что виделся с Малиновым и Тодоровым; оба горячо приветствовали мою мысль, находя, что в данных условиях [6] наш жест будет лишь проявлением нашего обычного великодушия к Болгарии и

[1] См. выше. стр. 56, прим. 1.
[2] Так в подлиннике.
[3] См. выше № 189.
[4] У Stieve: „nur als Fürsorge Russlands in schwierigen Zeiten anbieten sollte".
[5] См. выше № 130.
[6] У Stieve эти три слова отсутствуют.

ни в коем случае не послужит к укреплению нынешнего правительства. Они говорят—и вполне основательно,—что даже если после этого заем и будет подписан в Берлине, то наш шаг лишь послужит новым оружием против правительства. Они прибавляли [1], что при теперешнем общем угнетенном состоянии, когда всякий болгарин чувствует, что Болгария покинута всеми, и пользуются этим в Берлине, предлагая невыносимо тяжелые условия, помощь со стороны России будет особенно оценена, ибо прочувствована как жест спасителя. С своей стороны предлагаемый шаг считаю в высшей степени важным и вполне соответствующим нашим [2] высшим политическим интересам, почему усердно ходатайствую о согласии императорского правительства и скорейшем окончательном ответе из Парижа насчет аванса.

Савинский.

№ 216. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

Телеграмма № 162. 11 июня/29 мая 1914 г.

Ссылаюсь на свой № 160 [3].

Длившиеся в течение целой недели переговоры с лидерами оппозиционной партии убедили короля в полной неспособности последних образовать министерство, ввиду чего его величество снова призвал Пашича. Кабинет остается в прежнем составе с правом по проведении некоторых спешных законопроектов распустить скупщину и произвести новые выборы.

Гартвиг.

№ 217. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 337. 11 июня/29 мая 1914 г.

Копия в Афины.

Греческий посланник получил сегодня приказание из Афин заявить Порте, что в случае разгрома мусульманами города Айвали отношения между Грецией и Турцией вступят в критический фазис.

Гирс.

---

[1] У Stieve эти два слова отсутствуют.

[2] У Stieve это слово пропущено.

[3] См. выше № 143.

№ 218. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 339. 11 июня/29 мая 1914 г.

Джавид частным образом сообщает, что вчера германские уполномоченные, ведущие с ним переговоры, заявили ему, что Германия согласится на допущение российского представителя в Совет оттоманского долга на следующих трех основаниях: 1) очередное председательство германского делегата, 2) назначение второго германского делегата и в[1] 3) принятие на себя балканскими государствами доли оттоманского долга, соответствующей территориальным их приращениям. Джавид, будто бы, ответил им, что он добьется согласия Франции на первое условие, что им придется отказаться от второго и что он относится весьма сочувственно к третьему условию.

Гирс.

№ 219. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 340. 11 июня/29 мая 1914 г.

Повторяем № 332[2].—Из опасения личных нападок на него со стороны депутатов, великий визирь стремится отложить официальную передачу нам ноты ко времени роспуска парламента, имеющего быть через месяц,—под предлогом, что лишь к тому времени иностранные генеральные инспектора отправятся в свои секторы. Я настаиваю на немедленной передаче нам ноты, предлагая не предавать ее гласности в течение двух недель, чтобы оградить несколько великого визиря. Для деятельности инспекторов текст ноты имеет бесспорно решающее значение, и нисколько инспектора не могут быть стеснены тем, что в их инструкциях не приведен весь текст ноты.

Гирс.

№ 220. Старший советник министерства иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

*/. Телеграмма № 1136 [3]. 12 июня/30 мая 1914 г.

Телеграмма № 130[4] получена.

Ввиду согласия военного министерства, можете подписать соглашение об инструкторах в редакции, выработанной вами с генералом Аверьяновым.

Аргиропуло.

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Тел., очевидно, не расшифрованная, в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[3] Царск. экз.

[4] См. выше стр. 248, прим. 1.

№ 221. Старший советник министерства иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1137. 12 июня/30 мая 1914 г.

По сведениям морского ведомства, покупка чилийского линейного корабля может состояться только при условии влияния английского правительства на чилийского посланника в Лондоне. Вследствие сего благоволите просить английское правительство оказать нам все возможное содействие в этом деле, весьма интересующем наше морское ведомство.

Аргиропуло.

№ 222. Старший советник министерства иностранных дел посланнику в Тегеране Коростовцу.

*/. Телеграмма № 1145[1]. 12 июня/30 мая 1914 г.

Телеграмма № 263[2] получена.

За отъездом министра и товарища министра ответ может быть дан не ранее 8 дней.

Зная взгляды министра, я уверен, что ответ будет отрицательный. Если шахское правительство будет упорствовать в отозвании Исаак-хана, мы предпочтем не иметь никакого персидского посланника и игнорировать поверенного в делах, как это было раньше. Арфа-эд-Доуле во всяком случае принят не будет, так как, помимо всяких других соображений, нам известно, что он находится в связи с Англо-персидским комитетом.

Для вашего сведения:

Есть основание полагать, что в случае решительного отпора с нашей стороны этой новой попытке навязать нам Арфа-эд-Доуле, шахское правительство сдастся. Восуг-эд-Доуле на острове Исаак-хана, но имеет против себя других министров.

[Аргиропуло.]

№ 223. Старший советник министерства иностранных дел посланнику в Бухаресте Поклевскому-Козелл.

Телеграмма № 1148. 12 июня/30 мая 1914 г.

Греческий поверенный в делах сообщает о крайнем возбуждении

---

[1] Царск. экз.

[2] Тел. от 10 июня/28 мая за № 263 Коростовец передавал, что „принц Ала-эс-Солтане убедительно просит согласиться на назначение Арфа-эд-Доуле, так как в противном случае шахское правительство, огласившее этот факт, поставлено будет в неловкое положение. Оставление Исаак-хана в Петербурге, по его словам, является совершенно невозможным, так как правительство не питает к нему никакого доверия".

общественного мнения в Греции. Сам Психа полагает, что Греция, быть может, накануне серьезных решений. Он добавил доверительно, что резервисты-моряки вызываются на родину [1].

Аргиропуло.

№ 224. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 149 [2]. 12 июня/30 мая 1914 г.

Reçu lettre du [8 mai] 25 avril 1914 [3].

Grey m'a remis mémoire à ce sujet [4] Ministre [5] apprécie hautement franche et amicale communication. Ministre dit que si gouvernement avait pensé que développement flotte turque pouvait devenir menaçant pour Russie, autorisation de servir en elle n'aurait pas été accordée à officiers anglais, cette autorisation n'ayant été donnée à demande de gouvernement turc que pour maintien flotte turque dans état suffisant pour défense d' indépendance turque. Toute transformation de ce but serait désapprouvée par gouvernement anglais. Grey ajoute qu'un refus aurait produit que gouvernement turc se serait adressé à l'Allemagne, un résultat contraire aux intérêts de la Russie et de l'Angleterre également. Quant aux commandes et achats de vaisseaux en Angleterre, gouvernement n'a aucun moyen légal de s'y opposer. Pourtant ambassadeur britannique a été chargé de faire à ce sujet des admonitions au gouvernement turc et plus indirectement officiers anglais à Constantinople ont été chargés de s'expliquer dans même sens. Résultat de ces admonitions a été que sans que gouvernement anglais soit informé et en dehors toute coopération de mission navale anglaise, des contrats ont été passés directement entre gouvernement turc et armateurs, contrats qui échappent entièrement à contrôle et actions du gouvernement anglais. Grey partage appréhensions du Cabinet de St.-Pétersbourg au sujet danger possible de complications avec Grèce quand Turquie sera mieux armée, mais garde espoir que conseils de prudence prévaudront à Constantinople. Si crise aiguë devenait imminente, le Cabinet de Londres est disposé à s'aboucher immédiatement avec gouvernement impérial à ce sujet et d'établir échange d'idées sur attitude à prendre.

Benckendorff.

---

[1] Тел. от 12 июня/30 мая за № 118 Урусов передавал заявление Венизелоса в парламенте: „Взвешивая каждое мое слово, обязан заявить, что положение критическое и что если Турция не прекратит сейчас же гонения, то правительство не может ограничиться одним оплакиванием и облегчением участи беженцев". В заключение Урусов сообщал, что „призваны запасные флота восьмого года".

[2] Опубл. Siebert, S. 822—823.

[3] См. т. II, № 384.

[4] См. ниже № 253.

[5] Публикуемый Siebert'ом текст начинается с этой фразы.

Перевод.

Получил письмо от [8 мая] 25 апреля 1914 г.

Грей передал мне памятную записку по этому вопросу. Министр в высшей степени ценит откровенное и дружеское сообщение. Он сказал, что если бы правительство считало, что развитие турецкого флота может представлять опасность для России, то английским офицерам не было бы дано разрешения служить в нем, и что это разрешение было дано по просьбе турецкого правительства лишь для поддержания турецкого флота в таком состоянии, чтобы он мог охранять независимость Турции. Никакое изменение указанной цели не получит одобрения английского правительства. Грей прибавил, что отказ [Англии] заставил бы турецкое правительство обратиться к Германии, что одинаково противоречит как русским, так и английским интересам. Что касается заказов и покупок судов в Англии, то правительство не имеет никаких законных способов для противодействия им. Тем не менее британскому послу было поручено сделать по этому поводу предостережение турецкому правительству и, кроме того, менее непосредственное [выступление Англии заключалось в том], что английским офицерам в Константинополе было поручено объясниться в таком же духе. В результате этих предостережений, были заключены договоры непосредственно между турецким правительством и судовладельцами, без извещения английского правительства и помимо всякого содействия английской миссии, так что эти договоры совершенно ускользают от контроля и влияния английского правительства. Грей разделяет опасения петербургского министерства относительно возможной опасности осложнений с Грецией, когда Турция будет лучше вооружена, но надеется, что советы об осторожности одержат верх в Константинополе. Если острый кризис станет неминуем, то лондонский кабинет предполагает немедленно вступить по этому вопросу в переговоры с императорским правительством и обменяться взглядами относительно позиции, которую нужно будет занять.

Бенкендорф.

№ 225. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 154. 12 июня/30 мая 1914 г.

Ввиду предстоящего в понедельник заседания финансовой комиссии и приезда Гельфериха мне важно было бы знать, в каком положении вопрос о нашем делегате в Совете оттоманского долга.

Извольский.

№ 226. Посол в Берлине министру иностранных дел.

Телеграмма № 90. 12 июня/30 мая 1914 г.

Продолжение № 89[1].

Вчера Ягов по собственному почину коснулся в разговоре с английским послом поездки адмирала фон Тирпица в Конопишт и старался заверить Гошена, что она не имеет никакого поли-

[1] См. выше № 214.

тического значения. Император взял с собой адмирала, будто бы, исключительно вследствие выраженного эрцгерцогом желания ближе познакомиться с Тирпицем и поговорить с ним о деталях морского дела, которым его высочество живо интересуется. Гошен предполагает, что Ягов хотел до появления в английской печати различных комментариев предупредить возможные дипломатические разговоры заявлением по этому вопросу. Английский посол относится очень скептически к словам Ягова.

Свербеев.

№ 227. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 108. 12 июня/30 мая 1914 г.

Копия в Париж.

Тончев приезжает сегодня сюда с новыми предложениями берлинских банков, сделанными ему после давления Вены на берлинское правительство. Эти условия будут сегодня вечером рассматриваться в совете министров, который, по слухам, склонен их принять. Сущность этих условий была протелеграфирована Тончевым, и английский посланник, секретно узнав о них, сообщил мне, что заем разделен на три части, из которых 100 000 000 уплачивается при подписании, 150 000 000—в январе 1915 г. и 250 000 000—в январе 1916 г. Осведомившись об этом, я и французский поверенный в делах, каждый отдельно, сочли нужным еще раз напомнить правительству, что Россия и Франция рассчитывают на немедленную уплату 120 000 000, причитающихся им согласно уговору по бонам казначейства и поставкам.

Савинский.

№ 228. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 344. 12 июня/30 мая 1914 г.

Калмыков телеграфирует:

Ввиду анархии в вилаете, бесчинств бойкотаджиев (в) самой Смирне, отсутствия войск (в) городе, прошу присылки военного судна[1]. Положение вещей ежедневно ухудшается.

Копия в Бухарест.

Гирс.

[1] Тел. от 8 июня/26 мая за № 318 Гирс просил „о командировании из Севастополя военного судна для крейсирования между Самсуном и Батумом" „в видах оказания нравственного воздействия в пользу православного населения Анатолии". На запрос Сазонова (тел. от 9 июня/27 мая за № 1096) „о том, насколько

№ 229. Заведующий отделом Среднего Востока посланнику в Тегеране Коростовцу.

Телеграмма № 1158. 13 июня/31 мая 1914 г.

Персидский поверенный в делах сообщил, что шахское правительство будто бы согласно выдать туркам Абдуррезака, шейха Барзана и Сеида-Тага и просит вас повлиять на Шоджа-эд-Доуле, дабы он подчинился распоряжению Тегерана.

Я ответил, что на аналогичную просьбу турецкого поверенного в делах нами было отвечено решительным отказом, с пояснением, что, во-первых, это нас не касается, а во-вторых, поименованные лица, если вообще и виноваты в чем-либо, должны быть признаны политическими преступниками, которые не выдаются цивилизованными правительствами. К тому же Шоджа-эд-Доуле приняты все меры для недопущения каких-либо выступлений против Турции означенных выходцев. По моему мнению, персидскому правительству надлежало бы поступать по нашему примеру.

Не признаете ли вы возможным в таком же смысле высказаться перед министерством иностранных дел, пояснив ему, насколько невыгодно для Персии отталкивать от себя турецких курдов?

Если бы однако Абдуррезаку и шейху Барзану грозила серьезная опасность выдачи, то следовало бы посоветовать им скорее перебраться на Кавказ, что сложило бы с Шоджа-эд-Доуле обвинение в неисполнении распоряжения правительства.

О последующем не откажите телеграфировать.

Копии в Тавриз, Урмию и Хой.

Клемм.

крейсирование судна близ анатолийского побережья Черного моря, где не сосредоточено чисто православное население, будет отвечать намечаемой цели",—Гирс ответил (тел. от 10 июня/28 мая за № 333): „Появление морского нашего флага в портах анатолийского побережья желательно во всякое время. Оно во всяком случае... [пропуск в лит. копии] имеет благотворное влияние на отношения мусульманского населения побережья к христианам... Не вижу пока необходимости прибегнуть ныне же к более решительным военным мерам". Ссылаясь на сообщение Калмыкова о подготовлявшейся в Смирне резне греков (тел. от 13 июня/31 мая за № 347), Гирс (тел. от 13 июня/31 мая за № 349) сообщил о том, что посылает в Смирну стационер, канонерскую лодку „Донец". „Должен сказать,— добавляет Гирс,— что сведения, полученные сегодня же английским послом от английского консула в Смирне, более успокоительного свойства". Тел. от 14/1 июня из Константцы Савинов сообщал, что „государю императору благоугодно было высочайше соизволить на посылку военного судна крейсировать у малоазиатского берега".

№ 230. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 150 [1]. 13 июня/31 мая 1914 г.

Reçu № 1137 [2].

J'ai parlé plusieurs fois au ministère des affaires étrangères de ce côté de la question. Difficulté est que le ministre d'Argentine [3] s'oppose non pas seulement à vente à la Russie, mais à toute vente. Avant-hier Grey m'a dit qu'il saisirait l'occasion pour aller avec le ministre d'Argentine aussi loin qu'il le peut [4].

Benckendorff.

Перевод.

Получил № 1137.

Я говорил несколько раз в министерстве иностранных дел об этой стороне вопроса. Трудность заключается в том, что посланник Аргентины возражает не только против продажи России, но против всякой продажи. Позавчера Грей мне сказал, что он воспользуется случаем, чтобы добиться от посланника Аргентины всего того, что окажется возможно.

Бенкендорф.

№ 231. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 155. 13 июня/31 мая 1914 г.

Вчера при обсуждении министерской декларации в палате депутатов кабинет Рибо [5] остался в меньшинстве 40 голосов. Это почти небывалый случай падения министерства в первое его выступление перед парламентом. Говорят о новой попытке составить кабинет под председательством Вивиани.

Извольский.

---

[1] Опубл. Siebert, S. 823.

[2] См. выше № 221.

[3] У Siebert'a „Chili".

[4] В ответ на публ. тел. Базили ответил Бенкендорфу: „Полагаем, что следует читать: посланник Чили, а не Аргентины. Благоволите подтвердить" (тел. от 15/2 июня за № 1167 на франц. яз.).

[5] Тел. от 10 июня/28 мая за № 152 Извольский, сообщая о том, что „образование кабинета под председательством Рибо, маститого государственного деятеля творца сближения с Россией и выдающегося финансиста, встречается умеренными патриотическими кругами Франции с величайшим сочувствием" и что „особенно приветствуется назначение Делькассе военным министром, ибо это толкуется как залог неприкосновенности и точного применения закона о трехлетней службе" вместе с тем указывал, что „положение Рибо... будет весьма трудное, вследствие страстной оппозиции объединенных радикалов и социалистов". Тел. от 10 июня/28 мая за № 153 Извольский сообщил, что Рибо „подтвердил" ему „в самых горячих выражениях свою преданность русско-французскому союзу и незыблемости основанной на этом союзе и на соглашении с Англией политики Франции".

№ 232. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 156. 13 июня/31 мая 1914 г.

Составление нового кабинета вторично поручено Вивиани. Уверяют, что в предвидении неудачи кабинета Рибо, у него уже был приготовлен список министров, и что кризис может разрешиться весьма быстро. С точки зрения неприкосновенности закона о трехлетней службе и союзнических отношений с Россией, по моему убеждению, кабинет Вивиани представляет столь же серьезные гарантии, как и неудавшийся кабинет Рибо. С другой стороны, положение кабинета Вивиани в новой палате будет, вероятно, настолько твердое, что ему будет легче отстаивать перед нею применение вышеуказанного закона. Поэтому весьма желательно, чтобы наша печать воздерживалась от нападков на комбинацию Вивиани и не слишком резко выражалась об этом деле и вообще о вопросах внутренней французской политики, что производит здесь обратное действие.

Извольский.

№ 233. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Телеграмма № 109. 13 июня/31 мая 1914 г.

Копия в Париж.

Правительство объявило, что условия, приведенные Тончевым, приемлемы и что проект займа будет представлен в понедельник или вторник на обсуждение собрания. Оппозиция полагает, что с уничтожением условия монополии заем будет вотирован. Единственным средством борьбы с совершающимся злом может служить непреклонное требование императорского и французского правительства об уплатах, упомянутых в моем № 108[1]. Считаю долгом обратить на это особенное ваше внимание, ввиду уже распространяемых правительством слухов, что Россия и Франция удовольствуются для начала половинными взносами. Было бы не ...[2] сделать подобную уступку, и нужно было бы, чтобы французское правительство теперь же воздействовало совершенно определенно в этом смысле на „Banque de Paris“, а мы тоже должны настаивать на уплате нам полностью согласно уговору. Среди привилегий, получаемых германцами, правительственные газеты перечисляют целый ряд железнодорожных линий, идущих с севера до Эгейского моря, и прибавляют, что, в случае их недостаточности, гарантии

[1] См. выше № 227.

[2] Пропуск в подлиннике.

будут обращены на излишек от табачной монополии. Так как последняя является обеспечением прежних французских займов, то французское правительство в согласии с банком могло бы и здесь создать препятствие. На эти обе меры французский поверенный в делах, в глубоком сознании, что заем бросит надолго Болгарию в объятия Тройственного союза, обращает самое серьезное внимание своего правительства. Конечно, могучим средством было бы также немедленное изъятие из берлинских банков хотя бы ничтожной части наших ценностей; если бы в Берлине этому воспротивились, то можно было бы поставить условием воздержание банков от займа. Известие об окончании переговоров произвело на всех болгарских патриотов удручающее впечатление, и торжествуют только правительство с приверженцами и австро-немцы.

Савинский.

№ 234. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

*/. Письмо. 13 июня/31 мая 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Передавая вам в официальной и сухой форме просьбу черногорского правительства (составляющую предмет моей депеши от [12 июня] 30 сего мая № 27[1] о снабжении его деньгами, не ожидая реализации намечаемого 40-миллионного займа, позволю себе—в порядке частного обращения—изложить вам в непринужденной форме то, что здесь происходит, и мою оценку положения дел.

Министр финансов Попович пространно излагал мне бедственное положение, в котором находится Черногория. Все это и мне и министру давно известно; но чего он прямо не высказал, но что ясно вытекло изо всех его жалоб,—это то, что в столь мрачно описуемом бедственном положении находится не черногорское население, а черногорское правительство. Он даже обмолвился заверением, что если просимых денег правительство ныне не получит,

---

[1] В депеше от 12 июня/30 мая № 27 Гирс сообщал, что черногор. м-р фин. Ристо Попович от имени своего прав-ва просил передать росс. прав-ву просьбу, „чтобы, ввиду возможной задержки осуществления 40-миллионного займа и истечения срока мораториума к 14/1 июля с. г., императорское правительство не отказало ныне же поручить русским банкам ссудить черногорской казне аванс в размере выпадающей на долю России части займа, т. е. около 6 миллионов франков". Гирс указал Поповичу на „всю трудность исполнения просьбы черногорского правительства", сославшись на то, „что обстановка и способы выдачи займа еще не установлены и что... державы имеют не непосредственно выдать Черногории сумму займа, а лишь гарантировать, каждая в равной доле, уплату процентов".

оно будет окончательно скомпрометировано в глазах всего населения.

Попович ближе к истине, чем сам предполагает: отовсюду до меня доходят известия, что население бежит, куда может: из старой Черногории—в Америку, а из новых земель—в Турцию (мусульмане) и в Сербию (православные жители Санджака). Это ли не служит непреложным доказательством того, что народ изверовался в благодетельное вмешательство правительства в устройстве его дел.

К бунту черногорцы не склонны и свое недовольство выражают в форме повального бегства. От некоторых из них мне довелось слышать, что скоро в стране останутся лишь старики да дети.

Как бы то ни было, черногорские правители в эту минуту aux abois. Предоставить ли их собственной участи или помочь им выйти из тисков, в которые они сами себя поставили многолетней системой управления и своими действиями за самые последние годы? Таков вопрос, который, по скромному моему мнению, повелительно становится на очередь и решение которого, выходящее за пределы моей компетенции, властно повлияет на срок дальнейшего существования Черногории как государственной единицы, как и на тот или иной ход совершающейся ныне эволюции в деле объединения ее с Сербиею.

Для меня несомненно одно: мы присутствуем при умирании этого государства, которого ни выдача денег, ни политическая помощь предотвратить не могут. Не входя в излишние подробности и перечисления всяких доказательств, можно высказать уверенность, что по нынешним временам страна, покоящаяся на укладе военного стана, существовать не может. Она должна вступить на иной путь общественной и государственной жизни. Однако подавляющая масса населения ни малейшего влечения к изысканию такого нового пути не проявляет. Попрежнему в ней господствуют воззрения и привычки, создающиеся веками: расчет на помощь извне, всякое отсутствие стремления к самоусовершенствованию, небрежительное отношение мужчин к сельскому и всякому другому физическому труду, низведшее женщину на роль вьючного животного. Попасть в офицерство или чиновничество—таковы единственные вожделения теперешней черногорской молодежи из так называемой интеллигенции. Но на это нужны деньги, которых производительные силы страны дать не могут; отсюда и бегство ее из страны.

Любопытной и весьма показательной характеристикой черногорского коренного населения могут служить условия, поставляемые своему правительству теми черногорцами, которым предла-

гают поселиться на новых землях: готовый дом, полеводство в полном ходу, скот и ежемесячное крон в 40 денежное пособие. Такие же условия ставили черногорцы, сами обращавшиеся к Сербии с просьбою об отводе им земель на поселение. Не любовь к сознательному труду, а прежде всего расчет на подачку, и это в такую пору, когда приобретены богатые земли, могущие, по общему отзыву, широко оплачивать применяемый к ним труд.

С такими задатками в населении страна не только не достигнет самодовлеющего государственного бытия, но, при нынешних условиях и обстановке политической жизни народов, как государство, пойдет ускоряющимся темпом к гибели. Правы поэтому все те черногорцы, знающие свою родину, которые утверждают, что единственное спасение страны исключительно в поглощающих объятиях Сербии.

Дело к этому идет стихийно; когда и в каком порядке оно завершится,—с точностью предвидеть трудно, но во всяком случае можно сказать с уверенностью, что возврата к прежним условиям государственного бытия и управления Черногории быть не может: слишком ярко минувшая война обнажила их язвы, прочно залечить которые не под силу ни черногорской государственной власти, ни черногорскому народу.

Да и заем, когда он осуществится, этих язв не залечит, а лишь продлит на некоторое время существование Черногорского государства на прежних основаниях, то есть как обузы и для самого себя и для других.

Высшие соображения нашей политики могут этого потребовать, и я далек от мысли касаться этого сложного вопроса, суждения о котором выходят за пределы моей компетенции. Если же я позволил себе обременить ваше внимание вышеприведенными справками и соображениями, то лишь в целях посильного освещения той обстановки на месте, при которой вам придется решить вопрос о том, в какой мере целесообразно и осуществимо удовлетворение ходатайства черногорского правительства о нашей сепаратной денежной помощи.

А. Гирс.

№ 235. Посол в Токио министру иностранных дел.

Телеграмма № 81. 13 июня/31 мая 1914 г.

Получил №№ 1088[1] и 1112[2].

[1] См. выше № 181.

[2] См. выше № 196.

Японское правительство вполне разделяет нашу точку зрения относительно желательности получения гарантии с целью обеспечить участие России и Японии в монетной реформе. В видах практического достижения этой цели японское правительство предлагает: 1) чтобы действующий контракт на монетный заем (был) отменен по соглашению между китайским правительством и тремя группами; 2) чтобы китайское правительство формально обязалось перед пятью группами обратиться к ним за нужными средствами, когда решено будет приступить к осуществлению монетной реформы. Барону Мотоно поручено ознакомить вас с деталями предложения, суть коего изложена выше, и просить о поддержке со стороны представителей русской группы в Пекине и Лондоне их японским сотоварищам.

Малевский-Малевич.

№ 236. Министр иностранных дел товарищу министра иностранных дел.

*/. Телеграмма [1]. Констанца, 14/1 июня 1914 г.

Телеграфирую в Париж: ссылаюсь на телеграмму Савинского № 107 [2].

Если участие французских банков достижимо, считал бы осуществление ... [3] предложений Савинского весьма желательным.

Сазонов.

№ 237. Французский министр иностранных дел Вивиани министру иностранных дел.

Телеграмма [4]. 14/1 июня 1914 г.

Au moment où j'assume la direction du ministère des affaires étrangères je tiens à faire connaître à votre excellence mon vif désir d'entretenir avec elle les mêmes relations confiantes que mes prédécesseurs. Je l'assure que poursuivant leur politique je m'efforcerai de développer et resserrer les liens d'étroite alliance qui unissent nos deux pays amis.

René Viviani.

Перевод.

В момент, когда я принимаю на себя управление министерством иностранных дел, я хотел бы высказать вашему превосходительству свое глубокое желание поддерживать с вами такие же дружеские отношения, как мои предшествен-

[1] Царск. экз.

[2] См. выше № 215.

[3] Пропуск в подлиннике.

[4] Нешифрованная.

ники. Заверяю вас, что, продолжая их политику, я буду стремиться развивать и укреплять тесную союзную связь, которая соединяет обе наши дружественные страны.

Рене Вивиани.

№ 238. Посланник в Софии министру иностранных дел.

Письмо. 14/1 июня 1914 г.

Глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич,

Мне было бы в высшей степени ценно иметь возможность обменяться с вами мыслями в настоящий момент, который я признаю чрезвычайно важным для нашей политики вообще и в частности по отношению к Болгарии. Не решаясь просить вашего разрешения приехать повидаться с вами в Бухарест, я посылаю туда с настоящим письмом состоящего при миссии К. И. Джакели, близко знакомого с здешним политическим положением, который в курсе всего того, что здесь происходит, и знает мои переговоры как с здешними деятелями, так и мою переписку с императорским министерством. Ему я поручаю, в случае если бы вам угодно было его принять и выслушать, дополнить словесными объяснениями это письмо, которому я хочу дать возможно более сжатую и конспективную форму, так как понимаю, что в момент его получения у вас будет много другого дела.

Я не знаю, успели ли вы ознакомиться с той перепиской, которая происходила у меня за время вашего отсутствия из Петербурга как с министерством, так и с Парижем. Я все время придерживался того мнения, что нам невыгодно в вопросе о болгарском займе настаивать до конца как на непременном условии на удалении правительства Радославова от власти. Условия, в которых мы дали бы заем после того, что в Берлине были предъявлены столь драконовские требования, имели бы совершенно другой характер в сравнении с тем, если бы мы предложили Болгарии заем до начала ее переговоров в Берлине.

Из вышеупомянутой переписки видно, что как французское правительство, так и наш посол в Париже держались того же мнения.

Предъявление требования о смене правительства производило, конечно, впечатление вмешательства во внутренние дела страны и вызывало раздражение короля. Вот почему я старался по возможности смягчить это условие и с радостью увидел, что министерство согласилось со мной не ставить его ребром, разрешив мне заявить королю при выдаче аванса, что самый заем будет дан, когда он найдет удобный момент для смены правительства.

Эта постановка вопроса давала уже надежду на успех.—Стечение обстоятельств—затруднительное положение французского рынка, смена парижского кабинета и др., о которых было бы лишним долго говорить,—были причиною того, что французское правительство при видимом желании не могло найти, и по сию пору не нашло, той ничтожной суммы в 40 миллионов, которая была необходима, чтобы дополнить 30 миллионов, ассигнованных на аванс нашими банками; между тем, в начале переговоров французы категорически уверяли, что наше участие в авансе обеспечит успех дела.

Эта задержка со стороны Парижа не дала мне возможности привести в исполнение наш план, на который у меня было ваше принципиальное согласие, данное в телеграмме от [23] 10 мая за № 943[1]. Тем временем немцы делали свое дело, а король, видя, что мы в течение месяца после моего разговора с Добровичем ему ничего не предлагаем, уехал в Эбенталь. Миссия Тончева в Берлине потерпела сначала неуспех, так как даже такие беззастенчивые люди, как его товарищи по управлению, не решились принять берлинских условий, и переговоры были прерваны, о чем не только стало всем известно, но лично г. Ягов сказал об этом английскому послу Гошену, сообщившему это по телеграфу сюда. Но австро-немцы не дремали, и с поразительною быстротою было произведено Веной давление на Берлин в смысле воздействия германского правительства на банки. Я не знаю, конечно, какое впечатление произвело в Берлине это новое требование союзника доказать союзническую солидарность, но налицо тот факт, что в несколько часов переговоры были возобновлены и привели к известному уже вам результату. Условия, которые привез Тончев, стали тотчас же достоянием всех правительственных газет, которые торжествовали победу правительства.

Отрицать огромное политическое значение шага, который делает в данную минуту Болгария, немыслимо. Настойчивость, скажу более: страстность, с которой Австрия относится к вопросу о займе, свидетельствует о той важности, которую она придает вопросу о привлечении Болгарии в орбиту Тройственного союза, особенно теперь, когда Румыния, повидимому, уходит из-под ее ферулы.

Признавая всю ту огромную для нас важность, которую представляет оторвание Румынии от Тройственного союза и установле-

[1] См. выше.

ние хороших с ней отношений, я считаю однако, что нам нельзя относиться безразлично к политической ориентировке Болгарии и не только в силу наших традиционных к ней отношений; в самом деле, в случае больших политических осложнений, которых нельзя упускать из виду, когда Австрия и Россия будут в противоположных лагерях, нам далеко будет не безразлично, каково будет положение Болгарии. Что ни одно правительство в Болгарии не будет в состоянии заставить болгарского солдата стрелять в русских,— это ясно, но также ясен уже теперь и расчет Австрии. Ее главной и постоянной работой является поддержание розни между балканскими государствами; это мера самосохранения, которую Австрия проводит с редким успехом. Как она перед [29] 16 июня сыграла на слабой струне Болгарии, натравив ее на Сербию, так и в случае будущих осложнений, она, в сознании невозможности двинуть болгар против России, удовольствуется тем, что укажет Болгарии „благоприятный" момент, чтобы отобрать у Сербии Македонию и, обезопасив этим себя от Сербии, усилится[1] против нас. Насколько наше положение будет выигрышнее, если в момент подобных осложнений мы будем в состоянии твердо рассчитывать на активное содействие Сербии и Болгарии.

Все эти соображения, которые вам, конечно, гораздо виднее, чем мне, приводят меня к непоколебимому убеждению, что, дав дойти делу болгарского займа в Берлине так далеко (фактически он еще не подписан, но подписание—вопрос нескольких дней), нам нужно все-таки сделать все возможное, чтобы его расстроить.

При условии включения в число привилегий, получаемых берлинскими банками, табачной монополии, у нас была надежда и почти уверенность, что заем провалится при голосовании в народном собрании; но правительство поняло это и заменило табачную монополию другими условиями, которые при обсуждении в народном собрании при поддержке правительственного большинства, повидимому, не встретят затруднений, между тем, эти новые условия с общегосударственной точки зрения являются гораздо более важными и тяжелыми, чем табачная монополия, которой задевались, правда, очень существенным образом, интересы лишь частных лиц; в числе же новых условий находятся концессии на целый ряд железнодорожных линий, доходящих до Эгейского моря (Хасково—Порто Лагос, Джумая—Неврокоп) и столь важная концессия, как эксплоатация находящихся в 25 километрах от Софии Перник-

[1] Так в подлиннике.

ских каменноугольных рудников, поставляющих уголь для всей страны; уступка этой эксплоатации германским предпринимателям не только налагает чужую руку на экономическую самостоятельность страны, но грозит тем, что в критическую минуту все железнодорожное движение в королевстве может быть приостановлено. Важность подобного положения не нуждается в комментариях.

Средствами борьбы против созданного положения, по моему мнению, могли бы быть следующие меры:

1. Подвинуть французское правительство на принуждение „Banque de Paris" дать Болгарии сначала аванс, а потом заем. Но при этом заем должен быть предложен нами немедленно и без всяких условий. Об этом я телеграфировал в Петербург [11 июня] 29 мая[1], прибавляя, что оппозиция, в лице Малинова и Тодорова, горячо приветствует этот шаг.

2. Если по каким-либо соображениям это невозможно, то нужно препятствовать заключению займа в Берлине всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами.

а) Неуклонно настаивать на немедленной уплате Болгарией, при получении первой же части займа, французскому правительству 75 миллионов по бонам казначейства, а нам—45 миллионов по бонам и поставкам. В этих целях я и французский поверенный в делах напомнили третьего дня правительству о его обязательстве. По имеющимся у меня довольно достоверным сведениям, правительство ищет способа обойти исполнение этого обязательства и выбирает для сего двоякий путь: либо просить нас и французов удовольствоваться пока половинными взносами, либо, заплатив нам по бонам 27 миллионов франков (и не платя 18 миллионов за поставки) и австрийцам 30 миллионов по бонам, выданным прошлой осенью для оплаты купонов, ничего не платить французам, убедив их отсрочить платеж на выгодных процентах; этого ни в коем случае нельзя допустить и, мне кажется, следует настоять в Париже, чтобы уплата 75 миллионов была потребована категорически полностью при первой получке в счет займа.

б) В числе гарантий находится и излишек от табачной бандероли, являющийся обеспечением прежних французских займов; французское правительство должно было бы настоять пред „Banque de Paris", чтобы последний категорически воспротивился употреблению бандероли на гарантию каких бы то ни было других обязательств болгарского правительства.

---

[1] См. выше № 215

3. Наконец, самым действительным способом было бы то, на что я уже указывал в секретном письме от [29] 16 апреля с. г.[1], где я старался собрать воедино все то, что доказывало высокое политическое значение займа в связи с общей деятельностью австронемцев в Болгарии и на Ближнем Востоке вообще (см. весьма доверительное письмо от [29] 16 мая с. г.[2]); и это средство, ныне особенно желательное, состояло бы в немедленном изъятии из берлинских банков хотя бы самой незначительной части хранящихся там наших ценностей. Подобная мера, которой в Берлине, по всей вероятности, склонны были бы придать недружелюбный характер, могла бы быть отменена нами тотчас же, как германское правительство расстроило бы болгарский заем, имеющий против нас неизмеримо более враждебный характер, чем наше желание распорядиться нашими же собственными деньгами.

Позвольте надеяться, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, что вы не посетуете на меня за причиняемое беспокойство и присылку этого письма, вызванного глубоким убеждением, что настоящие обстоятельства способны надолго бросить Болгарию в объятия Тройственного союза и тем навлечь на нас упрек, что мы не захотели этого предупредить.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 239. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 163 [3]. 14/1 июня 1914 г.

Греческое правительство через сербского посланника в Афинах сообщает о предпринятых им перед Портой решительных шагах с предъявлением ультиматума по поводу гонений греков, проживающих в Турции. Одновременно здешнему греческому посланнику поручено...[4] потребовать срочного свидания с председателем совета министров. Предварительно объяснений с Александропуло, Пашич сейчас заехал ко мне, крайне встревоженный, ибо полагает, что Греция в силу существующего соглашения, по всем вероятиям, потребует активной помощи Сербии на случай, если бы у нее дело дошло до войны с Турцией. Пашич намерен самым категорическим образом отвергнуть подобное притязание на следующих основаниях: 1) Афинский кабинет занял крайнюю позицию, не толь-

[1] См. т. II, № 324.

[2] См. выше № 119.

[3] Царск. экз.

[4] Пропуск в подлиннике.

ко без предварительного уговора со своим союзником, но даже без какого бы то ни было предупреждения сербского правительства о том, что переговоры его с Турцией обостряются. 2) Как бы ни были прискорбны преследования, коим подвергаются греки в Турции, дело это вовсе не столь безнадежно и не столь высоко-политической важности, чтобы из-за него надлежало браться за оружие, не исчерпав всех средств мирного улажения и без предварительного обращения к заступничеству Европы. 3) После двух тяжелых кампаний и крупного столкновения с Албанией Сербия не подготовлена ни в финансовом, ни в военном отношении для новых военных действий. Без риска вызвать серьезные внутренние осложнения, он не может поднять народ на непосильную борьбу из-за побочного вопроса, не затрагивающего прямых интересов Сербии, ни даже Греции. 4) Нынешняя война с оправившейся Турцией может иметь для Греции самые тяжелые последствия, как потерю Каваллы, Салоник и всего добытого в прошлую кампанию. При этом не следует забывать, что Болгария, не принимая открытого участия в войне, несомненно, будет тайно помогать Турции. Уверенный, что ваше высокопревосходительство вполне одобрите его точку зрения, Пашич усердно ходатайствует о соответственных представлениях императорского правительства перед афинским кабинетом.

Гартвиг.

№ 240. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 355 [1]. 14/1 июня 1914 г.

Является возможность негласно приобрести газету „Jeune Turc"—орган младотурок, издающийся на французском языке. До сих пор нет у нас здесь газеты, служащей нашим интересам, что представляет собой неудобство; потому полагаю крайне желательным не упустить настоящего случая. Французский редактор газеты просит 600 лир в год. Думаю для его испытания заключить сперва помесячное условие 50 лир в месяц. Прошу на то телеграфного вашего разрешения [2].

Гирс.

---

[1] Царск. экз.

[2] Тел. от 20/7 июня за № 399 Гирс повторил содержание публикуемой тел. добавив: „Если обнаружится, что расход не окупается, то возможно будет совре, менем отказаться, так как условия помесячные". В ответ последовала тел. от 22/9 июня за № 1233: „Можете, заключив помесячные условия, отнести расход за счет секретных издержек".

№ 241. Посол в Константинополе министру иностранных дел.
*/. Депеша № 68. 14/1 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Как известно вашему высокопревосходительству, германское правительство пользуется каждым удобным случаем, чтобы усилить свое влияние в Турции и добиться возможно большего расположения последней. Это стремление обнаруживается особенно наглядно в вопросах, касающихся военного образования и воспитания.

Несколько дней тому назад из Константинополя выехали в Германию принцы Осман-Фуад (сын принца Салах-Эддина и внук султана Мурада V), Джемаль-Эддин (сын принца Шевкета, внук султана Абдул-Азиса), Абдул-Халим (сын принца Сулеймана и внук султана Мурада V) и принц Абдур-Рахим (сын султана Абдул-Гамида).

Принцы направились сперва в Висбаден, где в течение 6 месяцев они будут изучать немецкий язык. Затем они переедут в Берлин, где равным образом пробудут 6 месяцев для усвоения начальных основ военного образования. По прошествии года принцы будут прикомандированы к германским полкам для прохождения двухлетнего стажа.

При принцах, за время их нахождения в Германии, назначен состоять бывший германский военный агент в Константинополе, подполковник фон Штремпель, ныне окончательно перешедший на турецкую службу.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 242. Старший советник министерства иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.
*/. Телеграмма № 1171 [1]. 15/2 июня 1914 г.

Ваша телеграмма № 109 [2] получена.

Поскольку[3] идет речь о займе в Берлине, полагаем вполне основательным предъявить требование об уплатах совместно с Францией, ибо вовсе не расположены облегчать положение кабинета Радославова при нынешних условиях.

Сообщается в Париж, Бухарест.

Арг[ипопуло.]

---

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 135, № 1365.

[2] См. выше № 233.

[3] В черновом отпуске в начале зачеркнуто: „Сомневаясь, чтобы предъявлением требований об уплатах можно было помешать заключению займа".

№ 243. Старший советник министерства иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.

Телеграмма № 1174. 15/2 июня 1914 г.

Совет министров не встретил препятствий[1] к отпуску беспроцентной трехмиллионной ссуды монгольскому правительству, предоставив окончательную выработку условий контракта соглашению между министрами финансов и иностранных дел.

Ваш проект[2] признается в общем приемлемым, но должен быть дополнен в следующем смысле:

1) Отдельные выдачи в счет ссуды, в размерах, не превышающих сумм, намеченных во 2 пункте, производятся по одобрении императорским правительством смет расходования этих сумм, причем сметы эти вырабатываются при участии нашего советника, который следит и за правильностью расходования предоставленных нами средств по установленному назначению.

2) В случае, если бы поступления от обложения торговли оказались к какому-либо сроку недостаточными для покрытия платежей по ссуде, монгольское правительство будет обязано предоставить нам дополнительное обеспечение.

3) При повторении случаев неисправности в платежах мы получим право установить действительный контроль над доходами, служащими гарантиею ссуды, и даже взять таковые в свое непосредственное заведывание за счет монгольского правительства.

Благоволите вступить в соответствующие переговоры с монгольским правительством и полный текст проекта контракта представить на наше одобрение.

Военное министерство согласно отпустить теперь же 20 000 трехлинейных винтовок с 20 миллионами патронов, 6 орудий с 3 000 снарядов и 4 пулемета с 400 тысяч патронов, с удержанием 400 000

---

[1] В деле имеется особый журнал совета министров от 11 июня/29 мая „об отпуске монгольскому правительству ссуды в размере 3 000 000 руб.“. Постановления совета м-ров изложены в публикуемом документе.

[2] В тел. от 9 мая/26 апреля за № 117 Миллер сообщил следующий вариант условий „беспроцентной ссуды в три миллиона рублей, поступающих в учреждаемое монгольское казначейство“: „1. Ссуда расходуется на внутренние реформы и культурные задачи согласно сметам. 2. Первый взнос — миллион рублей, остальные взносы по полмиллиону через каждые шесть месяцев. 3. Со дня получения последнего взноса ссуда погашается ежегодными уплатами по 100 000 рублей в год, обеспечиваемых пошлинами, взимаемыми с иностранно-подданных, т. е. с китайцев, за ввозимые и вывозимые товары... Монгольское правительство ходатайствует об удержании из первого взноса 400 000 рублей за обещанное оружие без упоминания об этом в соглашении о займе“.

рублей из ссуды и рассрочкой остальной суммы по 60 000 рублей в год.

Мы имеем право рассчитывать, что и монгольское правительство, оценив оказываемую ему крупную услугу, разрешит в желательном смысле вопрос о железнодорожном и телеграфном соглашениях.

[Аргиропуло.]

№ 244. Старший советник министерства иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

/. Телеграмма № 1179. 15/2 июня 1914 г.

Сообщается в Афины, Париж, Лондон, Бухарест.

Итальянский посол сообщает, что греческий посланник в Константинополе в субботу сделал Порте представление почти ультимативного характера, в коем требует: 1) немедленного прекращения притеснений; 2) водворения в свои владения греческих подданных, насильственно оттуда изгнанных и находящихся на турецкой территории; 3) вознаграждения за повреждения или возвращения собственности конфискованной.

Если требования Греции действительно таковы, как перечислены, считаем их весьма умеренными. Просим вас оказать возможное воздействие на Порту для скорейшего их удовлетворения, указав на ответственность, которую приняли бы на себя турки промедлением, которое привело бы к войне с Грецией со всеми рисками подобного исхода.

Аргиропуло.

№ 245. Старший советник министерства иностранных дел поверенному в делах в Афинах Урусову.

/. Телеграмма № 1180. 15/2 июня 1914 г.

Сообщается в Париж, Лондон и Константинополь.

Ваша телеграмма 119 [1] получена. Ссылаюсь на телеграмму Гартвига 163 [2].

Считали бы крайне неосторожным со стороны Греции, если бы, не дав туркам возможности принять меры к прекращению нынеш-

---

[1] Тел. от 14/1 июня за № 119 Урусов высказывал предположение, что, несмотря на ультимативный характер предъявленных Турции греческих требований, „Венизелос решится двинуть флот, лишь принужденный уже крайне возбужденным общественным мнением". Далее Урусов сообщал о готовности греч. судов к походу и о том, что „на-днях ожидается декрет о присоединении Митилены и Хиоса".

[2] См. выше № 239.

них притеснений в Малой Азии, правительство слишком резкими выступлениями вызвало бы войну, в которой рискует потерять свои недавние приобретения.

Благоволите дружески высказаться в этом смысле перед Венизелосом, присовокупив, что одновременно наш посол в Константинополе оказывает возможное умеряющее влияние на Порту.

Аргиропуло.

№ 246. Старший советник министерства иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 1181 [1]. 15/2 июня 1914 г.

Сообщается в Константинополь, Бухарест и Афины.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1179 [2].

Не признает ли правительство, при коем вы аккредитованы, возможным дать соответствующие указания представителям в Константинополе и Афинах?

[Аргиропуло.]

№ 247. Старший советник министерства иностранных дел министру иностранных дел в Бухарест.

Телеграмма № 1184. 15/2 июня 1914 г.

Болгарам удалось достигнуть согласия берлинских банков на заключение займа без создания монополии, вследствие чего принятие его народным собранием обеспечено.

Заем разделен на три части, из коих 100 миллионов при подписании, а 150 миллионов—в январе.

По мнению нашего посланника и французского поверенного в делах, следует предъявить Болгарии требование об уплатах нам и Франции долгов по бонам и поставкам всего на сумму до двадцати миллионов.

Сомневаясь в том, чтобы этим путем можно было помешать займу, полагаем однако, что предложение посланника отвечает предыдущему нашему отношению к вопросу, вследствие чего посылаем ему телеграмму, текст коей вам сообщается [3].

[Аргиропуло.]

---

[1] Опубл. Stieve, IV, S. 135, № 1366.

[2] См. выше № 244.

[3] См. выше № 242.

№ 248. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 151. 15/2 июня 1914 г.

Reçu № 1135 [1].

Ai informé Grey en présence Cambon que le gouvernement impérial enverrait à Durazzo stationnaire du Pirée, si omnes, avec réserve pourtant que équipage ne coopérerait pas à descente éventuelle. Grey nous a répondu que, dans idée que toutes les Puissances y avaient consenti, un vaisseau de guerre anglais avait été expédié et qu'il était en route. Commandant a pour instruction de ne pas coopérer descente à moins d'instructions ultérieures à cet effet.

Benckendorff.

Перевод.

Получил № 1135.

Уведомил Грея в присутствии Камбона, что императорское правительство отправит в Дураццо стационер из Пирея под условием si omnes, однако с той оговоркой, что его экипаж не примет участия в возможной десантной операции. Грей ответил нам, что, исходя из того, что все державы на это согласились, было послано английское военное судно и что оно находится в пути. Командир получил инструкцию не участвовать в десанте, если только не будет об этом последующих инструкций.

Бенкендорф.

№ 249. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 153. 15/2 июня 1914 г

Grey nous a dit confidentiellement que dans opinion personnelle d'Elliot, présent à Londres, Vénizélos n'admettait aucun compromis pour Chios, mais qu'il consentait peut-être échange Mytilène contre Dodécanèse.

Benckendorff.

Перевод.

Грей сообщил нам конфиденциально, что, по личному мнению Эллиота, находящегося в Лондоне, Венизелос не допустит никакого компромиссного решения в отношении Хиоса, но что он, быть может, согласится обменять Митилену на Додеканез.

Бенкендорф.

[1] Тел. от 12 июня/30 мая за № 1135 сообщалось послу в Лондоне, что в случае решения „держав о посылке военных судов в албанские воды", туда может быть послан в распоряжение Петряева русский стационер, с оговоркой, „что не будем участвовать в десантных операциях".

№ 250. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 154. 15/2 июня 1914 г.

Situation entre Grèce et Turquie a été examinée à notre réunion à trois aujourd'hui. Grey la considérait extrêmement sérieuse, mais il croit que l'état de l'armée turque ne permettra pas à Porte aggression sur terre ferme, quelque soit attitude de Bulgarie. Il doute que Porte use de sa flotte dans état actuel d'infériorité. D'un autre côté, toutes les îles sauf Dodécanèse étant déjà occupées par Grèce, il ne voit pas quel pourrait être l'objectif de la flotte grecque. Grey en conclut que dans moment actuel la question la plus importante surtout pour Russie et Angleterre est celle de fermeture possible Détroits par Turquie. Il nous dit que c'est sur ce point qu'il concentre son attention et qu'il se propose consulter conseil Cabinet. Grey ne formule pas objection à décret grec d'annexion de Chios et Mytilène. Il pense que gouvernement grec a dû y procéder pour tenir en haleine opinion publique grecque suréchauffée. Quant à démarche ...[1] de prendre à Constantinople, Grey revient à son opinion, qu'à moins d'une décision unanime des Puissances de soutenir leur démarche par force, elle n'aurait aucune valeur. En terminant il a répété que pour le moment c'est fermetur Détroits qui pour lui était question immédiate la plus importante et dont il s'occuperait.

Benckendorff.

Перевод.

Сегодня на нашем совещании втроем был рассмотрен вопрос об отношениях между Грецией и Турцией. Грей считает его крайне серьезным, но думает, что, какова бы ни была позиция Болгарии, состояние турецкой армии не допустит Порту до агрессивных действий на суше. Он сомневается, чтобы Порта прибегла к своему флоту при теперешнем его плохом состоянии. С другой стороны, так как все острова, кроме Додеканеза, уже заняты Грецией, то он не видит, какую цель мог бы преследовать греческий флот. Грей приходит к заключению, что в настоящий момент наиболее важный вопрос, особенно для России и Англии, заключается в возможности закрытия проливов Турцией. Он сказал нам, что он обратил все свое внимание на этот вопрос и что он намерен передать его на рассмотрение кабинета. Грей не высказывает возражений против греческого декрета об аннексии Хиоса и Митилены. Он считает, что греческое правительство должно было сделать это для того, чтобы сдержать слишком напряженное общественное мнение. Относительно шагов, которые надлежит сделать в Константинополе, Грей придерживается того мнения, что они не могут иметь никакого значения, если только не будет

[1] Пропуск в подлиннике.

достигнуто единодушное решение держав поддержать свое дипломатическое выступление военной силой. В заключение он повторил, что в настоящий момент закрытие проливов является наиболее важным вопросом, которым он занят.

Бенкендорф.

№ 251. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/.Телеграмма № 155 [1]. 15/2 июня 1914 г.

A notre réunion à trois aujourd'hui, Cambon et moi avons repris question délimitation serbo-albanaise. Ambassadeur de France a présenté une ligne sur carte assurant selon lui sécurité stratégique de Dibra et Prizren par annexion à Serbie région entourant Biscop y compris ce point. Grey nous a répondu que dès qu'il eut reçu mémoire serbe il a expédié à représentant anglais télégramme le chargeant assurer sécurité stratégique de ces points. Grey télégraphiera maintenant à représentant anglais de prendre en considération tracé français, que transmettrai par courrier, et d'élucider malentendu au sujet village Ljuma et de télégraphier ses observations s'il y a lieu. J'avais fait observer à Grey que ouverture marché serbe aux Albanais serait facilitée à Serbie si point stratégique lui était assuré.

Benckendorff.

Перевод.

Сегодня, во время нашего совещания втроем, мы с Камбоном возобновили вопрос о сербо-албанском разграничении. Французский посол указал на карте такую линию, которая, по его мнению, обеспечивает со стратегической точки зрения безопасность Дибры и Призрена путем присоединения к Сербии местности, окружающей Бископ и самого этого пункта. Грей ответил нам, что тотчас по получении сербской памятной записки он отправил английскому представителю телеграмму, в которой поручил ему обеспечить стратегическую безопасность указанных пунктов. Грей даст теперь английскому представителю телеграмму, которую я перешлю с курьером, о том, чтобы он принял во внимание направление, [предложенное] Францией, выяснил недоразумение по поводу деревни Люма и телеграфировал свои соображения, если таковые имеются.

Я заметил Грею, что Сербии будет легче открыть албанцам сербский рынок, если ей будет обеспечен стратегический пункт.

Бенкендорф.

№ 252. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 157. 15/2 июня 1914 г.

Télégramme de Grey à colonel Granet: „Delimitation of the North Albanian frontier. I duly received your despatch of May 1st on the 7th inst. I have stated that you have said to your Russian Colleague that,

[1] Царск. экз.

in order to secure the effective defence of Dibra, the line ought to be extendet further north than that actually selected there. I informed them that you had taken this step before receiving any instructions from me & on your own initiative. I have informed Russian and French Ambassadors that, though I agree with your reservation that no more Albanian villages than the military situation requires should be ceded to Servia, you will authorized, as required by them, to support such modifications as are necessary to give Servia strategic security both at Prizren and Dibra. I request that you will take action on these lines. Albania should in each case be accorded free access to necessary markets and I have impressed this fact upon both Cambon and Benckendorff [1] ".

Benckendorff.

Перевод.

Телеграмма Грея полковнику Гренету: „Разграничение по северной албанской границе. Я получил ваше донесение от 1 мая, как следовало, 7 тек. мес. Я установил, что вы заявили вашему русскому коллеге, что для обеспечения действительной защиты Дибры линия должна быть проложена на север дальше, чем предполагается сейчас. Я сообщил, что вы предприняли этот шаг до получения каких-либо инструкций от меня и что вы действовали по собственной инициативе. Я известил российского и французского послов, что хотя я и соглашаюсь с вашей оговоркой, что не следует уступать Сербии больше деревень, чем это требуется военными интересами, вы все же будете уполномочены, как они того желают, поддерживать такие изменения, которые необходимы для стратегического обеспечения Сербии как у Призрена, так и у Дибры. Я прошу, чтобы вы действовали по этим указаниям. Албании должен быть во всяком случае предоставлен свободный доступ к нужным ей рынкам, и я отметил это обстоятельство как Камбону, так и Бенкендорфу".

Бенкендорф.

№ 253. Памятная записка английского министерства иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу [2].

9 июня/27 мая 1914 г.

Confidentiel.

Sir E. Grey has given careful consideration to the frank and courteous expression of the apprehensions felt by Monsieur Sazonow in regard to the growth of Turkish naval power, which was communicated to him by Count Benckendorff on May 21st last and he has the honour to offer the following observations in reply.

[1] Тел. передана в Цетинье 19/6 июня за № 1217.

[2] Переслана Бенкендорфом Сазонову при сопроводительном отношении от 15/2 июня, вследствие чего и помещается здесь.

His Majesty's Government would not have allowed British naval officers to take service under the Ottoman Government if they had thought that the Turkish Navy was intended to act in a sense hostile to Russia. At the time when His Majesty's Government acceded to the Turkish request for a loan of British officers they were anxious to assist the Ottoman Government in their evidently sincere efforts to reform and maintain their Empire. This policy of maintaining the independence of Turkey is understood to be regarded with favour by the Russian Government also, and His Majesty's Government would sincerely lament any departure from it. If His Majesty's Government had refused the Turkish application, it is quite certain that the reorganisation of the Turkish Navy would have been entrusted to Germany, and His Majesty's Government feel confident that the Russian Government will share their belief that an arrangement which might have placed the reorganisation of both the naval and military forces of Turkey in the hands of one Power would not have been to the real interest of either Turkey, or of Great Britain and Russia.

As regards the construction and purchase of warships by the Turkish Government, a point which is dealt with more fully in the subsequent memorandum communicated by the Russian Embassy on the 1st instant, His Majesty's Government are unhappily not in a position to interfere with the freedom of the Turkish Government. They have, as a matter of fact, not only through their Ambassador in Constantinople but also, more indirectly, through British officials in the Turkish service, exerted their influence against this policy, with the only result that the Turkish orders were placed, and financial arrangements made to meet the cost, without their knowledge, and without those British officials being either consulted or informed.

His Majesty's Government fully share the anxiety expressed by the Russian Government as to the attitude which Turkey might possibly adopt more particularly with regard to Greece, when she shall have received important additions to her navy: but they still trust that before that time arrives, the Ottoman Government will have come to realise the imprudence of embarking on another war. Should nevertheless such a danger become acute, His Majesty's Government will be ready and glad to enter into an exchange of views with the Russian Government as to the best way of dealing with such a situation.

Перевод.

Конфиденциально

Сэр Э. Грей подверг тщательному рассмотрению выраженные г. Сазоновым в откровенной и любезной форме опасения относительно роста морского

могущества Турции, которые были сообщены ему графом Бенкендорфом 21 мая, и он имеет честь представить в ответ следующие замечания.

Правительство его величества не разрешило бы британским морским офицерам вступить на службу оттоманского правительства, если бы оно считало, что турецкий флот предназначается для действий, враждебных России. Когда правительство его величества согласилось на просьбу Турции о предоставлении британских офицеров, то оно стремилось содействовать оттоманскому правительству в его явно искренних усилиях преобразовать и сохранить свою империю. Оно предполагало, что российское правительство также относится благожелательно к этой политике, направленной к сохранению независимости Турции, и правительство его величества будет искренно сожалеть о всяком отклонении от нее. Если бы правительство его величества отказало Турции в ее просьбе, то преобразование турецкого флота было бы несомненно поручено Германии, и правительство его величества уверено, что российское правительство разделяет его убеждение в том, что такой порядок, при котором преобразование как морских, так и сухопутных сил Турции перешло бы в руки Германии, не соответствовал бы реальным интересам как Турции, так и Великобритании и России.

Что касается сооружения и покупки военных судов турецким правительством, чего более подробно касается очередной меморандум, переданный российским посольством 1 тек. мес., то правительство его величества не может, к сожалению, нарушить свободу действий турецкого правительства. Фактически оно оказывало влияние для противодействия этой политике не только через посредство своего посла в Константинополе, но и более косвенно, через посредство британских должностных лиц на турецкой службе, но достигло лишь того результата, что турецкие заказы были размещены и средства для покрытия их стоимости добыты без ведома правительства его величества и без совета или извещения британских должностных лиц.

Правительство его величества вполне разделяет опасения, высказанные российским правительством, по поводу позиции, которую Турция может занять, особенно в отношении Греции, когда турецкий флот получит сильное подкрепление. Но оно продолжает надеяться, что до наступления этого времени турецкое правительство поймет, какую неосторожность представляет вступление в новую войну. Если бы однако подобная опасность наступила, то правительство его величества будет готово приступить к обмену мнений с российским правительством о том, как следует отнестись к создавшемуся положению.

№ 254. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 158. 15/2 июня 1914 г.

Вчера, тотчас по составлении министерства, Вивиани был у меня и в самых определенных выражениях заявил мне о незыблемости внешней политики Франции, основанной на союзе с Россией и дружбе с Англией, и о своем твердом намерении лояльно применять закон о трехлетней военной службе. Со своей стороны я счел полезным высказать г. Вивиани, что мы вполне уверены в последовательности и незыблемости внешней политики Франции, что как Россия, так и Франция. одинаково обе стороны заинтересованы в

том, чтобы достичь наибольшей боевой готовности, но что мы отнюдь не вмешиваемся во внутренние французские дела. Мои заявления видимо успокоили Вивиани, который не скрыл от меня, что выступления некоторых наших газет произвели на парижские круги неблагоприятное впечатление. Позволяю себе вновь высказать убеждение, что кабинет Вивиани, опираясь на крайние левые партии, энергично может отстаивать закон о трехлетнем сроке с бо́льшим успехом, нежели более умеренный кабинет Рибо, и представляет в отношении русско-французского союза вполне достаточные гарантии. Извольский.

№ 255. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 35 [1]. 15/2 июня 1914 г.

Ввиду вчерашних событий в Дураццо Сан-Джулиано полагает необходимым высадить десант, который однако ограничить охраною князя и миссий, не вступая в бой с повстанцами. Если князю не удастся, несмотря на это, удержаться, министр предлагает поручить в таком случае правительственную власть контрольной комиссии.
Крупенский.

№ 256. Посол в Риме министру иностранных дел.

Письмо [2]. 15/2 июня 1914 г.

Судя по наблюдениям компетентных лиц, ближе знакомых с Албанией, в том числе и нашего комиссара [3], итальянское влияние

---

[1] Царск. экз.

[2] Лит. копия.

[3] В депеше от 8 июня/26 мая за № 80 Петряев писал: „Хотя события, происходящие теперь в Албании, имеют характер внутренней неурядицы и междоусобия, но в корне их лежит австро-итальянское соперничество и борьба из-за политического преобладания... Ловко воспользовавшись теперешними обстоятельствами, Австрия в настоящее время и несомненно в ущерб итальянцам чрезвычайно усилила свое положение... Представитель Австрии в Дураццо сумел подчинить своему исключительному влиянию голландских офицеров, организующих албанскую жандармерию. Благодаря воздействию австрийского посланника, чувствительный удар итальянскому престижу был нанесен на-днях арестом проживающего в Дураццо итальянского полковника Муриккио, командированного итальянским правительством для организации помощи пострадавшим албанцам-эмигрантам". Личный секретарь князя Вида итальянский капитан Гастольди был принужден, сообщает Петряев, выйти в отставку: „Это было тоже вызвано настояниями австрийского посланника, который во что бы то ни стало хотел удалить Гастольди, слишком энергично проводившего при дворе идеи своего правительства. На последнем заседании комиссии в Дураццо итальянский комиссар снова выступил против австрийцев, подняв вопрос о незаконном нахождении среди организаторов и руководителей албанской жандармерии и милиции нескольких переодетых офицеров, принадлежащих к армии одной из великих держав, которой оказалась Австрия".

преобладало над австрийским во всей стране. Удаление Эсад-паши было первым признаком того, что это влияние пошатнулось. Самовольный и противозаконный арест голландскими офицерами итальянского полковника Муриккио и профессора Киниго служат дальнейшим доказательством того, что в городе Дураццо и в придворных сферах албанского князя австрийское влияние одержало верх. Правда, энергическим протестом итальянского посланника барона Алиотти, и воздействием Консульты арестованные были немедленно освобождены; принесены были должные извинения, и в последующем удовлетворении, которого потребует Италия, отказано в конце концов не будет.

Этот инцидент произвел однако в Италии тяжелое впечатление и еще более обострил австро-итальянскую вражду, т[ак] к[ак] и здесь склонны видеть в последних происшествиях плоды австрийской интриги.

Запрошенный по этому поводу в парламенте, маркиз ди Сан-Джулиано ответил изложением известных императорскому министерству фактов, утверждением невиновности арестованных и оправданием действий итальянского посланника, усмотрению которого предоставлено определить удовлетворение „в целях необходимости оградить престиж Италии, не упуская при этом из виду ее интереса укрепить албанское государство". Удовлетворение это следующее: извинительное письмо полковника Томсона итальянскому посланнику и удаление из Албании капитана Фабиуса.

Отвечая также на запрос об итало-австрийских отношениях в связи с последними событиями, министр подтвердил полное согласие венского и римского кабинетов и прибавил, что после того, что произошло в Албании, итальянское и австро-венгерское правительства вновь согласились: 1) дать одновременно своим агентам в Албании категорические инструкции, предписав им действовать в полном единомыслии и повторив им общность целей политики обоих государств; 2) сделать все возможное, чтобы удержать принца Вида у власти; 3) советовать им избегать не только на деле, но и внешним образом всякое предпочтение Италии и Австрии и уделять самое большое внимание международной контрольной комиссии; 4) просить остальные 4 державы послать возможно скорее по одному военному судну в Дураццо; 5) предпринять шаги пред кабинетами для совместного объявления смежным с Албанией государствам, что Европа единодушна в непоколебимом стремлении сохранить интегритет, нейтралитет и независимость Албании согласс-

но с постановлениями Лондонской конференции, которые должны остаться ненарушимыми.

Чтобы избежать явного разрыва между итальянской и австрийской миссиями в Дураццо, упомянутые инструкции были действительно нужны, т[ак] к[ак] озлобление между ними и еще более между итальянцами и австрийцами в Албании вообще приняли угрожающие размеры. Венский кабинет даже намекал здесь на желательность отозвания барона Алиотти, обвиняемого Австрией в интригах.

Итти так далеко по пути уступок и жертвовать посланником, которым здесь довольны, маркиз ди Сан-Джулиано однако не намерен, хотя он и чрезвычайно озабочен столь явно проявившимся несогласием интересов обеих стран, об общности которых он столь часто и столь громко заявлял. С итальянской точки зрения весьма, впрочем, понятно желание действовать заодно с Австрией, т[ак] к[ак] самостоятельное вмешательство последней точно так же, как и разрыв с ней, привели бы к самым серьезным последствиям, призрак которых справедливо путает Консульту. Этим и объясняется то странное на первый взгляд обстоятельство, что, несмотря на противоположность политических стремлений Италии и Австрии, итальянский министр иностранных дел еще более чем прежде подчиняет свою политику австрийским желаниям.

Все, что произошло в Албании, не осталось однако без влияния и на правительство и на общественное мнение, и все чаще раздаются голоса, отмечающие, что итальянская политика стала в албанском вопросе на ложный путь и что было бы гораздо целесообразнее не разрывать совершенно связи между Албанией и Турцией, хотя бы и только номинальной, тем более, что, как здесь полагают, албанский князь, очевидно, является послушным орудием Австрии и ищет опоры в католическом духовенстве страны.

Маркиз ди Сан-Джулиано сам этого не говорит, но и он разочаровался в своих надеждах.

Беседуя с ним на-днях об албанских делах, я спросил министра, что он думает делать теперь. Маркиз ди Сан-Джулиано мне ответил, что, по его мнению, несмотря на доказанную ныне несостоятельность принца Вида, руководимого притом супругой,—по распоряжению последней и был арестован без признанной вины Эсад-паша—необходимо направить общие усилия к укреплению престола принца Вида. Его низложение или отречение повергло бы страну в полную анархию и могло бы дать Австрии удобный предлог для необдуманных и непоправимых решений, одинаково противных инте-

ресам всех держав. Если бы однако, паче чаяния, принцу Виду пришлось так или иначе отказаться от короны, албанское правительство, по мнению римского кабинета, должно бы быть вверено контрольной комиссии, и до тех пор, пока державы не пришли к соглашению о новом кандидате на албанский престол, Сан-Джулиано считал бы полезным назначение в Албанию верховного комиссара, как это было сделано для Крита.

В этом смысле были запрошены берлинский и венский кабинеты, которые ответили, что они вполне согласны, в случае падения князя, передать правительство контрольной комиссии, но что они отклоняют верховного комиссара, между прочим, ввиду того, что выбор его не менее затруднителен, чем выбор самого князя, в особенности ввиду временного характера такой меры. Эта мера, от которой поэтому римский кабинет ныне отказался, была, как ваше высокопревосходительство не забыли, сначала предложена в Лондоне французским послом и сэром Эдуардом Греем.

За последние дни положение принца Вида, если и не окрепло, то, по крайней мере, и не пошатнулось еще более, и в отступлении восставших против него албанцев римский кабинет черпает надежду, что опасность новых осложнений миновала, по крайней мере, на некоторое время.

Албанский вопрос—не единственная забота римского кабинета. Не говоря уже о возможном воздействии и на внешнюю политику стачек в Италии, проливших свет на неудовлетворительное состояние итальянского командного состава, а также и на страшную нищету Романии, и принявших столь серьезные размеры,—о них я специально доношу императорскому министерству депешей [1], редакцию которой я поручил составить советнику посольства,—в Консульте встревожены отношениями между Турцией и Грецией. Преследование греческих подданных в Малой Азии, в особенности в городе Айвали, вызвавшее греческую ноту Порте чуть ли не в ультимативном тоне, возбуждает опасения в возможном разрыве. Точно так же с беспокойством следят за греко-болгарскими несогласиями как в вопросе об обращении с болгарами в уступленных Греции македонских областях, так и в вопросе о правах на греческие церкви в Болгарии. Все это, вместе взятое, грозит новым пожаром, которого в Италии тем более боятся, что ни политическое, ни финансовое положение страны не позволили бы ей

[1] См. ниже № 275.

играть в новых политических осложнениях той роли, которую ее самомнение считало бы единственно ее достойной.

Как вам, без сомнения, сообщил итальянский посол при высочайшем дворе, маркиз ди Сан-Джулиано ему телеграфировал передать вам надежду, что вам удастся удержать Сербию от воинственных замыслов, в которых ее здесь подозревали. Это подозрение было однако впоследствии признано самим маркизом ди Сан-Джулиано, на основании донесений итальянского посланника в Белграде, совершенно незаслуженным. Названный посланник писал сюда, что Сербия и особенно правительство г. Пашича настроены вполне миролюбиво.

Я упоминаю об этом в настоящем письме только потому, что мне неизвестно, поставил ли маркиз ди Сан-Джулиано маркиза Карлотти в известность об его изменившемся и ныне более справедливом отношении к Сербии.

Примите и пр.

Крупенский.

Маркиз ди Сан-Джулиано мне только-что сообщил, что Турция ответила на греческую ноту заявлением, что она не может допустить вмешательства эллинского правительства в свои внутренние дела. Такой ответ министр считает равносильным окончательному разрыву, вследствие которого война является неминуемой.

Крупенский.

№ 257. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 94. 15/2 июня 1914 г.

Берлинский кабинет очень озабочен тревожными известиями из Албании и считал бы необходимым ускорить посылку туда военных судов всех шести великих держав[1]. Одновременное их прибытие, по мнению Циммермана, хотя и желательно, но во всяком случае не должно бы задерживать появление отдельных судов в албан-

[1] Тел. от 12 июня/30 мая за № 91 Свербеев передавал, что англ. прав-во решило „воздержаться от предполагавшейся посылки“ судов в албанские воды ввиду отсутствия опасности для князя Вида. „Сообщившему об этом английскому послу,— писал Свербеев, — Ягов возразил, что поздно было бы думать о посылке судов тогда, когда уже существовала бы опасность, что суда неминуемо бы опоздали. Ягов присовокупил, что он считает появление судов всех держав в албанских водах очень желательным. Если же Грей тем не менее остался бы при своем решении и Россия и Франция присоединились бы к нему, берлинский кабинет также воздержался бы от посылки германского судна, дабы эта мера не носила характера демонстрации Тройственного союза“.

ских водах, (лишь) бы остальные к ним присоединились без промедления.

Свербеев.

№ 258. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 95. 15/2 июня 1914 г.

Сербский поверенный в делах по предписанию своего правительства обратился сегодня к берлинскому кабинету с целью указать на в высшей степени тревожное положение, созданное обострением отношений между Грецией и Турцией, и просит германское правительство совместно с другими великими державами сделать необходимые шаги в Афинах и Константинополе, дабы преподать там советы благоразумия и умеренности. Сообщивши мне об этом, сербский поверенный в делах добавил, что, по имеющимся у него сведениям из Белграда, там действительно крайне озабочены исходом этого нового кризиса.

Свербеев.

№ 259. Посол в Берлине министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 96. 15/2 июня 1914 г.

Продолжение телеграммы № 95 [1].

Циммерман, которого я видел немедленно после ухода от него сербского поверенного в делах, также очень озабочен греко-турецким конфликтом. По его словам, берлинский кабинет неустанно преподает в Афинах и Константинополе советы благоразумия и будет продолжать это делать; но к совместным предложениям всех держав Циммерман относится безусловно несочувственно. Коснувшись вопроса, что в данном конфликте не видно, кто именно желает войны, Циммерман, не высказываясь вполне определенно, дал понять, что в настоящее время воинственное настроение преобладает у греческого правительства. Турецкое общество же, по его мнению, войны не желает, кроме, пожалуй, Энвера-паши, который мнит себя великим полководцем. Затрудняет положение и умиротворяющее действие держав слишком самоуверенное настроение правительств и общественного мнения обеих стран, до сих пор находящихся под впечатлением военных успехов, в Греции—действительно крупных, в Турции же—возврата Адрианополя. Циммерман выразил надежду на нейтралитет Болгарии, что, по край-

[1] См. выше № 258.

ней мере, ограничило бы в случае столкновений военные действия морскими операциями.

Свербеев.

№ 260. Посол в Вене министру иностранных дел.

Депеша № 33 [1]. 15/2 июня 1914 г.

Вашему высокопревосходительству уже известен результат львовского процесса над 4 галичанами: журналистом Бендасюком, священником Гудима и Сандовичем и студентом Колдрою. Все четверо подсудимых, обвинявшихся в государственной измене, в шпионстве и оскорблении католической церкви, оправданы. Прокурор, намеревающийся сперва обжаловать решение суда, от этого намерения отказался. Оправдание состоялось за недостатком доказательств обвинения. Тем не менее состоявшийся приговор не успел снять с обвиняемых всякое подозрение в глазах общественного мнения Австрии; здесь невольно чувствуют, что за закономерным стремлением к культурному сближению с Россией,—какового они нисколько не скрывают,—у галичан таится такое глубокое тяготение к России, которое не может рано или поздно не выразиться и в политическом сближении. Самый вердикт присяжных (по 20 пунктам обвинения он был единогласным оправданием, а по 21—из десяти голосов восемь высказались за оправдание) многими объясняется как сознательный политический маневр присяжных заседателей-поляков: вердикт этот будто бы главным образом основан на расчете, что оправдательный приговор нанесет удар слишком усилившемуся за последнее время мазепинству и, усилив русскую партию, сослужит службу полякам, закрепив раскол среди галичан. Он равным образом, будто бы, послужит на пользу полякам в пределах России. Хотя такая оценка судей совести как бы набрасывает на них некоторую тень и доказана быть не может, но она не лишена правдоподобия. Весь процесс нес исключительно политический характер, а потому не удивительно, если все участвовавшие в нем элементы, начиная с коронных судебных властей и кончая присяжными, испытывали на себе влияние политических и национальных интересов. Во всяком случае, технически приговор был настолько правилен, что от апелляции прокурор отказался. Последствия львовского процесса не поддаются еще учету. Некоторые венские газеты видят в оправдании четырех галичан сильный удар, нанесенный мазепинству, и поощрение дальнейшей русской пропаганды в Галиции. (Лидер мазепинцев, д-р

[1] Лит. копия.

Левицкий будто даже протестовал перед министром юстиции против прекращения дела.) В других газетах высказывается соображение, что львовский процесс принес большую пользу правительству, указав ему на опасность русских козней в Галиции и на необходимость реформирования управления этой области, дабы закрепить узами благодарности преданность галичан к Австрии. Польская печать, хваля независимость присяжных, останавливается на опасности русского движения в Галиции, „остающегося" и после оправдания своих агентов все же на скамье „обвиняемых". Она взывает к патриотизму всех польских партий для борьбы с этим движением. Некоторые газеты („Дзенник Польский") нападают на мазепинство, которое, поддерживаемое из Вены, косвенно и искусственно увеличивает руссофильство в Галиции.

Центральное правительство, повидимому, скорее довольно исходом львовского процесса. Оно рассчитывает для острастки обвиняемых на будущее на более чем достаточно продолжительное предварительное их заключение в тюрьме. Оправдание же их служит достаточным ответом на обвинение в несправедливости, царящей в Австрии по отношению к некоторым народностям. Правительству, также несомненно озабоченному улучшением отношений с Россией, не безразлично благоприятное впечатление, произведенное у нас исходом процесса.

Почти одновременно с известием о львовском вердикте в Вене стало известно бегство братьев Геровских, задержанных в Черновицах по обвинению, аналогичным [1] с тем, которые возбудили процесс в Львове. Их бегство не произвело благоприятного впечатления на галичан, в нем возможно предположить косвенное признание Геровскими своей вины, что может только ослабить впечатление нравственной победы, только что одержанной русскими галичанами на львовском суде.

Примите и пр. Шебеко.

№ 261. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 357 [2]. 15/2 июня 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 346 [3].

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Царск. экз.

[3] „Сознавая, что предпринятая патриархией мера закрытия церквей ослабляет саму патриархию, мало оказывая непосредственного давления на Порту, я предложил свят. Герману определить те условия, при коих отмена сказанного мероприятия могла бы иметь место. Одновременно я выразил готовность помочь патриархии

Вселенский патриарх сообщил мне сегодня нижеследующие условия открытия церквей:

1) Прекращение преследования православных.

2) Освобождение православных, арестованных в связи с движением.

3) Возвращение не покинувшим еще Турцию христианам отнятых у них домов и имущества.

4) Назначение смешанной комиссии с участием российского и английского делегатов для контроля над приведением в исполнение помянутых условий.

5) Официальное сообщение Портою патриарху о вышеизложенном.

Я ответил его святейшеству, что, признавая рациональность пунктов 1, 2, 3 и 5, весьма сомневаюсь, чтобы пункт 4 оказался приемлемым для Порты и что он подлежит изменению. Я присовокупил, что в пределах возможного, не принимая на себя никакого обязательства перед патриархиею, буду влиять на Порту.

Гирс.

№ 262. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 360 [1]. 15/2 июня 1914 г.

Консул в Трапезунде телеграфирует:

Вследствие полученного от патриархии предписания, греческие церкви и школы со вчерашнего дня закрыты и сношения митрополии с турецкими властями прерваны. Греческое население очень удручено и боится репрессий. Положение очень тяжелое.

Гирс.

в достижении ею помянутых условий, в зависимости от их характера... Воинственное настроение патриархии, и в особенности духовных ее членов, сильно поддерживается Грецией. Оно несомненно усилится после речи Венизелоса" (тел. Гирса от 13 июня/31 мая за № 346).

На „воинственное настроение", царящее „среди иерархов вселенской церкви" Гирс обращает внимание и в своей депеше от 15/2 июня за № 71, к которой приложен доклад Серафимова от 14/1 июня 1914 г., вступившего, по распоряжению росс. посла, в переговоры с патриархией. „В последовавшей частной беседе, — говорится в этом докладе, — патриарх неоднократно возвращался к вопросу о возможности новой греко-турецкой войны, причем высказал мнение о крайней серьезности настоящего момента. Самая мысль о войне, повидимому, не очень тревожит его святейшество... Говоря, между прочим, о сравнительном положении духовенства в Греции и Турции, патриарх отметил незначительность роли, которую играет греческая церковь в государстве и добавил: „многие из наших митрополитов уже думают о том, каково будет их положение, когда они станут членами греческой церкви..."

[1] Царск. экз.

№ 263. Посол в Константинополе министру иностранных дел.
/. Телеграмма № 361 [1]. 15/2 июня 1914 г.

Сегодня усиленно настаивал перед великим визирем на необходимости немедленно положить конец гонению христианского населения предоставлением в распоряжение Талаата регулярных войск для защиты христианских сел, так как несомненно, что низшая местная власть и жандармерия не исполняют своего долга, и обуздать турецкую прессу, возбуждающую мусульман [2]. Великий визирь обещал немедленно принять надлежащие меры. Завтра утром я вновь его увижу для ознакомления с тем, что предпринято им с этой целью. Мои английский, французский и германский сотоварищи обещали мне поддержать мои настояния.

Гирс.

№ 264. Посол в Константинополе министру иностранных дел.
/. Телеграмма № 362. 15/2 июня 1914 г.

Порта не ответила еще на последнюю греческую ноту, переданную в прошлую пятницу и требующую прекращения гонения на греков и водворения их обратно во владение отобранного у них имущества. Нота гласит, что Греция не отвечает за последствия отказа. Нота вызвала здесь негодование как акт официального вме-

---

[1] Царск. экз.

[2] Это являлось не первым объяснением Гирса по этому вопросу. „Вчера, — сообщал Гирс в тел. от 8 июня/26 мая за № 317,— я вновь объяснялся... с Талаатом. Я вчера сказал ему, что Порта рискует побудить нас вновь изменить доброжелательные наши отношения к ней своим совершенно недопустимым обращением с православным населением". Турецкий министр внутренних дел „заверил, что приложит все старания, чтобы восстановить спокойствие среди православных". Высказывая опасения, „что власть над агентами комитета, возбудившими движение против христиан, ускользнула из его [Талаата] рук", Гирс сообщал о предстоящем его объяснении с великим визирем и в заключение просил „подкрепить" его „здешние настояния воздействием на турецкое посольство в С.-Петербурге". Тел от 8 июня/26 мая за № 321 Гирс сообщил об объяснении с великим визирем, за явившим, „что он прибегнет к самым решительным мерам для прекращения движения против христианского населения Турции". — „Нет никакого сомнения, — писал Гирс в депеше от 22/9 июня за № 73, — что происходящие ныне прискорбные события в Малой Азии были вызваны комитетом партии „Единение и Прогресс", идеи коего были восприняты также и оттоманским правительством, признавшим выгодным для себя избавиться от многочисленного прибрежного греческого населения, следить за сношениями коего с жителями соседних островов, имеющих отойти к Греции крайне затруднительно. Вслед за тем однако правительство сознало, — писал Гирс,— что оно зашло слишком далеко на этом опасном пути, и ныне оно прилагает усилия к прекращению принявшего столь широкие размеры преследования и выселения греков".

шательства Греции в судьбу греков оттоманских подданных[1]. Тем не менее великий визирь обещает приложить старания к тому, чтобы ответ Порты не был составлен в резких выражениях и дал возможность не прерывать сношений. К сожалению, влияние великого визиря поколеблено.

Копии в Бухарест и Афины.

Гирс.

№ 265. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 363. 15/2 июня 1914 г.

Копия в Бухарест.

Здесь укрепляется убеждение, что Греция желает осложнений, чтобы не допустить прихода турецких дредноутов, но питают надежду, что великие державы удержат ее, чтобы избежать вероятности закрытия проливов. К тому же следует опасаться падения нынешнего правительства и захвата власти шовинистами, которые будут разжигать фанатизм мусульман и направлять его против православного населения Турции. Полагаю, что нам следует предвидеть возможность событий, могущих потребовать быстрого и непосредственного нашего воздействия, и готовиться к ним. Быть может, кризис и уляжется, но почитаю долгом довести о возможности критического его оборота.

Гирс.

№ 266. Дипломатический агент в Монголии товарищу министра иностранных дел Нератову.

Депеша № 157. 15/2 июня 1914 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Представляя при сем в дополнение к секретным телеграммам

---

[1] Ссылаясь на публикуемую тел. Гирса, Урусов тел. от 16/3 июня за № 12) передает содержание своей беседы с греч. м-ром ин. дел, заявившим, что турецкое возмущение греч. нотой, „как актом вмешательства в судьбу оттоманских подданных, ничем не оправдывается, так как Турция: 1) сама завела речь об обмене эмигрантами, 2) более чем пятьдесят тысяч беженцев нашли приют на островах и 3) несколькими словесными сообщениями и тремя нотами Турция обращалась к греческому правительству с заверениями о мерах, принятых для прекращения гонений и общих действиях к улучшению участи эмигрантов". В дов. письме от 17/4 июня Урусов заверяет в миролюбии греч. прав-ва, рассчитывающего на помощь России. „Помощь императорского правительства могла бы выразиться, во-первых, влиянием на оттоманское правительство, чтобы оно ответило на греческую ноту в примирительном духе, и, во-вторых, влиянием на то же правительство, чтобы оно сделало свои предложения относительно островов".

моим от [25] 12 и [13 апреля] 31 марта с. г. за №№ 83 и 107 [1], измененный проект железнодорожного соглашения [2], имею честь покорнейше просить ваше превосходительство снабдить меня указаниями, могу ли я предложить таковой монгольскому правительству в случае категорического отказа последнего от подписания первоначального проекта в нашей редакции.

Упорное уклонение монголов от заключения предложенного им нами железнодорожного соглашения объясняется их надеждами на выдачу за большие деньги железнодорожных концессий русским и иностранным предпринимателям. Убеждение в возможности этого Сайн-Ноин-хан вывез из Петербурга, как результат своего знакомства с разными частными лицами. Я всячески стараюсь разрушить его иллюзии в этом отношении, но пока безуспешно.

Примите и пр.

А. Миллер.

№ 267. Памятная записка турецкого посольства в Петербурге министру иностранных дел.

16/3 июня 1914 г.

La tournée d'inspection de s. e. Talaat Bey, ministre de l'intérieur, a mis en évidence combien le patriarchat grec a exagéré le malaise ressenti par les Grecs de l'Asie Mineure par suite de l'émigration de malheureux musulmans de la Macédoine. Il a été en effet constaté que ces Grecs ne sont nullement persécutés, comme l'a prétendu le patriarchat.

La tournée de Talaat Bey ayant édifié ces populations sur les veritables sentiments du gouvernement impérial à leur égard, leurs dernières appréhensions ont été dissipées et il a été ainsi mis fin à toute velléité d'émigration.

Or, à la veille du rétablissement définitif de l'état normal dans le

[1] См. т. II, №№ 90 и 216.

[2] Первоначальный проект железнодорожного соглашения см. т. I, № 10, прил. 1. Из этого проекта в новой редакции были сохранены вводная статья и статья 3 (ст. 2 новой редакции). Текст измененных 1 и 3 статей нового варианта следующий:

„Ст. 1. Монгольское правительство в силу принадлежащего ему права строить железные дороги в пределах своей территории входит в соглашение с императорским российским правительством о постройке железнодорожной линии по желанию императорского правительства Кяхта—Урга или какой-либо иной".

„Ст. 3. Монгольское правительство по дружественным отношениям к России перед постройкой за свой счет или выдачею каких-либо железнодорожных концессий, вступает с императорским правительством в переговоры и совещается с ним, не вредны ли России в экономическом или стратегическом отношении проектируемые железные дороги".

vilayet de Smyrne, ainsi qu'il en avait été saisi en Thrace, la Grèce, impassible devant les malheurs et les persécutions des musulmans de la Macédoine, se permet d'intervenir en faveur des Grecs se trouvant dans l'Empire et vient d'adresser au gouvernement impérial une note par laquelle elle attire son attention sur la situation, intolérable d'après elle, qui est faite à ceux-ci et déclare décliner toute responsabilité „si une prompte fin n'est pas mise à cette situation et si l'autorité ne prête pas une aide efficace aux Grecs éprouvés afin qu'ils puissent pourvoir à leurs besoins urgents et réintégrer leurs foyers en rentrant en possession de leurs biens ravis".

Le gouvernement impérial déduit de cette attitude inqualifiable de la Grèce, l'intention de lui déclarer la guerre et de tâcher de provoquer ainsi une nouvelle intervention des Puissances dans la question des îles, avec l'espoir d'obtenir la régularisation de celle-ci et une garantie lui assurant leur possession définitive, ce que Mr. Vénizélos n'avait pu assurer, malgré ses tournées dans les capitales européennes.

Le gouvernement impérial, ayant de sa propre initiative, adopté toutes les mesures propres à sauvegarder la tranquillité des Grecs de l'Empire et proposé aussi, il y a environ un mois, l'échange des populations musulmanes de la Macédoine avec les Grecs de la Thrace et du vilayet de Smyrne, ce que le gouvernement hellénique a feint d'accepter avec empressement, croit de son devoir de repousser formellement toute immixtion dans ses affaires intérieures et décline d'ores et déjà toute responsabilité que pourraient entrainer les conséquences d'une guerre.

Перевод.

Инспекционная поездка его превосходительства министра внутренних дел Талаат-бея показала, насколько греческий патриархат преувеличивал тревогу, испытываемую греками в Малой Азии, вследствие эмиграции несчастных македонских мусульман. В действительности было установлено, что этих греков нисколько не преследуют, как это утверждал патриархат.

После того как объезд Талаат-бея показал этому населению истинные чувства к нему императорского правительства, последние его опасения были рассеяны и таким образом был положен конец всяким поползновениям к эмиграции.

Но накануне окончательного восстановления нормального положения в Смирнском вилаете, подобно его восстановлению во Фракии, Греция, остававшаяся безразличной к несчастиям и преследованиям македонских мусульман, позволяет себе вмешиваться в пользу греков, проживающих в империи, и представляет императорскому правительству ноту, в которой она обращает его внимание на нетерпимое, по ее мнению, положение, созданное для этих греков, и объявляет о снятии с себя всякой ответственности в случае, „если этому положению не будет быстро положен конец и если власть не окажет действительной

помощи грекам, подвергшимся преследованиям, для того, чтобы они могли удовлетворить свои неотложные нужды и восстановить свои очаги, вернув себе похищенную у них собственность".

Императорское правительство заключает из этой беспримерной позиции Греции, что последняя намеревается объявить ему войну и таким образом вызвать новое вмешательство держав в вопрос об островах, в надежде достичь его урегулирования и такой гарантии, которая бы обеспечила ей окончательное владение островами, чего не удалось достигнуть г. Венизелосу, несмотря на его объезд европейских столиц.

Приняв по собственной инициативе все необходимые меры для обеспечения спокойствия греков в империи, а также предложив, примерно месяц тому назад, обменять мусульманское население Македонии на греков Фракии и Смирнского вилаета, на что греческое правительство притворно с готовностью согласилось, императорское правительство считает своей обязанностью категорически отвергнуть подобное вмешательство в его внутренние дела и отклонить немедленно же всякую ответственность за те последствия, которые могли бы быть вызваны войной.

№ 268. Старший советник министерства иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу

/. Телеграмма № 1189. 16/3 июня 1914 г.

Сообщается в Константинополь, Афины, Париж, Бухарест, почтой в Берлин и Вену.

Ваша телеграмма № 154[1] получена. Ссылаюсь на мою телеграмму № 1179[2].

Сербское правительство обращается к нам с настоятельным ходатайством побудить великие державы употребить все усилия в Константинополе и Афинах для предотвращения войны, которая угрожает опасными осложнениями[3]. Ввиду отношений между Сербией и Грецией, создающих для первой известные обязательства, не можем не обратить самого серьезного внимания на это обращение.

---

[1] См. выше № 250.

[2] См. выше № 244.

[3] 16/3 июня сербск. посланник Спалайкович обратился с письмом на имя Нератова: „Я только-что получил довольно тревожную телеграмму от г. Пашича, сообщающую о получении очень серьезных известий как из Афин, так и из Константинополя о возможности вооруженного столкновения между Грецией и Турцией, причиной которого является преследование греков в Оттоманской империи. Из этого могут возникнуть серьезные последствия для мира в Европе. Поэтому Пашич думает, что великие державы должны действовать в греческой и турецкой столицах с целью сохранения мира любой ценой, тем более, что вопросы, которые могут вызвать этот конфликт, не являются вопросами, имеющими жизненное значение для той или другой стороны. Они вызваны прежде всего дурным управлением в Турции и ее враждебным отношением к своим христианским подданным". (Подлинник на франц. яз.)

В настоящую минуту нельзя предусмотреть всех последствий, которые повлекла бы за собой греко-турецкая война, помимо крайне серьезного вопроса о возможном закрытии проливов, прямо задевающем интересы России и других держав.

Прошу вас переговорить втроем о желательности энергичного воздействия на Порту в целях удовлетворения справедливых домогательств Греции и в то же время преподать настойчивые советы умеренности и осторожности греческому правительству, предостерегая его от опасности репрессалий. Аргиропуло.

№ 269. Министр иностранных дел товарищу министра иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 666. Бухарест, 16/3 июня 1914 г.

Срочная.

Телеграфирую в Афины.

Ввиду поступающих тревожных известий о намерениях греческого правительства воспользоваться предлогом турецких притеснений в Малой Азии, чтобы открыть военные действия против Турции, благоволите обратить самое серьезное внимание афинского кабинета на крайнюю опасность подобных поползновений, могущих привести к весьма пагубным для Греции последствиям. Воинственное выступление Греции может только ухудшить положение греков в Турции, вызвав кровавые репрессалии, а также без пользы тяжелые денежные жертвы на Грецию[1], вследствие неизбежного бойкота, и причинить косвенно значительные убытки русскому вывозу, благодаря закрытию проливов. Последнее обстоятельство не преминет вызвать сильное возбуждение общественного мнения в России в неблагоприятном для Греции смысле.

Сазонов.

№ 270. Министр иностранных дел французскому министру иностранных дел Вивиани.

Телеграмма[2]. Бухарест, 16/3 июня 1914 г.

Remerciant votre excellence pour son aimable télégramme[3] je la prie de croire que de mon côté je désire vivement voir se développer et se resserrer toujours davantage les liens intimes si heureusement établis entre nos deux pays amis et alliés. Je puis assurer votre excellence que dans cette voie elle pourra toujours compter sur ma collaboration la plus confiante et sincère.

Sazonow.

---

[1] Так в подлиннике.

[2] Нешифрованная.

[3] См. выше № 237.

Перевод.

Выражая благодарность вашему превосходительству за любезную телеграмму, прошу вас верить, что я со своей стороны глубоко желаю, чтобы тесная связь, так счастливо установившаяся между нашими странами, соединенными дружбой и союзом, все более развивалась и укреплялась. Я могу заверить ваше превосходительство, что на этом пути вы сможете всегда рассчитывать на мое самое благожелательное и искреннее сотрудничество.

Сазонов.

№ 271. Меморандум английского министерства иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу [1].

16/3 июня 1914 г.

With reference to the memorandum left by M. de Etter at the Foreign Office on the 9th May last, in which His Majesty's Government were invited to urge the Persian Government to grant to Akbar Mirza and the Russian Bank at Tehran a concession for the Kar Kunan irrigation scheme, it appears desirable to explain the views of His Majesty's Government on the subject.

The main facts of the case may be summarized as follows:

In 1913 certain notables of Ispahan discussed the question of diverting the head waters of the Karun into the Zendeh Rud for irrigation purposes, and eventually applied to a British firm for an engineer to advise on the question. The Russian consul at Ispahan, however, informed the originators of the scheme that the Russian Government viewed the enterprise with no favour, and warned them that if ever the scheme were to be carried out the Russians would do so themselves.

Subsequently the Russian Minister at Tehran applied to Sir W. Townley for his support to secure the concession for Akbar Mirza and the Russian Bank. The work was estimated to cost 200,000 Z of which the Prince was to obtain among Persians as much as he could, and the Russian Bank would make up the difference.

A suggestion that British participation should be invited was rejected by Akbar Mirza on the ground that the Russian Bank would never hear of such a proposal.

Mr. Korostovetz told Sir W. Townley that if His Majesty's Government opposed the scheme he would not support it; subsequently he admitted that the project was strongly supported by the Russian Government; that Akbar Mirza had really little or nothing to do with it; and that to all intents and purposes it was a Russian Government enterprise, for which he himself was seeking the concession. He added

[1] Британский меморандум переслан Бенкендорфом в ответ на письмо Нератова от 30/17 апреля за № 343 (см. т. II, № 330) при препроводительном отношении от 4/17 июня за № 20.

that he considered the undertaking to have small chance of proving a financial success.

The attitude of His Majesty's Government in regard to this subject must be guided by the following considerations:

The Bakhtiari khans — with whom they have maintained friendly and intimate relations for wellnigh a century — have protested to the Persian Government against the scheme on the ground that the water in question is used for the irrigation of the summer pastures of their tribesmen, which would become parched and useless were the waters diverted to the Zendeh Rud. His Majesty's Government could not view an enterprise of such a nature in Bakhtiaristan with equanimity, and they are, moreover vitally interested in the navigation of the Karun, the commerce on which might be seriously affected by any diminution of the waters of that river.

While, therefore, His Majesty's Government have remained neutral out of a sincere desire to avoid, if possible, offering opposition to any scheme of a commercial character which the Russian Government have favoured, they could not afford their active support in the neutral sphere to an enterprise which they believe might, and probably would, for the abovementioned reasons, lead to considerable inconvenience and unrest.

Перевод.

В связи с оставленным г. Эттером 9 ист. мая в Foreign Office меморандумом, который содержит просьбу к правительству его величества побудить персидское правительство к предоставлению Акбер-Мирзе и русскому банку в Тегеране концессии на ирригационные работы у Каркунана, необходимо объяснить точку зрения правительства его величества на этот вопрос.

Основные обстоятельства этого дела могут быть изложены следующим образом.

В 1913 г. некоторые нотабли в Исфагани обсуждали вопрос об отводе в ирригационных целях вод верховья Каруна в Зейенде-Руд и даже обратились к одной британской фирме за инженером для совета по этому вопросу. Однако российский консул в Исфагани известил инициаторов проекта, что российское правительство не относится положительно к этому предприятию, и предупредил их, что в случае, если когда-либо проект будет принят, то русские осуществят его сами. Впоследствии российский посланник в Тегеране обратился к сэру В. Тоунлею за поддержкой для обеспечения концессии за Акбер-Мирзой и русским банком. Стоимость работы исчислялась в 200 000 ф. ст., причем принц должен был собрать среди персов столько, сколько он сумеет, а русский банк должен был дать остальное.

Указание о привлечении к участию англичан было отклонено Акбер-Мирзой по той причине, что русский банк никогда бы не согласился на такое предложение.

Г. Коростовец сказал сэру В. Тоунлею, что если правительство его величества будет возражать против этого проекта, то он не станет его поддерживать; впоследствии он признал, что российское правительство энергично поддерживает проект, что Акбер-Мирза имеет к нему мало или даже не имеет никакого касательства, и что этот проект представляет собой во всех отношениях предприятие российского правительства, для которого он домогается концессии. Коростовец добавил, что, по его мнению, это предприятие имеет мало шансов на финансовый успех.

Правительство его величества должно руководствоваться в своем отношении к этому делу следующими соображениями.

Бахтиарские ханы, с которыми оно поддерживает дружеские и тесные отношения в течение почти столетия, протестовали перед персидским правительством против проекта по тем основаниям, что вода, о которой идет речь, служит для ирригации летних пастбищ их племени, и что эти пастбища будут иссушены и станут бесполезны, если вода будет отведена в Зейенде-Руд. Правительство его величества не может быть безразлично к предприятию такого рода в Бахтиаристане, и, кроме того, оно жизненно заинтересовано в судоходстве по Каруну, торговля на котором сильно пострадает при всяком уменьшении количества воды в этой реке.

Не вмешиваясь, вследствие своего искреннего желания по возможности не возражать против всякого проекта коммерческого характера, к которому благоприятно относится российское правительство, правительство его величества не может оказывать в нейтральной зоне активной поддержки такому предприятию, которое, по его мнению, должно по вышеуказанным причинам, привести, и вероятно, приведет к значительным неудобствам и беспокойству.

№ 272. Георг V Николаю II.

Письмо [1]. Виндзор, 16/3 июня 1914 г.

My dearest Nicky,

You will remember the very satisfactory conversations we had last year in Berlin, when we both so entirely agreed upon the great importance of maintaining the most friendly relations between our two countries, with a view of securing the peace of Europe.

I confess that I feel so anxious upon this subject that I write this private letter to explain what is causing me this anxiety.

It is the present insatisfactory state or affairs in Persia.

I am sure that you will agree with me in my earnest desire that our two Governments should work together cordially in endeavouring to assist the Persian Government in establishing their internal administration on a sound basis.

A memorandum setting forth the views of my Government in regard to recent development has been handed to Count Benckendorff,

[1] Маш. копия.

and Sir George Buchanan has received instructions to discuss with M. Sazonow the several points raised in this memorandum [1].

The memorandum goes into the subject at length and I will not repeat all that it says.

It is my great desire to see a friendly feeling towards Russia preserved in British public opinion and in both political parties, the conservative as well as the liberal, that makes me most anxious that our two Governments should have a frank and friendly exchange of views on the whole situation in Persia. It would be most regrettable if any divergence of views were to arise between our two Governments, or any impression were to gain ground that the Anglo-Russian agreement about Persia was working of the other, as I consider the maintenance of thoroughly good understanding between our two countries to be paramount importance.

I am sure you will sympathise with the views which I have expressed and trust you will see Sir George Buchanan at any early opportunity when he could explain the situation more fully than I have attempted to do in this letter.

I know, my dear Nicky, that I can count upon your friendship of so many years, to do all you can to remove any difficulties or misunderstandings which may now exist between our two countries with regard to Persian affairs.

I hope you spent a pleasant time at Livadia and that dear Alicky is much better now and stronger from her stay there. Aunt Minny is very well. She and mama are so happy to be together again. May joins me in sending you and Alicky our best love.

I remain always your devoted old friend and cousin

Georgie.

Перевод.

Мой дорогой Ники,

Вы помните тот весьма удовлетворительный разговор, который мы имели в прошлом году в Берлине, когда мы оба полностью соглашались с тем, насколько важно сохранение самых дружеских отношений между нашими странами в целях обеспечения мира в Европе.

Признаюсь, что я испытываю по этому поводу такие опасения, что пишу это частное письмо с целью объяснить причины, вызывающие у меня эту тревогу.

Ее вызывает неудовлетворительное состояние дел в настоящее время в Персии. Я уверен, вы разделите мое глубокое желание, чтобы оба наши правительства сердечно сотрудничали в стремлении содействовать персидскому правительству в деле устройства им внутреннего управления на здоровой основе.

[1] См. выше № 197.

Графу Бенкендорфу передан меморандум, устанавливающий взгляд моего правительства на последние события в Персии, и сэру Джорджу Бьюкенену даны указания обсудить с г. Сазоновым некоторые вопросы, возбужденные в этом меморандуме.

В меморандуме дело рассматривается подробно, и я не хочу повторять то, что в нем говорится.

Я очень желаю, чтобы в британском общественном мнении и у обеих политических партий, т. е. как у консервативной, так и либеральной, продолжали сохраняться дружественные чувства по отношению к России; вследствие этого я сильно озабочен тем, чтобы оба наши правительства откровенно и дружески обменялись взглядами относительно общего положения в Персии. Было бы в высшей степени достойно сожаления, если бы между взглядами наших двух правительств возникло какое-либо расхождение или если бы укрепилось впечатление, что англо-русское соглашение о Персии действует в интересах одной страны и в ущерб другой, так как я считаю, что сохранение полного взаимного понимания между нашими двумя странами имеет величайшее значение.

Я уверен, что вы сочувствуете высказанным мной взглядам и надеюсь, что вы увидите вскоре сэра Джорджа Бьюкенена, который сумеет вам объяснить положение полнее, чем я пытался это сделать в своем письме.

Я знаю, мой дорогой Ники, что я могу рассчитывать ввиду вашей столь многолетней дружбы, что вы сделаете все от вас зависящее для устранения всех затруднений или недоразумений, которые возникают сейчас между нашими двумя странами по персидским делам.

Я надеюсь, что вы хорошо проводите время в Ливадии и что дорогой Аликс сейчас гораздо лучше и она окрепла там. Тетушка Минни вполне здорова, она и мама очень счастливы, что они снова вместе. Мей присоединяется к моему выражению лучших чувств в отношении вас и Аликс.

Остаюсь навсегда вашим преданным старым другом и кузеном

Джордж и.

№ 273. Посол в Париже министру иностранных дел.

Телеграмма № 159. 16/3 июня 1914 г.

Получил ваши телеграммы №№ 1179, 1180, 1181 [1].

Сообщил их содержание Маржери, который сказал мне, что французские представители в Константинополе и Афинах ... [2] вчера получили указания, вполне сходные с теми, которые вы преподали Гирсу и Демидову. В Смирну послан французский крейсер.

Копия в Лондон. Извольский.

№ 274. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 160. 16/3 июня 1914 г.

Маржери сказал мне, что ввиду затруднений, встречаемых со стороны Парижско-Нидерландского банка и группы Бардак—Вита-

[1] См. выше №№ 244, 245, 246.

[2] Пропуск в подлиннике.

ли, французское правительство склонно отнестись сочувственно к предложению банка Перье, заявляющего о своей готовности выдать Болгарии аванс и вслед за тем реализировать болгарский заем. Банк Перье, известный своей сделкой с турецкими бонами, до сих пор не пользовался доверием французского правительства; но в этом отношении произошла перемена, и Маржери уверяет, что сказанный банк вполне способен осуществить болгарскую операцию. О вышеизложенном Панафье уже извещен по телеграфу.

Копия в Софию.

Извольский.

№ 275. Посол в Риме министру иностранных дел.

Л. Депеша № 39. 16/3 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Вашему высокопревосходительству, конечно, уже известно из агентских телеграмм о повсеместно вспыхнувшей в Италии всеобщей забастовке, принявшей в некоторых городах и провинциях, как, например, в Романии и Эмилии, характер открытого восстания.

Причины этого печального явления лежат, с одной стороны, в совершенно свободно допускаемой в Италии проповеди самых крайних анархических учений, а с другой стороны—в действительно существующей в некоторых местах Италии беспримерной нищете и связанным с ней общим озлоблением народных масс, ловко эксплоатируемым социалистами.

Нынешнее движение готовилось уже давно, и предлогом к нему послужило осуждение в Анконе двух солдат за оказанное начальству сопротивление к отбытию наказания в дисциплинарном батальоне. Немедленно после сего собралась в окрестностях Анконы многочисленная сходка социалистов и анархистов в целях выражения протеста против милитаризма. На обратном пути в город произошло столкновение с карабиньерами и взводом солдат, охранявшими порядок, в результате которого с обеих сторон оказались убитые и раненые. Это была та искра, которая произвела настоящий пожар.

С удивительной быстротой по данному знаку в Анконе и почти всех городах Италии образовались стачечные комитеты, появились красные афиши, призывающие граждан к восстанию, и глубоко нарушилось правильное течение народной жизни во всем королевстве. В течение нескольких дней происходили столкновения с войсками, во всех городах были убитые и раненые, строились баррикады, закрывались магазины, около Чивитавекьи и Генуи ра-

бочие разрушили на несколько километров полотно железной дороги, около Мантуи был взорван железнодорожный мост, в нескольких городах были сожжены станции и уничтожены подвижной состав, телеграфные и телефонные провода; в Анконе и Равенне была провозглашена республика; наконец, в самом Риме на Корсо, Венецианской площади и площади Колонна кавалерия бросилась в атаку на толпу, и Квиринал охранялся пулеметами.

Войска везде оказались верными правительству и выказали много терпения и стойкости. Тем большее изумление вызвал случай с бригадным генералом Альярди, братом кардинала Альярди, который вместе с 8 офицерами сдался в окрестностях Равенны толпе крестьян, которые их обезоружили, привели в город и заперли в помещении рабочей камеры. Запрошенный об этом случае в сенате военный министр не отрицал факта сдачи, и так как назначенное для выяснения обстоятельств этого дела следствие подтвердило газетные известия, то сегодня был опубликован приказ об увольнении генерала Альярди в отставку и о назначении над ним суда. Министр иностранных дел, говоривший со мной по этому поводу, сообщил мне, что генерал Альярди считался одним из лучших генералов в Италии, был в трех кампаниях и имеет несколько боевых отличий, в том числе савойский крест за храбрость. Сдачу оружия министр объясняет исключительно желанием не проливать крови, но вместе с тем вполне сознает, что офицеру, без сопротивления сдавшемуся толпе революционеров, оставаться в строю невозможно.

Тем временем в парламенте происходили беспримерные сцены буйства, и нужно отдать справедливость г. Саландра, что в эту тяжелую минуту он не потерял голову и принял все зависящие от правительства меры, чтобы успокоить разбушевавшиеся страсти толпы. Его заявления в камере, полные спокойствия и самообладания, были оценены по достоинству даже его политическими врагами, и потому он не побоялся поставить на обсуждение парламента заявление доверия правительству, которое и было принято значительным большинством двухсот пятидесяти четырех голосов против ста двенадцати.

Этим народные представители несомненно доказали, что они не возлагают ответственности за все происшедшее на нынешний кабинет. Он неповинен в революционной вспышке, пронесшейся как ураган по всей Италии, но, несомненно, на нем лежит тяжелая обязанность найти выход из создавшегося положения, залечить раны, открывшиеся на народном организме, и ясно сознать, что движение,

подобное нынешнему, не есть явление случайное, но причины его лежат глубоко в тяжелом экономическом положении народных масс, поднять которые следует признать первостепенной необходимостью для правительства. Как справится с этой задачей г. Саландра при затруднительном финансовом положении Италии, при ясно сознанной необходимости требовать от народа все новых и новых жертв на армию и флот[1], на замирение Ливии[2] и на создание политико-экономической базы в Малой Азии,—сказать трудно, но в ближайшем будущем председателю совета министров, конечно, придется сделать по этому поводу откровенные заявления в парламенте, которые бросят свет на всю внутреннюю и внешнюю политику королевства.

Примите и пр. Крупенский.

№ 276. Посол в Вене министру иностранных дел.

Депеша № 34 [3]. 16/3 июня 1914 г.

В расположенном в Богемии дворце эрцгерцога Франца-Фердинанда, Конопиште, состоялось на этих днях свидание его императорского высочества с императором германским. Император Вильгельм пробыл в Конопиште всего только два дня, прибыв туда 12 июня нового стиля утром и покинув его на следующий день, 13 июня, после обеда.

Хотя здешняя печать упорно подчеркивает совершенно частный характер посещения, тем не менее присутствие в свите императора Вильгельма генерал-адмирала фон Тирпиц, а главным образом, тот факт, что непосредственно после отбытия из Конопишта императора

---

[1] В депеше от 15/2 июня за № 38 Крупенский отметил, что „одною из первых забот г. Саландра было упорядочение финансового управления в стране и изыскание новых статей дохода для покрытия расходов на армию и флот". „Нынешнее экономическое состояние Италии, — пишет далее Крупенский, — дает министру [казначейства] основание рассчитывать на увеличение доходов только на 35 000 000 лир и потому, даже при соблюдении крайней бережливости в расходах, факт прогрессивного роста недоимок от этого не меняется, и следует поэтому серьезно озаботиться о проведении в жизнь новых финансовых мер, без которых государственное казначейство не будет в состоянии справиться с возрастающими расходами на новое вооружение и постройки военных судов".

[2] „Завоевание Ливии, в которой все еще продолжается междоусобная война, и экономический захват Адалии требуют постоянного напряжения финансовых ресурсов казны, что при теперешнем безденежьи ставит правительство в весьма затруднительное положение и во всяком случае заставит его тщательно избегать всяких международных осложнений, могущих втянуть Италию в новые неоплатные долги]" (депеша Крупенского от 15/2 июня за № 38).

[3] Лит. копия.

германского туда был вызван австро-венгерский министр иностранных дел граф Берхтольд, заставляют предполагать, что между наследником австро-венгерского престола и его державным гостем происходил обмен мыслей и на политические темы. И в германских газетах промелькнула перепечатанная и опровергнутая здесь заметка, что будто бы „одновременное присутствие в Конопиште трех столь опытных моряков, каковыми являются император германский, эрцгерцог Франц-Фердинанд и генерал-адмирал германского флота, не могло не отозваться и на темах их разговоров". Зато с внешней стороны пребывание германского императора в Конопиште было обставлено, можно сказать, самым идиллическим образом. Поездки по окрестностям, прогулки по парку и окружающим дворец наследника лесам, присутствие в Конопиште исключительно представителей высшего венского общества,—все это должно было лишний раз подчеркнуть всю непринужденность и задушевность пребывания там высокого гостя.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 277. Посол в Вене министру иностранных дел.

Ѵ. Письмо. 16/3 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Со времени заявления вашего высокопревосходительства в Государственной думе о предстоящем посещении государем императором Румынии общественное мнение и правительственные круги Австро-Венгрии не перестают заниматься этим вопросом, с тревогою и досадою обсуждая, какое влияние может оказать это событие на будущие отношения Румынии к Тройственному союзу и в особенности к Австро-Венгрии. Здешняя печать, пытавшаяся сперва вполне отрицать наступившее после последней балканской войны охлаждение между Румынией и Австро-Венгрией, одно время заняла даже угрожающее положение, требуя категорического заявления со стороны Румынии о том, остается ли она попрежнему близким другом Австро-Венгерской монархии, или нет.

Поняв весьма скоро всю ошибочность и опасность подобного образа действий, она выбрала другой путь—дружественного предупреждения Румынии о той опасности, которую для нее представляет во всех отношениях сближение с Россией. Чем более приближался момент свидания государя императора с королем Карлом на румынской территории, тем нервнее становилось не только общественное мнение страны в лице местной печати, но и само правительство.

Вызов представителя Австро-Венгрии в Вену и испрошение им аудиенции у короля в Констанце накануне приезда в этот город государя императора свидетельствует о той тревоге, которую испытывал в этот момент венский кабинет.

Нет сомнения, что все, что можно было предпринять для того, чтобы вселить в умах румынских государственных деятелей и самого короля Карла недоверие к России и ее политике, было пущено в ход австро-венгерским правительством и его агентами. Напоминание о присоединении к России Южной Бессарабии, об опасности для Румынии осуществления мечты России завладеть проливами, а также стремление с ее стороны установить род протектората над всеми балканскими государствами, наполняло за последнее время страницы органов здешней печати всех политических оттенков. При этом в усиленных указаниях Румынии на тождественность ее интересов с интересами Турции и Греции обнаружились действительные стремления венского кабинета образовать на Балканах враждебный России блок из Румынии, Болгарии, Турции и Греции.

Обсуждая уже состоявшееся в Констанце свидание, местная печать всячески старалась осветить знаменательное событие в ложном свете, указывая на сдержанность речи короля Карла, будто бы тщательно избежавшего всякого упоминания о более тесном сближении между Россией и Румынией.

Примите и пр. Шебеко.

№ 278. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/.Телеграмма № 111. 16/3 июня 1914 г.

Получил ваши телеграммы №№ 1168[1] и 1171[2].

Копия в Париж.

Вернувшийся вчера Панафье сообщил, во-первых, что французское министерство иностранных дел впервые вступило в сношения с банком Перье, который до сих пор не пользовался его поддержкой, а во-вторых, поручило ему немедленно заявить Радославову, что если болгарское правительство, встречая затруднения в Берлине, обратится за займом в Париж, то встретит благоприятный прием. Панафье прибавил, что представитель группы Перье по уговору с Banque de Paris приедет сегодня или завтра в Софию.

---

[1] Тел. от 15/2 июня за № 1168 Савинскому и Извольскому Аргиропуло сообщал: „Если участие французских банков достижимо, считал бы предположение Савинского весьма желательным".

[2] См. выше № 242.

Министерская телеграмма № 1168 позволяет мне действовать согласно с французским посланником. Мне кажется только, что будет гораздо достойнее, если я лично не буду выступать, а предоставлю Панафье сказать, что Франция делает предложение в полном единомыслии с Россиею, которая, видя затруднительное положение Болгарии и ее неудачу в Берлине, в этот раз приходит стране на помощь. В этих же соображениях я просил Панафье придать своему разговору не характер предложения, делаемого по нашей общей инициативе, а лишь ответа на тот шаг, который Радославов предпринял предо мной [11 июня] 29 мая и который был благожелательно обсужден нами и французами. Панафье будет видеть Радославова в течение дня.

Савинский.

№ 279. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

./. Телеграмма № 164. 16/3 июня 1914 г.

Ссылаюсь на свой № 163 [1]. Копии в Бухарест и Афины.

Осведомившись через сербских посланников о сделанных державами Тройственного согласия представлениях в Константинополе и Афинах, Пашич полагает весьма желательным, чтобы энергичные предостережения даны были и в Софии, ввиду получаемых известий о том, что местные комитеты готовят отряд из македонцев в 25 000 человек, очевидно, с целью использовать греко-турецкое столкновение. Поведение Болгарии в данном случае будет иметь решающее значение, ибо малейшее участие ее в указанном столкновении, хотя бы в виде открытия территории для свободного пропуска турецких войск, представляет для Сербии casus foederis по смыслу секретного соглашения ее с Грецией. Пашич думает, что своевременное предупреждение софийских правителей о возможном выступлении Сербии и Румынии для ограждения порядка, установленного Бухарестским трактатом, произведет желательную острастку и заставит Болгарию соблюдать строгий нейтралитет.

Гартвиг.

№ 280. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

./. Депеша № 33. 16/3 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Секретными телеграммами [2] я имел честь поставить ваше высо-

---

[1] См. выше № 289.

[2] См. выше №№ 148 и 215.

копревосходительство в известность о происшедшем в Сербии министерском кризисе. Как в декабре минувшего года, так и теперь, Пашич вынужден был подать в отставку вследствие безрассудной обструкции, периодически устраиваемой в скупщине блоком оппозиционных групп. Чем руководствуются последние, создавая препятствия планомерной работе правительства, в ущерб прямым интересам государства,—я старался разъяснить в депеше моей от [13 января] 31 декабря минувшего года за № 65 [1].

В основе их действий лежит не более, как ревность к старорадикалам, в течение долгих лет твердо стоящим у кормила власти. После балканских событий, оппозиционные партии надеялись, что, ввиду создавшихся новых условий в стране, они в конце концов будут призваны к участию в делах управления; но ошиблись в своих расчетах, ибо Пашич и его единомышленники не считали своевременным приступить к внутренним преобразованиям до окончательного завершения стоящих еще на очереди важных вопросов внешней политики.

Это обстоятельство вызывало особое раздражение в среде наиболее жаждущих власти младо-радикалов (самостальцев), успевших сплотить вокруг себя остальных членов оппозиции. Ими решено было при каждом открытии заседания общим скопом покидать зал скупщины. После двух-трех попыток продолжать заседания с имевшимся у правительства абсолютным большинством в два голоса Пашич принужден был прекратить работу и подал прошение об отставке всего кабинета.

Переговоры короля с лидерами всех партий продолжались более недели. Первым призван был во дворец председатель скупщины старо-радикал Андра Николич, который категорически отказался от образования министерства из своих единомышленников и указал королю на желательность призвания к власти оппозиционного блока, как на лучший выход из затруднения. Знаменательно, что в этом же смысле высказались и лидеры как напредняков, так и либералов. Лишь младо-радикалы смело выразили готовность составить кабинет из своей среды и таким образом, сами того не замечая, расстроили ими же созданный оппозиционный блок. Король согласился на предложение самостальцев, но поручил их лидеру Любе Давидовичу предварительно образования кабинета пред-

[1] В этой депеше Гартвиг объяснял „столкновение правительства с оппозицией... старыми чисто внутренними партийными счетами". В основном содержание депеши воспроизведено в следующем абзаце.

ставить его величеству политическую программу будущего министерства. Как затем выяснилось, на этом именно и „сорвалось“ дело младо-радикалов: программа министерская оказалась ниже всякой критики. Стоять в оппозиции и метать громы против правительства легче, нежели управлять страною в тяжелые политические минуты.

Король после этих опытов решил вновь призвать Пашича, который, восстановив кабинет в прежнем составе, получил вместе с тем согласие его величества на роспуск скупщины и производство новых выборов.

За эти дни правительству удалось, при имевшемся у него кворуме, провести в скупщине некоторые спешные законопроекты, и в том числе о чрезвычайных кредитах на военные надобности. Засим, по всем вероятиям, скупщина будет распущена около [20] 7 июня, вследствие чего производство выборов должно начаться не ранее [20] 7 августа.

Примите и пр. Ник. Гартвиг.

№ 281. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Депеша № 34. 16/3 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

За время описанного мною в предыдущей депеше министерского кризиса произошел эпизод, который, хотя и не имел сам по себе серьезного значения, послужил однако в руках оппозиции оружием для возбуждения недостойной агитации в военной среде. Само собою разумеется, что враждебная Сербии болгарская и австро-венгерская печать не преминула использовать указанный эпизод для распространения самых неблагоприятных толков о внутреннем состоянии сербской армии, заговорив с злорадством чуть ли не о бунте в здешнем офицерском корпусе.

Между тем все дело сводится к следующему.

За последнее время во вновь приобретаемых краях бывали случаи препирательств между военною и гражданскою властью из-за местничества на различных официальных торжествах. Более крупное столкновение по сему поводу произошло не так давно в Битоли между начальником дивизии генералом Дамьяном Поповичем и начальником местного округа. Дабы раз навсегда положить предел этим недоразумениям, министр внутренних дел Протич, не взвесив всех обстоятельств за и против доводов, выставленных выс-

шими военными чинами, поспешил издать „наредбу"—приказ о приоритете гражданской власти. Обиженный генерал Д. Попович подал в отставку. Случай этот был раздут оппозиционной печатью, по преимуществу младо-радикальной, с целью компрометировать ненавистного им министра внутренних дел. К оппозиции примкнула небольшая группа отставных и состоящих еще на действительной службе офицеров, участников переворота [11 июня] 29 мая 1903 года, которая под именем общества „Черной руки" пользуется всяким подходящим случаем, чтобы сеять раздор и неудовольствие среди военных.

Во время затянувшегося кризиса король неоднократно призывал во дворец воеводу Путника и военного министра Стефановича, советуя им принять более решительные меры против общества „Черной руки", которое, впрочем, никогда не встречало ни малейшего сочувствия со стороны армии, благоразумно воздерживающейся от вмешательства в дела внутренней политики.

Повидимому, военным министром действительно были приняты радикальные меры по отношению к офицерам-заговорщикам [11 июня] 29 мая 1903 года. С своей стороны и Пашич, возвращаясь к власти, обещал королю уладить дело с неосторожным приказом министра внутренних дел о приоритете, дабы дать вполне законное удовлетворение высшим военным чинам.

Таким образом затеянная в среде армии агитация потерпела полное фиаско.

Примите и пр.

Н. Гартвиг.

№ 282. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

/. Депеша № 35. 16/3 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В прошлых донесениях моих я уже имел честь отметить, что в числе благодетельных для Сербии последствий балканского кризиса нельзя не признать и совершившийся знаменательный переворот в общем политическом миросозерцании некоторых из здешних партийных кругов.

Когда-то сильная и особливо влиятельная в царствование короля Милана партия напредняков (прогрессистов), как известно, была главным проводником здесь австрийского влияния, полагая,—в противность старо-радикалам, всегда опиравшимся на Россию,—что Сербия лишь при покровительстве Двуединой монар-

хии может достигнуть осуществления своих национальных идеалов.

Захват Австрией в 1908 году Боснии и Герцеговины нанес первый крупный удар напреднякам, которые однако и тут попытались, впрочем, скорее из желания остаться верными самим себе,—взвалить вину главным образом на Россию, предавшую обе провинции в руки соседней монархии Рейхштадтским соглашением.

Но вот наступили грозные балканские события. На карту поставлено было чуть что ни самое существование Сербии. В порыве патриотического долга все оппозиционные группы, в том числе и напредняки, отложив партийные распри, объединились для помощи радикальному правительству, на долю коего выпадала действительно тяжелая задача. Вместе с тем однако каждая из групп чутко прислушивалась и зорко присматривалась к словам и действиям великих держав за весь период кризиса.

Наблюдать пришлось недолго; уже в самом начале роли России и Австрии ясно определились: дружественная, посильная поддержка, с одной стороны, открыто неприязненные выпады—с другой. Отсюда—полное торжество руссофильской политики старо-радикалов и безвозвратное крушение всех чаяний напредняков, которым Австрия за время кризиса безрассудным поведением нанесла второй и на сей раз роковой удар, оттолкнув от себя своих последних горячих приверженцев.

В настоящее время, по общему признанию, в Сербии, за исключением десятка беспочвенных политиканов и темных продажных агентов, нет вовсе австрофилов. Напредняки, отрекшись от всех своих традиций, признав почти открыто свои ошибки в прошлом, ныне водрузили то же политическое знамя, что и старо-радикалы.

Для будущего Сербии это обстоятельство может иметь чрезвычайной важности последствия, ибо оно открывает путь сначала к сближению, а затем, быть может, и к полному слиянию под знаменем руссофильства двух самых выдающихся и наиболее влиятельных в стране политических партий.

Первый шаг к этому сближению отчасти уже сделан. Сознавая необходимость несколько оживить свою партию, застывшую на устарелых формулах внутренней политики, не отвечающих новым создавшимся последними событиями условиям государственной жизни, Пашич сам решил обратиться с призывом к напреднякам. С этой целью он просил меня устроить ему свидание с вторым лидером прогрессистов Павлом Маринковичем, дабы, как он вы-

разился, „под благословением русского представителя“ академически обсудить принципиальные основания возможного соглашения.

Я, конечно, охотно отозвался на это предложение, и на-днях у меня состоялось свидание Пашича с Маринковичем. Из пространных объяснений их я вывел заключение, что при доброй воле с той и другой стороны покончить с закоренелыми предубеждениями сближение обеих партий вовсе не представляет непреодолимых трудностей. Главное разногласие между ними по делам внутренней политики заключалось, как известно, в том, что старо-радикалы всегда отстаивали существующую в Сербии однокамерную форму народного представительства, тогда как напредняки провозглашали себя сторонниками двухпалатной системы, настаивая на учреждении в стране верхней палаты, которая могла бы регулировать безапелляционные и порою совсем несуразные решения скупщины. По этому поводу однако Пашич сказал, что ввиду изменившихся условий и значительного расширения пределов королевства, в среде его партии, за последнее время стало преобладать мнение, согласное со взглядами напредняков, и что посему вопрос о двухпалатной системе может быть решен в утвердительном смысле.

Конечно, это уже большой шаг вперед.

В дальнейшем оба собеседника старались подыскать приемлемую для обеих партий формулу возможно скорейшего приступления к совместной деятельности, причем Пашич соглашался на то, чтобы по роспуске скупщины и производстве новых выборов два портфеля в кабинете были предоставлены напреднякам; тогда как Маринкович считал более справедливым, чтобы тотчас же по роспуске скупщины обе партии, образовав коалиционное министерство, в полном единении выступили на выборах, что обеспечило бы за ними подавляющее большинство в будущей скупщине.

Не отвергая принципиально этих предложений, Пашич обещал результаты настоящих переговоров представить на обсуждение старо-радикального клуба, выражая вместе с тем надежду, что его единомышленники сумеют найти подходящую почву для соглашения с напредняцкой партией.

Если надежды Пашича оправдаются, то можно смело сказать, что для Сербии, с момента объединения названных партий, наступит в самом деле новая блестящая эра государственного преуспеяния.

Примите и пр.

Н. Гартвиг.

№ 283. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

/. Депеша № 36. 16/3 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В депеше от [19] 6 мая № 28[1] я имел честь сообщить о приезде в Белград директора Восточного общества Миллера для переговоров с королевским правительством по вопросу о выкупе Сербией Восточной дороги, ввиду несостоявшейся французской комбинации об интернационализации названной линии. Переговоры тянулись довольно долго, так как г. Миллер, находившийся в непрестанных сношениях с здешнею австро-венгерскою миссиею, видимо, поддавался влиянию барона Гизля и упорно отказывался принять весьма умеренные предложения сербского правительства, настаивая на требовании первоначальной чрезмерной суммы в 60 миллионов франков за выкуп дороги. В конце концов, очевидно, на него, как и на Австрию, благотворно подействовала угроза Сербии, в случае неуспеха переговоров построить параллельную линию. Миллер стал податливее, и несколько времени тому назад между ним и королевским правительством состоялось окончательное соглашение, в силу коего последнее обязалось уплатить за часть дорог, пролегающих к сербской территории, 42 миллиона франков.

Вопрос о том, к каким кредитным учреждениям обратится Сербия для позаимствования вышеозначенной суммы, еще не решен. Как известно императорскому министерству, приезжавший сюда в мае месяце директор Русско-Азиатского банка указывал королевскому правительству на готовность парижских банков ссудить Сербии капитал, потребный для выкупа Восточной дороги. В принципе,—сказал мне Пашич,—мы не имеем возражений против заключения займа для этой цели на парижском рынке; но нас всегда пугают весьма притязательные условия, которыми французские капиталисты обставляют всякую подобную финансовую операцию; почти не представляется сомнений, что за ссуду в 42 миллиона они потребуют

[1] В депеше от 19/6 мая за № 28 Гартвиг сообщает, что „сербское правительство, в согласии с преподанными ему нами указаниями и мнением парижского кабинета, не прерывало переговоров об интернационализации Восточных дорог, несмотря на то, что против этой комбинации ополчились не только Италия и Германия, но втихомолку, под рукой, и сама Австрия". Далее Гартвиг передает, что австр. представитель в Белграде, не предъявляя „никаких новых письменных требований... о возврате дороги" обществу, „делал лишь устные намеки в этом направлении, давая вместе с тем понять сербскому правительству, что для него, во избежание неприятных последствий и осложнений, выгоднее всего было бы притти к частному полюбовному соглашению с Австрией". В заключение сообщается о приезде в Белград Миллера.

передачи им концессий чуть не на все железнодорожное строительство в Сербии.

Немцы, по словам Пашича, на этот счет гораздо скромнее и за ссуду для выкупа Восточной дороги ставят лишь условием поставку железнодорожного материала.

Выбор между этими двумя предложениями еще не сделан, и окончательное решение будет зависеть от того, с какой стороны будут предъявлены более выгодные условия.

При вышепомянутой депеше за № 28 мною препровождена была на благоусмотрение вашего превосходительства и краткая записка[1], переданная сербским правительством здешнему австрийскому посланнику по специальным железнодорожным вопросам, затрагивающим интересы Двуединой монархии.

Повидимому, венский кабинет признал ответ этот неудовлетворительным, так как барону Гизлю поручено было вновь потребовать от сербского правительства письменного обстоятельного изложения взгляда его на тарифный вопрос, а также перечисления тех железнодорожных концессий, которые оно расположено предоставить Австро-Венгрии.

Закончив благополучно переговоры с Миллером по выкупу Восточной дороги, сербское правительство не видело более оснований оттягивать откровенные объяснения с Веной и на-днях передало барону Гизлю новую весьма подробную промеморию, с точным обозначением всего того, что может служить предметом австро-сербского сепаратного соглашения по железнодорожным делам.

Из прилагаемой у сего копии этой промемории в русском переводе[2] ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что сербское правительство твердо решило предоставить Австрии некоторые тарифные льготы исключительно на началах взаимности.

---

[1] К депеше № 28 приложена в переводе с сербского языка „Записка сербского правительства по железнодорожному вопросу, переданная австро-венгерскому посланнику в Белграде [13 мая] 30 апреля 1914 года". В записке перечисляются желдор. концессии, которые могли бы быть предоставлены Австро-Венгрии в Сербии, если бы первая согласилась, чтобы сербское правительство выкупило право эксплоатации дорог, находящихся на новой сербской территории, от общества Восточных дорог". Далее сербское прав-во давало согласие из пересмотр тарифов.

[2] К депеше приложено в переводе с сербского языка „Сообщение сербского правительства по железнодорожному вопросу, переданное австро-венгерскому правительству". Пунктом I этого сообщения устанавливается принятая сербскими делегатами и Миллером „максимальная цена выкупа части дорог, пролегающих по сербской территории,—в размере 42 миллионов франков". Основное содержание „сообщения" излагается в публикуемой депеше.

Что касается железнодорожного строительства, то, помимо уже ранее обещанных смычек сербских линий с боснийскими близ Вардиште и Уваца, Сербия соглашается передать австрийским предпринимателям постройку лишь одной дороги Рашка—Новый Базар—Сенница—Преполье—Увац, при условии однако, что цена на это сооружение не будет превышать тех, которые определены были французским синдикатом.

В заключительной статье промемории сделана существенная оговорка, а именно, что все перечисленные льготы и концессии будут иметь силу лишь в том случае, если между Сербией и Восточным обществом состоится соглашение о выкупе принадлежащей ему дороги.

Этою оговоркою сербское правительство надеется гарантировать себя от возможных со стороны Австрии тайных попыток расстроить состоявшееся в принципе соглашение с Восточным обществом.

Примите и пр. Н. Гартвиг.

№ 284. Военный агент в Сербии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 97. 16/3 июня 1914 г.
Секретно.

Греко-турецкий конфликт.

Как известно, на-днях греческое правительство предъявило турецкому правительству нечто в роде ультиматума, без определения однако срока, по истечении коего греки считали бы себя вынужденными начать военные действия.

Предъявив туркам ультиматум, греческое правительство через сербского посланника в Афинах сообщило сербскому правительству о своих действиях, предписав одновременно греческому посланнику в Белграде немедленно повидать председателя совета министров Н. Пашича и осведомиться о взглядах сербского правительства.

Н. Пашич, предварительно переговоривший с нашим посланником, сообщил греческому представителю следующее:

1) Греческое правительство, к сожалению, не сочло нужным предварительно предъявления ультиматума осведомиться о взглядах своих бывших союзников и заручиться их поддержкою.

2) После 3 кампаний Сербия утомлена, истощена материально и в финансовом отношении, поэтому всякого рода осложнения, а тем более военные действия, для нее крайне нежелательны, а

в данном случае тем более, что вопрос о преследовании турками греков в Малой Азии является чисто греческим вопросом, не имеющим для союзных балканских государств важности; вопрос этот не находится в связи с постановлениями Бухарестского договора, сохранение коих в силе составляет прямой интерес Сербии и Румынии.

3) Наконец, ставя ультиматум, Греция далеко не исчерпала всех средств воздействия на Турцию; например, не обратилась к посредничеству великих сил [1], которые могли бы оказать известное давление на Турцию и воспрепятствовать дальнейшему преследованию греков.

Столь же неблагоприятно отнесся к греческому выступлению престолонаследник Александр. Неудовольствие его проявилось в колкой фразе, сказанной им представлявшемуся ему впервые по прибытии греческому военному агенту, полковнику Влахопуло: „Ну, на этот раз вам придется драться серьезно"...

В военном министерстве мне сказали, что каких-либо мер в связи с греко-турецким конфликтом здесь не принимали, лишь генеральному штабу еще ранее указано иметь в виду возможность столкновения и разработать соответствующие мероприятия.

Как мне сообщил начальник общего военного отделения министерства, полковник К. Смилянич, военная конвенция с Грецией налагает на договаривающиеся стороны обязанность принять участие в войне, если союзник будет атакован силами более чем одного государства. Таким образом единоборство Турции с Грецией не вызывает вмешательства Сербии. Разумеется, часть сил в этом случае была бы мобилизована и расположена на юго-восточной границе, в качестве обсервационного корпуса, в предупреждение всяких случайностей.

Но если бы одновременно с Турцией мобилизовала бы свои силы и Болгария, то Сербия, конечно, была бы вынуждена также произвести полную мобилизацию.

Генерального штаба полковник Артамонов.

№ 285. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 365. 16/3 июня 1914 г.

Телеграфирую в Трапезунд и Самсун. Копия Эбергарду.

По распоряжению морского ведомства посылается военное судно для крейсирования между Батумом и Самсуном с исключительною

[1] Так в подлиннике.

целью, согласно бывшим примерам, путем появления русского военного флага произвести нравственное успокоительное воздействие на население анатолийского побережья. Ни спускать десанты, ни оказывать какое-либо активное влияние на внутреннее положение побережья означенное судно не уполномочено. Благоволите оказывать командиру всякое содействие.

Гирс.

№ 286. Посол в Константинополе министру иностранных дел.
Телеграмма № 366. 16/3 июня 1914 г.[1]

Копия в Бухарест.

Великий визирь заявил мне сегодня, что военное положение объявлено на Дарданеллах и в Айдинском вилаете, что войска даны в распоряжение Талаата, что не успевшие эмигрировать христиане будут вновь водворены в села, и что сделано им распоряжение об обуздании турецкой прессы. Он просил меня донести вашему высокопревосходительству об исполнении им данных мною ему вчера советов. Буду следить, насколько эти меры действительно приводятся турками в исполнение.

Гирс.

№ 287. Старший советник министерства иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.
./. Телеграмма № 1196. 17/4 июня 1914 г.

Вполне разделяю высказанный вами патриарху взгляд.

С своей стороны в самых энергичных выражениях предостерегли турецкого поверенного в делах от попытки изобразить события в Малой Азии как провокацию греков. На самом деле систематическая пропаганда разжигания ненависти против христиан дала свои естественные плоды. Правительство прибегло к тем же приемам, которые стоили ему раньше потери Македонии. В заключение мы просили Фахреддина передать Порте настойчивый совет удовлетворить естественное домогательство Греции о возвращении изгнанным имущества и немедленном прекращении преследований.

Аргиропуло.

№ 288. Старший советник министерства иностранных дел дипломатическому агенту в Монголии Миллеру.
./. Телеграмма № 1197. 17/4 июня 1914 г.

Сообщается поверенному в делах в Пекине.

---

[1] Царск. экз. телеграммы датирован 15/2 июня.

Граве опасается, что его заступничество за внутренних монголов останется безрезультатным, если не будет подкреплено обещанием монгольского правительства принять участие в переговорах в Кяхте с назначением срока их начала, как только пожелания монголов, изложенные в ваших телеграммах №№ 57[1], 151[2] и 152[3], будут исполнены.

Благоволите, пользуясь переговорами о ссуде, настоять на определенном обещании монгольского правительства послать вскоре своих представителей в Кяхту. Точный срок был бы намечен по соглашению с нами.

Мы не в праве были бы поддержать перед китайским правительством притязаний Халхи обусловить начатие тройных переговоров предварительным согласием Китая на исполнение пеных вами пожеланий ее относительно Внутренней Монголии, но мы можем, конечно, указывать как в Пекине, так и в Урге на желательность обоюдной уступчивости в этих вопросах.

Само собою разумеется, что относительно просьбы князей Удая и Аравана речь может итти лишь о возвращении им хошунов. Что же касается нейтрализации части Внутренней Монголии, то мысль эта могла бы с пользою быть выдвинута на тройных переговорах, в виде компромиссного предложения, но возбуждать ее теперь было бы преждевременно.

В ваших разговорах с министрами вы можете ссылаться на пример Тибета, который, приняв участие в англо-китайских переговорах, вполне обеспечил себе автономию: соответственное соглашение выработано и подписано делегатами, и в близком будущем ожидается утверждение его тремя правительствами.

Аргиропуло.

---

[1] В тел. Миллера от 11 марта/26 февр. за № 57 сообщалось, что князь Удай ходатайствует о возвращении ему и князю Аравану их двух хошунов под условием нейтрализации как этих двух, так и остальных хошунов сеймов Внутренней Монголии, граничащих с Халхой.

[2] В тел. Миллера от 12 июня/30 мая за № 151 сообщалось, что депутация гуметов, „передавшихся Урге и живущих ныне в Уланцабском сейме", просила содействия росс. прав-ва „к обеспечению туметам китайским правительством личной и имущественной безопасности и свободы культа желтой веры". „Вновь отметил монголам, — заканчивает свою телеграмму Миллер, — печальные последствия их упрямства в вопросе о тройных переговорах: если бы последние состоялись весной, то подобных осложнений не было бы".

[3] Тел. от 12 июня/30 мая за № 152 Миллер передавал просьбу монг. прав-ва содействовать „прекращению китайским правительством преследования внутренних монголов до начала тройных переговоров".

№ 289. Старший советник министерства иностранных дел посланнику в Афинах Демидову.

*/. Телеграмма № 1201. 17/4 июня 1914 г.

Сообщается в Константинополь.

Генеральный консул в Смирне телеграфирует:

В Смирне спокойно, ряд каймакамов и мудиров смещены, виновные жандармские офицеры преданы военному суду. Талаат делает все возможное для восстановления порядка.

С другой стороны Порта обратилась к послам с предложением командировать доверенных лиц, которые сопровождали бы Талаата в его путешествии [1].

Таким образом наше энергичное воздействие на Порту имело результаты, значение коих нельзя умалять. Ввиду сего вы можете указать греческому правительству на тем большую ответственность, которая легла бы на него в случае принятия активных мер.

Аргиропуло.

№ 290. Министр иностранных дел товарищу министра иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 667 [2]. Бухарест, 17/4 июня 1914 г.

Télégraphie Constantinople:

Télégramme identique aux représentants de Russie et de Roumanie à Constantinople: Nous n'avons cessé de prodiguer des conseils amicaux de modération, tant à Athènes qu'à Constantinople, au sujet des difficultés qui pourraient surgir entre la Turquie et la Grèce. Un conflit entre ces deux pays aurait nécessairement une répercussion directe sur les intérêts des autres Etats et, en première ligne, sur les

---

[1] Тел. от 17/4 июня за № 375 Гирс передавал содержание ноты, полученной им накануне от великого визиря. В этой ноте сообщалось, „что Талаат-бей водворяет спокойствие в Айвали и Адрамите", и предлагалось назначить для сопровождения Талаата представителя, „пользующегося доверием посольства". „Нота прибавляет, что Порта, конечно, была бы весьма благодарна, если бы императорское правительство нашло возможным командировать такого же делегата в территорию, вновь присоединенную к Греции". Подобная нота была передана послам шести великих держав. Копия циркулярной ноты великого визиря от 16/3 июня за № 48916/55 была препровождена в СПБ. при депеше от 22/9 июня за № 73. Тел. от 17/4 июня за № 376 Гирс сообщил, что „нота Порты написана по внушению германского посла", который в беседе с русским послом высказывался в смысле желательности посылки делегатов великих держав на места для контроля за действиями турок, но при непременном условии посылки таких же делагатов в Македонию для спасения лица турок". Гирс „категорически отказался поддерживать последнее условие", и Вангенгейм „под конец склонился к этому мнению".

[2] Лит. копия.

riverains de la Mer Noire. — L'effervescence produite dans certaines régions de l'Empire Ottoman ayant aggravé ce danger, notre commerce maritime en ressent déjà le contrecoup. Après les pertes considérables subies l'année dernière à la suite de la fermeture momentanée des Détroits, ce commerce craint avec raison le renouvellement de semblables évènements et en éprouve une vive inquiétude. En présence de cette situation le gouvernement russe croit devoir attirer la plus sérieuse attention de la Porte sur la difficulté où il se trouverait, si la Turquie voulait adopter dans Détroits des mesures de natures à entraver le commerce et portant atteinte à des intérêts aussi considérables de la Russie. — Votre collègue roumain est chargé de communiquer ce qui précède au gouvernement ottoman. Veuillez en faire autant, après vous être entendu avec Mr. Mano. La démarche, selon nous, devrait se faire séparément et être verbale, mais en termes identiques avec faculté de laisser copie de la communication précitée, si on vous la demande.

Sazonow.

Перевод.

Телеграфирую в Константинополь:

Тождественные телеграммы представителям России и Румынии в Константинополе: Мы не прекращали как в Афинах, так и в Константинополе щедро давать наши дружеские советы об умеренности в связи с затруднениями, которые могут возникнуть между Турцией и Грецией. Конфликт между этими двумя странами должен неизбежно отразиться непосредственно на интересах других государств и, в первую очередь, на интересах прибрежных государств в Черном море. Возбуждение, возникшее в некоторых областях Оттоманской империи, увеличило эту опасность, что уже отразилось на нашей морской торговле. После значительных убытков, понесенных ею в прошлом году, вследствие кратковременного закрытия проливов, эта торговля имеет основание опасаться возобновления подобных событий и испытывает поэтому живейшее беспокойство. При наличии такого положения российское правительство считает нужным обратить самое серьезное внимание Порты на то затруднение, которое оно будет испытывать в случае, если Турция пожелает принять в проливах такие меры, которые стеснят торговлю и нанесут ущерб столь существенным интересам России.— Вашему румынскому коллеге поручено сообщить указанное оттоманскому правительству. Благоволите, сговорившись с г. Мано, сделать то же самое. Представление должно быть, по нашему мнению, сделано каждым отдельно и устно, но в тождественных выражениях, с возможностью оставить копию вышеизложенного сообщения, если у вас ее попросят.

Сазонов.

№ 291. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Письмо [1]. 17/4 июня 1914 г.

Cher Сергей Дмитриевич,

Je vous écris de Windsor, où je passe la semaine, au moment où,

[1] Царск. экз.

je n'en doute pas, vous êtes en train de faire d'excellentes choses à Constantza. A tout temps j'ai eu l'impression que la question de nos rapports avec la Roumanie était d'un intérêt majeur, et je suis heureux du tour que prennent les choses. Une demi-heure avant de quitter Londres j'ai vu Grey avec Cambon. Il a été question des frontières serbo-albanaises, de l'accord albanais avec Mr. Sographos et autant de la crise gréco-turque.

Dans la question des frontières Grey nous aidera certainement, quant à l'accord il est pour le notifier à Athènes, mais sanss nommer le mot de garantie. Pour les vaisseaux à Durazzo, tout comme nous, il est contre toute descente, sans pourtant se lier d'ores et déjà absolument. Mais il abhorre l'idée autant que vous.

Ce que vous m'avez chargé de lui dire sur la flotte turque, et ce que j'ai fait, en pesant sur cette question de tout mon poids, a été utile. Grey ne perdra plus cette question de vue, dont il comprend toute l'importance. Cette considération a agi sur sa manière de considérer la crise turco-greque. Vous avez vu par mon télégramme [1], qu'en réservant pour une entente ultérieure la mention des moyens, il fixe son attention sur une fermeture possible des Détroits, question qu'il déclare de première importance pour l'Angleterre, comme pour la Russie. Il établit la solidarité et a débuté par le dire. Cette manière d'envisager les choses nous est utile à tout point de vue et me parait fort importante. En général toute son attitude est pour le resserrement de l'entente. La crise Ribot à Paris lui a été extrêmement désagréable, mais il se console en considérant le service de trois ans assuré.

Seulement, il est tout aussi contraire que jamais à des propositions de démarches collectives qui n'aboutissent que dans une mesure tout-à-fait insuffisante et surtout platonique. Je reçois des télégrammes à ce sujet. Il s'y agit de représentations séparées. Grey nous a dit que Mallet avait déjà été chargé de s'exprimer très fortement à Constantinople, à plusieurs reprises et tout dernièrement. Je pense qu'il en aura fait de même à Athènes, il ne l'a pourtant pas dit.

Quant à la Perse, les préoccupations restent extrèmes. Je n'ai pas grand'chose à ajouter à ce que je vous en ai écrit par Feldjäger, il y a quelque jours. Croyez bien une chose, dans l'esprit de Grey il n'y a en tout cela qu'un seul mobile — la crainte d'un malentendu sérieux au premier chef et de ses conséquences. Le raisonnement est clair. Si la Russie s'affirme trop par une rapide progression dans le Nord, l'Angleterre sera malgré elle forcée d'en faire autant dans le Midi. Le but

[1] См. выше № 250.

de la convention était d'empêcher la nécessité de l'un et de l'autre; si ce but se trouve manqué, la convention is a failure. La base de sa politique lui manque. Quand il charge Buchanan de vous en parler, c'est qu'il est persuadé qu'en principe vous partagez son opinion et sa manière de voir. Il entend la chose comme un appel et un cri d'alarme, et non pas d'ingérence. Soyez absolument persuadé que je ne me trompe pas en ce point. Il n'y a rien, absolument rien d'autre là-dessous. Tout au contraire, c'est les résultats qu'il rédoute au suprême degré. Tellement qu'un second point de vue se fait jour, que certains de nos projets, propriété foncière, bureaux de postes, ne soient des précédents, dont l'Allemagne peut profiter dès qu'elle le jugera bon et provoque [1] des intrigues persanes de ce côté. — Ceci me revient d'ailleurs aussi surtout du côté français. Cambon m'a encore répété que les ministres d'Angleterre et de France ne trouvaient plus le chemin de la légation de Russie. Ceci dénote un profond désaccord local, très regrettable et tout neuf. Quant à la brigade de cosaques n'y a-t-il pas lieu d'examiner une question très matter of fact. Placée dans une situation anormale, à moitié persane, à moitié russe, sous l'autorité persane et l'influence russe, la discipline, la valeur d'élément d'ordre a peut-être souffert à mesure qu'elle s'agrandit. Pour l'ordre le travail des Suédois n'est-il pas plus utile que celui de cette troupe très apte à rétablir l'ordre violemment troublé, mais il s'agit de l'ordre normal à maintenir ce qui est différent. Ceci aussi me vient du côté français. Faut-il vous l'avouer bien franchement, certains télégrammes de Korostovetz ne me plaisent pas. Je pense qu'il y a bien des choses que Grey ne me dit pas et qu'il ne me dira jamais. De fait nous sommes en lutte avec toutes les institutions internationales en Perse que nous avons contribué à instituer et avec le gouvernement persan qui les soutient, les voyant destinées à être remplacées par des institutions russes, ce qui aboutit à l'absorbtion. Je mets les choses au pire, mais c'est ainsi qu'elles se présentent ici. Je vois qu'il n'est guère possible de n'en pas tenir compte et d'accepter les explications amicalement. Pour ce qui est de l'intention je vous en réponds.

Le roi en est extrêmement préoccupé. Il est revenu de Paris tout feu et flamme pour une entente à trois. Il a peur de la Perse. Le roi m'a dit qu'il en écrirait à l'empereur. Peut-être cette lettre arrivera-t-elle bientôt. Beaucoup dépendra de la réponse. Je soumets ce point à toute votre attention. Le roi m'a dit qu'il n'aimait pas la tour-

[1] Так в подлиннике.

nure que prenait la situation générale, et que plus que jamais elle était à prendre en considération. „Is it possible that Persia could interfere?"

Déjà le comité persan est tout (...)[1] par l'Allemagne sauf Curson, qui s'en détache, peut-être en vue de l'avenir, auquel il pense. Mais ce n'est pas des inspirations que Grey puise là, c'est des appréhensions. J'ai, à vrai dire, un peu répété ce que vous avez dit à ce sujet a Buchanan. Grey en a été, je crois, très ému. Quoique son ton soit tout au contraire plus amical et confiant que jamais.

Je reste la semaine ici, le courrier s'en ressentira, mais je n'ai au fond rien d'essentiel à ajouter. L'affaire d'Ulster, compliquée des armements nationalistes dans le sud continue à se compliquer, d'ici à 10—15 jours, arrivera une crise, salutaire, je l'espère (...)[2], mais ceci ne réagit aucunement sur la politique extérieure. Il y a du bon, on en parle moins à la Chambre

Excusez cet affreux griffonage, je n'ai personne à qui dicter et suis pressé par une course avec le roi. Je dois donc par conséquent écrire cette lettre tout au courant de la plume et vous transmets toutes mes amitiés les plus sincères.

Benckendorff.

P. S. Quelques mots de regrets au point de vue de l'opinion publique anglaise. Le refus d'exposition me parait très regrettable. Il y avait eu là un gros travail fait très utile et qui se trouve perdu. Et puis cet emprunt. L'impression est déplorable au point de vue financier, voilà le discredit dont Crisp est entouré rejaillissant sur le crédit de la Russie. Pourquoi au nom du ciel quand on a à sa disposition la majorité des banques privées les plus importantes et la plus grande des banques anonymes de Joint Stock? Toute la Cité s'en ressent. Il faudra du temps pour refaire cela. Encore notre groupe y mettra-t-il la même énergie? Tout cela est tout aussi politique que financier. C'est à ce point de vue que je me mets pour en parler.

Перевод.

Дорогой Сергей Дмитриевич,

Я пишу вам из Виндзора, где пребываю эту неделю, в то самое время, когда, как я не сомневаюсь, вы совершаете прекрасные дела в Константце. У меня было всегда такое впечатление, что вопрос о наших отношениях с Румынией имеет первостепенное значение, и я счастлив тем оборотом, который при-

[1] Одно слово не разобрано.

[2] Пропуск в подлиннике.

нимает дело. За полчаса до отъезда из Лондона я видел Грея с Камбоном. Вопрос шел о сербо-албанских границах, об албанском соглашении с г. Зографосом, а также о греко-турецком кризисе. В вопросе о границах Грей нам, конечно, поможет; что касается соглашения, то он стоит за его сообщение в Афинах, но без упоминания слова „гарантия". Что касается судов в Дураццо, то, как и мы, он против всякого десанта, однако он не желает себя уже отныне в этом отношении категорически связать, хотя он враждебен этой идее так же, как и вы.

То, что вы мне поручили ему сказать о турецком флоте, и что я сказал, сильно подчеркивая этот вопрос, было полезно. Грей больше не упустит из виду этот вопрос, все значение которого ему понятно. Это соображение воздействовало на его отношение к греко-турецкому кризису. Вы знаете из моей телеграммы, что, откладывая вопрос о средствах [воздействия] до заключения будущего соглашения, он сосредоточил свое внимание на возможном закрытии проливов, которое, как он заявляет, представляет как для Англии, так и для России вопрос первостепенного значения. Говоря это, он устанавливает с самого начала нашу солидарность. Такое отношение к делу полезно нам со всех точек зрения и представляется мне очень важным. Вообще вся линия его поведения направлена к укреплению согласия. Кризис Рибо в Париже был ему чрезвычайно неприятен, но он утешает себя тем, что трехлетняя служба обеспечена.

Но он так же, как всегда, против предложений о совместных выступлениях, которые достигают цели лишь в далеко не достаточной степени и притом оказывают платоническое действие. Я получаю телеграммы об этом. В них идет речь о раздельных представлениях (держав). Грей сказал нам, что Маллету было поручено несколько раз и [в том числе] совсем недавно очень энергично объясниться в Константинополе. Я думаю, что Грей предпринял то же в Афинах, но однако он об этом не сказал.

Что касается Персии, то беспокойство попрежнему крайне сильно. У меня нет ничего особенно важного для дополнения того, что я вам об этом писал несколько дней тому назад через фельдъегеря. Поверьте одному: на мысли Грея действует в отношении всего этого лишь одна побудительная сила, именно в первую очередь—опасение серьезного недоразумения и его последствий. Ход его рассуждений ясен. Если Россия, благодаря быстрому поступательному движению, слишком утвердится на севере, то Англия будет вынуждена вопреки своей воле поступать таким же образом на юге. Конвенция ставила себе целью воспрепятствовать тому и другому; если эта цель не достигнута, то конвенция оказывается несостоятельной. Ей недостает самой основы той политики, которая ее создала. Если он поручает Бьюкенену говорить об этом с вами, то лишь благодаря своей уверенности в том, что вы в принципе разделяете его мнение и его отношение. Он рассматривает это дело как призыв и тревожный сигнал, а не как [повод] к вмешательству. Будьте совершенно уверены, что в этом я не ошибаюсь. За этим не скрывается ничего, абсолютно ничего другого. Напротив, он в высшей степени боится таких результатов. [Он боится их] настолько, что начинает пробиваться вторая точка зрения, именно, что некоторые из наших проектов, [как] земельная собственность [и] почтовые конторы, окажутся прецедентами, которыми Германия, как только она сочтет это удобным, может воспользоваться и вызвать с этой стороны персидские интриги. Об этом я слышу в особенности с французской стороны. Камбон мне снова повторил, что французский и английский посланники жалуются на непонимание их в русской миссии. Это свидетельствует о глубоком местном разногласии, весьма при-

скорбном и совершенно новом. Что касается казачьей бригады, то не следует ли посмотреть на этот вопрос более трезво? [В бригаде], поставленной в ненормальное положение, наполовину персидской, наполовину русской, подчиняющейся персидской власти и русскому влиянию, дисциплина и порядок, может быть, пострадают по мере ее увеличения. В отношении порядка, не оказалась ли работа шведов более полезной, чем работа этого войска, которое весьма пригодно для восстановления нарушенного силой порядка, но [в этом случае] дело идет о поддержании нормального порядка, что весьма различно. Это также доходит ко мне со стороны французов. Должен ли я вам весьма откровенно сознаться, что некоторые телеграммы Коростовца мне не нравятся? Я думаю, что существует много, о чем Грей мне не говорит и никогда не скажет. Фактически мы находимся в состоянии борьбы со всеми иностранными учреждениями в Персии, введению которых мы содействовали, и с персидским правительством, которое их поддерживает, так как мы считаем, что они предназначены к замене их русскими учреждениями, что означает [их] поглощение. Я изображаю дело в самом худшем виде, но здесь оно представляется именно таким. Я вижу, что [для англичан] совершенно невозможно не учитывать этого и дружески принимать объяснения. Что касается намерений, то за них я отвечаю. Король ими чрезвычайно озабочен. Он вернулся из Парижа страстным сторонником согласия. Но он опасается Персии. Король сказал мне, что он напишет об этом императору. Возможно, что это письмо скоро прибудет. Многое будет зависеть от ответа. Я обращаю все ваше внимание на этот пункт. Король сказал мне, что ему не нравится оборот, принятый общим положением, и что его надо более чем когда бы то ни было принять во внимание. „Возможно ли, что Персия послужит препятствием?“

Уже персидский комитет ... Германией, за исключением Керзона, который от него отдаляется, может быть, из соображения будущего, о котором он думает. Но Грей черпает там не вдохновения, а опасания. По правде сказать, я несколько повторил то, что вы сказали относительно этого Бьюкенену. Грей был этим, как мне кажется, очень взволнован, хотя его тон был, напротив, более дружественный и доверчивый, чем когда бы то ни было.

Я остаюсь эту неделю здесь, от этого пострадает корреспонденция, но у меня в сущности нет ничего существенного для добавления. Ульстерское дело, осложненное вооружением националистов на юге, продолжает усложняться, через 10—15 дней наступит кризис, я надеюсь целительный..., но это никоим образом не влияет на внешнюю политику. Имеется кое-что и хорошее: об этом меньше говорят в палате.

Простите это ужасное маранье, мне некому диктовать, и я тороплюсь из-за прогулки с королем. Вследствие этого я вынужден писать это письмо наспех. Посылаю вам выражение своих самых искренних чувств.

Бенкендорф.

P. S. Несколько слов сожаления с точки зрения английского общественного мнения. Отказ [от участия] в выставке кажется мне очень прискорбным. Там была проделана очень большая полезная работа, которая оказалась напрасной. И затем этот заем. С финансовой точки зрения получается плачевный результат; недоверие, которым окружен Крипс, отразится теперь на кредите России. Почему же на самом деле может это происходить, когда имеешь к своим услугам большинство наиболее значительных частных банков и самый крупный

акционерный банк? Последствия этого ощущаются всем Сити. Для исправления этого потребуется много времени, и проявит ли еще наша группа такую же энергию. Весь этот вопрос является в равной мере политическим и финансовым. Говоря об этом, я становлюсь на эту точку зрения.

№ 292. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 161 [1]. 17/4 июня 1914 г.

В декларации, прочитанной вчера в палате депутатов, Вивиани сказал, что одной из высших задач правительства будет продолжение внешней политики, которой уже столько лет следует Франция, и развитие союза, освященного опытом и симпатиями двух народов, преданных миру, а также соглашение с могущественной соседней страной. По вопросу о трехлетнем сроке военной службы министр иностранных дел заявил, что правительство будет точно и лояльно применять этот закон. По дальнейшему ходу прений министр иностранных дел сказал, что если он будет еще у власти осенью 1915 года, он ни в коем случае не сократит срок ныне отбывающего службу класса. Несмотря на энергичные протесты социалистов, правительство получило значительное большинство, и положение его, повидимому, является вполне прочным.

Извольский.

№ 293. Посол в Вене министру иностранных дел [2].

*/. 17/4 июня 1914 г.

Здесь очень встревожены [3] поездкой государя императора в Румынию. Граф Берхтольд по своему обыкновению, вместо того, чтобы откровенно высказать свои опасения и этим вызвать с нашей стороны какие-нибудь успокоительные заявления, тщательно уклоняется от всякого обсуждения этого вопроса, хотя с трудом скрывает свое неудовольствие. Зато местная печать неистовствует, обвиняя нас в самых коварных замыслах против самого существования Австро-Венгрии, и Румынию—в черном предательстве. Все надежды здешних правителей возлагаются на Болгарию, которую надеются превратить в послушное орудие австрийской балканской политики. Значительную тревогу вызвало здесь, в особенности в военных кругах, появившееся в газетах известие о призыве у нас осенью на 6 недель резервистов 1907 и 1909 годов, что, по здешним исчислениям, должно довести нашу армию, хотя временно, до

[1] Опубл. L. N., II, p. 273.

[2] Царск. экз. Документ озаглавлен: „Выписка из частного письма посла в Вене".

[3] См. стр. 347, прим. 1.

1 800 000 человек. Последнее признается здешней печатью угрозою для всеобщего мира и, в особенности, для спокойствия соседних государств.

Граф Берхтольд сегодня заверил меня, что австро-венгерским представителям в Константинополе и Афинах даны инструкции воздействовать на соответствующие кабинеты в миролюбивом смысле. Он при этом высказал сомнение в агрессивных намерениях Порты, которой, по его мнению, нет никакого расчета вызвать конфликт до прибытия приобретенных ею новых судов. Министр также выразил надежду на то, что Болгария будет противиться всякому нарушению неприкосновенности ее территории и этим затруднит всякие военные действия между Турцией и Грецией.

Нынешний болгарский представитель в Вене г. Пассаров, назначенный посланником в Афины, на-днях покидает Вену; заместитель его еще не назначен, кандидатом на это место называют Станчова, бывшего личного секретаря Фердинанда.

Эрцгерцог Франц-Фердинанд, отсутствовавший всю зиму из Вены, провел недавно здесь около недели. Он до сих пор меня еще не принимал, несмотря на то, что я испросил у него аудиенцию тотчас по приезде в Вену, три месяца тому назад. Усмотреть в этом специальный знак невнимания к русскому представителю нет основания, так как наследник престола вообще уклоняется от приемов иностранных дипломатов (французского посла он принял 18 месяцев после приезда его в Вену) и все это время почти не был в Вене, тем не менее я в частном разговоре сказал графу Берхтольду, что дальнейшее оттягивание аудиенции может в Петербурге показаться странным и произвести неблагоприятное впечатление, тем более, что военный агент наш также до сих пор не был принят наследником престола. К этому я считаю долгом прибавить, что императором я был весьма милостиво принят тотчас по приезде моем в Вену и всеми прочими членами императорской семьи также.

Шебеко.

Тем лучше[1]

Царское Село, [24] 11 июня 1914 г.

№ 294. Посланник в Софии министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 112. 17/4 июня 1914 г.

Ссылаясь на № 111[2]. Копия в Париж.

Французский посланник имел вчера разговор с Радославовым

[1] Царск. помета на полях против слов: «встревожены поездкой».

[2] См. выше № 278.

согласно своей инструкции и моей просьбе. Радославов показался ему обрадованным и обещался ему переговорить с Тончевым. Считая важным закрепить ту версию, что шаг Панафье сделан в ответ на обращенную ко мне просьбу Радославова, я посетил сегодня последнего и сказал, что его ходатайство, изложенное в моем № 107 [1], было передано мною в Петербург, где было рассмотрено благожелательно, результатом чего и явился вчерашний визит Панафье, после которого мы вправе требовать исполнения его обещания. Радославов не отказался от слов, сказанных [12 июня] 29 мая, и высказал мне свою радость, прибавив, что и Тончев разделяет его чувства, в чем я лично сомневаюсь. Я выразил надежду, что Болгария увидит в нашем решении новое доказательство нашего постоянного к ней благоволения и заботливости. Положительного мнения Радославов не мог высказать, не получив указаний от короля, возвращающегося сегодня вечером.

Савинский.

№ 295. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 165. 17/4 июня 1914 г.

Телеграфирую в Париж. Получил № 147 [2].

Ответ задержан был вследствие министерского кризиса. Сегодня Пашич сообщил мне, что по тщательном обсуждении дела в совете министров сербское правительство признало более выгодным передачу постройки Адриатической дороги новому обществу из русских, французских, итальянских, сербских и румынских капиталистов. В нем могли бы принять участие банки: Русско-Азиатский, des Pays Bas, Union, Naville représentant Banque Ottomane, затем Франко-Сербский и, наконец, итальянские и румынские кредитные учреждения по указанию их представителей. Такое общество предпочтительнее, нежели старый синдикат 1908 года, потому что в последнем участвовали Витали и Société Générale, имеющие слишком тесные связи с австрийскими капиталистами, вмешательство коих в дела Адриатической дороги считается совершенно нежелательным. Новое вышеупомянутое общество дает в этом отношении полную гарантию [3].

Гартвиг.

---

[1] См. выше № 215.

[2] См. выше № 183.

[3] Тел. в Белград (копия в Париж) от 20/7 июня за № 1227 Сазонов обращал внимание Гартвига „на возможность протеста Австрии против исключения ее из синдиката по постройке Адриатической жел. дор.“, указывая, что „подобный протест было бы желательно избежать“.

№ 296. Старший советник министерства иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

*/. Телеграмма № 1209. 18/5 июня 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Гартвига № 164[1].

Хотя полагаем, что опасения Сербии, быть может, преувеличены, однако считали бы желательным, чтобы, наведя разговор об отношении Болгарии к греко-турецкому конфликту, вы вновь предостерегли правительство от опасности нарушения нейтралитета не только действиями, но и несопротивлением проходу турецких войск.

Аргиропуло.

№ 297. Старший советник министерства иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

*/. Телеграмма № 1210[2]. 18/5 июня 1914 г.

Поддерживаем в Париже и Лондоне желательность посылки делегатов. Вполне разделяем ваш взгляд о желательности, во всяком случае, командировки нашего делегата по вашему выбору.

[Аргиропуло.]

Да.
Царское село [20] 7 июня 1914 г.

№ 298. Старший советник министерства иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1211. 18/5 июня 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 379[3].

---

[1] См. выше № 279.

[2] Царск. экз.

[3] Тел. от 17/4 июня за № 379 Гирс передавал о намерении послов Тройственного союза предложить на совещании послов, чтобы только росс. и герм. посольства послали своих делегатов, — и высказывал предположение, „что этого желает Вангенгейм, стремящийся, вероятно, подчеркнуть значение германских интересов в Малой Азии и попутно показать готовность итти с нами рука об руку". „При таких условиях, — пишет Гирс, — желательно, чтобы Франция и Англия послали равным образом своих делегатов. При всем том, в случае отказа некоторых держав, все же лучше нам итти одним с Германией, чем совершенно отказаться от посылки делегата, что произвело бы весьма тяжелое впечатление на патриархию и на православное население". На совещании послов, созванном 18/5 июня, как передает Гирс в тел. от 18/5 июня за № 388, „представители Тройственного союза заявили, что они уполномочены послать таковых [делегатов], причем германский посол присовокупил, что он может назначить делегата, даже если не все посольства присоединятся к этой мере". Гирс на этом совещании выразил согласие команди

Порта предложила посольствам назначить при Талаате делегатов для сопровождения министра в его путешествии и наглядной проверки взводимых на Турцию обвинений.

Вначале турки, под влиянием германского посла, хотели обусловить свое предложение непременной посылкой таких же делегатов в Македонию.

Вследствие категорического заявления нашего посла своему германскому коллеге, что он считает такую постановку неприемлемой, мысль о посылке делегатов в Македонию высказана в турецкой ноте лишь в форме пожелания.

Что касается командирования делегатов посольства для сопровождения Талаата, считали бы весьма желательным, чтобы Франция и Англия послали таковых, поручив своим послам в Константинополе сговориться с нашим по этому вопросу.

Аргиропуло.

№ 299. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 158. 18/5 июня 1914 г.

Reçu télégrammes №№ 1179, 1180, 1181 et 1189 [1].

Lors de notre entrevue de lundi dernier, Grey en nous donnant son opinion sur inefficacité de démarche combinée nous a dit qu'il avait déjà télégraphié à Mallet d'adresser à la Porte admonestations confidentielles, mais très sérieuses et qu'instructions en ce sens seraient répétées. Nous avons discuté ce même jour démarche serbe. Il n'a pas été question ce jour de conseils à Grèce, mais je crois que c'était sousentendu. J'en parlerai à Grey dès mon retour à Londres.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграммы №№ 1179, 1180, 1181 и 1189.

Во время нашего свидания в прошедший понедельник Грей, высказывая свой взгляд на бесплодность предполагаемого выступления, сказал нам, что он уже телеграфировал Маллету о том, чтобы он обратился к Порте с доверительными, но очень серьезными внушениями и что инструкции такого содержания

ровать своего делегата. Так как „французский и английский послы не имели еще инструкций", то Гирс в тел. „усиленно" ходатайствовал „о скорейшем побуждении французского и английского правительства снабдить своих послов указаниями". В ответ на турецкую ноту от 16/3 июня за № 48916/55 (см. выше стр. 339, прим. 1) Гирс нотой от 20/7 июня за № 67 сообщил, что, принимая предложение Порты с оговоркой о необходимости предоставить делегату полную свободу действий, он командирует первого драгомана посольства Тухолку.

[1] См. выше №№ 244, 245, 246 и 268.

будут ему даны повторно. Мы в тот же самый день обсуждали сербское выступление. В этот день не говорилось о советах Греции, но я считаю, что они подразумевались. Я буду говорить об этом с Греем по моем возвращении в Лондон.

Бенкендорф.

№ 300. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/, Телеграмма № 162. 18/5 июня 1914 г.

Получил № 1193[1]. Копия в Лондон.

Сообщил ее содержание Маржери, который сказал мне, что французское правительство склонно принять предложение Италии о предоставлении власти контрольной комиссии, в случае если князю придется покинуть Албанию, конечно, при условии согласия на это предложение России и Англии.

Извольский.

№ 301. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Письмо. 18/5 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В официальном донесении моем от сего числа[2] подробно изложен ход только что, наконец, разрешившегося министерского кризиса, продолжавшегося более чем две недели. Составление нового кабинета встретило на этот раз особенные трудности вследствие не-

---

[1] Тел. от 16/3 июня за № 1193 послам в Париже и Лондоне Аргиропуло сообщал о предложении итал. посла передать власть контрольной комиссии, „если князю придется покинуть Албанию".

[2] Имеются в виду депеши от 18/5 июня за № 21 и № 22, в которых излагаются подробности двух министерских кризисов. Извольский указывает, что причиной неудачи первой попытки Вивиани составить кабинет являлись расхождения среди министров по вопросу о сроке военной службы, вскрывшиеся при обсуждении правительственной декларации. „Дело в том, что в декларации этой упоминалось о решении правительства приступить к разработке различных мероприятий, предназначенных усилить боевую „силу французской армии в духе пресловутой милиционной системы", причем указывалось, „что лишь после принятия этих законов и когда опыт выяснит практические результаты их применения, можно будет пересмотреть закон о сроке службы под знаменами, если внешняя обстановка это позволит. Подчеркнутые слова вызвали возражения со стороны двух членов кабинета, радикалов-социалистов гг. Годера и Понсо, которые потребовали их исключения". Ввиду категорического отказа Вивиани, составление кабинета не состоялось, и Пуанкаре обратился к Рибо. После того как кабинет Рибо „был низвергнут" при первом же выступлении перед палатой, Вивиани составил новый кабинет. „Текст правительственной декларации о трехлетнем сроке службы, который привел, как упомянуто выше, к первой неудаче г. Вивиани, был несколько переработан, причем однако существо дела осталось без изменения. Именно, вме-

померных требований объединенных радикалов и социалистов, значительно усиливших свое положение в палате депутатов после выборов. Центральным вопросом, вокруг которого происходила борьба, явился, как вам известно, закон о трехлетней службе под знаменами. В сущности, по этому вопросу мнения г. Рибо и г. Вивиани почти тождественны: оба они заявили о своем твердом намерении лояльно применять этот закон; но г. Рибо лично ненавистен крайним партиям, и, по моему убеждению, г. Пуанкаре, совершивший уже одну крупную ошибку, вручив накануне выборов власть гг. Думергу и Кайо, вторично ошибся, сделав попытку составить новый кабинет, не считаясь с их результатом; этим он лишь раздразнил крайние партии, которые тотчас же доказали ему свое могущество в новой палате. Лично мне кажется, что, несмотря на выдающиеся качества г. Рибо и подобранных им сотрудников, вроде гг. Делькассе, Буржуа и Дюпюи, нам нет особенных поводов сожалеть о неудаче его комбинации и о замене его кабинетом Вивиани. Министерство Рибо, даже если бы ему удалось удержаться несколько времени у власти, отличалось бы слабостью положения и было бы принуждено к постоянным уступкам крайним партиям. Напротив того, г. Вивиани, исходящий из среды социалистов и пользующийся в этой среде большим личным авторитетом, способен, как он это и доказал с первых своих шагов, справиться с неразумными требованиями собственной своей партии. Я уже писал вам, что г. Вивиани

сто слов: „если изменение внешней обстановки позволит сократить срок службы“ в новой декларации говорится: „если по соображению результатов опыта и по требованию национальной обороны возможно будет предложить облегчение военного бремени“. Из этого явствует, что новый кабинет намерен во всяком случае продолжать пока лояльное применение существующего военного закона“... В депеше за № 22 Извольский излагает содержание правительственной декларации Вивиани, встреченной „левыми фракциями сочувственно“, и указывает, что заявления Вивиани по вопросу о трехлетнем сроке военной службы „были встречены резкими возражениями крайних социалистов“. В секр. рапорте от 18/5 июня за № 164 военный агент во Франции гр. Игнатьев пишет, что „г. Вивиани... не задумался твердо настоять на сохранении 3-летнего закона в полной силе... Оговорка... заключается в том, что правительство согласно обсуждать проекты нового закона о военной подготовке молодежи и лучшем пользовании резервных формирований с тем однако, что 3-летний закон оставался бы в полной силе впредь не только до вотирования этих законов, но и до получения от них ожидаемых результатов“. Далее Игнатьев отмечает, что „все события внутренней политики последних дней отразились только, как и следовало ожидать, на авторитете президента республики, который потерял большую долю своей популярности, не оправдав надежд тех, кто рассчитывал на твердость его характера в тяжелые для страны минуты“, и что Извольский, „как и многие, разочаровался в г. Poincaré“.

принадлежит к типу социалистов вроде гг. Бриана, Мильерана и других, отказавшихся, под влиянием опыта власти, от доктринерства и сделавшихся практическими государственными людьми. Тотчас по составлении кабинета г. Вивиани явился ко мне и самым категорическим образом заявил мне о своем твердом намерении охранять незыблемость русско-французского союза и соглашения с Англией, а также неприкосновенность закона о трехлетнем сроке военной службы. В дальнейшем разговоре он не скрыл от меня, что выступления некоторых наших газет по этому последнему вопросу произвели в здешних парламентских кругах неблагоприятное впечатление и что подобные выступления могут возыметь здесь скорее обратное действие. С своей стороны, я поспешил заявить г. Вивиани, что Россия вполне уверена в неизменности и последовательности внешней политики Франции; при этом мы отнюдь не вмешиваемся во внутренние распоряжения французского правительства; обе союзницы—Россия и Франция—одинаково заинтересованы в поддержании и укреплении своего военного могущества, и мы убеждены, что ни одно серьезное правительство во Франции не допустит ослабления французской армии в присутствии все возрастающих вооружений Германии и ее союзниц.

Если я склонен оптимистически отнестись к предстоящей деятельности нового кабинета по двум наиболее важным для нас вопросам—о внешней политике и о военной организации Франции, то, с другой стороны, я не могу не признать, что в отношении внутренней французской политики г. Вивиани и его сотрудники будут, несомненно, принуждены итти по пути крайне опасных радикальных и социалистических опытов. Это, прежде всего, скажется в финансовых мероприятиях. Всеобщие опасения перед подобными опытами действуют удручающим образом на имущие классы населения и еще более усиливают ощущаемый здесь экономический кризис. Если последняя палата оставила по себе недобрую память, то новая внушает к себе еще менее доверия: от столь усилившегося в ней блока объединенных радикалов-социалистов можно ожидать всяких эксцессов; блок этот сразу показал свое могущество, свергнув в первый же день кабинет г. Рибо; при этом удар был направлен не только против этого кабинета, но, через его голову, против г. Пуанкаре, против которого, под председательством гг. Клемансо и Кайо, ведется самая злостная и беззастенчивая кампания. Я уже писал вам, что обнаруженная г. Пуанкаре слабость в момент падения кабинета Думерга объясняется здесь его боязнью перед угрозами его противников возбудить на него нападки на почве семейных его

обстоятельств. Уверяют, что и ныне его держат под теми же угрозами и рассказывают, что с этой целью разыскивается, или уже разыскан, один из прежних супругов г-жи Пуанкаре, по профессии автомобильный механик, будто бы с нею легально не разведенный, дабы публично обличить жену президента республики в двоемужии. Все это крайне раздражает и удручает г. Пуанкаре, который за последнее время в значительный степени утратил свою популярность среди умеренных и патриотических кругов населения, ожидавших от него более энергического отпора. В обществе очень много говорят о том, что он не выдержит натиска и, в конце концов, должен будет покинуть президентство, как это сделали некогда гг. Греви и Казимир Перье. Лично я этому не верю и думаю, что г. Пуанкаре справится с положением; но положение это безусловно трудное и требует от него много энергии и мужества.

В заключение—несколько слов о Палеологе, который, приехав сюда в самый разгар министерского кризиса и не дождавшись даже свидания с президентом республики и временными министрами, весьма легкомысленно выступил перед некоторыми политическими личностями с заявлением, что, в случае отмены закона о трехлетнем сроке военной службы, ему будет невозможно вернуться в С.-Петербург. Заявление это тотчас попало в печать и возбудило против г. Палеолога ожесточенные нападки со стороны левых партий и их газет; болтовня г. Палеолога не только не могла принести делу никакой пользы, но скорее повредила ему; французские государственные деятели превосходно знают, какую цену у нас придают сохранению вышесказанного закона, и угроза отставки г. Палеолога, очевидно, не могла возыметь никакого влияния на их решения. Инцидент этот, вероятно, не будет иметь прямых последствий, но, несомненно, умалит авторитет г. Палеолога в глазах г. Вивиани и его сотрудников.

После отправления сегодняшнего курьера я, может быть, поеду на несколько дней в Эвиан, в пределах Франции, ибо очень нуждаюсь в небольшом отдыхе; в случае надобности я всегда могу быть в Париже через несколько часов. Вслед за сим, тотчас после национального французского праздника (14/1 июля) я просил бы вас исходатайствовать мне высочайшее разрешение прибыть в С.-Петербург для присутствования при приеме президента Французской республики. О всемилостивейшем на это соизволении не откажите уведомить меня по телеграфу.

Примите и пр. Извольский.

С[огласен.]

Царское Село, [23] 10 июня 1914 г.

№ 302. Посол в Париже министру иностранных дел.

Письмо [1]. 18/5 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В прошлый понедельник в здешнем министерстве иностранных дел состоялось по приглашению французского правительства неофициальное совещание находящихся в Париже членов финансовой комиссии по балканским делам; список присутствовавших членов у сего прилагается [2].

Как ваше превосходительство изволите усмотреть, Сербия и Черногория на этом совещании представлены не были: отсутствие сербских делегатов объясняется тем, что г. Веснич находится в Риме, где он ведет переговоры со св. престолом относительно заключения конкордата; другой же делегат г. Маринкович не счел возможным прибыть в Париж специально для этого одного, притом неофициального собрания.

После нескольких слов, посвященных памяти трагически погибшего греческого делегата г. Валаоритиса, председатель собрания г. де Маржери заявил, что большинство участвующих в комиссии государств согласилось на французское предложение об окончательном решении возобновить работы комиссии 15/2 октября. Одни итальянцы заявили, что они еще не уполномочены окончательно изъявить на это согласие. Точно так же Сербия и Черногория еще не высказались окончательно.

Австро-венгерский делегат г. фон Адлер обратил внимание собрания на затруднения, которые он предвидит в будущем для установления единогласных решений по поводу разных подробностей, преимущественно в вопросах, касающихся „концессий и контрактов“; он напомнил, что в качестве докладчика 2-го комитета он уже предлагал в своем докладе учреждение ликвидационной комиссии или третейского суда для разрешения неминуемых разногласий.

Заявление г. фон Адлера вызвало несколько весьма существенных возражений со стороны некоторых членов собрания, но г. де Маржери разъяснил, что заявление это не подлежит ныне рассмотрению по существу и имеет лишь целью напомнить делегациям о формулированном в сказанном докладе предложении, которому автор доклада придает большое значение.

Примите и пр.

Извольский.

[1] Маш. копия.

[2] Упоминаемый список приложен в газетной вырезке.

№ 303. Посланник в Софии министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 113. 18/5 июня 1914 г.

Заем. Сегодня изложил Добровичу все то, что вчера сказал Радославову. Добрович благодарил и обещал передать королю, вернувшемуся вчера, но прибавил, что он не знает, как далеко зашли переговоры с Берлином[1], и что от этого будет зависеть решение правительства. По словам Добровича, король не видел еще Радославова, которого примет завтра.

Савинский.

№ 304. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 383[2]. 18/5 июня 1914 г.

Копия в Афины.

Ответная нота передана сегодня. Ее читал французский посол и, судя по передаваемому им содержанию, она едва ли удовлетворит Грецию. Она написана в очень вежливом тоне, но высказывает сперва предположение, что Греция говорит об эллинских подданных. При этом Порта заявляет готовность отнестись с вниманием к их жалобам. Затем ...же[3] Порта переходит к положению христианского населения Турции, заявляя, что печальные инциденты действительно были, но помимо воли правительства, которое приняло энергичные меры к их полному прекращению. Порядок уже восстановлен во Фракии и энергично восстановляется в Айдинском вилаете. Однако Порта объясняет в ноте, повидимому, довольно настой-

[1] Депешей от 19/6 июня за № 41 Свербеев сообщал: „Из полученных мною из внушающего доверие источника сведений узнаю, что теперь переговоры сосредоточены на получении Болгарией аванса в 100 миллионов франков, причем однако из этой суммы не были бы погашены уже полученные болгарским правительством в минувшем году от здешних банков суммы, а лишь краткосрочные обязательства России в размере 27 миллионов марок. Вместе с тем софийский кабинет обязался бы допустить деятельность в Болгарии... немецкого общества для вывоза табаку; очевидно, получение этого аванса включало бы также обязательство на заключение всего займа в Германии и Австро-Венгрии". Далее, сообщая, что „Disconto-Gesellschaft" опровергает поступающие из Болгарии сведения о состоявшемся выезде представителей этого банка в Софию для окончательных переговоров о заключении займа, Свербеев указывает на то, что сведения, поступающие из Софии, представляют вопрос о займе уже решенным, между тем как в Берлине утверждают, „что пока дело это еще не закончено".

[2] Царск. экз.

[3] Пропуск в подлиннике.

чиво, что причина беспорядков кроется в наплыве массы мухаджиров, озлобленных испытанными ими гонениями в Македонии [1].

Гирс.

№ 305. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 37 [2]. Зергендэ, 18/5 июня 1914 г.

В предыдущем донесении от [10 июня] 28 мая с. г. за № 33 [3] я имел честь доложить вашему высокопревосходительству о ходе моих переговоров с шахским правительством по вопросу о новой организации взимания податей в Северной Персии с русских подданных и покровительствуемых. Ныне из дальнейших бесед с некоторыми правительственными лицами я вынес впечатление, что сами персы довольно безразлично относятся к обороту, принятому этим делом, и что проявляемую ими агрессивность следует приписать агитации и внушениям здешнего бельгийского посланника, поощряющего все выступления главного казначея и действующего повидимому при поддержке великобританской миссии и турецкого посольства, желающего заслужить благоволение персов для облегчения переговоров по разграничению. В этом я убедился из бесед с сэром В. Тоунлей и г. Боргравом. Первый из них объяснил, правда, в весьма сдержанной и мягкой форме, что английское общественное мнение встревожено деятельностью нашею в

---

[1] Тел. от 18/5 июня за № 384 Гирс дополнительно сообщил, что великий визирь, дабы „несколько смягчить впечатление, которое может произвести ответная нота Порты на Грецию", поручил турецкому послу заявить в Афинах, „что Порта готова немедленно войти в переговоры с Грецией касательно определения имущественных потерь, понесенных населением, эмигрировавшим как из Греции, так и из Турции, и способа возможного их удовлетворения. По заявлению, сделанному будто бы Грецией французскому посланнику в Афинах, греческий кабинет именно и требует выяснения взаимных материальных потерь эмигрантов". Тел. от 19/6 июня за № 122 Урусов сообщал, что ответная нота Турции „с точки зрения первого пункта вместе с совокупностью принятых уже Турцией мер... признана премьером и министром иностранных дел скорее удовлетворительной, но на публику произвела плохое впечатление, чем воспользуется оппозиция для нападок на Венизелоса". Поэтому, — передает Урусов, — „греческое правительство будет настаивать на вознаграждении потерпевших, т. е. на производстве оценки и взаимного обмена имущества эмигрировавших". Стрейт „выразил надежду", что в „благополучном разрешении этого важного для жизни кабинета вопроса он может рассчитывать на ценное содействие нашего посла в Константинополе".

[2] Лит. копия.

[3] В этом донесении Коростовец сообщал о своем свидании с регентом, с которым он „счел полезным повидаться", „дабы рассеять возникшие против нас [т. е. росс. прав-ва] благодаря агитации бельгийцев нарекания".

Азербайджане, заставляющей предполагать затаенные замыслы с целью постепенного уничтожения персидского суверенитета и независимости, причем присвоение консулами податных функций, вероятно, не без ведома императорской миссии, является первым шагом на этом пути. Сэр В. Тоунлей не считает возможным высказываться более определенно по данному делу, ибо знает, что ныне происходит обмен мнений между вашим высокопревосходительством и великобританским послом в Петербурге и что в связи с этим его правительство готовит особую памятную записку касательно отношений обеих держав-покровительниц к Персии, которая будет вручена нашему послу в Лондоне. Мой английский коллега, между прочим, упрекнул меня за неимение нашей точки зрения на вопрос о русском землевладении в Персии. Мой предместник, по его словам, никогда не признавал законности русского землевладения, считая, что таковое является лишь терпимым нарушением Туркманчайского договора, причем русское правительство будто бы желало добиться от персидского узаконения прав русских землевладельцев и арендаторов в виде компенсации при выдаче Персии будущей ссуды. Во всяком случае, вопрос о русской собственности являлся спорным и подлежащим дипломатическому обсуждению. Вместо этого мы, вопреки прежнего толкования договора, теперь просто объявили персам, что считаем все принадлежащие и арендованные русскими земли их законным владением, невзирая на протесты шахского правительства и произвольный характер подобной меры. Это угрожает экономическим поглощением Азербайджана и дает России господствующее положение в этой части Персии, нарушая установившееся англо-русское равновесие.

Я воздержался от обсуждения этого довольно щекотливого вопроса, заметив, что спор о малиате не имеет прямого отношения к суверенитету и независимости Персии и что императорская миссия готова изыскать практический способ устранения возникших затруднений и разногласий, вызванных необходимостью оградить материальные и юридические права наших подданных и ходатайствами самого персидского правительства, но что необходимо, чтобы бельгийская администрация приняла во внимание создавшееся положение и отказалась от своих приемов в сношениях с представителями русской власти. Я прибавил, что не могу игнорировать факта существования русского землевладения, имеющего давнюю историю и глубокие корни в Азербайджане и других местах, и начать борьбу с русскими арендаторами и переселенцами в угоду отвлеченным и теоретическим соображениям, выводимым нашими

противниками из Туркманчайского договора вопреки ясным постановлениям мусульманского права.

Бельгийский посланник отстаивал с особенной страстностью институт бельгийской финансовой администрации, приглашенной и организованной самой Россией, напирая на то, что главный казначей исполняет только предначертания двух держав. Являясь прежде всего персидским чиновником, г. Морнар не может в угоду нам нарушать своих обязательств перед шахским правительством, и ему нельзя ставить в упрек исполнения им своего долга. Между тем императорская миссия, или вернее Учетный банк, предъявляет ему неприемлемые требования касательно взноса малиата и налогов в Северной Персии и вообще ставит ему незакономерные и несовместные с его положением и служебным долгом условия. В настоящее время персидское правительство и пресса, благодаря нам, чрезвычайно возбуждены против г. Морнара, обвиняя его в потворстве русским притязаниям и стремясь дискредитировать его в общественном мнении. Не считая возможным допускать дальнейшей травли, он, Борграв, настоял перед шахским правительством, чтобы печати было предписано прекратить дальнейшие нападки. По его настоянiям в здешней официальной газете „L'Impartial" помещено письмо председателя совета министров принца Ала-эс-Солтане, в коем заключается полная реабилитация г. Морнара в возводимых на него тяжких обвинениях. Г. Борграв не упустил случая, чтобы обвинить Учетный банк, который своим формализмом, несговорчивостью, недоверием и бюрократическими приемами оттолкнул Морнара и вынудил его обратиться за содействием к Шахиншахскому банку. Я постарался успокоить моего бельгийского коллегу, заявив, что императорская миссия никогда не имела никакого предубеждения против главного казначея, но что я лично советую ему изменить свою тактику и пойти на компромисс с нашим банком, хотя бы на основаниях соглашения 1912 года. С своей стороны я обещал г. Боргравy, ввиду его личных неприязненных отношений с управляющим нашим банком г. Видеманом, быть посредником в переговорах между названными лицами.

Главный казначей, с коим мне также пришлось беседовать, тоже жаловался на несправедливость возводимых на него упреков в уступчивости России, объясняя нападки печати желанием реакционеров и сторонников старого режима удалить бельгийскую администрацию, дабы воскресить эру хищений и казнокрадства. Указывая на несговорчивость банка и неприязнь наших консулов относительно бельгийских финансовых агентов, г. Морнар заверял в своей пре-

данности и готовности следовать указаниям императорской миссии, поскольку таковые не выходят за пределы его компетенции. Так как сделанные в минувшем феврале предложения, заключавшиеся в контролировании консулами обложения и взимания налогов с русско-подданных и персидских протеже и в образовании особого депозита в русском банке, были неверно истолкованы и осуществлены, то он предлагает представить новое примирительное соглашение в письменной форме, в котором будет изложена персидско-бельгийская точка зрения. Мне кажется, что г. Морнар будет главным образом настаивать на обратной передаче всех функций обложения и взимания финансовым чиновникам и вообще восстановлении положения и престижа последних, несколько поколебленных нашим выступлением. Вопрос же о назначении, распоряжении и хранении малиатных и других сборов озабочивает его, повидимому, в меньшей степени, каковым обстоятельством нам следовало бы воспользоваться при предстоящих с ним объяснениях.

Докладывая о вышеизложенном, имею честь представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства вырезку из здешней газеты „Impartial" с открытым письмом председателя совета министров принца Ала-эс-Солтане от 6 июня, в коей заключается оправдание г. Морнара в приписываемых ему персидскою печатью незакономерных действиях [1].

Примите и пр.

Коростовец.

№ 306. Министр иностранных дел послам в Лондоне, Париже и Токио Бенкендорфу, Извольскому и Малевскому-Малевичу и поверенному в делах в Пекине Граве.

Телеграмма № 1224 [2]. 19/6 июня 1914 г.

Министр финансов указал Русско-Азиатскому банку, что при условии обеспечения нашего участия в займах на монетную реформу и права предварительного одобрения нами ее плана для нас одинаково приемлемы выдвинутые в последнее время комбинации относительно второго выпуска реорганизационного займа и что поэтому выбор той или другой постановки дела можно предоставить консорциуму.

Естественно ожидать, что в соответствии с общей согласован-

[1] При имеющейся в деле лит. копии упоминаемая в публ. документе вырезка из газеты „Impartial" отсутствует.

[2] Лит. копия.

ностью наших действий с Францией и со специальным совпадением наших и японских интересов в вопросе о монетной реформе между тремя группами будет поддерживаться тесная солидарность при предстоящей выработке окончательного проекта займа.

Сазонов.

№ 307. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 159 [1]. 19/6 июня 1914 г.

Personnel. Le roi m'a parlé avec vive inquiétude mais dans excellent esprit affaire Perse. Le roi s'est mis sur point de vue politique générale et avantages qu'autres Puissances pourraient tirer de difficultés surgissant entre Russie et Angleterre en Perse. Sa majesté me dit avoir écrit à empereur et m'a exprimé espoir que notre auguste maître voudra bien user à l'égard de Buchanan de toute confiance.

Benckendorff.

К докладу.

Царское Село, [22] 9 июня 1914 г.[2].

Перевод.

Лично. Король говорил мне с большим беспокойством, но в благоприятном смысле о персидском деле. Король стал на точку зрения общей политики и выгод, которые другие державы могли бы извлечь из затруднений, возникающих в Персии между Россией и Англией. Его величество сказал мне, что он написал императору, и высказал надежду, что наш августейший государь проявит в отношении Бьюкенена все возможное доверие.

Бенкендорф.

№ 308. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

·/. Телеграмма № 160 [3]. 19/6 июня 1914 г.

Reçu votre télégramme № 1193[4].

En réponse à billet écrit de Windsor, Grey me répond que le gouvernement italien a fait même démarche à Londres et que le gouvernement anglais ne voit pas d'objection à cette proposition „si omnes".

Benckendorff.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 1193.

Грей отвечает мне на записку, посланную из Виндзора, что итальянское

---

[1] Опубл. Siebert, III, № 1063.

[2] У Siebert, III, резолюция Николая II отсутствует.

[3] Царск. экз.

[4] См. выше стр. 351, прим.1.

правительство сделало такие же шаги в Лондоне и что английское правительство не имеет возражений против этого предложения под условием „s mnes".

Бенкендорф.

№ 309. Посол в Париже министру иностранных дел.

т. Телеграмма № 163 [1]. 19/6 июня 1914 г.

Копия в Софию.

Финансовая группа, во главе коей стоит банк Перье, имеет в виду не выдачу Болгарии аванса, а немедленный выпуск займа в 200 000 000 франков. Она рассчитывает на участие в этой операции русских банков. Участие это могло бы состоять в том, что наши банки обменяют имеющиеся у них болгарские боны казначейства на облигации нового займа, который таким образом не потребует от них никаких новых затрат. Благоволите уведомить меня, для сообщения сказанной группе, встречает ли вышеизложенная комбинация одобрение и согласие императорского правительства [2].

Извольский.

№ 310. Посол в Берлине министру иностранных дел.

т. Письмо. 19/6 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Судя по газетным известиям, положение князя Вида становится с каждым днем все более критическим, и невольно спрашиваешь себя, что его ожидает после последнего тяжкого поражения, нанесенного мятежниками оставшемуся в распоряжении албанского князя малочисленному отряду мирдитов.

Помощник статс-секретаря, которого я видел вчера, не имея подтверждения о сказанном поражении, не вполне еще доверял известиям, исходившим из итальянского источника, и возлагал, по-видимому, большие надежды на впечатление, которое произведет на мятежников имеющая собраться в албанских водах международная военная флотилия.

Из всех бесед с г. Циммерманом можно однако вынести то общее впечатление, что берлинский кабинет, а главное сам император, бывшие с самого начала против кандидатуры князя Вида

---

[1] Опубл. L. N., II, p. 273—274.

[2] Письмом от 21/8 июня за № 227 на имя м-ра фин. Сазонов дословно передал содержание публикуемой тел. и просил дать заключение „для снабжения гофм. Извольского соотв[етствующими] указаниями".

и недовольные теперь тем, что неудача миссии немецкого принца является в глазах многих косвенным образом и неудачею самой Германии, не имеют никакой охоты оказать ему действительно серьезную поддержку и предоставляют события естественному их ходу.

Несравненно более тревожат помощника статс-секретаря грозящие с минуты на минуту быть прерванными греко-турецкие отношения. Беседуя со мной о жгучем этом вопросе, г. Циммерман сказал мне, что все державы в отдельности не прекращают умиротворящего своего воздействия как в Константинополе, так и в Афинах; что же касается коллективного выступления всех держав, то польза такового кажется ему, как вообще, так и особенно в данном случае, весьма сомнительной. Сделанное же в среду английским послом берлинскому кабинету, по поручению сэра Э. Грея (по всей вероятности, циркулярно) предложение, чтобы все державы ныне же совместно обсудили те меры, коими могло бы быть предупреждено на случай греко-турецкого военного столкновения закрытие проливов, поставило помощника статс-секретаря, повидимому, в большое затруднение.

Отдавая себе полный отчет в тех колоссальных убытках, которые подобная мера причинила бы торговле всех европейских государств, Циммерман тем не менее спрашивает себя, удобно ли было бы теперь же, до начала военных действий, ставить на вид турецкому правительству недопустимость закрытия проливов, так как подобными заявлениями державы как бы допустили возможность со стороны Порты ослушаться преподаваемых ей советов умеренности и благоразумия. А вместе с тем после объявления войны, подобное заявление было бы, по всей вероятности, уже недостаточным, и державам пришлось бы применить по отношению к Турции какие-либо принудительные меры, как, напр., морскую демонстрацию, а к подобного рода мерам, как известно, Германия относится крайне несочувственно.

Хотя факт посещения государем императором Констанцы и встречен был здесь, как и следовало ожидать, с крайним беспокойством, тем не менее здешняя печать старается умалить его результаты, утверждая, что ни к каким практическим и определенным последствиям он не приведет; но рядом с этим тем не менее раздаются и угрозы по отношению к Румынии.

Примите и пр.

С. Свербеев.

№ 311. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 392. 19/6 июня 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму из Бухареста № 667[1]. Копия в Бухарест.

Сообщение сделано сегодня мною и румынским посланником. Великий визирь ответил мне, что он его ожидал, что он отдает себе отчет о полной его основательности и что Порта, не желая войны, сделает все возможное, чтобы ее избегнуть.

Гирс.

№ 312. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 396. 19/6 июня 1914 г.

По имеющимся у меня сведениям, подтвержденным сегодня великим визирем, английский синдикат хлопочет о получении концессии на разработку всех минеральных богатств в Ванском, Битлисском и Эрзерумском вилаетах, при условии уплаты 10% с валового дохода и выдачи аванса в счет этих уплат. Ввиду крайней желательности недопущения иностранных предприятий в эти смежные с нами вилаеты, представлялось бы, может быть, возможным образовать русское общество для получения этой концессии. В противном случае я мог бы попытаться образовать, конечно, при известной финансовой поддержке, общество из местных русских подданных, если не для получения концессий на эксплоатацию минеральных богатств, то хотя бы на производство разведок. Великий визирь доверительно высказал мне, что в случае немедленного представления русским подданным ходатайства о предоставлении ему права разведок. великий визирь поддержит...[2] ходатайство.

Гирс.

№ 313. Министр иностранных дел начальнику генерального штаба Янушкевичу.

Письмо № 424[3]. 20/7 июня 1914 г.

Секретно.

Спешно. Доверительно.

М. г. Николай Николаевич,

Как известно вашему превосходительству, сербское правитель-

---

[1] См. выше № 290.

[2] Пропуск в подлиннике.

[3] Черновой отпуск — машинописный экземпляр с поправками и дополнениями, внесенными рукой Трубецкого.

ство обратилось к нам с просьбой уступить ему артиллерийские, интендантские и инженерные предметы вооружения и снабжения.

В бытность в С.-Петербурге сербского председателя совета министров г. Пашича, он, повидимому, получил впечатление, что со стороны нашего военного ведомства его ходатайство встретило в принципе благоприятный прием. Впоследствии однако к удовлетворению последнего встретились препятствия. Мой товарищ, гофм. Нератов, в личных объяснениях с представителями генерального штаба, представил желательность, хотя бы до известной степени, все же пойти навстречу пожеланиям сербского правительства и на словах получил заявление, что в случае не условного, но окончательного приобретения Сербией этих предметов, таковые могли бы быть отпущены в половинном размере.

Ныне председатель сербского совета министров уведомил посланника в Белграде о готовности уплатить стоимость этих материалов при первой возможности, каковая, по объяснениям, данным г. Пашичем гофм. Гартвигу, наступит тотчас же по заключении сербским правительством нового займа, который предназначается главным образом на военные издержки.

Признавая с политической точки зрения крайне желательным оказать в настоящее время Сербии военную помощь, на что мы ее до некоторой степени обнадежили, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство не отказать меня уведомить, не сочтет ли ныне военное ведомство возможным пойти, хотя бы в[1] ограниченном размере[2] навстречу пожеланиям королевского правительства, о коих оно вновь ходатайствует письмом от [2 июня] 20 минувшего мая на имя императорского посланника в Белграде.

К сему считаю долгом присовокупить, что как означенное письмо, так и донесение от [2 июня] 20 минувшего мая, за № 32[3], при коем гофм. Гартвиг мне его доставил, переданы в копиях, вверенным мне министерством генеральному штабу.

Обращаясь к вам с пок[орнейшей] просьбой не отказать уведомить меня в возможно скором времени о заключении вашем по сему предмету, считаю долгом отметить, что, в случае принципиального согласия военного ведомства, в дальнейших переговорах можно

---

[1] Далее зачеркнуто слово „самом".

[2] Далее зачеркнуты слова „и, само собою разумеется, постольку, поскольку это не вызовет задержки в пополнении наших запасов".

[3] См. выше № 146.

было бы настоять на более определенном указании срока уплаты сербским правительством за предметы боевого снабжения.

Примите и пр.

Сазонов.

№ 314. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 115. 20/7 июня 1914 г.

Получил № 1209[1] и ссылаюсь на телеграмму Гартвига № 164[2]. Копии в Белград, Афины и Бухарест.

Третьего дня Радославов в ответ на мое замечание, что Болгарии следует соблюдать в греко-турецком конфликте нейтралитет, сказал, что именно таково его намерение. Сегодня, по получении вышеозначенной телеграммы, я от имени императорского правительства вновь предостерег его от опасности нарушения нейтралитета, причем указал на необходимость теперь же твердо и ясно объявить, что Болгария не только не примет активного участия в столкновении, но и противится пропуску турецких войск через свою территорию. Радославов отрицал деятельность македонских комитетов, на что я ответил, что комитеты эти, к сожалению, существуют, но что мы надеемся, что отношение к ним болгарского правительства будет совершенно определенно отрицательное. Далее я указал, что малейшее участие Болгарии повлечет, по всей вероятности, вслед за Румынией выступление Сербии, т. е. повторение прошлогодних событий. Радославов проникся всеми моими доводами и обещал опубликовать правительственное заявление о нейтралитете и сообщить мне об этом особой нотой [3].

Савинский.

№ 315. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 400. 20/7 июня 1914 г.

Из частного секретного источника узнал, что третьего дня Джемаль возобновил переговоры о покупке аргентинских крейсеров.

Гирс.

---

[1] См. выше № 296.

[2] См. выше № 279.

[3] Тел. от 20/7 июня за № 116 Савинский передавал в СПБ. (копии в Белград, Бухарест, Афины и Константинополь) след. текст полученной им от Радославова ноты: „Имею честь подтвердить заявление, сделанное мною вашему превосходительству во время нашего вчерашнего разговора, что королевское правительство придерживается твердого решения сохранять в случае возможного конфликта между Турцией и Грецией самый строгий нейтралитет". (Подлинник на франц. яз.).

№ 316. Посол в Константинополе министру иностранных дел.
/. Телеграмма № 402. 20/7 июня 1914 г.

Ссылаюсь на свой № 339[1]. Копии в Париж и Берлин.

Джавид сообщает, что, несмотря на постоянные противоречия и задержки в переговорах с германскими уполномоченными вследствие почти полной зависимости последних от Немецкого банка, переговоры все же подвигаются вперед, и он надеется приблизительно через месяц выехать в Париж и в Берлин. Ответа германского посла касательно условий допущения русского делегата в Совет оттоманского долга он еще не получил. Турецкий посол в Париже телеграфирует, будто бы, ему, что французы выказывают однако менее сговорчивости по этому вопросу, чем прежде. Джавид утверждает, что во время последнего своего пребывания в Париже он заметил готовность облегчить решение и вынес впечатление, что французы допустят очередное председательство немцев.

Гирс.

№ 317. Посол в Константинополе министру иностранных дел.
/. Депеша № 72. 20/7 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Кризис, переживаемый ныне Турцией вследствие событий во Фракии и в Малой Азии и натянутости отношений с Грецией, несомненно, отражается на прочности нынешнего министерства вообще, и в частности на положении великого визиря.

В одном из последних заседаний комитета партии „Единение и Прогресс" был, между прочим, возбужден вопрос о замене принца Саид-Халима другим, более способным лицом. Часть членов усиленно выставляла кандидатуру на пост великого визиря Хильми-паши. Большинство же признало необходимым знать, какое впечатление произвела бы в парламенте перемена состава министерства.

Наиболее влиятельные депутаты высказали мнение, что, если принц Саид-Халим действительно не стоит на должной высоте, то, конечно, желательно его заменить. Если же его неспособность не оказывает особого влияния на ход дела, вследствие созданной им себе в Европе репутации и приобретенных им симпатий некоторых из великих держав, то не время теперь говорить о его замене.

Тем не менее противники принца Саид-Халима настаивали на необходимости, в случае войны с Грецией, назначения на пост великого визиря Талаат-бея. Это мнение было затем принято и коми-

[1] См. выше № 218.

тетом, с оговоркою однако, что в случае отказа Талаат-бея принц Саид-Халим останется на своем посту.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 318. Военный агент в Турции генерал-квартирмейстеру генерального штаба.

Рапорт № 186. 20/7 июня 1914 г.

Секретно.

О возможной компенсации для Болгарии со стороны Турции в случае турецко-греческого разрыва.

Болгарский военный агент высказал мне свое мнение, что в случае греко-турецкой войны Болгария будет нейтральна по отношению к Греции, так как политически она находится в крайне трудном положении и не может рисковать столкновением с Сербией и Румынией.

„Но что касается Турции,—заметил полковник Марков,—то дело обстоит несколько иначе, и было бы ошибкой не использовать благоприятный момент в смысле исправления границы: я надеюсь, что этой ошибки наше правительство и не сделает".

„Чем же должны по-вашему турки заплатить за ваш нейтралитет?"—спросил я моего коллегу.

„Установлением границы по Марице,—ответил Марков.—Сейчас мы задыхаемся без дорог к морю и нам до крайности необходимо получить выход на Дедеагач; а затем можно будет оборудовать и Марицу для судоходства, что создаст для нас совсем иные условия".

„А ваша дружба с турками от этого не пострадает?"—задал я последний вопрос.

„Думаю, что турки поймут, что они только заплатили за необходимый им нейтралитет. Да, наконец,—добавил полковник Марков,—я хорошо знаю турок и в возможность искренней дружбы к нам с их стороны не верю. И вообще, с каким бы европейским народом турки ни имели дело, было бы ошибкой положиться на их искренность.

Они всегда уважали и впредь будут уважать только одну реальную силу".

В последнее время не раз возникали слухи чуть ли не о формальном союзе, заключенном между Болгарией и Турцией. Полагаю, что так, как говорил полковник Марков в данном случае, союзники

не говорят, а между тем, имей место этот союз, он, конечно, был бы в курсе дела.

Генерал-майор Леонтьев.

№ 319. Дипломатический агент в Танжере министру иностранных дел.

*/. Депеша № 12. 21/8 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из зашедших вчера в Танжер двух американских военных судов одно, а именно броненосец „Idaho", продано, по словам американских моряков и американского поверенного в делах, греческому правительству за 10 миллионов долларов одновременно с другим того же типа броненосцем. Некоторые подробности касательно размеров и вооружения броненосца „Idaho" содержится в прилагаемой у сего газетной вырезке[1]. На продажу эту американское правительство склонилось, по словам г. Блека, вследствие медленности хода этих броненосцев, делающих не более 17 узлов. Вырученные же от продажи их 20 000 000 долларов дадут возможность правительству Северо-Американских Соединенных Штатов заменить их более быстроходными судами новейшего типа.

Покинувшие вчера же Танжер броненосцы отправились на соединение с прочими судами эскадры в Гибралтар, откуда они должны итти в Неаполь. По уверению местных газет, броненосец „Idaho" будет теперь же передан Греции. Американский же поверенный в делах воздерживается от указания времени передачи броненосца.

Хотя мне и невозможно судить о точности вышеприведенных сведений, все же считаю долгом доложить о них вашему высокопревосходительству на случай, если бы представилось небесполезным сопоставить их с имеющимися уже в императорском министерстве сведениями.

Примите и пр.

А. Воеводский.

№ 320. Посланник в Гааге министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 44 [2]. 21/8 июня 1914 г.

Нубар немедленно после свидания с Вестененком в Гааге выехал в Берлин, где он должен встретиться с Гоффом. Оттуда он

---

1. При депеше имеется в газетной вырезке заметка о броненосце „Idaho", помещенная в „Le Journal du Maroc" от 21 июня 1914 г.

[2] Царск. экз.

едет в Петербург, в надежде быть принятым вашим высокопревосходительством. Он виделся в Париже с Думергом и Вивиани и будет принят в Берлине Циммерманом. Он не скрыл от меня своих опасений насчет характера контрактов и инструкций, навязанных инспекторам Портою при пассивном, по свидетельству Вестененка, отношении посольств, и в частности нашего.

Свечин.

№ 321. Посол в Токио министру иностранных дел.

*/. Депеша № 46. 21/8 июня 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

В воскресенье 14 июня нового стиля в японском официозе „The Japan Times" появилось сообщение здешнего министерства иностранных дел относительно распространяемых газетами слухов о получении английскими капиталистами железнодорожных концессий в Южной Манчжурии и в Восточной и Внутренней Монголии.

В этом „communiqué", текст коего в газетной вырезке отправлен императорским посольством в день появления почтой в первый департамент за № 395, содержит в себе[1] заявление о существующих у Японии в названных областях особых правах и выражение надежды, что державы, которым о сем своевременно было заявлено и которые признали за Японией таковые права, не будут содействовать своим капиталистам получать в названных местностях железнодорожные концессии без согласия Японии. Одновременно „communiqué" сообщает, что Япония в феврале 1913 года изъявила согласие на получение Англо-китайской корпорацией (Anglo-Chinese Corporation) концессии на постройку 80-мильной линии Цзинчжоу—Чаоян, как ветку Пекин-Мукденской дороги, причем однако Япония выговорила себе у Англии право на участие японских капиталистов наряду с другими иностранцами в таком железнодорожном предприятии, которое явилось бы продолжением или развитием сказанной линии. В заключение сообщение министерства иностранных дел объявляет лишенными всякого основания слухи о том, будто британские капиталисты домогаются получения от китайского правительства концессии на линию Пекин—Чифын через Жехэ или получили некоторые права на постройку линий Цзинчжоу—Жехэ и Пекин—Жехэ.

Появление этого сообщения явилось весьма неожиданным и не-

[1] Так в подлиннике.

мало удивило многих из моих коллег, впервые из него узнавших о признании за Японией державами специальных прав в Южной Манчжурии и Восточной и Внешней Монголии и о происходивших между Японией и Англией в начале 1913 года переговорах об участии японских капиталистов в железнодорожных предприятиях в Китае.

С своей стороны мне казалось интересным выяснить, чем вызвана была подобная публикация.

На вопрос мой великобританский посол отозвался полным незнанием происхождения сказанного „communiqué", заявляя, что ознакомился с ним впервые из утренних газет, обещал мне справиться у японского министра иностранных дел. Через два-три дня после моего визита сэр Кеннингам Грин сообщил мне, что, по словам барона Като, публикация была сделана по соглашению между обоими правительствами в Лондоне. Барон Като извинился, что своевременно не поставил о том в известность Грина, предполагая, что посол уведомлен своим правительством. Он объяснил и цель самого „communiqué". Перед созывом парламента правительство желало ознакомить японское общественное мнение с положением вопроса о железнодорожных концессиях в Южной Манчжурии; этим правительство надеялось устранить повторяемое прессой обвинение японской дипломатии в бездеятельности и неумении отбить у англичан и американцев концессии, получаемые их капиталистами в Китае[1].

Думаю однако, что объявление министерства иностранных дел имело равным образом в виду загладить впечатление неудачи, постигшей задуманную новым кабинетом миссию барона Сибусава в Пекине. Хотя престарелый банкир в целом ряде застольных речей и интервью заверял, что подозрительность китайцев по отношению к Японии значительно улеглась и что им подготовлены пути для взаимного экономического сближения, однако для интересов япон-

[1] В депеше от 12 июня/30 мая за № 43 Крупенский сообщил о речи барона Като, который указывал, что концессии в Китае приобретаются не правительствами Англии и США, а частными лицами, и предлагал японцам встать на тот же путь, обещая „полное содействие" дипломатии. В депеше от 29/16 апреля за № 43 Малевский-Малевич передавал содержание статьи графа Окума „о необходимости улучшения японско-китайских отношений". Статья эта была вызвана, по сообщению росс. посла, опасением, что „Китай отчудит все свои национальные богатства и подпадет под опеку западных держав", и вскрывала намерение „извлечь возможно больше выгод для собственной промышленности и торговли, а затем обратить по возможности Китай в орудие своих политических целей".

ской „China Industrial Development Company", председателем коей еще недавно состоял известный Сун Ят-сен, поездка барона Сибусава, повидимому, осталась совершенно бесплодной.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

№ 322. Министр иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

Письмо № 457[1]. 22/9 июня 1914 г.

Г. посол,

Я не преминул в свое время сообщить русской группе Общества по изучению вопроса о Трансперсидской ж. д. содержание меморандума[2], приложенного к ноте вашего превосх-ва от 11 апреля/29 марта[3] сего года по поводу означенной железной дороги.

Обсудив этот документ и обменявшись мнениями с другими группами Общества, председатель русской группы ныне обратился ко мне с заявлением, в копии при сем прилагаемым[4], из коего усматривается, что Société d'Etudes настаивает на устранении стеснительного условия, заключающегося в § 15 меморандума, и на необходимости незамедлительно войти в сношения с шахским правительством относительно выдачи опциона на все линии и концессии на постройку железной дороги на севере.

Со своей стороны императорское правительство признает сказанное пожелание Общества вполне основательным и присоединяется к мнению, что все вопросы, затронутые в меморандуме лондонского кабинета, могут быть рассмотрены и так или иначе решены в течение предложенного великобританским правительством годичного срока.

Ввиду этого обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшею просьбою довести до сведения вашего правительства,

---

[1] Черновой отпуск написан рукою Клемма.

[2] См. т. II, № 174.

[3] См. т. II, стр. 229, прим. 1.

[4] В „заявлении" Хомякова от 5 июня/23 мая сообщалось, что „Société d'Etudes не решается... на подачу ходатайства об опционе, так как по § 15... меморандума как будто предварительно должно состояться соглашение между Société d'Etudes и английскими компаниями Kerman Mining Sindicate и Persian Railways Sindicate, интересы коих соприкасаются в Южной Персии... Société d'Etudes ходатайствует о том, чтобы, согласно § 11 меморандума, великобританское правительство согласилось на немедленную поддержку ходатайства о выдаче опциона с тем, чтобы и вопросы соглашения Société d'Etudes с вышеуказанными английскими компаниями были бы выяснены в течение года после его выдачи".

что императорское правительство считает дальнейшую проволочку в вопросе об испрошении опциона на Трансперсидскую дорогу в общих чертах и концессии на сооружение северного ее участка в пределах русской зоны недопустимой и выражает настоятельное пожелание, чтобы Société d'Etudes было предоставлено ныне же предпринять необходимые шаги в Тегеране при поддержке миссий российской, великобританской и французской.

Не вдаваясь пока в подробное обсуждение упомянутого выше меморандума, я считаю лишь долгом привлечь теперь же ваше внимание на одну неточность, подмеченную мною в § 2 этого документа. Императорское правительство в согласии с мнением Société d'Etudes не имеет в виду направления линии от Тегерана на Исфаганъ, а считает, что таковая должна следовать по кратчайшему направлению от Тегерана на Иезд, причем Обществу может быть предоставлено соединить впоследствии магистральную линию с г. Исфаганью особою веткою.

Передавая об изложенном и в ожидании уведомления вашего о последующем в возможно непродолжительном времени, пользуюсь этим случаем, чтобы и пр.

[Сазонов].

№ 323. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 1234. 22/9 июня 1914 г.

Сообщается в Валону.

Австрийское и итальянское правительства предлагают поручить полковнику Филиппсу при помощи офицеров международных отрядов в Скутари сорганизовать отряд в три тысячи человек из албанцев без различия вероисповедания. Отряд был бы готов через 8—10 недель и служил бы для укрепления положения князя в приморских городах и подавления незначительных восстаний.

Издержки, за исключением оплаты офицеров и инструкторов, легли бы на албанское правительство под наблюдением контрольной комиссии.

Мы ответили, что, не имея возможности участвовать в этом деле, не располагая отрядом в Скутари, не будем возбуждать каких-либо возражений по существу, если Франция и Англия найдут возможным изъявить согласие.

[Сазонов.]

№ 324. Министр иностранных дел поверенному в делах в Афинах Урусову.

·/. Телеграмма № 1235 [1]. 22/9 июня 1914 г.

Сообщается послу в Константинополь.

Ссылаюсь на телеграмму Гирса № 409 [2].

Прошу вас сказать Венизелосу, что, в ответ на неоднократно оказывавшиеся нами за последнее время услуги греческому правительству, мы вправе рассчитывать, что оно с должным вниманием отнесется к афонскому вопросу, в коем замешаны наши существенные интересы, и без замедления даст нужные инструкции Панасу. Нам необходимо оправдать перед общественным мнением деятельную нашу поддержку Греции соответственным отношением ее к России.

[Сазонов.]

№ 325. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

Письмо № 422. 22/9 июня 1914 г.

Доверительно.

М. г. Михаил Николаевич,

Известный вашему превосходительству армянский деятель д-р Завриев передал мне записку, в коей излагает соображения относительно несоответствия между инструкциями, данными Портой генеральным инспекторам, и текстом ноты, имеющей быть врученной державам. Препровождая при сем для вашего сведения помянутую записку, имею честь покорнейше просить сообщить мне замечания ваши по ее содержанию и возвратить по миновании надобности в оной.

В свое время министерство со своей стороны обратило внимание посольства на неполноту помянутых инструкций, могущую вызвать известные сомнения. Некоторые недомолвки до сего времени еще не выяснены. Между прочим мы рассчитывали, что в текст инструкций будут введены, согласно телеграмме д. с. с. Гулькевича от [2 февраля] 20 января с. г. № 63 [3], две статьи, 14 и 19, нашего первоначального проекта, однако они не включены в него. В настоящее время в особенности представляет первостепенную важность вопрос о мухаджирах, как могущий вызвать самые серьез-

[1] Царск. экз.

[2] Тел. от 21/8 июня за № 409 Гирс сообщал, что на его „неоднократные предложения... продолжать обсуждение [афонского] вопроса, греческий посланник отговаривается неполучением ответа из Афин".

[3] См. т. I, № 163.

ные последствия, на что указывают последние турецкие распоряжения по отношению к грекам; повторение подобных же мероприятий Порты по отношению к армянам для нас еще более нежелательно. Между тем можно именно этого опасаться: по доходящим до нас сведениям, последние притеснения греческого населения на этой почве встревожили армян, которые также подвергаются, до известной степени, последствиям бойкота и пропаганды против христиан.

Вопрос о мухаджирах принял в последнее время слишком общий и серьезный характер, чтобы не представлялось необходимости обратить на него особенное внимание и выяснить, какими мерами можно было бы его урегулировать вообще, и в частности в армянских вилаетах, где его следовало бы поставить в той или иной форме под контроль генеральных инспекторов.

Покорнейше прося ваше превосходительство не отказать уведомить меня в скорейшем по возможности времени о заключении вашем по сему предмету, пользуюсь настоящим случаем и пр.[1].

Сазонов.

№ 326. Посол в Париже министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 156. 22/9 июня 1914 г.

Телеграфирую в Белград.

Н. Рафалович просит передать: „Я занимаюсь при помощи итальянцев и французов организацией группы для сербской части Дунайско-Адриатической дороги, согласно вашей телеграмме. Для албанского участка будет действовать синдикат 1908 года со включением других держав, согласно постановлениям Лондонской конференции".

Извольский.

---

[1] К публ. письму Сазонова приложена обширная записка Завриева. „Ознакомление с копией инструкций и контрактов, подписанных ген. инспектором и Портой — говорится в записке,—приводит к заключению:

1) что Порта придала инструкции характер сепаратного соглашения ее с ген. инспекторами насчет существа реформы и способов ее осуществления;

2) что Порта в очень большой степени сократила размеры принятой ею по договору реформы тем, что сузила права и значение ген. инспекторов и

3) что ей удалось оформить отграждение ген. инспекторов от влияния держав" [подчеркнуто в подлиннике].

В заключение Завриев указывает, „что создавшееся инструкцией и контрактом положение... дает России право вновь протестовать перед Портой за ее действия в армянском вопросе".

№ 327. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 172. 22/9 июня 1914 г.

Получил № 1227[1]. Копия в Париж.

Объяснился по ее содержанию с Пашичем, который говорит: высказываясь за образование нового общества в целях избежания австрийского вмешательства, Сербия имеет в виду поручить ему сооружение той части Дунайско-Адриатической дороги, которая проходит по сербской территории и на которую постановление Лондонской конференции не распространяется; что касается участка от сербско-албанской границы до побережья, сооружению такового капиталистами 6 великих держав, гарантировавших королевству свободный выход к морю, Сербия, конечно, не имеет оснований противиться. Достойно внимания, что в старом, 1908 года, синдикате австрийцы принимали лишь косвенное участие чрез посредство некоторых французских банков.

Гартвиг.

№ 328. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 173. 22/9 июня 1914 г.

Получил телеграммы Савинского №№ 115[2] и 116[3]. Копии в Софию, Бухарест и Афины.

Сербское правительство весьма признательно за энергические представления в Софии. Заверения Радославова, что Болгария твердо решила соблюдать строгий нейтралитет, произвели здесь успокоительное действие. Впрочем, Пашич, на основании полученных из Афин сведений, считает греко-турецкий конфликт утратившим остроту.

Гартвиг.

№ 329. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 408[4]. 22/9 июня 1914 г.

Вице-консул в Дарданеллах телеграфирует, что в пятницу получен приказ об общей мобилизации.

Гирс.

---

[1] См. выше стр. 348, прим. 3.

[2] См. выше № 314.

[3] См. выше стр. 366, прим. 3.

[4] Царск. экз.

№ 330. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 410 [1]. 22/9 июня 1914 г

Я телеграфирую Тухолке:

Митрополитам на местах патриархией отправлено распоряжение оказывать вам всяческое содействие.

Гирс.

№ 331. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Телеграмма № 282. 22/9 июня 1914 г.

Ссылаюсь на свой № 274 [2]. Телеграфирую в Тавриз:

Не вижу препятствий к заявлению Шоджею, что он в виду своих монархических убеждений отказывается произвести выборы и предлагает своим (?) [3] Сердара-Решида, кандидатуру коего мы здесь поддержим. Сами же персы конечно выдвинут другого кандидата. Что касается предложенных мной в телеграмме № 233 [4] компенсаций, то прихожу к заключению, что предъявление их в конкретной форме в настоящее время представляется бесцельным. Будет более полезным по возможности юридически обосновать и фактически осуществлять предлагаемые вами в телеграмме № 379 [5] компенсации с тем, чтобы побудить персов примириться впоследствии с совершившимися фактами. Ваши предложения, как относящиеся к Азербайджану, имеют более связи с отставкой генерал-губернатора той же провинции и явятся более естественными. Следовало бы однако закрепить эти компенсации пока Шоджа у власти.

Коростовец.

№ 332. Дипломатический агент в Монголии министру иностранных дел.

Депеша № 162 [6]. 22/9 июня 1914 г.

В последнее время монгольское правительство испытывает значительные затруднения: сражавшиеся в его отрядах внутренние

---

[1] Царск. экз.

[2] Тел. от 19/6 июня за № 274 Коростовец сообщал, что „кандидатура Сердара-Решида шахским правительством будет встречена отрицательно". Относительно отставки Шоджи Коростовец указывал на желательность „побудить самих персов предложить нам за столь серьезную уступку необходимую компенсацию".

[3] Так в подлиннике.

[4] См. выше № 103.

[5] См. выше № 55.

[6] Лит. копия.

монголы и туметы (жители Куку-хото, он же Гуй-хуа-чен) требуют уплаты жалованья и устройства их судьбы. Требования эти сделались настолько настойчивыми, что, по просьбе монгольского правительства, мне приходится убеждать туметов и внутренних монголов несколько обождать и написать своим сородичам быть покорными подданными китайского правительства, дабы не лишить российское и монгольское правительства возможности обеспечить их мирное существование во время тройных переговоров с китайцами.

Мои собеседники единогласно сетуют на то, что по вине монголов тройные переговоры не состоялись весной. Тогда не было бы настоящих осложнений, и они вернулись бы к себе на родину. Оставаться в Халхе ни туметы, ни внутренние монголы не желают, во-первых, из-за сурового климата, не позволяющего заниматься в должной мере земледелием, и, во-вторых, из-за жестокого и неумелого образа действий монгольских властей. В случае обеспечения туметам и внутренним монголам имущественной и личной безопасности и свободы исповедания своей желтой веры, все перешедшие на сторону Халхи вследствие льстивых и заманчивых предложений хутухты и ургинских властей вернулись бы немедленно в свои родные хошуны, с хорошим климатом, плодородной почвой и меньшими налогами и произволом властей, чем во Внешней Монголии. Об этом мне говорили как туметы, так и внутренние монголы.

Если бы китайские местные власти проводили в своих провинциях миролюбивую, примирительную по отношению к внутренним и южным монголам политику пекинского правительства, то вопрос о судьбе этих монголов, значительно более культурных, чем халхасцы, решился бы сам собою, и утопические мечтания некоторых монгольских министров, с Сайн-Ноин-ханом во главе, о присоединении к Халхе Внутренней Монголии рассеялись бы как дым. К сожалению, жестокости некоторых китайских чиновников сильно тормозят дело умиротворения и создают новые затруднения.

Посетивший меня вчера по приказанию хутухты монгольский министр иностранных дел сообщил мне следующее донесение влиятельного Егудзур-Хутухты из Ламахай-Куреня на северо-восточной границе Цэцэнхановского аймака.

Собравшиеся здесь около двух тысяч внутренних монголов и чахар, не получая от монгольского правительства ни денег, ни земли и не надеясь на скорое устройство своей судьбы, отправили для переговоров с китайскими властями девять депутатов, которых китайцы арестовали и казнили, вырезав им сердца. Ввиду

сего и отсутствия какой-либо помощи со стороны монгольского правительства, они решили сами добывать себе пропитание, отправившись с оружием в руках в китайские селения, на что и испрашивают благословения хутухты.

Я просил Ханда-цин-вана доложить его святейшеству не давать просимого благословения, а послать бедствующим внутренним монголам и чахарам денег и уговорить их обождать результата тройных переговоров. На вопрос Ханда-цин-вана, где же достать денег, так как монгольская казна пуста, и находящиеся в Урге солдаты голодают, не получая жалованья, я указал ему на советника монгольского правительства Козина, высказав ему мою полную уверенность, что он сумеет изыскать им средства.

Еще в конце апреля я передал г. Козину остаток двухмиллионной ссуды и телеграфный сбор, что составило около 150 000 рублей.

После отъезда Ханда-цин-вана я немедленно же посетил г. Козина и, посвятив его в это дело, просил выдать необходимую сумму, установив предварительно размер таковой сообща с министрами финансов и военным. Г. Козин выразил полную готовность поступить указанным образом.

Отношение монголов к генеральному консульству и русским за последние два месяца значительно улучшилось. Сайн-Ноин-хан и другие министры приходят постепенно к убеждению, что их правительство не может рассчитывать на интерес со стороны других европейских держав и Японии к Внешней Монголии. Сайн-Ноин-хан на почве дворцовой интриги получил неожиданно тринадцатидневный отпуск с обязательством обойти кумирню близ резиденции хутухты 360 раз. Это обстоятельство лишило меня возможности вести с ним переговоры о новом займе. Вместо себя он назначил своего спутника в Петербурге товарища министра иностранных дел Цэрэн-дорчжи.

Большое и благоприятное для нас впечатление среди лам и местного населения произвело посещение меня самым влиятельным ламой Манцзы-Шири-хутухтой на следующее же утро по приезде в Ургу. Я был у него с ответным визитом, преподнес подарки и установил с ним наилучшие отношения.

Донося вашему высокопревосходительству об изложенном, имею честь присовокупить, что копия с настоящего донесения представляется в императорскую миссию в Пекине.

Примите и пр.

[Миллер].

№ 333 Помощник 1 обер-квартирмейстера генерал-квартирмейстеру главного управления генерального штаба Данилову.

Письмо № 773. 22/9 июня 1914 г.

Секретно.

М. г. Николай Александрович,

По полученным в главном управлении генерального штаба из основательного, в смысле достоверности, совершенно секретного источника сведениям, в начале текущего года возникло „немецко-армянское общество", центр которого находится в Берлине.

Общество это, под личиной содействия развитию в культурном и экономическом отношениях армянского народа, о котором говорится в прилагаемом при сем воззвании общества, ставит действительной целью своей деятельности облегчение работы германскому правительству в его стремлениях подчинить своему влиянию Турецкую Армению, подготовить почву на Кавказе на случай войны России с Турцией, восстановив армян против русского правительства, а также и облегчение созданию такой обстановки, которая содействовала бы скорейшему отозванию из Персии русских войск, нахождение коих там тормозит „благотворную" работу германских агентов в Персии.

Учредители общества не только твердо убеждены в громадном значении его в будущем, когда, по их мнению, в Армении без воли Германии ничего нельзя будет сделать, но считают, что и в настоящее время это общество уже оказало большую услугу в вопросе о принятии армянских реформ со стороны Германии.

По сведениям из того же источника, в ближайшем будущем будет опубликована программа „немецко-армянского общества", или, как основатели часто называют его, „армяно-германского союза", а также выйдет первый № журнала, который будет издаваться под редакцией русского подданного Аветиса Сааковича Исаакяна. Последний привлечен в качестве обвиняемого по известному делу об армянской революционной партии „дашнакцутюн", был освобожден из-под стражи под залог в 5 т. рублей и скрылся от суда за границу.

Армяне—учредители „союза"—учитывают те препятствия, которые встретят в России со стороны правительства открытая пропаганда в обществе идеи „союза" и производство на цели его денежных сборов, поэтому они озабочены приобретением симпатий к „союзу" тех лиц, которые, по своему значительному положению, имеют влияние на широкие слои нашего общества и могут помочь снискать доверие общества к „союзу".

Весьма деятельное участие в деле организации „союза“ принимают германские консулы, а именно: в Тифлисе граф Шуленберг фон Берг, в Тавризе Литтен и в Эрзеруме (вице-консул) Андерс. Армянский епископ Карапет дает комитету союза массу адресов тех лиц с „значительным“ положением и поддерживающих стремления союза, которые дадут возможность проникнуть пропаганде союза в общество.

Об изложенном считаю долгом сообщить вашему превосходительству.

Примите и пр. Н. Монкевиц.

Приложение: Копия воззвания „немецко-армянского общества“ [1].

№ 334. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II.

23/10 июня 1914 г.

Ввиду применения германским правительством к иностранным подданным закона о единовременном налоге на военные нужды [2], императорскому послу в Берлине предписано было выразить от имени русского правительства протест против подчинения русских подданных этому чрезвычайному обложению [3]. Германское прави-

---

[1] К подлиннику приложена копия упомянутого воззвания.

[2] Тел. от 20/7 марта за № 43 Свербеев сообщил, что, по мнению послов, собравшихся у старейшины, „иностранные подданные должны быть освобождены от уплаты одновременного налога на военные издержки, и раз принцип этот будет признан здешним правительством, то тем самым отпадает и вопрос об уплате этого налога иностранными акционерными компаниями“. Послы высказались в том смысле, „что России следовало выступить первой“, ввиду того, что в русско-герм. торг. договоре „имеется статья, которой могли бы все воспользоваться в данном деле“. „Я находил бы это, — пишет Свербеев, — совершенно нежелательным, ввиду и без того натянутых наших отношений, моим же коллегам я указал, что подобная же статья имеется в итальянском договоре“.

[3] Нота росс. прав-ва вручена была Свербеевым герм. прав-ву 21/8 апр. Правительства, к которым обратились росс. представители, однако уклонились от поддержки предпринятого росс. прав-вом протеста. Никольсон, по сообщению Эттера, сначала обещал дать „незамедлительный ответ“ (тел. от 15/2 апр. за № 105), а затем „доверительно“ сказал, „что английскому правительству, к сожалению, придется воздержаться от этого шага“ (тел. от 20/7 апр. за № 107). Под тем или иным предлогом уклонились и Италия, Япония, Дания, Румыния, Швейцария, Болгария. Кроме России, выступила с протестом Голландия. , Франция и Бельгия поддержали эти протесты, основываясь на принципе наибольшего благоприятствования“ (деп. из Берлина от 2 июня/20 мая за № 36). Тел. от 15/2 мая за № 147 Гартвиг сообщал о решении сербск. прав-ва также протестовать „против взимания Германией военного налога“. Нотой от 6 июня/24 мая герм. прав-во ответило отказом.

тельство, как и следовало ожидать, осталось на своей точке зрения и не сочло возможным освободить русских подданных от уплаты военного налога.

В уверенности, что выставляемые нами доводы имеют несомненную юридическую силу, я считал бы необходимым продолжить оспаривать право германского правительства привлекать к уплате означенного налога русских подданных и полагал бы возможным предложить подвергнуть разрешение этого вопроса гаагскому третейскому суду.

Вследствие сего осмеливаюсь испрашивать всемилостивейшего вашего императорского величества соизволения на вышеизложенное направление дела[1]. Сазонов.

С[огласен.]

Царское Село, [23]10 июня 1914 г.

№ 335. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 123. 23/10 июня 1914 г.

Сообщается в Париж и Цетинье.

Телеграмма Гирса получена[2].

Ссылаюсь на телеграммы Извольского № 131[3] и вашу 121[4].

Прошу вас выяснить противоречие между сообщениями Потапова и заявлениями Грея и французского министра иностранных дел. Сазонов.

№ 336. Министр иностранных дел послу в Токио Малевскому-Малевичу.

/. Телеграмма № 1238. 23/10 июня 1914 г.

Телеграмма № 83[5] получена.

---

[1] Росс. посольство в Берлине нотой от 27/14 июня предложило герм. прав-ву передать вопрос на разрешение гаагского третейского суда.

[2] Имеется в виду тел. посланника в Цетинье от 19/6 июня (номер в лит. копии отсутствует), передающая сообщение ген. Потапова о том „что полковник Гренет получил инструкцию, им самим будто бы вызванную, настаивать на отграничении Вермоша к Албании. Решившись с самого начала отстаивать присоединение Вермоша к Черногории, русский и французский делегаты ходатайствуют о снабжении английского делегата соответствующими указаниями".

[3] См. выше № 110.

[4] См. т. II, № 403.

[5] Тел. от 19/6 июня за № 83 Малевский-Малевич сообщал, что „немецкое телеграфное агентство „Deutsche Japan Post" в последнее время ежедневно помещает здесь телеграммы из Берлина с крайне тенденциозными злонамеренными сведениями о России", и просил уполномочить его „поместить в... газетах официальные предупреждения посольства, предостерегающие читателей придавать веру всевозможным неблагоприятным слухам, тенденциозно и систематически распространяемым агентством „D. J. P.".

Можете напечатать предположенное вами сообщение.

Сносимся с послом в Берлине, поручая ему обратить внимание германского правительства на враждебное России направление действующего в Японии немецкого телеграфного агентства[1].

Сазонов.

№ 337. Комиссар в Албании министру иностранных дел.

Депеша № 84. 23/10 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Считаю долгом отметить особенную роль, которую играет Австрия в последних событиях, театром которых сделался Дураццо.

В настоящее время австрийский посланник является главным и единственным советником князя. Следуя его внушениям, албанское правительство, не рассчитав своих сил, предприняло так называемую военную экспедицию, которая поставила его почти в безвыходное положение.

Не довольствуясь одними платоническими советами, Австрия оказывает князю в его борьбе с подданными деятельную поддержку. Ею доставлено в Албанию 12 пушек, из коих шесть находятся в Дураццо. Она позволила своим офицерам взять на себя роль инструкторов, несмотря на неоднократные протесты контрольной комиссии, указавшей, что этим нарушаются постановления Лондонской конференции.

Таких офицеров, в форме и в штатском платье, насчитывается здесь до 20 человек. Они находятся на позициях и управляют артиллерийским огнем.

Несколько дней тому назад, появившийся на здешнем рейде пароход Австрийского Ллойда „Герцеговина" поднял албанский флаг; на нем были поставлены две пушки; под командой 2 австрийских офицеров этот импровизированный военный корабль обстреливал позиции повстанцев со стороны Каваи. Такие упражнения он производит почти ежедневно, на виду стоящей здесь европейской эскадры.

Австрия призвала также мирдитов и малисоров, которые и составляют здесь главные кадры защитников.

Италия как бы стушевалась под этим энергичным выступлением Австрии. Мне весьма часто приходится видеться и говорить как с итальянским посланником, так и с членами итальянской миссии. Все они открыто возмущаются действиями их союзницы, которая

[1] См. ниже № 362.

совершенно забрала в свои руки князя и албанское правительство, явно нарушив в свою пользу политическое равновесие в Албании.

С другой стороны, итальянцы высказывают свое сочувствие повстанцам, и время от времени итальянские миноносцы делают разведки по побережью, занятому повстанцами. Есть некоторое основание думать, что они поддерживают с ними сношения. Каждая неудача правительственных сил встречает нескрываемый восторг в итальянской колонии.

Барон Алиотти старается убедить князя, но, повидимому, безуспешно в том, что он должен опереться на контрольную комиссию, представляющую здесь всю Европу, и следовать ее советам. Последние события показали, что, несмотря на предшествовавшие успехи своей пропаганды, Италия все же не подготовлена к политическому единоборству с Австрией в Албании. В интернационализации этой страны она видит гарантии против австрийского захвата. В этом отношении посланники Италии и Австрии ведут совершенно противоположную политику: один внушает князю, что его спасение—в совместной работе со всею Европой, а другой—что, только полагаясь на Австрию, он может удержаться на троне. Повидимому, приезд германского посланника должен внести некоторое успокоение во взаимную австро-итальянскую рознь, о чем я доношу особым рапортом [1].

Примите и пр.

А. Петряев.

№ 338. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 413. 23/10 июня 1914 г.

По содержанию открытой идентичной телеграммы наших комиссаров по турецко-персидскому разграничению, английский посол и я делаем завтра совместное представление великому визирю.

Гирс.

№ 339. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II [2].

/. 24/11 июня 1914 г.

Имев счастие присутствовать [14] 1 сего июня при высочайшем свидании вашего императорского величества с королем румынским в Констанце и совершив затем, согласно полученным мною все-

[1] См. ниже № 396.

[2] Опубл. „К-поль и проливы", т. I, стр. 356—363.

милостивейшим указаниям, поездку в Бухарест, я имел возможность лично убедиться в огромном впечатлении, которое произвело на все слои местного населения посещение Румынии вашим величеством с августейшею семьею.

Не говоря о радости и глубокой признательности, обнаруженных по этому случаю королем, ни о восторге, проявленном войсками и теснившеюся на улицах толпою, надо отметить, что во встрече в Констанце приняли участие не только правительственные круги, но и представители оппозиции, как бы для того, чтобы подчеркнуть, что прибытие русского царя является праздником для всей Румынии, желающей приветствовать его без различия партий. Что именно таков был смысл появления в Констанце, наряду с членами правительства в полном составе, представителей самых разнообразных учреждений, а также наиболее выдающихся главарей нынешнего меньшинства в палате,—это ясно подтвердилось из моих бесед со всеми государственными и общественными деятелями, с которыми я имел случай видеться.

Переходя от общих впечатлений к содержанию разговоров с отдельными лицами, в руках которых сосредоточивается ныне направление румынской политики, я должен прежде всего упомянуть о тех словах, которыми удостоил меня в неоднократных беседах король Карл.

Его величество не скрывал счастия, испытываемого им, по поводу радостного для его страны события. Он также выражал свою глубокую благодарность за бескорыстную и примирительную политику, которой, согласно высочайшим предначертаниям вашего императорского величества, Россия придерживалась за время недавнего кризиса на Балканах, что в значительной мере способствовало наступившему, наконец, замирению полуострова. Румыния, по словам короля, была счастлива со своей стороны принести посильную помощь в этом направлении и была бы всегда рада и впредь сотрудничать с Россией в целях поддержания мира и порядка на Балканах. Такое сотрудничество представляется королю Карлу тем более естественным, что Россия и Румыния связаны общностью интересов в одной области, одинаково важной для той и другой в качестве прибрежных к Черному морю государств, не имеющих иного выхода для морской торговли, как через турецкие проливы.

Король сказал мне, что он с особенным удовлетворением услышал от вашего императорского величества, что в этом отношении следовало бы установить между Россией и Румынией согласованность действий для достижения тождественных целей—оградить тор-

говое движение через проливы от всяких случайностей. Вполне разделяя это мнение, его величество просил меня переговорить в этом смысле с членами его правительства.

Ни разу не упомянув об Австро-Венгрии, король, напротив того, неоднократно затрагивал вопрос о наших отношениях с Германией, причем он старался уверить меня, что император Вильгельм относится сочувственно к сближению России и Румынии и особенно к укреплению добрых отношений между обоими царствующими домами названных государств. По его словам, германский император лично поощрял принца Кароля в его поездке в Петербург, повторяя ему, что будущий повелитель Румынии должен спешить представиться российскому императору, влияние которого на Ближнем Востоке столь велико.

Я не мог не указать королю на целый ряд причин, которые без нашей вины несколько охладили за последнее время наши взаимные отношения с Германией. Его величество выразил по этому поводу искреннее сожаление, прибавив однако, что эти недоразумения, надо надеяться, окажутся преходящими и что прежнее согласие будет вскоре восстановлено. При этом он заметил, что мысль о посылке в Константинополь генерала Сандерса принадлежала лично императору, чем и объясняется известная его раздражительность в этом вопросе, когда названная миссия встретила с нашей стороны сильные возражения.

Говоря о недавнем приезде в Румынию Талаат-бея, король сказал мне, что этот турецкий государственный деятель произвел на него впечатление человека умеренного и благоразумного, но что, повидимому, он должен считаться с беспокойными членами оттоманского кабинета, и прежде всего с Энвер-пашою и Джемаль-беем, подпольными действиями[1] которых он приписывает обострение положения в Албании.

По поводу последней король хотя и сознает опасность, грозящую его племяннику, однако высказался скорее с упованием на будущее и надеждой на то, что князю Виду удастся, наконец, упрочиться на престоле.

Относительно других балканских государств король ограничился немногими словами. Он особенно сочувственно отозвался о Сербии, заявив, что Румыния не могла бы спокойно отнестись к ослаблению этого королевства. О греках его величество говорил в менее теплых выражениях, за исключением лишь о Венизелосе,

[1] Так в подлиннике.

пребывание которого у власти он считает залогом спокойного развития Греции.

Что касается болгар, то король хвалил боевые качества их солдат, но не скрыл своего недоброжелательства к королю Фердинанду.

Из государственных деятелей, с которыми мне пришлось познакомиться, первое место по своему положению занимает в настоящую минуту Братиану, который хотя и взял себе в составленном им кабинете портфель военного министра, однако на деле почти единолично ведет всю внешнюю политику Румынии.

Повторив со своей стороны приблизительно то же, что я слышал от короля о желательности согласования нашей деятельности для сохранения мира на Балканах, Братиану указывал на необходимость, по его мнению, обеспечить нерушимость постановлений Бухарестского мирного договора.

Не сочтя удобным связать себя какими-либо бесповоротными заверениями в этом смысле, я предпочел обойти последний частный вопрос молчанием, но зато подробно остановился на общем свойстве наших взаимных отношений с Румынией. Я обратил внимание моего собеседника на то, что серьезных причин для недомолвок между обоими соседними государствами никогда не было и что нас только искусственно отдаляли те, кому это было на-руку, вселяя между нами недоверие утверждением, с одной стороны, будто Россия имеет против Румынии враждебные виды, а с другой стороны, будто Румыния окончательно связала свою судьбу с державами Тройственного союза. Когда же мы убедились, что наши интересы и интересы Румынии не только не противоположны, но даже во многих отношениях тождественны, мы вполне определенно, и притом не на словах лишь, а на деле, показали, что мы готовы итти с Румынией рука об руку, не исключая случаев, где для этого нам пришлось до известной степени поступиться твердо укоренившимся у нас стремлением поддерживать интересы Болгарии. Я подчеркнул, что мы вступили на этот путь, даже не дожидаясь предварительного выяснения вопроса, может ли и Румыния, в свою очередь, с одинаковой откровенностью пойти вместе с нами, и не связана ли она такими международными обязательствами, которые исключали бы возможность доверчивого сотрудничества с нами.

Братиану ответил мне, что Румыния никоим образом не обязана принять участие в какой-либо войне без того, чтобы ее личные интересы были прямо затронуты. Он прибавил, что под влиянием ошибок австро-венгерской дипломатии отношения между Румынией

и Двуединой монархией стали за последнее время менее дружественными, но что условия, создаваемые соседством обеих стран, поневоле заставляют их стремиться не доводить дело до чрезмерного обострения их взаимоотношений.

Не сочтя этого ответа достаточно ясным и желая вызвать моего собеседника на более определенные объяснения, я поставил ему прямо вопрос: каково было бы отношение Румынии к вооруженному столкновению между Россией и Австро-Венгрией, если бы первая из них была вынуждена обстоятельствами начать военные действия?

Братиану заявил, что поведение Румынии в таком случае определится в зависимости от того, какие именно обстоятельства послужили бы поводом для России открыть военные действия против Австро-Венгрии, а также, что при данной обстановке будет наиболее соответствовать интересам Румынии. При этом министр, видимо, пораженный моим вопросом, в свою очередь спросил меня, допускаю ли я возможность наступления в близком будущем подобных обстоятельств и, в связи с этим, вероятность общеевропейской войны. Я поспешил успокоить Братиану, сказав ему, что имею основание надеяться на сохранение мира в Европе и что в смысле вооруженного столкновения России с Австро-Венгрией по почину России я могу себе представить таковое только в том случае, если на почве албанского вопроса или под каким-либо другим предлогом Австрия пожелает напасть на Сербию с целью нанесения этому королевству чувствительного урона, к чему мы, вероятно, не могли бы остаться равнодушными.

Братиану отметил, что в подобном случае наши дороги опять встретились бы, так как для Румынии также нет никакого расчета допускать ослабление Сербии.

Общий вывод, вынесенный мною из этого разговора, что Румыния не связана такими обязательствами, которые могли бы заставить ее выступить вместе с Австрией против нас при всяких обстоятельствах, но что на деле, в случае войны между нами и Австро-Венгрией, Румыния постарается присоединиться к той стороне, которая окажется сильнейшей и которая будет в состоянии посулить ей наибольшие выгоды.

К числу других вопросов, в которых наиболее ярко выступает общность интересов России и Румынии, относится прежде всего вопрос о свободе торгового движения чрез проливы. Я уже упомянул вышесказанное мне по этому поводу королем Карлом. Братиану, в свою очередь, остановился на этом предмете, и так как

в настоящую минуту благодаря обострению греко-турецких отношений представлялась опасность нарушения русских и румынских интересов в области проливов,—мы решили воспользоваться этим обстоятельством, чтобы совместным выступлением в защиту указанных интересов одновременно показать на этом примере установившееся между двумя нашими правительствами единомыслие. Таким образом был выработан сообща текст тождественной телеграммы [1], в которой поручалось российскому и румынскому представителям в Константинополе, по взаимному соглашению, обратить внимание Порты на то, что дальнейшее обострение отношений Турции и Греции может привести к новому закрытию проливов, а это затронет существенные интересы других государств и прежде всего прибрежных по Черному морю, которые не будут в состоянии остаться к этому равнодушными.

Имея в виду косвенную пользу от впечатления, которое оно должно было произвести и за пределами Турции, наше совместное выступление с Румынией по означенному вопросу может быть достаточно обосновано именно тем, что географическое положение обеих стран создает им в настоящем вопросе особые интересы. Румынии же подобное выступление вдвоем с великой державой не могло не показаться желанным, ибо, льстя самолюбию королевства, оно еще увеличивало обаяние последнего среди остальных балканских государств.

В связи с возможностью открытого разрыва между Турцией и Грецией Братиану еще раз подтвердил мне сказанное им еще раньше императорскому посланнику в Бухаресте относительно сделанного недавно Талаат-бею заявления, что Румыния не допустит войны между названными странами на суше.

Говоря о греках, Братиану отзывался о них отрицательно, отдавая дань уважения одному лишь Венизелосу. При этом он выразил предположение, что греки и турки могли бы, может быть, найти почву для примирения в создании для островов Хиоса и Митилены положения, напоминающего то, которое с успехом просуществовало более 30 лет в Боснии и Герцеговине: острова считались бы под сюзеренитетом Турции, внешним проявлением которого было бы пребывание на них оттоманского комиссара с небольшою личною военной охраной, гражданское же управление и войска были бы в руках греков.

Я выразил моему собеседнику сомнение в исполнимости по-

[1] См. выше № 290.

добных предположений, прибавив однако, что если бы турки и греки согласились на таковые, то Россия едва ли имела бы основание противиться их осуществлению.

Воспользовавшись личным свиданием, мы коснулись также отдельных стоящих на очереди вопросов из области непосредственных русско-румынских отношений.

В этом смысле мы затронули дело разграничения по реке Пруту, который, постоянно меняя свое течение, преимущественно в ущерб русского берега, создает весьма неустойчивую границу. Возражая против нашей точки зрения, что границей должен считаться тальвег Прута 1812 и 1878 годов, Братиану указывал на затруднительность установить теперь эту линию и настаивал на том, что если бы даже последнее и удалось, возвращение к этой пограничной линии создало бы больше практических неудобств, чем пользы, так как отдельные куски территории одного государства оказались бы по различным сторонам реки, что вызвало бы бесконечные недоразумения и столкновения между обеими пограничными стражами.

Я ответил, что недавно только закончено разграничение между Россией и Германией по Неману, проведенное согласно последнему слову топографического искусства, и что, по всем вероятиям, у нас пожелают применить и к Пруту, насколько это окажется возможным, те же приемы.

Румыны, повидимому, живо интересуются давнишним уже вопросом об улучшении железнодорожных сообщений между их страною и Россией и надеются, что теперь, при улучшившихся взаимных отношениях обоих государств, будут устранены некоторые из причин, мешавших до сих пор благоприятному разрешению этого вопроса. Братиану, как и большинство румын, отдает предпочтение смычке русских и румынских дорог в направлении Дорохой—Новоселица, указывая на то, что если не удастся получить выход из Дорохоя на русскую железнодорожную сеть, Румынии придется искать смычки с австрийскою сетью в непосредственной близости от русской границы.

Отметив опасность для нас, по стратегическим соображениям, соединения железнодорожных путей в указанном направлении, я выразил мнение, что было бы, вероятно, легче согласиться на смычку наших железных дорог с румынскими между Рени и Галацом. Братиану отнесся к этому также очень сочувственно, сказав, что и такое разрешение назревшего вопроса было бы весьма желательно, только бы оно не слишком откладывалось, ибо нынешнее

единственное железнодорожное сообщение через Унгени уже теперь не отвечает товарообмену между обеими соседними странами и не может способствовать желательному увеличению последнего.

По делу о приобретении нашим крестьянским банком расположенных в Бессарабии имений румынского монастыря св. Спиридония Братиану не отвергал данных нам предыдущим кабинетом обещаний оказать содействие к завершению этой сделки, но указывал, что если бы последняя состоялась на предложенных нами условиях, то есть за 8 000 000 рублей, проценты с вырученного капитала оказались бы значительно меньше доходов, получаемых ныне с упомянутых имений. Между тем это поставило бы в большое затруднение богоугодные заведения монастыря св. Спиридония, поддерживаемые ныне на эти доходы. Поэтому Братиану усердно ходатайствовал о том, чтобы императорское правительство, по крайней мере, повысило предлагаемую им покупную цену до 10 000 000 рублей.

Я возразил, что, основываясь на полученных в свое время заверениях, мы считали дело решенным, и что перерешение его теперь представляет затруднения, тем более, что в случае повышения цены, распродажа земли крестьянами, может быть, станет невозможной без убыточной для банка приплаты из собственных средств.

Братиану тем не менее настаивал на своей просьбе, ссылаясь на невыгодное для нас впечатление, которое произведет в Румынии закрытие богоугодных заведений, лишенных средств существования вследствие уступки нам по низкой цене монастырских имений.

Из дел, которых я имел случай коснуться в моих непродолжительных беседах с министром иностранных дел г. Порумбару, принимавшим вообще мало участия в моих политических разговорах с Братиану, только вопрос об упорядочении условий рыбной ловли в пограничных водах составил предмет несколько более подробного рассмотрения. При этом нами была установлена желательность обставить рыбную ловлю так, чтобы дать возможность нашим рыбакам заниматься своим промыслом, не становясь в противоречие с существующим в Румынии положением монополии на рыбу.

Подводя итог всему, что мне пришлось видеть и слышать за трехдневное мое пребывание в Румынии, приемлю в долг доложить вашему императорскому величеству, что я вынес из этой поездки наилучшие впечатления, свидетельствующие о благоприятном для

нас настроении румын и позволяющие надеяться на дальнейшее развитие наших добрососедских отношений.

Сазонов.

№ 340. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1247[1], 24/11 июня 1914 г.

Ввиду натянутости отношений между азербайджанским генерал-губернатором Шоджа-эд-Доуле и центральным персидским правительством и в видах скорейшего осуществления выборов в Азербайджане, мы были бы склонны согласиться на замену его другим лицом, тем более, что Шоджа-эд-Доуле, ссылаясь на расстроенное здоровье, сам помышляет о поездке для лечения[2]. Однако вопрос о поддержании порядка в этой сопредельной нам области настолько для нас важен, что мы могли бы допустить замену Шоджа-эд-Доуле только лицом, по нашему мнению, вполне подходящим, т. е. хорошо знакомым с местными условиями, обладающим нужным авторитетом в глазах населения и пользующимся полным нашим доверием.

Таким лицом является бывший ардебильский губернатор Сердар-Решид, который зарекомендовал себя перед нами с лучшей стороны и пользуется большою популярностью в Азербайджане. Другого подходящего лица нет.

Поручая вместе с сим Коростовцу предложить шахскому правительству такую комбинацию, мы считали бы полезным, чтобы великобританская миссия в Тегеране поддержала сказанное предложение.

Благоволите объясниться в этом смысле с Греем и о последующем телеграфировать.

Сазонов.

---

[1] Маш. копия.

[2] Тел. от 17/4 июня за № 1200 Клемм запрашивал Коростовца о возможности рассчитывать на согласие персидского прав-ва заменить Шоджа-эд-Доуле Сердар-Решидом. Этот запрос последовал в результате тел. Орлова от 15/2 июня за № 449, в которой сообщалось о том, что „Шоджа-эд-Доуле категорически отказался произвести выборы, считая это для себя как монархиста невозможным", и просил разрешения „отправиться для лечения в Россию месяцев на шесть, назначив на это время заместителя". Орлов предлагал назначить Сердар-Решида, который, произведя выборы, заслужил бы „расположение Тегерана" и тем самым сделал бы свою кандидатуру в пишкары приемлемой.

№ 341. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

*/. Телеграмма № 1249. 24/11 июня 1914 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1011 [1].

Болгарский посланник по поручению своего правительства ходатайствует о разрешении повысить пошлину на керосин, утверждая, что наш вывоз от этого не пострадает, ибо при равномерном повышении обложения керосина всех стран, румынский керосин худшего качества не в состоянии будет выдержать конкуренцию с нашим. Утверждая, что другие державы дали уже согласие на повышение пошлин по предметам своего вывоза, болгарское правительство указывает, между прочим, на необходимость нового налога для уплаты по долговым обязательствам и на нежелательность создать впечатление, будто мы тормозим удовлетворение насущных экономических нужд Болгарии.

Мы ответили посланнику, что мы не можем предрешать взгляда нашего министерства торговли на этот вопрос, но что в то же время не можем не отметить, что на наше отношение к облегчению новых долговых обязательств Болгарии не может не оказать влияния вопрос о том, где будут заключены эти обязательства.

Сазонов.

№ 342. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

*/. Телеграмма № 1250. 24/11 июня 1914 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Греческое правительство ходатайствует о том, чтобы драгоманам посольств, сопровождающим Талаата, было поручено следить за осуществлением обещания Порты об обратном водворении насильственно изгнанных греков. Кроме того, возвращаясь к прежнему предложению турок образования [2] смешанной греко-турецкой комиссии для определения взаимных убытков эмигрантов как турецких, так и греческих, греческое правительство просит, чтобы во главе смешанной комиссии был поставлен европейский председатель из подданных однако из маленьких государств по выбору великих держав, с решающим голосом в случае разногласий.

Прошу вас сообщить заключение по обеим просьбам, заслуживающим на наш взгляд внимания.

Сазонов.

---

[1] См. выше стр. 130, прим. 1.

[2] Так в подлиннике.

№ 343. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.
Письмо [1]. 24/11 июня 1914 г.
Confidentielle.

Je vous remercie beaucoup de vos lettres du [12 juin] 29 mai [2] et du [17] 4 juin [3]. Elles sont venues à point pour me compléter le tableau de nos malentendus avec le gouvernement anglais au sujet des affaires de Perse. J'ai cru bon d'en faire copier la majeure partie pour les soummettre à l'empereur, auquel, dans mon доклад de tout à l'heure je vais exposer la question en détail.

S'il ne s'agissait que d'enrayer les excès de zèle de quelques uns de nos consuls, la chose ne serait pas bien difficile, mais il y a malheureusement plus et ce plus — qui me trouble — est ma conviction, acquise depuis quelque temps déjà, d'un renouveau de rivalité anglo-russe en Perse. Ni Grey, ni aucun Anglais n'en conviendra, mais c'est ainsi.

L'accord de 1907 n'a pas donné à l'Angleterre les avantages qu'elle en attendait au point de vue de ses intérêts locaux, car l'intérêt capital de la sécurité politique de sa frontière de l'Inde a, depuis notre rapprochement, cessé d'être le sujet des préoccupations constantes de tout gouvernement anglais, pour passer à l'état de souvenir historique. Les Anglais se sentent en sûreté, mais d'un autre côté ils commencent à s'aperçevoir que leur commerce et surtout leur influence en Perse diminue pour faire place aux notres.

De là l'inquiétude que vous me signalez et qui se manifeste de tant de manières différentes. De là aussi leur désir de reviser l'accord de 1907, car c'est bien de cela qu'il s'agit en ce moment.

Autant que je les comprends, en l'absence d'aucune indication précise, c'est moins l'élargissement de leur propre zone qu'ils ont en vue qu'une mainmise économique sur la zone neutre au point de vue concessions de chemins de fer et d'exploitations minières. C'est de là que surgiront les difficultés entre nous, car si je suis fermement décidé à leur faire dans le nord toutes les concessions compatibles avec nos intérêts de Puissance limitrophe, je ne pourrai guère leur abandonner la zone neutre, où nos intérêts commerciaux s'affirment de jour en jour d'avantage.

S'attendent-ils à une résistance de notre part? Je ne le sais pas n'ayant jamais accordé franchement la question avec Buchanan, mais je le souhaiterais sincèrement car cela me faciliterait beaucoup les négo-

[1] Лит. копия.
[2] См. выше № 209.
[3] См. выше № 291.

ciations qui vont s'ouvrir et en vue desquelles Buchanan a dû abandonner l'idée d'aller en congé.

Quoiqu'il en soit, je jouerai cartes sur table et il n'y aura pas de place à l'équivoque. Entre gens qui veulent s'entendre il ne s'agit pas de finasser et vous savez à quel point le souci de maintenir des relations confiantes avec l'Angleterre a de tout temps dominé mes préoccupations politiques.

J'espère que le gouvernement anglais reconnaîtra la bonne volonté que j'ai apporté à une révision ou plutôt, — car il faut bien dire le mot, à l'annulation de notre arrangement concernant le Thibet. Je me suis laissé guider dans cette question par des considérations découlant de la situation spéciale de l'Angleterre en sa qualité de Puissance voisine de Thibet. Vous comprendrez bien que je me prévaudrai du même titre quand il s'agira de parler de nos droits en Perse.

J'espère que les Anglais se montreront raisonnables et arriveront surtout à décourager, de quelque côté qu'elle vienne, la campagne du „Times", dont les correspondances de Téhéran produisent ici une détestable impression.

Mes dernières informations sur la marche des élections au médjliss indiquent un insuccès presque total. Il n'y a pas que l'Azerbaïjan qui soi-disant sous l'influence russe, aurait refusé de procéder au scrutin, mais encore la grande majorité des autres provinces persanes. Des faits aussi palpables devraient bien ouvrir les yeux aux Anglais sur l'état actuel du pays et leur faire abandonner quelques unes de leurs utopies. Ne dédaignez pas cet argument dans vos conversations avec Grey.

Le rapport de Wolkoff dont vous m'avez envoyé copie [1], — ne m'a pas produit une bonne impression. Depuis que la Triple Entente existe, il y a toujours eu, de la part du gouvernement français, de fâcheuses indiscrétions. Ce phénomène s'est produit une dizaine de fois et dans le cas actuel il n'y a vraiment pas de quoi s'émouvoir.

L'accueil fait aux propositions françaises par Grey et le cabinet anglais était de nature à nous laisser espérer la conclusion prochaine d'un accord de nos états majors généraux. La tendance qui se manifeste aujourd'hui d'ajourner cette conclusion n'est pas faite pour nous rassurer. Je ne puis pas vous cacher qu'il me sera extrêmement difficile, si non impossible, de demander le consentement de l'empereur. aux concessions très importantes que nous sommes disposés de faire à l'Angleterre dans le Thibet, si elle se dérobe à la signature de la convention navale, dont la France a pris l'initiative.

[1] Вероятно, имеется в виду рапорт, помещенный выше, см. № 175. Другого рапорта в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

Ma chanson d'aujourd'hui a pris le caractère d'une complainte. Pour en atténuer la tristesse, je dois la finir par vous renouveler, s'il en est besoin encore, la promesse de rester fidèle, jusqu'aux dernières limites du possible, à ma détermination de cultiver et de resserrer nos liens d'amitié avec l'Angleterre. Ce but comporte certains sacrifices que nous sommes tout disposés à faire. Que les Anglais ne nous en demandent pas de trop grands!

L'empereur que je viens de voir recevra Buchanan demain. Que nous apportera la lettre du roi?[1] J'espère le savoir prochainement.

J'ai parlé à s. m. dans le sens de ma lettre à vous, tout en usant de tous les ménagements possibles pour ne pas créer une impression défavorable.

Toutefois je l'ai laissé assez préoccupé. Il approuve ma décision de ne pas me montrer intraitable dans les questions d'ordre formel, telle que celle de l'attitude des consuls et autres du même calibre, mais se demande, si les Anglais n'ont pas en vue de nous priver des avantages que nous avons si laborieusement acquis dans notre zone, ni mettre un terme à nos efforts, jusqu'ici assez heureux, d'en acquérir de nouveaux dans la zone neutre.

Quand nous saurons à quoi nous en tenir sur l'attitude de l'Angleterre, je ferai résumer notre point de vue dans un aide-mémoire responsif que je remmettrai à Buchanan et dont je vuos ferai tenir une copie.

Que les Anglais n'oublient pas Koweit, tout le golfe Persique, l'Afganistan et le Balutchistan. Rappeler leur à l'occasion le rôle auquel ces pays ont été asservis. Il y a loin de Londres à Téhéran, mais de Moscou à Tabriz la distance n'est pas bien grande.

Veuillez agréer etc.

Sazonow.

Перевод.

Очень благодарен вам за ваши письма от [11 июня] 29 мая и от [17] 4 июня. Они пришли очень кстати для того, чтобы уяснить мне картину наших недоразумений с английским правительством по персидским делам. С большей части этих писем я счел нужным снять копии для представления их императору, которому я сейчас в своем докладе подробно изложу вопрос.

Если бы дело шло только о пресечении излишнего усердия некоторых наших консулов, то это было бы не очень трудно, но, к несчастью, имеется нечто большее, и этим большим, беспокоящим меня, является мое убеждение, сложившееся уже с некоторого времени, что англо-русское соперничество в Персии возобновляется. Ни Грей и никакой другой англичанин с этим не согласятся, но это так.

[1] См. выше № 272.

Соглашение 1907 г. не дало Англии тех выгод, которых она от него ожидала с точки зрения своих местных интересов, так как основная забота о политической безопасности ее индийской границы перестала представлять со времени нашего сближения предмет постоянного беспокойства любого английского правительства, превратившись в историческое воспоминание. Англичане чувствуют себя в безопасности, но, с другой стороны, они начинают замечать, что их торговля и их влияние в Персии уменьшается, уступая место нам.

Отсюда проистекает то беспокойство, на которое вы мне указываете и которое проявляется в столь разнообразных видах. Отсюда происходит также их желание пересмотреть соглашение 1907 г., так как сейчас дело идет именно об этом.

Насколько я понимаю, при отсутствии каких-либо точных указаний, англичане в меньшей степени стремятся к расширению своей собственной зоны, чем к экономическому господству в нейтральной зоне в виде концессий на железные дороги и на эксплоатацию горных богатств. Из этого возникнут между нами затруднения, так как я твердо решил делать им на севере все уступки, совместимые с нашими интересами пограничной державы, но я отнюдь не могу уступить им нейтральной зоны, где наши торговые интересы с каждым днем все более расширяются.

Ожидают ли они с нашей стороны сопротивления? Я этого не знаю, так как никогда откровенно не обсуждал этого вопроса с Бьюкененом, но я искренно бы этого желал, так как это мне сильно облегчило бы переговоры, которые скоро начнутся и ввиду которых Бьюкенен должен был оставить мысль об отпуске.

Как бы то ни было, я буду играть с открытыми картами, и двусмысленности не будет места. Между людьми, желающими притти к соглашению, не должно быть места хитростям, и вам известно, в какой степени стремление сохранить с Англией отношения взаимного доверия всегда господствовало среди моих политических забот.

Я надеюсь, что английское правительство признает добрую волю, внесенную мной в дело пересмотра или, скорее,—если уж приходится сказать это слово,—в дело отмены нашего соглашения, касающегося Тибета. Я руководствовался в этом вопросе соображениями, вытекающими из особого положения Англии в качестве державы, соседней с Тибетом. Вы хорошо поймете, что я буду исходить из тех же оснований, когда нужно будет говорить о наших правах в Персии.

Я надеюсь, что англичане окажутся рассудительными и сумеют дать отпор кампании, откуда бы она ни исходила, поднятой в „Times“, корреспонденции которого из Тегерана производят здесь отвратительное впечатление.

Мои последние известия о ходе выборов в меджлис свидетельствуют о почти полной неудаче. Не только Азербайджан, якобы находящийся под русским влиянием, но и громадное большинство других персидских провинций, отказались от голосования. Такие очевидные факты должны были бы открыть англичанам глаза на существующее в стране положение и побудить их забыть некоторые из их утопий. Не пренебрегайте этим доводом при ваших разговорах с Греем.

Донесение Волкова, копию которого вы мне прислали, не произвело на меня хорошего впечатления. С тех пор как существует Тройственное согласие, постоянно имели место со стороны французского правительства досадные не-

скромности. Это явление наблюдалось десятки раз, и в настоящем случае нечему удивляться.

Отношение, проявленное Греем и английским кабинетом к французским предложениям, могло подать нам надежду на скорое заключение соглашения между нашими генеральными штабами. Проявляющееся сейчас стремление к отсрочке этого соглашения не может нас ободрить. Я не могу скрыть от вас, что мне будет чрезвычайно трудно, чтобы не сказать—невозможно, испрашивать согласия императора на очень важные уступки, которые мы склонны сделать Англии в Тибете, если она уклонится от подписания морской конвенции, инициатива которой принадлежит Франции.

Моя сегодняшняя песня звучит жалобно. Для того, чтобы смягчить ее грустный характер, я должен в заключение, если в этом еще есть надобность, повторить вам обещание оставаться верным до последних пределов возможного моему решению развивать и укреплять наши дружеские связи с Англией. Такая задача предполагает некоторые жертвы, которые мы вполне расположены сделать. Но лишь бы англичане не требовали от нас слишком больших жертв!

Император, которого я только-что видел, примет завтра Бьюкенена. Что принесет нам письмо короля? Я надеюсь это скоро узнать.

Я говорил с его величеством в духе моего к вам письма, применяя всю возможную осторожность, чтобы не создать неблагоприятного впечатления.

Тем не менее я оставил его довольно озабоченным. Он одобряет мое решение не проявлять несговорчивости в вопросах формального порядка, как позиция консулов и другие того же масштаба, но перед ним возникает вопрос, не ставят ли себе англичане целью лишить нас тех преимуществ, которые мы с таким трудом приобрели в нашей зоне, или положить предел нашим, до сих пор довольно успешным усилиям приобрести новые [преимущества] в нейтральной зоне.

Когда мы будем знать, на что мы можем рассчитывать в отношении позиции Англии, то я резюмирую нашу точку зрения в ответной памятной записке, которую я вручу Бьюкенену и копию которой я вам сообщу.

Пусть англичане не забывают Ковейта, всего Персидского залива, Афганистана и Белуджистана. При случае напомните им роль, до которой эти страны низведены. Лондон далек от Тегерана, но расстояние между Москвой и Тавризом не очень велико.

Примите и пр.

Сазонов.

№ 344. Министр иностранных дел посланнику при папском престоле Нелидову.

Письмо № 436[1]. 24/11 июня 1914 г.

В депеше от [2 июня] 20 минувшего мая за № 16[2] ваше превосходительство изволили высказать, что вам до сих пор еще не-

[1] Маш. копия.

[2] В депеше от 2 июня/20 мая за № 16 Нелидов отвергает свою причастность к переговорам между серб. прав-вом и Ватиканом о конкордате и указывает, что в своих беседах с серб. представителем Весничем он „неизменно оговаривал" личный характер высказываемых суждений, так как „мнение императорского министерства по этому вопросу мне неизвестно и ныне". Эта депеша Нелидова

известно мнение императорского министерства по вопросу о сербско-ватиканских переговорах. Считаю долгом поэтому уведомить вас о нашем взгляде на этот вопрос.

последовала в ответ на полученную им в копии весьма доверительную депешу из Белграда от 5 мая/22 апр. за № 24, в которой Гартвиг, ознакомленный Пашичем с донесением Веснича, передает, что последний „был приятно поражен", убедившись из разговоров с Нелидовым „о состоявшейся счастливой для Сербии перемене во взглядах императорского правительства на вопрос о конкордате" (намек на отрицательное отношение росс. прав-ва к попытке серб. короля Александра заключить конкордат в 1896 г.). В этой депеше Гартвиг подробно останавливается на вопросе о конкордате. „После двух удачных войн, — пишет Гартвиг, — Сербия приобрела обширные области", компактное католическое население которых раньше „пользовалось защитой и покровительством католической Двуединой монархии". „Сербия, — пишет он далее, — естественно не может сохранить в присоединенных землях указанный порядок вещей, не рискуя подрывом своих церковных прав: оставить попрежнему за Австрией привилегию покровительства католикам значило бы создать для нее тысячи поводов непосредственного вмешательства во внутренние дела королевства, что, в свою очередь, неминуемо повело бы к серьезным политическим столкновениям, если не все к новым и новым дерзким притязаниям с ее стороны". Указывая, что серб. прав-во приступило к переговорам с Ватиканом „во избежание столь опасных последствий", Гартвиг считает, „что на сей раз мы не только не имеем поводов противиться заключению сербо-ватиканского соглашения, а напротив, ввиду только-что изложенных соображений, должны бы, в пределах возможного оказать помощь и содействие сербским делегатам к достижению ими намеченной цели". Гартвиг далее высказывается в пользу того, чтобы „сербские делегаты могли бы прибегнуть к благожелательному содействию нашего представителя в Ватикане и воспользоваться по данному вопросу его авторитетными указаниями". В доверит., депеше от 19/6 мая за № 27 Гартвиг сообщил, что, по словам сербского м-ра народн. просв. и церков. дел Иовановича, Весничу „поручено будет руководствоваться и полезными советами нашего представителя при Ватикане". Со слов того же Иовановича Гартвиг далее передает, что среди некоторых других „притязаний" Австрия требует, чтобы ей „предоставлено было право непосредственного контроля над точным выполнением Сербией всех принятых ею на себя обязательств в силу конкордата". Это требование Гартвиг называет „безрассудным", нарушающим и „суверенные права королевства... и само собою разумеется, что оно самым решительным образом будет отвергнуто сербским правительством... Ведь претензия Австрии в данном случае равносильна чуть ли не попытке распространить свой протекторат и на св. престол. До такого ослепления доводит венских политических мужей бессильная злоба против Сербии". „В заключение, — пишет Гартвиг, — министр Иованович сообщил мне немаловажную подробность. Оказывается, что далматинцы, славонцы, сремцы и особливо хорваты проявляют необычайный интерес к делу проектированного соглашения между Сербией и св. престолом, непрестанно обращаясь в Белград с запросами о ходе переговоров с Ватиканом. Это понятно и знаменательно. Как известно, вероисповедная рознь, отделявшая указанные народности от сербов королевства, принимала порой характер политической вражды между ними, а главным образом потому, что за Савой и Дунаем сложилось ложное представление о страстной религиозной нетерпимости сербов".

Действительно, до последних балканских войн императорское министерство придерживалось взгляда, что ничтожное количество католиков, проживающих в Сербии, не вызывало надобности в заключении конкордата, могущего между тем служить оружием окатоличивания населения и косвенного усиления влияния Австро-Венгрии в королевстве. С присоединением же после балканских войн новых земель с значительным католическим населением к Сербии, указанная точка зрения утрачивает силу, ибо только путем установления прямых отношений между сербским правительством и курией может быть положен предел существовавшему до сего времени протекторату Австро-Венгрии над католиками помянутых выше земель.

Сообщая о вышеизложенном, я покорнейше прошу вас не отказывать в посильном содействии, в случае какого-либо обращения к вам представителей Сербии, для той или иной поддержки в этом деле.

Сазонов.

№ 345. Советник австро-венгерского посольства в Петербурге Чернин австро-венгерскому министру иностранных дел Берхтольду.

9/. Телеграмма № 128 [1]. 24/11 июня 1914 г.

Dem deutschen Botschafter gegenüber sprach sich Herr Sasonow sehr befriedigt über Constanza aus.

Sehr warm war die Aufnahme seitens des Königs, der Minister und allen Parteien. [2]... hätte sich schriftlich entschuldigt und bedauert, den Minister nicht gesprochen zu haben, was den Minister in Hinblick auf seine antirussische Vergangenheit besonders beruhigt.

Graf Pourtales ist der Ansicht, dass keinerlei besondere Beschslüsse bei dieser Entrevue gefasst wurden, ausser einer gemeinsamen russisch-rumänischen Pression in Constantinopel zwecks Verhütung der Meerengen-Sperrung in eventuellem Kriegsfall mit Griechenland.

Перевод.

Г. Сазонов высказывался германскому послу с большим удовлетворением о Констанце.

Прием со стороны короля, министров и всех партий был очень теплым. . . . . прислал письменное извинение и сожаление, что не говорил с министром, что министра, вследствие антирусского прошлого, очень успокаивает.

---

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.

[2] Пропуск в подлиннике.

Граф Пурталес придерживается того мнения, что во время этого свидания не было принято каких-либо особых решений, за исключением решения об оказании совместного русско-румынского давления в Константинополе, с целью предупреждения закрытия проливов в случае возможной войны с Грецией.

№ 346. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 162. 24/11 июня 1914 г.

Reçu votre télégramme № 1215 [1].

Nicolson m'a dit que le gouvernement britannique n'a reçu aucune information concernant décision du gouvernement grec d'user de son influence sur Epirotes et que par conséquent aucune décision n'a encore été prise sur projet note de la part des Puissances qu'elles approuvent l'arrangement.

Benckendorff.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 1215.

Никольсон сказал мне, что британское правительство не имеет никаких известий относительно решения греческого правительства оказать свое влияние на эпиротов, и что вследствие этого державы не приняли еще никакого решения о том, что они одобряют соглашение.

Бенкендорф.

№ 347. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 163. 24/11 июня 1914 г.

Reçu votre télégramme № 1234 [2].

Nicolson me dit que les gouvernements d'Autriche et d'Italie n'on pas encore fait de démarches à Londres à ce sujet. Je l'ai néanmois informé du point de vue du gouvernement impérial. Je conclue des paroles de Nicolson que Grey admettra l'utilité de créer une force dans but défini indiqué, mais que d'en confier le commandement à colonel Philips ne lui sourira pas.

Benckendorff.

---

[1] Тел. Сазонова от 19/6 июня за № 1215: „По словам итальянского посла, греческое правительство обратилось с просьбой о сообщении ему державами соглашения по эпирскому вопросу, высказывая готовность оказать должное воздействие на эпиротов для принятия оного. При этих условиях полагаем возможным дать нашему представителю в Афинах указание сделать „si omnes" сообщение греческому правительству об одобрении державами соглашения".

[2] См. выше № 323.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 1234.

Никольсон сказал мне, что австрийское и итальянское правительства еще не сделали относительно этого никаких шагов в Лондоне. Я ему тем не менее сообщил точку зрения императорского правительства. Я заключил из слов Никольсона, что Грей соглашается с полезностью образования отряда в определенно указанных целях, но что ему не хотелось бы поручать командование полковнику Филиппоу.

Бенкендорф.

№ 348. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 164. 24/11 июня 1914 г.

Personnel. Assis à côté de Grey hier à dîner pour fête du roi, lui ai dit que journalistes russes étaient venus me prévenir de fâcheux (?)[1] sur opinion publique russe et me signaler article du „Novoie Wremia" sur „Anglo-Persian Oil Company". — Grey me dit qu'il fallait comprendre que rien n'avait été modifié dans concessions qui datent avant nos conventions, et qu'aucun nouveau arrangement n'avait été conclu avec gouvernement persan. Je lui répondis que c'est ainsi que j'avais compris les choses, mais que son argument n'était pas de ceux qui puissent influencer l'opinion publique, dont l'attention serait portée sur l'extension opérations de la Compagnie sur sphère influence russe. Il me répondit, que sans pouvoir séance tenante formuler un projet, il était sûr que ce point pourrait être arrangé et que d'ailleur el but du gouvernement était exactement l'opposé—d'aucune extension dans le nord. Au contraire le gouvernement désire que le pétrole destiné à la marine soit exploité le plus près possible de la côte, que c'est le Midi qui serait surtout exploité, nommément si possible Kism, de manière, tout en assurant le pétrole nécessaire à la marine, que responsabilité d'Angleterre comme garde et défense soit la plus limitée possible. Il me dit que partis sont tous d'accord sur ce point et redoutent surtout nécessité de mesures qu'une extension trop considérable dans zone neutre exigerait. Cet entretien a eu un caractère tout privé et amical, dernier télégramme de Buchanan, reçu hier, ayant, quoique fort explicite, fait, je crois, bonne impression sur Grey. Je vous télégraphie pour information. Grey reprendra cet entretien et je vous télégraphierai d'office.

Benckendorff.

Перевод.

Лично. Сидя вчера рядом с Греем, за обедом по случаю именин короля, я сказал ему, что русские журналисты предупредили меня о неприятном [впечатле-

[1] Так в подлиннике.

нии], произведенном на русское общественное мнение, и указали мне на статью в „Новом времени" об „Anglo-Persian Oil Company". Грей сказал мне, что надо так понимать, что ничего не изменено в концессиях, которые возникли еще до наших конвенций, и что с персидским правительством не было заключено никакого нового соглашения. Я ответил ему, что я понял дело именно таким образом, но что его довод не принадлежит к числу тех, которые могут оказывать воздействие на общественное мнение, внимание которого привлечено проникновением операций общества в сферу русского влияния. Он ответил мне, что, не будучи в состоянии немедленно изложить свой план, он уверен, что этот вопрос может быть урегулирован, и что, помимо того, правительство преследует прямо обратную цель, т. е. никакого проникновения на север. Правительство, напротив, желает, чтобы нужная флоту нефть добывалась как можно ближе к побережью; разработка будет производиться преимущественно на юге, именно по возможности в Кизме, притом таким образом, чтобы обеспечивая флоту нужную ему нефть, как можно больше ограничить ответственность адмиралтейства по охране и защите. Он сказал мне, что все партии единодушны в этом вопросе и больше всего опасаются необходимости принять такие меры, которые может потребовать слишком значительное проникновение в нейтральную зону. Этот разговор носил совершенно частный и дружеский характер, так как последняя телеграмма Бьюкенена, полученная вчера, хотя и была вполне определенно выражена, но произвела, по-моему, хорошее впечатление на Грея. Телеграфирую вам для информации. Грей возобновит этот разговор и я буду телеграфировать вам в служебном порядке.

Бенкендорф.

№ 349. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 165. 24/11 июня 1914 г.

Reçu votre télégramme № 1236[1].

Télégramme d'Iswolsky[2] pas reçu. Avant de reparler à Grey de cette affaire, voudrais préciser que lors de notre entretien du [11 mai] 28 avril Cambon et moi avons parlé de lattitude de l'Angleterre en général, sans faire mention de tel ou tel autre point en particulier. Texte communiqué instructions de Grey, qu'il nous a lu, traite de même de l'attitude en gènêral du délégué, sans spécifier (...)[3] point spécial. Autant que je me souviens du texte, les derniers mots étaient: „You should avoid to" vous mettre en opposition avec délégués français et trusse.

Benckendorff.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 1236.

Телеграмму Извольского не получил. Прежде чем снова говорить с Греем об этом деле, хотел бы точно установить, что во время нашей беседы [11 мая] 28 апреля мы с Кабоном говорили о позиции Англии вообще, не упоминая

[1] См. выше № 335.

[2] См. выше № 110.

[3] Пропуск в подлиннике.

того или иного вопроса в частности. Сообщенный текст инструкций Грея, которые он нам прочел, также говорит об общей позиции делегата, без определения отдельных пунктов. Поскольку я помню текст, последние слова гласили: „Вы должны избегать" проявления несогласия с французским и русским делегатами.

Бенкендорф.

№ 350. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 38. 24/11 июня 1914 г.

По инициативе венского кабинета между Веной и Римом идут переговоры об одновременном отозвании из Албании посланников Австрии и Италии. Пока окончательного решения не принято, но, по всей вероятности, отозвание неминуемо в скором времени.

Крупенский.

№ 351. Посланник при папском престоле министру иностранных дел.

*/. Телеграмма [1]. 24/11 июня 1914 г.

Сегодня утром кардиналом статс-секретарем и Весничем подписан конкордат между Сербией и св. престолом. Затем Веснич был торжественно принят папою.

Нелидов.

№ 352. Поверенный в делах в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 127. 24/11 июня 1914 г.

Венизелос весьма доволен, что приобрел американские суда. Он более уверен в возможности сохранить мир, лишь бы Россия не оставила своими заботами единоверцев, преследуемых турками, и лишь бы продолжалось полезное для мира влияние держав на Турцию [2].

Урусов.

---

[1] Номер отсутствует.

[2] „Председатель совета министров, которого я посетил сегодня, — сообщал Урусов в письме от 24/11 июня, — высказал надежду, что благодаря удавшейся покупке двух американских броненосцев, мир будет еще более обеспечен; но,—прибавил министр, — мы все еще нуждаемся в поддержке Европы, и в особенности России". На мое замечание, что устарелым броненосцам трудно будет тягаться с дредноутами, г. Венизелос ответил, порывисто и убежденно, что теперь турецкий флот, „даже при наличии дредноута, не посмеет выйти из Дарданелл".

№ 353. Поверенный в делах в Афинах министру иностранных дел.

Письмо[1]. 24/11 июня 1914 г.

По получении телеграммы № 1235[2] вашего высокопревосходительства я посетил председателя совета министров и просил его немедленно снабдить греческого посланника в Константинополе инструкциями для дальнейших переговоров по афонскому вопросу.

Г. Венизелос просил меня принять в соображение тяжелое время, которое он только-что пережил, уделяя каждую минуту улажению конфликта, грозившего войною. Премьер добавил, что он сегодня же переговорит по этому делу с министром иностранных дел, причем непременно примет в соображение пожелания императорского правительства.

Г. Стрейт, которого я видел накануне, говорил мне, что оба правительства уже раньше согласились относительно установления modus vivendi в вопросах о судах, жандармерии и определении границ. Решено было, сказал министр, не затрагивать пока принципиальных вопросов ввиду затруднений, могущих возникнуть по отношению к державам, принявшим участие на Лондонской конференции, в переговорах, касающихся св. горы. По этой именно причине греческое правительство полагало более благоразумным установить вдвоем с российским modus vivendi.

В последнем же совещании, происходившем между русским послом и греческим посланником в Константинополе, затронуты были принципиальные вопросы, решение которых очень озадачило греческого министра иностранных дел, ввиду большей ответственности Греции, как маленькой державы, перед обязательствами, принятыми в Лондоне. Я ответил министру, что сомневаюсь, чтобы императорское правительство пожелало уклониться в этом вопросе от прямого непосредственного соглашения с Грецией, но что даже если и представилась необходимость затронуть вопросы принципиального характера, то, вероятно, только потому, что неприятности, которым подвергаются наши монахи со стороны греческих, доходят до таких размеров, что дальше допускать их невозможно.

Министр во всяком случае уверил меня, что им будут приложены все усилия к избежанию ненужных трений и к взаимному удовлетворению обоих правительств.

[Урусов.]

---

[1] Лит. копия.

[2] См. выше № 324.

№ 354. Посланник в Белграде министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 175. 24/11 июня 1914 г.

Сегодня король Петр, отправляясь для обычного лечения во Враньскую Баню, издал манифест, коим, на основании...[1] устава, вручает бразды правления престолонаследнику Александру на все время лечения. Это первый случай, что король, оставаясь в стране, предоставляет регентство наследнику. Манифест произвел большое впечатление. Сегодня же королевским указом распущена скупщина. Выборы назначены на [14] 1 августа, созыв новой скупщины в чрезвычайную сессию—на [23] 10 сентября сего года.

Гартвиг.

№ 355. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 415. 24/11 июня 1914 г.

Телеграфирую Минорскому.

Великий визирь обещал немедленно распорядиться о предоставлении турецкому комиссару права очищать от турецких отрядов местности, присужденные Персии.

Гирс.

№ 356. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 418. 24/11 июня 1914 г.

Из серьезного источника подтверждается ходивший уже здесь слух, что Порта уже давно стала посылать в Англию малыми партиями турецких моряков для знакомства с техническими аппаратами строящихся там для Турции судов. При этих условиях суда эти могли бы выйти сюда с обученной уже командою, как только они будут готовы. Крайне желательно проверить эти сведения в Англии.

Гирс.

№ 357. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 40. 24/11 июня 1914 г.

Вследствие личного вмешательства президента, нижняя палата изменила свое решение и разрешила продажу двух старых броненосцев „Миссисипи“ и „Айдахо“. Газеты продолжают утвер-

---

[1] Пропуск в подлиннике. Очевидно, следует читать „69-й статьи“. См. т. IV, № 34.

ждать, что их хочет купить Греция, но я еще не имею достоверных сведений об этом предложении[1].

Бахметев.

№ 358. Докладная записка министра иностранных дел Николаю II[2].

25/12 июня 1914 г.

Почитая своим долгом возвратить у сего письмо короля Георга V на высочайшее имя[3], приемлю смелость доложить вашему импер-у велич-ву, что я был бы счастлив, если бы высказанные мною на вчерашнем личном всеподданнейшем докладе соображения в пользу скорейшего заключения с Англией предположенного соглашения по морским вопросам удостоились всемилостив. одобрения и если бы в таком случае вашему имп. велич-ву благоугодно было всемилостивейше соизволить высказать несколько слов в этом смысле в ответном своем письме королю Георгу.

[Сазонов.]

№ 359. Министр иностранных дел послу в Константинополе Гирсу.

./. Телеграмма № 1251. 25/12 июня 1914 г.

Ваша телеграмма № 340[4] получена.

Находящийся здесь Нубар-паша сообщает, что в Берлине Циммерман дал ему положительное уверение, что Германия разделяет взгляд на обязательность для Порты и инспекторов текста ноты, а не инструкций.

Помимо пунктов, на которые мы обращали ваше внимание в предыдущей телеграмме, считаем необходимым отметить:

1) В тексте инструкций, вами сообщенном, в параграфе десятом значится перечисление высших чиновников, смещение коих не принадлежит всецело генеральным инспекторам. Самого перечисления в нашем тексте нет, но, по словам Нубара, оно касается чиновников даже второстепенного ранга. Такое ограничение, несомненно, является попыткою извращения реформ.

2) В контракте с генеральными инспекторами оговорено право Порты порвать его в любое время, уплатив лишь полугодовое содержание генеральным инспекторам.

---

[1] Тел. от 7 июня/25 мая за № 113 Урусов также сообщил, что в Афинах ходят „упорные слухи" о решении греч. совета министров утвердить сделку по приобретению американских броненосцев.

[2] Черновик, написанный рукой Шиллинга.

[3] См. выше № 272.

[4] См. выше № 219.

Считали бы соответственным не только заявить Порте об обязательности текста ноты, но и опротестовать все пункты инструкции и контракта, стоящие с нею в противоречии. Помимо сего, не признаете ли своевременным:

1) добиться незамедлительной передачи Портою ноты посольствам и

2) сообщения ее текста генеральным инспекторам?

Сазонов.

№ 360. Министр иностранных дел послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу.

/. Телеграмма № 1252. 25/12 июня 1914 г.

Сообщается в Афины и Валону.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1215[1].

На этих днях греческий поверенный в делах сделал нам заявление о желании греческого правительства, чтобы ему было сообщено эпирское соглашение, дабы воздействовать на эпиротов для его принятия. Между тем Петряев доносит[2], что требования последних возрастают.

Ввиду этого не представляется ли целесообразным ускорить сообщение в Афинах, если представители держав там уверятся, что греческое правительство продолжает рассчитывать на результаты своего воздействия на эпиротов?

Сазонов.

№ 361. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо[3]. 25/12 июня 1914 г.

В. доверительно.

М. г. Алекс[андр] Конст[антинович],

В дополнение к личному моему письму[4], которое вы получите одновременно с сим[5], спешу перед самым отправлением курьера сообщить вашему с-ву, что вчера вечером у меня снова был продолжительный разговор с великобританским послом, которому я указал на серьезную опасность охлаждения наших отношений с Англией на почве персидского вопроса. При этом я высказал предположение, что замечаемые за последнее время в Англии подозри-

---

[1] См. ниже стр. 431, прим. 1.

[2] Тел. от 12 июня/30 мая за № 199.

[3] Черновой отпуск написан рукою Базили. Опубл. Siebert, S. 824—825.

[4] См. выше № 343.

[5] У Siebert'a эти начальные слова письма отсутствуют.

тельность и тревога вызываются возрождением в названной стране прежнего страха за неприкосновенность английских владений в Индии[1]. Сэр Джорж Бьюкенен признался мне, что предположения мои в значительной степени справедливы. Вследствие сего я счел нужным еще раз повторить ему все доводы, доказывающие неосновательность подобных опасений, и даже намекнул ему на возможность, если понадобится и если англичане этого пожелают, дать великобританскому правит-ву и общественному мнению на этот счет успокоительные заверения в самой определенной форме.

Пока я ограничился этим намеком, но мне представлялось бы вполне возможным впоследствии, и в зависимости от хода наших дальнейших переговоров, предложить Англии дать ей не меньшее обеспечение ее индийских владений, нежели то, которое было дано ей со стороны Японии в 1902 году.

В настоящую минуту ближайшей задачей мне кажется скорейшее заключение предположенного соглашения нашего по морским вопросам. По поводу последнего замечу мимоходом, в ответ на ваше письмо от 2 июня/20 мая[2], что я не придаю большого значения тому или другому наименованию такового соглашения, предоставляя вам в этом отношении выбор сообразно с местными требованиями[3]. Важно только не оттягивать заключение соглашения и в этом смысле его импер. велич-ву благоугодно было лично высказаться вчера в моем присутствии великобританскому послу.

В заключение считаю долгом упомянуть, что сэр Дж. Бьюкенен удостоился вчера же отдельного высоч. приема для вручения его велич-ву собственноручного письма короля Георга V[4]. Письмо это составлено в весьма дружеских выражениях и передает надежду его величества, что взаимоотношения России и Англии не омрачатся из-за положения дел в Персии.

Примите и пр.

[Сазонов.]

---

[1] У Siebert'a: „Ich setzte hierbei voraus, dass die in letzter Zeit in England bemerkbare Beunruhigung und Erregung wahrscheinlich darauf zurückzuführen sei, dass in diesem Lande wieder Befürchtungen hinsichtlich der Stellung Englands in Indien laut werden".

[2] См. выше № 138.

[3] У Siebert'a вся эта фраза отсутствует.

[4] См. выше № 272.

№ 362. Министр иностранных дел послу в Берлине Свербееву.
Письмо № 385[1]. 25/12 июня 1914 г.

М. г. Сергей Николаевич,

Имею честь препроводить при сем к вашему превосходительству копию секретной телеграммы гофмейстера Малевского-Малевича от [19] 6 июня[2] касательно характера деятельности германского телеграфного агентства „Deutsche Japan Post".

Я просил бы вас, при удобном случае и придав, конечно, вашему заявлению самую дружественную форму, коснуться в разговоре с министром иностранных дел этого вопроса и обратить его внимание на враждебное России направление названного агентства. Было бы, мне кажется, уместным напомнить по этому поводу сделанные недавно в рейхстаге и Государственной думе заявления о том неблагоприятном влиянии, которое печать обоих государств оказывает на общественное мнение своими резкими выходками и тем затрудняет задачу правительств, стремящихся поддерживать наилучшие взаимоотношения между Россией и Германией.

Несомненно, что эти соображения сохраняют свою силу и для печати за пределами обеих стран,—как в данном случае немецкого телеграфного агентства, обслуживающего Японию. Очевидно, что тенденциозно-лживый характер его сообщений, имеющих целью повредить России, не может укрыться от внимания русской печати и будет учтен как одно из проявлений недоброжелательства к нам Германии. Мы надеемся поэтому, что германское правительство постарается оказать зависящее от него воздействие через посольство в Токио, дабы побудить названное агентство к более добросовестному освещению событий русской жизни.

Примите и пр. [Сазонов.]

№ 363. Посол в Лондоне министру иностранных дел.
Телеграмма № 168. 25/12 июня 1914 г.

Reçu votre télégramme № 1250[3].

Grey me dit que le ministre de Grèce était venu faire démarche, appuyant surtout sur second point. Opinion Grey d'accepter combinaison d'un président de Puissance de second ordre, mais que demande à ce sujet devrait être adressée aux Puissances par Grèce et par Turquie. Proposition étant turque, Grey trouve difficile imposer à Turquie cette présidence à la demande de la Grèce seule.

Benckendorff.

---

[1] Черновой отпуск написан рукой Юдина.

[2] См. выше стр. 382, прим. 5.

[3] См. выше № 342.

Перевод.

Получил вашу телеграмму № 1250.

Грей сказал мне, что посланник Греции сделал представление, в котором особенно настаивал на втором пункте. Грей считает, что надо принять предложение о [назначении] председателем [представителя] какой-либо второстепенной державы, но что просьба об этом к державам должна быть направлена Грецией и Турцией. Так как это предложение турецкое, то Грей считает неудобным навязывать Турции этого председателя по просьбе одной Греции.

Бенкендорф.

№ 364. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 169. 25/12 июня 1914 г.

Grey me dit que le gouvernement persan s'étant adressé au gouvernement suédois pour envoi de nouveaux officiers en remplacement de ceux, dont contrat expire, le ministre des affaires etrangères s'était adressé au ministre d'Angleterre à Stockholm pour lui dire que le gouvernement suédois ne pouvait y consentir que dans certaines conditions assurées. Grey me dit qu'il y a d'abord difficulté financière et que le gouvernement anglais, très peu volontiers et probablement pour la dernière fois ayant besoin de ces officiers pour le Sud, s'était décidé à faire encore avance de 50.000 livres. Le gouvernement suédois avait encore une fois répondu qu'il voyait des difficultés à nommer des officiers suédois, à moins que la nature et les conditions de leur mission soient clairement établies. Grey me dit qu'il ne savait pas si le gouvernement suédois avait fait même démarche à Pétersbourg et que pour répondre à dernière question il aimerait connaître point de vue du gouvernement impérial.

Benckendorff.

Перевод.

Грей сказал мне, что после того, как персидское правительство обратилось к шведскому правительству с просьбой об отправке новых офицеров для замены тех, срок договора которых истекает, шведский министр иностранных дел сообщил английскому посланнику в Стокгольме, что шведское правительство может на это согласиться лишь при известных определенных условиях. Грей сказал мне, что прежде всего возникают финансовые затруднения и что английское правительство очень неохотно решилось дать еще раз аванс в 50 000 фунт., испытывая вероятно в последний раз потребность в этих офицерах на юге. Шведское правительство снова ответило, что ему трудно назначить шведских офицеров, если сущность и условия даваемого им поручения не будут точно установлены. Грей сказал мне, что ему неизвестно, сделало ли шведское правительство подобное же представление в Петербурге, но что для ответа на последний вопрос он хотел бы знать точку зрения императорского правительства.

Бенкендорф.

№ 365. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

т. Телеграмма № 170. 25/12 июня 1914 г.

Me réfère mon télégramme № 164 [1].

Grey reprit aujourd'hui cet entretien avec moi. Il me parla de l'émotion dans presse russe, qui, me dit-il, ne l'étonnait pas beaucoup, à lire façon dont presse anglaise faisant opposition avait amplifié la question, c'est à dire imaginé que entrée de l'amirauté dans l'affaire avait élargi ses droits. Il me dit: ceci est une erreur complète, concession est restée ce qu'elle était sans modification aucune. Toutefois a-t-il ajouté, entrée du gouvernement dans affaire a eu pour résultat qu'il pouvait me donner assurance positive, que politique que poursuivrait l'amirauté était celle que nécessitaient intérêts de l'Angleterre et de la marine anglaise et qui en même temps, pensait-il, convenait aux intérêts russes. Cette politique serait d'éviter le nord et de concentrer exploitation dans le midi de Perse, la sphère anglaise et les îles. Grey ajouta qu'il ne s'agissait jusqu'ici d'aucune mesure de défense spéciale, mais qu'il était bien entendu que, si jamais gouvernement anglais avait à prendre quelque mesure dans zone neutre qui puisse affecter sens de convention, rien ne serait fait sans pourparlers avec le gouvernement impérial. Pourtant tout-à-fait indépendamment des affaires concernant concession de l'A. P. O. C. Grey me dit qu'il se tenait à ce qu'il vous avait dit à Balmoral, que si jamais sécurité de tout le commerce de Buchir—Chiraz était menacée et en absence forces persanes, gouvernement anglais devrait protéger cette route. Il me répéta que ceci n'avait rien à faire à concession. Je lui fis observer que la presse russe s'était exprimée un peu différemment de ce qu'il pensait. L'opinion y avait été émise que entrée du gouvernement dans affaire élargissait très sensiblement son importance. Grey me répéta que concession restait sans modification, que entrée du gouvernement donnait à amirauté faculté de diriger ...[2] comme il me l'avait décrit. Je reportai attention de Grey sur empiètement sur sphère russe, si tel est le cas. Il me répondit qu'il n'avait pas encore eu le temps de s'en assurer et d'en conférer avec le premier lord de l'amirauté, mais que, si tel était notre désir, il ne doutait pas qu'un moyen, de vente ou autre, pourrait être trouvé. Grey me dit qu'il adresserait à ce sujet un télégramme à Buchanan.

Benckendorff.

---

[1] См. выше № 347.

[2] Пропуск в подлиннике.

Перевод.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 164.

Грей возобновил сегодня со мной этот разговор. Он говорил о русской прессе, возбуждение которой, как он сказал, его не очень удивляет, если учесть характер возражений английской прессы, которая преувеличила значение вопроса, вообразив, что вступление в дело адмиралтейства расширило права Англии. Он мне сказал, что это полнейшее заблуждение, и что концессия осталась прежней, без каких бы то ни было изменений. Однако, вступление в дело правительства,—добавил он,—позволяет ему дать положительное заверение, что адмиралтейство будет следовать такой политике, которая обусловливается интересами Англии и ее флота, и которая, как он думает, соответствует в то же время русским интересам. Эта политика сводится к решению устраниться из Северной Персии и сосредоточить эксплоатацию на юге Персии, в английской сфере и на островах. Грей прибавил, что до сих пор дело не шло о каких-либо специальных защитных мерах, но что само собой понятно, что в случае, если английское правительство вынуждено будет когда-либо принять в нейтральной зоне какие-нибудь меры, которые могли бы нарушить смысл конвенции, оно ничего не предпримет до переговоров с императорским правительством. Грей сказал мне, что тем не менее, совершенно независимо от вопроса о концессии „Anglo-Persian Oil Company", он придерживался сказанного вам в Бальморале, т. е. что если когда-либо безопасность всей торговли Бушир—Шираз подвергнется угрозе, то при отсутствии персидского войска английское правительство вынуждено будет охранять этот путь. Он повторил, что сказанное не имеет ничего общего с вопросом о концессии. Я заметил ему, что русская пресса высказывается несколько иначе, чем он думает. Было высказано мнение, что вступление в дело правительства значительно расширяет значение вопроса. Грей мне повторил, что концессия остается без изменения и, что вступление в дело правительства позволяет адмиралтейству руководить... так как он это мне описал. Я обратил внимание Грея на проникновение в русскую сферу, если это имеет место. Он ответил мне, что у него еще не было времени в этом удостовериться и обсудить вопрос с первым лордом адмиралтейства, но он не сомневается в возможности найти какой-либо выход, например в виде продажи или иначе. Грей сказал мне, что он отправит об этом телеграмму Бьюкенену.

Бенкендорф.

№ 366. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Письмо [1]. 25/12 июня 1914 г.

Monsieur le ministre,

La prémière partie du télégramme [2] que je viens d'expédier pour vous rendre compte d'un entretien avec Sir Edward Grey sur les indiscrétions de presse au sujet des pourparlers entre les amirautés russe et anglaise a été rédigée avec la retenue que je crois toujours indiquée pour la correspondance télégraphique. La seconde partie con-

[1] Опубл. (частично) L. N., II, p. 327—328.

[2] См. ниже № 377.

tient textuellement ce que Sir Edward Grey m'a dit du langage qu'il a tenu au prince Lichnowsky [1].

Sir Edward commença par me dire qu'il était fort préoccupé de ces indiscrétions et de leur effet à Berlin, d'autant plus qu'elles paraissent continuer et aboutir à une sorte de thèse d'après laquelle la Russie et l'Angleterre auraient conclu ou négocieraient une convention pour les questions amalgamées des Dardanelles et de la coopération des flottes. Sir Edward ajouta que le tout à Berlin était tombé aux mains de personnages et d'agitateurs non sans influence, ce qui menaçait de créer une atmosphère, dont pourait facilement surgir quelque nouveau projet de renforcement de la flotte allemande, ce qui aggraverait sensiblement la situation.

Le prince Lichnowsky, partant pour rejoindre l'empereur Guillaume à Kiel, Sir Edward me dit qu'il n'avait pas pu pouvoir s'abstenir de donner à l'ambassadeur quelque chose de plus concluant et réel qu'un simple démenti. Il me dit qu'à la Chambre des communes il avait dit tout ce qu'il pouvait dire et que prévenu que de nouvelles questions pouvaient lui être posées, il les avait découragées en disant qu'il n'ajouterait rien à ce qu'il avait dit. Pour l'Allemagne il fallait autre chose. Il avait, me dit il, toujours trouvé le prince Lichnowsky acceptant sans commentaires le fait que l'Angleterre appartient à un groupe de Puissances différent de celui à la tête duquel se trouve l'Allemagne sans en conclure que ce fait lui-même n'empêche une amélioration des rapports entre l'Angleterre et l'Allemagne. Il était sûr, par conséquent, que ses paroles parviendraient à leur adresse telles qu'il les avait prononcées.

Sir Edward me dit qu'il avait débuté par les Dardanelles en disant que depuis 5 ans, c'est à dire depuis le voyage ici de Mr. Izwolsky fait qu'il n'a pas mentionné, — il n'y avait eu à ce sujet aucun pourparler entre l'Angleterre et la Russie. De cette façon cette question se trouvait désassociée d'avec celle des alliances ou conventions.

Au sujet de ces dernières Sir Edward affirma qu'il n'existait entre l'Angleterre d'un côté, et de l'autre la France et la Russie, aucune alliance, ni aucune convention militaire ou navale. Mais à ce démenti formel il avait aussitôt ajouté que toutefois les rapports des trois gouvernements étaient intimes au point qu'au cours de ces dernières années ils avaientl constamment „causé de tout" et que le contact entre es gouvernements était aussi intime que s'ils avaient été alliés.

D'un autre côté Sir Edward affirma positivement qu'aucun de ces

[1] B L. N. этот абзац отсутствует, что отмечено многоточием.

pourparlers n'avait jamais eu aucun caractère aggressif contre l'Allemagne, ni caractère d'hostilité envers cette Puissance.

Sir Edward ajouta qu'il avait cru devoir m'informer de cet entretien pour que j'en rende compte à votre excellence.

Je me bornai à dire que je croyais qu'il était difficile de définir plus exactement et plus complètement les rapports existant entre les trois Puissances et à remercier Sir Edward de sa communication.

Veuillez agréer, monsieur le ministre, l'assurance de ma haute considération.

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр,

Первая часть телеграммы, которую я вам только что отправил с целью представить отчет о беседе с сэром Эдуардом Греем относительно нескромностей, совершенных прессой по вопросу о переговорах между русским и английским адмиралтействами, была составлена с той сдержанностью, которую я считаю нужным применять в телеграфной переписке. Вторая часть текстуально передает то, что сэр Эдуард Грей рассказал о словах, сказанных им князю Лихновскому.

Сэр Эдуард начал с того, что указал мне на свое беспокойство, вызванное этими нескромностями и впечатлением, которое они произведут в Берлине, тем более, что они как будто не прекращаются и могут создать такое мнение, будто Россия и Англия заключили конвенцию или ведут переговоры о конвенции по смешанным вопросам, касающимся Дарданелл и сотрудничества флотов. Сэр Эдуард добавил, что все это попало в Берлине в руки [разных] лиц и агитаторов, не лишенных влияния, что грозит создать такую атмосферу, из которой может возникнуть какой-либо новый проект усиления германского флота, а это значительно осложнит положение.

Так как князь Лихновский уезжал в Киль для того, чтобы встретиться с императором Вильгельмом, то сэр Эдуард не мог, по его словам, уклониться от необходимости дать послу что-нибудь более убедительное и реальное, чем простое опровержение. Он указал мне, что в палате общин он сказал все, что мог, и что предупрежденный о возможности предъявления ему новых вопросов, он отбил охоту их ставить, указав, что к сказанному он не прибавит ничего. Для Германии требуется нечто иное. Он сказал мне, что князь Лихновский всегда признавал без всяких комментариев тот факт, что Англия принадлежит к другой группе держав, чем та, во главе которой стоит Германия, причем из этого он не заключал, что это обстоятельство само по себе препятствует улучшению отношений между Англией и Германией. Вследствие этого сэр Э. Грей уверен, что его слова достигнут тех, для кого они предназначаются в том виде, как он их произносит.

Сэр Эдуард сказал мне, что он начал с Дарданелл, указав, что в течение пяти лет, т. е. с поездки сюда г. Извольского, о чем он не упомянул, по этому вопросу не велось никаких переговоров между Англией и Россией. Таким образом этот вопрос был отделен от вопроса о союзах или конвенциях.

Относительно этих последних сэр Эдуард утверждал, что между Англией,

с одной стороны, и Францией и Россией, с другой, не существует никакого союза и никакой военной или морской конвенции. Но к этому формальному опровержению он тотчас же добавил, что отношения трех правительств были все же до такой степени близки, что в течение этих последних лет они постоянно „беседовали об всем", и что связь между правительствами была так тесна, как если бы они были в союзе.

С другой стороны, сэр Эдуард положительно указал, что никакие из этих переговоров никогда не носили сколько-нибудь агрессивного в отношении Германии характера и не были враждебны этой державе.

Сэр Эдуард прибавил, что он счел нужным сообщить мне об этой беседе для того, чтобы я дал о ней отчет вашему превосходительству.

Я ограничился указанием, что считаю трудным определить точнее или полнее отношения, существующие между тремя державами, и поблагодарил сэра Эдуарда за его сообщение.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 367. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 118. 25/12 июня 1914 г.

Ссылаюсь на телеграмму Извольского № 163 [1].

Прошу срочных указаний. Копия в Париж.

Здесь распространились слухи о желании английских банков принять участие в займе. Возможно, что последние предложили свои услуги Перье, который благодаря этому и возымел мысль и возможность сделать предложения, упомянутые в телеграмме Извольского № 163 [1]. Между тем эти предложения, вызывая новые обсуждения, не только могут задержать дело, но и не по силам Болгарии, которой нужно всего 500 000 000, но сейчас. Малинов, Тодоров и другие высказывались предо мною в этом смысле. Тончев с единомышленниками злонамеренно распускают искаженные слухи о французских предложениях и играют на том, что последние не были до сих пор формулированы. Ввиду этого Панафье телеграфировал вчера в Париж о желательности приезда сюда представителя Перье с определенными предложениями, так как те предложения Перье, которые были им сделаны до признания его французским правительством, конечно, теперь изменились в более благоприятном для Болгарии направлении.

Савинский.

№ 368. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Депеша № 24. 25/12 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

[1] См. выше № 309.

Как вашему высокопревосходительству известно, в конце минувшего мая в главных центрах Болгарии произошли антигреческие беспорядки, сигналом к которым послужило празднование греками дня тезоименитства короля Константина.

Не буду утомлять внимание ваше изложением фактической стороны дела, так как агентские телеграммы своевременно и достаточно подробно оповестили об этих событиях, создавших на некоторое время большое возбуждение в стране, а коснусь лишь происхождения и причин закончившегося ныне движения и отношения к нему правительства и общественных кругов.

Нет никакого сомнения, что тяжелое положение болгар, проживающих в греческой Македонии, в особенности раздуваемое шовинистическою частью прессы, явилось главным возбудителем против всего греческого. Несмотря на формальное восстановление дипломатических отношений между Болгарией и Грецией, в печати обеих стран продолжаются взаимное преследование и обвинения во всяческих насилиях и произволе, и болгарское общественное мнение все время воспитывается в чувствах ненависти к Греции. При этом необходимо отметить грубо-враждебный тон софийских газет, в том числе и официозов, рассчитанный на подогревание низменных инстинктов толпы.

При таком настроении достаточно было первого представившегося случая, чтобы от слов перейти к делу и чтобы намерение греков ознаменовать национальный праздник церковною службою и поднятием своих флагов истолковать как вызов, брошенный победителем побежденным.

Быть может, не обошлось и без прямого участия агентов правительственных партий в призыве черни к разграблению греческих домов и насилиям; по крайней мере, в этом упорно их обвиняли их политические противники. Да и самый ход событий был несколько подозрителен для правительства. [3 июня] 21 мая почти все министры, во главе с Радославовым, отсутствовали из Софии. Не было принято никаких мер для рассеяния собиравшейся постепенно толпы, а вызванные затем полиция и войска оказались не в состоянии усмирить буянов; но те же охранители порядка явились вполне достаточными после того, как главные акты насилия над греческим элементом были уже совершены, а буйства черни, вкусившей уже сладость погромов, казалось бы, труднее поддавались усмирению.

Центром тяжести разыгравшихся событий явилось отобрание болгарами греческих церквей, сопровождавшееся даже, например, в Софии, низвержением греческого флага. Всего отобрано у греков

14 церквей и до сих пор, несмотря на представления греческого поверенного в делах и обещания Радославова, ни одна из них не возвращена обратно. Нота г. Цамадоса с протестом против отнятия церквей и насилий над мирными гражданами носила весьма категорический тон, вплоть до угрозы разрывом дипломатических отношений, и правительству пришлось принести официальные извинения, хотя и с оговоркою, что прискорбные события явились результатом народного гнева на преследования греками болгар, и что правительству трудно бороться с такими стихийными проявлениями.

Поставленное в необходимость дать ответ и возбужденному общественному мнению, правительство и органы его печати старались также свалить ответственность за происшедшее на взрыв народного негодования, усматривая провокационный характер в праздновании греками [3 июня] 21 мая, поднятии национального флага над церковью и т. д.

Но при этом как Радославов в своем ответе на запрос социалистов в народном собрании, так и органы либералов вынуждены были отметить нежелательность подобных эксцессов и уверяли в решимости энергично преследовать нарушителей принципов свободы религии и народности. Но, как я уже упомянул, эти заверения остаются словами, а греческие церкви—все еще во власти болгар, хотя сам Радославов в печати заявил, что греческий храм в Софии, как это выяснено документально, принадлежит миссии и должен быть возвращен последней.

Что же касается до настроения большей части общества и оппозиционных кругов, то приходится отметить их полное единодушие в отрицательной оценке событий. Из всех враждебных правительству лагерей раздался протестующий голос против „хулиганства“ и применения грубой силы хотя бы во имя национального самолюбия и в защиту угнетаемых братьев. Все органы оппозиции старались доказать, что таким образом действий нельзя никого убедить в своей правоте, а можно только лишь разрушить наладившееся было дело восстановления нормальных отношений между двумя государствами.

В заключение я не могу не упомянуть о досадной подробности беспорядков, происшедших в Бургасе, где толпою манифестантов руководил кавас нашего вице-консульства, который за это был немедленно уволен со службы.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 369. Посланник в Софии министру иностранных дел.

/. Депеша № 26. 25/12 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Не стихнувшая до сих пор в Болгарии ненависть к Румынии и жажда получить когда-нибудь назад „ограбленную" у нее на основании Бухарестского договора Добруджу с новою силою вспыхнула здесь в минуты свидания государя императора с королем Карлом в румынских водах.

С одной стороны, умеренные и попрежнему преданные России общественные и политические круги с горечью в сердце прислушивались к знаменательным словам внука царя-освободителя, раздавшимся в Констанце, и видели в высочайшем посещении Румынии тяжелый, но заслуженный урок Болгарии, в трудную минуту своей жизни отвернувшейся от России и поддавшейся злостным советам врагов славянства.

С другой—во враждебных нам слоях общества недавнее свидание двух монархов рассматривалось как новая обида, нанесенная Россией болгарскому народу, и так уже лишенному плодов своей геройской войны рукою прежней его освободительницы.

Но в то же время все самой противоположной политической окраски партии и общественные сферы объединились в одном чувстве глубокой вражды к Румынии и выпадах, оскорбительных для национального чувства румын.

Что касается до прямых обвинений по нашему адресу, то нужно отдать справедливость, что правительственные официозы сравнительно сдержанно отнеслись к оценке этого важного политического события, стараясь только уменьшить его значение.

Оставляя в стороне, как всегда, неприличные по тону и содержанию статьи „Камбаны", уделяющей свои статьи непрекращающейся травле всего русского, содержание наиболее серьезных статей враждебной нам прессы сводится к следующему.

Благосклонное внимание, оказанное государем императором Румынии объясняется желанием привлечь ее на нашу сторону, чтобы вместе с Сербией располагать ею против Австрии; свидание в Констанце—это новый шаг для достижения таковой цели после отдачи Россиею болгарской территории Румынии, в виде компенсации за отнятую у последней в свое время Бессарабию.

Наибольшее внимание уделено было следующим словам государя императора: „Под водительством вашего величества Румыния вступила на путь развития и достигла замечательного преуспеяния. Нигде достигнутые в этом отношении результаты не могли встре-

тие более искреннего удовлетворения, чем в России, где с давних пор привыкли принимать живое участие в судьбах единоверных соседей... Мне особенно приятно иметь случай отдать должное благодетельному влиянию, оказанному за последнее время Румынией под мудрым руководством ее короля. Дело мира, совершенное вашим величеством, завоевало вам признательность народов, еще более возвысив престиж вашего государства".

Далее усиленно комментировалась перепечатанная в болгарских газетах беседа вашего высокопревосходительства с корреспондентом „Виторуль", в особенности же заявление о невозможности пересмотра Бухарестского договора. По этому поводу настроенные против нас газеты указывали, что, делая такие заявления, Россия устами своего министра иностранных дел отказалась от оставленного ею за собою в июле м. г. права пересмотра; что таким образом она копает пропасть между собой и Болгарией, стремится сама уничтожить все остающиеся между ними связи и хочет окончательно подорвать веру и надежду на содействие и помощь, все еще ожидаемые „освобожденными" от своей „освободительницы".

Расположенные же к нам органы печати, в том числе „Балканска Трибуна" и „Заря", без страха обвинения их в продажном руссофильстве, все время старались доказать, что поворот Румынии в сторону России был естественным следствием сознательной политики Румынского королевства и что подобное же милостивое отношение государя императора могло бы выпасть и на долю Болгарии, если бы ее правители не оттолкнули от себя Россию своей неустойчивостью в политической ориентировке и невниманием к советам своей всегдашней покровительницы.

Примите и пр.

А. Савинский.

№ 370. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

Телеграмма № 426. 25/12 июня 1914 г.

Получил № 1250[1]. Ссылаюсь на 424[2].

Полагал бы, что председательство европейца в смешанной греко-турецкой комиссии было бы действительно очень желательным

[1] См. выше № 342.

[2] Тел. от 25/12 июня № 424 Гирс ответил, что, по его мнению, „наблюдение за обратным водворением христиан" может быть возложено на делегированных посольствами драгоманов „только по мере возможности", с тем, чтобы „дальнейшее наблюдение" возложено было на консулов, после предварительного соглашения по этому вопросу между великими державами.

и что мы могли бы преподать Порте совет принять это предложение, не придавая этому совету характера требования. Думаю, что со стороны великого визиря не встретится сопротивления, вопрос в том—насколько [совет] будет принят правительством. В крайнем случае возможно было бы принять предложение Талаата (см. телеграмму Тухолки)[1]—о полном арбитраже. Оно менее удобно, но по характеру подходит к греческому предложению. Завтра увижу великого визиря и ...[2] объяснюсь с ним по поводу греческого предложения. Более сложным является вопрос о том, должны ли быть вновь водворены эмигранты, уже выбывшие из Турции, или только христиане, бежавшие из своих сел, но не успевшие еще выбыть из Турции. Порта стремится ограничить водворение исключительно последними. На практике оно действительно исполнимее. К тому же едва ли греки, перебравшиеся уже в Грецию, пожелают добровольно вернуться в Турцию.

Гирс.

№ 371. Посол в Константинополе министру иностранных дел.
/. Депеша № 74. 25/12 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Я получил [21] 8 сего июня телеграмму посланника нашего в Софии, сообщающую содержание сделанного Радославовым А. А. Савинскому заявления касательно решения болгарского правительства сохранить строжайший нейтралитет в случае возникновения войны между Турцией и Грецией[3].

Повидимому, принятию такого решения предшествовало некоторое колебание софийского кабинета, пытавшегося предварительно вступить в соглашение с Портою против столь ненавистного ему ныне бывшего своего союзника.

Как я уже имел честь сообщать вашему высокопревосходительству, болгарское правительство уже неоднократно делало шаги для возможного сближения с Турцией и совместного с ней действия на случай войны с Грецией.

За последнее время, и особенно в течение нескольких дней кризиса, настояния болгар сделались особенно сильны, и здешний

---

[1] Тел. от 20/7 июня за № 404 Гирс сообщал о том, что он делегирует в Смирну Тухолку, выезжающего на следующий день. Последний телеграммой из Смирны, переданной через посредство генерального консула Калмыкова, сообщил предложение Талаата об урегулировании греко-турецкого кризиса. См. ниже № 387.

[2] Пропуск в подлиннике.

[3] См. выше стр. 366, прим. 3.

болгарский представитель, как мне известно из достоверного источника, имел неоднократные свидания с Энвер-пашою и Джемаль-пашою.

Во время одного из свиданий моих с великим визирем я спросил его доверительно, насколько справедливы слухи о переговорах между Портою и болгарским правительством, принц Саид-Халим, не давая мне прямого ответа, также доверительно заметил, указывая на болгар, что хорошо было бы их успокоить, и не можем ли мы помочь делу.

Не встретив сочувствия со стороны турецкого правительства и ввиду наступления известного успокоения в греко-турецких отношениях, болгары сразу переменили тактику. Здешний болгарский посланник г. Тошев не замедлил явиться ко мне и заявил, что будто бы во время кризиса его неоднократно посещал военный министр Энвер-паша и старался узнать, как отнеслось бы болгарское правительство, если бы, в случае войны с Грецией, Турции пришлось перевести все свои войска из Адрианопольского вилаета в Малую Азию и не поступило ли бы оно так же, как поступила Турция во время второй балканской войны.

На это г. Тошев, будто бы, ответил, что Болгария не преминет придерживаться строгого нейтралитета.

Зная г. Тошева, я отнесся к его словам с сильным недоверием, тем более, что посещение его совпало с получением телеграммы г. Савинского [1] о заявлении г. Радославова, о чем был извещен и сам болгарский посланник.

Примите и пр.

М. Гирс.

№ 372. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.

Депеша № 39 [2]. Зергенде, 25/12 июня 1914 г.

Наш спор с шахским правительством касательно нового способа взимания налогов с русско-подданных в Азербайджане продолжает оставаться в стадии неопределенности. Я беседовал с председателем совета министров принцем Ала-эс-Солтане, с министром иностранных дел и с некоторыми другими членами правительства, причем указывал им на необходимость большей сговорчивости в спорных вопросах. Но, кроме жалоб на принятые нами меры и протестов против тавризского генерал-губернатора, ничего другого от

[1] См. выше стр. 366, прим. 3.

[2] Лит. копия.

них не услышал. Принц Ала-эс-Солтане между прочим объяснил, что главный казначей потому уклонялся от переговоров со мной по вопросу о налогах, что считал таковые бесполезными, так как принятые нами меры являются будто бы репрессалиями за неудовлетворение персами наших требований о концессиях и что посему никакие переговоры не помогут. Я ответил принцу, что мы, конечно, имеем много оснований быть недовольными несговорчивостью и даже неприязненностью нынешнего шахского правительства, но что в происшедшем виноват, главным образом, г. Морнар, предложивший нам известную комбинацию, а затем отказавшийся от собственных заявлений. В настоящее время я ожидаю от главного казначея нового предложения, которое не премину передать на усмотрение императорского правительства.

Персы, повидимому, возлагали большие надежды на вмешательство великобританской и бельгийской миссий и очень разочаровались, когда увидели, что осязательных результатов таковое не принесло. Бельгийский посланник весьма решительно стал на сторону главного казначея и повел энергичную агитацию, стараясь возбудить здешние правящие сферы и печать. Персы однако скоро поняли, что причиной этого заступничества является не столько забота о персидском суверенитете, сколько опасение, что будет положен конец наводнению Персии бельгийскими выходцами. Английский посланник, правда, также поинтересовался принятыми нашим консулом мерами, но, как я уже имел честь докладывать, в весьма сдержанной форме, предоставив здешнему корреспонденту газеты „Times“ выступить против нас с обличительными статьями. Что касается участия турецкого посла и германского посланника, то таковое, кажется, ограничилось преподанием советов и негласным возбуждением персидского шовинизма.

По частным сведениям, советом министров, обсуждавшим создавшееся в Азербайджане положение, принято было решение обратиться к аккредитованным здесь иностранным представителям с протестом против нашей политики в Персии. Была даже заготовлена особая нота с перечислением целого ряда действий России за последние годы, якобы нарушивших суверенные права персов, и с категорическим требованием об удалении из Тавриза Шоджа-эд-Доуле. В последнюю минуту было однако решено, повидимому, по желанию регента, отложить [вручение] ноты до более благоприятного времени и продолжать переговоры с императорской миссией устно. Само собой разумеется, что печать пользуется проявляемой правительством нерешительностью, чтобы подвергать его резкой кри-

тике и обвинениям в бездействии и отсутствии патриотизма, а Россию—в насилии и захватных замыслах. Что касается обещанных главным казначеем условий касательно организации взимания малията с русско-подданных, то выработка таковых также вызвала разногласия среди членов кабинета. Известно лишь, что спорный вопрос предположено поставить в возможно узкие рамки и придать ему чисто деловой, практический характер, отказавшись от включения разных отвлеченностей в роде суверенитета, неприкосновенности и равноправия Персии. Предложения главного казначея будут мне переданы на-днях.

Примите и пр.

Коростовец.

№ 373. Посол в Вашингтоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 41. 25/12 июня 1914 г.

Греческое правительство действительно покупает старые американские корабли за 11 миллионов долларов за оба.

Бахметев.

№ 374. Военный министр министру иностранных дел.

Письмо № 798. 25/12 июня 1914 г

Секретно.

В собств. руки.

По главному управлению генерального штаба.

Особое совещание, состоявшееся под председательством вашего высокопревосходительства [21] 8 февраля с. г. [1] по вопросу о нашем военно-морском положении на Черном море в связи с вопросом о проливах, между прочим, постановило желательным:

1) чтобы имеющие составить первый эшелон намеченных для константинопольской экспедиции десантных войск—13-я и 15-я пех. дивизии и 4-я стрелковая бригада были бы доведены до 84-рядного состава рот и

2) чтобы в артиллерийских частях Одесского военного округа была введена усиленная запряжка в мирное время, предусмотренная для пограничных округов, т. е. запряжка 6 орудий и 12 зарядных ящиков.

По приведенным двум мероприятиям считаю необходимым сообщить вашему высокопревосходительству нижеследующее.

В настоящее время, принимая во внимание новые мобилизаци-

[1] См. т. I, № 295.

онные расчеты, готовность к посадке на суда войск, предназначенных для десанта, значительно, в среднем на 5 дней, опережает готовность транспортов.

При таких условиях я полагаю возможным не входить в законодательные учреждения с законопроектом о доведении частей 13-й и 15-й пех. дивизий и 4-й стрелковой бригады до 84-рядного состава рот и усиления запряжек до 6 орудий и 12 зарядных ящиков на батарею, впредь до повышения готовности транспортов к посадке, тем более, что в настоящее время, когда проводится большая программа по усилению армии, нежелательно вносить в нее изменения, каковые были бы сделаны за счет нашей боевой готовности на западном фронте.

Кроме того, в случае необходимости предназначенные для десантной экспедиции войсковые части в предвидении похода могли бы внутренними распоряжениями быть усилены до необходимой численности.

В соответствии с сим я полагаю, что было бы вполне возможно проведение мероприятий по усилению мирного состава войск, предназначенных для десантной операции, приурочить ко времени, когда морское министерство, с своей стороны, будет в состоянии достигнуть сокращения сроков готовности транспортов к посадке войск.

Об изложенном мною одновременно с сим ставится в известность морской министр.

Военный министр генерал-адъютант Сухомлинов.

Начальник генерального штаба генерал-лейтенант Янушкевич.

№ 375. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 451. 26/13 июня 1914 г.

Спешно.

М. г. Петр Львович,

В прилагаемой при сем в копии депеше от [29] 16 мая с. г. № 22 [1] имп. посланник в Софии, указывая на желательность иметь в Болгарии русское кредитное учреждение, ссылается на возможность соглашения болгарского Торгового банка с нашими.

Посетивший меня сегодня директор названного банка г. Губидельников высказал мне в свою очередь желание вступить в переговоры с нашими банками, причем главной его целью является получение, благодаря их участию, доступа к парижскому денежному рынку. Увеличение капитала болгарского Торгового банка, по сло-

[1] См. выше № 118.

вам г. Губидельникова, в настоящее время не является вопросом первой очереди. При этом названный болгарский финансист добавил, что как австрийские, так и в последнее время итальянские банки заявляли о своей готовности войти с ним в соглашение, но что он по политическим соображениям предпочел обратиться к русским банкам.

Т[ак] к[ак] собственниками болгарского Торгового банка являются политические деятели Гешов, Тодоров, Буров, принадлежащие к партии народняков, действительно расположенной к нам, и внушающие нам лично доверие, я считал бы с чисто политической точки зрения желательным, если это по финансовым соображениям представляется возможным, оказать возможное содействие г. Губидельникову.

Сообщая о вышеизложенном, имею честь пок. просить ваше прев-во не отказать сообщить мне заключение ваше по сему предмету.

[Сазонов.]

№ 376. Министр иностранных дел министру финансов Барку.

Письмо № 452. 26/13 июня 1914 г.

Спешно.

М. г.,

По дошедшим до меня сведениям, приобретение Русско-Азиатским банком всего предприятия Салоникского банка встретилось с серьезными препятствиями, и в настоящее время возникает вопрос о возвращении, с некоторой уверенностью на успех, к прежней комбинации, состоявшей в том, что Русско-Азиатский банк участвует совместно с французской группой в приобретении Салоникского банка; при этом последний поглощает Национальный банк. Участие Русско-Азиатского банка определялось бы в третьей доле.

Принимая вышеизложенные обстоятельства во внимание, имп. посол в Кон[стантино]поле высказал мнение, что, ввиду чрезвычайной желательности возможно скорейшего разрешения вопроса о Салоникском банке, он не встречает препятствий к возвращению к прежней комбинации.

Вполне разделяя с своей стороны означенное мнение гофм. Гирса, имею честь покор. просить в. п. уведомить меня, не признаете ли вы возможным снабдить Русско-Азиатский банк соответствующими указаниями.

[Сазонов.]

№ 377. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Телеграмма № 167[1]. 26/13 июня 1914 г.

Grey me dit aujourd'hui que, fort préoccupé des bruits érronés circulant dans presse allemande sur conclusion de soi-disant convention navale anglo-russe relative détroits, il a cru devoir entretenir confidentiellement de ce sujet ambassadeur d'Allemagne, qui se rend à Kiel, où il verra empereur d'Allemagne. Grey affirma à ambassadeur d'Allemagne que depuis 5 ans question des détroits n'avait pas été touchée entre Angleterre et Russie. Il affirma qu'il n'existait entre Angleterre et France et Russie ni alliance ni convention. Pourtant il lui dit qu'il ne désirait nullement lui cacher, que ces dernières années degré[2] d'intimité des trois gouvernements était tel qu'ils s'étaient constamment entretenus de tout, en toute occasion, tout comme s'ils étaient alliés. D'un autre côté il affirme qu'au cours de ces années jamais en aucune occasion ces pourparlers n'avaient eu un caractère agressif contre Allemagne ni visé ce qui se nomme politique d'encerclement.

Benckendorff.

Перевод.

Грей сказал мне сегодня, что, сильно озабоченный неверными слухами, циркулирующими в германской прессе о заключении мнимой англо-русской морской конвенции по вопросу о проливах, он счел нужным доверительно говорить об этом с германским послом, который отправляется в Киль, где увидит германского императора. Грей указал германскому послу, что между Россией и Англией вопрос о проливах не подымался в течение пяти лет. Он указал, что между Англией, Францией и Россией не существует ни союза, ни конвенции. Тем не менее он ему сказал, что отнюдь не желает от него скрывать степень близости трех правительств, которая в течение последних лет была такова, что они постоянно совещались друг с другом обо всем и при всех случаях, как если бы они были связаны союзом. С другой стороны, он утверждал, что в течение указанных лет эти переговоры никогда и ни при каком случае не носили враждебного Германии характера и не имели в виду того, что называется политикой окружения.

Бенкендорф.

№ 378. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 171. 26/13 июня 1914 г.

Reçu № 1252[3].

Instructions à représentant anglais à Athènes pour notification arrangement épirote „si omnes" ont été expédiées.

Benckendorff.

---

[1] Опубл. Siebert, S. 823—824, причем документ датирован 25/12 июня.

[2] У Siebert'a слово это пропущено.

[3] См. выше № 360.

Перевод.

Получил № 1252.

Отправлены инструкции английскому представителю в Афинах о сообщении [там] соглашения относительно эпиротов „si omnes".

Бенкендорф.

№ 379. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 172. 26/13 июня 1914 г.

Reçu №№ 1260 [1] et 1261 [2].

Même télégramme reçu du commissaire anglais. Nicolson me dit qu'Impériali a annoncé confidentielement proposition imminente officielle italienne à ce sujet, qu'il croit devoir attendre pour expédier instructions à Athènes.

Benckendorff.

Перевод.

Получил №№ 1260 и 1261.

Такая же телеграмма получена от английского комиссара. Нильсон сказал мне, что Империали [ему] доверительно объявил, что предстоит официальное предложение Италии по этому вопросу, которое он считает нужным ждать до отправки инструкций в Афины.

Бенкендорф.

№ 380. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма № 169. 26/13 июня 1914 г.

Получил № 1252 [3].

Французскому посланнику в Афинах поручено сделать греческому правительству указанное в вашей телеграмме сообщение, „si omnes".

Извольский.

---

[1] Тел. от 25/12 июня за № 1260 был передан полученный от секретаря комиссара в Албании кн. Лобанова-Ростовского идентичный текст тел. членов контрольной комиссии, посланной ими своим правительствам, о необходимости державам предпринять шаги в Афинах для предотвращения вооруженного выступления эпиротов, подготовлявшегося на греч. территории.

[2] Тел. от 25/12 июня за № 1261 в Афины (сообщ. в Париж, Лондон и Валону) Сазонов предлагал „сделать... представление греческому правительству", если франц. и англ. посланники получат соответствующие инструкции от своих правительств.

[3] См. выше № 360.

№ 381. Посол в Париже министру иностранных дел.

/. Телеграмма [1]. 26/13 июня 1914 г.

Получил телеграмму из Софии № 118 [2].

До французского правительства дошел слух о предложении, сделанном в Софии неким Галле от имени „Lloydsbank" с участием, будто бы, некоторых крупных здешних банков. Французское правительство считает это предложение несерьезным и во всяком случае отрицает участие в нем здешних банков.

Извольский.

№ 382. Посол в Вене министру иностранных дел.

Письмо. 26/13 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Свидание государя императора с королем Карлом в Констанце и те последствия, которые событие это может иметь для австро-венгерской политики, продолжают сильно волновать умы здешних политических деятелей.

Особенно, говорят, встревожен этим наследник престола, который с обычной ему несдержанностью не скрывает своего неудовольствия против „измены" Румынии и венгерской политики, способствовавшей, по его мнению, означенному повороту румынской политики.

Во время свидания в Конопиште, которое посвящено было, повидимому, главным образом морским вопросам, как оказывается, подвергся также обсуждению и румынский, причем со стороны императора Вильгельма были сделаны успокоительные заверения, основанные на воодушевляющих, будто бы, короля Карла чувствах глубокой преданности личности императора Франца-Иосифа и главе дома Гогенцоллернов.

Более пессимистично отнесся император Вильгельм к будущему.

Исчезновение с политической арены короля Карла, по его мнению, может сильно отозваться на направлении внешней политики Румынии и повести к заключению союзов, на которые нынешний король никогда не согласится. Ввиду этого вопрос об укреплении австро-венгерской границы с Румынией должен быть решен в утвердительном смысле.

Слухи о возбуждении нами вопроса о проливах в связи с возрождением нашего флота тоже, повидимому, сильно беспокоят

---

[1] Царск. экз.

[2] См. выше № 367.

членов Тройственного союза и служили также предметом обсуждения в Конопиште, причем эрцгерцог Франц-Фердинанд, по свидетельству присутствующих при свидании лиц, имел весьма продолжительные совещания с адмиралом Тирпицем, во время которых, как говорят, обсуждалась не только настоящая судостроительная программа Австро-Венгрии, согласно которой к 1918 году монархия должна располагать 12 дредноутами, но и секретная программа, состоящая в изготовлении на заводах отдельных частей судов, могущих быть собранными в случае надобности весьма скоро.

Посещение Кронштадта английской эскадрой и пребывание в Париже начальника нашего морского штаба послужили также предметом самого оживленного обсуждения со стороны здешних политических кругов.

Как я имел честь донести вашему высокопревосходительству в предыдущих донесениях[1], со стороны венского кабинета так же, как и берлинского, прилагаются большие старания к сближению с Англией и к отторжению последней от Тройственного согласия, В этом направлении усиленно и небезуспешно работает германский посол в Лондоне кн. Лихновский. Ввиду этого все, что касается наших отношений с Англией, вызывает здесь в последнее время живейший интерес.

В выступлениях членов английского правительства в парламенте здесь было усмотрено подтверждение слухов об отказе Англии связать себя с нами союзом. Но особенное удовлетворение вызвало здесь известие о приобретении английским правительством в собственность концессии на разработку нефтяных источников в Персии.

Ввиду нахождения этих источников вне сферы английского влияния, обстоятельство это рассматривается здесь как первый шаг к уничтожению соглашения 1907 г. между нами и Англией.

Вышеизложенные явления, а также заход английской эскадры в Киль по дороге в Кронштадт, стараются изобразить здесь как несомненные признаки охлаждения наших отношений с Англией и близкого распадения Тройственного согласия; причиной же этого выставляются опасения, вызываемые в Англии быстрым возрождением России после перенесенных ею несчастной войны и смутного революционного времени.

Усиление Черноморского флота и возможность возбуждения нами вопроса об открытии проливов, по мнению здешних полити-

---

[1] См. выше № 24.

ков, заставляет старого врага и соперника России на Ближнем и Дальнем Востоке снова опасаться за безопасность своих сообщений с Индией и нарушение существующего ныне равновесия сил в Средиземном море.[1]

Примите и пр. Шебеко.

№ 383. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 119. 26/13 июня 1914 г.

Ваша телеграмма № 1249 [1] получена.

Болгарский министр финансов обратился ко мне на-днях с просьбою, ходатайствуя о моем предстательстве перед императорским правительством и сознавшись, что, по досадному недосмотру, повышение налога на керосин было включено в проект бюджета в нарушение постановлений нашей торговой конвенции с Болгарией. По получении вашей вышеупомянутой телеграммы я сообщил Тончеву лишь, что техническая часть вопроса передана вами на заключение министра торговли, а что ваше отношение к нему вы не можете не поставить в зависимость от исхода переговоров о займе.

Савинский.

№ 384. Посланник в Софии министру иностранных дел.

*/. Письмо. 26/13 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Мне хотелось бы дополнить телеграфную переписку, происходившую за последнее время по вопросу о болгарском займе между императорским министерством и миссией, некоторыми подробностями, которые не могли, конечно, найти себе место в моих телеграммах, но которые имеют известное значение и интерес.

Обмен телеграмм между [9 июня] 27 и [13 июня] 31 мая [2] свидетельствует, что императорское министерство не находило сначала возможным согласиться с моим взглядом, что за последнее время обстоятельства изменились и что то, что было невозможным три или четыре месяца тому назад, становилось желательным ныне: министерство стояло на той точке зрения, что, покуда у власти нынешнее правительство или покуда, по крайней мере, у нас нет уверенности, что „ко времени получения остальной части займа у власти будут люди, внушающие нам доверие", мы не должны принимать участие в займе.—Та же мысль была выражена и в

[1] См. выше № 341.
[2] См. выше №№ 186, 191, 215 и 233.

весьма доверительном письме г. товарища министра от [8 июня] 26 мая с. г. за № 387 [1].

Ввиду этого тем ценнее для меня было получение вашей секретной телеграммы от [14] 1 июня, срочно мне переданной г. старшим советником министерства за № 1168 [2]. Получение этой инструкции, развязывавшей мне руки, совпало с возвращением из Парижа французского посланника, привезшего известие, что французское правительство, вступив в сношения с банком Перье, готово оказать Болгарии денежную помощь (моя секретная телеграмма № 111) [3].

Г. Панафье предполагал посетить на следующий день по приезде г. Радославова и, во исполнение полученной им в Париже инструкции, сказать ему, что французские банки, узнав о затруднениях, которые встречают в Берлине переговоры болгарского министра финансов, готовы благосклонно выслушать теперь пожелания болгарского правительства, если последнее к ним обратится.

Ввиду того, что за время отсутствия г. Панафье у меня был с председателем совета министров разговор, о котором я доносил в телеграмме № 107 [4] и во время которого последний категорически заявил мне, что в момент, когда он узнал бы, что Россия и Франция готовы дать Болгарии заем, он дал бы Тончеву в Берлин телеграмму с приказанием прервать переговоры,—ввиду этого, говорю я, мне казалось гораздо более выгодным для нас, чтобы предложение французского правительства было сделано не по его собственной инициативе, а как бы в ответ на тот шаг, который сделал предо мною г. Радославов и за которым я дорожил сохранить характер формальной просьбы о помощи. Г. Панафье согласился с такой постановкой вопроса и на следующий день виделся с председателем совета министров. Выйдя от последнего, г. Панафье зашел ко мне. Из его рассказа я увидел, что он не сказал всего того, что я считал нужным и полезным закрепить в умах болгарских правителей, и поэтому на следующий день я посетил Радославова, разговор с которым начался с того, что он признался в своей ошибке, когда он категорически утверждал мне несколько дней тому назад, что у болгарского министра финансов имеется нота французского посланника с отказом в займе: он

---

[1] См. выше № 182.
[2] См. выше стр. 326, прим. 1.
[3] См. выше № 278.
[4] См. выше № 215.

обещал даже тогда прислать мне копию этой ноты, которая, как теперь оказалось, спуталась в его памяти с требованием г. Панафье об уплате французскому правительству из предстоящего займа 75 миллионов по бонам казначейства.

Затем, я сказал ему приблизительно следующее: „[11 июня] 29 мая вы обратились ко мне с ходатайством о денежной помощи; ходатайство это я передал в Петербург, где оно было подвергнуто совместно с французским правительством самому благожелательному рассмотрению, результатом чего и явились те инструкции, которые французский посланник получил перед своим отъездом из Парижа и которые составили предмет его вчерашнего сообщения вам".

При этом я указал своему собеседнику на то, что настоящий шаг свидетельствует о том неизменном расположении и заботливости, с которыми императорское правительство печется о нуждах Болгарии и ее народа, даже когда во главе правительства стоят люди, открыто занявшие враждебное России положение. При этих словах г. Радославов снова рассыпался в протестах насчет письма [6 июля] 23 июня[1] и повторил в свое оправдание более подробно все то, о чем я уже имел честь телеграфировать. Когда он произнес свою заученную фразу, что „политика Болгарии не руссофильская и не австрофильская, а национальная болгарская", я заметил ему что государства несколько бо̀льшие, чем Болгария, и те ищут поддержки и союзов и что взгляд, подобный тому, который он высказывает, и привел Болгарию к тяжелому положению изолированности и вражды к соседям, в котором она теперь находится. Болгария должна жить в мире с соседями и заручиться вместе с тем поддержкой сильной державы, каковой в силу традиций, единства веры и языка, исторических условий и общих интересов только и может быть Россия. Политика заигрываний и колебаний не под силу и большим государствам, Болгарии же нужно раз навсегда открыто и честно связать свою судьбу с Россией и поступать так, чтобы ни у кого в России на этот счет не было ни малейшего сомнения. При этих условиях Россия никогда не оставит Болгарию своими советами и помощью; заигрывания же ее с Австрией, не принося Болгарии ничего, кроме самых горьких разочарований, возбуждают в России лишь одно неудовольствие.

Радославов, человек сам по себе ничтожный и держащийся лишь поддержкой своих единомышленников и короля, соглашался со всем, что я ему говорил. Если бы речь шла о нем одном, я бы не стал

[1] См. выше № 215.

даже тратить слов убеждения, но я знал, что мои слова будут им повторены, и считал, что это, быть может, не лишено значения в момент, когда, если заем во Франции состоится, Болгарии придется стать на другую политическую позицию.

[20] 7 июня я получил секретную телеграмму посла в Париже за № 163[1]. Ни я, ни французский посланник, ни здешние представители французских финансовых интересов не могли себе объяснить происхождение заключавшегося в ней неожиданного предложения группы Перье немедленно выпустить заем в 700 миллионов франков, вместо предполагавшегося аванса в 100 миллионов и займа в 500 миллионов. Через день или два после получения вышеупомянутой телеграммы гофмейстера Извольского английский посланник сообщил нам о намерении некоторых английских банков также принять участие в займе; быть может, этим и объясняется повышение предложений Перье, если английские капиталисты примкнули к его группе. Независимо от того, что всякое новое предложение, требуя нового рассмотрения, вызывает задержку крайне нежелательную, так как известная часть правительства, с министром финансов во главе, предпочитает по личным соображениям все-таки скорее покончить с Берлином,—независимо от того, говорю я, предложение увеличить цифру займа является нецелесообразным и, как мне говорили Малинов, Тодоров и другие, даже непосильным для страны. Болгарии теперь нужен и по силам заем в 500 миллионов, но он нужен немедленно; вот почему весьма прискорбно, что новые предложения задержали первоначальные проекты французских банков, которые в Болгарии могли дать наибольшее удовлетворение, и нам давали возможность помешать нежелательному для нас берлинскому займу; вот почему также жаль, что дипломатическое поручение, данное Панафье, не сопровождалось приездом сюда представителя Перье с совершенно определенными предложениями. Я говорил об этом с первого дня г. Панафье, но последний решился лишь вчера телеграфировать в этом смысле в Париж, видя, что почва уходит у нас из-под ног.

В вышеупомянутой беседе г. Радославов коснулся далее волнующего теперь здесь все умы вопроса о свидании государя императора с королем румынским. Он сказал, что, как и все болгарские патриоты, он не может думать и говорить об этом свидании без глубокой сердечной горечи: сознание, что русский царь был так близко от орошенной русской кровью Болгарии, заставляет стра-

[1] См. выше № 309.

дать нравственно каждого болгарина. Переходя к политической стороне этого „мирового",—как он сказал,—события, Радославов выражал опасение, что милость, оказанная Румынии государем императором, вскружит окончательно головы румынам, с которыми впредь нельзя будет ни о чем сговориться, что за последние дни ими уже обнаружена несговорчивость в вопросе о постройке моста через Дунай,—вопросе, по которому раньше было достигнуто известное соглашение, что румынские газеты уже говорят о присоединении Варны и Рущука, и т. д.

Я ответил на это, что всяким газетным толкам придавать значения нельзя, но что посещение государем императором Румынии имеет бесспорно высокое политическое значение, что оно было заслужено той благоразумной ролью, которую Румыния и ее король сыграли за время последних событий; кроме того, Румыния, сказал я, сознала, что за все время своего тяготения к Австрии она, кроме постоянных разочарований и эксплоатации со стороны последней, ничего не видела, тем не менее 30 лет она держалась известного направления, не шатаясь из стороны в сторону, а по зрелом обсуждении обратилась в сторону могучей соседки, видя, как последняя, в отличие от Австрии, относится к своим друзьям; Россия ни в каком отношении не имела оснований не протянуть ей руку, наоборот, благоразумие и постоянство румынской политики являются залогом прочности этого обращения. Но из сближения России с Румынией Болгарии не следует делать неверных выводов и плохо его толковать. Наоборот, я уверен, что оно явится залогом общего благополучия, и, будучи в хороших отношениях с Румынией, Россия не только не оставит Болгарию своим попечением, но напротив, если она будет того заслуживать, будет в состоянии оказывать услуги болгаро-румынским отношениям, влияя на благоприятное разрешение тех спорных вопросов, которые могли бы возникнуть между двумя дунайскими соседками, что она не всегда могла делать, покуда Румыния тяготела к Австрии; только для этого нужны опять-таки со стороны Болгарии доказательства ее искренности и полной веры в то, что от России она может получить только одно хорошее. Болгария должна честно и прочно обратиться в сторону России и доказать это не словами, а фактами; средств же для этого у Болгарии более чем достаточно, и не России их указывать.

Насчет свидания в Констанце мне пришлось уже не раз высказываться в таком же смысле перед разными болгарами, в том числе пред вернувшимся на-днях после годового отсутствия Гешовым.

Приходится разбивать легенды, создающиеся отчасти намеренно, отчасти искренно кругом самых ничтожных внешних подробностей свидания, доказывать, что в свидании этом нет ничего направленного против болгар и что, наоборот, последние должны радоваться происшедшему сближению, могущему отразиться благотворно на их собственных интересах.

Затем Радославов перешел к обострившимся за последние дни греко-турецким отношениям и сказал мне, что его запрашивали и из Константинополя, и из Афин (!) насчет того положения, которое заняла бы Болгария в случае столкновения. Радославов ответил в оба места, что Болгария намерена в этом случае сохранять полный нейтралитет. Я одобрил это решение, высказав, что со стороны Болгарии было бы безумием вмешиваться в греко-турецкую распрю, и что она, в случае столкновения, вправе рассчитывать на гораздо большее, оставшись нейтральною, чем приняв активное участие. При этом Радославов не преминул однако мне указать, насколько затруднительно положение Болгарии, окруженной со всех сторон врагами и не имеющей возможности нигде искать поддержки, кроме Турции. Я заметил, что прямыми последствиями[1] его слов является необходимость искать сближения с соседями, но отнюдь не в воинственных, а исключительно мирных целях.

Со времени этого разговора я имел честь сообщить вам—телеграммой за № 116[2]—о подтвержденном мне письменно Радославовым намерении болгарского правительства сохранять в случае греко-турецкого столкновения самый строгий нейтралитет.

Примите и пр.

Савинский.

P. S. Сию минуту получил секретную телеграмму посла в Париже с известием, что директор банка Перье выехал вчера в Софию. В добрый час! Будем надеяться, что время еще не упущено и что нам удастся избавить Болгарию от грозящей опасности.

Ut in litteris.

Савинский.

№ 385. Посланник в Бухаресте министру иностранных дел.

Письмо. 26/13 июня 1914 г.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Тронная речь, которой король Карл лично открыл [18] 5 июня

[1] Так в подлиннике.

[2] См. выше стр. 366, прим. 3.

сессию вновь избранного учредительного собрания, дала его величеству случай высказать перед румынскими народными представителями свои чувства по поводу недавнего посещения их императорскими величествами Констанцы [1]. Теплые выражения этой речи, посвященной высочайшему визиту, и восторженный прием ее всем без исключения учредительным собранием служат предметом оживленных толков здешнего дипломатического корпуса и политических кругов, которые находят их в высшей степени знаменательными и видят в них высокоавторитетную санкцию происшедшей за последнее время перемены в русско-румынских отношениях.

Король находится в отличном состоянии здоровья и в необычайно бодром и веселом настроении, причем любимой темой для его разговоров с окружающими его лицами служат пережитые события [14] 1 июня. Такому настроению его величества, вероятно, немало способствует и то обстоятельство, что именно после посещения их императорскими величествами Румынии он сделался предметом небывалых личных оваций в учредительном собрании, при входе в зал заседаний и после прочтения тронной речи.

Румынская печать в общем восторженно комментирует констанцские события, усматривая в них высокую оказанную Румынии честь и залог как закрепления русско-румынской дружбы, так и освобождения здешнего королевства от австрийской опеки. Исключение из этого хвалебного хора составляют две здешние газеты „Adeverul“ и „Dimineatza“, издаваемые социалистом Милле, который одновременно является представителем „Alliance Israèlite“ в Бухаресте, чем в достаточной мере объясняется его всегдашнее враждебное отношение к России. Два других социалистических шантажно-бульварных листка „Seara“ и „Facla“ тоже поместили несколько враждебных нам статей, но можно сказать, что голос этих четырех газет был совершенно заглушен голосом серьезных румынских органов печати.

В самой влиятельной здешней газете „Universul“ брат румынского посланника в Петербурге, либеральный депутат Георгий Диаманди, поместил ряд статей, посвященных русско-румынским отношениям. В первой из этих статей автор, приветствуя предстоявшее тогда посещение Румынии их императорскими величествами, счел

[1] В депеше от 18/5 июня за № 33 Поклевский отмечал следующее место тронной речи румынского короля: свидание в Констанце „свидетельствует о цене, придаваемой великой Российской империей миротворческим усилиям Румынии; оно освятило вновь славное боевое братство 1877 года, а также все более и более крепнущие дружеские отношения между двумя странами“.

нужным одновременно отдать должную дань своим личным националистическим чувствам, упомянув о Бессарабии и о причиненной Россией Румынии на Берлинском конгрессе обиде. В последующих однако статьях г. Диаманди более к этому вопросу не возвращался, но подробно разбирал важное для Румынии значение высочайшего визита и дал весьма лестную для вашего высокопревосходительства характеристику вашей деятельности по управлению министерством иностранных дел, положившей основу для русско-румынского сближения. В последней статье г. Диаманди горячо отзывается о совместном выступлении нашей и румынской дипломатий в Константинополе с целью обеспечения свободы плавания в проливах, в каковом шаге усматривает прямое и весьма ценное последствие происходивших в Констанце переговоров. Последний взгляд, впрочем, единодушно разделяется всей румынской прессой и всеми политическими кругами без различия партий.

Если к вышеизложенному прибавить, что румынская публика проявила живейший интерес к событиям в Констанце, что ею нарасхват раскупаются фотографические снимки с некоторых эпизодов дня [14] 1 июня и что она битком наполняет бесчисленные здешние кинематографы, весьма удачно воспроизводящие отдельные моменты этого памятного для румын дня,—то можно с уверенностью сказать, что посещение их императорскими величествами Румынии явилось не только событием, давшим глубокое нравственное удовлетворение румынскому монарху и самолюбию румынского народа, но и явлением, сильно всколыхнувшим в хорошем и в желательном для нас смысле широкие слои здешнего общества.

У румынского правительства пока, повидимому, нет еще вполне определенных сведений о том, как отнеслись европейские кабинеты к недавнему свиданию в Констанце и к посещению вашим высокопревосходительством Бухареста. Г. Порумбару сказал мне только, что на-днях германский посол в Вене счел нужным упомянуть в разговоре с тамошним румынским посланником о том, что Германия находится в тесном союзе с Австрией и ни за что и ни при каких условиях ее не покинет. Министр однако не придает особого значения этим словам и приписывает их влиянию графа Бертхольда на барона Чиршского, так как одновременно с этим румынский поверенный в делах в Берлине доносит, что в тамошнем министерстве иностранных дел его заверили в том, что улучшение русско-румынских отношений нисколько не тревожит берлинский кабинет, который продолжает с доверием относиться к румынской политике. Последние слова однако не были сказаны кем-либо из ответственных

руководителей германской иностранной политики, а лишь одним из начальников отделения в министерстве иностранных дел в Берлине.

Примите и пр.

С. Поклевский-Козелл.

№ 386. Посол в Константинополе министру иностранных дел.
*/. Телеграмма № 422. 26/13 июня 1914 г.

Калмыков телеграфирует:

Талаат просит передать вам конфиденциально: он желал бы соглашения с Грецией на следующих основаниях. Греко-турецкая комиссия определит убытки турок-эмигрантов из Македонии и греков-эмигрантов из Малой Азии, и разница будет возмещена. В случае спора—арбитраж двух великих держав. Выселившиеся греки не вернутся, но оставшихся в Азии греков Талаат удержит и обеспечит им спокойствие. Ввиду очищения от греков побережья, Турция может де сделать большие уступки в решении вопроса о Хиосе и Митилене, а затем можно де и заключить союз с Грецией. Талаат хотел бы, чтобы вы, не выдавая его, воздействовали на афинский кабинет. Возможно однако, что предложение Талаата клонится к предотвращению войны лишь до момента, когда Турция будет более готова. Относительно греков здесь положение следующее. движение против греков поощрялось властями. Теперь Таалат старается остановить оное, считая его, особенно в крайних формах, при нынешних условиях опасным для Турции, но пока ни греки, ни турки не верят перемене взгляда правительства. Чтобы серьезно запугать турок и внушить доверие грекам, Талаат должен решительно выступить за греков против турок, но, несмотря на его обещания, еще нельзя сказать, как далеко он решится и сможет итти в этом направлении.

Гирс.

№ 387. Посол в Константинополе министру иностранных дел.
*/. Телеграмма № 427. 26/13 июня 1914 г.

Я телеграфирую в Смирну.

Тухолке.—Передайте Талаату от меня, что, по моему мнению, греко-турецкая комиссия для определения взаимных убытков эмигрантов, как турецких, так и греческих, предоставленная самой себе, едва ли будет работать успешно. Европейский же арбитраж сложен. Было бы целесообразнее поставить во главе греко-турец-

кой комиссии европейского председателя из подданных одного из маленьких государств по выбору великих держав с решающим голосом в случае разногласия. Выскажите ему равным образом, что ему необходимо для пользы дела внушить доверие христианскому населению, а для этого нельзя более медлить принятием самых энергичных мер, чтобы остановить движение против христиан, со спешным водворением последних в прежние села. Крайне желательно, чтобы вы могли следить за осуществлением и этой последней меры.

Гирс.

№ 388. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 429. 26/13 июня 1914 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 426 [1].

Частным и доверительным образом объяснился сегодня с великим визирем, который лично не делает возражений против председательства европейского подданного маленького государства, но настаивает, чтобы выбор европейца был предоставлен Турции и Греции по взаимному соглашению, а не великим державам. Он доверительно присовокупляет, что приложит все старание, чтобы действительно притти к соглашению с Грецией относительно европейца и надеется на успех, желая прежде всего избежать вмешательства Европы. Полагаю, что с такой постановкой вопроса можно было бы согласиться, тем более, что если обе стороны не придут к соглашению, то силою вещей всплывает необходимость предоставить выбор арбитру.

Гирс.

№ 389. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 430. 26/13 июня 1914 г.

Брандт телеграфирует:

„Кагул", простояв вторник в Керасунде, вчера после полудня прибыл в Трапезунд и завтра утром снимется в Ризе, где, по слухам, положение греков критическое. Здесь же все спокойно. Появление военного судна производит впечатление.

Гирс.

---

[1] См. выше № 370.

№ 390. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 431. 26/13 июня 1914 г.

Копия в Афины.

Ссылаюсь на свой № 357 [1].

Согласно моим настояниям, Порта сделала вчера патриархии официальное сообщение, в котором упомянула все перечисленные в сказанной телеграмме пункты. Однако, несмотря на полученное удовлетворение, настроение синода продолжает оставаться нервным. Патриарх Герман не мог сегодня собрать даже надлежащего для заседания кворума. Он доверительно сообщил мне, что дух недовольства в патриархии поддерживается греческим посланником, вдохновляющим оппозицию и стремящимся затянуть открытие церквей. Одновременно патриарх просил, не выдавая его, вызвать из Афин категорическое предписание Панасу прекратить агитацию среди константинопольских греков и духовенства. Считаю долгом усиленно поддержать ходатайство патриарха, в особенности ввиду конца телеграммы Урусова № 122 [2]. Гирс.

№ 391. Министр иностранных дел посланнику в Софии Савинскому.

*/. Телеграмма № 1271. 27/14 июня 1914 г.

Телеграмма из Парижа № 163 [3] получена.

Министр финансов уведомляет, что заинтересованные русские банки считают обмен краткосрочных бонов на долгосрочные обязательства нового займа не соответствующим соглашению при первоначальной ссуде в 10 миллионов рублей о погашении ее при заключении займа. Они указывают, что им неизвестно, предполагается ли таковая замена по номинальной цене бонов и облигаций или по какому-либо иному расчету, и затрудняются согласиться на предложенную операцию, утверждая, что, по их сведениям, группа Перье не может считаться первоклассной [4].

Телеграфируйте срочно, в каком положении переговоры с Перье и каковы предполагаемые условия выпуска и гарантии займа.

Сазонов.

---

[1] См. выше № 261.

[2] См. выше стр. 357, прим. 1.

[3] См. выше № 309.

[4] Публикуемая тел. излагает содержание секр. письма м-ра фин. от 27/14 июня за № 166 на имя Сазонова. В делах б. м-ва ин. дел имеется запись разговора по телефону 26/13 июня в 4 час. дня. В записи указывается, „что русские банки могли бы принять участие в болгарском займе только, если под облигации будет оказан кредит Государственным банком, что не имеет шансов на успех".

№ 392. Министр иностранных дел послу в Вашингтоне Бахметеву.

/. Телеграмма № 1276. 27/14 июня 1914 г.

Ввиду отъездов в отпуск военно-морского агента в Соединенных Штатах и вследствие просьбы морского министра, благоволите иметь неотступное наблюдение за переговорами о покупке аргентинских крейсеров Турцией, что явилось бы для нас в высшей степени неблагоприятным.

Сазонов.

№ 393. Посол в Лондоне министру иностранных дел.

Письмо. 27/14 июня 1914 г.

Monsieur le ministre,

J'ai eu l'honneur en date du 23 et 25 [1] juin d'adresser à votre excellence deux télégrammes rendant compte des deux entretiens que j'ai eu avec Sir E. Grey au sujet de l'Anglo-Persian Oil Company.

J'avais provoqué le premier au banquet donné au Foreign Office à l'occasion de la fête du roi assis à côté du secrétaire d'Etat.

Je lui dis que je n'avais nullement l'intention de traiter en ce moment cette question à fond, mais que je pensais le prévenir que j'avais eu la visite de quelques journalistes russes fort alarmés de l'impression que le nouvel aspect que cette question avait pris, ferait sur la presse et l'opinion publique russe.

Sir Edward entra aussitôt en matière. Pour abréger je ne reviendrai pas sur ce premier entretien qui pourtant me donnait déjà le fond de l'argumentation du ministre. Il le termina en me disant qu'il y avait des points dans cette affaire dont il devait s'informer plus amplement, qu'il en causerait avec le premier lord d'amirauté et qu'il reprendrait cet entretien avec moi au plus tôt, désirant vivement détruire tout malentendu à ce sujet.

En effet au bout de quelques jours le secrétaire d'Etat me fit prier de passer chez lui. Cet entretien fait l'objet de mon télégramme № 170 [2].

Sir Edward commença par me dire qu'en lisant la presse anglaise et vu l'opposition que ce projet avait rencontré avant même d'avoir été approuvé par la Chambre, il ne pouvait être très étonné des préoccupations de la presse russe.

Puis il me dit qu'il était inexact que la concession obtenue de l'ancien gouvernement persan en 1901 ait subi aucune modification et

---

[1] См. выше №№ 348 и 365. В публ. документе ошибочно указана тел. от 23/10 июня, вместо тел. от 24/11 июня.

[2] См. выше № 365.

que les concessionnaires eussent acquis de nouveaux privilèges. Les choses, me dit-il, sont exactement où elles en étaient sans aucune nouvelle intervention du gouvernement persan.

Si le gouvernement britannique a dû s'ingérer dans l'affaire c'est qu'il lui importait d'assurer à la flotte le pétrole nécessaire dans les conditions les plus utiles à la flotte, c'est à dire au meilleur marché possible, en exploitant par conséquent les parages les plus à la portée de la flotte, de manière à rendre le transport plus rapide et plus facile et à encourir le moins de frais possibles de sécurité et de responsabilité de toute sorte.

Sir Edward me répéta alors ce que Mr. Winston Churchill avait dit la veille à la Chambre. Il me donna l'assurance positive que l'exploitation de la concession avait pour objet le Midi de la Perse, plus spécialement la sphère d'influence anglaise.

Je reportai l'attention du ministre sur la sphère d'influence russe en motivant mes observations. Sir Edward me demanda si j'étais bien sûr que la concession s'étendait dans cette sphère. Je lui répondis qu'en effet je n'avais pas de documents à ce sujet, mais que j'avais cru la chose de notoriété publique. Il me répondit qu'ils s'en informerait immédiatement. Quoiqu'il en soit, me dit-il, cette dificulté me paraît de nature à pouvoir être arrangée facilement et que le moyen pratique, soit celui d'une vente, soit tout autre devrait pouvoir être aisément trouvé.

Restait la question du maintien de la sécurité des travaux. Sir Edward me dit qu'il comptait encore sur les moyens et les forces que pourrait produire le gouvernement persan, que la difficulté était surtout financière et que le gouvernement, bien contre son gré, s'était décidé à faire une nouvelle avance de 50.000 livres au gouvernement persan, en stipulant tout spécialement que ce subside ne pourrait être employé à couvrir aucune autre dépense. Sir Edward prévoit pourtant que ce subside pourrait bien être le dernier et il ajouta encore une fois que ce n'était que pour le cas où toute force persane telle que celle des Suédois ferait défaut, que le gouvernement anglais aurait à penser à d'autres mesures dont il ne connaissait pas encore la nature. Peut-être, me dit-il, une force persane commandée par des officiers anglais, le gouvernement des Indes maintenant absolument ses objections à l'envoi de troupes des Indes. Sir Edward Grey ajouta aussitôt que si jamais de pareilles mesures devaient être prises et qu'elles puissent affecter le moins du monde les stipulations de la convention, rien ne serait fait avant d'en avoir référé au gouvernement impérial.

A cette occasion pourtant Sir Edward Grey me dit qu'il parlait de

la sauvegarde des intérêts de la concession de l'Anglo-Persian Oil Company, mais que indépendamment de ces intérêts il y avait la question de la nécessité de la sécurité permanente de la route de commerce Bushir — Shiraz, et qu'à ce dernier sujet il devait s'en référer à ce qui avait été dit à Balmoral. Sir Edward me répéta qu'il y avait là deux questions distinctes.

En se résumant, il répéta que le gouvernement avait en vue l'exploitation du Midi, et qu'il pensait que ce qu'il venait de m'en dire représentait un tableau différent de celui décrit dans la presse anglaise, et de ce qu'il avait appris de la presse russe. On y avait représenté l'Angleterre comme désirant étendre ses responsabilités jusque dans le nord de la Perse, qu'en réalité c'était juste le contraire qui était le cas.

Pour ma part, je crois qu'il faut prendre en considération que l'ancien état de choses d'une société privée anglaise jouissant d'une convention aussi étendue, sans que nous en puissions attaquer téchniquement et légalement la base et l'origine, présentait au point de vue de nos intérêts des inconvénients en réalité non pas moindres, mais plus grands, plus directs et plus dangereux par ses conséquences tant économiques que politiques, que l'état de choses établi par la prise en mains de l'affaire par le gouvernement anglais.

On m'assure que le capital qui n'est pas énorme eût été facilement trouvé. La société libre dans ses entreprises eût agi en se guidant seulement par ses intérêts financiers. Il se fût créé là un intérêt de premier ordre, pénétrant jusqu'à l'extrême limite du nord et de fil en aiguille le gouvernement anglais se fût trouvé forcé à appuyer et à défendre des intérêts dont, dans son fort intérieur, il déplorait au point de vue politique l'existance.

Aujourd'hui il n'en est plus ainsi. Le gouvernement a l'affaire et son extension en mains et ceci vient certainement à l'appui de l'argumentation et des explications que m'a fournies Sir E. Grey.

Le ministre aura certainement à s'expliquer à ce sujet à la Chambre des communes. Il est peut-être regrettable qu'il ne l'eût pas fait plus tôt, mais cette question n'y a pas encore été discutée à fond pour la raison que le parlement est tout entier absorbé par la gravité des questions intérieures.

L'étendue de cette ancienne concession, obtenue en circonstances différentes, se trouve en réalité être aujourd'hui un embarras pour le gouvernement anglais, non seulement au point de vue de l'opposition qui a surgi, non seulement au point de vue de ses rapports avec la Russie, mais au point de vue des intérêts anglais eux-mêmes.

Telles sont, je crois, les raisons qui ont inspiré à Sir Edward Grey de s'en expliquer avec moi à la première occasion que je lui ai fournie et qui paraissent faciliter les choses.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. министр.

Я имел честь отправить вашему провосходительству 23 и 25 июня две телеграммы с отчетом о двух моих беседах с сэром Э. Греем об Anglo-Persian Oil Company.

Находясь рядом со статс-секретарем на банкете в Foreign Office по случаю именин короля, я вызвал первую из этих бесед.

Я сказал Грею, что отнюдь не намереваюсь основательно обсуждать сейчас этот вопрос, но хочу его предупредить, что меня посетило несколько русских журналистов, сильно взволнованных печатлением, которое этот вопрос в своем новом виде произведет на русскую печать и общественное мнение. Сэр Эдуард тотчас же приступил к самому предмету [разговора]. Для краткости я не буду возвращаться к этой первой беседе, которая тем не менее уже вскрыла сущность рассуждений министра. Он закончил ее указанием, что в этом деле имеются такие пункты, по которым он должен получить более полную информацию, что он будет об этом говорить с первым лордом адмиралтейства и что он возобновит со мной этот разговор как можно скорее, так как он сильно желает уничтожить все недоразумения в этом вопросе.

Действительно, по прошествии нескольких дней, статс-секретарь попросил меня посетить его. Этот разговор передан в моей телеграмме № 170. Сэр Эдуард начал с указания о том, что, читая английскую прессу и наблюдая оппозицию, которую встретил этот проект еще до его утверждения палатой, он не мог слишком удивляться беспокойству русской прессы.

Затем он мне сказал, что неверно, будто концессия, полученная у старого персидского правительства в 1901 г., подверглась каким бы то ни было изменениям и будто концессионеры приобрели новые привилегии. Все, сказал он мне, обстоит точно так, как оно обстояло раньше, без какого-либо нового вмешательства персидского правительства.

Если английскому правительству пришлось вмешаться в дело, то это произошло потому, что ему было важно обеспечить флоту нужную ему нефть на наиболее удобных для флота условиях, т. е. по наиболее дешевой цене, которая может быть достигнута путем эксплоатации самых близких к флоту рынков, что ускоряет и облегчает перевозку и уменьшает затраты на страховку и всякого рода охрану.

Затем сэр Эдуард повторил мне то, что г. Винстон Черчилль сказал накануне в палате. Он дал мне положительное заверение в том, что эксплоатация концессии будет иметь объектом юг Персии, более точно, сферу английского влияния.

Я обратил внимание министра на сферу русского влияния, причем я обосновал мои замечания. Сэр Эдуард спросил меня, твердо ли я уверен в том, что концессия распространяется на эту сферу. Я ответил, что действительно не имею документов относительно этого, но что я считаю это общеизвестным.

Он ответил мне, что немедленно осведомится. Как бы то ни было, сказал он мне, это затруднение может быть легко урегулировано, а практически способ урегулирования, выразится ли он в продаже или в чем-нибудь ином, будет легко найден.

Оставался вопрос об обеспечении охраны работ. Сэр Эдуард сказал мне, что он еще рассчитывает на средства и силы, которые персидское правительство сумеет предоставить, что затруднение возникает прежде всего с финансовой стороны и что правительство решилось, против своего желания, дать персидскому правительству новый аванс в 50 000 ф. ст., специально оговорив, что эта субсидия не может быть употреблена на покрытие каких-либо других расходов. Сэр Эдуард однако предвидит, что эта субсидия может оказаться последней; он еще раз добавил, что лишь в том случае, если все персидские войска, как, например, шведская [жандармерия], окажутся несостоятельными, английское правительство вынуждено будет прибегнуть к другим средствам, характер которых ему еще неизвестен. Может быть, сказал он мне, это будет персидское войско, состоящее под командой английских офицеров, так как правительство Индии безусловно возражает против посылки войск из Индии. Сэр Эдуард Грей тотчас же добавил, что если бы когда-нибудь пришлось принять подобные меры и, если бы они представили малейшее нарушение условий конвенции, то ничего не будет сделано до сношения с императорским правительством.

Тем не менее сэр Эдуард Грей указал, что сказанное относится к охране интересов концессии Anglo-Persian Oil Company, но что независимо от этого существует еще необходимость в постоянной защите торгового пути Бушир—Шираз и что в этом вопросе он должен сослаться на сказанное в Бальморале. Сэр Эдуард мне повторил, что это два разных вопроса.

Подводя итог, он повторил, что правительство имеет в виду эксплоатацию юга и что сказанное им дает, по его мнению, картину, отличную от описанной в английской прессе и от того, что он узнал из русской прессы. Там было сказано, что Англия намерена распространить свое влияние на север Персии, но на самом деле имеет место как раз обратное.

Я с своей стороны считаю необходимым принять во внимание, что прежнее положение, при котором частное английское общество пользовалось [правами предоставляемыми] такой широкой конвенцией, причем мы не имели возможности ни в техническом, ни в правовом отношении оспаривать основы и происхождение этого общества, представляет с точки зрения наших интересов не только не меньшие, но как по политическим, так и по экономическим последствиям еще большие, более непосредственные и более опасные неудобства, чем положение, создавшееся после того, как английское правительство взяло дело в свои руки.

Меня уверяют, что капитал, который не чрезмерен, был легко найден. Общество, свободное в своей предпринимательской деятельности, руководствовалось лишь своими финансовыми интересами. [В итоге] создались большие интересы, которые проникают до границ Северной Персии; постепенно английское правительство оказалось вынужденным поддерживать и защищать такие интересы, о существовании которых оно в глубине сердца жалеет.

Теперь вопрос обстоит уже иначе. Правительство взяло все дело и вопрос об его расширении в свои руки, и это служит конечно поддержкой доводов и объяснений, которые мне дал сэр Э. Грей.

Министру придется, конечно, давать объяснения об этом в палате общин. Может быть, следует жалеть, что он не сделал этого раньше, но вопрос не обсуждался еще подробно [в палате], потому что парламент целиком поглощен важными вопросами внутренней политики. Размер этой старой концессии, полученной в совершенно других условиях, обременяет сейчас английское правительство не только с точки зрения появившейся оппозиции, не только с точки зрения отношений английского правительства с Россией, но и с точки зрения самых английских интересов.

Таковы, как я думаю, основания, побудившие сэра Эдуарда Грея объясниться со мной при первом случае, который я ему представил и который облегчил объяснение.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 394. Посол в Риме министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 39. 27/14 июня 1914 г.

Албанский князь, призвав австрийского и итальянского посланников, поручил им узнать, не встретят ли их правительства препятствий и полагают ли они согласным с политическими видами остальных держав, чтобы он просил румынского короля прислать для водворения порядка три батальона и две полевых батареи. Маркиз ди Сан-Джулиано ответил, что такая мера ему казалась бы целесообразной, о чем он телеграфировал в Вену, предлагая поддержать ее, сообща с Австрией, перед остальными кабинетами и действовать в этом смысле в Бухаресте.

Крупенский.

№ 395. Комиссар в Албании министру иностранных дел.

*/. Депеша № 85. 27/14 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

После отсутствия в течение нескольких месяцев, в Албанию вернулся Измаил-Кемаль-бей. Во время моего пребывания в Валоне на этой неделе он посетил меня и высказал свои взгляды на современное положение своей родины и ее будущее.

Измаил-Кемаль-бей сыграл очень крупную роль во всех событиях, которые предшествовали и сопутствовали провозглашению независимости Албании. Вашему высокопревосходительству памятны его борьба с Эсадом-пашою, прикосновенность к младотурецкому заговору Бекира и „добровольная отставка“ и передача власти в руки контрольной комиссии.

В разговоре со мною Измаил-Кемаль-бей не скрыл некоторого злорадства по поводу того, что князь, намеревавшийся опереться сначала на Эсада-пашу, а теперь на албанских националистов, руководимых Австриею, потерпел неудачу. По мнению Измаила-Кемаль-бея, если князю не суждено оставаться на албанском престоле, то управление страною должно перейти в руки всей Европы, представляемой контрольной комиссией, причем никакого кабинета министров из албанцев не должно быть; в Албании следует применить кантональную систему, как единственную, соответствующую этническим и географическим особенностям края.

Измаил-Кемаль-бей очень резко отзывался о политике Австрии, которая стремится установить свою исключительную гегемонию в Албании, наоборот, об Италии и державах Тройственного согласия он говорил как [об] оплотах Албании.

Приезд в Валону бывшего председателя временного правительства приобретает, при настоящих обстоятельствах, особенное значение. Повидимому, Измаил-Кемаль-бей заручился поддержкою Италии и будет работать здесь за счет и в пользу этой державы.

По полученным мною в Валоне доверительным сведениям, Измаил-Кемаль-бей вошел в сношения с главарями повстанцев, дошедших теперь до Берата и двигающихся на Фиери и Валону. Мне Измаил-Кемаль, между прочим, сказал, что он собирается организовать силу для защиты Валоны, но при этом прибавил, что это не столько для сражения с мятежниками, сколько для ведения с ними переговоров, так как он предполагает выступить в качестве посредника между князем и его восставшими подданными.

Все албанские беи на юге, находящиеся теперь в Валоне, очень подозрительно относятся к приезду Измаила-Кемаль-бея и опасаются, что его интриги и двойственная игра лишь только осложнят и без того запутанное положение.

Примите и пр.

А. Петряев.

№ 396. Комиссар в Албании министру иностранных дел.

/. Депеша № 87. 27/14 июня 1914 г.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Прибывший сюда на-днях в качестве германского посланника г. фон Люциус сейчас же выступил в роли посредника между Ав-

стрией и Италией, взаимоотношения коих в Албании за последнее время обострились до последней степени.

Благодаря его примирительному воздействию на князя и двор, албанское правительство вступило в негласные переговоры с повстанцами, причем с прошлого воскресенья между обеими сторонами было установлено перемирие, которое продолжено теперь еще на некоторое время. Официально здесь заявляется, что переговоры касаются обмена пленных и погребения убитых, но, повидимому, дело идет о существенных уступках албанского правительства.

Вслед за выступлением в Дураццо германского посланника здесь получены известия о том, что австрийское и итальянское правительства решили для поддержания согласия назначить новых посланников и заменить членов контрольной комиссии другими лицами.

Я уже имел честь доносить вашему высокопревосходительству[1] о том, что последние австро-итальянские нелады в Албании отразились также на личных отношениях их дипломатических представителей.

Трудно сказать, на долгое ли время удастся Германии смягчить рознь между ее союзницами в Албании, но, несомненно, в настоящее время здесь замечается с обеих сторон стремление улучшить отношения.

Представитель Румынии г Бургеле, благодаря родственным связям князя с румынским двором, тоже действует теперь в согласии с германским посланником и дает князю советы не допускать исключительного влияния на дело одной какой-либо державы, но опираться на австро-итальянское соглашение.

Восстановление дружной совместной деятельности Австрии и Италии в Албании, под эгидой Германии, отразится, конечно, самым неблагоприятным образом на идее интернационализации Албании, которую за последнее время так энергично поддерживала Италия.

Примите и пр.

А. Петряев.

№ 397. Посланник в Цетинье министру иностранных дел.

Письмо. 27/14 июня 1914 г.

Доверительно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Из препровожденного мне в копии письма князя Трубецкого

[1] См. выше № 337.

нашему посланнику в Белграде [1] я имел возможность ознакомиться с положением дела о нашей военной помощи Черногории.

Почерпнутые мною в нем указания на некоторые стороны этого сложного, при нынешних обстоятельствах, вопроса, тем более для меня ценны, что за последнее время и король Николай, и его министры совершенно определенно заявляли мне, что без вышеуказанной помощи им не на что было бы содержать необходимые гарнизоны в отошедших к ним в Санджаке, после раздела с Сербиею, землях, главным же образом в Ипеке и Дьякове.

При последнем свидании моем с министром иностранных дел Пламенацем, снова обратившимся с просьбою об ускорении выдачи нами военной субсидии, я счел долгом высказать ему, что, не предрешая тех условий, на которых императорское правительство намерено возобновить военную помощь стране, можно считать более или менее выясненным, что таковая связана с восстановлением деятельности наших инструкторов, что собственно содержание черногорской армии, а тем более отдельных частей ее, несущих пограничную гарнизонную службу, едва ли намечается нашим правительством, и что потребный на этот предмет расход должен быть отнесен на средства черногорской казны.

Пламенац ответил мне, что он не может оспаривать правильность такого взгляда и поэтому просит исходатайствовать выделения и скорейшей выдачи необходимой на содержание гарнизонов суммы из той, которая имеется в виду на инструкторство, в котором острой нужды не ощущается. С подобной же просьбой обратился ко мне и черногорский министр финансов, ссылаясь на пустоту черногорской казны.

Как ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, черногорское правительство связывает с возобновлением нашей военной помощи прежде всего удовлетворение денежных нужд, отодвигая на второй план вопрос о реорганизации и обучении черногорской армии русскими офицерами, к деятельности которых оно относится в лучшем случае безразлично.

Некоторой иллюстрацией к отношению лиц из черногорского

---

[1] В письме от 11 июня/29 мая Трубецкой сообщал, что м-во ин. дел не считает возможным отказаться от инструкторской деятельности в Черногории, несмотря на ее „трудность и малую благодарность..., ибо, к сожалению, не приспело еще время передать это дело сербам". Далее указывалось, что эта помощь Черногории должна носить характер, отвечающий желаниям Сербии, причем можно было бы привлечь и ее к участию, „напр., в содержании гарнизонов в новых областях".

военного мира к делу русского военного инструкторства может служить нижеследующее обстоятельство.

Два офицера черногорской армии, окончивших курс русских военных училищ, обратились к своему военному министру с просьбою отпустить в Россию для подготовления к поступлению в Николаевскую военную академию. Им было отказано. Офицеры эти объяснили мне этот отказ тем, что начальствующие в черногорской армии генералы получили академическое образование в Италии; там же проходил унтер-офицерскую школу, хотя и не закончил ее, нынешний черногорский военный министр и председатель совета министров генерал Янко Вукотич.

Нельзя отрицать, что вопрос о надлежащей охране границы в Ипеке и Дьякове имеет весьма существенное значение, но для черногорцев гораздо меньшее, чем для сербов, уступивших им эти области благодаря обстоятельствам лишь преходящего свойства.

Полагаю поэтому, что забота об этом деле лежит главным образом на Сербии и что сербское правительство не может на него не откликнуться в положительном смысле в своих обсуждениях с нашим представителем в Белграде. К такому заключению я пришел после продолжительной частной беседы с моим сербским коллегою Гавриловичем, которого я осведомил доверительно, что наш посланник в Сербии имеет поручение осведомиться о взглядах сербского правительства на те способы оказания нами военной помощи Черногории, которые более всего отвечали бы требованиям данного времени.

В ожидании ознакомления с отзывом гофмейстера Гартвига по тому коренному вопросу, который ему поставлен на разъяснение в вышеуказанном письме к нему, а именно, к чему сводятся конечные пожелания сербов при организации нами военной помощи Черногории и в какие рамки и условия таковая должна быть поставлена в этих видах,—считаю долгом высказать вашему высокопревосходительству мое скромное мнение, что вопрос о содержании гарнизонов в пограничной с Албаниею около Сербии области, то есть в Ипеке и Дьякове, должен быть выделен из общего вопроса о нашей военной помощи, а попечение о том, если оно окажется черногорцам не под силу, принято на себя Сербиею.

Предполагая в свое время представить императорскому министерству подробные соображения по данному вопросу, ограничусь пока перечислением способов оказания помощи Черногории Сербиею, каковая помощь могла бы выразиться:

или выдачею денег,

или водворением в Ипеке и Дьякове сербских гарнизонов,

или же соответствующим исправлением черногорско-сербской границы, доселе еще сербскою скупщиною формально не утвержденной.

Примите [1] и пр.

№ 398. Поверенный в делах в Афинах министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 129. 27/14 июня 1914 г.

Телеграмма № 1261[2] получена. Копия в Валону.

Французский посланник ввиду необходимости, не теряя времени, воздействовать на эпиротов сделал представление греческому правительству, не дожидаясь, чтобы остальные коллеги получили соответственные инструкции. Министр иностранных дел обещал немедленно принять зависящие меры к предотвращению выступлений эпиротов.

Урусов.

№ 399. Посол в Константинополе министру иностранных дел.

*/. Телеграмма № 433. 27/14 июня 1914 г.

Ответная греческая нота была передана сегодня великому визирю. Она, повидимому, редактирована в примирительном духе и произвела на великого визиря, по его словам, хорошее впечатление.

Копия в Афины.

Гирс.

---

[1] В письме от 27/14 июня на имя Трубецкого Гирс также пишет „относительно настоящего положения и будущности Черногории". Указывая, что „более всех ратуют за самодовлеющее ее бытие Австрия и Италия, каждая по своим особым соображениям", — Гирс далее пишет: „Мы же, со своей стороны, одобряем мысль о слиянии Сербии с Черногорией и ничего не желаем предпринять такого, что укрепило бы обособленность последней как отдельного сербского государства. Зачем же в таком случае нам тратить на это деньги вообще, а в частности, если не те колоссальные суммы, которые намечает наше военное ведомство, то во всяком случае весьма значительные? Если, к тому же, выяснится, что Сербия нуждается в сильных и надежных гарнизонах в тех приграничных пунктах, которые она добровольно предоставила черногорцам при развертке завоеванных земель, то на ней и лежит главная забота о соответствующей охране этих пунктов, и я не сомневаюсь, что у сербского правительства найдутся необходимые на этот предмет денежные и всякие другие средства; весь этот вопрос сведется к тому, чтобы оно оказало Черногории материальную помощь в таком виде, который менее всего возбудил бы подозрения ревнивого соседа. Мы же можем ограничиться нашим советом или санкцией, если за таковыми Сербия к нам обратится".

[2] См. выше стр. 428, прим. 2.

№ 400. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.
Телеграмма № 291 [1]. 27/14 июня 1914 г.

Вопрос о малиате, по словам Морнара, в ближайшем будущем будет обсуждаться советом министров, который якобы выражает готовность итти с нами на компромисс, чего однако из прямых писем главного казначея пока не видно.

Коростовец.

№ 401. Посланник в Тегеране министру иностранных дел.
Телеграмма № 293. 27/14 июня 1914 г.

Телеграфирую [в] Тавриз.

Ради скорейшего проведения муганского дела считал бы самым целесообразным не настаивать более на... [2] выдаче концессии Тегераном, начать явочным порядком принимать на персидской Мугани нужные нам меры.

В случае запросов шахских властей, коих я уже предупредил о неизбежности для нас энергичной борьбы с саранчей, можно было бы объяснить им, что мы вынуждены необходимостью безотлагательно принять известные меры в приграничной полосе для охранения наших владений от нашествий персидской саранчи и ввиду важности для нас культурных улучшений в соседней области.

При бессилии персидского правительства на Мугани, концессионер, во всяком случае, должен крайне считаться преимущественно с самими шахсевенами, и даже при наличии соглашения с Тегераном ему пришлось бы выкупить от оных нужные земли, дабы не жить под постоянной угрозой набегов.

Далее считал бы необходимым, чтобы сам банк энергично взялся за проведение дела и командировал бы для сего подходящего представителя, снабдив его полномочиями и средствами.

Весьма желательно было бы иметь заключение императорского министерства по отношению д. с. с. Петерсона от [18] 5 марта за № 138 [3], а равно и попросить мнение Тавриза по существу затронутых полковником Цыссом вопросов, котор... [4] много занимался настоящим делом.

Коростовец.

---

[1] Маш. копия.
[2] Пропуск в подлиннике.
[3] См. т. II, стр. 323, прим. 2.
[4] Пропуск в подлиннике.

№ 402. Министр финансов министру иностранных дел.

Письмо № 166. 27/14 июня 1914 г.

В. срочно.

Секретно.

М. г. Сергей Дмитриевич,

Письмом от [21] 8 сего июня за № 427[1] ваше высокопревосходительство сообщили мне по вопросу о займе болгарского правительства во Франции, что французская группа банкиров, во главе с банком Перье, имеет ныне в виду не выдачу Болгарии аванса, а немедленный выпуск займа в 200 миллионов франков, причем участие русских банков в этой операции могло бы выразиться в обмене имеющихся у них бонов болгарского казначейства на облигации нового займа.

Вследствие сего, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что как при операции в 1912 году, так и при предварительных переговорах текущего года имелись в виду лишь выдачи краткосрочных авансов, с тем, чтобы таковые были погашены из выручки имеющего быть заключенным займа. Между тем ныне предлагается русским банкам заменить имеющиеся у них краткосрочные боны долгосрочными обязательствами нового займа, и притом без указания, предполагается ли таковая замена по номинальной цене бонов и облигаций или по какому-либо иному расчету. Ввиду сего заинтересованные русские банки считают подобный обмен не соответствующим тем соглашениям, которые были установлены при первоначальной ссуде болгарскому правительству в 10 миллионов рублей, а посему банки и затрудняются согласиться на предложенную операцию, тем более, что, по их сведениям, реализующая заем финансовая группа Перье не может считаться вполне первоклассною.

Сообщая об изложенном, покорно прошу ваше высокопревосходительство о последующем не оставить меня уведомлением, приняв и пр.

Барк.

---

[1] Содержание указанного письма излагается в публикуемом документе.

УКАЗАТЕЛЬ I.

Именной[1]

Абдул-Азис 292
Абдул-Гамид 292
Абдул-Халим 292
Абдур-Рахим 292
Абдурезак 43, 106, 279
Абруццкий, герцог 39
Аверьянов 248, 274
Адлер 52, 102, 113, 355
Айронсайд (см. Бакс-Айронсайд)
Акбер-Мирза 5, 6, 317, 318, 319
Ала-эс-Солтане 247, 275, 359, 360, 422, 423
Александр, король серб. 399
Александр, королевич серб. 336, 406
Александра Федоровна 320, 321
Александропуло 290
Алиотти 167, 303, 304, 384
Альярди 323
Андерс 381
Араван 338
Аргиропуло 326, 351
Армстронг 88, 90, 101, 207, 208
Артамонов 178
Арфа-эд-Доуле 153, 154, 155, 156
Асквит 45, 47, 160, 161
Ахмед 154
Базили 98, 150, 280
Бакс-Айронсайд 67, 68, 91, 133
Балугджич 57
Барзан 279
Барк 106, 107, 129, 186
Барклей 259, 264
Барту 65, 66, 183
Баттенбергский Людвиг, принц 8, 157, 158, 208
Батю де-Ла 193
Бекир 447
Бенак 94
Бендасюк 308
Бенкендорф 7, 9, 10, 15, 16, 20, 49, 66, 67, 68, 88, 110, 124, 126, 133, 134, 143, 149, 160, 189, 225, 237, 266, 280, 299, 300, 301, 319, 321
Беринг 53, 54
Беркелей-Мильн 24
Бертольд 39, 44, 78, 79, 104, 105, 151, 152, 272, 325, 346, 347, 438
Блек 369
Борграв 357, 359
Боткин 205
Брандт 440
Братиану 24, 25, 170, 171, 172, 387, 388, 389, 390, 391
Бриан 66, 183, 353
Броун 53
Бунзен 24
Бургеле 449
Буржуа 183, 352
Буров 131, 426
Бьюкенен 45, 48, 63, 83, 84, 142, 187, 188, 236, 239, 252, 253, 254, 255, 256, 260, 262, 265, 320, 321, 342, 343, 344, 345, 361, 394, 395, 396, 397, 398, 402, 403, 409, 412, 413
Валаоритис 355
Вангенгейм 86, 339, 349
Введенский 63, 198
Венизелос 27, 116, 117, 243, 276, 294, 295, 296, 310, 314, 315, 357, 374, 386, 389, 404, 405
Верстрат 111, 112, 123, 124
Веснич 101, 102, 103, 175, 200, 220, 355, 398, 399, 404
Вестененк 369, 370

[1] Цифры означают страницы.

Вивиани 66, 183, 184, 269, 280, 281, 301, 302, 346, 351, 352, 353, 354, 370
Вид 71, 79, 100, 104, 164, 205, 209, 222, 302, 303, 304, 305, 306, 362, 386
Видеман 359
Вильгельм, имп. 205, 324, 386, 414, 415, 429
Виндишгрец Елизавета, княгиня 24
Витали 3, 103, 104, 176, 348
Влахопуло 336
Волков 45, 47, 48, 49, 90, 91, 98, 126, 157, 158, 159, 227, 228, 266, 267, 395,397,
Вольпи 3, 128
Восуг-эд-Доуле 153, 225, 226, 247, 255, 256, 275
Вукотич 451
Гаврилович 451
Галле 429
Галиб-бей 243
Гастольди 302
Гартвиг 104, 259, 264, 294, 328, 333, 348, 349, 365, 366, 381, 399, 451
Гельферих 276
Георг V, король английский 15, 16, 66, 342, 345, 407, 409
Геннадиев 21, 55, 56, 209
Геровские бр. 309
Герман, патриарх 309, 310, 441
Гешов 131, 426, 435
Гизль 333, 334
Гика 23
Гирс, А. 138, 140, 200, 382, 452
Гирс, М. 43, 44, 69, 148, 181, 196, 205, 206, 243, 278, 279, 282, 291, 310, 311, 312, 321, 339, 349, 350, 357, 374, 420, 421, 426
Годер 351
Гемберг 103, 104, 220
Готейн 74
Гофф 369
Гошен 277, 278, 287
Гойер-фон 122
Граве 119, 121, 122, 179, 186, 235, 236, 338
Греви 354
Гренет 14, 298, 299, 382
Грей 7, 8, 9, 10, 14, 15, 16, 20, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 44, 45, 47, 48, 49, 61, 62, 66, 71, 83, 84, 85, 109, 110, 126, 144, 145, 149, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 187, 188, 189, 199, 200, 208, 225, 226, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 276, 277, 280, 296, 297, 298, 299, 300, 305, 306, 341, 342, 343, 344, 345, 350, 351, 361, 363, 382, 392, 394, 395, 396, 397, 398, 401, 402, 403, 404, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 427, 442, 443, 444, 445, 446, 447,
Гринвей 53, 54,
Губидельников 131, 132, 425, 426
Гудима 308
Гулькевич 43, 374
Давидович 328
Девердт 232
Девиль 115, 117
Делькассе 270, 280, 352
Демидов 95, 243, 321
Джавид-бей 43, 50, 195, 197, 274, 367
Джакели 286
Джемаль-бей (паша) 386, 422
Джемаль-Эддин 292, 366
Джиолитти 36
Диаманди 437, 438
Добрович 17, 57, 64, 67, 68, 184, 187, 195, 209, 224, 356.
Доннер 113
Думерг 3, 7, 8, 22, 28, 31, 65, 66, 71, 101, 110, 111, 145, 182, 183, 192, 208, 269, 287, 352, 370
Дюпюи 352
Дютаста 176
Жорес 192, 269
Завриев 374, 375
Зигхарт 113
Зилли-эс-султан 5, 118, 261, 265
Зографос 341, 344
Игнатьев 352
Извольский 15, 16, 28, 44, 47, 55, 65, 66, 80, 93, 94, 100, 101, 123, 125, 126, 129, 134, 147, 168, 169, 175, 200, 205, 209, 268, 271, 272, 280, 326, 351, 352, 362, 382, 408, 414, 415, 416, 434, 461
Измаил-Кемаль-бей 201, 203, 447, 448
Иованович 399,
Исаак-хан 153, 154, 155, 156, 247
Исаакян 380
Кавер 6, 118
Калмыков 278, 279, 421,

Камбон 7, 8, 9, 10, 28, 29, 31, 32, 45, 46, 48, 49, 66, 160, 161, 260, 265, 296, 298, 299, 341, 342, 344, 403, 439
Карапет 381
Каравелов 12
Карл, король румын. 221, 222, 223, 325, 326, 385, 386, 387, 388, 419, 420, 429, 436
Карлотти 306
Карл-Франц-Иосиф, эрцгерцог 24
Кароль, принц румын. 386
Като 371
Кайо 65, 352, 353
Кенингам-Грин 97, 371
Керзон 343, 345
Кеппель 206, 246
Киниго 303
Клам-Мартиниц 39
Клемм 53, 54, 69, 124, 155, 156, 231, 372, 392
Клемансо 65, 353
Козин 379
Колдра 308
Константин, король греч. 417
Конти 179
Коростовец 20, 124, 153, 155, 156, 199, 209, 225, 226, 255, 256, 259, 260, 264, 275, 317, 319, 342, 345, 357, 377, 392
Краль 202, 204
Крисп 343, 345
Крозье 113
Кроу 149, 187, 188, 190, 191
Крупенский А. 35, 38, 163, 166, 324, 371
Крупенский В. 120, 122
Ламба 149
Левицкий 309
Лекорф 207
Леонтьев 243
Литтен 381
Лихновский 414, 415, 430
Лобанов-Ростовский 428
Люциус 448
Лян-Дун-ян 121
Лян-Ши-и 121
Мажино 270
Максимилиан, эрцгерцог 24
Малевский-Малевич 371, 382, 410
Маллет 341, 344, 350
Маликов 28, 55, 56, 57, 194, 272, 289, 416, 434
Мано 340
Мангра 80, 81
Манцзи-Шири-хутухта 379
Маржери 21, 71, 72, 85, 92, 129, 145, 149, 168, 169, 183, 204, 205, 228, 229, 321, 322, 351, 355
Маринкович 331, 332, 355
Мария-Иозефа 24
Минни (Мария Федоровна) 320, 321,
Марков 368
Менье 193
Мехмед-шани 05
Милле 437
Миллер 69, 176, 180, 248, 293, 333, 334, 338
Мильеран 66, 183, 353
Минорский 406
Мир-Мехди 232
Миушкович 41, 42, 140
Мишев 12
Мовассек-эд-Доуле 4
Мозели 97
Монкевиц 267
Морнар 198, 206, 207, 245, 26 , 265, 359, 360, 423, 453
Мотоно 285
Мохамед-Али-шах 154, 155
Мунте 121
Мурад V 292,
Муриккио 302, 303
Мэй (Виктория Мария, королева англ.) 320, 321
Наби-бей 167
Наср-оль-Мольк 246, 247
Нелидов 50, 398, 399
Ненюков 98
Нератов 14, 21, 42, 63, 98, 107, 110, 118, 125, 149, 154, 155, 186, 200, 205, 210, 233, 234, 251, 315, 317, 365
Низам-эс-Солтане 4
Николай II 16, 320, 321, 346, 384, 385, 419
Николай, король черногор. 41, 110, 138, 139, 140, 450
Николич 328
Никольсон 45, 48, 68, 91, 92, 133, 157, 158, 160, 381, 401, 402, 428
Нию 207
Новиль 176

Нубар-паша 369, 407
Нуланс 270
Обнорский 87, 110
Окума 96, 97, 371
Осман-Фуад 292
Орлов 69, 89, 118, 119, 197, 207, 231, 392
Палеолог 15, 28, 66, 71, 149, 354
Панас 242, 243, 374, 441
Панафье 21, 55, 71, 228, 322, 326, 327, 348, 416, 432, 433, 434
Пассаров 347
Пачу 176
Пашич 14, 41, 42, 58, 86, 105, 173, 175, 176, 177, 273, 290, 291, 306, 315, 327, 328, 329, 330. 331, 332, 333, 334, 335, 348, 365, 376, 398,
Перье 354, 416, 434, 436, 441, 454
Петерсон 453
Петр, король сербск. 140, 328, 329, 406
Петряев 79, 144, 159, 160, 161, 166, 296, 302, 408
Пире 232
Пламенац 450
Поггенполь 22, 166
Поклевский-Козелл 101, 196, 259, 264, 437
Понсо 351
Попович 282, 283, 329, 330
Порумбару 391, 438
Потапов 14, 199, 382
Психа 276
Протич 329
Пуанкаре 65, 66, 183, 267, 270, 351, 352 353, 354
Пурталес 401
Путилов 123
Путник 330,
Радославов 11, 56, 67, 68, 129, 134, 135, 152, 184, 195, 230, 272, 286, 292, 326, 327, 347, 348, 356, 366, 376, 417, 418, 421, 422, 432, 433, 434, 435, 436
Рафалович 3, 4, 53, 54, 101, 102, 103, 104, 111, 112, 124, 175, 176 200, 220, 375
Ремесир 180
Рибо 270, 280, 281, 341, 344, 351, 352, 353
Русин 98
Саблер 56
Саблин 259, 264
Савинский 10, 13, 20, 21, 64, 67, 71, 107, 123, 129, 130, 205, 285, 326, 366, 376, 421, 422
Саад-эд-Доуле 155, 182, 246, 247
Сазонов 3, 5, 7, 8, 11, 13, 15, 16, 18, 23, 26, 33, 36, 39, 40, 44, 47, 49, 57, 64, 72, 75, 78, 80, 83, 84, 85, 87, 95, 101, 115, 119, 122, 132, 138, 142, 155, 162, 173, 174, 178, 179, 189, 190, 192, 210, 212, 213, 225, 226, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 243, 262, 278, 279, 292, 299, 300, 320, 321, 322, 325, 327, 329, 332, 340, 343, 348, 351, 362, 369, 370, 375, 400, 401, 406, 419, 421, 428, 429, 431, 434, 441, 447, 448, 449, 454
Саид-бек 43
Саид-Халим 27, 367, 422
Саландра 22, 33, 36, 37, 323, 324
Салах-Эддин 292
Салем 123
Сандерс-паша 136, 386
Сан-Джулиано 22, 23, 35, 37, 38, 39, 163, 164, 165, 167, 302, 303, 304, 305, 306, 447
Сандович 308
Сейн-Ноин-хан 180, 313, 378, 379
Свербеев 72, 205, 216, 230, 306, 356, 381, 410
Севастопуло 102
Сеид-Таг 279
Сен-Сен-де 157, 158
Серафимов 310
Сердар-Решид 18, 69, 70, 89, 118, 119, 377, 392
Сибусава 97, 371, 372
Силаши 95
Сильва-Тарука 39
Симко 106
Смиляниц 336
Смирнов 89
Спалайкович 315
Станчов 51, 71, 347
Стефанович 330
Стоянович 95
Стрейт 95, 243, 357, 405
Сулейман-бей 106, 292
Сунь Бао-ци 120, 121

Сун Ят-Сен 372
Талаат-бей 21, 25, 26, 27, 44, 115, 117, 146, 147, 148, 152, 169, 170, 171, 172, 196, 221, 244, 311, 313, 314, 337, 339, 350, 367, 386, 389, 393, 421, 439
Тарновский 272
Тевфик-паша 46, 49
Тисса 81
Тирпиц 271, 277, 278, 324, 430, 462, 463,
Тодоров 28, 56, 57, 94, 131, 272, 289, 416, 426, 424, 434
Тончев 56, 128, 145, 184, 230, 272, 278, 281, 287, 348, 416, 431, 432
Томсон 303
Тоунлей 5, 6, 19, 20, 118, 206, 225, 226, 227, 228, 255, 256, 259, 260, 264, 265, 317, 318, 319, 357, 358
Тошев 422
Трубецкой 50, 111, 112, 219, 449, 450, 452,
Турхан-паша 38, 78, 79, 80
Тухолка 350, 377, 421
Удай 338
Ульман 113
Урусов 243, 276, 294, 312, 357, 404, 407, 441
Фабиус 303
Фахрэддин-бей 43, 125, 337
Фетхи-бей 152
Ферман-Ферма 4, 18
Фердинанд, король болг. 56, 71, 173, 217, 228, 387
Фигерроа-Ларрен 87
Филиппс 373, 401, 402
Фредерикс 155
Франц-Иосиф 40, 78, 347, 429
Франц-Фердинанд 40, 271, 324, 325, 347, 430
Фурнье 14
Хаджич 459
Хакки-паша 196
Халиб-бей 115, 117
Ханда-цинь-ван 379
Хильми-паша 25, 151, 152, 367
Хомяков 372
Цамадос 418
Церен-дорчжи 379
Циммерман 205, 229, 230, 306, 307, 362, 363, 370, 407
Цита, эрцгерцогиня 24
Цысс 453
Чапрашников 173, 174
Чернин 81
Черчилль 157, 158, 443, 445
Чирков 232
Чиршский 438
Шевкет 292
Шиллинг 98, 407
Шиман 78
Шиндлер 207
Шишманов, 12
Шоджа-эд-Доуле 4, 5, 18, 19, 69, 70, 89, 118, 119, 156, 206, 207, 210, 245, 246, 247, 260, 265, 279, 377, 392, 423
Шокальский 207
Шредер 54
Штакельберг 154
Штремпель 292
Шуленберг 381
Шустер 238, 241
Шюнеман 231, 232
Щеглов 244
Эбергард 336
Эллиот 296
Эмиэз-Низам 4
Энвер-паша 397, 386, 422
Эртель 74
Эссад-паша 61, 62, 79, 160, 162, 163, 166, 229, 230, 303, 304, 447, 448
д'Эстурнель де-Констан 192, 193
Эттер 189, 190, 191, 252, 254, 256, 262, 317, 318, 381
Юань Ши-кай 97, 121
Юдин 410
Юферов 179, 180
Ягов 72, 73, 74, 76, 77, 78, 92, 229, 230, 277, 278, 287, 306
Якоби 231
Яльмарсен 20

УКАЗАТЕЛЬ II

Корреспонденты [1]

Австро-Венгрия.

Ноты, пам. записки № 170

Посольство — министерство ин. дел №№ 24, 34, 62, 260, 276, 277, 293, 382.

Военный агент № 133

Перехваченная переписка № 345.

Албания.

Министерство ин. дел.— комиссар № 1.

Комиссар—министерство ин. дел №№ 75, 81, 112, 337, 395, 396.

Англия.

Ноты, пам. записки №№ 11, 46, 47, 48, 67, 124, 149, 179, 187, 194, 197, 253, 271, 322.

Переписка глав государств № 272

Министерство ин. дел.—посольство №№ 19, 72, 74, 87, 107, 109, 125, 151, 206, 221, 246, 268, 298, 306, 323, 335, 340, 343, 360, 361

Посольство — министерство №№ 6, 30 (2 приложения), 39, 77, 78, 79, 88, 95, 126, 138, 139, 157, 158, 168, 188, 207, 208, 209, 210, 224, 230, 248, 249, 250, 251, 252, 291, 299, 307, 308, 346, 347, 348, 349, 363, 364, 365, 366, 377, 378, 379, 393

Военно-морской агент №№ 40, 175.

Перехваченная переписка № 159.

Аргентина.

Миссия — министерство ин. дел № 71.

Болгария.

Министерство ин. дел —миссия №№ 29, 130, 155, 156, 182, 186, 204, 242, 296, 341, 391

Миссия — министерство ин. дел №№ 8, 9, 16, 43, 44, 53, 63, 82, 100, 116, 117, 118, 119, 128, 141, 153, 162, 177, 191, 215, 227, 233, 238, 278, 294, 303, 314, 367, 368, 369, 383, 384

Ватикан.

Министерство ин. дел.—миссия № 344.

Миссия—министерство ин. дел № 351.

---

[1] Цифры обозначают номера документов.

Германия.

Министерство ин. дел.—посольство № 362.
Посольство—министерство ин. дел №№ 59, 60, 61, 115, 172, 173, 184, 190, 198, 213, 214, 226, 257, 258, 259, 310.

Греция.

Министерство ин. дел.—миссия №№ 245, 289, 324
Миссия—министерство ин. дел №№ 45, 83, 101, 199, 352, 353, 398

Италия.

Посольство — министерство ин. дел №№ 23, 31, 32, 33, 90, 140, 255, 256, 275, 350, 394

Китай.

Министерство ин. дел—миссия №№ 94, 154, 196, 306
Миссия—министерство ин. дел №№ 104 (приложение), 147

Марокко.

Дипломатический агент в Танжере—министерство ин. дел № 319

Монголия.

Министерство ин. дел—дипломатический агент №№ 220, 243, 288
Дипломатический агент—министерство ин. дел №№ 148, 202, 266, 332

Нидерланды.

Миссия—министерство ин. дел № 320

Персия.

Министерство ин. дел—миссия №№ 19, 50, 76, 136, 166, 222, 229
Миссия—министерство ин. дел №№ 4, 5, 102, 103, 121, 174, 201, 305, 331, 372, 400, 401
Ген. консульство в Тавризе—министерство ин. дел №№ 18, 55, 178, 192
Министерство ин. дел—ген. консул в Мешеде № 14
Министерство ин. дел—вице-консульство в Хое № 37
Вице-консульство в Хое—министерство ин. дел № 193

Румыния.

Министерство ин. дел—миссия №№ 15, 223
Миссия—министерство ин. дел №№ 25, 64, 129, 142, 385

Сербия.

Миссия—министерство ин. дел №№ 10, 35, 69, 91, 143, 144, 145, 146 (приложение), 216, 239, 279, 280, 281, 282, 283, 295, 327, 328, 354
Военный агент № 284

Соединенные штаты.

Министерство ин. дел—посольство № 392
Посольство—министерство ин. дел №№ 357, 373

Турция.

Пам. записки № 267

Министерство ин. дел—посольство №№ 21, 36, 38, 131, 244, 287, 297, 325, 342, 359

Посольство — министерство ин. дел №№ 17, 26— 27, 54, 70, 84, 92, 134, 135, 163, 164, 165, 200, 217, 218, 219, 228, 240, 241, 261, 262, 263, 264, 265, 285, 286, 304, 311, 312, 315, 316, 317, 329, 330, 338, 355, 356, 370, 371, 386, 387, 388, 389, 390, 399

Военный агент № 318

Франция.

Ноты, пам. записки №№ 180, 237, 270

Министерство ин. дел—посольство №№ 20, 49, 51, 56, 72, 105, 106, 108, 125, 150, 151, 205, 246, 298, 306, 323, 360

Посольство — министерство ин. дел №№ 2, 3, 22, 52, 57, 58, 68, 80, 89, 96, 97, 98, 110, 111, 127, 132, 152, 160, 161, 169, 171, 176, 183, 189, 225, 231, 232, 254, 273, 274, 292, 300, 301, 302, 309, 326, 380, 381

Русско-Азиатский банк—министерство ин. дел №№ 41, 42

Военный агент №№ 211, 212

Перехваченная переписка №№ 7, 13

Черногория.

Министерство ин. дел—миссия №№ 73, 167

Миссия—министерство ин. дел №№ 65, 66, 113, 114, 120, 234, 397

Япония.

Министерство ин. дел—посольство №№ 181, 306, 336

Посольство—министерство ин. дел №№ 85, 235, 321

Переписка министерства ин. дел с другими ведомствами.

Военное №№ 313, 374

Министр двора № 195

Наместник на Кавказе № 203 (приложение)

Финансов №№ 93, 375, 376, 402

Докладные записки министерства ин. дел Николаю II №№ 28, 122, 123, 185 (2 приложения), 334, 339, 358

Генеральный штаб № 333.

Журналы совещаний № 86.

Внутренняя переписка министерства ин. дел:

Записка № 12

Зав. отд. Ср. Востока м-ру ин. дел № 137

Министр ин. дел—товарищу м-ра ин. дел №№ 236, 269, 290

Советник министерства ин. дел—м-ру ин. дел № 247

Русско-Азиатский банк—записка № 99

УКАЗАТЕЛЬ III

Темы дипломатической переписки[1]

Австро-Венгрия.

1. Австрийская концессия—см. Албания (1)
2. Австро-греческий торговый договор—см. Греция (1)
3. Австро-румынские отношения—64, 277
4. Австро-итальянские противоречия—см. Италия (1)
5. Австро-русские противоречия—34, 133, 293
6. Восточные ж. д.—см. Сербия (3)
7. Галицийский процесс—260
8. Дунайско-Адриатическая ж. д.—см. Сербия (5)
9. Концессии—см. Турция (9)
10. Посещение английской эскадры—24
11. Свидание в Конопиште—см. Германия (6)
12. Сотрудничество австрийских и французских банков—см. Франция (7)

Албания.

1. Австрийская концессия—1
2. Австро-итальянские противоречия—см. Италия (1)
3. Болгаро-албанский комитет—см. Сербия (1)
4. Вопрос о румынской военной помощи—394
5. Контрольная международная комиссия—47, 58, 87, 95, 112, 125, 170, 180, 190, 206, 300, 308, 349
6. Повстанческое движение и вмешательство держав—47, 58, 75, 81, 90, 112, 125, 139, 140, 149, 151, 168, 172, 185, 190, 195, 248, 255, 257, 291, 310, 323, 347, 365, 394, 395
7. Поездка Турхан-паши—62
8. Северо-албанское разграничение—10, 33, 110, 167, 251, 252, 291, 335, 349
9. Эпирский вопрос—33, 132, 176, 184, 346, 360, 378, 379, 380, 398

Англия.

1. Англо-китайская тибетская конференция—см. Тибет (1)
2. Англо-русская морская конвенция—см. Россия (2)
3. Англо-русские отношения в Афганистане—14, 179, 194
4. Англо-русские противоречия в Персии—см. Персия (2)
5. Англо-японский союз—см. Япония (1)
6. Концессии—см. Персия (7), Турция (9)

---

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов; цифры, проставленные в скобках, обозначают соответствующие пункты рубрик.

7. Посещение Австро-Венгрии английской эскадрой—см. Австро-Венгрия (10)
Англо-русское соглашение 1907 г.—см. Персия, Тибет.
См. также Турция (8)

Болгария.

1. Болгаро-албанский комитет—см. Сербия (1)
2. Болгаро-турецкие отношения—135, 142, 296, 314, 318, 371, 384
3. Болгарский заем — 8, 16, 20, 22, 29, 43, 44, 51, 53, 56, 57, 63, 68, 78, 80, 82, 93, 97, 100, 105, 111, 115, 116, 119, 127, 128, 130, 141, 153, 155, 156, 162, 171, 177, 182, 186, 189, 191, 198, 204, 205, 215, 227, 233, 236, 237, 238, 242, 247, 274, 278, 294, 303, 309, 367, 381, 384, 391, 402
4. Внутреннее положение—43
5. Греко-болгарские отношения—279, 296, 318, 368, 384
6. Повышение пошлины на керосин—117, 341, 383
7. Румыно-болгарские отношения—314, 369
8. Русский банк в Болгарии—118, 375
9. Сербо-болгарские отношения—114, 279, 296, 328
10. Субсидирование болгарской печати—9
11. Финансовая комиссия—см. Турция (21)

Германия.

1. Болгарский заем—см. Болгария (3)
2. Внешняя политика—59
3. Военный налог—334
4. Германская и русская печать—61, 336, 362
5. Немецко-армянское общество—333
6. Свидание в Конопиште—213, 214, 226, 276, 382
7. Состояние денежного рынка—60
8. Франко-германская междупарламентская конференция—см. Франция (9)

Греция.

1. Австро-греческий торговый договор—83
2. Афонский вопрос—324, 353
3. Вселенский патриарх—261, 262, 330, 390
4. Греко-болгарские отношения—см. Болгария (5)
5. Греко-сербская конвенция—45
6. Греко-турецкие противоречия—см. Турция (7)
7. Флот—319, 352, 357, 373

Италия.

1. Австро-итальянские противоречия—23, 33, 34, 47, 90, 95, 140, 190, 233, 256, 337, 350, 396
2. Внутреннее положение—275
3. Дунайско-Адриатическая ж. д.—см. Сербия (5)
4. Итало-сербские отношения—см. Сербия (6)
5. Итало-турецкие отношения—31
6. Итало-черногорские отношения—см. Черногория (3)
7. Русско-итальянские отношения—см. Россия (10)
8. Франко-итальянские отношения—140, 160

Китай.

1. Англо-китайско-тибетская конференция—см. Тибет (1)
2. Жел.-дор. политика в Северной Манчжурии—104
3. Концессии—321
4. Монетная реформа и реорганизационный заем—181, 196, 235, 306
5. Специфические ставки морского тарифа—94
6. Тройные русско-китайские переговоры в Монголии—см. Монголия (5)

Монголия.

1. Вопрос о признании независимости Монголии—147, 154, 332
2. Иностранная торговля с Монголией—46
3. Концессии и русско-монгольское ж.-д. соглашение—148, 266
4. Русская военно-инструкторская деятельность—202, 220, 243
5. Тройные русско-китайско-монгольские переговоры—94, 288, 332
6. Финансы—332

Персия.

1. Азербайджанский генерал-губернатор—4, 18, 55, 76, 103, 174, 201, 209, 331, 340
2. Англо-русские противоречия в Перссии—39, 158, 159, 174, 187, 188, 197, 203, 207, 208, 209, 272, 291, 307, 343, 348, 361, 365, 382, 393
3. Вопрос об отозвании персидского посланника из России—136, 137, 222
4. Выборы в меджлис—201, 343
5. Германское проникновение в Северную Персию—50, 192, 193, 203, 334, 336, 339
6. Казачья бригада и шведская жандармерия—19, 39, 55, 102, 121, 157, 187, 208, 291, 364
7. Концессии—4, 5, 76, 103, 107, 157, 203, 271, 349, 365, 382, 393, 401
8. Макинское ханство—203
9. Малиат—166, 178, 305, 372, 400
10. Русская колонизация в Северной Персии—102, 103, 305
11. Трансперсидская ж. д.—42, 322
12. Турецко-персидское разграничение—см. Турция (18)
13. Экс-шах—137

Россия.

1. Австро-русские противоречия—см. Австрия (5)
2. Англо-русская морская конвенция—6, 7, 12, 13, 28, 30, 39, 86, 109, 122, 138, 175, 188, 210, 343, 358, 361, 366, 377, 398
3. Англо-русские отношения в Афганистане—см. Англия (3)
4. Англо-русские противоречия—см. Персия (2)
5. Германская и русская печать—см. Германия (4)
6. Дунайско-Адриатическая ж. д.—см. Сербия (5)
7. Посещение России английской эскадрой—11
8. Призыв запасных 133
9. Проливы—см. Турция (12)
10. Русско-итальянские отношения—32
11. Свидание в Константе и русско-румынское сближение—см. Румыния (5)
12. Субсидирование болгарской печати см. Болгария (10)

13. Субсидирование турецкой печати—см. Турция (14)
14. Турецкое чрезвычайное посольство в Ливадии—см. Турция (17)
15. Усиление флота—71, 74, 77, 88, 175, 221, 230, 374

Румыния.

1. Австро-итальянские противоречия—см. Италия (1)
2. Австро-румынские отношения—см. Австрия (3)
3. Вопрос о румынской военной помощи—см. Албания (4)
4. Румыно-болгарские отношения—см. Болгария (7)
5. Свидание в Констанце и русско-румынское сближение—15, 25, 185, 277, 291, 293, 339, 345, 369, 382, 384, 385
6. Турецко-румынские отношения—129, 142, 164

Сербия.

1. Болгаро-албанский комитет—91
2. Внутренние дела—69, 143, 216, 280, 281, 282, 354
3. Восточные ж. д.—2, 3, 41, 49, 89, 99, 183, 283
4. Греко-сербская конвенция—см. Греция (5)
5. Дунайско-Адриатическая ж. д.—41, 89, 124, 126, 145, 169, 183, 295, 326, 327
6. Итало-сербские отношения—33
7. Конкордат—344, 351
8. Русская военно-инструкторская деятельность и военное снабжение Сербии—146, 313
9. Северо-албанское разграничение—см. Албания (8)
10. Сербо-болгарские отношения—см. Болгария (9)
11. Сербо-черногорское слияние—см. Черногория (5)
12. Финансовая комиссия—см. Турция (21)
13. Позиция Сербии в греко-турецком конфликте—239, 284

Соединенные штаты.

1. Продажа судов—357

Тибет.

1. Англо-китайско-тибетская конференция 48, 67, 123, 179

Турция.

1. Английская морская миссия—224, 253
2. Армянский вопрос—203, 219, 320, 325, 359
3. Болгаро-турецкие отношения—см. Болгария (2)
4. Внешняя политическая ориентация Турции—101, 129, 142
5. Внутреннее положение—317
6. Вселенский патриарх—см. Греция (3)
7. Греко-турецкие противоречия—21, 27, 45, 70, 84, 129, 131, 142, 185, 199, 217, 223, 224, 228, 239, 244, 245, 246, 250, 253, 258, 259, 261, 262, 263, 264, 265, 267, 268, 269, 273, 284, 285, 286, 287, 289, 290, 291, 293, 296, 297, 298, 299, 304, 310, 311, 314, 318, 328, 329, 339, 342, 363, 370, 384, 386, 387, 388, 389, 390, 399
8. Итало-турецкие отношения—см. Италия (5)
9. Концессии—31, 165, 312

10. Курдское движение—37, 92, 203, 229
11. Оттоманский долг—36, 41, 108, 163, 218, 225, 316
12. Проливы—185, 200, 374, 377, 382
13. Салоникский банк—98, 106, 150, 376
14. Субсидирование турецкой печати—240
15. 3%-ная таможенная надбавка—17
16. Турецкие принцы в Германии—241
17. Турецкое чрезвычайное посольство в Ливадии—26, 27, 129, 134, 135
18. Турецко-персидское разграничение—338, 355
19. Турецко-румынские отношения—см. Румыния (6)
20. Флот—40, 54, 84, 173, 185, 224, 253, 291, 315, 356, 392
21. Финансовая комиссия—41, 49, 108, 302
22. Эгейские острова—31, 38, 70, 129, 131, 142, 185, 249, 339, 386

Франция.

1. Болгарский заем—см. Болгария (3)
2. Внутреннее положение—52, 152, 211, 212, 231, 232, 301
3. Восточные ж. д.—см. Сербия (3)
4. Закон о трехлетней военной службе—211, 212, 254, 292, 301
5. Оттоманский долг—см. Турция (11)
6. Салоникский банк—см. Турция (13)
7. Сотрудничество австрийских и французских банков—99
8. Финансовая комиссия—см. Турция (21)
9. Франко-германская междупарламентская конференция—161
10. Франко-итальянские отношения—см. Италия (8)
11. Франко-русский союз—237, 254, 270, 292, 301, 333
12. Черногорский заем—см. Черногория (6)
См. также Россия (2)

Черногория.

1. Внутреннее положение—234
2. Военно-инструкторская деятельность и субсидия—65, 66, 73, 120, 397
3. Итало-черногорские отношения—33
4. Концессии—114, 169
5. Сербо-черногорское слияние—35
6. Черногорский заем—72, 73, 79, 96, 113, 114, 120, 234, 386

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

Япония.

1. Англо-японский союз—85
См. Китай, Монголия.

КАБИНЕТ ЛЕНИНА